МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ДОКУМЕНТ
АРХИВ
ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов

Выпуск 18

Издается с 2001 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2018

УДК 002
ББК Ч81+Т3(2)
Д638

Издание поддержано грантом РНФ (проект № 16-18-10106
«Раннесоветское общество как социальный проект:
идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

Редакционная коллегия:
Л. Н. Мазур, доктор исторических наук, доцент (гл. редактор);
О. В. Горбачев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Сафронова, доктор исторических наук, доцент;
А. А. Сафронов, кандидат исторических наук, доцент;
С. И. Цеменкова, кандидат исторических наук

Рецензенты:
кафедра документоведения, истории и правового обеспечения
Российского государственного профессионально-педагогического университета
(заведующий кафедрой кандидат исторических наук, доцент *М. Б. Ларионова*);
Н. Г. Суровцева, кандидат исторических наук, доцент,
зам. директора Всероссийского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела

Д638 **Документ**. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. / гл. редактор Л. Н. Мазур ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Вып. 18. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 539 с.

ISBN 978-5-7996-2425-5

В сборнике представлены статьи по проблемам истории Урала и России, источниковедения, методологии, документоведения и архивному делу. Предлагается также подборка публикаций архивных документов XIX–XX вв.

Предназначен для специалистов в области истории, документоведения, архивного дела и информационного обеспечения управления, а также для студентов, аспирантов и преподавателей.

УДК 002
ББК Ч81+Т3(2)

ISBN 978-5-7996-2425-5 © Уральский федеральный университет, 2018

Раздел 1
ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА

УДК 94(47).07:329.11

В. С. Ившин

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ: А. С. ШИШКОВ И ЕВРОПА

В статье рассматриваются основные формы социокультурного диалога одного из отцов-основателей русского консерватизма – А. С. Шишкова – с Европой. На основании переводческой деятельности адмирала делается вывод об адаптации ряда идей, появившихся в результате культурного трансфера, происходившего в процессе модернизации Российской империи. На этом же основании переосмысливаются устоявшиеся ярлыки антизападника и ксенофоба.

Ключевые слова: А. С. Шишков, консерватизм, модернизация, перевод, реакция, культурно-цивилизационный диалог, трансфер, Россия и Европа.

Диалог культур всегда вызывает особый научно-исследовательский интерес, отсюда его актуализация в большинстве современных историософских концепций. Все они предполагают универсальное взаимодействие двух социокультурных субъектов, принимающее различные формы и содержание контактов, в ходе которых происходит трансфер тех или иных поведенческих моделей, технологий, идей и т. д. Диалог культур может проходить как напрямую – через дипломатические поездки, путешествия, войны, так и опосредованно, к примеру, через тексты и их бытование в определенном социокультурном локусе.

Перевод является не только одной из форм опосредованного диалога культур, но и естественным посредником между процессом адаптации (созданием собственных текстов) и состоявшимся интеллектуальным трансфером [см.: Бугров, Киселев, с. 8]. Процесс адаптации текста – не просто замена одного языка другим, но и сложный процесс трансформации личностных, общественных и государственных ценностей. Однако

© Ившин В. С., 2018

целостное представление о совершившемся трансфере, отразившемся в публичной, частной жизни, получается лишь из контекстуального рассмотрения самостоятельного и привнесенного наследия. Причем трансфер не может являться одномоментным – это длительный процесс адаптации и усвоения [см.: Бугров, Киселев, с. 8–9].

Александр Семенович Шишков – видный представитель российской интеллектуальной элиты конца XVIII – первой четверти XIX в. Он известен как один из ведущих акторов российской консервативной мысли, неустанный патриот и антизападник. Особый интерес вызывает вопрос о том, как один из отцов-основателей русского консерватизма, антизападник выстраивал свой диалог с Европой. Большую часть жизни адмирал А. С. Шишков посвятил филологии и лингвистике. Эти науки стали инструментами опосредованного диалога с европейскими культурами. Будучи участником военных действий и моряком, он впитал также военно-морские идеи космополитизма, совершив ряд европейских путешествий, что уже является прямым диалогом, отнюдь не характерным для консерватора увлечением [см.: Егерева, с. 77–78].

Переводы Шишкова частично рассматривались в контексте историко-филологических трудов. Так, М. Г. Альтшуллер анализировал одно из самых ранних программных «переводческих» произведений Шишкова «Песня. Старое и новое время» (1784). Однако сами факты авторства и существования французского оригинала подвергаются сомнению, возможно, их никогда не было. В произведении формируется бинарная оппозиция «старое – новое» или «прошлое – настоящее», противопоставление идеального прошлого испорченному настоящему [см.: Альтшуллер, с. 28–29].

Произведение контрастирует с основной тенденцией литературы эпохи Екатерины II, определявшей прошлое как хранилище отсталости и неразвитости [см.: Полежаева, 2016, с. 86]. Шишков же наделяет «старое время» положительными чертами, а «настоящее» – отрицательными, но сохраняет основной посыл сочинения: просвещение и перевоспитание современного общества, указывая на его недостатки. Произведение укладывается в матрицу «просвещенческого» духа «Собеседника любителей русского слова», целью которого было нравоучение и искоренение современных пороков общества, что характерно для литературной мысли второй половины XVIII в., и входит в достаточно обширный пласт подобных сочинений [см.: Берков, с. 21–22].

Е. Е. Земскова исследовала вопросы рецепции немецкой филантропической педагогики и романтизма через перевод Шишковым «Детской

библиотеки» И.-Г. Кампе [см.: Детская...]. Оба преследовали цель создания общенационального литературного языка, но Кампе стремился довести культурный уровень до французского, Шишков – ограничить французское влияние. За понятием языка у немецких пуристов и Шишкова стояло понятие нравственного образования и национального воспитания [см.: Земскова, 2000, с. 28]. Несмотря на идейное сходство с романтическими концепциями нации, они не были ориентированы на близкие романтикам источники: фольклор, реальное употребление в народной среде [см.: Там же, с. 29].

Однако еще в 70-е гг. XIX в. Н. Н. Булич отмечал, что Шишков одним из первых обратился к фольклору как к одному из самобытных источников обогащения языка [см.: Булич, с. 232], что успешно использовал его в ходе языковой полемики между «карамзинистами» и «шишковистами». Шишков сформировал концепт противопоставления «испорченного» просвещением российского дворянства носителю самобытной культуры – народу [см.: Полежаева, 2013, с. 97]. Он использовал фольклор для обоснования своей языковой доктрины, что сближает его с писателями-романтиками и романтизмом вообще.

Шишков адаптировал сочинение Кампе под российскую действительность, приблизив его к разговорному стилю и народной стихии, заменив немецкие имена русскими, вставив картины местного пейзажа и колорита (образ зимы и мороза) с частым использованием фольклорных оборотов, уменьшительно-ласкательных суффиксов, что показывает его обращение к народной культуре [см.: Полежаева, 2014, с. 116–117]. Произведения, вошедшие в «Детскую библиотеку», описывают быт и природу в сочетании с назидательными идеями и морально-религиозной добродетелью [см.: Там же, с. 117].

Обращение к идеализированному образу народа нашло отражение в его переводах С. Геснера, Т. Тассо и Д.-Б. Гварини. Их связывает единое литературное конструирование пасторальных идиллий, поэтизирующих простую сельскую жизнь и присущую ей самобытность. Классицистические идиллии были предтечей сентиментализма как литературного направления, выделившись в один из самостоятельных жанров. Их тематическое и стилистическое влияние сказалось на развитии ведущего жанра прозы конца XVIII в. – сентиментальной повести. Шишков знакомится с произведениями Тассо и Гварини в период годичного пребывания в Италии, изучая итальянский язык и литературу во время «путеплавания» из Кронштадта в Константинополь в 1777–1779 гг.

С. Геснер олицетворял для своих современников дух нового течения в литературе – сентиментализма – течения, которое впоследствии будет интерпретироваться Шишковым как одна из форм галломании российского просвещенного дворянства. Русский сентиментализм стал одним из результатов западного культурного трансфера, окончательно оформившись в конце XVIII в. в трудах Н. М. Карамзина – идейного антагониста адмирала Шишкова в «языковом» споре.

Переводы итальянских и немецких классиков в 1775 г. являются наиболее ранним опосредованным диалогом Шишкова. Он переводит несколько отрывков из двух пасторалей «Верный пастух» Тассо и Гварини, воспевающих жизнь крестьян-пастухов: «В счастливой простоте, живущая пастушка, хоть чуть лишь в полотно, без лишнего убранства, но чисто и легко, с опрятностью одета, сама собой красна, богата, и в бедности своей, ни бедности не знает, ни от богатств забот…» [Перевод…, 1831, с. 211–212] – очевидное противопоставление идеализированного образа крестьянства праздности высших слоев.

Творчество Геснера открыло культ «геснеризма» в истории русской литературы в 1780–1790-е гг. Шишков, следуя литературному тренду, переводит геснеровского «Дафниса» и пасторальную комедию «Евандр и Алцимна». С точки зрения истории русского «геснеризма», произведениям можно было и не уделять особого внимания, не будь они одними из первых переводческих трудов Шишкова.

Геснеровский «Дафнис» более сложен во всех смыслах, но в основе его – все та же неразделенная любовь крестьян-пастухов Дафниса и Филисы, «одомашненная» в русле сентиментализма. Утверждается постоянство естественных человеческих слабостей: естественного чувства любви, счастья простой жизни, слияние человека с природой, богатый эмоциональный спектр, переплетенный с сентиментальным психологизмом, заставляющим сочувствовать героям: «Тогда увидел он [Дафнис] Филису, тяжкий вздох из груди его вырвался, краска выступила на лице, и глаза его неподвижно на нее устремились… Сердце его заныло, он смотрел на нее с горячностью, исполнен страха, чтобы не упустить ее во многолюдстве из глаз...» [Дафнис, с. 154].

Также показателен перевод сентиментальной комедии-пасторали «Евандр и Алцимна», возвышающий нетронутую простоту и чистоту сельских нравов, традиционно противопоставленных развращенному, суетливому городу: «Они [горожане] смеются над нами, простосердечными, однако мы не меньше их благополучны; они столько заботятся, чтоб быть счастливыми, а мы нет; мы довольны тем, что имеем; мы возделываем

свои поля и стережем наши стада, которые награждают нас за то с избытком; они, правда, избыток наш называют бедностью, но они чудные люди» [Евандр и Алцимна, с. 271–272]. В основе произведения лежит все тот же универсальный для сентиментализма конфликт, основанный на взаимной любви героев – представителей разных сословий, идеологически восходящий к сословному неравенству общества.

В раннем самостоятельном творчестве адмирала также встречаются отпечатки сентиментализма. Речь идет о «Записках адмирала А. С. Шишкова, веденных им во время путеплавания из Кронштадта в Константинополь» (1777–1779), опубликованных только в 30-е гг. XIX в. Даже сам жанр «заграничных очерков» в целом характерен для сентиментального направления. «Записки…» Шишкова не несут ожидаемого антиевропеизма, напротив, проникнуты меланхоличным, печальным и часто трагичным повествованием, что в целом «накладывает на автора и на образ романтический отпечаток и сближает его с сентиментальным путешественником» [Киселева, с. 75].

«Записки…» не пронизаны ожидаемым противопоставлением «Россия – Европа», Шишков выступает в роли заинтересованного реципиента, усваивающего европейское культурное наследие. Однако в тексте «Записок…» отражены первые нападки на французов: «Мы видели также несколько новейших греческих часовен с написанными на стенах изображениями святых и не могли надивиться буйству и злочестию безбожных французов… Удивительно, до какой злобы и неистовства доводит развращение нравов» [Шишков, 1839, с. 213]. Нападки в настоящем произведении во многом психологичны и дорефлексивны, тяготеют к традиционализму [см.: Мангейм, с. 593–596] и не несут сознательного антиевропеизма: Шишков, впервые оказавшись в заграничном путешествии, столкнувшись с выпадающим за рамки традиционного российского религиозного мироощущения, инстинктивно высказал возмущение.

Дальнейший диалог связан с «консервативным поворотом» Шишкова – сознательной ориентацией на неприятие идей и ценностей Великой французской революции. Маркером служит «Ода на покорение Польши» (1793), где он противопоставляет французский революционный террор российской «тишине» и «спокойствию», находящимся под опекой твердой монаршей власти [см.: Шишков, 1831]. Французы, бежавшие из охваченной революцией страны, оседали и в Российской империи, где становились гувернерами в семьях российского дворянства, воспитывая русских подопечных часто с безразличием и пренебрежением к родному языку, вере и культуре [см.: Солодянкина, с. 12–13].

Ответом на начавшуюся французскую культурную экспансию стало обращение Шишкова к национальной культуре и традиционным ценностям, *противопоставленным* «испорченным» галломанией, просвещенным российским дворянам, инициировав тем самым языковой спор «карамзинистов» и «шишковистов». Ю. М. Лотман отмечал, что языковой спор был за национальную самобытную российскую культуру и выше – о дальнейших путях развития России [см.: Лотман, Успенский, с. 37–38]. Начавшаяся идеологическая борьба с галломанией российского дворянства и наполеоновская агрессия предопределили дальнейший характер диалога.

В 1805–1806 гг. А. С. Шишков переводит прозой XVI песнь Гомеровой «Илиады», причем он является единственным, кто переводит «Илиаду» с английского перевода А. Попа, причем не обладая достаточными знаниями английского. Причину своего поступка он объясняет тем, что в переводе на «славянороссийский» (русский) язык «Илиада» не утратила бы своего великолепия, силы и звучности, в отличие от французского перевода [Гомеровой..., с. 307–308]. Это новая тенденция диалога – сознательный отказ от французского культурного посредничества. Его обращение к переводу Попа начала XVIII в. связано со сложившейся политической ситуацией и обострением отношений с Францией в 1805–1807 гг.

Интересен также «Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика» (1808), изданный в разгар патриотических и антифранцузских настроений в российском обществе после заключения Тильзитского мира. Имя Ф. С. Лагарпа никогда не связывалось с русским консерватизмом, ведь именно он привил Александру I либеральные и руссоистские идеалы. Как пишет сам А. С. Шишков: «Обе сие статьи перевожу я не с начала оных и не до конца, но с тех мест, которые мне наиболее для примечания моих нужны» [Перевод…, 1808, с. 1]. Подлог объективности описал уже его современник Д. В. Дашков: «…намерение его [Шишкова] было не примечания делать на Лагарповы слова, а самого Лагарпа перевести для своих примечаний» [Дашков, с. 1]. «Шишковские» комментарии сводились к попытке доказать превосходство русского языка над французским, причем иногда он прибегает к весьма комичной аргументации [см.: Перевод…, 1808, с. 294].

Весной 1812 г. Шишков назначается государственным секретарем. Он должен был находиться при императоре в качестве личного секретаря для составления манифестов, указов и бумаг. Будучи участником заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., Шишков заводит контакты с единомышленниками европейской интеллектуальной и общественно-

политической мысли: Э. М. Арндтом, славистом П. Й. Шафариком, филологами В. Ганкою и Й. Добровским. Манифесты, написанные во время заграничного похода, пользовались популярностью в немецких землях, возбуждали народный дух и патриотизм [см.: Минаков, с. 184], способствовали началу обратного социокультурного трансфера.

В 1814 г. Шишков был отправлен в отставку с поста государственного секретаря. В этот период он переводит с немецкого «Краткую и справедливую повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпанией и Россией, о истреблении войск его и о важности нынешней немецкой войны». Шишков указывает, что повесть издана в Дрездене в 1813 г., но сочинитель ее неизвестен [см.: Краткую…, ч. 10, с. 1]. Е. Е. Земскова отмечает, что в сочинении варьируются излюбленные идеи Э. М. Арндта, близкие Шишкову, а также имеются многочисленные текстуальные совпадения с третьей частью «Духа времени» Арндта [см.: Земскова, 2004, с. 96–97]. Оба сходились в отношениях к языку, идентичном наборе признаков «развращенного влияния через язык», писали о влиянии французского языка и философов-просветителей на «развращение нравов», конструировали идеологическое обоснование «войны за спасение Отечества» [см.: Там же, с. 96]. Здесь также имелся прямой контакт: Шишков и Арндт лично встречались в 1812 г., последний даже составил личностную характеристику Шишкова. Однако при имеющемся сходстве доктрин нельзя говорить о взаимной рецепции тех или иных взглядов.

В 1815 г. Шишков был назначен членом Государственного совета, где сразу же поднял вопрос об ужесточении цензуры. Записка о цензуре была посвящена роли цензоров в книгопечатании, которое произвело «великую перемену в способе общего воспитания или образования людей», позволив каждому распространять «дурные мысли, несущие погибель царств и народов» [Шишков, 1870, с. 43–44].

Незадолго до издания настоящей записки Шишков переводит «Басню», которая в аллегорической форме изображает и высмеивает либеральную цензурную политику, допустившую распространение идеологии Просвещения [Басня, с. 182–183]. Имеется и обращение к гармоничному прошлому: «Такие ходят вести, что будто бы назад тому лет двести, а может быть пятьсот, или еще и боле, звериный весь народ, в лесах и в поле был некогда учен, подобно людям просвещен…» [Там же, с. 181]. «Басня» имеет подзаголовок «Подражательный перевод с немецкого», но автор и оригинал неизвестны, возможно, их вовсе не было, а подзаголовок служит лишь маскировкой. Настоящие вопросы требуют дополнительных исследований. Очевидно, речь идет о либеральном цензурном уставе

1804 г., а нападки адресованы не только монарху, но и министру просвещения П. В. Завадовскому.

В 1823 г. Шишков публикует перевод «Некоторых выписок из сочинений графа Мейстера [Ж. де Местра], с примечаниями на оные». Настоящие выписки были взяты Шишковым из «Санкт-Петербургских вечеров», опубликованных де Местром в Париже. Местр, будучи сардинским послом, был знаком с членами «Беседы…» [Минаков, с. 107–108], присутствовал на чтении «Рассуждения о любви к Отечеству» [см.: Каганович, с. 222]. Переведенные выписки свидетельствуют о тесном знакомстве Шишкова с работами одного из основоположников французского консерватизма и в целом повторяют «шишковскую» языковую доктрину: «Намерение наше было показать суждение о начале языков иностранного писателя для сличения с суждениями в наших Академических Известиях» [Некоторые выписки…, с. 75]. Не исключено, что Местр, прожив длительное время в России, был знаком с лингвистическими изысканиями Шишкова, но настоящий вопрос требует дополнительного освещения.

Путь А. С. Шишкова как переводчика заканчивается в 1834 г. переводом трех статей из «Защиты христианства, или Беседы о вероисповедании» французского министра духовных дел и народного просвещения Л. Д. Фрейсину[1]. Шишков видел в этих статьях близкую ему апологию христианской веры, аргументацию против «зловредного» французского влияния философов-просветителей, совершивших «страшную перемену в нравах и языке», а идеями атеизма на четверть века превративших Францию в «гнездо злочестия» [Перевод..., 1835, с. 31–33].

Близкий обоим религиозный конструкт заранее предопределял гносеологический пессимизм – несовершенство и ограниченность человеческой природы. Лишенный религиозного аспекта человеческий разум нес только ужасные и вредные последствия для социума [см.: Там же, с. 17–18]. Сходство прослеживается и в идее ужесточения цензурной политики: «…безбожный писатель хотя и кончит век свой, однако ж безбожество его еще живет, распространяется и, может быть, переведенное на разные языки, пойдет заражать чужеземные державы и потомства» [Там же, с. 41]. Однако проповеди Фрейсину были опубликованы значительно позже программных сочинений Шишкова и не могут в полной мере подтвердить наличия трансфера.

Таким образом, можно проследить метаморфозы общественно-политического поведения А. С. Шишкова. Молодой Шишков органично

[1] В предуведомлении к переводу Шишков неверно называет его М. Д. Фрейсину.

вписывается в модель просвещенного российского дворянства, усваивающего общие тенденции развития русской литературы (сентиментализма). Его причастность к русскому сентиментализму говорит об уже европеизированной модели поведения, ориентированной на европейские культурные формы. Европейские культурно-научные контакты, путешествия и восхищение западными культурами на страницах примечаний к некоторым переводам не позволяют характеризовать Шишкова как антизападника и ксенофоба. Диалог не исходил из конструкта противопоставления российской и европейской культур. До конца XVIII в. Шишков вел исключительно рецептивный диалог, принимавший разные формы прямого или опосредованного контакта, с принятием западноевропейского опыта и его адаптацией на российском поприще, несомненно, переводы итальянских и немецких пасторалей сыграли не последнею роль в актуализации фольклора. Даже в консервативный период он пользовался всеми средствами модернизационного процесса, предполагавшего создание нового типа личности, готовой к самостоятельным решениям, уважительным отношением к себе и другим.

Консервативный поворот связан с сознательной реакцией на сложившийся социокультурный кризис из-за французской культурной экспансии. Сложно говорить о каких-либо трансферах в этот период, диалог выстраивается на обращении Шишкова к западноевропейским единомышленникам, но доктринальные положения его консервативной концепции сложились параллельно и задолго до этого. Переводы свидетельствуют лишь о его знакомстве с сочинениями адептов западноевропейского консерватизма, но сложно говорить об их трансфере, возможно лишь заявить о сходстве взглядов ввиду того, что они формировались практически параллельно.

Альтшуллер М. Г. Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты ранних консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 19–92.

Басня. Подражательный перевод с немецкого / пер. с нем. А. С. Шишкова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. 14. С. 180–184.

Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М., 1961. С. 5–27.

Бугров К. Д., *Киселев М. А.* Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII в. Екатеринбург, 2016.

Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1902. Т. 1.

Гомеровой Илиады песнь XVI / пер. с англ. А. С. Шишкова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. 7. С. 307–353.

Дафнис, сочинения г. Геснера / пер. с нем. А. С. Шишкова. СПб., 1785.

Дашков Д. В. Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика // «Арзамас» : в 2 кн. Кн. 2: Из литературного наследия «Арзамаса». М., 1994. С. 12–13; впервые: Цветник. 1810. № 11, 12.

Детская библиотека, изданная на немецком языке г. Кампе / пер. с нем. А. С. Шишкова. СПб., 1783–1785.

Евандр и Алцимна, пастушья комедия в трех действиях, сочинение г. Геснера / пер. с нем. А. С. Шишкова. СПб., 1785.

Егерева Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX в.: на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина. М., 2011.

Земскова Е. Е. О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова // Философский век. Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу. М., 2000. Вып. 12. С. 86–98.

Земскова Е. Е. Русский патриотизм в немецком переводе: А. С. Шишков в воспоминаниях Э. М. Арндта // Русская антропологическая школа. М., 2004. С. 89–98.

Каганович Б. С. А. Н. Шебунин // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 206–229.

Киселева Л. Н. Русский «архаист» в Европе // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре: Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Тарту, 1995. Т. 4. С. 66–86.

Краткую и справедливую повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпанией и Россией, о истреблении войск его и о важности нынешней немецкой войны / пер. с нем. А. С. Шишкова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1827. Ч. 10. С. 157–290.

Лотман Ю. М., *Успенский Б. А.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры. Тарту, 1975.

Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.

Некоторые выписки из сочинений графа Мейстера [Ж. де Местра], с примечаниями на оные / пер. с фр. А. С. Шишкова // Собрание сочинений и переводов А. С. Шишкова. СПб., 1823. Ч. 11. С. 46–76.

Перевод двух поименованных в предуведомлении речей. О неверующих вольнодумцах. О книгах, противоборствующих вероисповеданию. О бессмертии души / пер. с фр. А. С. Шишкова // Краткие записки Российской Академии. 1835. Ч. 3. С. 31–110.

Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчика / пер. с фр. А. С. Шишкова. СПб., 1808.

Перевод из Pastor fido [Т. Тассо] / пер. с итал. А. С. Шишкова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. 14. С. 208–209.

Полежаева Т. В. «Сей старец дорог нам…» : к вопросу о политическом поведении А. С. Шишкова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 3. С. 116–122 (Сер. История).

Полежаева Т. В. Язык как фактор национального единства: (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 3. С. 96–100 (Сер. История).

Полежаева Т. В. Религиозные основания консервативной концепции А. С. Шишкова : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2016.

Солодянкина Ю. А. Феномен иностранного гувернерства в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Отеч. история. 2008. № 4. С. 9–23.

Старое и новое время: стихотворение / пер. с фр. А. С. Шишкова // Собеседник любителей российского слова. 1784. Ч. 13. С. 42–43.

Шишков А. С. Записки, веденные во время путеплавания из Кронштадта в Константинополь // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1839. Ч. 17. С. 190–308.

Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2.

Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. 14. С. 143–154.

УДК 94(44).029:327

С. М. Рябов

ШАРЛЬ ДЕ ДАНЗЕЙ: ДИПЛОМАТ-ГУГЕНОТ НА СЛУЖБЕ ФРАНЦУЗСКОГО КАТОЛИЧЕСКОГО ДВОРА

В статье рассматривается биография французского дипломата-резидента Шарля де Данзея, который прослужил при датском дворе более 40 лет. Став не просто резидентом при датском королевском дворе, а «резидентом для всей Балтии», он оставил заметный след в выстраивании политики Франции в данном регионе, явился замечательным примером беспрекословной службы короне. Феномен Шарля де Данзея заключается в том, что, будучи искренним гугенотом, он верой и правдой служил французскому католическому дому Валуа, хотя при этом находился при датском короле-гугеноте. В статье приводится немногочисленная историография по Шарлю де Данзею, причем за основу берется личная переписка дипломата-резидента с французским двором, опубликованная в Стокгольме. На фоне сохранившихся документов дается широкая характеристика его действий, акций, мыслей и проектов. Отдельно рассматривается вопрос о взаимодействии Шарля де Данзея с гугенотским лагерем, а также о его действиях в выстраивании русско-французского диалога во второй половине XVI в.

Ключевые слова: дипломатия, Россия, Франция, Дания, торговля, Северный путь, Валуа, гугеноты.

© Рябов С. М., 2018

Шарль де Данзей – дипломат на службе французского двора – остается до сих пор для многих неизвестной фигурой в рамках истории XVI в. О нем мало известно как во Франции, так и в Скандинавии, где Данзей провел большую часть своей жизни. То же и в России, однако именно этот человек сделал многое для открытия Московского государства для Западной Европы. Жизненный путь этого дипломата насыщен множеством событий, которые отразились не только на его жизни, но и на жизни государств, в которых он работал. Данзей был дипломатом в Дании в течение более чем 40 лет (с 1548 по 1589 г.). Такой длительный срок поражает, ведь он был открытым гугенотом – и это во время религиозных войн, которые раздирали его страну. Таким образом, к деятельности самого Данзея добавляется и личностный, психологическо-религиозный фактор. «Тайная гармония лучше явной», – как учит Гераклит [см.: Фрагменты..., с. 192], «противоположное – согласное» [Мережковский, с. 36] – данные тезисы-антиномии пронизывали всю жизнь дипломата. Сохранение им этой «тайной гармонии», баланс, который он держал, уже заставляют поближе присмотреться к его фигуре.

Забвение Шарля де Данзея объясняется недостаточной заинтересованностью его фигурой до этого времени и пробелами в историографии. Исследования, которые были ему посвящены, являются редкими и затрагивают его деятельность лишь схематично.

Рассмотрим некоторые источники и историографию, из которых мы можем подчерпнуть сведения о Шарле де Данзее. В первую очередь, это труды скандинавских исследователей, которые заинтересовались им еще в XIX в., издав часть его корреспонденции. Письма (их копии) были найдены в Королевской библиотеке Стокгольма и опубликованы в 1824 г. Они затрагивают период с 23 января 1575 г. по 18 августа 1586 г. [см.: Correspondance...]. Спустя почти 80 лет датским историком Карлом Фредериком Брика были изданы (1901) депеши, которые Шарль де Данзей адресовал королю Франции между 26 февраля 1567 г. и 2 августа 1573 г. [см.: Bricka]. Датчанин Хольгер-Фредерик Рердам в 1898 г. публикует небольшое биографическое сочинение, основанное на описанных выше документах, а также на еще не опубликованных источниках [см.: Rördam, p. 612–668]. Это была первая попытка систематизировать полученные данные и написать этапную работу по жизни Шарля де Данзея. Во Франции фигура Данзея в значительной степени игнорировалась. Это объясняется многими факторами, однако главный из них состоит в том, что список дипломатов, опубликованный в «Историческом каталоге Общества

Истории во Франции» в 1848 г. не содержал в себе упоминания о Данзее [Ambassadeurs..., p. 188]. Он был случайно или намеренно вычеркнут из дипломатической истории Франции. Лишь полвека спустя, в 1903 г., Данзей был удостоен краткой заметки в работе Флери Вандри о французских постоянных дипломатах в XVI в. [см.: Vindry, p. 41]. Однако в 1910 г. биографией Шарля де Данзея заинтересовался Альфред Ришар, который заявил, что Данзей должен быть выведен из забытья и вновь поставлен в качестве значимой фигуры на историческую карту Европы XVI в. [см.: Досси, с. 201]. Его работа и на сегодняшний день остается чуть ли не единственным полным и уникальным биографическим сочинением, которое открывает нам завесу тайны над французским резидентом в Дании [см.: Richard].

Однако исследование Ришара, насколько бы великолепно оно ни было, не дает нам права остановиться и прекратить изучение личности Шарля де Данзея: изменилось время, с высоты которого мы можем посмотреть на его деятельность, изменились методы и подходы, изменились и мы сами, исследователи-историки, появились и новые документы, которые Ришаром не были использованы. Спустя более чем сто лет после последней работы, написанной о Шарле де Данзее, мы вновь возвращаемся к этой фигуре, желая переосмыслить и понять, кем же был этот человек?

В 2015 г. вышла статья Юга Досси, в которой он вслед за Ришаром составляет биографию дипломата [см.: Досси, с. 198–227]. Данная работа вновь пробудила интерес не только к личности Данзея, но и к теме французов на Севере Европы. В 2017 г. появляется работа Бруно Виане, в которой французский ученый исследовал деятельность французов на Севере, в частности на Русском Севере, затронув попутно и деятельность Данзея как главного проводника северной торговой политики Франции [см.: Виане].

Таким образом, мы можем сказать, что личность Шарля де Данзея в историографии затронута мало. Она помещается в масштабные исследования, в рамках которых историки тем или иным образом включают фигуру дипломата, пользуясь различными аспектами его деятельности. Однако полного и точного описания жизни резидента так и не было написано или же такие описания устарели и требуют переосмысления. В своей работе мы попытаемся рассмотреть различные аспекты жизни Шарля де Данзея, а также подробно остановимся на его фигуре в рамках русско-французских связей, в которых он являлся если не зачинателем, то, по крайней мере, явным сторонником дипломатического и экономического сближения двух государств.

Шарль Киссарм, будущий сеньор де Данзей, родился в Сен-Мексане, в Пуату в 1515 г. Его семья, недавно получившая дворянский статус, проживала в центре Франции. Его дед, Тома Киссарм, был ординарным медиком при Людовике XI, который и пожаловал в 1480 г. ему дворянский титул с доменом Данзей. Отец Шарля, Жан Киссарм, в 1512 г. женился на Жанне Пайян, происходившей из довольно богатой семьи буржуа, которая также недавно получила дворянский титул.

От этого брака родились два сына. Шарль был младшим, старшего сына звали Жан, и он приобрел после смерти матери титул сеньора де ла Туш-Жильбер, а после смерти отца в 1559 г. – и домен Данзей. За младшим братом осталась лишь титулатура и возможности королевской службы, которые он и принялся реализовывать сразу же после завершения учебы в университете Пуатье. Взоры Шарля были обращены на Париж, куда он довольно быстро попадает благодаря протекции родственников и друзей и сразу же устраивается на службу при королевском дворе между 1540–1542 гг. в возрасте 25–27 лет.

Амори Бушар продвигает Данзея по карьерной дипломатической лестнице. Особенные усилия Шарль прилагал к изучению немецкого языка, что и способствовало его будущей профессиональной карьере в качестве резидента короля: на немецком говорили не только на территории злейшего врага Франции – в империи Габсбургов, но и при дворе датского короля, где немецкий язык считался официальным языком делопроизводства и придворного общения. Однако если до назначения на пост постоянного резидента при датском монархе Данзею еще нужно было прожить несколько лет, то для его первого поручения немецкий язык понадобился ему в скором времени.

Первое королевское поручение привело Шарля в Страсбург, где он выступил в качестве тайного представителя французского монарха в 1547–1548 гг. [см.: Досси, с. 202–203]. Замаскированный под студента, он играл роль замыкателя тайной дипломатическо-шпионской цепи между королевским двором и его информаторами. С вершины своей позиции Данзей мог следить за действиями как самих Габсбургов, так и протестантских князей, которые в течение всей эпохи религиозных войн во Франции оказывали тайную и явную помощь гугенотам. Как мы видим, уже при выполнении первой миссии Шарль столкнулся с «противоположным – согласным»: он следил за протестантскими силами и за их связью с гугенотами, передавая информацию католическому двору, хотя при этом сам был рьяным протестантом, всей душой болеющим за свою веру.

Вскоре Данзей был направлен в Базель, а оттуда в Данию, дабы заверить государства Скандинавского полуострова в том, что французский король прилагает все усилия для борьбы против Габсбургов, а также для того, чтобы продвинуть идею французской торговли на Балтике [см.: Досси, с. 203].

18 ноября 1548 г. ему были вручены необходимые верительные грамоты от короля, и он отправился в Копенгаген. Десять дней спустя он предстал перед Кристианом III в качестве постоянного дипломатического представителя французского короля при особе датского монарха. Данзей был не первым французским дипломатом в Дании, но именно он прослужил в этой должности до конца своей жизни, в отличие от своего предшественника – Кристофа Ришера, который хоть и долгое время бывал в Дании, но с длительными перерывами – вплоть до самого 1548 г. [см.: Rördam, p. 620–623]. Таким образом, Данзея можно считать не просто первым постоянным дипломатическим представителем Французского королевства в Дании, но и одним из первых постоянных резидентов в Европе, что особенно привлекает внимание к его фигуре, так как он служит одним из примеров становления данного института на карте Западной Европы, тогда как в Восточной Европе в это время господствовал принцип окказиональной дипломатии [см.: Молочков, с. 11].

С годами Данзей все реже будет покидать Данию, и тем самым вызовет к себе немалое уважение со стороны короля. В частности, в письме от 1 мая 1572 г. Данзей называется Карлом IX «нашим советником» и «замечательнейшим и сильнейшим нашим подданным, очень дорогим нам и нашим другом» [Lettre…, p. 152]. Очевидно, что за 20 лет службы на посту резидента Шарль де Данзей снискал немалое уважение среди королевской четы и всей семьи Валуа, его высоко ценила Екатерина Медичи, что также видно по довольно частым письмам, которые она отправляла дипломату в Данию [Correspondance..., p. 138–141, 144–146, 150–158, 210–216].

Можно себе представить, какое положение занимал Данзей при датском дворе, будучи единственным постоянным дипломатическим представителем. В частности, это предоставляло ему приоритет перед королем в случае приезда дипломатов из других стран, которые являлись срочными представителями. Кроме того, Данзей был представителем христианнейшего монарха Европы, что давало ему, опять же, особый статус. Это позволяло Данзею и удерживать первое место после короля на официальных церемониях [см.: Досси, с. 205]. Здесь мы приведем в качестве примера лишь одно событие, чтобы показать статус постоян-

ного резидента при датском троне. Речь идет о свадебном ужине Фредерика II в 1575 г., на котором Шарля де Данзея мы видим сидящим по правую руку от короля, в то время как Огюст де Сакс – первый среди датских князей – сидел по левую сторону от монарха [см.: Досси, с. 205–206]. Это свидетельствует о том, что Данзей являлся человеком, которому датский король доверял и которого ценил так же высоко, как король французский.

О прекрасных взаимоотношениях с королем Дании говорит и тот факт, что он становится крестником второго сына Фредерика II – Ульрика – в 1579 г. [см.: Досси, с. 205]. Шарль также путешествует с королем по загородным резиденциям, посещает охотничьи угодья, но это довольно обыкновенные жесты в рамках дипломатического общения между монархом и дипломатом. Приглашение на охоту и саму охоту мы видим и в конце XVII в. во время русского посольства в Вену [Archives du ministère des Affaires étrangères, Correspondance politique, Russie, vol. 2, f° 103–105]. Однако если вспомнить положение Данзея на официальных церемониях, путешествия с королем Дании, охоту с ним, а также тот факт, что сын монарха является его крестником, то все это сложится в общую картину благоволения и близости, которую испытывал король-лютеранин к дипломату-кальвинисту, находящемуся на службе католического двора.

Какие же задачи ставились перед Данзеем? Прежде чем их описать, следует указать, что он был не только постоянным резидентом в Дании, но и «резидентом» Франции для всего Балтийского моря и всех Северных морей: именно в его руках находились все нити политики Французского королевства в данном регионе.

Основные задачи Данзея мы узнаем из его письма Екатерине Медичи от 20 апреля 1575 г. [см.: Correspondance…, p. 90–97]. В первую очередь, это обеспечение мира между Швецией и Данией, дабы не допустить ослабления двух королевств перед угрозой нараставшего влияния Габсбургов в данном регионе. Это ему прекрасно удается во время переговоров в Штеттине 1570 г.: Дания и Швеция заключили прочный мир, открыв свои воды для французских судов, которые плыли торговать как на берегах этих двух королевств, так и в Нарву, которая была к тому времени захвачена войсками Ивана IV Грозного [см.: Виане, с. 26; Anthiaume, p. 302]. Здесь же мы видим и второй аспект деятельности Данзея: обеспечение и стимулирование развития французской торговли со странами Северной Европы, включая Московское государство.

Данная задача была еще труднее, чем первая: Ливонская война обрушивала раз за разом предприятия французских мореплавателей, их суда конфисковывались датчанами и шведами, не желавшими увеличения

торгового оборота западных купцов с московской Нарвой [см.: Anthiaume, p. 303]. Во многих письмах Данзея, отправляемых ко французскому двору, встречаются жалобы на такие действия со стороны вышеописанных государств [Correspondance…, p. 138–141, 207–210, 220–223]. Однако он не ограничивался одними лишь жалобами. Находясь в хороших отношениях с королями Дании и Швеции, Данзей не раз вступался за французских купцов, защищая их товары и их самих. Именно благодаря ему французские суда доплывали до Нарвы и возвращались обратно, нагруженные московскими товарами.

Проектировал он и Северный морской путь, описанный Герберштейном [см.: Герберштейн, с. 509–523], торговли с Русским государством: именно через него, посредством его опеки по Северному морскому пути, вплоть до Колы и Архангельска, прошли Етьен Ватье и Жан Соваж, которые привезли с собой первые грамоты от французского короля Генриха III с пожеланием дружбы Ивану Грозному [см.: Виане, с. 37–41; Черникова, с. 65–73; Буцан, с. 90–91; Арутюнова, Линькова, с. 111]. В дальнейшем две страны обменяются посольствами: во Францию приедет Петр Рагон (о котором мы узнаем по донесениям тосканского резидента Д. Бузини в Париже, а также из двух грамот царя Федора, направленных французским купцам и лично французскому монарху) [см.: Négociations…, p. 549–550; Зимин, с. 131; Le Tsar…, p. 14–15; Traité..., p. 15–16], а в Москву приедет Франсуа де Карль, о котором мы также узнаем из двух грамот царя Федора [Le Tsar..., p. 14–15; Traité..., p. 15–16].

Таким образом, Шарль де Данзей становится инициатором торговых и дипломатических связей между Францией и Московским государством [см.: Черникова, с. 65–73; Хорошкевич, с. 21–76], которые будут прочными вплоть до петровских преобразований [см.: Schnakenbourg, p. 11–28; Козулин, с. 79] и далее. Узнав о Московии из современных ему сочинений [см.: Бугров, с. 3–14], Шарль де Данзей посвятил большую часть своей деятельности доказательству того, что с этим государством можно и нужно договариваться, чувствуя в этом немалую выгоду для своей страны, находящейся в тяжелых условиях религиозных войн [см.: Ливе, с. 122].

Шарль де Данзей находился и при всем краткосрочном и драматическом царствовании Генриха III в Польше [см.: Эрланже, с. 161–182] – именно он пытался обеспечить младшему сыну Екатерины Медичи своими связями социальную поддержку в кругах польской элиты. Однако все его старания оказались напрасными – новоявленный король после сообщения о смерти Карла IX, своего брата, бежал из Польши, оставив своих

подданных на произвол судьбы. Но Данзей, которого будущий король, уже Франции, Генрих III никак не мог взять с собой, остался здесь среди враждебной обстановки и лютой ненависти со стороны не только польских элит, но и польского народа. Те связи, которые выстраивал Данзей при польском дворе для укрепления влияния Франции, все его старания пошли прахом в один миг. Данзей во время своего пребывания в Кракове каждый день боялся, что ему перережут горло [см.: Досси, с. 212]. Такое предательство со стороны будущего короля Франции его самого и его стараний должно было отразиться на Шарле де Данзее, однако он продолжал служить Франции и новому монарху с тем же усердием, с которым служил и ранее: процветание Франции для него стояло на первом месте.

Однако «забывчивость» Генриха III по отношению к Данзею была «маленькой оплошностью» по сравнению с тем, что дипломат пережил ранее, узнав о событиях Варфоломеевской ночи. Казалось бы, что именно в этот период мы найдем в его переписке отступление от верности католическому двору Франции, ведь фактически именно по приказу Екатерины Медичи и Карла IX были убиты тысячи единоверцев Данзея [см.: Ливе, с. 24]. Однако в письме к Дюплесси-Морне мы видим совершенно другое: несмотря на горестное сожаление по поводу произошедшего [см.: Lettre..., p. 103, 115], Данзей информировал остальные дворы Европы в русле официальной версии французского двора, который хотел выставить себя невиновным в произошедшем [см.: Досси, с. 216–217]. Это опять свидетельствует о той раздвоенности, противоречивости и «тайной гармонии», которая преследовала Данзея от начала его карьеры до конца дней: будучи верным слугой своего короля, он проводил ту политику, которая была угодна и выгодна его государству и в то же время неизменно ратовал за соединение протестантских сил против католической агрессии – и это не было его предательством: он балансировал между служением Богу (как раз в протестантском понимании этого) и служением своему государству.

В заключение следует сказать, что Шарль де Данзей – человек с удивительной судьбой, что не может не заинтересовать исследователей [см.: Бессмертный, с. 4]. В качестве постоянного французского резидента в Дании он участвовал в решении важнейших международных конфликтов. Интересен он нам и по той причине, что является дипломатом-гугенотом на службе у католического монарха при дворе лютеранского правителя: данное триединое звучание не может не заинтересовать исследователей, которые занимаются как историей дипломатии, так и историей

раннего Нового времени. Данзей – настоящий дипломат, который в самых сложных ситуациях сохраняет баланс, твердо стоя на ногах, не позволяя различным факторам помешать его служению на благо Франции.

Арутюнова Ж. М., *Линькова Е. В.* Россия глазами французских путешественников XV–XVIII вв. // Вестн. РУДН. 2016. № 1. С. 108–116 (Сер. История России).

Бессмертный Ю. Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. 1995. Человек в истории. Представления о власти. М., 1995. С. 4–20.

Бугров К. Д. Проблемы развития конфессионально-политического диалога: западноевропейские католические авторы XVI–XVII вв. о России // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 3–21.

Буцан А. С. К истории русско-французского культурного диалога // Вестн. МГУКИ. 2012. № 6 (50). С. 90–93.

Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке. М., 2017.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1.

Досси Юг. Un diplomate huguenot au service de la couronne de France: Charles de Danzay, ambassadeur au Danemark (1548–1589) // Религия. Церковь. Общество. 2015. № 4. С. 198–227.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986.

Козулин В. Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI – начало XVII в.) // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2016. № 2 (90). С. 78–86.

Ливе Ж. Религиозные войны. М., 2004.

Мережковский Д. С. Иисус Неизвестный. М. ; Харьков, 2000.

Молочков Ф. Ф. Дипломатический протокол и дипломатическая практика. М., 1977.

Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989.

Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.

Черникова Т. В. Западноевропейские купцы и процесс европеизации России в XVI в. // Вестн. МГИМО. 2012. № 5. С. 65–73.

Эрланже Ф. Генрих III. СПб., 2002.

Ambassadeurs, ministres, etc., en Danemark // Annuaire historique pour l'année 1848, publié par la Société de l'Histoire de France. Paris, 1847.

Archives du ministère des Affaires étrangères, Correspondance politique, Russie, vol. 2, f° 103–105. Relation de tout ce qui est passé dans l'ambassade des Moskovites faite à Vienne, 1687.

Anthiaume A. Cartes marines, constructions navales, Voyage de Découverte chez les Normands, 1500–1650. Paris, 1916. T. 1.

Bricka C.-F. Indberetninger fra Charles de Dançay til det Franske Hof om forholdene I Norden 1567–1573 / Udgivne ved C. F. Bricka af Rigsarkivet. Kjobenhavn, 1901.

Correspondance de Charles de Dantzai, Ministre de France à la cour de Dannemark // Handlinger rörande skandinaviens historia. Stockholm, 1824. T. 9.

Le Tsar Fedor Ivanovitch au Roi de France Henri III // Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française 8. Russie 1. Des orogines jusqu'à 1748. Paris, 1884.

Lettre de Danzay au roi, 1 Juli 1572 // C.-F. Bricka. Indberetninger fra Charles de Dançay til det Franske Hof om forholdene I Norden 1567–1573 / Udgivne ved C. F. Bricka af Rigsarkivet. Kjobenhavn, 1901.

Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane. Paris, 1872. T. 4.

Rördam H. F. Résidents français près la cour de Danemark au XVI siècle // Extrait du Bulletin de l'Académie royale des sciences et des lettres du Danemark pour l'année 1897. Copenhague, 1898.

Schnakenbourg E. L'aube des relations diplomatiques franco-russe: les ambassades moscovites en France au XVII siècle // La France et la Russie : regards diplomatiques (XVIIe–XXIe siècle). Renne, 2012.

Traité de commerce entre le Tsar et des marchands parisiens 1587 // Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française 8. Russie 1. Des orogines jusqu'à 1748. Paris, 1884.

Vindry F. Les Ambassadeurs Français permanents au XVI siècle. Paris, 1903.

Richard A. Un diplomate poitevin du XVI siècle. Charles de Danzay, ambassadeur de France en Danemark. Poitiers, 1910.

УДК 94(410).081

А. А. Умеренкова

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

во второй половине XIX в.

Статья посвящена рассмотрению доклада Норткота – Тревельяна от 23 ноября 1853 г. как особо важного документа, сыгравшего огромную роль в формировании института государственной гражданской службы Великобритании. Особое внимание уделяется реализации перечисленных в докладе рекомендаций для «слуг Короны».

Ключевые слова: государственная гражданская служба, доклад Норткота – Тревельяна, бюрократическая система, Великобритания, институт гражданской службы, Комиссия гражданской службы.

© Умеренкова А. А., 2018

Постепенные преобразования, происходившие в течение XIX в. в политической системе Великобритании, позволили провести стабильное реформирование разных областей социальной и политической жизни, решение многих острых экономических и политических проблем в интересах населения. Долгое время Британия не знала ни многочисленной бюрократии, ни системы постоянной государственной службы. Именно во второй половине XIX в. были заложены основы бюрократической системы Великобритании и началось создание института постоянной профессиональной гражданской службы в ее современном понимании.

Штат министерств, существовавших с XVII в., комплектовался на основе системы патронажа, т. е. личного покровительства. Начальствующие лица пополняли штат своих сотрудников из родственников, знакомых, лиц, которым протежировали влиятельные персоны. При продвижении по службе применялось правило старшинства, согласно которому преимущественное право на повышение имело лицо, дольше всех занимавшее должность. Должности рассматривались как собственность держателей королевских патентов и продавались, дарились, даже передавались по наследству. Лица, «державшие офис», рассматривали его как свою собственность, а служащих (клерков) – как личных подчиненных, считавших себя членами конкретной группы или офиса, но не представителями корпуса государственных служащих как такового, поэтому корпоративная солидарность у них отсутствовала. В XVII–XVIII вв. многие посты занимались безвозмездно (к примеру, мировые судьи), поэтому формально от них не требовался профессионализм. Чиновники все равно получали доходы через королевские пенсии, синекуры, почетные должности. Из этого следовала особая психология: они считали себя членами конкретного органа администрации, но не государственного аппарата в целом.

Таким образом, архаичная полулюбительская администрация черпала свою легитимность в персональных достоинствах отправлявших соответствующие функции лиц, в их относительной независимости от центра и опоре на общественное уважение, а также в прецедентной правовой системе. С другой стороны, подобное положение создавало благоприятную почву для различных должностных злоупотреблений, процветали такие явления, как фаворитизм, коррупция, хищения государственных средств.

Во второй половине XVIII в. архаичное состояние государственной службы Великобритании стало настолько очевидным, что парламент вынужден был обратить на него внимание. Результатом реформы, начавшейся в 1848 г., стал программный документ, озаглавленный как «Доклад

об организации постоянной государственной службы», представленный парламенту 23 ноября 1853 г., более известный как доклад Норткота – Тревельяна, впервые опубликованный в 1854 г. в XXVII сборнике парламентских газет [см.: Report of the…]. В докладе, подготовленном по поручению министра финансов Уильяма Гладстона, Чарльз Тревельян и сэр Стаффорд Генри Норткот подвергли критике организацию службы в министерствах: служащие Короны назначались как «министры, действующие для Короны без возрастного предела и квалификации взамен политической поддержки или из личного интереса»; их было большое количество – «не меньше 16 000 человек» [Ibid., p. 8]. Деловые качества значительной части «слуг Короны» Норткот и Тревельян охарактеризовали следующим образом: «Допуск к государственной службе ищут многие, но особенно нечестолюбивые, ленивые или непрофессиональные люди, способности которых не гарантируют, что они преуспеют в открытых профессиях, где они должны столкнуться с конкуренцией своих современников» [Ibid., p. 4]. Не было никакой проверки их соответствия сфере профессиональной деятельности, а «назначение было результатом патронажа: руководитель отдела подарит офис сыну или чьему-то иждивенцу в результате личных или политических прошений за него...» [Ibid., p. 4].

Для создания эффективно функционирующей административной системы предлагались следующие преобразования: «надлежащая система экспертизы перед назначением»; «центральное управление по проведению экспертизы... во главе с членом Тайного совета»; выдача «свидетельства» о квалификации в результате экспертизы; «надлежащая система перемещения» между отделами; «надлежащее различие между интеллектуальным и механическим трудом» служащих; строгий контроль за «продвижением согласно заслугам» [Ibid., p. 11, 17–19].

Главный упор в докладе делался на острую необходимость создания квалифицированной гражданской службы, комплектуемой на основе профессиональных качеств людей. Общий вывод авторов реформы государственной службы в 1854 г. был следующим: «Публичная служба должна строиться на привлечении в ее низшие уровни (ранги) тщательно отобранных молодых людей, которые должны первоначально наниматься в соответствии со своими способностями и образованием, а в дальнейшем постоянно чувствовать, что их продвижение и будущее полностью зависят от той продуктивности и умения, с которыми они исполняют свои обязанности; что они при поддержке своих руководителей могут реально претендовать на самые высшие служебные “призы”, однако, продемонстрировав неспособность и леность, они могут ждать увольнения» [Ibid., p. 22–23].

Для реализации этих положений авторы доклада предлагали ряд рекомендаций, которые начали претворяться в жизнь.

Во-первых, сделать вербовку на государственную службу открытой, на конкурсной основе, благодаря личным заслугам, а не связям, и в 1855 г. была создана Комиссия гражданской службы, основной целью которой являлось проведение конкурсов на замещение государственных должностей на основе экзаменационной системы. В 1870 г. вводятся обязательные открытые экзамены для соискателей мест в правительственных учреждениях, проводить которые должна была центральная экзаменационная комиссия. Таким образом, кадры стали в большей мере формироваться на профессиональной основе: сотрудники подбирались по итогам письменных испытаний, результаты которых гарантировались специальным независимым органом.

Во-вторых, в докладе предлагалось унифицировать пенсионную систему, и в 1859 г. был принят Закон о пенсиях по старости (*Superannuation Act*), гарантирующий выплату пенсий в случае отставки только тем чиновникам, кто получал специальный сертификат Комиссии гражданской службы о сдаче экзамена для получения должности.

В-третьих, одним из элементов новой системы государственной службы стало наличие сложной системы классов, на которые были разделены гражданские служащие. В 1860-е гг. было выделено три класса: административный (руководящий), исполнительный, канцелярский (клерков). Классы, в свою очередь, делились на многочисленные ступени (ранги) и должности. Поступление в класс зависело от полученного образования. Лица с университетским образованием претендовали на должности в «интеллектуальных классах» (административном, исполнительном), без него – в «рутинном» (канцелярском).

В-четвертых, был определен круг должностных обязанностей гражданских служащих: подготовка служебных материалов, проектов меморандумов и речей, в которых излагается и объясняется политика правительства; принятие решений, производных от решений политических; выработка рекомендаций, ориентированных на преодоление трудностей, которые неизбежны при проведении той или иной политической линии; осуществление управления в соответствии с политическими установлениями.

В-пятых, вводился новый метод управления кадрами: деятельность работников, возможность их продвижения по службе, методы дисциплинарных взысканий и поощрений проводились и оценивалась на основе рейтингов, составляемых руководителями органа, результаты носили официальный характер и содержались в личном деле. Таким образом,

на первое место ставились профессиональные заслуги чиновника, открывающие карьерный рост за счет своих заслуг, а не личного покровительства вышестоящих чинов.

В-шестых, следует учитывать еще один момент, на который обратил внимание британский исследователь Майкл Даджет [см.: Duggett, p. 4]. После победы либеральной партии на выборах 1880 г. премьер-министр У. Гладстон сформировал свой второй кабинет, который в 1884 г. провел третью парламентскую реформу. Приказ в Совете (*Order in Council*) от 29 ноября 1884 г. требовал, чтобы государственный служащий, участвующий в избирательной кампании и выступающий кандидатом на депутатский мандат в палату общин, оставил свой пост, подав в отставку. Окончательно и четко была проведена граница между британским политическим классом и бюрократией.

Таким образом, Стаффорд Норткот и Чарльз Тревельян, действуя в русле либеральной политической культуры XIX в., осуществили первую административную революцию в правительстве Великобритании и в сознании граждан. Как отмечает Н. Перкин: «Они добились отмены патронажа и кумовства, дилетантизма и неэффективности, расточительности и разбазаривания, скрытности и безответственности и заменили их выбором и продвижением согласно заслугам, профессиональной эффективностью, сокращением и экономией, гласностью и полной финансовой ответственностью» [Perkin, p. 32].

Несмотря на изначальную прогрессивность реформы, ее итогом стал некоторый застой в кадрах: государственным институтам не хватало унифицированности, централизованности, сложилась сложная система классов. Не удалось преодолеть сопротивление ведомств, стремившихся сохранить контроль над штатом своих сотрудников. Запутанной оставалась и правовая терминология, определяющая статус служащих центральных и местных учреждений, гражданских и военных «слуг Короны». Официально использовавшееся понятие «гражданские служащие» (*civil servants*) охватывало только служащих министерств, исключая самих министров. Неофициально применяемые термины «должностные лица» (*officials, officers*) относились ко всем лицам, состоящим на службе у государства, включая армию, органы местного управления и публичные корпорации.

Отсутствовал единый орган контроля над государственной службой: служащие находились под контролем лишь Казначейства и кадровых служб в самих ведомствах. Произошло разделение государственных служащих на политических, сменяемых и кадровых. Высшим постоянным служащим министерства являлся его постоянный секретарь, фактически

возглавлявший штат. В случае падения правительства в отставку уходило лишь около 100 человек, связанных с правившей партией. Остальные служащие сохраняли свои посты, но обязаны были соблюдать в своих действиях политическую нейтральность, проводить политику любой партии, находящейся у власти.

Таким образом, можно сделать вывод: проведенная в 1854–1870 гг. реформа радикальным образом изменила устройство бюрократического аппарата Великобритании.

Report of the Organisation of the Permanent Civil Service together with a Letter from the rev. B. Jowett. L. // Официальный сайт Британского парламента. URL: http://www.civilservant.org.uk/library/1854_Northcote_Trevelyan_Report.pdf (дата обращения: 20.11.2017).

Duggett M. The evolution of the United Kingdom civil service 1848–1997. London, 1997.

Perkin H. The Origins of Modern English Society. London, 1969.

УДК 94(47).084.8

А. В. Соловьев

НАСТУПЛЕНИЕ ГРУППЫ АРМИЙ «СЕВЕР» НА ЛЕНИНГРАД (АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ 1941 г.): ФАКТОР ВРЕМЕНИ

В статье рассматривается влияние фактора времени на срыв планов наступленияя группы армий «Север» на Ленинград с привлечением электронных копий документов ЦАМО РФ. Анализируются планы наступления немецкого командования, основной ход военных действий, результаты наступательной операции. Особое внимание уделено характеристике причин срыва планов наступления.

Ключевые слова: группа армий «Север», Северный фронт, битва за Ленинград, фактор времени.

Этапом летней кампании 1941 г. на северо-западе СССР стала операция группы армий «Север» на Ленинградском направлении, связанная с прорывом Лужского оборонительного рубежа (ЛОР) и установлением блокады Ленинграда. Эта операция в ее военном аспекте неоднократно

© Соловьев А. В., 2018

рассматривалась в отечественной и зарубежной литературе. Но до сих пор фактору времени уделялось недостаточное внимание.

В конце июля 1941 г. в высшем военном руководстве Вермахта существовало две основных точки зрения на дальнейшее ведение кампании. Главнокомандующий сухопутных войск В. Браухич и, главное, А. Гитлер как Верховный главнокомандующий после занятия Смоленска требовали основные усилия сосредоточить на флангах советско-германского фронта, овладеть промышленными районами Украины и Ленинграда. Начальник штаба Сухопутных войск Ф. Гальдер и генералитет группы армий Центр выступали за скорейшее наступление на Москву, для чего считали нужным отказаться от масштабных операций на флангах и передать часть сил оттуда, в первую очередь авиацию, танковые и моторизованные дивизии.

Потребность в изменении планирования была связана с непредвиденными задержками наступательных операций во второй половине июля, которая ставила под угрозу выполнение плана «Барбаросса». Соответственно Ф. Гальдер считал основной задачей взятие Москвы и уничтожение боеспособных советских войск.

К началу августа было принято половинчатое решение. Директива № 34 от 30 июля 1941 г. предписывала группе армий «Север» наступать на Ленинград, «нанося главный удар между озером Ильмень и Нарвой с целью окружить Ленинград и соединиться с финской армией». Наступление севернее Ильменя ограничивалось волховским участком; южнее Ильменя планировалось наступать в северо-восточном направлении «так глубоко, как потребуется для прикрытия правого фланга войск, наступающих к северу от озера Ильмень» [Банкротство..., с. 213]. Гальдеру не удалось провести решение о наступлении на Москву, но он сумел отговорить Гитлера от передачи 3-й танковой группы в группу армий «Север».

Для проведения наступления на Ленинградском направлении немецкие силы были сгруппированы в три ударные группы:

1. На левом фланге располагались 41-й моторизованный корпус, 38-й армейский корпус в составе трех танковых, моторизованной и двух пехотных дивизий (группа «Север»).

2. В центре – группа «Луга»: 56-й моторизованный корпус в составе одной моторизованной и двух пехотных дивизий.

3. На правом фланге – группа «Шимск», которая включала 1-й и 28-й армейские корпуса, всего шесть пехотных и одну мотодивизию [см.: Исаев, 2005, с. 20–21)].

А. В. Исаев придерживается тезиса о применении немцами в наступлении на Лужский рубеж тактики «канн» – окружения противника сильными крыльями (левым танковым – группа «Север» и правым пехотным – группа «Шимск») со сковывающими действиями в центре (группа «Луга») [см.: Исаев, 2011, с. 21–22). Лееб настаивал на направлении главного удара на Новгород – Чудово. На этом направлении планировалось окружение Ленинграда с востока. Кроме того, именно под Новгородом он видел наилучшую возможность для авиаподдержки наступающих [см.: Лебедев, с. 141].

Противостояли немцам советские войска Северного и Северо-Западного фронтов, а также ряд сформированных соединений, в первую очередь ополченческих. Они опирались на систему оборонительных сооружений рубежа, возводимых с начала июля на р. Луга.

Оборона была разделена на три участка. На правом фланге, против 41-го моторизованного корпуса, находился Кингисеппский участок обороны генерал-майора В. В. Семашко (3 стрелковых, 2 ополченческих, танковая дивизия, курсанты ленинградских училищ). В центре советских позиций был Лужский участок обороны генерал-майора А. Н. Астанина (3 стрелковых и танковая дивизия). К началу немецкого наступления они подчинялись Северному фронту. 48-я армия (4 стрелковых и танковая дивизия) оборонялась в районе Новгорода [см.: Исаев, 2005, с. 23–26].

Для группировки советских сил были характерны большая растянутость оборонительной линии при небольшой ее глубине (не было второй линии), а также отсутствие резервов [см.: Там же, с. 26–27)].

В силу различных причин немцы несколько раз переносили сроки возобновления наступления. Наконец дата была определена – 6 августа [см.: Лебедев, с. 129–130, 144]. Но 6 и 7 августа в районе Луги шли проливные дожди, что помешало использованию авиации и способствовало решению отложить наступление. 8 августа, несмотря на продолжающиеся дожди, было решено ввести в бой 41-й моторизованный корпус, чтобы оттянуть резервы противника. На новгородском и лужском направлениях 16-я армия и 56-й моторизованный корпус 4-й танковой группы продолжали ждать. Начало прорыва с плацдармов во многом связано с просьбами командующего танковой группой генерал-полковника Гепнера [см.: Лебедев, с. 153–156; Хаупт, с. 78–79].

Преодолевая сопротивление советских войск, 1-я и 6-я танковые дивизии к 16 августа перерезали железную дорогу Нарва – Кингисепп и шоссе Луга – Ленинград, частично окружив при этом советские силы. К 21 августа они вышли к Красногвардейску, где заняли оборону. 8-я тан-

ковая дивизия развернула фронт на юг к Луге. Слева у Нарвы немцы продолжали теснить части 8-й армии на восток, на Копорское плато. Попытки блокировать продвижение немецких танков со стороны Северного фронта были неудачными [см.: ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1217, д. 220, л. 258–266; Лебедев, с. 179–181, 190–192].

С выходом в район Красногвардейска 4-я танковая группа была остановлена. Разрабатываемые в конце августа – начале сентября планы дальнейшего наступления предусматривали его начало только с подходом к нему 18-й армии, которая находилась в районе Кингисеппа и Луги [см.: Мосунов, с. 16–17].

В центре Лужского рубежа войска 41-го стрелкового корпуса с 10 по 20 августа отражали атаки немецкой пехоты, но в результате отступления были сначала полуокружены, а затем попали в котел [ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1221, д. 220, л. 272–274; Хаупт, с. 87–88].

На правом фланге 10 августа немцы при сильной поддержке авиации нанесли удар. Красная армия не смогла удержать свои позиции, и 16 августа отступила к Новгороду и на северо-запад, к Луге [ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 201, л. 17]. К 20–21 августа 16-я немецкая армия овладела Новгородом и продолжала развивать наступление на Чудово.

Южнее оз. Ильмень к началу августа положение противников было шатким. Хотя советские войска отступали, силы немецкой армии были недостаточными для наступления по всему фронту. Но если Лееб такого положения опасался, то Гальдер предлагал снять часть сил, чтобы бросить их в прорыв [см.: Лебедев, с. 167–171].

Ставка Верховного главнокомандующего решила нанести контрудар силами Северо-Западного фронта. 12 августа армии перешли в наступление. 11-я армия на правом фланге наступала на Старую Руссу; 34-я армия, нащупав слабое место в обороне противника, продвигалась к платформе Взгляды, охватывая немецкую группировку с запада и юго-запада; 27-я армия наступала на Холм с востока и юго-востока, стремясь окружить группировку противника в районе Холма.

Относительный успех 34-й армии заставил немцев не только развернуть против нее 56-й корпус из района Луги, но и 8-й авиакорпус. Кроме того, Гитлер вернулся к ранее продвигаемой им идее переброски части сил 3-й танковой группы под Ленинград [см.: Лебедев, с. 176–181].

В результате массированных действий немецкой авиации и хорошо организованной обороны темпы наступления войск Северо-Западного фронта снизились. Окружить немцев в районе Старая Русса – Холм не удалось. Контратака 3-й мотодивизии 21 августа, поддержанная силами

10-го корпуса, привела к общему отступлению Красной армии в район Демянска [ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 205, л. 39–45]. На наш взгляд, контрудар, пусть и косвенно, скорее ухудшил положение Ленинграда, потому что в результате него немцы бросили на окружение города относительно свежий моторизованный корпус.

К 20–21 августа Лужский рубеж был прорван на всех направлениях, советские войска понесли тяжелые потери и частью попали в окружение. Для немцев успех был относительным. Они не сумели окончательно разгромить оборонявшие Лужский рубеж части РККА. Фронт все больше растягивался, немцы распыляли свои силы, не имея резервов.

Сложившаяся ситуация вынудила немцев остановиться на подступах к Красногвардейску. Новое наступление началось лишь 9 сентября, т. е. спустя 20 дней. Кроме того, необходимость зачистки образовавшегося под Лугой котла сковала силы 16-й армии и 8-й танковой дивизии. Советские войска получили возможность подготовиться к обороне в районе Красногвардейска, на Пулковских и Дудергофских высотах.

Действия немецкой 16-й армии были более успешны и привели к блокаде Ленинграда. Овладев Чудово, она ввела 39-й моторизованный корпус, стремясь окружить Ленинград в районе Шлиссельбурга [см.: Гланц, с. 85; Лебедев, с. 200–201].

Ставка Верховного главнокомандования большое внимание уделяла Новгороду. В директиве № 001029 Б. М. Шапошников предупреждал, что наиболее опасным является направление немецкого наступления на севере и северо-востоке, в результате которого могли быть нарушены железнодорожные коммуникации между Москвой и Ленинградом, а также воссоединение с силами Финляндии в районе Олонца. Войскам под Новгородом необходимо было, собрав силы в кулак, выбить из города противника и удержать Октябрьскую железную дорогу, а также район Чудово – Тосно [Русский Архив…, с. 117–118].

Но командование Северного фронта не прислушалось к мнению Шапошникова [см.: Исаев, 2011, с. 359–361]. В итоге, когда 30 августа 39-й корпус овладел станцией Мга, перерезав последнюю магистраль, связывающую Ленинград с остальной территорией СССР, станцию защищал небольшой сводный гарнизон из остатков 48-й армии и 1-й дивизии войск НКВД [см.: ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1221, д. 220, л. 358–359]. Отбив советские контратаки, немцы 8 сентября заняли Шлиссельбург, окончательно блокировав Ленинград [см.: Там же, л. 359–362; Лебедев, с. 228, 231].

В начале сентября произошло очередное изменение немецких стратегических планов. Ф. Гальдеру удалось добиться от Гитлера объявления

Ленинграда второстепенной целью и получить его принципиальное согласие на передачу подвижных соединений и авиации в группу армий «Центр». Директивой № 35 от 5 сентября 1941 г. фон Леебу предписывалось захватить Шлиссельбург и организовать дальнейшее наступление за р. Неву для соединения с финнами. Директива также предписывала к 15 сентября передать в группу армий «Центр» большую часть танковых, моторизованных дивизий и авиации [см.: Банкротство..., с. 242–243]. Основной целью наступления было окружение Ленинграда. Желаемым рубежом кольца блокады считалась линия, близкая к пригородам Ленинграда [см.: Мосунов, с. 16].

В самой группе армий «Север» в начале сентября строили более смелые планы. Командующий 4-й танковой группы генерал-полковник Гепнер был готов начать наступление на Красногвардейск, Лееб считал возможной скорую сдачу Ленинграда ввиду угрозы голода [см.: Лебедев, с. 236–237]. Директива № 35 мешала осуществлению этих планов. Соответственно фактор времени в этот период приобрел для Лееба наибольшую остроту, так как теперь он был ограничен в сроках проведения операции весьма жестко.

Советские войска под Красногвардейском в период оперативной паузы стремились максимально усилить свою оборону. Уже 16 августа было приказано начать подготовку Красногвардейского укрепленного района к обороне – привести в боевую готовность западный и юго-западный фланги. Дополнительно армия усиливалась двумя новыми ополченческими дивизиями – 1-й и 2-й, курсами политруков и военно-политическим училищем НКВД. В состав 4-й танковой группы передавались также 70-я, 90-я и 237-я стрелковые дивизии, которые впоследствии сформируют Слуцко-Колпинскую оперативную группу. В ее состав также будут введены к началу сентября 4-я дивизия народного ополчения и 168-я стрелковая дивизия (последняя – с Карельского перешейка). Но полноценным соединением была только 168-я дивизия, остальные имели около 2 тыс. человек личного состава [ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1221, д. 220, л. 365].

Начавшееся 9 сентября наступление 4-й танковой группы проходило медленно. На подступах к Красногвардейску 50-й армейский корпус завяз до 13 сентября. Более успешно действовала пехота 18-й армии (1-я, 58-я и 291-я дивизии), продолжая оттеснять 8-ю армию. К 20 сентября немцы прорвались в район Урицк – Стрельна, сформировав Ораниенбаумский плацдарм [см.: Хаупт, с. 89–90].

41-й корпус также прорвался в районе Дудергофа и начал наступление на Детское Село, пока не был остановлен на Пулковских высотах.

Здесь, по мнению Д. Гланца, проявилась неготовность 8-й танковой дивизии к наступлению. К середине сентября немцы овладели Слуцком и Пушкиным [см.: Хаупт, с. 93–95].

На продвижение немцев Г. К. Жуков, новый командующий Ленинградского фронта, пытался ответить контратаками в районе Урицка, Шлиссельбурга. Но они не достигли своей цели [см.: Гланц, с. 95–98]. Тем не менее, для немцев время было упущено. 17 сентября был разработан план переброски подвижных сил в состав армий «Центра». Согласно ему уже 22–24 сентября 41-й моторизованный корпус должен был перейти в подчинение группы армий «Центр» [см.: Лебедев, с. 265] .

Для Лееба было важно выйти на ближний рубеж блокады, чтобы иметь возможность обстреливать весь город тяжелой артиллерией [см.: Там же, с. 262–265]. Но ввиду истощения сил 18-й армии эта задача была признана невыполнимой [см.: Мосунов, с. 284]. Тем самым окружение немцами Ленинграда южнее и западнее было выполнено лишь частично. Восточнее Ленинграда немцы также не смогли выполнить поставленную перед ними задачу – переправиться через Неву и соединиться с финнами. Этому помешали действия 54-й армии у Мги и Шлиссельбурга [см.: Лебедев, с. 283, 288–289].

Анализ событий августа-сентября 1941 г. позволяет сделать вывод, что неудача немецкого наступления на Ленинград во многом стала результатом «цейтнота» – нехватки времени для его завершения. В свою очередь это было связано, во-первых, с необходимостью передачи ударных соединений и авиации на Московское направление; во-вторых, с сопротивлением Красной армии и, в-третьих, с нехваткой у немцев сил для реализации поставленных задач.

Банкротство стратегии германского фашизма : в 4 т. Т. 2: Агрессия против СССР. Падение третьей империи / под ред. В. И. Дашичева. М., 1973.

Гланц Д. Битва за Ленинград. М., 2008.

Исаев А. В. Иной 1941: от границы до Ленинграда. М., 2011.

Исаев А. В. Котлы 1941-го. М., 2005.

Лебедев Ю. М. Ленинградский блицкриг. М., 2011.

Мосунов В. А. Битва за Ленинград. М., 2014.

Русский Архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК : документы и материалы, 1941 г. / под ред. В. А. Золотарева. М., 1996.

Хаупт В. Группа армий «Север»: бои за Ленинград 1941–1944. М., 2005.

Память народа [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat–naroda.ru/documents/view/?id=114782924 (дата обращения: 08.11.2017).

УДК 94(470.54-25):719

О. Е. Ваулина

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЫ: АДМИНИСТРАТИВНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена характеристике государственных организаций, которые занимаются охраной памятников архитектуры на территории Екатеринбурга. Рассматривается законодательная база охраны объектов культурного наследия. Выделены функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъекта и органов местного самоуправления. На примере Екатеринбурга рассматривается их работа по охране памятников конструктивизма. Одной из проблем сохранения культурного наследия является проблема взаимодействия федеральных и местных организаций.

Ключевые слова: конструктивизм, памятники истории и архитектуры, культурное наследие, охрана памятников, политика, органы власти.

Охрана культурного наследия – важное направление деятельности государства. Но реализация его невозможна без слаженной работы органов государственной власти и местного самоуправления.

Данной теме посвящено несколько диссертаций, например, Т. К. Алябьевой и В. А. Андреевой [см.: Алябьева; Андреева], но они были написаны более десяти лет назад, поэтому не отражают современную ситуацию. Благодаря этим работам можно выявить федеральные органы в области охраны памятников, часть из которых уже перестала существовать. Публикаций, касающихся этого вопроса, не так много, и они, как правило, содержат информацию о деятельности только одного или двух органов, поэтому не представляется возможным на их основе оценить всю систему управления в целом.

Во второй главе Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ [см.: Об объектах культурного наследия...] прописаны полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъекта и органов местного самоуправления в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. Но, несмотря на то, что полномочия прописаны довольно подробно, остается абсолютно непонятным, какие конкретно органы ответственны за сохранение культурного наследия.

После анализа информационных сайтов различных властных структур оказалось, что полномочия рассредоточены между большим количе-

© Ваулина О. Е., 2018

ством органов разного уровня. Это существенно усложняет их взаимодействие и приводит к тому, что многие памятники, к сожалению, находятся в неудовлетворительном состоянии. Теперь поговорим о каждом органе отдельно, чтобы внести ясность в выполняемые им функции.

Федеральный уровень

На этом уровне существует четыре организации, поговорим о каждой из них подробнее.

Федеральное агентство по управлению государственным имуществом выполняет следующие функции:

• осуществляет полномочия собственника в отношении федерального имущества;

• ведет учет федерального имущества, реестр федерального имущества и выдачу выписок из указанного реестра;

• подготавливает и представляет в установленном порядке в Министерство экономического развития Российской Федерации: проект прогнозного плана приватизации федерального имущества на соответствующий год, отчет об обороте имущества, обращенного в собственность государства;

• закрепляет находящееся в федеральной собственности имущество в хозяйственном ведении и оперативном управлении федеральных государственных унитарных предприятий и производит в установленном порядке правомерное изъятие этого имущества;

• осуществляет контроль за деятельностью территориальных органов агентства и подведомственных организаций [см.: Полномочия Федерального агентства по управлению государственным имуществом].

Согласно годовому отчету о деятельности Росимущества за 2016 г. в сфере охраны культурного наследия достигнуты следующие результаты: подготовлен утвержденный Минкультуры России и Росимуществом пошаговый алгоритм приватизации объектов культурного наследия; осуществлен контроль за регистрацией территориальным управлением Росимущества права собственности Российской Федерации на объекты культурного наследия, разграниченные в собственность Российской Федерации, в размере 80 % [см.: Годовой отчет о деятельности Росимущества за 2016 год...].

Министерство культуры Российской Федерации – это федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный заниматься вопросами культуры и искусства. Министерство осуществляет следующие полномочия:

1. Вносит в Правительство Российской Федерации проекты федеральных законов, нормативных правовых актов Президента РФ и Правитель-

ства РФ и другие документы, по которым требуется решение Правительства Российской Федерации, по вопросам, относящимся к установленной сфере ведения министерства и сферам ведения подведомственных ему федеральных агентств, а также проект плана работы и прогнозные показатели деятельности министерства.

2. Самостоятельно принимает следующие нормативные правовые акты: Порядок охраны и сохранения особо ценных объектов культурного наследия народов РФ; Положение о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ; Порядок установки информационных надписей и обозначений на объекты культурного наследия федерального значения; Реставрационные нормы и правила; Порядок приемки работ по сохранению объекта культурного наследия; Нормативные правовые акты по вопросам осуществления переданных органам госвласти субъектов РФ полномочий Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия.

3. Утверждает: форму паспорта объекта культурного наследия; особенности объектов, послуживших основанием для включения их в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и подлежащих обязательному сохранению (предмет охраны) в отношении объектов культурного наследия федерального значения; границы, а также режимы использования территорий объектов культурного наследия федерального значения, перечень которых устанавливается Правительством РФ [см.: Полномочия Министерства культуры Российской Федерации].

Как мы видим, данное министерство занимается созданием нормативно-правовых документов в области сохранения памятников. В 2017 г. было создано 1768 различных документов, среди них: акты государственной историко-культурной экспертизы, обосновывающей изменение категории историко-культурного значения объекта культурного наследия; приказы о включении особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Министерство создает много документов, но не все они реализуются на практике.

В связи с тем, что многие памятники архитектуры являются жилыми домами, необходимо упомянуть и о *Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ*. Это министерство осуществляет выработку и реализацию государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере строительства, архитектуры, градостроительства и жилищно-коммунального хозяйства, оказывает государ-

ственные услуги, управляет государственным имуществом в соответствующей сфере. Министерство принимает следующие нормативные правовые акты: перечень видов работ по инженерным изысканиям, подготовке проектной документации, строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства [см.: О Министерстве строительства…]. Несмотря на то, что это министерство является органом охраны культурного наследия, оно нацелено на выражение интересов застройщиков и собственников жилых помещений.

Федеральное государственное учреждение культуры «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» имеет основной целью своей деятельности сохранение, эффективное использование и популяризацию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ, находящихся в оперативном управлении агентства. Агентство осуществляет следующие основные виды деятельности:

- управление и использование объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности и оперативном управлении агентства;
- проведение исследований в области истории объектов культурного наследия;
- осуществление реставрационных работ, разработка программ реставрации;
- популяризация недвижимого культурного наследия, включая экскурсионное и лекционное обслуживание, создание мультимедийной продукции [см.: Цели и задачи Агентства…].

На основании полученных данных можно сказать, что данный орган является одним из основных в рассматриваемой сфере. Это агентство сотрудничает как с Министерством культуры России, так и с общественными организациями, в частности, со Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры. Данный орган специализируется на охране культурного наследия, поэтому его деятельность достаточно эффективна.

Региональный уровень

Многие органы на региональном уровне условно дублируют аналогичные федеральные, но, несомненно, их функции имеют свою специфику. Региональные организации находятся в подчиненном положении по отношению к федеральным, имеют меньший бюджет. Несмотря на это в системе охраны культурного наследия именно региональные и муниципальные организации выполняют основные функции в этой области. Рассмотрим эти организации на примере Свердловской области.

Министерство по управлению государственным имуществом Свердловской области на данный момент занимается охраной памятников федерального и регионального значения, в их числе более 50 объектов конструктивизма Екатеринбурга: Водонапорная башня УЗТМ (Белая Башня), здание гостиницы «Большой Урал» и др.

В сфере выявления и государственного учета объектов культурного наследия министерство осуществляет на территории Свердловской области следующие полномочия:

1. Организует проведение работ по выявлению и государственному учету объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия;

2. Формирует и ведет перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Свердловской области;

3. Осуществляет создание совместно с федеральным органом охраны объектов культурного наследия единого государственного реестра объектов культурного наследия народов Российской Федерации (далее реестр);

4. Принимает решения об изменении категории историко-культурного значения объектов культурного наследия областного и местного (муниципального) значения.

В сфере государственной охраны объектов культурного наследия министерство осуществляет на территории области следующие полномочия:

1. Обеспечивает в пределах своей компетенции сохранение, использование и популяризацию объектов культурного наследия, находящихся в собственности Свердловской области;

2. Осуществляет государственную охрану объектов культурного наследия областного значения, выявленных объектов культурного наследия;

3. Устанавливает требования к сохранению, содержанию и использованию объектов культурного наследия федерального значения, объектов культурного наследия областного значения, объектов культурного наследия местного (муниципального) значения и требования к обеспечению доступа к ним;

4. Утверждает особенности объекта культурного наследия областного значения, послужившие основанием для включения его в реестр и подлежащие обязательному сохранению;

5. Осуществляет оформление и выдачу паспорта объекта культурного наследия областного значения собственнику указанного объекта культурного наследия, земельного участка в границах территории объекта культурного наследия областного значения;

6. Устанавливает информационные надписи и обозначения на объектах культурного наследия федерального, областного, местного значения, находящихся в областной государственной собственности;

7. Осуществляет разработку и реализацию региональных программ в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия;

8. Выступает от имени Свердловской области в качестве истца и ответчика в суде при рассмотрении споров, связанных с сохранением, использованием, популяризацией и государственной охраной объектов культурного наследия;

9. Осуществляет подготовку нормативных правовых актов Свердловской области в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия.

В сфере государственного надзора за объектами культурного наследия министерство осуществляет следующие полномочия:

1. Производит региональный государственный надзор в сфере охраны объектов культурного наследия;

2. В пределах своей компетенции устанавливает перечень должностных лиц министерства, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях [см.: Полномочия и функции Министерства по управлению государственным имуществом...].

Мы видим, что МУГИСО выполняет очень важные функции в области охраны памятников: от выявления и постановки их на учет и до защиты в суде. Также ежегодно министерство публикует сведения о проведенных проверках объектов культурного значения областного значения. Например, в 2015 г. было проведено 33 проверки, а в 2016 – всего 2. Полученные данные свидетельствуют либо о снижении активности органа, либо о неполном предоставлении информации.

Министерство культуры Свердловской области является уполномоченным исполнительным органом государственной власти Свердловской области по управлению культурными ценностями, находящимися в государственной собственности области и осуществляет следующие полномочия:

1. Управляет находящимися в государственной собственности Свердловской области культурными ценностями, не являющимися объектами культурного наследия народов РФ;

2. Разработывает планы мероприятий по выявлению и приобретению в государственную собственность области культурных ценностей, не являющихся объектами культурного наследия, охране и использованию находящихся в государственной собственности культурных ценностей;

3. Подготавливает и предоставляет в Правительство Свердловской области заключения по вопросам приобретения в государственную собственность вышеуказанных объектов;

4. Осуществляет контроль за обеспечением сохранности находящихся в государственной собственности Свердловской области культурных ценностей, не являющихся объектами культурного наследия;

5. Представляет регулярные отчеты губернатору Свердловской области и Правительству области об осуществлении своих полномочий в сфере управления находящимися в государственной собственности Свердловской области культурными ценностями, не являющимися объектами культурного наследия [см.: Полномочия, функции и права Министерства культуры Свердловской области];

6. Сохраняет и популяризует культурное и историческое наследие, актуализирует его потенциал посредством поддержки общественных инициатив в сфере выявления, сохранения и популяризации культурного наследия народов Российской Федерации;

7. Совершенствует организационные, экономические и правовые механизмы развития культуры в Свердловской области посредством повышения эффективности использования государственного и муниципального имущества [см.: Публичная декларация основных целей и задач Министерства культуры Свердловской области...].

Таким образом, Министерство культуры области проводит работу по выявлению культурных ценностей, которые могут стать объектами культурного наследия.

Филиал Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры» по Уральскому федеральному округу. Согласно данным на официальном сайте филиал выполняет те же функции, что и само агентство, поэтому не будем останавливаться на этом. В его ведении находятся такие объекты федеральной собственности, как гостиница «Мадрид», заводоуправление УЗТМ, «Городок Чекистов», Клуб строителей (Сити-центр) и типография газеты «Уральский рабочий» (Дом печати).

Муниципальный уровень

На местном уровне была выявлена только одна организация: *МКУ «Екатеринбургский центр по охране и использованию исторического и культурного наследия».* В ведении центра находятся объекты конструктивизма, расположенные по адресам: ул. Пушкина, 9 / ул. Горького, 29,

литеры А, А1, А2; ул. Пушкина, 14, литер А; бульвар Культуры, 3 / ул. Красных партизан, 9; пр. Ленина, 29 / ул. Володарского, 2.

Задачи и функции центра:

• сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия, находящихся в собственности муниципального образования «город Екатеринбург»;

• государственная охрана объектов культурного наследия местного (муниципального) значения, расположенных на этой территории;

• организация историко-культурного заповедника местного (муниципального) значения;

• ведение реестра малых архитектурных форм, расположенных на территории Екатеринбурга [МКУ «Екатеринбургский центр…»].

В результате нами были выявлены и описаны все существующие организации, в функции которых входит охрана памятников Екатеринбурга. Среди них есть министерства, агентства и центры на всех уровнях власти.

Некоторые организации дублируют функции вышестоящих. Так филиал «Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры» по Уральскому федеральному округу дублирует функции головной организации. Федеральные органы в основном выполняют контрольные, учетные и нормотворческие функции. А выявление, постановка на учет, государственная охрана, мероприятия по популяризации оказываются в ведении региональных и муниципальных органов. Это свидетельствует о некой децентрализации управления.

Нельзя сказать, что государственные и муниципальные организации представляют стройную систему управления в области охраны культурного наследия, поэтому система требует усовершенствования. Этот вопрос может быть решен при соблюдении следующих условий:

1. Функции каждого органа должны быть четко прописаны, тогда исчезнет дублирующий функционал;

2. Будут выработаны рабочие механизмы контроля за соблюдением законодательства;

3. Региональные органы власти будут получать достаточное финансирование на мероприятия по охране памятников.

Алябьева Т. К. Формирование общественной защиты культурно-исторического наследия в России как элемента зарождения и деятельности институтов гражданского общества. М., 2002.

Андреева В. А. Взаимодействие государственных органов и институтов гражданского общества в сфере сохранения культурного наследия. СПб., 2006.

Годовой отчет о деятельности Росимущества за 2016 год по реализации государственной программы «Управление федеральным имуществом» // Официальный сайт Росимущества. URL: https://www.rosim.ru/pdfjs/web/viewer.html?file=Attachment.aspx%3FId%3D87141 (дата обращения: 30.12.2017).

МКУ «Екатеринбургский центр по охране и использованию исторического и культурного наследия» // Екатеринбург.рф: официальный портал. URL: https://xn–80acgfbsl1azdqr.xn–p1ai/%D0%BE%D1%84%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%8F%D1%8E%D1%89%D0%B8%D0%BC/%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5/%D0%B4%D1%83%D0%BC%D0%B8/%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 17.11.2017).

О Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации // Официальный сайт Минстроя России. URL: http://www.minstroyrf.ru/about/#codex; www.minstroyrf.ru/upload/iblock/06d/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-18_11_2013-n-1038-_red_-ot.pdf (дата обращения: 19.11.2017).

Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Консультант-плюс: компьютерная справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318 (дата обращения: 17.11.2017).

Полномочия и функции Министерства по управлению государственным имуществом Свердловской области // Официальный сайт Министерства по управлению государственным имуществом Свердловской области. URL: http://www.mugiso.midural.ru/about/index.php (дата обращения: 17.11.2017).

Полномочия Министерства культуры Российской Федерации // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. URL: https://www.mkrf.ru/about/authority/ (дата обращения: 17.11.2017).

Полномочия Федерального агентства по управлению государственным имуществом // Официальный сайт Росимущества. URL: http://www.rosim.ru/about/common/credentials (дата обращения: 19.11.2017).

Полномочия, функции и права Министерства культуры Свердловской области // Официальный сайт Министерства культуры Свердловской области. URL: http://www.mkso.ru/ministry/position (дата обращения: 17.11.2017).

Публичная декларация основных целей и задач Министерства культуры Свердловской области на 2017 год и долгосрочный период (до 2024 года) // Официальный сайт Министерства культуры Свердловской области. URL: http://www.mkso.ru/data/File/ministerstvo/pub-deklaraciya/public-declaracia-na-2017-i-do-2024.pdf (дата обращения: 17.11.2017).

Цели и задачи Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры // Официальный сайт Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры. URL: http://auipik.ru/agenstvo/mission/ (дата обращения: 19.11.2017).

УДК 94(470.54-25)

Т. С. Сидоркина

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ЦЕНТРА Б. Н. ЕЛЬЦИНА

(на материалах официальной группы центра VKontakte)

В статье анализируются основные направления деятельности Президентского центра Б. Н. Ельцина при использовании контент-аналитического исследования. Направления деятельности определяются исходя из задач Устава центра. Количественный метод применяется к материалам официальной группы центра VKontakte и дает возможность оценить частоту проведения мероприятий различного характера. Кроме того, определяется тематическая и видовая направленность наиболее часто организуемых мероприятий.

Ключевые слова: Ельцин-центр, Президентский центр Б. Н. Ельцина, контент-анализ, социальные сети, VKontakte, направления деятельности центра.

Современное мировое сообщество активно и повсеместно использует интернет-сервисы. Большая часть материалов СМИ дублируется или полностью переходит на онлайн-платформы, и каждая уважающая себя коммерческая и бюджетная организация имеет свой официальный сайт. Практически каждый человек так или иначе также зарегистрирован в социальных сетях. Как утверждает современный российский филолог Н. Г. Марченко, информация, публикуемая пользователями в социальных сетях, в краткие сроки выходит за рамки личной [см.: Марченко, с. 4]. Сегодня социальные сети часто используются как площадки для обмена мнениями, распространения информации, осуществления общественно-политической и даже коммерческой деятельности. Организации различного уровня создают не только официальные сайты, но и странички в социальных сетях. Ввиду такого ажиотажа вокруг распространения и популяризации социальных сетей все больше исследователей [см.: Браславец; Селезнев, Скрипак; Семишова; Васильев и др.] обращаются к их определению, изучению, классификации. Социальные сети являются важным источником для анализа и изучения политической, социально-культурной, коммерческой деятельности организаций и это, без сомнения, актуализирует данное исследование.

Президентский центр Б. Н. Ельцина, согласно Уставу, представляет собой некоммерческую организацию, созданную с целью сохранения, изучения и публичного представления исторического наследия первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина в контексте новейшей истории Отечества, а также для развития демократических институтов

© Сидоркина Т. С., 2018

и построения правового государства [см.: Устав..., с. 3]. Ельцин-центр как современная и достаточно крупная организация обладает полным набором интернет-ресурсов. Во-первых, конечно, это официальный сайт организации [см.: Официальный сайт...], где пользователь имеет возможность частично ознакомиться с материалами архивов, структурой музея, проектами, бюджетными и уставными документами и т. п. Во-вторых, у организации имеются странички во всех популярных на сегодняшний день социальных сетях: Telegram, Facebook, VKontakte, Twitter, Instagram, Youtube. Каждая из них постоянно обновляется, в основном предлагая схожую информацию. Это обусловлено тем, что разные пользователи могут быть зарегистрированы в различных социальных сетях. Так, на канал Ельцин-центра в Telegram на конец 2017 г. подписано 813 человек, на группу в Facebook – 9690, VKontakte – 12 492, Twitter – 2159, Instagram – 7436, Youtube – 2129 [см.: Президентский центр… Facebook, Telegram, Twitter, VKontakte, Youtube, Instagram].

Через социальные сети Ельцин-центра любой заинтересованный пользователь может узнать о предстоящих лекциях, семинарах, мастер-классах, изменениях в работе центра, новостях по реализации грантов и проектов – иными словами, получить полную информацию о деятельности центра. В связи с этим видится целесообразной возможность изучения основных направлений деятельности центра, используя публикации на официальных страничках социальных сетей. Как было указано выше, информация в различных социальных сетях дублируется, поэтому объектом исследования выбрана только одна – VKontakte, так как эта официальная группа обладает наибольшим количеством подписчиков.

Новостные посты в официальной группе Президентского центра представляют собой массовые источники, так как по своему содержанию, как правило, аналогичны и представляют собой либо оцифрованные афиши, либо анонсы предстоящих мероприятий с указанием названия, организатора, времени проведения, аннотации, либо программы мероприятий на месяц, либо видео- и фотоотчеты с уже проведенных мероприятий. Поэтому в основу исследования положен метод контент-анализа, который позволяет провести количественный подсчет всех мероприятий, анонсы или отчеты о проведении которых опубликованы в официальной группе VKontakte [см.: Президентский центр… VKontakte].

При проведении контент-аналитического исследования выделены единицы анализа, представляющие собой направление деятельности, к которой относится мероприятие, и единица счета – само мероприятие. Исходя из задач, которые ставит перед собой Ельцин-центр и которые

прописаны в Уставе организации [см.: Устав..., с. 3–5], определены следующие категории анализа деятельности:

1. Музейная;
2. Архивная;
3. Библиотечная;
4. Поддержка талантливой молодежи (гранты, стипендии, премии);
5. Издательская;
6. Научно-просветительские мероприятия;
7. Культурные мероприятия;
8. Мероприятия для детей;
9. Благотворительная деятельность;
10. Реализация международных программ и мероприятий;
11. Обеспечение строительства и ремонта объектов, предназначенных для центра;
12. Внешнеэкономическая деятельность.

Результаты анализа оформлены в линейные диаграммы (рис. 1, 2).

Графики (см. рис. 1, 2) визуализируют динамику проведения мероприятий различной направленности и, таким образом, мы можем наглядно наблюдать рост музейной активности. Увеличение количества мероприятий в музее особенно заметно в 2017 г., что может объясняться некоторым спадом интереса к музею по сравнению с 2015–2016 гг., когда музейная экспозиция была одним из наиболее посещаемых мест центра. На протяжении всего 2017 г. музейные работники предлагали новые и разнообразные экскурсионные программы, кроме основной: «Другая жизнь президента», «Полная версия: новогодние обращения», «Горожанин: Ельцин в Свердловске» и др.

Количество мероприятий для детей имеет циклическую динамику, так как эти мероприятия зависят от каникулярного графика. Очевидно, что в осенние, зимние, весенние и летние каникулы их проводится значительно больше. Данные мероприятия представляют собой мастер-классы, интерактивные уроки, квесты. Примечательно, что детский парк *Newton* и его программы никак не фигурируют в официальной группе центра.

Архивная деятельность в группе Президентского центра представлена достаточно слабо. Однако на каждую важную для государства и центра дату предложен исторический очерк со ссылкой на архивные документы, в большинстве случаев, фондов архива центра.

Информация о реализации международных программ либо участии центра в международных мероприятиях также появляется в группе нечасто, но нужно отдать должное, что и сами мероприятия такого уровня

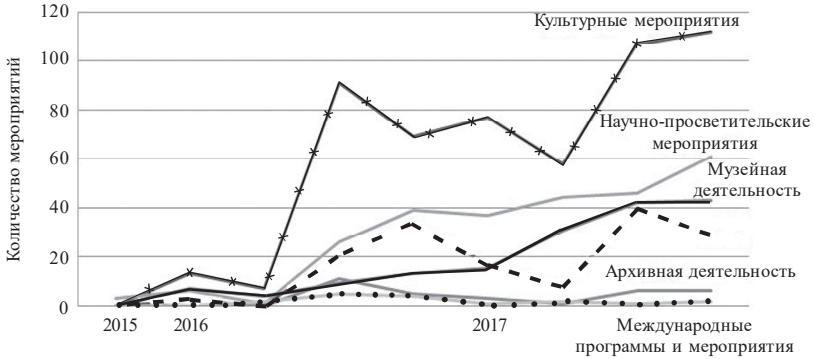

Рис. 1. Направления деятельности Ельцин-центра

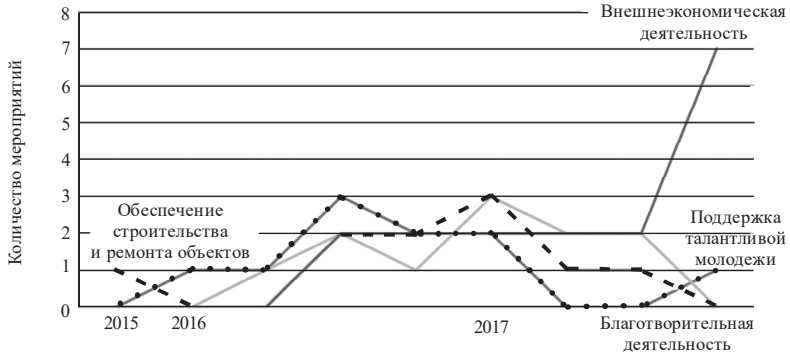

Рис. 2. Направления деятельности Ельцин-центра

проводятся реже. В целом Президентский центр Б. Н. Ельцина выполняет данную задачу, зафиксированную в Уставе.

Мероприятия, указанные в графике «Направления деятельности Ельцин-центра» (рис. 2), достаточно статичны и отмечаются в группе в среднем 3–5 раз в год. Благотворительная деятельность в основном представлена традиционной ярмаркой «Благомаркет» и рядом других, как правило не повторяющихся, мероприятий. Поддержка талантливой молодежи ознаменовывается ежегодным вручением Ельцинской стипендии, литературных премий, премий за успехи в спорте. Внешнеэкономическая деятельность осуществляется за счет открытия магазинов различной направленности, например Пиотровского, кафе, салонов на территории Ельцин-центра. Строительство и ремонт объектов представлен, например,

открытием самого центра, проведением профилактических работ в музее, открытием песочницы, рождественской ярмарки и т. п. Важно отметить, что подсчитывались как мероприятия, проведенные на базе центра, так и вне, но с его участием.

Низкая активность официальной группы центра в 2015 и первой половине 2016 г. еще не говорит о низкой активности самого центра. Для того чтобы прийти к подобному выводу, необходимо сравнить данные с другими источниками. Однако выдвинуть такую гипотезу возможно, так как в конце 2015 – начале 2016 г. и организация, и ее официальная страница VKontakte только начали функционировать, потому вполне естественно, что мероприятий в этот период проводилось значительно меньше, чем в 2017 г.

Особенно заметен рост мероприятий культурного и научно-просветительского характера (см. рис. 1) с момента открытия Ельцин-центра в ноябре 2015 г. Культурная деятельность центра представляет собой следующие виды: организация выставок, кинопоказы, музыкальные, театральные представления, спортивные мероприятия, мастер-классы. Круговая диаграмма (рис. 3) дает нам представление о наиболее частых мероприятиях данного характера.

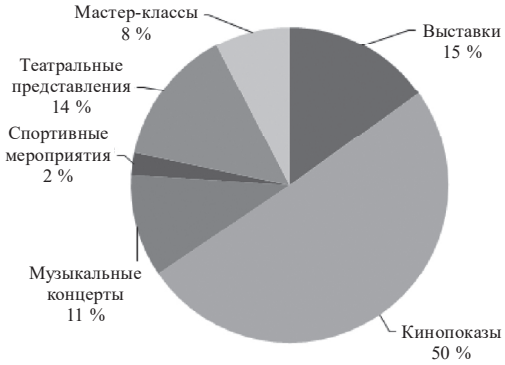

Рис. 3. Культурные мероприятия, проведенные в Ельцин-центре

Из графика на рис. 3 следует, что кинопоказы проводятся в центре чаще всего, что легко объяснимо простотой организации данных мероприятий. Кроме того, в феврале 2017 г. в Ельцин-центре был открыт киноклуб. Его создатели ставили перед собой цель организовать площадку не только для просмотра «действительно стоящих фильмов», но и для «жи-

вого общения и квалифицированного информирования, и творческого и гражданского самоопределения» [Пшеничный]. Встречи в киноклубе, как правило, проводятся два раза в неделю, из-за чего частота публикаций в официальной группе VKontakte очень высока.

Выставки, музыкальные и театральные представления занимают примерно одинаковую долю от всей культурной деятельности центра и проводятся стабильно 2–3 раза в месяц. В целом эта деятельность в основном направлена на развитие культурно-информационного пространства и привлечение мастеров различных школ.

Мастер-классы проводятся реже, но представляют собой совершенно различные направления: от инклюзивного танца до фотографирования и декупажа, как правило, проводятся они в рамках фестивалей. Спортивные мероприятия практически не представлены в деятельности Ельцин-центра.

Мероприятия культурно-просветительского характера представляют собой лекции, дискуссионные трибуны и клубы, круглые столы, семинары, встречи и т. п. (рис. 4).

Рис. 4. Научно-просветительские мероприятия

В данном ключе интересно рассмотреть тематику мероприятий. Так как в задачах центра [см.: Устав..., с. 3–5] особенно выделяются пункты изучения истории 1990-х гг. и современной политической ситуации, была выделена следующая тематика:

1. История Россия;
2. Всемирная история;

3. Социально-политическое, экономическое развитие России в 1990-х гг.;

4. Россия и мир в XXI в.;

5. Другие социально-гуманитарные дисциплины (философия, антропология, журналистика, психология, филология, религия и т. д.);

6. Искусство (кино, музыка, театр, архитектура, живопись и т. д.);

7. Научно-техническое развитие.

Интересно отметить, что именно тематика искусства занимает первое место среди научно-просветительских мероприятий центра. В целом лекции, семинары, круглые столы проводятся систематически и на разные темы. Однако мероприятия, посвященные естественным и техническим наукам, проводятся сравнительно реже, чем все остальные, что позиционирует научную деятельность центра в сторону общественно-культурологических дисциплин.

В целом в деятельности центра основное внимание уделяется проведению и организации культурных и научно-просветительских мероприятий, активно проводится музейная работа, систематически проводятся мероприятия для детей (рис. 5).

Рис. 5. Направления деятельности Ельцин-центра

Несмотря на то, что участие в международных программах и мероприятиях, поддержка талантливой молодежи, благотворительность, внешнеэкономические, строительные и ремонтные мероприятия, архивная работа в официальной группе представлены в небольшом количестве, мы видим, что эта деятельность реализуется. Никак в официальной группе

не освещена библиотечная и издательская деятельность. Подводя итоги анализа материалов официальной группы VKontakte, можно сделать вывод о том, что задачи, заявленные в Уставе Президентского центра Б. Н. Ельцина, в большинстве своем на сегодняшний день выполняются.

Браславец Л. А. Социальные сети как средство массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. 2009. № 1. С. 125–132 (Сер. Филология и журналистика).

Васильев И. Ю. Социальные сети как исторический источник // Ист. формат. 2016. № 4. С. 200–203.

Марченко Н. Г. Социальная сеть «ВКонтакте»: лингвопрагматический аспект : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2013.

Официальный сайт Президентский центр Б. Н. Ельцина. URL: https://yeltsin.ru (дата обращения: 25.11.2017).

Президентский центр Б. Н. Ельцина // Facebook. URL: https://www.facebook.com/YeltsinCenter (дата обращения: 03.11.2017).

Президентский центр Б. Н. Ельцина // Telegram. URL: https://t.me/yeltsincenter (дата обращения: 03.11.2017).

Президентский центр Б. Н. Ельцина // Twitter. URL: https://twitter.com/yeltsincenter (дата обращения: 03.11.2017).

Президентский центр Б. Н. Ельцина // VKontakte. URL: https://vk.com/yeltsincenter (дата обращения: 03.11.2017).

Президентский центр Б. Н. Ельцина // Youtube. URL: https://www.youtube.com/user/YeltsinCentr/ (дата обращения: 03.11.2017).

Президентский центр Б. Н. Ельцина // Instagram. URL: https://www.instagram.com/yeltsincenter/ (дата обращения: 03.11.2017).

Пшеничный О. В. В Ельцин-центре открывается киноклуб // Президентский центр Б. Н. Ельцина. 13 января 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://yeltsin.ru/news/v-elcin-centre-otkroetsya-kinoklub/ (дата обращения: 10.09.2017).

Селезнев Р. С., *Скрипак Е. И.* Социальные сети как феномен социокультурного общества и специфика социальных связей в их среде // Вестн. КемГУ. 2013. № 2 (54). Т. 3. С. 125–131.

Семишова Е. П. Средства массовой информации в современном социокультурном пространстве // Аналитика культурологии. 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/sredstva-massovoy-informatsii-v-sovremennom-sotsiokulturnom-prostranstve (дата обращения: 10.10.2017).

Устав фонда Президентский центр Б. Н. Ельцина (ред. от 17 июля 2013 г.). Екатеринбург, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://yeltsin.ru/uploads/about/Ustav-Yeltsin-Presidential-Center_k8KqzS2.pdf (дата обращения: 11.11.2017).

Раздел 2
ИСТОРИЯ РОССИИ И УРАЛА В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

УДК 94(470.5).065

С. И. Цеменкова, А. В. Черноухов

«ОДНА КВАРТИРА НЕ ПОТРЕБОВАЛАСЬ...», ИЛИ ДУМА О ТЕХ, КТО СОЗДАВАЛ БИОГРАФИЮ И СЛАВУ УРАЛЬСКОЙ ИНДУСТРИИ

В статье рассматриваются некоторые сюжеты из истории деятельности на Урале в первой половине XVIII в. отечественных и иностранных специалистов, занятых в управленческих и производственных процессах, в том числе и в организации золотодобычи. Отмечается недостаточное внимание историков к биографиям первых горных деятелей среднего звена, говорится о необходимости комплексного исследования, направленного на воссоздание жизни и деятельности специалистов данного периода.

Ключевые слова: история горнозаводского Урала, история промышленности, золотодобыча, иностранные специалисты, горные деятели XVIII в., горные офицеры.

В середине XVIII в. после находки Е. Маркова и закладки двух шахт в 1748 и 1752 гг., названных Пышминской и Березовской, началась история новой отрасли хозяйства Урала – золотодобычи. Как и четверть века назад, когда на Исети рождался завод-поселок, здесь также была практически необитаемая местность. На освоение территории, поиск новых рудников, строительство фабрик, плотин и канала ушло немало времени.

Все эти события отражены в архивных делах. Можно подробно их описать, если не по дням, то по месяцам. От указа Кабинета ее императорского величества от 21 января 1748 г. о назначении «быть неотлучно при новом деле ассесору Порошину и гитенфервалтеру Улиху» до подробного обследования месторождений, принятия обширного (на 10 листах) решения о первоочередных и перспективных работах по золотодобыче в регионе [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1414, л. 115–117, 150–162].

© Цеменкова С. И., Черноухов А. В., 2018

Но не эти проблемы поставили перед собой авторы статьи. В документах встречается «россыпь» фамилий, списков людей, трудившихся в золотодобыче в то первое десятилетие: Н. и Г. Клеопины, З. Штор, Д. Головачев, Д. Келлер, Г. Алексеев, И. Виттих, Ф. Штауб и многие иные. Сведения о них, увы, в книгах и статьях, в экспозициях музеев очень скудные. История без людей…

Отметим, что ввиду огромной значимости проблемы развития золотодобычи, в 1753 г. в Канцелярии Екатеринбурга было проведено специальное совещание с приглашением штаб- и обер-офицеров. Целая плеяда людей, внесших вклад в развитие горнозаводского Урала, подписала тот документ. Вот их имена (по старшинству должностей): Никифор Клеопин, Степан Неелов, Елизар Назарьев, Петр Зеленый, Панфил Алексеев, Степан Владычин, Дмитрий Попов, Иван Сусоров, Афонасий Кичигин, Алексей Порецкий. Одни из этого списка уже в 20-е гг. XVIII в. делали свое великое дело, вторые учились, набирались опыта. В итоге выросла достойная смена.

Представим одного из плеяды старшего поколения – Елизара Назарьева. В военной службе с 1704 г., участник Северной войны, в том числе Полтавской битвы. В 1729 г. прибыл на Урал прапорщиком, работал надзирателем лесов, управляющим заводов, был в Нерчинске. В 1736 г. произведен в поручики, в 1750 г. – в капитаны. Штаб-лекарь Шнезе в 1750-е гг. зафиксировал: «стар и всем корпусом дряхл и к тому ж в ногах имеются великие раны… оные болезни уже вылечить невозможно». Уезжать из Екатеринбурга защитнику Отечества и добросовестному труженику было некуда, богатств не накопил, похоронен был на городском кладбище после 1764 г. А вот какую характеристику получил этот человек в популярной книге о Н. Г. Клеопине в начале XXI в.: «деятельный дурак тамошний управитель – неграмотный поручик Елизар Назарьев, герой анекдотов в Екатеринбурге, участник Полтавской битвы» [Корепанов, с. 130]. Да, писал Е. Назарьев действительно неважно, но если достойно оценить все этапы его жизненного пути и случившийся на Каменке конфликт, то характеристику дать ему следовало бы иную.

В этой связи можно считать уникальным перечень специалистов 20–50-х гг. XVIII в., зафиксированных в 1765 г. в одном архивном деле. Все они с пометой «умре» [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1797, л. 224–270]. Перечислим лишь некоторых: И. Аистов, В. Брант, Ф. Шеинков, С. Клепиков, И. Бортников, П. Столов, В. Бурцев, А. Метенев, И. Голенищев-Кутузов, С. Москвин, А. Текутьев, И. Сусоров, М. Кутузов, И. Ион, Д. Одинцов, К. Горн, Ю. Берлин, А. Татищев, С. Владычин, Л. Вострая Сабля,

Л. Малатеин, Т. Бурцев, К. Гордеев, М. Салтыков, Ф. Карцев, Л. Степанов, Ф. Неклюдов, А. Калачев… – длинный перечень фамилий. За каждой из них вклад в биографию уральской индустрии с 20-х гг. XVIII в. Но вновь мы вынуждены констатировать – сведений об их работе мало.

Поразительно, но на сегодняшний день, за исключением биографий В. Н. Татищева, В. И. Геннина, нет солидных работ даже о крупных руководителях XVIII в., не говоря уже о специалистах среднего звена, русских и иностранных специалистах. О создании таких книг рассуждают историки уже не одно десятилетие. Исключение составляют далеко не полные, разрозненные сведения об иностранцах (главным образом, XIX – начала XX в., а не раннего периода) и не лишенная фантазий и фактических ошибок упомянутая выше книга Н. С. Корепанова о Н. Г. Клеопине.

Пора от слов переходить к делу и решить проблему комплексно – создать труд, содержащий хотя бы краткие биографии людей, внесших вклад в зарождение и становление славы горнозаводского Урала XVIII в. Это сложная работа, на несколько лет. Необходим сплошной просмотр сотен архивных дел. Но итог ее очевиден: база данных о российских и иностранных мастерах поможет рассказать о жизни и деятельности этих людей.

А о квартире сообщим следующее. Первое золото было найдено. Но до окончательного решения о судьбе разрабатываемых месторождений руководители на местах и в Екатеринбурге не делали попыток обустройства территории, чтобы в случае неудачи она «в туне не оставалась». Работники приходили из близлежащих деревень, специалистам также приходилось преодолевать множество трудностей.

Летом 1753 г. надворный советник Н. Г. Клеопин осмотрел Пышминский и Березовский рудники, увидел трудные условия жизни горных служителей и потребовал от Канцелярии в Екатеринбурге комплексно решить производственные и «коммунальные» проблемы – построить жилье и бани. Он даже представил чиновникам «в плане и прошпекте» чертежи шести мазанковых домов «на две казармы, в коих горным служители в шабаше отдохновние иметь и потребную нужду исправлять». Решение было положительным, но строительство «коммуналки» затягивалось.

Об этом и написали просьбу два иностранца – С. Штауб и И. Виттих. Оба они работали на рудниках Пермских, Верх-Исетских заводов с 1741 г., продлевали свой срок службы в России, «за показанные труды, прилежность и искусство» повышались в должностях. Оба имели семьи. В контрактах неизменно отмечали следующее: «если, паче чаяния, не до-

служит по контракту и помрет, то жалование и прогоны до Отечества дать жене…» [ГАСО, ф. 24, оп.1, д. 1414, л. 319–323].

Оказавшись на золотых рудниках, в прошении иностранные специалисты написали следующее. Они от домов в «пятнадцати верстах, при которых жительства и квартир, где б можно было нам жить с домашними своими не имеется, и в каждую неделю, оставляя домашних своих – жену и детей, и служащих при них людей – при Верх-Исетском заводе, а сами переезжаем одни назад тому года с три на означенные рудники, где бываем во всю неделю». Далее они отмечали трудности в приготовлении «съестных припасов», «немалый расход и оскудение» [Там же, л. 312–313].

Просьбу рассмотрели. И в 1755 г. им была выделена одна из шести строящихся квартир «о двух связях». Но иностранцев она не удовлетворила. В прошении встречаются такие фразы: «для житья нам в каждом покое по две семьи в коих не токмо чтоб было уместиться две семьи, но и одной семье ни по которой мере уместиться невозможно» [Там же]. Они продолжили: нам здесь жить с женами и детьми, «сверх же того имеем при себе шкарп, кое обоим в одном покое содержать будет за теснотою оных никак не можно… да и одному от другова может либо будет происходить обиды и притеснения» [Там же]. Не забыли упомянуть и о контракте, где им прописывалось обеспечение «казенными свободными квартирами» [Там же]. Вот и просили выделить каждому «по одной связи, в которых по два покоя, из коих одну белую, а другую черную избу. И при них построить для содержания скота конюшни и для положения съестных припасов погреб с надпогребницами» [Там же].

Справедливая просьба. Канцелярия ее удовлетворила, и к концу июля 1755 г. просители должны были получить отдельное мазанковое жилье. И. Виттих, наверное, получил. О его дальнейшей судьбе мы пока больше ничего сказать не можем (документы не найдены). А вот С. Штауб не дождался, так как «23 числа минувшего июня волею божею умре». Где он получил последнее убежище – на погосте Верх-Исетского завода или на новом, в Березовске, также неизвестно.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24: Уральское горное управление.

Корепанов Н. С. Никифор Клеопин. Екатеринбург, 2000.

УДК 94(470.5)07:622

А. А. Бакшаев

НОРМАТИВНАЯ БАЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА
в конце XVIII – первой половине XIX в.

В статье анализируются нормативно-правовые документы в сфере горного дела и металлургии, регулировавшие организацию и деятельность казенных заводов Урала в конце XVIII – первой половине XIX в. Эти документы определяли порядок создания и функционирования органов управления горнозаводской промышленностью, объемы и сроки выполнения военных заказов, вопросы реализации продукции частным лицам, положение мастеровых и рабочих людей. Высочайше утвержденный Проект Горного положения 1806 г., а также штаты и рабочие положения регламентировали все стороны деятельности казенных горных округов.

Ключевые слова: казенный горный округ, нормативная база, Урал, Проект Горного положения, военные наряды, рабочие положения, штаты.

В XVIII в. на Урале начинается формирование горнозаводских хозяйств, принадлежащих государству и специализировавшихся на удовлетворении его военных потребностей. Одновременно в регионе создаются органы управления горнозаводской промышленностью. Завершается создание казенных горных округов в начале XIX в. в ходе осуществления реформы отраслевого управления. В это же время в казенное ведение поступает ряд частных хозяйств (Богословские, Златоустовские заводы). В результате к концу 20-х гг. XIX в. на территории региона складывается самостоятельный казенный сектор горнозаводской промышленности, представленный шестью округами.

Первые нормативные акты в сфере горного дела и металлургии создаются в начале XVIII в. одновременно со строительством металлургических заводов и формированием региональных органов управления. Важнейшими документами в этой сфере были Берг-привилегия от 10 декабря 1719 г. и Берг-регламент от 3 марта 1739 г. Реформа управления горнозаводской промышленностью начала XIX в. привела к дальнейшему совершенствованию нормативной базы деятельности казенных горных округов Урала.

В ходе подготовки реформы 21 сентября 1804 г. императором Александром I был утвержден доклад министра финансов графа А. И. Васильева, в котором устанавливались новые правила организации и деятельности горнозаводской промышленности. Основные положения док-

© Бакшаев А. А., 2018

лада вошли в высочайше утвержденный 13 июля 1806 г. Проект Горного положения – законодательный акт, регулирующий все стороны функционирования органов горного управления и металлургических предприятий России. Он был утвержден в качестве временной меры на пять лет, но действие его продолжалось намного дольше. Впоследствии он был включен в Свод законов Российской империи [см.: СЗРИ, т. 7. Устав горный]. Для руководства горнозаводской промышленностью создается региональный орган управления – Пермское (затем Уральское) горное правление, которому подчинялись казенные горные округа и заводы [см.: ПСЗРИ-1, т. 29, № 22208, с. 443].

В Проекте Горного положения закреплялась структура управления округом, круг обязанностей и порядок назначения на должности чиновников горнозаводской администрации. Так, во главе округа был поставлен горный начальник, который назначался министром финансов с высочайшего утверждения императора. Высшее руководство округом составляли горный начальник, его помощник и члены присутствия главной конторы. Горный начальник осуществлял общее руководство хозяйственной деятельностью округа в пределах своих полномочий [см.: Там же, с. 439, 443, 496, 567–569].

Выполнение военных нарядов объявлялось важнейшим направлением деятельности казенных металлургических заводов. В Проекте Горного положения устанавливался порядок выполнения нарядов. Пермское горное правление после получения данных о количестве необходимых изделий от Военного и Морского ведомств распределяло их по горным округам. Горный начальник, получив требования о военной продукции от Горного правления, передавал их на предприятия округа, в зависимости от наличия соответствующего оборудования и производств. Руководители горных округов доставляли в Горное правление ведомости о состоянии заводского имущества, производительности предприятий, изготовлении военной продукции. Оставшуюся от выполнения нарядов, требований казенных палат и других учреждений часть продукции разрешалось реализовать частным лицам. В этом случае надбавка к заводской цене снижалась с 25 % до 12 % [см.: Там же, с. 509–510, 556–558].

В высочайше утвержденном докладе министра финансов и Проекте Горного положения устанавливались постоянные цены на продукцию казенных заводов Урала на пять лет (1807–1812). Стоимость металлов и изделий увеличилась по сравнению с предшествующим периодом. Причиной повышения цен было ветхое состояние зданий и оборудования казенных заводов. Для их реконструкции, которая должна была завер-

шиться за пять лет, правительство выделяло более 594 тыс. руб. После совершенствования производства цены на изделия казенных заводов следовало пересмотреть. В Проекте Горного положения были установлены цены для Гороблагодатских, Камских, Богословских и Пермских заводов [см.: ПСЗРИ-1, т. 29, № 22208, с. 446–453]. Стоимость продукции Екатеринбургских заводов была определена в высочайше утвержденном докладе министра финансов от 10 ноября 1806 г. [см.: Там же, № 22346, с. 838–843].

В Проекте Горного положения также регламентировался порядок открытия и эксплуатации рудных месторождений, устанавливались размеры вознаграждения за нахождение новых рудников. Здесь же определялся порядок управления казенными лесами, распределения полномочий между Лесным и Горным ведомствами в этой сфере. Положения раздела о заводских лесах обязывали горную администрацию провести их межевание, составить описания, обеспечить казенные предприятия необходимым количеством топливных ресурсов, проводить мероприятия по сбережению лесов. В документе регулировались и вопросы улучшения дорожной сети казенных горных округов [см.: Там же, № 22208, с. 445, 564–565, 614–624].

Ряд разделов данного законодательного акта был посвящен положению работников, регулированию вопросов образования и медицинского обслуживания на казенных заводах. В частности, мастеровые, поступавшие на заводы через рекрутские наборы, могли по желанию быть отправлены в военную службу. На предприятиях их следовало заменить таким же числом рекрутов. Горная администрация получила право отдавать мастеровых в рекруты за провинности. В казенных горных округах должны были создаваться горные школы, госпитали и богадельни [см.: Там же, с. 457–458, 461–464].

Помимо Проекта Горного положения, деятельность казенных горных округов регулировали указы императора и Сената, высочайше утвержденные доклады, положения и инструкции. В начале XIX в. произошли изменения в структуре управления горнозаводской промышленностью. Так, именным указом от 9 ноября 1800 г. и указом Правительствующего Сената от 16 марта 1801 г. была ликвидирована Канцелярия главного заводов правления. Для руководства предприятиями Урала создавались три горных начальства: Пермское с центром на Юговском заводе, Гороблагодатское на Кушвинском заводе и Екатеринбургское в Екатеринбурге. Этим же указом утверждались штаты горных начальств [см.: Там же, т. 27, № 20112, 20160, 20431].

Во главе Екатеринбургского горного начальства указом Сената от 20 ноября 1801 г. был поставлен обер-берг-гауптман 4-го класса И. Ф. Герман. Главным начальником Гороблагодатского и Пермского горных начальств 5 декабря 1801 г. был назначен обер-берг-гауптман 5-го класса А. Ф. Дерябин. Руководители горных начальств (Екатеринбургского, Гороблагодатского и Пермского) в 1802 г. получили подробные инструкции об управлении вверенными им предприятиями, где определялись структура и функции горной администрации, состав заводов, полномочия горных начальников в производственной и кадровой сферах [см.: Иванов, с. 14; ПСЗРИ-1, т. 27, № 20160; Территориально-экономическое…, с. 200–204, 208–209].

В конце XVIII – первой четверти XIX в. в казну передавались новые группы частных предприятий. На их основе было создано несколько казенных горных округов. В частности, именным указом от 11 апреля 1791 г. Богословские заводы поступили в ведение Государственного Ассигнационного банка от наследников М. Походяшина, которым было выплачено 2,5 млн руб. Для хозяйственного управления предприятиями была учреждена особая Банковая экспедиция. В 1798 г. Богословские заводы передаются в ведомство Берг-коллегии [см.: ПСЗРИ-1, т. 23, № 16957; т. 24, № 17607; Чудиновских, с. 40].

В начале XIX в. вновь рассматривался вопрос о передаче Богословских заводов в частные руки. В результате на основании высочайше утвержденного доклада министра финансов от 7 ноября 1806 г. их решено было оставить на казенном содержании. Из ведения Государственного Ассигнационного банка они перешли под управление Пермского горного правления. В докладе были рассмотрены итоги хозяйственной деятельности заводов под руководством банковского начальства, приводились данные об изготовлении важнейших видов продукции, ее себестоимости. Горному начальнику округа были даны указания по дальнейшему развитию производства [см.: ПСЗРИ-1, т. 29, № 22342, с. 807].

В первой четверти XIX в. из состава Гороблагодатских заводов выделяется Камско-Воткинский горный округ. Указом Александра I от 28 октября 1808 г. Ижевский оружейный и железоделательный заводы Гороблагодатского округа передаются в ведение Министерства военных сухопутных сил. 10 декабря 1813 г. была учреждена Воткинская заводская контора во главе с особым управляющим, непосредственно подчинявшаяся Пермскому горному правлению. Окончательно новый горный округ был создан в 1828 г. с утверждением его штатов [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 33, д. 62, л. 2; ф. 25, оп. 1, д. 1515, л. 1–1 об.; ПСЗРИ-1, т. 30, № 23318].

3 октября 1811 г. император утвердил мнение Государственного совета «об отобрании» в казну предприятий арендатора А. А. Кнауфа. В результате был создан еще одни казенный горный округ – Златоустовский. В 1815 г. было утверждено Положение об управлении заводами и вновь учрежденной оружейной фабрикой. Златоустовские заводы были переданы в непосредственное ведение Департамента горных и соляных дел «впредь до особого распоряжения». Во главе округа был поставлен горный начальник, создавалась главная контора «для производства дел и счетов». Златоустовскую оружейную фабрику возглавил директор – немецкий подданный А. Эверсман. Помощником его был определен горный начальник Златоустовского округа [см.: ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 2725, л. 1–1 об.; ПСЗРИ-1, т. 33, № 25895, с. 224–237].

Первые нормативные акты, определявшие порядок выполнения казенными заводами военных заказов, были изданы еще в XVIII в. До конца 70-х гг. XVIII в. производством военной продукции занимались как казенные, так и частные заводы. Правила поставки изделий для армии и флота изменились в соответствии с императорским манифестом от 21 мая 1779 г., который отменял обязательство партикулярных предприятий производить военные изделия. Казенные заводы становятся единственными изготовителями орудий, снарядов, железа по заказам казны. Однако в случае необходимости на частные заводы могли быть возложены поставки военной продукции. Военным и Морским ведомствами определялся ассортимент изделий, а также их размеры (ширина и толщина) [см.: ПСЗРИ-1, т. 20, № 14878, с. 823; РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 155, л. 11 об.–12].

Цены на военную продукцию впервые были установлены сенатскими указами 1715 и 1728 г. Во второй половине XVIII в. были изданы новые законодательные акты, определявшие стоимость изделий казенных заводов. В частности, в связи с необходимостью изготовления листового железа по нарядам Адмиралтейства Сенат в 1793 г. определил, что в случае появления подобных требований к «истинным» заводским ценам прибавлялось 10 %. В указе Сената от 20 января 1801 г. были установлены объемы продукции, изготавливаемой по военным нарядам, и их стоимость. Казенные горные заводы должны были ежегодно поставлять 30 тыс. пудов железа (20 тыс. полосового и 10 тыс. сортового). Цена пуда сортового железа составила 72 коп., полосового – 52 коп., листового – 62 коп. Артиллерийское ведомство также регламентировало размеры железа [см.: РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 155, л. 1–1 об., 12–12 об., 14–14 об.].

Несмотря на принятие новых нормативных актов, стоимость продукции казенных горных округов со времени утверждения указа 1728 г.

значительно не изменилась. Поэтому Сенат новым указом от 20 августа 1801 г. предписал изготавливать на казенных горных заводах металлы и изделия для Адмиралтейства, артиллерии и оружейных заводов (Тульского и Сестрорецкого). В случае необходимости по чрезвычайным требованиям Военного и Морского ведомств могли назначаться дополнительные наряды. Стоимость металлов и изделий вновь была увеличена [ПСЗРИ-1, т. 26, № 19986].

В начале XIX в. предпринимались попытки упорядочить систему расчетов между различными ведомствами за продукцию, изготовленную для военных нужд. Согласно высочайше утвержденному докладу министра финансов от 20 февраля 1803 г. представители Военного и Морского ведомств должны были выдавать квитанции при приеме металлов на заводах. Убытки, которые обнаруживались по прибытии продукции на места назначения, возлагались на счет военных ведомств [см.: Там же, т. 27, № 20624, с. 465–466].

В 1807 г. в совместном докладе, подготовленном министром финансов, военным министром и товарищем министра морских сил, констатировалось, что военные ведомства и оружейные заводы не в состоянии вносить плату за изделия сразу после их получения. По существовавшему в этот период порядку половину денег Горное ведомство получало сразу же после назначения нарядов. Другую половину перечисляли после приемки военных изделий. Расчет за изготовленную казенными заводами продукцию осуществлялся по частям и растягивался на длительное время. Все это приводило к накоплению долгов на Артиллерийском департаменте, Военном министерстве и оружейных заводах. В итоге расчеты за изделия было решено по-прежнему производить на местах после их приемки [см.: Там же, т. 29, № 22456, с. 1016–1018].

Изготовление военных изделий на казенных заводах Урала с 1804 г. было приостановлено для осуществления реконструкции производства. Но ведение военных действий с Турцией и Ираном и ожидание нападения наполеоновской Франции вынудило возобновить производство продукции по военным нарядам [см.: Ляпин, с. 14]. Согласно сенатскому указу от 22 сентября 1809 г. казенные заводы должны были работать только для нужд Адмиралтейства, артиллерии и оружейных заводов. Останавливалось изготовление металлов для продажи частным лицам. Горные начальники были обязаны сокращать брак при производстве железа. Данный указ не распространялся на Николае-Павдинский завод Богословского округа, не производивший металлы для военных нужд [см.: ПСЗРИ-1, т. 29, № 23854, с. 1166].

Накануне Отечественной войны казенные заводы столкнулись с трудностями при выполнении нарядов на артиллерийские орудия и снаряды, осуществлявшиеся с опозданием и не в полном объеме. Поэтому 3 октября 1810 г. императором было утверждено мнение Государственного совета о возложении на частные заводы изготовления до 350 тыс. пудов военной продукции. Государственный совет установил цены на орудия и снаряды для частных заводов в полтора раза выше казенных, предписал государственным предприятиям предоставить им квалифицированных мастеров. Частные заводы, добровольно приступившие к изготовлению военной продукции, могли получить двойную цену при сдаче ее в военное ведомство. Было решено возобновить изготовление орудий и на казенных Гороблагодатских заводах [см.: Там же, т. 31, № 24368].

Порядок изготовления военной продукции, требования к ее размерам и качеству устанавливались Военным и Морским министерствами в специальных правилах и инструкциях. Например, в 1804 г. были утверждены правила пробы и приема артиллерийских орудий. Подобное положение в этом же году было разработано для приема железа, якорей и артиллерийских снарядов. В Положении устанавливались требования к размерам, свойствам железа разных сортов, весу и качеству якорей и артиллерийских снарядов, определялись сроки выполнения нарядов. На казенные заводы должны были направляться комиссионеры Артиллерийского и Морского ведомств, деятельность которых по приему металлов и изделий подробно регламентировалась [см.: Там же, т. 28, № 21232, 21359].

Новые требования к размерам и качеству артиллерийских орудий были установлены в инструкции от 30 апреля 1808 г. Порядок приема артиллерийских снарядов, разрешения споров между военными приемщиками и горной администрацией был определен в «Инструкции о приеме артиллерийских снарядов» от 18 августа 1808 г. [см.: Там же, т. 30, № 22986, 23233].

Казенные горные округа производили продукцию не только для военных нужд, но и по требованиям губернских казенных палат для строительства зданий, а также для продажи частным лицам. Цены на эти изделия были определены в сенатском указе от 27 апреля 1785 г. В случае их реализации в городах к заводским ценам добавлялось 10 %. В 1799 г. расценки увеличились на 25 %, а при продаже в Санкт-Петербурге – на 10 %. Проектом Горного положения наценка на продукцию казенных заводов вновь была снижена до 10 % [см.: Там же, т. 29, № 22208, с. 556–558; РГИА, ф. 37, оп. 9, д. 155, л. 72 об.].

Так как заказы на железо поступали от казенных палат уже после отправления караванов, Сенат своим указом от 1 апреля 1794 г. определил, что требования о количестве необходимого железа и изделий должны поступать в Экспедицию о государственных доходах не позже сентября месяца. При этом условии казенные заводы должны были успеть изготовить металлы к следующему весеннему каравану [см.: ПСЗРИ-1, т. 23, № 17195].

К 1796 г. на уральские казенные заводы поступило такое большое количество заказов на изделия для вольной продажи, что выполнить их было невозможно без ущерба военному производству. В результате в 1797 г. Сенат предписал казенным палатам указывать в требованиях, на какие казенные постройки и в каком объеме необходимо железо, а также количество изделий для продажи частным лицам. Новым указом от 26 июля 1798 г. эти распоряжения были подтверждены. Казенным палатам предписывалось продавать железо жителям городов и уездов не более 5 пудов в одни руки [см.: Там же, т. 25, № 18603].

Еще одна группа нормативных актов регулировала положение работников казенных предприятий. В начале XIX в. правительство решило отказаться от системы массовой приписки государственных крестьян к заводам. В докладе министра финансов графа А. И. Васильева, утвержденном Александром I 15 марта 1807 г., приписные крестьяне заменялись непременными работниками, определялся порядок пополнения ими металлургических предприятий. Количество непременных работников для казенных заводов должно было определяться горными властями в зависимости от производственных нужд. Они прикреплялись к предприятиям целыми селениями. В докладе также устанавливался размер жалованья и провианта непременных работников [см.: Там же, т. 29, № 22498].

Государство регулировало также вопросы материального положения мастеровых, определяло размер их жалованья и провианта. Так, согласно указу императора от 15 мая 1785 г. провиант выдавался мастеровым за плату, из которой вычиталось 20 коп. за пуд. Были установлены нормы его выдачи: холостым работникам – 2 пуда на месяц, женатым – 3 пуда, малолетним детям – по 1 пуду. В 1799 г. было определено, что сумма 20 коп. за пуд вычиталась, если провиант будет обходиться заводам до 1 руб. (для тех, кто получал жалованье 5 руб. в месяц). С получавших меньшее жалованье (2–3 руб. в месяц) вычиталось 10 коп. [см.: Там же, т. 22, № 16201; т. 25, № 18965].

Сенатским указом от 19 мая 1819 г. мастеровых и работных людей разрешалось увольнять «в страдное время» для сенокосных работ. Рабочих

Екатеринбургских, Гороблагодатских, Пермских и Камско-Воткинских заводов отпускали на 20 дней без вычета жалованья, в Богословских заводах – на 30 дней по причине дальнего расстояния сенокосных мест от предприятий. В высочайше утвержденном 19 августа 1824 г. Положении Комитета министров разрешалось использовать мастеровых на работах, которые не могли быть остановлены (доменном производстве, откачке воды из рудников), в выходные и праздничные дни. За данную работу им полагалось выплачивать тройное жалованье [см.: О временных пособиях…, с. 5–7; ПСЗРИ-1, т. 39, № 30030].

В ходе деятельности Комитета по устройству казенных заводов (созданного при Департаменте горных и соляных дел в 1824 г.) был принят ряд мер по улучшению положения мастеровых казенных горных округов. В частности, в 1826 г. указом Сената был отменен вычет за провиант, установленный в 1785 г. Он должен был отпускаться бесплатно престарелым и увечным работникам, нижним горным чинам и их семействам. Эти нормы были введены в качестве временной меры до утверждения новых штатов казенных горных округов. Именной указ от 30 июня 1826 г. устанавливал дополнительные выплаты работникам золотых промыслов [см.: Там же, с. 9–10; О производстве порционных денег…, с. 16–17].

Вся хозяйственная деятельность казенных горных округов была организована в соответствии со штатами и рабочими положениями. Штаты Екатеринбургских заводов были включены в 1806 г. в Проект Горного положения. Во второй четверти XIX в. были утверждены новые штаты всех казенных горных округов Урала: в 1827 г. – для Пермских, в 1828 г. – Камско-Воткинских заводов в виде временной меры на три года. В течение этого времени должны были собираться сведения о действии заводов. По истечении трех лет на основании этих данных в штаты планировалось внести изменения и утвердить их окончательно. На этих же условиях в 1829 г. были приняты штаты и для других казенных горных округов: Гороблагодатского, Екатеринбургского, Богословского и Златоустовского. Но они продолжали действовать и по истечении установленного срока, были включены в Устав горный редакций 1832 и 1857 гг. [см.: ПСЗРИ-1, т. 44. Книга штатов, с. 72–79; ПСЗРИ-2, т. 2, № 1022. Книга штатов; т. 3, № 1776. Книга штатов; т. 4, № 2888, 2890. Книга штатов]. Новые штаты казенных горных округов были утверждены 11 мая 1847 г. [см.: Штаты и основные рабочие…, с. 129–166].

Штатами определялась структура управления горным округом, а также отдельными заводами, рудниками и промыслами, численность и заработная плата служащих и мастеровых, работники распределялись

по основным и вспомогательным производствам. Рабочие положения закрепляли состав основных цехов, производительность предприятий, количество необходимого для их деятельности сырья и топлива. К штатам каждого горного округа составлялась записка, где давалась характеристика его хозяйственной деятельности, определялся состав предприятий, виды производимой продукции. Так, Камско-Воткинские заводы должны были получать чугун и припасы с Гороблагодатских заводов и изготавливать железо, якоря и другие изделия по военным нарядам [см.: ПСЗРИ-2, т. 3, № 1776. Книга штатов, с. 89–92].

Для регулирования отдельных направлений деятельности казенных заводов органами горного управления составлялись правила и инструкции. Например, для руководства работой геологических партий, исследовавших территорию казенных горных округов, в 1829 г. была составлена специальная инструкция. Этот документ включал в себя подробное наставление горным офицерам по изучению территории и геологического состава недр. Департаментом горных и соляных дел была утверждена инструкция для составления описаний казенных горных округов [см.: Инструкция горным партиям…, с. 3–5, 9, 32; РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 172, л. 8–19 об.].

Таким образом, нормативная база организации деятельности предприятий казенных горных округов Урала формируется в конце XVIII – начале XIX в. Ее составляли указы именные, Сената, высочайше утвержденные штаты и рабочие положения, ведомственные инструкции. В первой половине XIX в. реформирование системы отраслевого управления, а также организации военного производства на казенных заводах привело к дальнейшему совершенствованию законодательства в сфере горного дела и металлургии.

ГАСО. Ф. 24 (Уральское горное управление).

ГАСО. Ф. 25 (Главная контора Екатеринбургских заводов).

РГИА. Ф. 37 (Горный департамент).

Иванов П. А. Краткая история управления горной частью на Урале. Екатеринбург, 1900.

Инструкция горным партиям для геологического описания Хребта Уральского и для приискания руд и золотосодержащих россыпей. СПб., 1829.

Ляпин В. А. Технико-экономическое состояние военного производства казенных заводов Урала в первой половине XIX в. // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма : сб. науч. тр. Свердловск, 1989. С. 13–27.

О временных пособиях мастеровым, рабочим и другим людям, при горных заводах находящимся : Указ Его императорского величества из Правительствующего Сената // Горн. журн. 1827. № 5. С. 3–12.

О производстве порционных денег мастеровым и рабочим людям при золотых промыслах : Указ Его императорского величества из Правительствующего Сената // Горн. журн. 1827. № 5. С. 16–18.

ПСЗРИ-1. СПб., 1830. Т. 20. № 14878; Т. 22. № 16201; Т. 23. № 16957, 17195; Т. 24. № 17607; Т. 25. № 18603, 18965; Т. 26. № 19986; Т. 27. № 20112, 20160, 20431, 20624, 20680; Т. 28. № 21232, 21359; Т. 29. № 21342, 22208, 22342, 22346, 22456, 22498; Т. 30. № 22986, 23233, 23318, 23346, 23854; Т. 31. № 24368; Т. 33. № 25895; Т. 39. № 30030.

ПСЗРИ-2. СПб., 1830. Т. 2. № 1022. Книга штатов; Т. 3. № 1776. Книга штатов; Т. 4. № 2889–2890.

СЗРИ. Т. 7. Уставы горный, монетный и о соли. СПб., 1857.

Территориально-экономическое управление в России XVII – начала XX века: Уральское горное управление. М., 2008.

Штаты и основные рабочие положения для горных казенных заводов хребта Уральского. СПб., 1847.

Чудиновских В. А. Богословский горный округ в конце XVIII – первой половине XIX в. // Промышленность Урала в период зарождения и развития капитализма : сб. науч. тр. Свердловск, 1989. С. 40–56.

УДК 94(470.34).081:271.2

В. А. Коршунков

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ ДЬЯЧКА ЗАМЯТИНА: КАК В XIX В. РУКОВОДСТВО ВЯТСКОЙ ЕПАРХИИ ПЕРЕВОСПИТЫВАЛО СВОИХ ПОДНАЧАЛЬНЫХ[1]

В статье, основанной на архивных материалах, рассматривается вопрос о том, каким образом епархиальное руководство реагировало на нарушение дисциплины со стороны подчиненных ему священно- и церковнослужителей. В центре внимания – история дьячка Николая Замятина из г. Котельнича Вятской губернии, которого неоднократно привлекали к взысканиям за пьянство и бесчинства.

[1] Автор благодарен за всегдашнее содействие в работе директору Государственного архива Кировской области Елене Игоревне Пакиной. Благодарю также за помощь замечательного знатока вятских архивов, историка Сергея Владимировича Шишкина.

© Коршунков В. А., 2018

Ключевые слова: Русская церковь, Вятская епархия, русское духовенство, дисциплинарные практики.

В повседневной жизни Церкви и ее служителей заметно сочетание сакрального и бытового. С одной стороны, даже сельский поп должен был вызывать у верующих людей уважение своей причастностью к священному. Рукоположение, литургия и таинства, святые дары, принятие исповеди – все это в глазах окружающих означало сакральность, неотмирность. А церковное здание, с антиминсом и мощами святых, было священным местом в самом непосредственном смысле: после завершения строительства или после ремонта его освящали. С другой стороны, расхожим пороком духовенства, с которым постоянно боролось руководство, было пьянство и вызванное им буйство. Случалось немало неприятностей и скандалов, связанных с этим пороком. В узком мирке «поповки» (если вслед за Н. С. Лесковым использовать это старинное слово) происходили конфликты по вполне приземленным поводам, нередко в этой среде царили наушничество и доносительство. Появление в церкви священно- или церковнослужителя пьяным, либо шум, бесчинства и непотребства, даже обнаружение в церкви пятен крови или чего-нибудь иного, «нечистого» – все требовало от ответственных лиц специальных действий, определенных каноном и обычаем. Церковное начальство вынуждено было реагировать: епископ предписывал духовной консистории завести дело, которое могло тянуться годами.

Историкам было бы важно выяснить, что за причины вызывали такое количество доносов друг на друга в среде духовенства, какие при этом выявлялись внутренние конфликты, какими способами руководство пыталось разрешить конфликтные ситуации и дисциплинировать подчиненных, как при этом старались поддерживать ощущение сакральности.

Такая тема не слишком хорошо изучена. Церковные историки старались ее не касаться. Например, в главах обобщающего труда протоиерея Владислава Цыпина имеются разделы под названием «Религиозно-нравственное состояние народа и церковная жизнь», но в них нет материалов о «религиозно-нравственном состоянии» духовенства [см.: Цыпин]. Советские историки-пропагандисты охотно выискивали в источниках сведения о внутрицерковных «нестроениях» и о пороках церковников, но те из них, кто пытался проявить хоть какую-нибудь объективность в частных вопросах, самостоятельными исследованиями этой темы не занимались [см., напр.: Никольский], а те, кто тщательно собирал порочащие Церковь факты и домыслы, вряд ли могут быть названы исследователями

[см.: Грекулов, 1928]. Современные ученые не очень интересуются поставленной таким образом научной проблемой [см.: Леонтьева; Кондаков; Розов; Бернштам; Шевцова и др.].

Эта проблематика будет рассмотрена на архивных материалах Вятской епархии XIX в. В центре внимания – история, приключившаяся с дьячком Николаем Замятиным из Николаевской церкви г. Котельнича. Сведения о нем выявлены в нескольких разноплановых архивных делах, так что в этом случае можно проследить его судьбу. Вятское духовенство уже изучалось, однако даже в монографии, посвященной священнослужителям Вятской епархии, эксцессы, подобные этому, упоминаются лишь вкратце [см.: Скутнев]. О котельничской Николаевской церкви недавно вышла целая книга, но в ней о повседневной жизни клира не говорится, да и вообще сколько-нибудь подробное изложение ведется лишь с конца XIX в. [см.: Горев].

В 1851 г. благочинный г. Котельнича протоиерей Георгий Усольцов направил епископу Вятскому и Слободскому Елпидифору рапорт, в котором сообщал, что 19 сентября дьячок котельничской Николаевской церкви Николай Замятин «у вечернего пения» был «в столь пьяном виде, что упал в олтаре на пол и разбил себе нос и губу до крови и окровавил оною пол в олтаре». Проводивший в тот день службу священник Павел Феофилактов сразу же послал за благочинным. И тот «нашел сего Замятина спящим в паперти уже не на лавке, а на полу, и близь его кровь и на лавке кровавые пятна». На следующий день благочинный еще раз осматривал Николаевскую церковь, в том числе и некие пятна в алтаре.

В приложенной к этому документу бумаге, которую составили находившиеся в храме во время происшествия священник, дьякон, два дьячка и два пономаря, имелось более подробное описание случившегося. Замятин, дескать, явился на богослужение «весьма в пьяном виде». И это стало заметно по тому, что он «пел (“Господи, помилуй” и проч.) не своим обыкновенным голосом – теноробасом (так! – *В. К.*), но дискантом». По окончании вечерни все служители собрались в алтаре «для выслушания и подписки к присланным для объявления указам». Тогда уже они приметили, что дьячок Замятин сильно пьян. Священник «Павел Феофилактов, усмотрев это, неоднократно говорил ему, чтоб он вышел из олтаря, и даже велел вывесть; но дьячек Замятин не послушал ни священника, ни братии. Напротив, заметив, что один из (трех) указов священником был уже подписан и желая выказать обыкновенную свою важность пред прочей братией, прежде диакона взял бумаги и подписался к одному

из указов[2]; но, видя, что он подписался весьма дурно, во избежание подобных безпорядков, прочих указов для подписа ему не дали. По окончании подписки к указам священник Павел Феофилактов и диакон Василий Ивановский тогда же разошлись по домам, а прочие оставались в олтаре для того более, чтоб выпроводить дьячка Замятина. Когда же и те стали выходить из олтаря, то дьячек Замятин, желая достичь дьячка Димитрия Анцыгина, вероятно, запнулся, упал в олтаре на пол и разбил себе нос и губу до крови. Пономарь Иван Попов, пришед к тому месту, где упал Замятин, увидел на полу, шагах в двух от левых пономарских дверей, значительные капли крови, которые церковный сторож Николай Афанасьев хотя вскоре и растер, однако оные и на другой день были для всех весьма приметны. Наконец, дьячок Замятин, от удара ли о пол, или уже от действия вина до того ослабел, что, вышед из алтаря, лег в церковной паперти на лавку и, наделав большие пятна крови на лавке и на полу, спал часа два; потом ушол будто бы в церковную ограду и там проспал далее полуночи».

Епископ Елпидифор повелел переосвятить церковь, а с дьячком разобраться, отстранив его покуда от служения. Вятская духовная консистория, конкретизируя указание епископа, поручила провести следствие духовному правлению соседнего уезда – Орловского, которому подчинялись также церкви Котельнича [см.: ГАКО, ф. 237, оп. 154, д. 1267, л. 1–3].

Дьячок Замятин, чтобы оправдать себя, в объяснительной записке стал намекать, что его коллеги ведут себя еще хуже:

«Сего 1851 года сентября 19 дня был я приглашен с прочими на поминки, где выпил по убедительной просьбе хозяина водки, от чего пришел несколько в опьянелое состояние, пришел к вечерни и после оной стал гасить свечи в олтаре, и в конце пономарских дверей, запнувшись за плиту, шатавшуюся и не плотно лежавшую, сподкнулся и присек губу, от чего и оказались едва приметные две капли крови. <…>

Но как сей случай нечаянности произошел единственно от поврежденной плиты и мог быть совершенно с трезвым, но за всем тем поступок этот против должности и благоповедения угрызает мою совесть; тем более что я в продолжении всей двенадцатилетней службы не подвергал себя формальному суду, и притом относительно семейства моего, в коем я имею, кроме жены своей и дочери, пропитываю отца своего, священника, одержимого падучею болезнию, мать и трех возрастных сестер; то на основании 165 пункта ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Устава духовных

[2] Подписи под бумагами клирикам нужно было ставить в строгом порядке и по старшинству: настоятель храма, потом другой священник, затем дьякон или дьяконы, в самом конце – дьячки и пономари. Именно так и под этим документом.

консисторий[3] прошу покорнейше, как отца и покровителя бедным и несчастным, без формального судебного производства, своим архипастырским судом осудить меня по ВАШЕМУ отеческому благоусмотрению для очищения моей совести» [Там же, л. 4–4 об.].

Замятин просил епископа осудить его «без формального судебного производства, своим архипастырским судом». В чем разница? Он апеллировал не к бездушному закону, а к личности – «отцу родному», который строг, но милостив. Подобно гласу народному, что призывал сурового городничего в пьесе А. Н. Островского «Горячее сердце» (1869): «Суди по душе, будь отец, Серапион Мардарьич». Может, и так. Но главное: официально проведенное разбирательство и затем церковный суд наверняка оставили бы более весомые, неизгладимые следы в анкетах и послужных списках. В клировых ведомостях – ежегодных отчетах приходского клира перед церковным начальством – непременно указывались награды и наказания каждого священно- и церковнослужителя. Взыскания, определявшиеся без суда, а только по распоряжению начальства, согласно правилам, не должны были отражаться в клировых ведомостях. И при начале какого-нибудь допроса под протокол, когда устанавливали личность, от человека требовали ответа, был ли он когда-либо судим и наказан. Впоследствии об этом придется заявлять и несчастному Замятину. Покуда же он мог смело писать назначенному по его делу следователю, что «судим и штрафован не бывал».

Следователем по этому делу назначили священника из г. Орлова Петра Катаева. Чтобы прояснить некоторые обстоятельства, он направил в письменном виде уточняющие вопросы самому Замятину и его коллегам – доносителям и свидетелям.

Стало известно, что в тот злополучный день – 19 сентября – в доме молодого пономаря Ивана Пономарева и его матери, просфорницы Матроны, проходил поминальный обед по хозяину – отцу Ивана. Покойный был причетником Николаевской церкви Котельнича, а его сын стал служить в Предтеченской. На обед пригласили людей из двух этих церквей. Священников на нем не было, а дьякон был один. Собрался народец поплоше – дьячки да пономари. Священнослужителям, видимо, не по чину

---

[3] Устав духовных консисторий был подписан Николаем I и введен в действие в 1841 г. Он разделялся на три разряда (части), и весь третий разряд регулировал устройство епархиального суда. Среди архивных дел Котельничского благочиния хранятся выписки из «Проекта устава духовных епархиальных консисторий» [см.: ГАКО, ф. 252, оп. 1, д. 2, л. 244–246].

было в дом к просвирне заявиться, бок о бок с низшими за поминальным столом сидеть. Дореволюционная Россия – страна сословная, и каждое местное сообщество выстраивалось по ранжиру, в том числе и котельничская «поповка».

Шесть вопросов, адресованных Замятину, следователь Катаев формулировал незатейливо, зачастую просто копируя те фразы, которые фигурировали в прежних бумагах. Он вопрошал Замятина: «…В каком виде, т. е. трезвом или пьяном, был ты у вечернего пения, и для чего пел “Господи, помилуй” и пр[очее] не своим голосом – теноробасом, а дышкантом?» Тут же, чуть ниже, Катаев спрашивал уже так, будто не сомневался, в каком виде тот был у вечерни: «…Для чего ты, будучи в нетрезвом виде, заподписал один указ прежде д[ь]якона весьма дурно?..» Вот еще вопрос следователя: «…По какой побудительной причине ты гнался по церкви в олтарь холодного храма за причетником Димитрием Анцыгиным, и от какового побегу якобы ты упал в олтарь?..» Интересовало его также, «где ты и с кем угощался вином и в каком количестве?» [Там же, л. 13–14 об.]

Дьячок Замятин на это ответствовал:

«1. Я от дня своего рождения имею 27 лет, судим и штрафован не бывал.

2. При приходской своей церкви прохожу настоящую свою должность тринадцатый год, и во время прохождения оной с октября 1843 до 1 октября 1851 года занимаюсь в поселянском училище[4] помощником у наставников частным, в чем имею ссылку на г[осподина] смотрителя училища Бажина и священника Михаила Наумова <…> естли бы я был худой нравственности, то никогда бы меня не допустили до обучения детей поселянских.

3. Признаюсь чистосердечно, что я сентября 19 дня сего 1851 г. у вечернего пения был навеселе от употребления мною до четырех рюмок

[4] Так иногда именовались церковно-приходские училища. Одно такое училище находилось в самом Котельниче. Похоже, педагогическая деятельность Замятина, на которую не было нареканий, после этого происшествия закончилась. Затем там будет служить «окончивший курс богословия» Степан Сырнев. С сентября 1855 г. Сырнева сделают причетником в Николаевской церкви, он станет очень загружен, и в 1856 г. в «Котельническое поселянских детей училище» назначат священника Павла Феофилактова [см.: ГАКО, ф. 237, оп. 159, д. 1414] – того самого, что доносил на Замятина. Именно служители Николаевской церкви, даже совсем молодые и неопытные, занимали в этом училище различные посты, их там порой работало по нескольку человек. Так что едва ли привлечение Замятина к работе помощника в поселянском училище свидетельствовало о его собственном высоком образовании или об особенных талантах.

вина[5] вместе с доносителями – причетниками Анцыгиным и Поповым в доме причетника Пономарева на поминках, по усильной просьбе матери его, Матроны. Впрочем, за исправлением вечерни “Господи, помилуй” и прочее пел обыкновенным своим голосом благопристойно. А может быть, разногласное и несогласное пение священнику Феофилактову показалось от того, что пившие вино прочие причетники со мною на поминках более меня были, подобно мне, в опьянении, и донос причта не может быть во всех отношениях вероятен, потому что причетник Попов за нетрезвостию вовсе не был у вечерни, а пришел к оной уже после окончания за повечерием[6], чего и сам Попов не может отрицать. По окончании вечерни я входил в олтарь благопристойно с подобающею честию ко храму Господню, но когда по приходе в оный олтарь священником Феофилактовым были предложены три указа для подписа, то я говорил скромно, во-первых, о том, что неуместна подписка без настоятеля, впрочем, исполняя волю чередного священника Феофилактова, я хотел подписаться под всеми, но, неизвестно почему, мне, кроме одного указа, не дали подписаться. Из предложенных указов я в олтаре по приказанию священника подписался под одним указом тем самым почерком, которым обыкновенно пишу, почему для оправдания невинности, если благоугодно будет начальству, прошу вытребовать к делу оригинал от благочинного, отца протоиерея Георгия[7]. О выходе мне из олтаря и выведении меня причетниками священник Феофилактов не говорил.

---

[5] Здесь Замятин признается в том, что он пил вино. А в предыдущем документе, в его прошении, речь шла о водке: «…Выпил по убедительной просьбе хозяина водки». Надо иметь в виду, что в те времена водку часто именовали вином – не виноградным, а хлебным либо простым. В показаниях свидетелей напиток, употреблявшийся в тот день, так и назван: «хлебное вино», «простое вино» [ГАКО, оп. 154, д. 1267, л. 25 об., 27, 34].

[6] Вечерня и повечерие – богослужения суточного церковного круга, его вечерней части.

[7] Обычно Замятин писал аккуратным бисерным почерком, четко выводя каждую букву. В архиве сохранилось несколько сотен официальных бумаг, полученных котельничскими благочинными во второй половине XVIII – середине XIX в. [см.: ГАКО, ф. 252, оп. 1]. Правда, по годам они распределены неравномерно (кто-то из благочинных тщательно относился к их собиранию, а кто-то, видимо, не очень). Среди них вроде бы нет тех документов, с которыми 19 сентября 1851 г. знакомились клирики Николаевской церкви, собравшись в алтаре. Вполне возможно, что у благочинного эти документы и не хранились: если бумага пришла из духовного правления или духовной консистории, то благочинный, собрав подписи, должен был отослать ее обратно (но копию мог бы оставить у себя).

4. После подписа указов, когда священник Феофилактов и дьякон Ивановский, и дьячек Веснин ушли из церкви, я за Анцыгиным не гнался, а, как будучи очередный причетник, намерен был осмотреть олтарь – не осталось ли в оном горящих свечей без погашения, между прочим, и пошел из холодняго храма в олтарь того же храма для осмотру, запнулся за опочную плиту, немного выдавшуюся[8] и находящуюся за левым клиросом близ киота с иконой стоящей, и, споткнувшись, упал чрез две ступеньки прямо в пономарские северные двери олтаря холодняго храма на опочный пол и присек себе губу до крови, от чего оказались едва приметные две капли крови, которые тогда же были по приказанию моему и причетника Попова сторожем Селезеневым притерты сырою тряпкою, и эти пятна на опоке были в самом дальнем разстоянии от престола. И когда я от упадения ненамеренного отшиб себе грудь так, что потрясло всю мою внутренность, едва встав сам с места, сказал сторожу Николаю Селезеневу о затеретии пятен, не входя во внутренность олтаря, возвратился из оного на паперть, лег на лавку, по объясненой (так! – *В. К.*) причине не мог идти домой. В сие время причетник Попов, признав меня пьяным, будучи сам нетрезв, ходил для объявления священнику Феофилактову, а сей довел до сведения благочинного протоиерея Георгия, который меня тогда же и свидетельствовал, даже и те места, где были пятна крови от присечения моей губы о пол. А когда немного тягость отошла от груди, то я, встав с места, ушел домой. По приходе к угрени, т. е. 20 сентября сего года, хотя просил у священника Феофилактова прощения, но он, не сотворив мне милости, донес начальству, умолчав о том, что причетник Попов не был у вечерни, а пришел к оной за повечерием. Из небытия Попова у вечерни видно, что он оклеветывает меня в неблагопристойном пении несправедливо, равно и прочая братия, а единственно из угодности к священнику Феофилактову и личным неприязням по случаю неправильного разделения прихожан между нашими причтами.

---

[8] Опока – разновидность известняка. Это удобный для обработки камень светлого цвета, который широко применялся на Вятке для изготовления архитектурных деталей, надгробий и прочего. Опочный пол был устроен во многих церквах. В Никольской церкви пол чинили незадолго до того. 1 мая 1847 г. крестьяне Яранского уезда Мосей Богомолов и Федот Скурихин подрядились за лето выполнить работы по починке пола «в теплом приделе на левой руке и холодней церкви» (т. е. на левой стороне отапливаемой церкви и в той самой холодной церкви, где и случится происшествие с Замятиным). Мастера должны были изломанные опочные плиты заменить новыми, а «не изломанные, но впадшие, выстрогать стругом и утвердить» [Там же, д. 3 а, л. 10–10 об.].

5. А что были причетники Веснин, Анцыгин и Попов со мною у причетника Пономарева и пили довольно вина, не могут и сами отрицать. В случае их запирательства ссылаюсь на бывших у Пономарева людей: дьякона Ивана Огнева и причетника Кира Суворова, кои могут показать, кто сколько из нас пил и как угощался вином. Я в сем случае мог бы сослаться и на причетника Пономарева и матерь его Матрону, но как Пономарев, угощая нас, по-видимому от усердия, сделался донощиком, а может быть, из угождения к священнику, как не знающий церковного круга и без стихорного[9], дабы не могли сделать Пономареву стеснения, то я его с материю Матроною в свидетельство принять не могу. А сторожа Селезенева, не по приговору находящегося при церкви, а просто за брата служащего, хотя и не следовало бы принять во свидетели о произшествии церковном, но, полагаясь во всем на христианскую совесть, спросить за присягою, за неимением свидетелей, допускаю.

6. Но как сей случай, т. е. упадение мое в церкви, произошел от неосторожности моей и от неплотно лежащей опочной плиты, о которую я запнулся, что утверждает и братия, мог быть и с трезвым, то приемлю смелость просить и прошу у епархиального начальства благоснисхождения в моей вине, приняв во уважение многочисленное мое семейство и то, что я ранее сего под судом и в штрафах не был и проходил частную должность помощника в поселянском училище у многих наставников и многие годы, и пил вино у Пономарева равно с братиею, кои тоже, за выпитием излишнего вина, вовсе равно как и я, не должны были входить во Святая Святых, где не должно быть производимо подписание указов, во избежание могущих последовать и последовавших чрез вовлечение происшествий» [Там же, л. 15–18].

Таким образом, благодаря рвению бдительного дьячка Замятина, вдруг вскрылось множество нелицеприятных фактов. Коллеги-то у него каковы: сами пьют и сами на него доносят! А один так назюзюкался, что к вечерне не явился. И ему все сошло с рук! Это потому, что священник его грехи покрывает. Да и вообще: иереи прихожан разделить между собой по справедливости не могут, в святом алтаре чуть ли не заседания устраивают. Церковным сторожем состоит не тот, кто подряжался,

---

[9] Имеется в виду богослужебный круг церковных празднований и молитвословий. Круг бывает суточным, седмичным (т. е. недельным) и годовым. Стихиры – богослужебные песнопения, написанные стихотворным размером. Они передают смысл и значение церковного праздника. Правильнее «стихирный», но говорили и «стихорный».

а брат его! Сам же Замятин – любо-дорого посмотреть: скромен, учен, принципиален. Службу знает – не то, что некоторые его коллеги.

Следователь Катаев предлагал свидетелям припомнить и уточить детали происшествия. Священника Павла Феофилактова и дьякона Василия Ивановского он спрашивал, трезвы ли были прочие служители в тот вечер. Священник и дьякон отвечали, что, по их замечанию, весь причт был трезв. И сторож Николай Селезенев подтверждал это [см.: Там же, л. 20 об., 23 об., 34 об.]. Кстати, направляя отдельные запросы священнослужителям, Катаев величал их на «вы», а свидетелям-дьячкам, как и дьячку Замятину, «тыкал». Каждый церковный сверчок знал свой шесток. Да и чужой тоже.

Начальство осталось не слишком довольно работой следователя Катаева: он выспросил не все, что было нужно. И количество выпитого на поминальном обеде не установил! Забавно, но власти в таких случаях искренне верили, что спустя много недель можно выяснить (доносами, свидетельскими показаниями, признаниями, очными ставками), кто сколько и чего употребил и как именно себя потом вел. Катаеву пеняли на то, что он не озаботился очной ставкой, чтоб разрешить этакое противоречие: все, кто был на поминках, признавались, будто пили там по четыре рюмки (как, например, пономарь Иоанн Попов, который и вправду не пошел после этого к вечерне, однако ж уверял, что был трезв), а один объявил, что выпили рюмок пять-шесть. Так четыре или пять?!

О переосвящении церковного здания в этом архивном деле подробностей нет. Однако без такого обряда обойтись после произошедшего нельзя было. Как сообщал епископу благочинный, сразу же после случившегося «совершение литургии в том храме, до получения от Вашего преосвященства разрешения, остановлено». Его преосвященство, как обычно, повелел «учинить очищение с молитвою». В документе за 15 ноября 1851 г. сказано: «…Те места, кои были окровавлены причетником Замятиным, были освящены с молебствием, по чиноположению, в последних числах октября сего года» [Там же, л. 29 об. – 30].

Катаев представил результаты своего расследования в Орловское духовное правление. Правление, рассмотрев бумаги, направило свое мнение наверх – в Вятскую духовную консисторию. Орловские решили не обострять ситуацию, принимая во внимание искреннее раскаяние дьячка Замятина, его беспорочную службу в поселянском училище и т. п. Упал-то он, должно быть, не столько от винопития, сколько от неосторожности. Да и другие тоже пили! Но они оказались свидетелями. «…Полного вероятии (так! – *В. К.*) доносителям, подписавшимся под рапортом,

за непредставлением доказательств… дать нельзя». Рекомендовали направить Замятина в монастырь на три месяца, а потом вернуть на прежнее место службы [см.: Там же, л. 40–41].

Однако в консистории решили, что излишней снисходительности проявлять не следует, да и не одного лишь Замятина следует наказать. В феврале 1852 г. постановили: дьячка Замятина направить в Спасский монастырь г. Орлова «на послушания и труды», а за окровавление алтаря и паперти пусть его «духовный отец» наложит на него годичную епитимию. Кроме того, Замятин должен был компенсировать «прогонные деньги» (т. е. командировочные) следователя Катаева. Тот уже получил их из Никольского храма, так что теперь Замятину надо было вернуть деньги в храм. Требовалось также растолковать виновному, «что как сознание его было неполное, то и не могло быть принято во уважение».

Священнику Катаеву, который, по мнению консистории, провел следствие не вполне тщательно, решено было «поставить на вид» [Там же, л. 43–43 об.]. Впрочем, его и впоследствии привлекали для расследования подобных происшествий. Так, в 1856 г. он разбирался со священником Николаем Рязановым из с. Круглыжского Котельничского уезда, который пьянствовал, грубил коллегам, чудил в церкви при обряде венчания [см.: Там же, оп. 159, д. 1550].

Когда консисторские докладывали об этом епископу, тот повелел сделать замечание священнику Николаевской церкви Павлу Феофилактову за то, что его подначальные дурно себя ведут и пьянствуют. Следствием было точно установлено, что пил Замятин не один, а с прочими причетниками, которые явились «к вечернему пению» явно не вполне трезвыми (хоть и не буянили). Соответственно, консистория распорядилась: «Дьячка Анцыгина и пономаря Попова выслать в архиерейский дом на месяц для научения трезвости» [Там же, д. 1267, л. 43–43 об.].

Но поучить трезвости удалось только одного из двух – Анцыгина. В бумаге, составленной в мае 1852 г., сообщалось, что другой – «пономарь, Иван Попов, назначенный в архиерейский дом на усмотрение, помер» [Там же, л. 45–45 об.]. Шел ему уже шестой десяток, так что и рассуждать о причине смерти старика никому было не интересно – ну, помер, так помер – у Бога дьячков много.

Анцыгин провел свой срок в архиерейском доме, и отныне это наказание упоминалось в его послужном списке. Правда, назначили ему один месяц, а вышло, что он там под наблюдением пробыл два месяца [см.: Там же, д. 614, л. 22]. Если это не путаница в бумагах, то, видимо, срок ему продлили за какую-то новую выходку.

Сам Замятин отработал свои три монастырских месяца благополучно. В июле 1852 г. из Спасо-Орловского монастыря извещали, что Замятин «вел себя очень хорошо». И в клировых ведомостях за 1852 г. отмечено: «После находимости в Орловском монастыре за пьянство вел себя осторожно и в поведении с худой стороны не замечен» [Там же, л. 20 об.].

Замятин вообще-то, когда хотел, мог держать себя прилично. Например, как только он в юном возрасте поступил на церковную службу, то получил такую характеристику: поведения «хорошего, к должности подвижен» [Там же, д. 602, л. 24]. Имеется в виду: бодр и деятелен. За год до происшествия в алтаре отмечалось, что он поведения «порядочного» [Там же, д. 612, л. 20]. И даже за 1851 г. читаем, что «уволенный дьячок от должности», который «находится под судом и следствием», поведения «не худого» [Там же, д. 613, л. 17].

Вообще отметки за поведение у служителей Никольской церкви оказывались затейливыми, хотя и не слишком информативными: поведения «скромного», «честного», «хорошего», «добропорядочного». Понятно, что высший класс – это «добропорядочность», «скромными» же обычно числили начинающих и в невысоких должностях, а всего лишь «не худое» поведение сильно проштрафившегося – самый большой комплимент, который можно о нем сказать.

Спустя пять лет после случая в алтаре отец дьячка Замятина Павел обратился с прошением к государю императору. Жизнь Замятина-старшего была нелегкой. Он страдал эпилепсией, и его уже давно перевели со священнической должности на пономарскую. Потом, как только сын подрос и смог его заменить, он вышел за штат. В его послужном списке имелась отметка о начальственном неодобрении. В 1839 г., когда 46-летний пономарь Павел Замятин по болезни выходил, так сказать, в отставку, в клировых ведомостях было написано: «Судим и штрафован не был, кроме перемещения на настоящее место, без ношения рясы, после находимости в 1831 году в архиерейском дому на усмотрении по неодобрительной рекомендации благочинного» [Там же, д. 601, л. 30].

Старик Замятин взывал: «Всепресветлейший державнейший великий государь император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший! <…>

1. С 1824 года начал страдать я падучей болезнию, почему и находился до 1839 г. 16 марта при той же церкви на причетнической должности, а с этого 1839 года по усилившейся во мне болезни и по настоящее время нахожусь за штатом, а на место меня для воспитания

малолетнего семейства моего[10] определен сын мой Николай Павлов Замятин.

2. В истекший 1855 г. означенный сын мой по выжитии вторично в Спасо-Орловском монастыре на испытании в поведении, хотя и получил в оба раза от настоятеля того монастыря одобрительные рекомендации, но за последний раз в виде дальнейшего испытания перемещен от котельнической Николаевской церкви того же уезда в село Юрьевское.

3. По настоящее время у сына моего Николая Замятина, кроме жены его и 2-х малолетних детей, состою еще и я на воспитании и призрении с тремя уже взрослыми дочерьми-девицами, при посредственном пособии, заключающемся в 20 р. сер[ебром] от попечительства[11].

4. Ныне, по представлению местным архипастырем Елпидифором оштрафованных причетников, Св[ятейший] синод сына моего Николая предназначил к исключению из дух[овного] звания в податное состояние[12]; но как сын мой Замятин никакого ремесла не знает и, следовательно, в податном состоянии не в силах будет не только призревать меня, дряхлого и увечного, с 3-мя моими дочерьми, но и пропитывать свое семейство. Я же надеюсь, что сын мой Николай, будучи еще в молодых летах, оставаясь в духовном звании, при непосредственном и усиленном моем над ним надзоре, не преминет исправить и улутшить свое поведение. То и осмеливаюсь всеподданнейше просить:

дабы повелено было сына моего Николая Замятина, по уважению вышеозначенных причин, оставить по примеру прочих в прежней должности впредь до исправления в поведении с нисхождением поступков его, и самого предназначения к благополучию коронования царствующего нами монарха (так! – *В. К.*)[13]. И тем доставить мне при последних днях моей жизни спокойный приют» [Там же, оп. 159, д. 1734, л. 2–2 об.].

Прошение отца составлено весьма дипломатично. О прегрешениях сына говорится уклончиво, без уточнения, за что его наказывали: «…По выжитии вторично в Спасо-Орловском монастыре на испытании в поведении, хотя и получил в оба раза от настоятеля того монастыря

---

[10] «Воспитание» – здесь: в буквальном смысле, т. е. пропитание.

[11] Имеется в виду попечительство о бедных духовного звания.

[12] Люди «духовного звания» податей государству не платили.

[13] Александр II вступил на престол 18 февраля 1855 г., а коронация в Успенском соборе московского Кремля состоялась 26 августа 1856 г. Замятин-старший оформил свое прошение через четыре дня после коронации. Возможно, такое приурочение было нарочитым.

одобрительные рекомендации…» То есть Замятина-младшего наказывали дважды, но в документе это важное обстоятельство подано почти как доблесть – он же получал одобрение! За что ему определили первое наказание, нам известно. А за что второе в 1855 г.?

Прошение на имя императора, посланное в профильное государственное ведомство – Святейший синод, вернулось оттуда обратно к епископу Вятскому и Слободскому Елпидифору и в Вятскую духовную консисторию. Там должны были разобраться с этим делом и представить Синоду свои предложения. Консистория подготовила справку:

«Бывший пономарь города Котельнича Николаевской церкви Николай Павлов Замятин, 33 лет, священнический сын, по исключении из нисшего отделения Вятского духовного уездного училища, в 1839 г. декабря 20 дня определен к исправлению дьяч[еской] (от слова «дьячок». – *В. К.*) должности в сей Николаевской церкви. В 1841 г. апреля 20 дня посвящен в стихарь. В 1852 г. за нетрезвость и окровавление олтаря и паперти церковной послан был в труды на три м[еся]ца, с удалением от места, в Орловский монастырь. Кроме сего, в 1855 году за буйство в пьяном виде и разбитие стекол в доме женки Банниковой посылан туда же в труды на один месяц, с тем что, если выживет там определенный срок[14] с одобрением, то приискивал бы для себя места причетнического в каком-либо селе. Затем в том же году он, Замятин, как не совсем одобрительного поведения, внесен был в ведомость причетников и других нисших служителях (так! – *В. К.*) Вят[ской] епархии, предназначавшихся к обращению в военную службу. Между тем, до решения участи в Св[ятейшем] синоде, согласно просьбе, в 16 день декабря того же года, определен был на упраздненное пономар[ское] место в село Юрьево Котельнич[еского] уезда. По разсмотрении в Св[ятейшем] синоде представленной ведомости, указом от 10 июня сего 1856 года, между прочим предписано бывшего пономаря Замятина уволить из дух[овного] звания для избрания рода жизни. Вследствие чего сей Замятин, по вытребовании в консисторию, отослан в губернское правление при отношении от 6 числа минувшего м[еся]ца ноября[15]. В семействе имеет жену, сына 2 и дочь 8 лет. За 1856 г. не аттестован,

---

[14] Глагол «выжить» и образованный от него бюрократический термин «выжитие» означали «прожить», «проживание».

[15] Эта фраза означает, что Замятина вызвали в консисторию и затем перенаправили оттуда в губернское правление вместе с поясняющим ситуацию официальным документом («отношением»).

а за 1854 г. аттестован таким образом: чтение, пение и катехизис знает хорошо, поведения порядочного» [ГАКО, ф. 237, оп. 159, д. 1734, л. 3–4].

«Исключить» из учебного заведения – не значит выгнать. Так в то время обозначали окончание того или иного учебного курса. Образование у Замятина-младшего минимальное: он умел читать, писать, считать. При церкви научился петь церковные молитвы и песнопения. Но едва ли более того. Видимо, и поэтому тоже (а не только из-за своего поведения) выше скромной пономарской должности он не поднимался. Учебу ему пришлось бросить из-за нездоровья отца рано. С 16 лет он стал прислуживать в Никольской церкви. В клировых ведомостях за 1839 г. сказано, что Николай Павлов Замятин – указный дьячок, он 20 декабря 1839 г. «определен к исправлению дьяческой должности» [Там же, оп. 70, д. 601, л. 26 об.]. (Ведомости писались обычно в начале следующего года, так что событие, случившееся в самом конце года отчетного, туда попадало.)

И главное. Оказывается, наш герой отличился вторично: через четыре года после «окровавления» алтаря он, пьяный, буйствовал и бил стекла в доме какой-то бабы!

Эту характеристику читали те церковные чиновники, которые прикидывали, как отреагировать на прошение его отца. И решили, наконец.

Вот определение Вятской духовной консистории, утвержденное 7 января 1857 г.: «Поступки бывшего пономаря Замятина, за которые он два раза был послан в Орловский монастырь на послушание и удален от места при котельнической Николаевской церкви, как видно из справки, обличают в нем неуступчивость характера, а потому и мало подают надежды на исправление его. Состояние отца его, заштатного священника Замятина, обезпечено пособием от попечительства о бед[ных] дух[овного] звания; а сестры его уже в таком возрасте, что могут приобретать пропитание своими трудами и быть пристроены к месту. Что же касается до того, что бывший пономарь Замятин не знает никакого ремесла, которое доставляло бы ему возможность пропитывать свое семейство и призреть своего отца, то консистория не может видеть в этом обстоятельстве достаточной причины к возвращению в дух[овное] звание. Посему, признавая пономаря Замятина неблагонадежным к возвращению в духовное звание и не видя необходимости сего в его семейственных обстоятельствах, к[онсисто]рия полагает отказать просителю в удовлетворении по прошению его» [ГАКО, оп. 159, д. 1734, л. 5].

Сначала вятский епископ, а затем и Синод согласились с мнением консисторских чиновников. 31 мая 1857 г. из Петербурга на Вятку была

послана соответствующая бумага. И 27 сентября было предписано направить благочинному указ, чтоб он ознакомил Замятина-старшего с ответом [см.: ГАКО, оп. 159, д. 1734, л. 9 об., 10]. Дело по прошению несчастного отца велось больше года.

Спустя десятилетие, в 1861 г. в Спасском монастыре г. Орлова произошло похищение иконы святой мученицы Варвары. Эта икона, «в серебряной ризе», ранее была пожертвована в монастырь богатым семейством. Через десять дней ее нашли подброшенной к воротам монастыря – в целости, даже риза не была сорвана. Тем не менее, заведенное следствие продолжалось. И затянулось оно на долгие годы. Одни допрошенные иноки подозревали других. И доносили. Так, старый иеромонах Владимир сообщил следствию, что причастными к краже могли быть исключенный из духовного звания дьячок Николай Замятин и еще один тамошний обитатель [см.: ГАКО, оп. 164, д. 774, л. 29–29 об.]. Вскоре старик простудился и умер, так что когда следователи стали допрашивать этих двух подозреваемых, то Владимир уже не мог ничего пояснить.

Допрос бывшего дьячка Замятина состоялся лишь спустя шесть лет после кражи (и возвращения) иконы, 20 октября 1867 г. Итак, в это время он – послушник Спасского монастыря Николай Павлов Замятин, 44 лет, сын священника. Вот что записано с его слов: «Штрафован был дважды: в первый раз в 1852 году за нетрезвость и окровавление св. олтаря и паперти был посылан в сей монастырь на три м[ея]ца в черные труды, а во второй раз за нюханье табаку в церкви за богослужениями по определению епархиального начальства клал сто поклонов; вследствие этих штрафов, будучи внесен в список штрафованных, Святейшим синодом в 1856 году исключен из духовного звания и в 1858 году приписан к котельническому градскому обществу». Но в конце концов он оказался в монастыре [см.: Там же, л. 32–33].

Получается, Замятин умудрился еще раз отличиться: нюхал в церкви табак. Причем прямо во время богослужения! Когда он это учудил, не сказано. Очевидно, до 1856 г. Кстати, о битье стекол, которое случилось в 1855 г. и за которое он на месяц был направлен в этот же самый Спасский монастырь г. Орлова, Замятин не хотел лишний раз напоминать. Следователь, проводивший допрос, об этом происшествии не знал, но мы-то знаем: на совести Замятина было не два, а, как минимум, три серьезных проступка.

В общем, его окончательно вывели из «духовного звания», т. е. из церковнослужителей, и он стал мещанином Котельнича. Видимо, жилось ему в «градском обществе» несладко, и Замятин сумел поселиться в хорошо знакомом Спасском монастыре г. Орлова. В этом монастыре в ту

пору обреталось немало столь же колоритных личностей. При допросах выяснялось, что чуть ли не каждый второй насельник монастыря в чем-то проштрафился. Вот фраза из показаний запрещенного в церковном служении рясофорного дьякона Петра Львова Томилова, 75 лет: «Судим и штрафован был неоднократно, и теперь состою под запрещением за осквернение амвона уриною по причине старости и слабости сил» [Там же, л. 33]. Таким образом, храмы осквернялись не только кровью, но и мочой, даже калом – и такие случаи отмечены в архивных источниках [см.: Там же, оп. 101, д. 101][16].

История дьячка Замятина, как и многие другие подобные случаи, показывает, что епархиальное начальство весьма активно реагировало на случаи пьянства и буйства среди вверенных его попечению священно- и церковнослужителей. Нередко пытались (спустя много времени после происшествий) выяснить даже самые малые детали, которые могли бы вести к оправданию или обвинению.

Почти каждый священно- и церковнослужитель, если он был уже немолод, имел в своем послужном списке такие наказания, которые надлежало заносить в официальные документы. Те же, у кого в таких списках фигурировали не взыскания, а поощрения и награды, продвигались по службе (насколько это вообще было возможно для белого духовенства в провинции). Например, становились благочинными, привлекались для выполнения ответственных и почетных обязанностей по церковной и государственной линии.

Церковные наказания, с нынешней точки зрения, бывали не такими уж суровыми: месяц-другой, реже – три, в отрыве от привычной обстановки, в трудах и под наблюдением. Впрочем, и по законам Российской империи пребывание под стражей или в работных домах за не слишком значительные правонарушения также исчислялось лишь днями, неделями, месяцами. И многое зависело от конкретной ситуации и того человека, кто принимал решения: на обычное пьянство до поры до времени закрывали глаза, ну а потом злостный выпивоха мог получить как месяц, так и полгода.

Возможно, кое-что объясняется пристрастностью и прямой продажностью консисторских чиновников. Об этом можно судить не столько по документам, сколько по воспоминаниям и беллетристике. Тогдашние церковные люди, знатоки латыни, придумали псевдолатинскую фразу

---

[16] Материалы этого архивного дела опубликованы В. А. Любимовым [см.: Барановы, Кудрины… Щепины… Юферевы…, с. 464–466].

о том, что консистория – место, где устраивается священникам, дьяконам и пономарям «обдирация» да «облупация»: «Consistorium protopoporum, diaconorum, ponomarorumque obdiratio et oblupatio est» [Кони, с. 27][17].

Самое же примечательное – это общая тенденция, которая просматривается за дотошными разбирательствами и «отеческими» наказаниями. К длиннобородым пастырям и их помощникам относились как к детям малым, контролируя и регламентируя, понимая и прощая, грозя и поощряя. При этом начальству нужно было еще задумываться о поддержании в народе ощущения церковной сакральности.

Тем не менее авторитет Церкви со времени ее огосударствления отнюдь не укреплялся. И когда в ходе революционных событий 1917 г. была отменена обязательность исповеди и причастия, выяснилось, что истинными приверженцами церковных устоев оставались немногие. Рассмотренная здесь история дьячка Замятина помогает понять, почему дело обстояло именно так. Все эти дьячки-пьянчуги, вздорные дьяконы, маловразумительные священники жили бок о бок с простыми людьми, которые все видели, примечали и делали выводы.

Барановы, Кудрины… Щепины… Юферевы… : историко-родословные материалы по Круглыжской (Верхневетлужской) округе / сост. В. А. Любимов. Киров, 2016. Кн. 3.

Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни : очерки по церковной этнографии. 2-е изд. СПб., 2007.

ГАКО. Ф. 237, 252.

Горев Е. История Никольского храма города Котельнича. Котельнич, 2016.

Грекулов Е. Ф. Нравы русского духовенства. М., 1928.

Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003.

Кони А. Ф. Петербург: воспоминания старожила // Кони А. Ф. Собр. соч. : в 8 т. М., 1969. Т. 7.

Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное духовенство в России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.

Мамин-Сибиряк Д. Н. На рубеже Азии : очерки захолустного быта // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 10 т. Т. 1: Рассказы, очерки, 1881–1884. М., 1958.

Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1985.

Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003.

Скутнев А. В. Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009.

---

[17] Мне известны три варианта этой фразы [см.: Мамин-Сибиряк, с. 173; Кони, с. 27; Шавельский, с. 175].

Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: синодальный и новейший периоды. 3-е изд., испр. М., 2007.

Шавельский Г., протопресв. Русская Церковь пред революцией. М., 2005.

Шевцова В. Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010.

УДК 94(47).081:351.751

С. С. Мешалкина

ИМЕННОЙ УКАЗ 1865 г. «О ДАРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ОБЛЕГЧЕНИЙ И УДОБСТВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматривается влияние цензурного указа «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» от 6 апреля 1865 г. на деятелей культуры и журналистики. Отражена деятельность Министерства внутренних дел. Особое внимание уделяется реакции общественности, нашедшей отражение в мемуарах государственных деятелей.

Ключевые слова: цензура, институт цензуры, Александр II, В. А. Валуев, общественное мнение, социальный контроль, Министерство внутренних дел.

В начале 1863 г. цензура переходит в ведение Министерства внутренних дел, которое возглавлялось графом П. А. Валуевым. Это был человек достаточно консервативных взглядов, во всем старавшийся выполнять указания императора. Для него, как государственного деятеля, были характерны такие черты, как карьеризм и угодничество, в первую очередь перед императором, а также перед «сильными мира сего», что и объясняло его политику лавирования. Колебания Валуева в тех или иных вопросах политики являлись в какой-то степени отражением колебаний самого Александра II. Газета «Колокол» остроумно заметила: Валуев, как известно, «флюгер, направляемый ветром придворным» [см.: Валуев, т. 1, с. 30]. Он вел решительную и беспощадную борьбу не только с революционно-демократической, но и оппозиционной печатью. «Никогда, – писал И. С. Аксаков, – цензура не доходила до такого безумия, как теперь, при Валуеве. Она получила характер чисто инквизиционный» [Там же, с. 39].

Цензор А. В. Никитенко в своем дневнике регулярно выражает недовольство чрезмерной строгостью Валуева еще до передачи цензуры

© Мешалкина С. С., 2018

в его ведомство. Так, 26 июня 1862 г. он пишет: «Опять неурядица в типографии... сделана ошибка в поправке ошибки по поводу запрещения Аксакову издавать газету “День”. Министр придал этому чрезмерное значение и сделал типографии и редакции несоответственно строгий выговор. Это с некоторых пор его обыкновенный способ выражать лично мне свое нерасположение... Всякое живое слово в газете вызывает в нем досаду... Газете грозит ограничиваться простою перепечаткою его циркуляров и других официальностей» [Никитенко, т. 2, с. 391]. И на следующий день такая запись: «Поутру предварительно объяснялся с Тройницким. Он подтверждает, что министр недоволен газетою, придирается ко всему и придает особенную важность безделицам, вроде опечаток, упуская из виду главное или не желая на нем останавливаться... Оказывается, что у Валуева гораздо более бюрократический склад ума и гораздо более узкий взгляд на вещи, чем он заставил меня думать сначала... » [Там же].

Новая комиссия Д. А. Оболенского, образованная в 1863 г., за четыре месяца подготовила новый устав о книгопечатании, положив в его основу синтез предварительной и карательной цензур. Председатель комиссии при этом учитывал социально-политические условия общественной жизни страны, государственное устройство. Наконец, 6 апреля 1865 г. Александр II утвердил разработанные Министерством просвещения и Министерством внутренних дел «Временные правила о цензуре». Последовало высочайшее повеление, гласившее: «Желая дать отечественной печати возможные облегчения и удобства, Мы признаем за благо сделать в действующих цензурных постановлениях, при настоящем переходном положении судебной части и впредь до дальнейших указаний, опыта, перемены и дополнения» [О даровании некоторых облегчений…, с. 396]. Таким образом, Указ 1865 г., по мысли законодателя, являлся только первым шагом на пути полного освобождения печати. Он и назывался «временными правилами», хотя просуществовали они вплоть до революции 1905 г. Суть реформы заключалась в переходе от предварительной цензуры к системе предупреждений и запрещений, которые налагались уже после выхода изданий.

По новому цензурному уставу от предварительной цензуры освобождались: «1) в обеих столицах: все выходящие доныне в свет повременные издания, коих издатели сами заявят на то желание; все оригинальные сочинения объемом не менее 10-ти печатных листов и все переводы, объемом не менее 20-ти печатных листов; 2) повсеместно: все издания правительственные; все издания академий, университетов и ученых обществ и установлений; все издания на древних классических языках и переводы с сих языков; чертежи, планы и карты».

Издатели и редакторы таких книг могли быть привлечены к ответственности только судом. Также освобождались от предварительной цензуры правительственные издания, издания академий, университетов и ученых обществ, на древних классических языках и переводы с этих языков.

Издания, которые читались массами, подлежали все-таки предварительной цензуре. Периодические издания – газеты и журналы – освобождались от нее по особым разрешениям и при внесении залога. Но для газет и журналов существовало и другое наказание, в административном порядке: сначала «предостережение», затем временная приостановка издания (до полугода) и, наконец, запрещение [см.: Там же, с. 396].

Оставалась и церковная цензура. Определялась структура цензурных органов: Главное управление по делам печати составляют начальник Главного управления и Совет Главного управления. При Главном управлении есть канцелярия, особые цензоры драматических сочинений и чиновники особых поручений. Этот орган должен был наблюдать за действиями цензоров и цензурных комитетов, а также наблюдать за произведениями печати, выходившими без разрешения цензуры [см.: О некоторых переменах и дополнениях…, с. 397].

Таким образом, от предварительной цензуры освобождалось большинство газет и журналов страны, в России к тому времени провинциальная пресса не получила существенного развития. Закон был направлен на сохранение старого порядка по отношению к периодике, обращенной к массовой аудитории. В 1865–1870 гг. число газет, без учета губернских и епархиальных ведомостей, увеличилось с 28 до 36. И это несмотря на то, что освобождение газет и журналов от предварительной цензуры происходило при внесении ими залога от 2, 5 до 5 тыс. руб. Данная сумма добавлялась к тем значительным расходам, которые нес издатель при налаживании производства. В начале сентября 1865 г., впервые за все время существования русской печати, вышли в свет следующие произведения печатного слова без предварительного цензурного просмотра и одобрения: «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», «Московские ведомости», с 11 сентября – «День», затем – «Современник», «Русский вестник», «Сын Отечества» и др. [см.: «У мысли стоя на часах...», с. 133].

Сразу после принятия закона в газетах появились положительные отзывы авторов и редакторов о новом цензурном документе. Обстановка казалась литераторам обнадеживающей, и в творческих кругах жила вера в наступающую свободу слова. «Сегодня, – писал восторженно в газете «День» И. С. Аксаков, – принимаясь за передовую статью, мы знаем, что прочтем ее в печати в том самом виде, в каком мы ее напишем... Сегодня

кошмар в образе цензора не станет мешать нашей жизни, спирать дух, давить ум и задерживать перо, и получаем неслыханное и невиданное право: не лгать, не кривить словом, говорить не фистулой, а своим собственным природным голосом» [см.: Семанов, с. 188].

Закон 1865 г. был дополнен П. А. Валуевым циркуляром от 10 августа того же года об условиях, которыми должны руководствоваться губернаторы при открытии типографий, а также особой инструкцией цензурным комитетам. Эта инструкция, изданная 26 августа 1865 г., за неделю до вступления в силу закона, довольно цинично комментировала указанные правила о печати. «С освобождением означенных изданий от цензуры, – говорилось в инструкции, – изменяются существенно лежащие ныне на цензорах обязанности. Вместо предварительного рассмотрения предназначенных к печатанию произведений, они должны будут рассматривать уже отпечатанные произведения». Далее подробно перечислялось все то, что не должно было допускаться к печатанию [см.: Валуев, т. 1, с. 43].

Различные судебные иски по делам прессы разрешало Министерство юстиции, и здесь возникло много проблем: не знали точно, как эти иски рассматривать, ведь это было впервые, появлялись, разумеется, и разногласия. Их пытался урегулировать П. А. Валуев, Александр II его поддерживал и одобрял его идеи. В итоге судебное ведомство стало зависимо в делах печати от цензурного ведомства.

Реформы, происходившие в обществе, мало затронули православную церковь и ее журналистику. Между тем, издательская деятельность Церкви успешно развивалась. С 1860 г. повсеместно был налажен выход епархиальных ведомостей, органов духовной печати при епархиальных кафедрах. К концу XIX в. в России выходило несколько десятков журналов Церкви: «Богословский вестник», «Братское слово», «Вера в разум», «Воскресный день», «Друг истины», «Душеполезное чтение», «Истина», «Православный собеседник», «Радость христианина» и др. Издавались труды духовных академий. Церковь выпускала разнообразную непериодическую литературу. Вся печатная продукция и публичные выступления церковников проходили жесткую духовную цензуру, имевшую стабильный характер. Из формальных новаций следует отметить введение в 1860 г. особой цензуры епархиальных ведомостей. Их цензурирование Святейший синод возложил на лиц из местного духовенства – епархиальных преосвященных. 14–16 января 1870 г. при Святейшем синоде была учреждена комиссия для пересмотра действующих постановлений о духовной цензуре под председательством архиепископа Макария (Булгакова). Духовная цензура по-прежнему руководствовалась уставом духовной цен-

зуры 1828 г. Комиссия считала, что он отстал от потребностей общества и предлагала Святейшему синоду подвести духовную цензуру под закон 1865 г., соединив в государстве всю цензуру в одну – общую – при Министерстве внутренних дел под руководством Главного управления по делам печати, но устав духовной цензуры 1828 г. фактически оставался в силе до начала XX в. [см.: Жирков, с. 152].

Цензурная реформа Александра II вызвала большой общественный резонанс. Конечно, мнения были различными, но все они сходились на том, что это был поворотный момент в развитии журналистики. Не было ни одного издания, которого бы не коснулись преобразования. Как уже было замечено ранее, после того, как император утвердил Временные правила о печати, в журналистских кругах сразу начали появляться положительные отзывы о законе, но, разумеется, это было лишь одно из мнений. Другой лагерь литераторов заговорил о том, что на деле никаких послаблений не будет. По поводу этих правил А. В. Никитенко в своем дневнике 16 мая 1865 г. писал: «Литературу нашу, кажется, ожидает лютая судьба. Валуев достиг своей цели. Он забрал ее в свои руки и сделался полным ее властелином. Худшего господина она не могла получить. Сколько я могу судить по некоторым убедительным данным, он, кажется, замыслил огромный план – уничтожить в ней всякие нехорошие поползновения и сделать ее вполне благонамеренною, т. е. сделать то, чего не в состоянии был да едва ли и хотел сделать Николай Павлович». [см.: Никитенко, т. 2, с. 514]. Следует отметить, что Валуев недолго оставался на своем посту после принятия цензурного устава – 9 марта 1868 г. он ушел в отставку.

Валуев П. А. Дневник : в 2 т. М., 1961.

Жирков Г. В. Век официальной цензуры. М., 1999.

Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. М., 2005.

О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати : Именной указ, данный Сенату от 6 апреля 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. № 41988.

О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях : Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 6 апреля 1865 г. // ПСЗРИ-2 : в 55 т. СПб., 1867. Т. 40. № 41990.

Семанов С. Н. Александр II. М., 2003.

«*У мысли* стоя на часах...» Цензоры России и цензура / Д. А. Бадалян, В. Г. Березина, Л. П. Громова и др. ; под ред. Г. В. Жиркова. СПб., 2000.

УДК 94(470.54-25).08:2

Д. С. Бахарев

АРМЯНСКАЯ АПОСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ[1]

Статья посвящена исследованию армянской церкви и диаспоры в Екатеринбурге с конца XIX в. и до современности. В рамках работы были привлечены статистические источники, материалы местной дореволюционной печати и данные полевых исследований. По итогам работы сделан вывод о кратном росте армянской общины в Екатеринбурге – от незначительной группы в конце XIX в. до крупной, юридически оформленной и объединенной вокруг собственного храма общины.

Ключевые слова: народы Урала, религии Урала, религиозный ландшафт Екатеринбурга, Армянская апостольская церковь, Армянская апостольская церковь в Екатеринбурге.

Практически каждый российский регион имеет собственную сложную религиозную специфику – исторически складывавшуюся на протяжении всей истории государства или сформировавшуюся сравнительно недавно. Уральский регион – не исключение. Традиционно именно здесь находили приют добровольные или вынужденные мигранты, прибывавшие как из европейской России, так и из Сибири. Нередко Урал становился местом ссылки для носителей самых разных вероисповеданий. Большинство населения, тем не менее, составляли православные русские крестьяне. Однако находящиеся в меньшинстве «инославные» и «иноверные» подданные Российской империи часто чувствовали себя на Уральской земле вполне комфортно, составляя значительную долю экономических, политических и культурных элит региона, неизменно наращивая собственное присутствие в регионе и одном из его ключевых городов – Екатеринбурге – в абсолютных числах [см.: Главацкая, Попова; Главацкая и др., 2017; Старостин, Главацкая]. Советские времена, насильственным путем, казалось бы, стершие все религиозные различия, оставили после себя благодатную почву для миссионерской деятельности множества конфессий – как бывших традиционными для местного населения до Революции, так и новых для страны и региона [о новых религиозных движениях см.: Главацкая, 2013]. Одной из последних стала Армянская апос-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541а.

© Бахарев Д. С., 2018

тольская церковь (ААЦ). Цель данной работы – проследить эволюцию присутствия ААЦ и армянской диаспоры на территории ключевого города Среднего Урала и современной России – Екатеринбурга, в частности, численную динамику армянской общности, архитектурные объекты ААЦ и упоминание ее в местной печати.

Слияние религиозного и национального компонентов армянского присутствия – конфессии и диаспоры – связано с чрезвычайной национальностью Армянской церкви: в подавляющем числе случаев понятие «армянин» тождественно понятию «верующий Армянской церкви». Источниками исследования послужили опубликованные статистические сведения, местная дореволюционная печать, база данных «Регистр населения Урала» и материалы полевых исследований. Методами послужили статистический анализ, контент-анализ и полевые материалы автора: интервью и наблюдения, собранные в мае 2017 г.

Конец XIX – начало XX в., по всей видимости, были непростым временем для всех российских армян. Имперское правительство традиционно разрывалось между желанием контролировать святой Эчмиадзин – древний монастырь Армянской церкви, являющийся резиденцией католикоса всех армян, – и желанием через него влиять на армянскую диаспору за пределами России, в частности, в Османской империи. Излишний контроль над Эчмиадзином ослаблял его авторитет среди турецких армян, а излишняя свобода, т. е. избрание на пост католикоса османского подданного, делала ААЦ опасным для власти проводником идей сепаратизма и армянского национализма. На 1900-е гг. пришлось обострение всех этих противоречий: в числе прочих новый российский премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин считал, что внутригосударственные интересы должны быть более приоритетными, чем внешние, и выступал за ликвидацию автономии ААЦ, которой та обладала согласно «Положению об управлении делами Армяно-Григорианской церкви в России» 1836 г. (главной привилегией ААЦ в этом смысле являлась возможность условно самостоятельного избрания католикоса, в том числе из числа иностранцев).

Именно на период охлаждения отношений между Петербургом и Эчмиадзином пришлась и правительственная секуляризация имущества Армянской церкви в 1903 г. (точнее, ее попытка: современники дружно признали ее провалившейся) [о сложных взаимоотношениях Петербурга и Эчмиадзина см.: Верт]. Эти политические изменения находили свое отражение и в российской публицистике. Деятели формирующейся с середины XIX в. русской националистической мысли выступали ярыми критиками армянской религиозной автономии, которая, будучи сугубо

национальной, могла, по их мнению, быть транслятором сепаратистских идей. Этих идей придерживались М. В. Катков, В. Л. Величко, А. С. Суворин и др. [см.: Катков; Величко; Динерштейн]. Таким образом, сумма всех этих факторов провоцировала метаморфозы общественного мнения, которые докатились и до далекого Екатеринбурга.

На страницах «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» – церковного, а значит, сверхконсервативного издания тех времен до 1899 г. ни армянам, ни армянской вере не было уделено ни слова. Однако с 1899 и по 1907 г. риторика авторов изменилась – дежурные замечания об армянах стали нормой. Следует разделить все упоминания об армянах на страницах «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» на две категории: политические и религиозные. Первые связаны в основном с русской националистической риторикой – примерами могут быть статьи «Псевдоосвободительная печать и “лучшие люди”» [Екатеринбургские..., 1907, № 39, с. 642–646] и «Нужно ли удивляться?» [Там же, 1907, № 21, с. 393–399], авторы которых прямо обвинили армян в политической неблагонадежности. Второй тип упоминания об армянах связан с особенностью Уральского региона. Екатеринбург и Урал в целом – традиционное место старообрядческого расселения и, соответственно, центр внимания для православных борцов с расколом. В этом контексте Армянскую церковь нечасто, но связывали с раскольниками из-за некоторого обрядового сходства. Начиная с 1899 г. в противораскольничьих заметках «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» учащаются ссылки на «Соборное деяние на еретика Арменина, на мниха Мартина» – подложное сочинение начала XVIII в., признанное таковым даже тогдашней Русской церковью, с помощью которого доказывали мнимую древность троеперстного крещения [см: Екатеринбургские…, 1899, № 1, с. 307–316; 1899, № 12, с. 347–356; 1899, № 15, с. 411–421; 1900, № 4, с. 87–107; 1900, № 8–9, с. 246–256; 1900, № 10, с. 297–308; 1900, № 12, с. 383–387; 1900, № 13, с. 408–410.]. За употребление же двоеперстного крещения всячески порицалась не только старообрядческая вера, но и «богопротивное Армянское учение», своеобразным образом легитимирующее старообрядческий обычай собственным. Также случались заметки о прямой связи армян и старообрядцев: либо герой-раскольник сам по национальности был армянином [см.: Екатеринбургские..., 1902, № 8, с. 369-376], либо армяне оказывали ему помощь [см.: Там же, 1904, № 1–2, с. 14–18; 1904, № 1–2, с. 522–523].

Впервые присутствие армян в Екатеринбурге по данным официальной статистики было зафиксировано в 1890 г. Губернский статистический комитет, ежегодно издававший «Памятные книжки Пермской губернии»,

насчитал в городе 19 армян-григориан (далее просто «армяне», так как присутствие армян-католиков в Екатеринбурге до XXI в. не замечено).

Позже их количество выросло до стабильных 30–40 человек (рис. 1). Судя по сбалансированному половому составу, екатеринбургские армяне были постоянными жителями города, а не кочующей торговой прослойкой (что актуально, например, для мусульманского населения). Отсутствие в Екатеринбурге прихода Армянской церкви из-за небольшого размера общины, как нам видится, было обыкновенным явлением для столь далеких от Кавказа регионов. Хотя для армянской церкви не существовало ограничений по минимальному числу прихожан для основания прихода, но экономические тяготы по содержанию молитвенного помещения и священника, возможно, были непреодолимым препятствием для малых общин. В дореволюционной России за Уральскими горами существовала лишь одна армянская церковь – в Иркутске, где проживало почти 500 армян, преимущественно ссыльных [см.: Российская и Ново-Нахичеванская епархия..., с. 86–87].

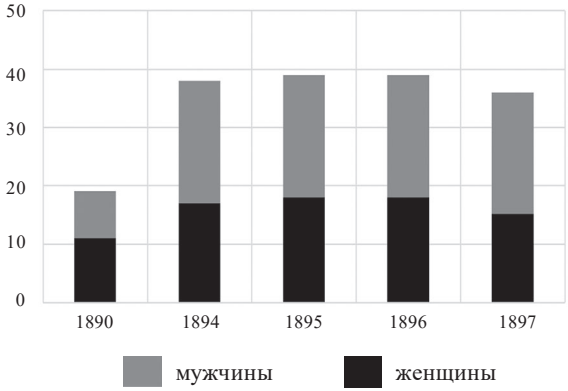

Рис. 1. Динамика числа армян-григориан в Екатеринбурге, 1890–1897[2]

Присутствие армян в Екатеринбурге рубежа веков зафиксировано не только в агрегированном статистическом виде, но и в виде персональных данных: метрические книги других религиозных общин отразили несколько межконфессиональных браков с армянами. Выявить эти случаи стало возможно благодаря проекту «Регистр населения Урала»

[2] Составлено по «Памятным книжкам Пермской губернии» за 1892–1897 гг.

(Ural Population Project), в рамках которого уже оцифрована и транскрибирована значительная часть метрик рубежа веков [о проекте см.: Главацкая и др., 2017]. Интересующие нас брачные книги принадлежат лютеранскому Петропавловскому приходу (1906–1919, 1247 записей) и православному Вознесенскому (1906–1919, 1575 записей). В этих приходах было выявлено три брака с участием армян: одна армянка вышла замуж за лютеранина и двое армян женились на православной и лютеранке:

1. 22 декабря 1912 г. 23-летний Ян Шаусен, уроженец замка Шуен Лифляндской губернии, «артист, музыкант» лютеранского вероисповедания, взял в жены 32-летнюю Магдалину Ованесян (Ованесовну) Таманьянц (Таманову), уроженку города Нахичевань Екатеринославской губернии армяно-григорианского вероисповедания;

2. 20 января 1913 г. 19-летний Айкверт, сын Давида, турецкий подданный армяно-григорианского вероисповедания, взял в жены 32-летнюю мещанскую девицу Клавдию Андрееву Кармалову православного вероисповедания;

3. 7 августа 1916 г. 34-летний Мелко Багинов Дарчиевич, армяно-григорианского вероисповедания, взял в жены 22-летнюю Марию-Паулину Добель, уроженку Курляндской губернии лютеранского вероисповедания.

На основании такой малой выборки делать какие-либо выводы было бы поспешностью, однако можно отметить, что представители армянской церкви, скорее всего, уже не являлись чем-то необыкновенным для жителей Екатеринбурга – заключение брака возможно только с человеком, чья национальность и вера не вызывают подозрения или недоумения.

После революционных событий на ААЦ, как и на другие Церкви, обрушились репрессии советского правительства [см.: Бозоян, Юзбашян]. К сожалению, в этот период в нашей статистике имеется большая лакуна, обусловленная трудностями времени и практикой властей отказываться от публикации данных о национальности (как, например, в переписи 1923 г.). Но учитывая низкое число армян на Урале в 1926 г., сомнительно, что здесь была полноценная община, а значит, и духовенство, которое могло попасть под репрессии.

Значительный рост числа армян в Свердловской области в послевоенное время связан с массовыми депортациями времен Великой Отечественной войны. Уже в 1941 г. в Свердловскую область, выделенную из Уральской, было депортировано 23 армянина [см.: Пажит, с. 81], а в ходе массовых депортаций 1944 г. на Средний Урал было переселено 14 585 «немецких пособников из числа крымских армян, греков и болгар»

[Пажит, с. 98], значительную часть из которых, вероятно, составляли армяне (более детализированных данных до нас, к сожалению, не дошло). Всесоюзная перепись 1959 г. зафиксировала в Свердловской области 3609 армян (рис. 2). Однако уже через десять лет их число уменьшилось почти в два раза – до 2061 человека. В первую очередь, это уменьшение следует связать с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 27 марта 1956 г., который снимал крымских армян с учета спецпоселения и освобождал от административного надзора [см.: Указ Президиума…]. Возвращение на историческую родину для них было под запретом, но миграции в границах СССР были возможны. Последняя советская перепись населения 1989 г. зафиксировала 3684 армянина, проживавших на территории области. Следующая контрольная точка – 2002 г. – демонстрирует, что за истекший с момента распада СССР период армянская диаспора в области выросла трехкратно (см. рис. 2). Массовая постсоветская иммиграция армян во многие российские регионы вызвана рядом потрясений, имевших место на их исторической родине: это Нагорно-Карабахский конфликт, Спитакское землетрясение 1988 г. и экономический коллапс в Армении вследствие транспортной блокады страны со стороны Азербайджана и Турции [см.: Саркисян, с. 92–94].

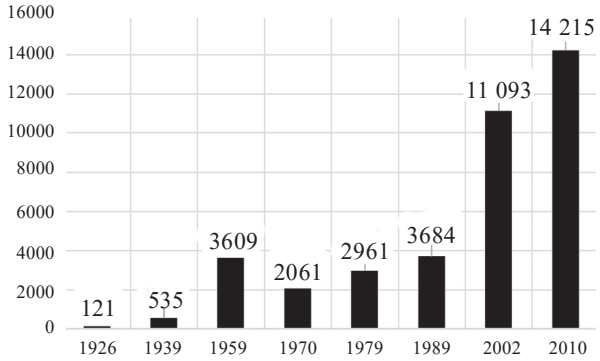

Рис. 2. Динамика численности армян в Свердловской области, 1926–2010[3]

[3] Составлено по: Демоскоп Weekly. Приложение. Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php (дата обращения: 18.11.2017).

Численность армянской диаспоры, по данным последней Всероссийской переписи 2010 г., составляет 14 215 человек, при этом в неофициальных источниках часто называется цифра 20 000 армян, которая включает незарегистрированных [см.: Конспект беседы…; Поздеев]. Как минимум, половина из этого числа проживает в Екатеринбурге.

Наиболее активные армяне города поддерживают и развивают общественные организации «Ани-Армения» и «Союз армянской молодежи». Они активно занимаются благотворительностью, культурной деятельностью, широко сотрудничают с властями. В 2013 г. силами екатеринбургских армян была построена церковь Сурб Карапет (Иоанна Предтечи). Освящение храма провел католикос всех армян Гарегин II, прибывший на Урал во главе представительной делегации из Армении [см.: Поздеев]. Такое событие свидетельствует о высоком статусе городской общины – самостоятельной и авторитетной.

Построенный храм – сооружение не только символическое, но и реальный центр религиозной жизни. Активный костяк прихода составляют около 500 человек; отстаивают ежедневную службу – 150–200 прихожан. Большую часть диаспоры составляет молодежь. На главные праздники, например Пасху, по словам священника церкви о. Аристакеса, к храму может прийти до 2000–3000 человек, т. е. 20–30 % всех армян города [см.: Конспект беседы…]. Помимо храма в Екатеринбурге маркерами армянской церкви в Свердловской области являются хачкары[4], установленные общинами Нижнего Тагила и Каменска-Уральского в своих городах. Кроме того, ведутся переговоры по установке хачкаров в Березовском и Арамили [см.: Там же…].

Таким образом, можно заключить, что за истекшие 100 лет екатеринбургские армяне из незначительного религиозного меньшинства, состоящего из 20–40 чел., превратились во влиятельную, юридически оформленную этно-религиозную общность с численностью в несколько тысяч человек. Одним из важнейших маркеров идентичности и центров культурной жизни диаспоры является церковь Сурб Карапет.

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. Пермь, 1895.

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1896 год (високосный). Пермь, 1895.

---

[4] Хачкар – каменная стела с вырезанным изображением креста, имеет сакральное значение в армянской религии.

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1897 год: (с приложением двух видов Белогорского монастыря). Пермь, 1897.

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899.

Бозоян А. А., *Юзбашян К. Н.* Армянская апостольская церковь // Православная энциклопедия. Электронная версия [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravenc.ru/text/76124.html (дата обращения: 07.10.2017)

Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы [факсимильное издание 1904 года]. Баку, 1990.

Верт Пол. Глава Церкви, подданный императора: Армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики империи, 1828–1914 // Ab imperio. 2006. № 3. С. 99–138.

Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: в условиях регламентации и свободного поиска // Человек и религия : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 14–16 марта 2013 г. / под ред. С. Г. Карасевой, С. И. Шатравского. Минск, 2013. С. 93–98.

Главацкая Е. М., *Боровик Ю. В.*, *Бахарев Д. С.*, *Заболотных Е. А.*, *Бобицкий А. В.*, *Вишневская А. В.* Смертность в старом Екатеринбурге: опыт создания БД по материалам метрических книг // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Пермь, 2017. Ч. 2. С. 88–91.

Главацкая Е. М., *Боровик Ю. В.*, *Бобицкий А. В.* Католики Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. по материалам переписей и метрических книг // Известия УрФУ. 2016 *а*. Т. 18. № 3 (154). С. 68–84. (Сер. 2: Гуманитарные науки).

Главацкая Е., *Попова Н.* Российский религиозный нонконформизм в конце XIX – первой четверти XX в.: баптисты и евангельские христиане на Урале // Quaestio Rossica. 2016 *б*. Vol. 4, Nr 4. P. 190–206.

Демоскоп Weekly. Приложение. Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php (дата обращения: 18.11.2017).

Динерштейн Е. А. А. С. Суворин: Человек, сделавший карьеру. М., 1998.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1899. № 1. 1 июня.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1899. № 12. 16 июня.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1899. № 15. 1 авг.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 4. 15 февр.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 8–9. 16 апр. – 1 мая.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 10. 16 мая.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 12. 16 июня.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1900. № 13. 1 июля.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. № 8. 16 апр.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1904. № 1–2. 1–16 янв.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1904. № 18–19. 16 сент. – 1 окт.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1907. № 21. 1 июня.

Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1907. № 39. 15 окт.

Катков М. Н. [Статья] № 203 // Собрание передовых статей «Московских ведомостей» 1866 года. М., 1897. С. 449–451.

Конспект беседы с о. Аристакесом. Личный архив автора. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.

О снятии ограничений в правовом положении с греков, болгар, армян и членов их семей, находящихся на спецпоселении : Указ Президиума ВС СССР от 27.03.1956 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5069.htm (дата обращения: 14.10.2017).

Пажит Ю. Ю. Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.

Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 год. Пермь, 1891.

Поздеев Л. В. В Екатеринбурге освящен храм Армянской апостольской церкви // Сайт «Областной газеты». ОБЛГАЗЕТА.RU. URL: https://www.oblgazeta.ru/politics/13182/ (дата обращения: 18.11.2017).

Российская и Ново-Нахичеванская епархия Армянской апостольской церкви : ист. путь / [под ред. А. С. Вирабян и др.]. М., 2013.

Саркисян Г. Г. Динамика численности и расселение армян в XIX – начале XXI века // Армяне / отв. ред. Л. М. Варданян, Г. С. Сарксян, А. Е. Тер-Саркисянц. М., 2012.

Старостин А. Н., *Главацкая Е. М.* Мусульманская община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в.: численность и институты // Изв. УрФУ. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 244–253 (Сер. 2. Гуманит. науки).

Раздел 3
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА, 1917–1930-е гг.

УДК 94(47).084.3:336.02

А. С. Соколов

НАСТРОЕНИЯ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ АННУЛИРОВАНИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ (1918): СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Рассматриваются финансовые мероприятия большевиков после Революции 1917 г. Исследуются действия власти в рамках реализации декрета об аннулировании государственных займов. Анализируются настроения населения в связи с конфискационными мероприятиями большевиков в отношении ценных бумаг. Особое внимание уделяется проблеме наличия у населения элементов рыночного сознания в условиях реализации радикальной модели советского общества.

Ключевые слова: аннулирование займов, гражданское сознание, революция, социальная история, ценные бумаги.

Одним из направлений современной исторической науки является новая социальная история, которая применяет процессуальный подход к анализу форм социальной жизни и социальных групп сквозь призму их непрерывной интерпретации, поддержания или преобразования в практической деятельности взаимодействующих индивидов [см.: Маловичко, с. 462]. По своему статусу социальная история выступает, с одной стороны, как область исторического знания об определенной сфере исторического прошлого и прежде всего как область знаний о всевозможных конкретных сферах социальных отношений и активности людей, а с другой – как особая, ведущая форма существования современной исторической науки, построенной на междисциплинарной основе [см.: Репина, с. 68]. Этап российской истории после 1917 г. чрезвычайно интересен, в том числе с точки зрения изучения эволюции настроений различных социаль-

© Соколов А. С., 2018

ных групп в связи с первыми мероприятиями большевистской власти. Первое послереволюционное десятилетие – период, чрезвычайно насыщенный драматическими событиями и фундаментальными общественными сдвигами. Можно согласиться с мнением А. Я. Лившина, что к 1917 г. гражданское общество в России находилось на начальной стадии становления, а сложившиеся внешние и внутренние условия в силу своей противоречивости блокировали этот процесс [см.: Лившин, с. 133]. Анализ различных форм апелляции к власти первых послереволюционных лет показывает, что Россия вступила в революцию с массово ощущавшимся недовольством существовавшим положением вещей и с пониманием исчерпанности ресурсов старого строя, отсутствием у него перспектив развития. При этом нельзя категорически утверждать, что настроениям подавляющего большинства людей, как в городе, так и в деревне, были присущи сверхрадикализм и желание немедленно, именно здесь и именно сейчас разрушить все «до основания» и начать создавать невиданное в мировой истории общество [см.: Лившин, Орлов, с. 152].

В условиях революционных катаклизмов сохранялись островки рационализма, социальной ответственности и стремления мирно и законно отстаивать свои интересы. Убедительным подтверждением наличия в 1917–1918 гг. у части социума элементов гражданского сознания является достаточно обширный комплекс документов (писем, ходатайств, обращений во власть) в связи с конфискационными мероприятиями большевиков в отношении ценных бумаг и доходов от них. От этих действий пострадали широкие социальные слои, сотни тысяч держателей акций, облигаций, государственных и иных процентных бумаг. Активное использование правительствами России государственных кредитных операций, масштабы которых особенно возросли в годы Первой мировой войны, привело к возрастанию государственного долга. По данным «Справки о государственном долге России на 21 января 1918 г.» за период с 20 октября 1916 г. и до конца 1918 г. государственная задолженность к моменту ее аннулирования составляла 55 млрд руб. Из этой суммы долгосрочные займы составляли 39,3 %, а краткосрочные – 60,7 % [см.: История Министерства..., т. 2, с. 87]. В период Первой мировой войны наблюдалось поступательное развитие отечественных сберегательных учреждений. За период с 1 июля 1914 г. по 1 октября 1917 г. прилив новых вкладов в сберегательные кассы наличными деньгами и процентными бумагами составил 4831,8 млн руб. [см.: История Сбербанка..., с. 164]. Таким образом, до революции в России возник и быстро рос слой мелких вкладчиков.

29 декабря 1917 г. за подписями Ленина и Менжинского был принят декрет СНК о прекращении платежей и купонов по дивидендам. Он сыграл роль подготовительной меры к аннулированию государственных займов, поскольку запрещал всякую оплату купонов и любые сделки с ценными бумагами. 21 января 1918 г. Президиум ВЦИК издал декрет, в котором говорилось: «1. Все государственные займы, заключенные правительством российских помещиков и российской буржуазии… аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 г. … 2. Равным образом аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам различных предприятий и учреждений. 3. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы. 4. Краткосрочные обязательства и серии Государственного казначейства остаются в силе. Проценты по ним не уплачиваются, а самые их облигации имеют хождение наравне с кредитными билетами» [История Министерства..., т. 2, с. 91].

Таким образом, принятым актом Советская власть полностью отказывалась от какой-либо преемственности по части государственного долга. В Конституции РСФСР 1918 г. данное мероприятие выглядело «как первый удар международному банковскому капиталу» [Харченко, с. 153]. Практически сразу после издания этого декрета появились критические замечания по поводу его содержания со стороны профессиональных экономистов, которые подчеркивали, что декрет о государственном банкротстве носит не финансовый, а социально-политический характер и направлен прежде всего на экспроприацию капиталистов – держателей ценных бумаг. Однако «для всякого непредубежденного человека совершенно ясно, что от этого декрета пострадает не буржуазия, а средние слои населения, поместившие свои трудовые сбережения в займы государства, оказав последнему в тяжелые минуты отечества поддержку» [Голицын, с. 167].

Противоправные, с точки зрения нормального обыденного сознания, конфискационные действия властей вызвали целый поток апелляций «во власть». Характерно, что люди не посылали на головы властей проклятья и не угрожали взяться за оружие. Они скрупулезно анализировали опубликованные официальные документы, пытались отыскать в них противоречия и ссылались на букву соответствующих постановлений и инструкций. В Российском архиве экономики, в фонде ВСНХ, сохранился комплекс писем граждан, направленных в различные государственные структуры и лично руководителям РКП(б), с просьбой вернуть денежные средства за приобретенные до декабря 1917 г. ценные бумаги. В апреле 1918 г. директор Вологодского Александровского реального училища ходатайствовал перед культурно-просветительским отделом местного

исполкома об оказании материальной помощи беднейшим ученикам, так как все стипендиальные суммы училища были размещены в прежних государственных займах [см.: РГАЭ, ф. 3429, оп. 2, д. 84, л. 57]. Письмо дошло до наркома просвещения Луначарского, который просил ВСНХ внести на счет Наркомпроса сумму, равную аннулированному капиталу. В телеграмме из Хабаровска, направленной в Наркомат финансов, просили разъяснить, что предпринять в отношении «облигаций и военных займов 16 годов, займа Свободы», поскольку основным вкладчиком являлась беднота [см.: Там же, л. 50]. Управление делами Елизаветы Федоровны Романовой просило новую власть обеспечить выплату пенсий служившим при дворе великого князя Сергея Александровича. Пенсионный фонд в сумме 776 тыс. 50 руб., размещенный в различных облигациях внутренних займов, хранился в Петроградской конторе Госбанка, и уплата процентов по купонам была прекращена. «Прекращение выдачи пенсионерам пенсий ставит их в тяжелое материальное положение, в особенности в настоящее трудное время, большая часть которых народ нуждающийся и неработоспособный», – указывалось в письме [Там же, л. 26]. На документе имеется резолюция: «Отказать без мотивировки». В письме Кинешемского Совета, направленного в финансовый отдел ВСНХ, сообщалось, что в феврале 1917 г. брат генерала Рузского внес в кассу земства 10 тыс. руб., на которые были куплены облигации пятипроцентного военного займа. Ввиду крайней нужды земства местный Совет просил «снять аннуляцию». В просьбе было отказано [см.: Там же, л. 4]. Беспокойство относительно сбережений высказывали и трудящиеся предприятий. В письме, датированном февралем 1918 г., рабочие государственного фарфорового и стеклянного завода сообщали, что в 1916 г. они приобрели облигации $5\frac{1}{2}$ % краткосрочного военного займа на сумму 33 650 руб. Участники подписки, обеспокоенные участью внесенных ими средств, настойчиво просили выдать им бумаги либо вернуть деньги [см.: Там же, л. 88]. В большей степени проблема аннулирования ценных бумаг коснулась деревни. В одном из писем крестьянин Тульской губернии Марков жалуется, что бумаги военного займа были приобретены «из патриятизма», на «нажитые своим честным и правильным трудом» деньги. Высказывалась просьба открыть под упомянутые процентные бумаги кредит для постройки дома [см.: Там же, л. 7]. В другом письме рядовой крестьянин ссылается на то, что в государственных бумагах помещены его «небольшие сбережения трудовые» (а отнюдь не эксплуататорские) [см.: Лившин, с. 146].

Общее, что объединяет данный комплекс писем – рациональность аргументов, скрупулезное описание последовательности действий просителей при обращении в различные инстанции с просьбой добиться выполнения самой же советской властью принятого закона в той его части, где говорится о смягчении грабительских правил.

Рационализм сознания порождал и рациональный дискурс: в письмах гораздо больше говорится о законе, о праве, нежели о «правде» и «справедливости» [Лившин, с. 146]. Здесь проявился гражданский протест против насилия над законом. Существенна и значима форма проявления несогласия с действиями властей и способы реализации стремления защитить свою собственность и инвестиции. По типу ценностной ориентации и содержанию ценностей, по характеру мотивации менталитет большинства авторов писем обладает набором основных признаков гражданского конституционного сознания. Здесь проявилась, отчасти, психология среднего класса, нарождавшегося в России накануне революции.

Представители большевистской власти заявляли, что они учитывают сложившуюся ситуацию и, следовательно, обязательства «Займа свободы» будут погашены. В рязанской газете «Искра» в феврале 1918 г. появилась статья, в которой говорилось, что лица, отказывающиеся принимать облигации «Займа свободы» как денежные знаки по номинальной стоимости, подлежат преданию суду и караются по всей строгости революционных законов [см.: Искра, 1918, 21 февр.]. Когда же подошло время выполнять обещания, то они заговорили о приоритете классовой борьбы. Здесь проявилось желание новой власти разорить врага, определяемого по критерию социального происхождения независимо от свойств его личности. В письме Грайворонского финотдела в уездный исполком сообщалось, что облигации «Украинские Шаги» «совершенно аннулированы ввиду того, что в подавляющем своем большинстве фальшивы», при этом интересы держателей нефальшивых облигаций принципиально упускались из виду [см.: Харченко, с. 153]. Полученные большевиками от аннулирования ценных бумаг средства были ничтожно малы по сравнению с тем убытком, который понесла Россия от Гражданской войны и интервенции.

Голицын Ю. П. Фондовый рынок дореволюционной России. М., 2010.

История Министерства финансов России : в 4 т. М., 2002. Т. 2.

История Сбербанка России (1841–1991 гг.) / под ред. А. И. Казьмина. М., 2007.

Искра (Рязань). 1918. 21 февр.

Лившин А. Я. Общественные настроения в Советской России 1917–1929 гг. М., 2004.

Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002.

Маловичко С. И. Социальная история // Теория и методология исторической науки : терминол. словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014.

РГАЭ. Ф. 3429 (ВСНХ РСФСР и ВСНХ СССР).

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XIX вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

Харченко К. В. Власть – Имущество – Человек: передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 г. М., 2000.

УДК 94(470.5).084.3:329.14

М. И. Вебер

БОРЬБА РКП(б) С ДРУГИМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ НА УРАЛЕ в 1919–1922 гг.[1]

В статье анализируются основные этапы борьбы Коммунистической партии с другими социалистическими партиями в Уральском регионе на завершающей стадии Гражданской войны и в начале нэпа. Сделан вывод о том, что к концу 1922 г. коммунистам удалось полностью разгромить местные партийные организации прочих социалистических партий на Урале.

Ключевые слова: Урал, РКП(б), эсеры, левые эсеры, меньшевики, анархисты.

В результате Гражданской войны в России установилась однопартийная диктатура РКП(б), которая приложила максимум усилий для ликвидации в стране других социалистических партий.

В советской историографии этот вопрос затушевывался. Советские историки сознательно нивелировали роль Коммунистической партии в уничтожении в России многопартийности: в их работах проводилась мысль о том, что социалистические партии фактически самораспустились, утратив доверие народа.

Среди наиболее значительных научных работ советского периода, затрагивавших эту тему в общероссийском масштабе, следует отметить вышедшую в 1968 г. монографию Л. М. Спирина «Классы и партии в граж-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

© Вебер М. И., 2018

данской войне (1917–1920 гг.)» [см.: Спирин]. На материалах Урала процесс ликвидации партии социалистов-революционеров рассмотрел пермский историк И. С. Капцугович, в 1975 г. опубликовавший монографию «История политической гибели эсеров на Урале», заключительные страницы которой посвящены периоду после окончания Гражданской войны [см.: Капцугович].

Современная российская историография добилась значительного прогресса в исследовании истории социалистических партий в период революционных трансформаций российского общества [см.: Суслов]. Квинтэссенцией новых подходов к изучению истории уничтожения коммунистическим режимом в Советской России многопартийности стала монография московского историка Д. Б. Павлова «Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х гг.», вышедшая в 1999 г. и рассматривавшая этот процесс в общероссийском масштабе – на основе широкого спектра исторических источников [см.: Павлов].

Не остался без внимания современных российских историков и процесс ликвидации местных партийных организаций социалистических партий в Уральском регионе. Среди научных трудов тех, кто обращался к этой теме в региональном масштабе, в частности, можно отметить кандидатскую диссертацию Е. Б. Сергеевой «Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917–1924 гг.)», защищенную в Екатеринбурге в 1997 г. [см.: Сергеева].

На мой взгляд, на основе наработанного отечественной историографией обширного эмпирического материала можно выделить два основных этапа борьбы Коммунистической партии с другими социалистическими партиями на завершающей стадии Гражданской войны и в начале нэпа:

1) 1919–1920 гг.;

2) 1921–1922 гг.

Рассмотрим наиболее характерные черты этих этапов в масштабах всей страны.

Первый этап характеризуется тем, что в это время существовали фронты Гражданской войны и продолжалась полномасштабная война советского правительства с генеральскими диктатурами на окраинах страны, исход которой долгое время был неясен. В разгар Гражданской войны коммунисты, установившие на контролируемой ими части России однопартийную диктатуру, пошли на определенные послабления для других социалистических партий для того, чтобы усилить свои позиции в борьбе против белых.

В ноябре 1918 г. была легализована партия меньшевиков, в феврале 1919 г. – партия эсеров. В ноябре 1919 г. ВЦИК принял постановление об амнистии находящихся в заключении членов тех политических партий, которые объявили о мобилизации своих сторонников на борьбу с Деникиным. Под амнистию, в частности, попали члены партии меньшевиков и отколовшейся от партии эсеров группы «Народ».

Однако несмотря на определенные послабления, Коммунистическая партия продолжала преследовать активистов социалистических партий. Одиночные аресты не прекращались ни в 1919, ни в 1920 г., а в тех случаях, когда руководство РКП(б) опасалось растущей политической конкуренции, принимали массовый характер. Так, в начале 1919 г. серьезным репрессиям подверглись руководящие органы партии левых эсеров, так как лидеры РКП(б) опасались усиления влияния левых эсеров в рабочей среде.

Второй этап связан с усилением репрессий и полным уничтожением возможностей для ведения легальной политической деятельности: чем ближе была победа большевиков в Гражданской войне, тем более жесткой становилась политика Коммунистической партии по отношению к лидерам и активистам других социалистических партий. В результате зимой 1920/21 г. ВЧК был издан ряд нормативных актов, направленных на полную ликвидацию организационных структур социалистических партий и изоляцию их партийных лидеров и активистов.

В приказе ВЧК от 1 декабря 1920 г. устанавливалась конкретная программа действий по борьбе с социалистическими партиями:

> «Для противодействия планам контрреволюционеров ЧК обязаны:
>
> 1. Выяснить и иметь на постоянном учете всех лиц, состоящих в настоящее время в ПСР правых, левых и центра, меньшевиков, народных социалистов, объединенной еврейской партии (Бунд), Поалей-Цион и других мелкобуржуазных народнических партий…, а также анархистов всех направлений.
>
> 2. За указанными лицами иметь неослабное наблюдение их знакомств, связей и т. д.
>
> 3. Влить в указанные партии и организации достаточное количество опытных, способных и вполне компетентных осведомителей, которым предписать принимать активное участие в их жизни» [цит. по: Павлов, с. 51].

Циркуляр ВЧК № 10 от 31 января 1921 г. «О партии социалистов-революционеров (правых и центра)» предлагал чекистам «вести работу на совершенное уничтожение и ликвидацию партии с.-р. как таковой» [цит. по: Там же, с. 176].

Наконец, приказ ВЧК № 52 от 28 февраля 1921 г. предписывал:

> «Всем губЧека в самый кратчайший срок разбить аппарат эсеров и меньшевиков, для чего ВЧК приказывает:
>
> 1. Изъять в подведомственном Вам районе всех анархистов, эсеров и меньшевиков из интеллигенции, особенно служащих в земотделах, продорганах и распределительных учреждениях.
>
> 2. Изъять активных эсеров, меньшевиков, работающих на заводах и призывающих к забастовкам, выступлениям и демонстрациям. Действовать особенно осторожно по отношению к рабочим и принимать по отношению к ним репрессивные меры лишь при наличии конкретных данных об их контрреволюционной деятельности.
>
> 3. Решение об арестах лиц из рабочей среды принимать совместно с парткомами, и всю эту работу обязательно согласовать с ними» [цит. по: Павлов, с. 61–62].

В ходе исполнения данных приказов в 1921 г. в центре и на местах были практически полностью уничтожены аппарат и организационные структуры социалистических партий.

Для закрепления достигнутых результатов в 1922 г. коммунистическим режимом была запущена пропагандистская кампания по дискредитации лидеров социалистических партий. Для этого, в частности, в июле-августе 1922 г. был организован открытый судебный процесс над ЦК партии эсеров. В регионах агитационной работой руководили специально созданные «тройки», в состав которых входили секретарь губернского комитета партии, редактор официальной местной газеты и заведующий агитационно-пропагандистским отделом. Этот комплекс агитационных мероприятий завершил окончательный разгром оппозиционных социалистических партий.

Таково основное содержание борьбы правящей партии с другими социалистическими партиями в Советской России в 1919–1922 гг.

В чем заключалась региональная уральская специфика этих двух этапов?

Летом 1919 г. Красная армия, нанеся ряд чувствительных поражений вооруженным силам адмирала Колчака, заняла весь Урал. Не будет преувеличением сказать, что Колчак значительно упростил коммунистам борьбу с другими социалистическими партиями на Урале. Политический ландшафт в середине 1919 г. здесь разительно отличался от губерний Центральной России. Многие леворадикальные активисты социалистических партий на Урале были репрессированы колчаковским режимом, часть более умеренных представителей социалистических партий сотруд-

ничала с этим режимом, работала в профсоюзах, органах местного и земского самоуправления и предпочла эвакуироваться вместе с отступающими колчаковскими войсками в Сибирь, не дожидаясь прихода красных.

Неудивительно, что в сентябре 1919 г. Уральский областной комитет партии эсеров не смог собрать и провести областную партконференцию из-за отсутствия полноценных партийных организаций [см.: Капцугович, с. 174]. В ноябре 1919 г. партийный инструктор, направленный ЦК партии эсеров для работы на Урале, доложил ЦК, что в Екатеринбурге осталось всего два активных партийных работника и 4–5 человек, поддерживающих связи с партией [см.: Там же]. Согласно этому же источнику, небольшие неорганизованные группы эсеров в тот период также существовали в Верхотурье, Нижнем Тагиле и Верхнем Уфалее. Кроме того, одиночные члены партии проживали в Невьянске, Каслях и в Черемисском.

Аналогичная Екатеринбургской губернии безрадостная картина состояния местных отделений социалистических партий после отступления колчаковцев имела место и в соседней Пермской губернии, где, согласно отчету Пермской губчека, во второй половине 1919 г. в общей сложности был поставлен на учет всего 31 человек, считавшийся политически неблагонадежным, в том числе 3 меньшевика, 3 эсера, 2 правых эсера, 2 левых эсера, 1 сочувствующий анархистам [ПермГАСПИ, ф. 557, оп. 1, д. 10, л. 125]. Кроме того, Пермская губчека установила негласный надзор за 98 лицами, в том числе 4 меньшевиками, 10 правыми эсерами, 2 левыми эсерами [см.: ПермГАСПИ, ф. 557, оп. 1, д. 10, л. 125].

Таким образом, итоги правления на Урале колчаковского режима существенно облегчили работу созданных коммунистами органов госбезопасности, которым требовалось лишь не дать остаткам актива социалистических партий сорганизоваться и начать вести в регионе хоть сколько-нибудь масштабную политическую деятельность.

Стоит оговориться, что перед исследователями истории социалистических партий в период утверждения в России коммунистической диктатуры довольно остро стоит проблема достоверности исторических источников. Как правило, основным источником сведений о нелегальной деятельности социалистических партий для историков служат информационные сводки, которые сотрудники ВЧК – ОГПУ готовили для информирования партийного руководства в центре и на местах. Однако зачастую чекисты выдавали желаемое за действительное – для улучшения показателей своей работы и продвижения по службе или же просто в силу невысоких аналитических способностей работников информационных отделов, низкого уровня ведения следствия и плохой подготовки осведомителей.

Например, в информационном бюллетене Пермской губчека № 51 за 28–30 ноября 1919 г. сообщалось, что чекистам удалось выйти на след подпольной меньшевистской организации, которая в ночь с 27 на 28 ноября 1918 г. расклеила контрреволюционные листовки на заборах и стенах по ул. Обвинской в Перми [см.: ПермГАСПИ, ф. 557, оп. 1, д. 10, л. 80]. По информации губчека организация состояла из рабочих главных железнодорожных мастерских, а возглавлял ее рабочий кузнечного цеха Костарев. Однако утверждение пермских чекистов о том, что ими была раскрыта подпольная организация именно меньшевиков, вызывает серьезные сомнения, так как листовки, расклеенные в Перми, призывали «к восстаниям против коммунистов (большевиков), латышей и евреев, как надсмеявшимися над русским народом и осквернившими святыни» [Там же] – лозунги, максимально далекие от политической программы меньшевиков.

Таким образом, информационным сводкам не всегда можно доверять. Для того чтобы минимизировать риски некритичного восприятия информации, содержащейся в информационных сводках, необходимо сопоставлять содержащиеся в них сведения с материалами архивно-следственных дел, которые, к сожалению, далеко не всегда доступны исследователям.

По моему мнению, второй этап борьбы Коммунистической партии с другими социалистическими организациями на Урале не имел ярко выраженной региональной специфики. Рассмотрим, как он протекал в 1921 г. на примере Ирбитского уезда Екатеринбургской губернии.

Согласно отчету о работе Ирбитского политбюро за май-ноябрь 1921 г. к 1 мая 1921 г. в сравнительно небольшом по численности населения Ирбитском уезде «на учете состояло около 100 чел[овек], заподозренных и установленных в принадлежности к антисов[етским] партиям, на каждого из них было заведено агентурное дело и велось наблюдение через осведомительный аппарат» [ГА в г. Ирбите, ф. Р-194, оп. 1, д. 34, л. 140 об.]. В целом, ни одна партия ничем себя не проявляла и не вела в уезде партийной работы. Некоторым исключением была лишь местная группа левых эсеров, которая получала партийную литературу из Москвы. В конце мая 1921 г. к ирбитским левым эсерам приезжал из Москвы представитель руководства партии [см.: Там же]. Сотрудниками Ирбитского политбюро было устроено за ним наружное наблюдение. Естественно, что работать в таких условиях было затруднительно и вскоре посланец центра уехал из Ирбита.

В июле 1921 г. сотрудникам Ирбитского политбюро удалось раскрыть в уезде подпольную группу анархистов [см.: Там же, л. 141]. По информации ирбитских чекистов, выявленная ими группа поддерживала связь

с ЦК Федерации анархистов (видимо, речь идет о Всероссийской федерации анархистов-коммунистов, лидером которой был А. А. Карелин), но активную работу в уезде не вела. Характерно, что все анархисты имели членские билеты ЦК Федерации анархистов и одновременно состояли членами РКП(б). Вероятно, членство в Коммунистической партии рассматривалось анархистами как своеобразная маскировка, выводящая их из-под подозрений органов госбезопасности.

17 августа 1921 г. Ирбитский уездный исполком Совета депутатов предписал политбюро составить списки заподозренных в причастности к антисоветским политическим партиям граждан Ирбитского уезда [ГА в г. Ирбите, ф. Р-194, оп. 1, д. 34, л. 141]. Их намеревались использовать на работах, организованных Утрудкомом.

Для работы по выявлению подпольного актива политических партий Ирбитским политбюро за май-ноябрь 1921 г. было завербовано 20 осведомителей [см.: Там же]. С помощью сети осведомителей к осени 1921 г. Ирбитскому политбюро удалось проверить информацию о всех лицах, состоявших на учете в милиции и политбюро как членах антисоветских политических партий. В результате многие из них «оказались членами РКП, многие – совершенно не грамотные, не разбирающиеся в политических вопросах и многие – определенно стоящие на платформе Сов[етской] власти» [Там же]. По результатам анализа собранной информации уполномоченный Ирбитского политбюро направил доклад в Екатеринбургскую губчека для снятия с учета части лиц, как политически благонадежных.

Приведем в качестве примера справку, составленную в августе 1921 г. Ирбитским политбюро на одного из таких жителей уезда, состоявшего на учете в качестве члена партии меньшевиков, но признанного политически благонадежным:

> «Казанцев Евграф Васильевич
>
> Происходит из граждан Ирбитского уезда, Ирбитско-Заводской волости и завода, социальное положение – рабочий, в 1918 г. принадлежал к партии меньшевиков, к Советской власти относился враждебно, по прибытии Колчака остался на месте и занимал должность Председателя земской управы, после работал членом Кредитного товарищества, по приходе Советской власти в 1919 г. Казанцев первое время работал там же до реорганизации такового, после чего поступил на службу в Упродком на должность приемщика продуктов и был избран в кооператив правления Центролавки, во всей вышеуказанной работе проявлял максимум энергии и работал добросовестно, после чего вступил в члены РКП и нарушений партийной дисциплины за ним не замечалось, его взгляды на проводимую политику Советской власти, как [у] коммуниста, политически благонадежен» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 349, л. 5].

21 августа 1921 г. Екатеринбургская губчека разослала уездным политбюро телеграмму за № 1025 с требованием временно изолировать (т. е. заключить в концлагерь) активно выступающих правых эсеров. В Ирбитском уезде эта мера была применена к двум человекам [ГА в г. Ирбите, ф. Р-194, оп. 1, д. 34, л. 141]. В общей сложности за май-ноябрь 1921 г. Ирбитским политбюро было возбуждено и расследовано самостоятельно либо передано в Екатеринбургскую губчека или следователям народных судов 38 следственных дел о принадлежности жителей Ирбитского уезда к тем или иным политическим партиям [см.: Там же].

То, что происходило в Ирбитском уезде в 1921 г., – довольно типично для всего региона в целом. Тотальная слежка органов госбезопасности за всеми подозрительными лицами, превентивные аресты активистов политических партий и лиц, заподозренных в политической неблагонадежности, пресечение малейших попыток вести организованную политическую деятельность – таковы были реалии нового советского общества.

1922 г. на Урале, как и по всей стране, прошел под знаком массированной агитационно-пропагандистской кампании по дискредитации лидеров разгромленных коммунистами в 1921 г. социалистических партий. О ходе показательного политического процесса над партией социалистов-революционеров регулярно писала крупнейшая региональная газета «Уральский рабочий», в регионе проводились массовые митинги с осуждением эсеров и их лидеров.

Закономерным следствием политики правящей партии в 1919–1922 гг. стала практически полная ликвидация организованной деятельности социалистических партий на Урале к концу рассматриваемого периода. Так, в 1922 г. в Екатеринбургской губернии, по данным ОГПУ, насчитывалось всего 11 меньшевиков [см.: Павлов, с. 81].

ГА в г. Ирбите. Ф. Р-194 (Ирбитский уездный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, г. Ирбит Екатеринбургской губернии).

Капцугович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975.

Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х гг. М., 1999.

ПермГАСПИ. Ф. 557 (Пермский губернский комитет РКП(б)).

Сергеева Е. Б. Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917–1924 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997.

Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне (1917–1920 гг.). М., 1968.

Суслов А. Ю. Социалистические партии в Советской России : отечественная историография. Казань, 2006.

ЦДООСО. Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП(б)).

УДК 94(470.5).084.3:719

Г. А. Кругликова

ОХРАНА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (на материалах Урала)

В статье рассмотрены основные аспекты государственно-правовой охраны культурного наследия в первые годы советской власти, освещены теоретические и практические мероприятия государства в деле охраны памятников истории и культуры.

Ключевые слова: культурное наследие, охрана памятников, культура Урала.

Новая модель общественного развития, утверждающаяся в современной России, сопровождается значительными и не всегда однозначными изменениями в социокультурной сфере. В конце XX в. российская культура испытала на себе последствия политических и экономических преобразований, ставших возможными после провозглашенной в 1985 г. политики «перестройки». Коренные перемены в жизни общества повлекли за собой необратимые изменения и в культурной жизни, дали толчок сложным процессам, породившим новые структуры, элементы, организационные формы. Наряду с новыми технологиями культура приобрела иной облик и открыла новые возможности участия личности в общественно-культурной жизни, превратилась в сложную, интенсивно развивающуюся систему. Культурная жизнь современного российского общества – многогранное, взаимосвязанное и взаимообусловленное явление. Произошедшие значительные изменения в социокультурной ситуации в России выдвинули на первый план проблему изучения механизма и результатов культурных традиций прошлого, возникла необходимость в оценке культурных изменений в их сложности и многоплановости.

Практическая реализация современных принципов и целей культурной политики в России встречается со множеством трудностей, что требует их нового изучения, осознания роли государства в регулировании социокультурных процессов, пределов и способов его воздействия на развитие культуры.

Как справедливо отмечает Н. В. Михайлова, «историко-культурное наследие России является составной частью общечеловеческой культуры, действенным рычагом формирования и развития интеллекта человека,

© Кругликова Г. А., 2018

общества, этноса, важнейшим хранилищем исторической памяти» [Михайлова, с. 7].

Организационные формы культурного наследия в первые годы Советской власти были зафиксированы в декретах и постановлениях ВЦИК и Совнаркома РСФСР об утверждении Государственной комиссии по просвещению (ноябрь 1917 г.), Наркомата имуществ республики (декабрь 1917 г.), а также образовании Коллегии по делам музеев при Отделе охраны памятников Наркомата имуществ (апрель 1918 г.). Создание подобных учреждений и их деятельность носили чрезвычайный характер, обусловленный экстремальной ситуацией, порожденной революцией. Отсутствовали общие программы действий, единый научно обоснованный подход при выделении памятников, нуждавшихся в защите государства. Образование в мае 1918 г. Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР, подчинившего себе все без исключения органы охраны историко-культурного наследия, открыло новый этап в деятельности советской власти по сохранению историко-культурного наследия.

К периоду 1917–1923 гг. относятся первые декреты советского правительства, провозгласившие новый порядок в области культурного наследия. Приведем наиболее важные из них: «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения», 1918 г.; «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», 1918 г.; «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции», 1918 г.; «Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящихся в библиотеках и музеях», 1919 г.; «О ликвидации мощей», 1920 г.; «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», 1922 г. и др. Документы этого времени категорично выражали право победителей на переустройство мира и передел собственности.

Таким образом, именно эти декреты зафиксировали, сделали незыблемыми на ближайшие годы те положения, которые явились результатом долгих поисков отечественных специалистов. Последующие законодательные и нормативные акты, направленные на охрану памятников – постановления ВЦИК и СНК РСФСР, распоряжения, циркуляры Наркомпроса, Наркомзема, ВЧК – в основном уточняли, дополняли и конкретизировали отдельные положения вышеназванных декретов.

Государственная политика в сфере охраны памятников, складывавшаяся с октября 1917 г. до середины 1920-х гг., заключалась в интенсивном выявлении и постановке памятников на учет, создании специальных государственных органов и организаций, занимавшихся охраной памятников. В этот период были образованы центральные органы, управлявшие всем делом охраны памятников истории и культуры, создана определенная правовая база для их деятельности. Организация в структуре Наркомпроса РСФСР Отдела по делам музеев и охране памятников явилась лишь одним из непременных условий, которые должны были обеспечить сохранность историко-культурного наследия.

Изменение общей ситуации, связанное, в первую очередь, с окончанием Гражданской войны и осуществлением новой экономической политики, наглядно отразилось в документах по охране историко-культурного наследия. Период 1921–1929 гг. в области охраны памятников истории и культуры представляет собой целостный этап, отражающий качественное своеобразие изучаемого объекта, и хронологически охватывает деятельность государственных и общественных организаций с момента перехода к мирному строительству после окончания Гражданской войны до перехода к политике индустриализации, сопровождавшейся свертыванием нэпа, формированием и укреплением командно-административной системы.

Несмотря на принятые законопроекты в условиях Гражданской войны, учет «недвижимых» историко-культурных объектов в масштабе республики проводился бессистемно и стихийно. Голод 1921–1922 гг. потребовал принятия энергичных мер для выхода из создавшегося положения. Для этого требовалось золото, а его государственный запас был невелик. Зато оно в избытке имелось в храмах всех религий. Уже осенью 1921 г. наблюдались первые случаи использования на местах церковных богатств для борьбы с голодом. 20 марта 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) был принят проект директив по поводу изъятия церковных ценностей. В губерниях создавались секретные комиссии по изъятию предметов культа, в которые входили партийные руководители и комиссары военных подразделений. Телеграмму соответствующего содержания получило и Уралбюро ЦК РКП(б) [см.: ЦДООСО, ф. 1494, д. 74, л. 7]. Количество изъятых церковных ценностей в губерниях измерялось сотнями пудов золота и серебра, десятками пудов драгоценных камней. Екатеринбургская, Пермская, Челябинская губернии по количеству сданных ценностей [см.: ЦДООСО, ф.76, д. 6532, л. 12; Урал. рабочий, 1922, 26 апр.; ОГАЧО, ф. Р-138, д. 497, л. 224 об., 497] находились в числе «лучших» районов страны.

Помимо изъятия церковных ценностей в 1922 г., невиданные масштабы приобрела продажа предметов музейного значения за границу. Большая часть учреждений культуры была снята с госснабжения и переведена на еще слабый местный бюджет. Местные органы охраны не в силах были обеспечить сохранность памятников культуры; многие исторические здания стали заниматься организациями, не заботящимися об их состоянии. Монастыри и церкви «превратились» в концлагеря, склады зерна, дома отдыха и т. д.

Важное влияние на сеть провинциальных органов охраны памятников оказала административно-территориальная реформа в стране, начавшаяся с 1923 г. Ее целью было укрупнение существовавших губерний и создание на их базе краев и областей. Губернские органы охраны памятников в результате реформы были ликвидированы, новые же органы охраны во вновь созданных краях и областях созданы не были.

Так, 7 января 1924 г. был издан Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», с которого начинается отсчет документов по охране памятников культуры иного содержательного плана. Этот документ является первым нормативным актом, свидетельствующим об окончании национализации культурных ценностей и начале широкомасштабных мер по государственной охране памятников истории и культуры. В это же время начинают формироваться основные направления советского «охранного» законодательства, организационно оформляется и сама система государственных органов, ведающих вопросами учета и сохранения культурного достояния страны.

Тем не менее, нельзя не отметить недостаточную подкрепленность законодательства об охране памятников истории культуры актами общего характера. Так, финансовое законодательство тех лет не предусматривало даже возможности расходов на охрану памятников (централизованно выделялись средства только на поддержание крупнейших памятников). А из четырех Положений о местных Советах, утвержденных ВЦИК в 1924–1925 гг., только одно – о городских Советах – указывало на их обязанность принимать меры для охраны памятников старины и искусства.

Постановление ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (18 июня 1925 г.) [см.: Правда, 1925, 1 июля] положило начало всеобъемлющему руководству партии в области культуры, явилось началом идеологизации и бюрократизации культуры. XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) признал необходимой «всемерную мобилизацию пролетарских масс и особенно усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте» [КПСС в резолюциях…, т. 4, с. 309]. Наука, куль-

тура, искусство превращались в инструмент государства по «обслуживанию текущих задач» – индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и т. д. Решающая роль в этом принадлежала органам партийного руководства культурой.

В 1925 г. контроль за работой по выявлению и учету архитектурных памятников был возложен на Центральные государственные реставрационные мастерские. Но в условиях нараставшего нигилизма по отношению к культурным ценностям было невозможно проводить данную работу эффективно. Принятие Декрета «О передаче в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения» от 14 сентября 1925 г., предусматривавшего передачу охраняемых памятников в ведение местных органов, привело к тому, что местные Советы стали стремиться к сокращению количества подведомственных им объектов, должных находиться на государственной охране. Подобные меры, ставшие со второй половины 1920-х гг. общераспространенными, объяснялись самими исполкомами тем, что «постройки требуют средств не только на ремонт, но и на охрану их от расхищения. Но таких средств нет» [ГАРФ, ф. 2307, оп. 7, д. 24, л. 44]. Определенную роль при снятии памятников с учета сыграло отсутствие научно обоснованных критериев определения их ценности. В основе лежали экономические трудности, переживаемые страной вследствие многолетней войны и разрухи, необходимость экономить ограниченные денежные средства и материальные ресурсы, направлять их на решение неотложных нужд. Памятники же к таковым не относились. Все это не могло не повлиять на состояние историко-культурного наследия – многие первостепенные по своей ценности исторические и архитектурные объекты были навсегда утрачены.

Памятники прошлого объявлялись наследием эксплуататорских классов – помещиков, буржуазии, кулаков, служителей культа, наследием, во многом враждебным революции и подлежащим строгому отбору.

Реформа Наркомпроса и местных органов народного образования (1927), которая привела к «децентрализации» в области управления музеями и охраны памятников, по сути свела на нет роль отдела по делам музеев Наркомпроса РСФСР. Функции отдела в сфере охраны историко-культурного наследия ограничивались общим методическим руководством, осуществлявшимся одним сотрудником [см.: Заколодкин, с. 45].

Таким образом, созданная в 1921 г. сеть губернских органов охраны памятников постепенно разрушалась, а к концу 1928 г. фактически перестала существовать. Значение центрального органа по охране памятни-

ков – отдела по делам музеев Наркомпроса РСФСР было сведено до минимума. Все это не могло не отразиться на решении важных проблем в сфере охраны историко-культурного наследия в тот период, прежде всего его выявления, учета, сохранения ценностей.

В 1928 г. в сфере охраны памятников сложилась ситуация, которая требовала многоплановых неотложных решений наболевших вопросов. С особой остротой в то время стоял вопрос о восстановлении фактической охраны памятников на местах. Рассмотрения требовали и проблемы ассигнования во всей сфере охраны памятников, подготовки квалифицированных кадров в этой области. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1928 г. «О музейном строительстве» были сформулированы основные задачи в деле сохранения историко-культурного наследия. Акцент был смещен в сторону выявления и подготовки списка памятников революционного движения, искусства и старины, «…подлежащих охране и не могущих быть изъятыми, уничтоженными или измененными без получения на то согласия со стороны Наркомпроса РСФСР» [Еженедельник..., с. 4].

Несмотря на то, что во второй половине 1920-х гг. продолжалась работа по учету памятников истории и культуры, страну захлестнул поток нигилистических призывов. 1929 г. занимает особое место в летописи отечественной культуры. От этой роковой даты ведется отсчет чудовищного по своим последствиям разрушения памятников культуры.

В масштабе всего государства бытовал и поддерживался взгляд на религию как на пережиток прошлого, а это означало продолжение гонений на Церковь. Руководство страны, с одной стороны, публично демонстрировало свою терпимость в отношении религии и Церкви, а с другой – негласно организовывало общественность на борьбу с религией, облекая эти мероприятия в форму самопроизвольной инициативы масс. Антирелигиозная пропаганда вылилась в кампанию по закрытию церквей, монастырей и уничтожению культовых памятников. Впервые за всю историю мировой цивилизации XX в. в СССР началось организованное и планомерное уничтожение художественных, архитектурных и исторических ценностей. Были закрыты и взорваны тысячи церквей и часовен, в которых погибли десятки тысяч произведений искусства. Области и районы страны соревновались друг с другом – кто больше уничтожит памятников прошлого.

Урал не остался в стороне. Вопросы о закрытии культовых зданий обсуждались на заседаниях райкомов и горкомов партии. Печать того времени пестрила сообщениями об уничтожении памятников старины.

Повсеместно церкви отдавали под клубы, школы, общежития, бани и т. д. Уральский облисполком не препятствовал этому процессу. В итоге за период с 1 октября 1929 г. по 10 февраля 1930 г. только по г. Свердловску было закрыто 18 церквей [ГАСО, ф. Р-575, д. 20, л. 36 об.].

Конечно, здесь сыграла свою роль прежде всего идеологическая политика в стране, создавшая атмосферу нетерпимости к наследию прошлого. Но даже в такой атмосфере планомерное уничтожение памятников было бы невозможно без существования мощной централизованной организации.

Рубеж 1920–1930-х гг. оказался самым трагичным временем для памятников истории и культуры. Созданная ранее система охраны памятников в стране ликвидировалась: были упразднены Музейный отдел Наркомпроса, местные губернские и уездные органы охраны памятников, прекратилась деятельность Центральных государственных реставрационных мастерских, краеведческих обществ, закрылись многие музеи в усадьбах и монастырях. Массовый характер приобрела продажа музейных художественных ценностей за рубеж. Страна потеряла огромное количество культурных ценностей, созданных прошлыми поколениями. Была нарушена преемственность, подорваны накопленные веками духовно-нравственные связи и традиции.

Таким образом, середина 1920-х гг. соединила в себе противоречивые тенденции в деле охраны памятников. С одной стороны, удавалось контролировать их хозяйственное использование, а с другой – ни в малейшей степени не оправдалась ставка на местные Советы как ведущие органы в охране культурного наследия. К сожалению, эти негативные моменты в дальнейшем получили развитие. В конце 1920-х гг. фактически восторжествовал нигилистический, пролеткультовский подход к творениям прошлого. За ними не признавалось уже никакой духовной ценности для строителей социалистического общества. Так памятники многовековой истории и культуры народа превратились в источники поступления валютных средств и цветного металла, использовались в хозяйственно-бытовых целях без всякого учета времени их создания и историко-культурной ценности. Полная утрата понимания культурной значимости памятников воплотилась в ряде решений высших органов власти и управления РСФСР в конце 1920-х гг. и в практической деятельности местных Советов.

Фактический отказ от прежней политики в отношении памятников истории и культуры стал очевидным. Он не получил четкого выражения в каком-либо одном правовом акте. Никто не отменял и ранее изданных

декретов и инструкций, составлявших законодательство об охране культурно-исторических ценностей. На практике же они игнорировались или откровенно нарушались всеми советскими органами, начиная от исполкомов и до Президиума ВЦИК.

Ликвидация стройной системы государственных органов охраны памятников, уничтожение памятников зодчества, в том числе старинных церквей, составлявших большинство объектов учета, экспорт лучших музейных экспонатов – все это наиболее яркие проявления курса на растрату и уничтожение отечественного культурно-исторического наследия прошлого, проводимого в конце 1920-х гг.

В чем причина происшедшего? Очевидно, здесь сложно переплелись условия и обстоятельства первого десятилетия существования советской власти, одно из которых – общая оценка прошлого лишь как предыстории нового общества, как мира насилия, который следует разрушить до основания… Немалую роль сыграло в этом и нежелание лиц, решавших судьбу памятников, прислушаться к мнению специалистов. Сказывалось и то обстоятельство, что в борьбе с искоренением религии главный удар был направлен на уничтожение материальных носителей культа. Важно и то, что в условиях переживаемых страной экономических трудностей был взят курс на придание сфере духовной жизни второстепенной роли по сравнению с материальным производством.

Таким образом, исторические события 1917 г. повлекли за собой превращение культурных ценностей, находившихся в собственности царской фамилии, Церкви, дворянских семей, в достояние всего общества, вследствие чего концепция роли культурного наследия в развитии социума приобрела иное значение. Цели и смысл Октябрьской революции формулировались в том числе и в категориях отношения к наследию.

Культурное наследие редуцировалось к рациональному знанию как к средству преобразования мира. Список имен в «ленинском плане монументальной пропаганды» показывает, что новая власть не игнорировала мировое и отечественное культурное наследие, но устанавливала новые приоритеты, стремилась формировать новый образ культурного наследия как фундамент коммунизма.

Культура пронизывает все отрасли и сферы жизнедеятельности общества. Поэтому программа развития культуры находит отражение во всех программах общественного развития. Инструментарий культуры охватывает различные общественные сферы: воспитание, просвещение, образование; философское, общественное и гуманитарное знание; религию; художественное творчество; книжное, библиотечное и музейное дело;

оперативные информационные потоки; идеологию и пропаганду; политическое и юридическое нормотворчество; этические, этнические, социальные и религиозные стереотипы сознания и поведения; обряды и ритуалы; мифы и слухи; мораль и нравственность; эстетические приоритеты; моду и другие формы социальной престижности. Таким образом, с культурой связано и из нее вытекает все то, что формирует «картину мира и образ жизни того или иного народа в ту или иную эпоху» [Скакалин].

Таким образом, сохранение культурного наследия невозможно без эффективной информационной деятельности. В связи с этим необходимо сближение культурной и информационной политики в регионе, выработка единых методологических, технологических, организационных подходов.

Ярким подтверждением того, что общие социально-культурные ориентации влияют на характер деятельности по сохранению культурного наследия, является современная эпоха. К примеру, признание за музеями важной социальной миссии, связанной с ролью культурного наследия в развитии современного общества, в социализации современного человека, привело к значительному расширению типового и видового разнообразия музеев, в котором представлены сегодня самые разнообразные проекты – от классических музеев коллекционного типа до музеефикации разнообразных памятников и целых территорий.

Осуществляя хранение, изучение и презентацию экспонатов, музей актуализирует культурное наследие, обеспечивая его соотнесение и взаимодействие с современными социокультурными процессами и способствуя тем самым воспроизводству и развитию культуры.

Совокупным прошлым опытом выступает историческая память, которая обеспечивает единство культурно-исторического процесса и его преемственности. Являясь составной частью общечеловеческой культуры и хранилищем исторической памяти, культурное наследие России служит действенным ресурсом формирования и развития личности, общества, этноса.

ГАРФ. Ф. 2307 (Главнаука – Главное Управление научными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса).

ГАСО. Ф. Р-575 (Административный отдел исполнительного комитета Свердловского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1928. № 42.

Заколодкин И. Развитие структуры Наркомпроса и его местных органов // Народное просвещение. 1927. № 11–12.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4.

Михайлова Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века. М., 2001.

ОГАЧО. Ф. Р-138 (Челябинский губисполком).

Правда. 1925. 1 июля.

Скакалин В. И. Социальная значимость культуры в сохранении национальной самобытности России [Электронный ресурс]. URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Skakalin/ (дата обращения: 12.08.2017).

Урал. рабочий. 1922. 26 апр.

ЦДООСО. Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП(б)).

ЦДООСО. Ф. 1494 (Уральское бюро ЦК РКП(б)).

УДК 94(470.54).084.3:351.74 И. С. Сильченко

ПРЕСТУПНОСТЬ В РЯДАХ МИЛИЦИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1919–1923 гг.

В статье рассматриваются вопросы преступности в органах милиции и уголовного розыска Екатеринбургской губернии. Автор выделяет типы наиболее массовых преступлений, приводит примеры таких правонарушений и подробно анализирует причины их появления. В работе делаются выводы о том, что главной причиной преступности являлось тяжелое социально-бытовое положение милиционеров, вызванное экономическим кризисом в губернии.

Ключевые слова: Екатеринбургская губерния, милиция, уголовный розыск, преступность.

Милиция как основной орган охраны правопорядка начала формироваться непосредственно после занятия территории Екатеринбургской губернии войсками Красной армии. Процесс создания милиции контролировался военно-революционными комитетами (ревкомами), представлявшими собой местные органы чрезвычайного управления. С момента формирования губернского отдела управления и местных исполнительных комитетов милиция перешла в подчинение данных структур.

На территории Екатеринбургской губернии милиция была сформирована 17 июля 1919 г. На первоначальном этапе ее штат составляли

© Сильченко И. С., 2018

200 сотрудников, из которых почти половина проходила службу в рядах полиции либо милиции А. В. Колчака [см.: ГАСО, ф. 708, оп. 1, д. 13, л. 9]. В начале 1920 г. управления милиции действовали на территории всех уездов, а общая числилось милиционеров всех должностей составляла 2660 сотрудников [см.: ГАСО, ф. Р-9, оп. 1, д. 26, л. 3].

Серьезной проблемой формирования милиции Екатеринбургской губернии являлась текучесть кадрового состава. Для сохранения боеспособности руководство пыталось осуществить ряд мер, способствующих сохранению кадрового ядра. Так, например, каждый работник милиции при устройстве на работу заполнял не только опросный лист, но и давал подписку об обязательной службе сроком не менее пяти месяцев [см.: ГАСО, ф. 708, оп. 1, д. 13, л. 30]. Срок службы постепенно увеличивался и к февралю 1922 г. составлял два года с момента принятия милиционера на должность [см.: ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 179, л. 23]. Дезорганизацию в работу милиции также вносили частичные или общие мобилизации милиционеров в Красную армию. Деятельность местных военных комиссариатов часто шла вразрез с декретом СНК от 3 апреля 1919 г. В результате в армию было мобилизовано до 70 % личного состава органов охраны правопорядка. По причине недостатка мужского населения в милицию привлекались женщины, причем их прием мог быть осуществлен только по рекомендации партийных органов или женотдела.

Наравне с кадровыми проблемами трудности наблюдались в организации снабжения органов милиции вооружением. Личный состав на 80 % был не вооружен, а половина наличных винтовок являлась неисправной. Острая потребность наблюдалась в короткоствольном оружии, необходимом для вооружения командного состава. По причине отсутствия оружия нередкими были случаи побега заключенных от конвоировавших их милиционеров [см.: Там же, д. 180, л. 37]. Согласно постановлению Народного комиссариата государственного контроля РСФСР от 20 октября 1918 г. задачу снабжения милиции должны были решать местные военкоматы, однако на практике милиция снабжалась по остаточному принципу [Там же, л. 38]. Основную часть вооружения милиции Екатеринбургской губернии составляли устаревшие винтовки «ГРА» и «Бердана», револьверы «Смит и Вессон», а также различные гражданские модели. Наряду с недостаточным количеством, моральным устареванием и физическим износом вооружения, существенной проблемой являлось отсутствие боеприпасов. В некоторых случаях милиционеры, вооруженные зарубежными образцами вооружения, самостоятельно занимались поиском боеприпасов [см.: Там же, л. 40].

Не лучшим образом складывалась ситуация со снабжением милиционеров униформой, снаряжением и продуктами питания. Местные хозяйственные структуры не справлялись с задачей снабжения органов правопорядка. Не хватало сапог, гимнастерок, шаровар. Милиционеры не только не имели единообразной униформы, но иногда ходили в лаптях или босиком [см.: ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 180, л. 39]. В одном из докладов начальник Екатеринбургской губернской милиции П. Г. Савотин писал: «невозможно строго спрашивать даже с самых сознательных милиционеров об исполнении долга перед пролетарской революцией, когда милиционер не имеет ничего» [Там же, л. 36]. Согласно декрета от 3 апреля 1919 г. милиционеры должны были получать красноармейский паек, однако на практике снабжение сотрудников продуктами питания было организовано слабо. В некоторые периоды количество пайков не превышало 15 % от необходимого [см.: Там же, л. 12]. Уровень заработной платы не позволял сотрудникам милиции не только приобретать промышленные товары первой необходимости, но и обеспечивать свои семьи продуктами питания. Средняя зарплата младшего милиционера в конце 1919 – начале 1920 г. составляла 2100 руб. [см.: Там же, л. 95], в то время как рыночная цена на муку в середине 1919 г. на Урале составляла в районе 120 руб. за пуд, а ежемесячный рост цен превышал 20–30 % [см.: Нарский, с. 258].

Неустойчивое социально-правовое положение милиционеров, недостаточный уровень снабжения органов охраны правопорядка униформой, снаряжением, вооружением, перебои с выдачей продуктовых пайков и низкий уровень заработной платы при превышающем росте инфляции сделали работу в милиции непопулярной. Милицейское руководство пыталось решить кадровые проблемы путем привлечения любых работников, не обращая внимания на степень их лояльности новой власти и личные морально-этические установки. Многие милиционеры рассматривали службу в органах охраны правопорядка в качестве возможности «переждать смутное время». Политика кадрового отбора в комплексе с проблемами снабжения привели в 1919–1923 гг. к необычайному росту преступности среди милиционеров. Только в период с конца октября 1919 до начала мая 1920 г. зарегистрировано 246 преступлений, совершенных сотрудниками милиции [см.: ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 179, л. 41], и это число постоянно увеличивалось. Большинство преступлений было связано с растратами и присвоением казенного имущества.

Так, в мае 1920 г. помощник начальника Екатеринбургской уездно-городской советской милиции Глухих и начальник 4-го района городской милиции Стеблов за злоупотребление в сфере распределения продуктов

были переданы суду Революционного трибунала [ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 178, л. 9]. 27 декабря 1921 г. член Уездного городского исполнительного комитета г. Каменска Востряков высказал предположение о том, что «сотрудник милиции Кислицын, видимо, занимается самоснабжением, имея в количестве муки, мяса и рыбы, которые очень часто променивает на разные вещи» [ГА в г. Ирбите, ф. Р-21, оп. 1, д. 2, л. 69 об.]. Данные подозрения подтвердили и другие свидетели, на основании чего народным следователем Ф. З. Логиновым было произведено предварительное следствие, которое показало, что в расхищении продуктов и вещевого имущества принимали участие практически все сотрудники хозяйственного отдела Каменской милиции. В расхищениях с целью обогащения и пьянства, в сокрытии результатов учета продуктов и фуража, самоснабжении, подделке документов обвинялись начальник хозяйственного отдела Каменской милиции И. А. Кислицын, каптенармус того же отделения П. К. Заостровских, помощник каптенармуса И. П. Мясников, помощник начальника Каменской уездно-городской милиции В. А. Филимонов, делопроизводитель управления милиции М. А. Трофимов, делопроизводитель хозотдела милиции Н. А. Родионов, начальник 1-го района уездно-городской милиции Ф. Г. Зайцев [см.: Там же, л. 73 об.]. Все фигуранты были уволены из рядов милиции, а их дела переданы в производство губернского Революционного трибунала. 7 марта 1922 г. за расхищение государственного хлеба был уволен начальник 6-го района Шадринской милиции А. Богданов [см.: Там же, л. 106].

Стоит отметить, что в приказах по милиции Екатеринбургской губернии о подобных преступлениях объявлялось несколько раз в месяц. В основной массе преступления были связаны с хищением продуктов питания, одежды и предметов первой необходимости. Это объясняется глубоким кризисом в Екатеринбургской губернии и тяжелым социально-экономическим положением милиционеров. Во многих случаях сотрудники органов охраны правопорядка были вынуждены преступать закон для того, чтобы прокормить себя и свои семьи.

Из списка преступлений можно выделить взяточничество, которое в 1919–1923 гг. получило широкое распространение. Как правило, взятки сотрудникам органов охраны правопорядка предлагались за действия, способные предотвратить ответственность лиц, причастных к совершению противоправных поступков. 17 января 1922 г. инспектор уголовного розыска 5-го района г. Екатеринбурга В. А. Калихин и агент 1-го разряда В. А. Маркус были задержаны во время получения взятки размером 2 млн руб. от граждан Когана и Трейфуса [см.: Там же]. В январе 1923 г. агенту

губернского уголовного розыска А. И. Тохтуеву была дана взятка в размере 3,9 млн рублей [см.: ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 434, л. 11].

Самым массовым типом нарушения трудовой дисциплины являлось пьянство. Так, в августе 1922 г. за систематическое употребление алкоголя был уволен начальник арестного дома Красноуфимской милиции Т. И. Ташкинов [ГА в г. Ирбите, ф. Р-21, оп. 1, д. 2, л. 156]. 9 сентября 1922 г. старшего милиционера 4-го отделения г. Екатеринбурга П. Чечулина, обвиняемого в «пьянстве и буйстве при исполнении служебных обязанностей, выражавшихся в стрельбе по кошкам» [Там же, л. 166] было решено исключить из списков милиции без права повторного поступления на службу. 27 ноября 1922 г. в Екатеринбурге на ул. Отрясинской, д. 28 были задержаны преступники в количестве шести человек, которые сопровождались из Ревдинского завода в исправдом № 1 тремя милиционерами. Группа прибыла в Екатеринбург и, остановившись по вышеуказанному адресу, занялась пьянством, в результате оказалось, что вышеназванные конвоиры и бандиты перепились, «находящееся же оружие у конвоиров как-то: два револьвера, три винтовки и шашки находились не у конвоиров, а у бандитов» [ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 434, л. 327]. В итоге все девять человек были задержаны. Анализ приказов по личному составу Екатеринбургской губернской милиции, представленных в Государственном архиве Свердловской области (ф. Р-511) и Государственном архиве г. Ирбита (ф. 21), позволяет утверждать, что в среднем в 1919–1923 гг. ежемесячно за пьянство увольнялось восемь сотрудников.

Наравне с экономическими преступлениями, пьянством и нарушением трудовой дисциплины нередкими являлись случаи совершения милиционерами должностных и уголовных преступлений. 23 апреля 1922 г. Екатеринбургским губернским революционным трибуналом за хищение вещественных доказательств с целью введения следствия в заблуждение были осуждены агенты уголовного розыска Б. И. Новиков, В. П. Коваленко, В. Н. Федорова и Т. Я. Устюжанина. Фигуранты дела были приговорены к заключению в исправдоме сроком до девяти месяцев [см.: Там же]. Летом 1922 г. младшие милиционеры 1-го района Екатеринбургской милиции Тимин, Кардашев и Ершов за бандитизм были приговорены к тюремным срокам со строгой дисциплиной [см.: Там же, л. 92]. В это же время старший милиционер Камышловской милиции В. Лебедев был отдан под суд за снабжение бандитов казенным оружием [см.: Там же, л. 156]. 11 октября 1922 г. милиционер В. Горячев совместно со старшим милиционером И. Южаковым принимали участие в описи имущества гражданина Ф. Елькина, проживавшего в Екатеринбурге по адресу:

ул. Кузнечная, 71. Воспользовавшись ситуацией, милиционеры похитили деньги в сумме 304 тыс. руб. образца 1922 г. и скрылись в неизвестном направлении вместе с имевшимися у них револьверами системы «Наган» [см.: ГАСО, ф. Р-511, оп. 1, д. 434, л. 290].

Высокий уровень преступности среди милиционеров Екатеринбургской губернии приводил к частой смене кадрового состава и снижению авторитета правоохранительных органов в глазах общества. В совокупности указанные факторы снижали эффективность работы милиции, ухудшая криминогенную обстановку в регионе. Стоит отметить, что во многих уездно-городских отделениях милиции в целях сохранения положительных показателей факты преступлений сознательно скрывались, а сотрудники, подозреваемые в совершении противоправных действий, оставались на своих должностях. Для определения реального количества правонарушений, а также в целях очистки рядов охраны правопорядка от нежелательного элемента было решено организовать проведение выездных проверочных комиссий уездных управлений Екатеринбургской губернской милиции. В 1921–1923 гг. комиссиями был выявлен ряд преступлений, связанных с превышением служебных полномочий и нарушением трудовой дисциплины. Так, в декабре 1921 г. за утерю секретного шифра на вокзале Ирбита на один год пребывания в исправительном доме был осужден начальник милиции 1-го района Ирбита Г. М. Кривоногов. 27 марта 1922 г. начальник административно-строевого отдела Екатеринбургской милиции Лапин был исключен из состава органов охраны правопорядка за хищение овса и систематическое пьянство. В апреле 1922 г. «за кражу вещей у милиционеров» [ГА в г. Ирбите, ф. Р-21, оп. 1, д. 2, л. 85] из Каменской милиции был уволен И. П. Голощекин; за сокрытие следов убийства девяти человек на хуторе уволен начальник резерва Красноуфимской милиции Г. Фарафонтов, за хищение отстранен от службы начальник арестного дома Красноуфимской милиции Р. Елкин [см.: Там же]. Чистки также прошли в Ирбитской, Екатеринбургской и Верхотурской милиции, из которых по причинам нарушения закона было уволено 12 человек [см.: Там же, л. 83].

В конце 1922 г. был запущен процесс перехода милиции на территориальное снабжение. Если до этого материальное обеспечение губернской милиции осуществлялось за счет отчислений центральных органов охраны правопорядка, то с указанного периода содержание милиции было включено в обязанности местных советских органов. Это позволило не только рационально расходовать материальные средства, но и точечно воздействовать на проблемные сферы. Подобные изменения значи-

тельно улучшили материально-бытовые условия существования командного состава и рядовых милиционеров, позволив выбирать подходящие кадры, отсеивая политически нестабильных претендентов и лиц с криминальным прошлым. К середине 1923 г. количество правонарушений, совершенных сотрудниками органов охраны правопорядка, значительно снизилось. Так, например, в июле и августе 1923 г. за пьянство не было уволено ни одного сотрудника губернской милиции [см.: ГА в г. Ирбите, ф. Р- 21, оп. 1, д. 2, л. 93–102]. С этого периода эффективность органов охраны правопорядка постепенно возрастает, и они получают возможность бороться с преступностью в регионе.

ГАСО. Ф. 708 (Камышловское уездно-городское управление советской милиции).

ГАСО. Ф. Р-9 (Екатеринбургское губернское управление рабоче-крестьянской милиции («Губмилиция»)).

ГАСО. Ф. Р-511 (Отдел управления исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГУБОТУПРАВ)).

ГА в г. Ирбите. Ф. Р-21 (Управление уездно-городской Ирбитской советской милиции).

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

УДК 94(470.344).084.3/.084.5:02

Е. К. Иванова

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ КНИГАМИ В БИБЛИОТЕКАХ ЧУВАШИИ в 1920–1925 гг.

В статье раскрыты особенности становления и трудности развития библиотечного дела в чувашских уездах, говорится об организации шефского движения для сбора книг, средств для материальной помощи сельским библиотекам, содействия распространению периодической печати среди крестьян, проведения ремонта помещений, обеспечения библиотек и изб-читален дровами и освещением.

Ключевые слова: шефское движение, дни и месячники книги, недели просвещения, библиотечное дело, культурно-просветительные учреждения, избы-читальни.

© Иванова Е. К., 2018

Процесс организации общественного пользования книгами в Чувашской автономной области в 1917–1925 гг. происходил в исключительно трудных условиях. На ходе и темпах этого процесса сказалось то, что нерусские народы в многонациональной дореволюционной России имели различную судьбу, разный уровень социально-экономического и культурного развития, свои исторические традиции.

На темпах культурного, в том числе и библиотечного, строительства в Чувашии не могло не отразиться сравнительно компактное расселение при высокой плотности населения, слабое развитие промышленности и рабочего класса, малочисленность интеллигенции, широкое распространение социально-бытовых болезней, сохранение в быту патриархальных и языческих пережитков, угнетенное и бесправное положение женщины-чувашки и др. Хотя культурное строительство в Чувашии прошло в основном те же этапы развития, что и по всей стране в целом, по продолжительности, объему и темпам своего осуществления оно имело некоторые особенности.

Преодолевая огромные трудности, связанные с условиями Гражданской войны, Народный комиссариат просвещения Чувашии и его местные органы развернули активную борьбу, направленную на ликвидацию вековой культурной отсталости чувашского народа. Одна из трудностей развития библиотечного дела в чувашских уездах заключалась в том, что библиотечную сеть надлежало строить в условиях преобладания неграмотного населения, отсутствия помещений, пособий, кадров, а порой и денежных средств.

Трудности усугублялись тем, что в 1921–1922 гг. Чувашию, как и все другие районы Поволжья, постиг неурожай. Голод, несмотря на огромную помощь Советского государства и русского народа, не мог не оставить следа в экономике и состоянии образования и культуры.

В первые годы проведения новой экономической политики сеть избчитален и библиотек, особенно на селе, заметно сократилась. Причиной резкого сокращения их численности стали финансовые затруднения, связанные с переводом их на местный бюджет. Как показывает анализ отчетных данных местных политпросветов, сокращение сети библиотечных учреждений было вызвано также субъективными факторами. Трудности, связанные с введением новой экономической политики, привели к тому, что часть политпросветработников впала в паническое ликвидаторское настроение, а кое-где и вовсе прекратила борьбу за сохранение сети библиотечно-просветительных учреждений.

В некоторых библиотеках, неправильно истолковав постановление о привлечении местных средств для содержания библиотек, пошли по пути установления платы за пользование библиотеками. В результате такой политики библиотеки, которые не самоокупались, стали закрываться.

Изучение опыта библиотечной работы Чувашии показывает, что сеть библиотек и изб-читален в годы становления государственности создавалась без плана, стихийно. Многие из них открывались без достаточной материальной базы, поэтому ютились в маленьких, плохо оборудованных помещениях. Библиотеки и избы-читальни не имели средств для приобретения литературы, в результате чего не хватало книг, особенно на чувашском языке.

В этих условиях на темпы библиотечного строительства оказывала влияние широкая поддержка со стороны трудящихся. В массовой работе библиотек и изб-читален уже в те годы принимал активное участие широкий общественный актив из числа постоянных читателей, учителей, агрономов. При них создавались кружки содействия, библиотечные советы, библиотечные комиссии. Вопросы библиотечной работы широко освещались в периодической печати. Связь с массами трудящихся, сплочение вокруг библиотек культурных сил позволяли передовым библиотекам и избам-читальням, несмотря на сложные социально-экономические условия их работы, материальные трудности, недостаток книг и неподготовленность кадров, вести массовую работу по пропаганде книги в различных направлениях.

В исследуемый период в становлении и развитии политико-просветительной работы сыграло важную роль шефство города над деревней, шефство партийных и комсомольских организаций, учителей и других культурных сил над учреждениями политпросвета. Основное внимание при этом уделялось становлению сети и обогащению книжного фонда библиотек и изб-читален. Например, Русско-Сорминским кооперативом Ядринского уезда было закуплено в Казани книг и брошюр на 20 тыс. руб. и организована в селе библиотека. За счет кооператива содержался библиотекарь [см.: Культурно-просветительная..., с. 3.].

Шефское движение развивалось прежде всего силами членов партии и комсомола. На 4-й Батыревской уездной конференции в октябре 1922 г. партийная ячейка уездного комитета взяла шефство над Хомбусь-Батыревской избой-читальней, школой II ступени и волостной ячейкой. В январе 1923 г. партячейка Чебоксарской городской организации взяла шефство над волостными ячейками. Их примеру последовали и другие уездные парторганизации [см.: ГИА ЧР, ф. 202, оп. 2, д. 89, л. 100].

Шефы знакомили сельских жителей с решениями партии и государства, читали лекции и доклады, снабжали политпросветучреждения газетами и журналами, помогали в комплектовании фондов библиотек. Так, парторганизация обкома партии выделила для Юнгапосинской библиотеки Сундырской волости Чебоксарского уезда чувашской литературы на сумму 5060 руб. [ГИА ЧР, ф. 202, оп. 1, д. 154, л. 155].

3 декабря 1922 г. было организовано Всероссийское общество культурной смычки. Для координации всей шефской деятельности в Чувашии было создано областное бюро, председателем которого активно работал Я. А. Андреев [см.: ГИА ЧР, ф. 201, оп. 1, д. 83, л. 22]. Городские библиотеки активно поддерживали лозунг «Лицом к деревне». Помощь их была разносторонней и выражалась в проверке и отборе книг, собираемых для сельских библиотек обществом «Смычка города с селом», выделении из своих фондов литературы для подшефных библиотек на селе.

Шефские коллективы не только организовывали новые избы-читальни, но и посылали своих избачей в села, строили помещения, снабжали открываемые библиотеки, избы-читальни газетами, учебниками, наглядными пособиями, инвентарем, обменивались делегациями. Шефство помогало улучшить политико-массовую работу среди сельского населения. Например, из 11 ячеек Чебоксарской городской партийной организации 9 осуществляли шефство над 8 волостными ячейками. В подшефных селениях проводились беседы, доклады, лекции, организовывались концерты, выписывались газеты и журналы. В 1923 г. за 5 месяцев шефской работы из Чебоксар в село было доставлено 800 экз. книг по разным отраслям знаний [см.: Материалы..., с. 131].

В письме заведующего политпросветом в обком партии говорилось: «За последнее время многие культурно-просветительные учреждения, сильно страдавшие из-за отсутствия средств, несколько улучшили свое положение в результате получения помощи со стороны своих шефов. Несомненно, что материальная и моральная поддержка шефов поднимает дух работников учреждения и тем самым улучшает работу, а с другой стороны, оказываемая поддержка обязывает аккуратнее относиться к своим обязанностям, чтобы заслужить внимание шефа» [ГИА ЧР, ф. 202, оп. 2, д. 169, л. 265].

В шефском движении принимали активное участие комсомольские организации. Комсомольцы были активными помощниками библиотек, повсеместно принимали участие в массовой пропаганде книги и библиотеки, а в ряде случаев выступали инициаторами и главной силой в агитации за книгу среди населения. Комсомольцы выступали с докладами

на вечерах книги в библиотеках и на предприятиях, были участниками библиотечных шествий, проводили сбор книг для библиотек среди населения, были авторами и исполнителями стихов о книге, библиотечных инсценировок, принимали участие в художественном оформлении выставок, являлись членами кружков содействия библиотеке [см.: ГИА ЧР, ф. 123, оп. 1, д. 680, л. 83–84].

Для многих комсомольцев это была первая общественная работа: книга и библиотеки открывали для многих из них путь к широкой общественной работе. Не случайно многие избы-читальни превратились в комсомольские клубы. Комсомольцы стали инициаторами создания общественных библиотек. Они собирали книги у жителей села, учителей, создавали в избах-читальнях небольшие библиотеки, которые ежегодно пополнялись и превратились впоследствии в настоящие сельские библиотеки. В д. Кивсерткасы Чебоксарского уезда по своей инициативе библиотекарем стал комсомолец С. Ф. Столяров. Он занимался не только выдачей книг и организацией громких чтений газет и журналов, но стал и активным участником выпуска стенгазет [см.: ГИА ЧР, ф. 125, оп. 1, д. 22, л. 16].

Учитывая важность оживления работы изб-читален, ЦК РЛКСМ и Главполитпросвет предприняли ряд мер по привлечению внимания комсомольских ячеек к их работе. В частности, в письме губернским и уездным комитетам комсомола, всем губернским, областным и уездным политпросветам от 6 октября 1924 г. они предложили каждой комсомольской ячейке села всемерно содействовать работе избы-читальни, всячески использовать для этого культурные силы, стремиться превратить избы-читальни в клубы молодежи.

В письме также отмечалась необходимость связи работы сельскохозяйственных кружков, находящихся под непосредственным влиянием комсомольских организаций, с работой избы-читальни; содействия ее работе и укрепления авторитета среди населения; оказания помощи избе-читальне в организации ликпунктов, справочной работы по ликвидации неграмотности, уголков по ликвидации неграмотности, торжественных выпусков обученных и вечеров учащихся [см.: ГИА ЧР, ф. 123, оп. 1, д. 680, л. 83–83 об.].

В шефской работе активное участие принимали и учителя. Это проявлялось не только в том, что они помогали политико-просветительным работникам в проведении различных мероприятий, но и в работе совместителями-избачами. Например, работники просвещения Чебоксар высказали желание взять культурное шефство над Чебоксарской волостью. В письме руководителям волости они писали: «Учительство г. Чебоксары

сознает необходимость работы в деревне, представляет и всю трудность, и серьезность этой работы. Оно хочет помочь Вам в деле освобождения населения Вашей волости из сетей невежества и предрассудков, поднять его сознательность, научить крестьянина улучшить свою жизнь, привить ему культуру и втянуть в политику, то есть в дело строительства своего рабоче-крестьянского государства. Эта работа для деревни приобрела актуальное значение и требует серьезного внимания со стороны всех культурных сил деревни и города.

В этой трудной работе учительство г. Чебоксары хочет сплотиться с Вами для совместной работы и надеется, что волисполком, все волостные организации и все культурные силы волости горячо и с удвоенной силой откликнутся на это» [ГИА ЧР, ф. 125, оп. 1, д. 698, л. 220].

Как свидетельствуют архивные документы, в работе изб-читален и библиотек наряду с учителями активное участие принимали учащиеся. В ряде мест библиотеки готовились к проведению агитационной работы совместно со школьниками. В школах проводились часы книги, вечера книги. Школами организовывались экспонаты для книжных выставок, приуроченных к дням книги. Школьники были активными участниками библиотечных шествий, вечеров книги и т. д. Так, в селах Чебоксарского уезда школы силами учащихся устраивали спектакли в пользу библиотек и изб-читален, принимали участие в сборе пожертвований и т. д. [см.: ГИА ЧР, ф. 147, оп. 1, д. 141, л. 150–157].

Совместная работа библиотек и школ содействовала установлению тесной связи между ними, расширению кругозора и повышению культуры чтения школьников. Продуманно организованные дни, недели, месячники книги, недели просвещения становились общественными событиями, праздниками, проходили с большим подъемом и привлекали к чтению новых читателей. Губернский отдел народного образования для оказания помощи библиотечным работникам и учителям направил около 60 лекторов. Лекторы брали с собой литературу на сумму 60 тыс. руб. преимущественно по вопросам школьного и внешкольного строительства и другие агитационные материалы. Начатая в период «Недели книги» массовая пропаганда библиотеки среди населения продолжалась и после нее [см.: Чуваш. край, 1922, 16 дек.].

В широко развернувшемся движении культурного шефства большое участие принимали губернские и уездные центральные библиотеки, опираясь в этой работе на библиотечное объединение и кружки друзей книги. Они оказывали методическую помощь волостным и сельским библиотекам, создавали и добивались улучшения работы передвижных

библиотек, организовывали выезды библиотекарей города с передвижками в подшефные деревни и села. Библиотеки изыскивали средства для материальной помощи сельским библиотекам, проводили сборы книг для них, содействовали распространению периодической печати среди крестьян. Наряду с этим весьма существенной была и материальная помощь: в проведении ремонта помещений, в обеспечении библиотек и изб-читален дровами и освещением. Все это было серьезной помощью в трудных материальных условиях работы библиотек и изб-читален того периода.

Под влиянием городских учреждений и промышленных предприятий к 1925 г. находилось около 20 волостных политпросветучреждений из 58 [см.: ГИА ЧР, ф. 203, оп. 1, д. 108, л. 23]. Крестьяне убеждались в том, что рабочие действительно помогали им в укреплении хозяйства, повышении культурного уровня, и с благодарностью воспринимали их братскую помощь. Шефская помощь города деревне во многом способствовала дальнейшему развитию культурных отношений и укреплению союза рабочего класса и крестьянства.

В исследуемые годы в ликвидации хозяйственной и культурной отсталости, в том числе и библиотечном строительстве, чувашский народ огромную помощь получал от русского народа. Центральные города России присылали художественную и политическую литературу, учебники и другие печатные материалы.

Значительную работу среди населения Чувашии проводили агитационно-инструкторские отряды, присылавшиеся пролетарскими центрами. Эти отряды создавались из передовых рабочих Москвы, Петрограда, Нижнего Новгорода и т. д. и направлялись в деревни. Наряду с заготовкой продовольствия они проводили большую политико-просветительную работу среди деревенской бедноты. Так, в с. Батырево Буинского уезда 15 ноября 1918 г. по инициативе Удалова, члена сводного продовольственного отряда петербургских рабочих, был открыт клуб. Население встретило открытие клуба восторженно, в члены клуба записались 103 человека. Продотряд петроградских рабочих проводил большую культурно-просветительную работу и в других чувашских селениях Буинского уезда. В волостях уезда было распространено 5 тыс. брошюр, 7 тыс. экз. газет [см.: ГИА ЧР, ф. 123, оп. 1, д. 323, л. 122–128; д. 475, л. 20–26].

Отряды агитаторов из числа русских рабочих проводили разностороннюю политико-просветительную работу в Ядринском, Цивильском и других уездах Чувашии. Они способствовали упрочению советской власти в Чувашии и укреплению братской дружбы между русским и чувашским народами.

В ликвидации фактического неравенства важную роль играла помощь русского народа в подготовке национальных кадров. Среди мероприятий по подготовке национальных кадров важнейшими были введение специальной брони и льготных условий для представителей ранее угнетенных малых народов при поступлении в учебные заведения центральных городов страны, прикрепление национальных автономий к научно-исследовательским центрам, командирование квалифицированных работников в национальные республики и области на постоянную или временную работу, всяческая поддержка выдвиженцев из среды рабочих и крестьян коренной национальности. Система брони при поступлении в специальные учебные заведения РСФСР, действовавшая в 1920–1934 гг., давала возможность представителям национальных меньшинств пользоваться льготами.

Для обучения чувашей были созданы специальные национальные учебные заведения вне области. Осенью 1921 г. вместо педагогических курсов был открыт Казанский чувашский педагогический техникум. Через год в нем уже обучалось 138 юношей и девушек из Чувашской автономной области. На Чувашском отделении Казанского рабфака занимался 71 слушатель. Более 100 чувашей получили путевку в вузы на Симбирском рабфаке [см.: ГИА ЧР, ф. 225, оп. 1, д. 97, л. 98].

Юноши и девушки Симбирской области обучались также в первом высшем учебном заведении для чувашей — в Симбирском чувашском практическом институте народного образования (1921–1923), на чувашском отделении Восточного педагогического института в Казани (1926–1930), который готовил учителей-филологов для чувашских школ. Ежегодный прием здесь был увеличен до 60 человек. Три четверти контингента учащихся Симбирского чувашского педагогического и сельскохозяйственного техникумов, созданных на базе практического института народного образования, составляли уроженцы Чувашии [см.: ГИА ЧР, ф. 202, оп. 2, д. 177, л. 73 об.].

Остальные места закреплялись за чувашами, проживающими за пределами республики. Эти техникумы, находившиеся вне территории Чувашии, тем не менее в 1923–1935 гг. подчинялись непосредственно Чувашскому правительству и подготовили для автономной республики 315 учителей, 234 агронома и ветеринара. Такие взаимоотношения были своеобразной и вынужденной мерой, продиктованной материальными затруднениями молодой национальной республики, нехваткой собственных кадров высокой квалификации [см.: ГИА ЧР, ф. 225, оп. 1, д. 98, л. 113].

Система брони при поступлении в специальные учебные заведения РСФСР, действовавшая в 1920–1934 гг., давала возможность национальным меньшинствам пользоваться льготами: они принимались на учебу с более низким общеобразовательным уровнем, недостаточным знанием русского языка, обеспечивались стипендией и местом в общежитии. Это позволяло из года в год увеличить число обучающихся: если в 1922/23 учеб. г. их было 373, то в последующие годы соответственно 427, 550, 716, 819 человек. Четыре пятых из них составляли чуваши [см.: ЦГА РФ, ф. 1235, оп. 124, д. 268, л.100].

В исследуемые годы глубокую заинтересованность и активность в организации библиотечного дела проявил широкий общественный актив – учителя, агрономы, медработники, комсомольцы, передовые колхозники. При библиотеках, народных домах и избах-читальнях создавались первые организации читательского актива – кружки содействия, библиотечные советы, библиотечные комиссии. Разносторонняя шефская помощь, связь с массами трудящихся, сплочение вокруг библиотек и изб-читален культурных сил позволяли им, несмотря на трудные условия работы в этот период, трудности материального порядка, недостаток книг, неподготовленность кадров, вести массовую работу по пропаганде книги.

Библиотеки и избы-читальни Чувашии сыграли видную роль в преобразовании духовной жизни и проведении социально-экономических преобразований. Наряду со школой они явились базой ликвидации неграмотности, способствовали изучению трудящимися новой техники, помогали крестьянам овладевать передовыми приемами ведения земледелия и животноводства, проводили большую работу по санитарно-гигиеническому просвещению населения. Проводя политико-просветительную работу среди женщин, библиотеки и избы-читальни участвовали в их раскрепощении, выработке у них гражданского самосознания.

При активной помощи комсомольцев в массовой работе с читателями в рассматриваемый период наиболее широкое распространение получили лекции, громкие чтения, доклады, выставки, вечера вопросов и ответов, дни и недели книги. Применялись и другие формы, отвечавшие духу времени.

Но было и немало болезней роста: ударность, кампанейщина в работе по пропаганде книги и библиотеки, увлечение такими поверхностными формами пропаганды книги, как книжные караваны, агитсуды, конкурсы и т. д. Массовая работа ряда библиотек и изб-читален носила чисто культурологический характер. Их работа сосредоточивалась в основном вокруг литературных дат, ограничивалась проведением культурно-

массовых мероприятий. Содержание выставок, литературных вечеров было оторвано от проблем своего времени.

Подводя итоги развития библиотечного дела в Чувашии в период формирования советской государственности, следует отметить, что именно в эти годы были выработаны принципы становления и развития библиотечного дела в чувашских уездах, заложены основы планомерного развития сети библиотек и изб-читален, стали использоваться такие формы и методы их работы, которые получили широкое развитие на последующих этапах развития общества.

ГАРФ. Ф. 1235 (Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) и подведомственные учреждения).

ГИА ЧР. Ф. Р-123 (Облоно ЧАО).

ГИА ЧР. Ф. Р-125 (Облисполком ЧАО).

ГИА ЧР. Ф. Р-147 (Представительство ЧАССР при Президиуме ВЦИК).

ГИА ЧР. Ф. Р-202 (ЦИК ЧАССР).

ГИА ЧР. Ф. Р-203 (Совет министров ЧР).

ГИА ЧР. Ф. Р-221 (Министерство образования, науки и высшей школы Чувашской Республики).

ГИА ЧР. Ф. Р-225 (Ульяновский Чувашский педтехникум).

Культурно-просветительная работа в уезде // Красный клич. 1920. 1 янв.

Материалы Поволжского библиотечного объединения. Казань, 1926. Вып. 1.

Чуваш. край. 1922. 16 дек.

УДК 94(470.64).084.5/.084.6

Ж. М. Аппаева

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ» В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ в 1920–1940-х гг.

В статье рассматривается, как радикальная ломка обычаев и традиций кавказских горцев в 20–40-х гг. прошлого столетия затронула все стороны их жизни и коренным образом повлияла на их сознание, а эмиграция и депортация значительной части балкарского народа, его физическое уничтожение и репрессии против него привели к негативным последствиям, имели для него катастрофические последствия.

© Аппаева Ж. М., 2018

Ключевые слова: советизация, искоренение обычаев, «раскрепощение женщин», деформация сознания, трудовое, эстетическое, патриотическое воспитание.

Одним из самых бурных и противоречивых периодов истории Северного Кавказа были два первых десятилетия XX в., когда многочисленные партии и общественно-политические течения, действовавшие здесь, столкнулись в борьбе за власть. Одни вышли из нее победителями, другие потерпели поражение. Проиграли и те, кто из моральных, гуманных соображений не только не принимал участия в кровавом конфликте, а наоборот, призывал людей к гражданскому миру и согласию. Большинство народа видело смысл жизни в мирном труде и спокойном существовании. И потому попытки представить, что на Северном Кавказе произошел тотальный раздел на два противоборствующих лагеря, почвы под собой не имеют. Среди тех, кто выступал против насилия и кровопролития, было немало представителей горской интеллигенции.

В конце 1920-х гг. здесь сложилась сталинистская репрессивная политическая система, которая имела некоторые специфические черты в национальных регионах, придавала деятельности местных большевистских руководителей своеобразную окраску. Некоторые из особенностей «революционных преобразований» в 1920–1940-х гг. в Кабардино-Балкарии будут рассмотрены в этой статье.

После установления советской власти многие представители местных князей, дворян, офицеров царской армии, духовенства, нарождающейся буржуазии, интеллигенции, предчувствуя, что новая власть не пощадит их как «бывших», своих классовых врагов, имели благоразумие искать спасения в чужих краях. Волна эмиграции выплеснула цвет кабардинского и балкарского народов на Ближний Восток и Запад. Другие же, не видя за собой никаких грехов, вначале по наивности понадеялись на лояльность властей, но после начавшихся репрессий их иллюзии рассеялись. Выжившим в той страшной обстановке не было дано раскрыть свой интеллектуальный и духовный потенциал.

Эмиграция и уничтожение интеллигенции с одновременной массированной кампанией по оболваниванию населения так называемыми классовыми ценностями сбросили Кабарду и Балкарию в пучину невежества и неграмотности. Не случайно лидер местных большевиков Бетал Калмыков в те годы говорил, что здесь «не находилось и десятка вполне грамотных» [Калмыков, с. 108], что полностью соответствовало действительности. Чем же новой власти могла помешать интеллигенция? Причин много. Главная – в идеологической установке большевиков на уничто-

жение как класса «эксплуататорских элементов», «буржуазной интеллигенции», «реакционного духовенства». Но была и еще одна причина, весьма существенная, заключавшаяся в том, что хорошо образованные люди резко контрастировали с представителями малограмотной, а то и вовсе неграмотной партийной и советской бюрократии, и этим, сами того не желая, ее дискредитировали. Для того времени было вполне нормальным явлением, когда, например, Б. Калмыков, имея два класса образования, возглавлял целую область, а ответственные посты самого разного уровня занимали недавние бойцы Красной армии, в большинстве своем неграмотные. И это в то время, когда в Нальчике еще оставались по-настоящему образованные люди.

Местные власти, поняв по-своему указания из Кремля, выстроили свою линию по советизации местного населения, естественно, не умея и не желая понять его специфику, не считаясь с реалиями жизни и последствиями своих действий.

Одной из важнейших задач, стоявших перед властями КБАО, было пресловутое «раскрепощение» горянок. Ни один вопрос у нас не подвергся столь значительному искажению, как женский. Во-первых, нередко положение кавказских горянок стремятся идентифицировать с судьбой женщин мусульманского Востока. На самом же деле на протяжении нескольких веков ислам так и не сумел заставить отказаться наших предков от своих обычаев и традиций, а, наоборот, сам трансформировался, пройдя сквозь их горнило, и приспособился к «законам гор».

В некоторых жизненных ситуациях слово женщины здесь было даже весомее слова мужчины. В подтверждение этого можно привести два классических примера из жизни горцев. Когда сходятся две враждующие стороны и вот-вот может пролиться кровь, и уже ничьи слова не способны возыметь воздействия, стоит женщине снять с головы платок и бросить его между врагами – они расходятся. Или другой пример: мужчина, прибегающий к покровительству женщины, становится неприкосновенным. Это ли не свидетельство непререкаемого авторитета женщины?!

Можно привести и множество бытовых примеров, служащих доказательством того, что в традиционном горском обществе женщина пользовалась всеобщим почетом и уважением. Женщина в горах не должна была преследоваться по закону кровной мести, изгоняться из общества и так далее. Но все же необходимо отметить, что всей полнотой свободы, и прежде всего свободой передвижения, она не обладала. Но нуждалась ли она в подобного рода свободе? История свидетельствует о том, что женщина не просто мирилась со своим положением в обществе, а была им вполне довольна.

В советский период понятие свободы стало ассоциироваться с вовлечением женщины в производство, часто в ущерб ее основным функциям по деторождению и воспитанию подрастающего поколения, которые в горском обществе считались самыми полезными и почетными. О том, что в дореволюционный период женщины вполне были удовлетворены своим социальным положением, свидетельствует тот факт, что после Октябрьской революции они никак не хотели «раскрепощаться», и потому властям приходилось их «освобождать от гнета» насильственными методами.

Вот как, например, проводилась кампания «пальто – горянке». Дело в том, что, по обычаю гор, молодым женщинам и девушкам считалось неприличным носить пальто. Это объяснялось тем, что им не приходилось ходить дальше, чем к соседке, и при этом вполне можно было обойтись теплой шалью. Ситуация изменилась, когда горянка стала работать на производстве. Теперь уже пальто ей было крайне необходимо. Однако эту кампанию начали проводить преждевременно, до того, как в этом появилась настоятельная необходимость. На горянок напяливали пальто, и несчастные женщины должны были идти по селению под насмешки односельчан. Психология горцев была такова, что ношение пальто молодыми женщинами воспринималось как нарушение горских законов. Наши горянки после подобных актов переживали чувство человека, которого выставили на всеобщее посмешище.

Надо заметить, что в 20–30-х гг. XX в. даже наиболее косные обычаи не стали тормозом в развитии горских обществ, конфликтов не сулили, и с решением этих вопросов даже в форме мирных реформ вполне можно было подождать и сделать это без покушения на честь и достоинство человека.

Можно остановиться еще на одном примере «раскрепощения горянок». Суть этого метода хорошо раскрыта кабардино-балкарским лидером Беталом Калмыковом в речи, произнесенной на IV областном съезде Советов Кабардино-Балкарской автономной области «За полное раскрепощение женщины-горянки» (22 декабря 1924 г.): «У меня хранятся документы, где сельские исполкомы указывают, что ни одна женщина не находится, которая бы хотела ехать учиться. Пришлось бросить жребий, и те, на кого он пал, хотели вешаться. Были случаи, когда их связывали и связанных везли до Нальчика, и здесь сдавали в учебный городок» [УЦГА АС КБР, ф. Р-2, оп. 1, д. 119, л. 99]. Подобное варварство было вполне в духе и во вкусе авторитарного режима.

Одновременно с этим последовало покушение не только на моральное, но и физическое здоровье женщин. По обычаям гор, самые тяжелые работы, прежде всего сельскохозяйственные, выполнялись исключитель-

но мужской половиной населения. После организации колхозов поголовно все население выгонялось в поле. В связи с этим Б. Калмыков бахвалился, что приоритет в этом начинании принадлежит ему. И стар, и млад в любую погоду вынуждены были выходить в поле, иначе грозило наказание «по всей строгости революционного закона». Были случаи, когда, как тунеядцев, репрессировали 70–80-летних стариков. В особенно тяжелом положении оказывались престарелые люди и кормящие матери, вынужденные брать в поле малолетних детей. Чтобы малыши не расползались, не разбегались по полю и не становились добычей диких зверей, в поле выкапывали ямки и оставляли в них исходивших от крика и плача детей.

В те годы сверху спускали много циркуляров, декретов, каждый из которых, используя пушкинское выражение, был «писан кровью». Власти грубо и бесцеремонно вмешивались в личную, семейную жизнь людей, регулировали ее по своему усмотрению. Политика насилия и произвола становилась государственной. Горцы отступили перед новыми законами (вернее, беззаконием), но не вследствие большей конкурентоспособности новых правовых норм по сравнению с прежними обычаями, а из-за страха и непонимания смысла происходящего. Теперь можно было поставить человеку в вину то, что он имеет неподходящих в классовом отношении родителей, как будто человек волен выбирать себе отца и мать, или же его материальное благосостояние могло показаться слишком высоким, а образованность – чрезмерной. Да мало ли в чем он мог оказаться «виновным»? Не угодил властям – будь добр, отвечай «по всей строгости революционного закона». А если «партия прикажет», то можно было, подобно Павлику Морозову, предать и отца родного или отречься от родственников – «врагов народа».

Естественно, что подобные поступки люди не могли совершать без соответствующей деформации сознания, поскольку у каждого народа самой священной была заповедь – «чти отца и матерь свою». Для этого нужна была специальная подготовка, необходимо было пройти особую школу. Какой она была? Чему и как учили в ней детей? Каковы были основные направления и методы воспитания учащихся? Вот характерный образец политизации системы просвещения, воспитывавшей людей, фанатически преданных «идеям революции».

Об одном из импульсов, получаемых в школе, рассказывалось в газете «Карахалк» от 12 марта 1926 г. [см.: Медресе...]: «После большой работы, проведенной ячейкой ВКП(б) и учителем родного языка, школа В. Баксана оживилась… Дети хорошо усвоили гимн пролетариата “Интернационал” и несколько других революционных песен». О прочих познаниях детей скромно умалчивается.

Не менее «идейными» должны были быть и учителя. Чтобы обеспечить идеологическую чистоту наставников молодежи, надлежало «…усиливать борьбу с аполитичностью учительства и примиренческим отношением к ней, очищением рядов просвещенцев от идеологически чуждых элементов» (Договор о социалистическом соревновании общественных организаций и органов народного образования Кабардино-Балкарии и Северной Осетии) [УЦГА АС КБР, ф. Р-2, оп. 1, д. 26, л. 125]. И в этом документе не нашлось места для упоминания о профессиональных и нравственных качествах педагогов.

Население от мала до велика постоянно призывалось к всеобщей бдительности, устрашалось тем, что и внутри страны «неугомонный не дремлет враг». Не случайно местный вождь Б. Калмыков неустанно повторял: «Плох тот большевик, который не замечает чужих людей, надевших на себя советский ярлык. Хороший большевик тот, кто это понимает и дает отпор провокаторам, разгадывает под личиной советского человека истинного врага» [Калмыков, с. 209]. Под такими лозунгами несколько десятилетий велась «охота на ведьм».

Одним из важных направлений деятельности государства и школы был воинствующий атеизм. Если до революции в каждом ауле была одна, а то и несколько мечетей, то через короткое время они были уничтожены, а «реакционные» муллы репрессированы. Чтобы воспитать детей в духе неприятия религии, на уроках их заставляли хором и поодиночке повторять: «Бога нет». Цепенея от страха, проклиная в душе своих мучителей, несчастные жертвы повторяли: «Бога нет». Способы отлучения от ислама были изощренными. Чтобы не допустить фактов соблюдения учащимися Уразы, в месяц Рамазан их заставляли публично пить воду. Неусыпное око местных властей следило и за тем, чтобы и в семье детей не приобщали к религии.

Крайней примитивностью отличалось эстетическое воспитание. Так, категории прекрасного и безобразного разделялись по классовому признаку: то, что у нас – прекрасно, а то, что в прошлом или за кордоном – безобразно. Традиционная мораль устарела и должна остаться в прошлом, новая – обращена в будущее, и т. д. и т. п. Собственно, невежественные, полуграмотные учителя не были способны дать более глубокие знания. В то же время под громкие призывы и лозунги одно за другим проводились мероприятия по борьбе с «пережитками прошлого». Цинизмом были пропитаны уверения о том, что они устраивались по инициативе трудящихся. В то же время, то ли по недоразумению, то ли с откровенной наглостью, документы, печать пестрели фразами типа «принудить

добровольно сдать», «принудить добровольно выполнять» и т. д. Народ метко охарактеризовал этот принцип: «на добровольных началах, насильственных концах».

Трудовое воспитание школьников представляло собой принудительную, причем бесплатную, работу (чаще всего в колхозах – на прополке, уборке урожая), которая нередко затягивалась до самой зимы. Одетые в лохмотья дети нередко копались в земле в дождь, ветер, снег, уже в юном возрасте зарабатывали хронические болезни. Были случаи и со смертельным исходом.

На протяжении всех послереволюционных лет ключевые позиции в системе образования занимало военно-патриотическое воспитание. Духом милитаризма были пропитаны все учебные заведения. К примеру, хотя Ленинский учебный городок в Нальчике считался гражданским учреждением, упоминая о нем, М. В. Фрунзе именует его военным городком. Самый воздух в учебных заведениях был как бы отравлен ненавистью ко всем «непролетарским» элементам, «буржуям», а боевым кличем стали слова: «Даешь мировую революцию!», «Экспроприация экспроприаторов», «Весь мир насилья мы разрушим» и т. д.

Подобными идеями было сравнительно просто напичкать учащихся, ибо, изображая «буржуев» в самом черном свете, а мир капитализма – как земной ад для пролетариата, идеологи прекрасно понимали, что людей, получавших одностороннюю, тенденциозную информацию, убедить в этом было несложно. Куда труднее было решить проблему воспитания в духе патриотизма, любви к коммунистической Отчизне, мыслимой в масштабах всей планеты.

По существу, это явилось ничем иным, как космополитизмом. Главным препятствием на пути космополитизации сознания горцев была их страстная любовь к отчему краю. Потребовалось ослабить их привязанность к малой Родине – Кавказу. Потому в выступлениях в печати замельтешили выражения, подобные «черным скалам» и «мрачным горам». И, конечно же, вполне понятно, какие чувства стремился вызвать автор статьи, писавший: «Веками сдавленные в тисках голых скал, невежества и отсталости…» [Коммунист, 1921, 6 мая].

Потоком хлынули различного рода опусы, утверждающие, что якобы мысль и воля горца подавлялись и природой, и религией, и всем укладом жизни. Уж если общепризнанные красоты наших гор подвергались подобной обструкции, то можно представить, какой натиск пришлось выдержать обычаям, которые, несомненно, были и более хрупкими, и более уязвимыми. Вот какую оценку им давала газета «Карахалк» от 1 сентяб-

ря 1925 г. (статья «Кузница культуры»): «Вековые нагромождения предрассудков, суеверий и обычаев прошлого». И далее восхвалялись милые душе большевика нововведения: «Здесь в стенах учебного городка (ЛУГа. – *Ж. А.*) вырабатывается новый взгляд на женщину как на товарища в работе, здесь привычное безотчетное почитание старших и рабское отношение к вышестоящим заменяется сознательной оценкой человека как общественно полезного работника» [Кузница...].

Искоренение старинных обычаев в 1920–1930-х гг. шло стремительно. Однако нетерпеливые большевики, стремясь как можно скорее увидеть коммунистический рай, подгоняли этот процесс. «Я считаю необходимым коренным образом переделать кабардинский быт, обычаи, традиции…», – требовал Б. Калмыков. Далее он продолжал: «Надо поставить крест и жесткой рукой, стальной рукой эти адаты, обычаи и права разбить» [Калмыков, с. 102, 108].

Никаких сомнений, никаких колебаний в отношении своей правоты у руководства не было: «Мы знаем, что вредно и что полезно для трудового народа Кабарды и Балкарии, и будем все вредное отбрасывать, а полезное внедрять в жизнь» [Там же, с. 108].

Конечно, не одного Калмыкова волновали эти проблемы. К их решению подключались руководители всех рангов. Даже те широчайшие полномочия, которыми наделил их центр, руководству области казались недостаточно полными и эффективными. «Для проведения культурной и политико-просветительной работы среди крестьянства КБАО выявилось, что дальнейшая советизация в стране невозможна без радикальной ломки закостенелого полудикого быта горского населения и его полного перевоспитания в смысле отрешения от феодально-крепостных горских традиций», – писало в Москву, во ВЦИК, местное правительство [УЦГА АС КБР, ф. Р-2, оп. 1, д. 120, л. 8].

Правда, сначала еще находились смельчаки, которые пытались критиковать виновников сложившегося в государстве положения, их невежество и некомпетентность, вообще произвол властей. «Что и говорить о всей стране, и даже о центре ее, когда здесь, в Северокавказском крае и даже в краевом центре, не имеют должного (правильного) представления об этих областях, а подчас эти представления, даже у ответственных работников, бывают превратными», что, по мысли автора, приводит к неправильной политике как в центре, так и на местах [см.: Там же, д. 119, л. 201]. В этом виделся «главный корень порою наблюдающегося самодурства, ошибок и даже злоупотреблений». К сожалению, явления эти происходили «не порою», как пишет автор, должно быть из опасения

быть обвиненным в нелояльности к советской власти. Такие выступления были гласом вопиющего в пустыне и тонули среди всеобщего хора «одобрения».

Подобные явления к 1940-м гг. прошлого века уже стали привычными. Совсем неожиданным и жестоким ударом для местных жителей стало известие о депортации балкарского народа. В марте 1944 г. по сфабрикованному обвинению балкарцев в пособничестве немцам весь народ был выслан в Среднюю Азию и Казахстан.

В истории человечества было немало случаев, когда этносы либо истреблялись, либо изгонялись со своих исконных территорий более сильными врагами. Но, даже искоренив народ, варвары не преследовали цели уничтожить все, что было связано с его именем, т. е. саму память о нем. Однако такое чудовищное явление имело место в годы сталинщины. Народы не только депортировались, уничтожалось все, что могло напомнить об их пребывании на родной для них земле. Даже простое упоминание названия национальности оказалось под запретом. В общем, депортированные этносы попросту были вычеркнуты из истории. Изгнание балкарского народа из отчего края незамедлительно сказалось на судьбе документальных и вещественных источников, которые, скорее всего, были уничтожены, поскольку в указе о депортации значилось, что балкарцы лишены своей государственности и выселены из родных мест навечно [см.: О переселении...]

Многие из уникальных свидетельств прошлого были безвозвратно утрачены и на родине, и на чужбине. Никто не позаботился о сохранности брошенного на произвол судьбы имущества депортированных. В результате исчезли представлявшие огромную историческую ценность «остатки прошлого», предметно зафиксировавшие наиболее характерные черты жизни этноса. Некоторые фрагменты культуры балкарцев сегодня уже невозможно проиллюстрировать в экспозиции местных музеев подлинными предметами.

Реальная жизнь при социализме и ее красочная интерпретация не имели между собой ничего общего. Однако определенным силам все же надо было доказать «преимущества» социализма над капитализмом, и в ход пошли различные уловки. Подобного рода искажений, фальсификаций, несправедливостей было великое множество.

Калмыков Б. Э. Статьи и речи. Нальчик, 1983.
Коммунист (Владикавказ). 1921. № 322. 6 мая.

Кузница культуры // Карахалк. 1925. 1 сент.

Медресе вытеснено школой // Карахалк. 1926. 12 марта.

О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР : Указ Президиума ВС СССР от 08.04.1944 г. // СПС КонсультантПлюс: Документы СССР – законодательство советского периода в КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://ppt.ru/newstext.phtml?id=35214 (дата обращения: 11.02.2018).

УЦГА АС КБР. Ф. Р-2 (Исполком Кабардино-Балкарского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).

УДК 94(575.4).084.5:304.44

М. Соегов

КАКУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА НЕС ОТВЕТСТВЕННЫЙ (ПЕРВЫЙ) СЕКРЕТАРЬ ЦК КП(б) ТУРКМЕНИСТАНА В 1928 г.?

В статье кратко освещаются те страницы из жизни и деятельности Шаймардана Нуримановича Ибрагимова (1899–1957), которые были связаны с его служебной деятельностью в Туркменистане в 1926–1928 гг., когда он руководил партийной организацией республики и непосредственно занимался проблемами национальной культуры, а именно вопросами дальнейшего развития туркменского языка. Большое значение в сознательном регулировании языковых процессов с внедрением в языковую практику адекватной языковой политики имел мартовский (1928 г.) пленум ЦК КП(б) Туркменистана, обсудивший вопрос о развитии национальной культуры в Туркмении. Обширное постановление, принятое на этом партийном форуме, послужило толчком для использования туркменского языка в разных сферах общества, а также стимулом его внутриструктурного развития на многие десятилетия. Тем не менее, советский период в истории туркменского языка характеризуется пренебрежением к его огромным внутренним ресурсам, когда предпочтение отдавалось заимствованиям в первую очередь из русского языка. В последние десятилетия наблюдается функциональное взаимодействие туркменского языка не только с русским, но и с английским и некоторыми другими языками.

Ключевые слова: партийный деятель, пленум, доклад, туркменский язык, постановление, развитие.

© Соегов М., 2018

О деятельности Ш. Н. Ибрагимова в Туркменистане я впервые узнал, как ни странно, находясь в Москве, будучи младшим научным сотрудником и аспирантом-заочником во время своей научной командировки в столицу во второй половине 70-х гг. прошлого века, работая в библиотеке с подшивками туркменской периодики 20-х гг. и шагая после закрытия библиотеки вечером по московским улицам, в том числе однажды находясь на той улице, которая носила и носит по настоящее время имя Ш. Н. Ибрагимова. Уже в начале 80-х гг. в 3-й том десятитомной «Туркменской Советской Энциклопедии» была включена небольшая статья о нем [см.: Туркмен..., с. 464], а в 1989 г. газета «Туркменская искра» отмечала 90-летие со дня рождения Н. Ш. Ибрагимова, поместив на своих страницах специальную статью-персоналию [см.: Лебедева]. Читателям будет небезынтересно узнать, что та же газета почти за 50 лет до этого напечатала на своих страницах текст его большого доклада на партийном форуме, выдержки из которого будут использованы ниже[1].

Речь идет о Шаймардане Нуримановиче Ибрагимове (04.04.1899 – 12.02.1957), родившемся в с. Петряксы Курмышского уезда Симбирской губернии (ныне Пильнинский р-н Нижегородской области) в татарской семье и работавшем в период с июня 1926 по апрель 1928 г. первым секретарем ЦК Компартии Туркменистана. Долгое молчание о нем в нашей республике, скорее всего, было связано тем, что все первые секретари ЦК КПТ, работавшие в этой должности в 1920–1930-е гг., кроме него, а именно: И. И. Межлаук (1924–1925), Халмурад Сахатмурадов (1925–1926), Г. Н. Аронштам (1828–1930), Я. А. Попок (1930–1937) были расстреляны в период Большого террора в 1937–1938 гг.

Хотя тогда судьба пощадила его, но он умер в Москве (жил в Большом Гнездниковском переулке, 10), на 58 году жизни. Был похоронен на Даниловском мусульманском кладбище столицы. В том же 1957 г. с целью увековечения его памяти бывшая Мочальская улица Москвы была переименована в улицу Ш. Н. Ибрагимова.

Необходимо отметить, что его детство и молодость, а также довоенный и послевоенный периоды жизни прошли в Москве, где он работал в партийных и государственных органах.

---

[1] Ежедневная партийно-правительственная газета «Туркменская искра», первый номер которой вышел в Ашхабаде 7 ноября 1924 г., после принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о постоянном нейтралитете Туркменистана в 1995 г., была переименована в газету «Нейтральный Туркменистан».

В настоящее время в интернете, начиная со статьи в Википедии, имеются несколько сайтов, которые содержат в основном достоверные справочные сведения о биографии и деятельности Ш. Н. Ибрагимова. Поэтому нет надобности повторять здесь их еще раз. Вместе с тем, в отдельных из них наряду с достоверными фактами встречаются утверждения и предположения, не соответствующие реальным событиям. Проиллюстрируем это двумя примерами-цитатами из соответствующих интернет-сайтов:

> «Планы Бажанова насчет места перехода границы меняются после разговора с Ибрагимовым (Ибрагимов Шаймардан Нуриманович – 1-й секретарь ЦК КП Туркменистана в 1928 году. До этого, будучи 2-м секретарем, курировал в том числе силовые наркоматы): “Ответственный работник без труда может приблизиться к границе и перейти ее. У вас бывали такие случаи?” “...Два, – говорит Ибрагимов, – они не представляют никаких затруднений. Ответственного партийца, бежавшего в Персию, мы хватаем прямо в Персии и вывозим его обратно”. – “А персидские власти?” – “А персидские власти закрывают глаза, как будто ничего не произошло”» [см.: Станция...];
>
> «Не располагаете ли Вы сведениями о месте захоронения исторического деятеля Шаймардана Нуримановича Ибрагимова (1899–1957) – члена РСДРП(б) с 1915 года, во время революционных событий 1917 года в Москве – секретаря большевистского Благуше-Лефортовского райкома и члена Президиума Московского Совета (несмотря на 18 лет!)? Его имя и сейчас носит улица в Москве, вблизи станции метро “Семеновская” (бывший Благуше-Лефортовский район). Умер Шаймардан Ибрагимов в Москве в 1957 году. Мне его захоронение в Москве не попадалось. Однако очень давно один московский татарин говорил мне, что, согласно предсмертной воле Ибрагимова, его прах был отправлен в Татарстан и захоронен где-то в глубинке на сельском кладбище, рядом с его родными» [см.: Они...].

Исходя из вышеизложенного, советуем интернет-пользователям быть более осмотрительными при вынесении какой-либо информации на всеобщее обозрение и особенно разборчивыми при ее использовании в научных целях.

Ниже мы хотим осветить ряд вопросов, связанных с функционированием и развитием туркменского языка в 1920-е гг. прошлого века, в решении которых принимал непосредственное участие Ш. Н. Ибрагимов, будучи первым секретарем ЦК КП(б) Туркменистана. В выработке и реализации научно обоснованной языковой политики, опирающейся на объективные законы общественного развития, в 1920-е гг. участвовали многие руководящие партийные и государственные работники республики. Одним из таких деятельных работников был Ш. Н. Ибрагимов.

Большое значение в сознательном регулирования языковых процессов путем выработки адекватной языковой политики имел мартовский (1928 г.) пленум ЦК КП(б) Туркменистана, обсудивший вопрос о развитии национальной культуры в Туркмении. С докладом на пленуме выступил первый секретарь ЦК КП(б)Т Ш. Н. Ибрагимов, который отметил, что вопрос о национальной культуре в партийной организации республики впервые вносится в повестку дня для широкого обсуждения (здесь и далее данный доклад цитируется по его тексту, который был опубликован в газете «Туркменская искра») [см.: О национальной культуре]. После дебатов по докладу Ш. Н. Ибрагимова партийный коллективный орган (пленум ЦК) в принятом постановлении поставил следующие конкретные задачи в области туркменского языка:

а) собрание, изучение отдельных местных говоров и издание этих языковых материалов, а также составление туркменского научного словаря;

б) сохранение в туркменском языке слов, получивших в нем право гражданства (арабские, русские и др.), с обязательным, однако, подчинением этих слов правилам туркменской грамматики;

в) отказ от дальнейшего введения в туркменский язык персидских и арабских терминов;

г) ориентация на введение новых слов, в первую очередь, из родственных туркменскому тюркских языков (коренных слов);

д) введение в туркменский язык научных интернациональных слов, а также терминов из русского языка, в первую очередь, советско-интернациональных слов, также с обязательным подчинением этих новых терминов правилам туркменской грамматики;

е) в области составления научной грамматики туркменского языка поставить задачу сбора и научной разработки грамматических особенностей языка, разработки принципов построения грамматики и т. д. При составлении правил орфографии должен быть взят решительный курс на фонетическое правописание, т. е. на правописание, основанное на произношении;

ж) обеспечить успешную работу по развитию туркменского языка, в частности, необходимо усилить работу по выработке терминологии, публикуя принятые термины для всеобщего сведения [см.: Коммунистическая партия..., с. 280].

В те годы вопрос о туркменском языке, приобретая политический смысл, стал одним из центральных вопросов в дальнейшем развитии национальной культуры, хотя в декларации об образовании Туркменской ССР, принятой 15 февраля 1925 г. делегатами первого Всетуркмен-

ского съезда Советов, туркменский и русский языки признавались государственными языками вновь созданной советской республики (это положение было затем закреплено в ст. 18 первой Конституции ТССР от 30 марта 1927 г.) [см.: История..., 1957, с. 497; История..., 1936, с. 308].

Самым опасным подходом для будущего туркменского языка являлось требование отдельных представителей турецкой и азербайджанской интеллигенции, прибывших в Туркменистан по приглашению или оказавшихся в стране в результате разных причин и работавших в основном в редакциях периодической печати или преподававших в учебных заведениях, переходить на единый язык, который стал бы общим языком для всех или большинства тюркских народов. Так, например, значительно позже очевидцы утверждали, что Аннамухаммед Клычев, будучи председателем Президиума Верховного Совета ТССР, иногда в близком кругу друзей-товарищей, вспоминая свое сиротское детство, рассказывал им, как учитель-турок заставлял маршировать воспитанников интерната с песней со словами-припевом: «Яша, яша, сен яша, Мустафа Кемаль-паша!» (т. е. «Да здравствует Мустафа Кемаль-паша – Ататюрк!»).

Следует иметь в виду и то, что на Первом тюркологическом съезде (Баку, 26 февраля – 5 марта 1926 г.) не получило должной критики прозвучавшее мнение о возможности создания в будущем единого тюркского языка [см.: Первый...]. По данному поводу в упомянутом докладе Ш. Н. Ибрагимова было сказано: «Об этом съезде приходится говорить потому, то часть товарищей, которая участвовала на нем, внесли такое впечатление, что все-таки рано или поздно к единому тюркскому языку мы придем. Я считаю, что, несмотря на то, что на тюркологическом съезде были выступления в защиту единого тюркского языка, нам, в интересах развития туркменского языка, надо отказаться от этого стремления – единый тюркский язык… Ферид Эфенди добивается того, чтобы мы восприняли здесь, в Туркменской республике, тюркский язык, т. е. язык османов – турецкий язык» [О национальной культуре].

Ш. Н. Ибрагимов в своем докладе связывал вопрос о создании единого языка с деятельностью туркменской белой эмиграции: «имеется враждебное нам течение, возглавляемое изгнанной из Туркмении белой эмиграцией. Белоэмиграция ставит вопрос таким образом, что Туркестан якобы искусственно разделен, что надо сохранить Туркестан, образовав из него буржуазное государство, ориентирующееся на Англию. Поэтому наша белая эмиграция выдвигает вопрос не об узбекской или киргизской, или туркменской культуре, а говорит о туркестанской культуре. Она

утверждает, что нужно создать единое туркестанское государство и единый туркестанский язык» [Там же][2].

На пленуме были решительно отвергнуты предложения о создании единого туркестанского или единого тюркского языка. В постановлении пленума по докладу Ш. Н. Ибрагимова, в частности, отмечалось, что «в области туркменского языка партия должна держать курс на дальнейшее развитие и совершенствование его, отвергнув имеющееся течение к созданию единого тюркского языка. При развитии литературного туркменского языка необходимо положить в основу разговорный язык широких народных масс» [Коммунистическая партия..., с. 280]. Пленум также потребовал усилить работу по практическому внедрению в жизнь утвержденного правительством республики нового туркменского алфавита на латинской графической основе взамен используемого до этого арабского[3].

Хочется также подчеркнуть, что материалы мартовского (1928 г.) пленума ЦК КП Туркменистана были использованы нами при подготовке своей докторской диссертации и изданной монографии по этой теме [см.: Соегов, 1991].

Таким образом, пребывание Ш. Н. Ибрагимова неполных два года в Ашхабаде в должности первого секретаря ЦК КП Туркменистана (особенно его последние месяцы) ознаменовалось принятием конкретных решений директивных органов, которые оказали существенное влияние на дальнейшее развитие современного туркменского литературного языка, превратившегося в последующем (несмотря на определенные зигзаги в советский период и сильный уклон в сторону русского языка) в один

---

[2] Это было первое официальное упоминание о туркменской белой эмиграции, хотя, вопреки утверждению Ш. Н. Ибрагимова и в отличие от эмигрантов-представителей некоторых других родственных народов, белоэмигранты-туркмены еще на родине и затем в зарубежье всегда боролись за создание независимого Туркменистана и никогда не отстаивали интересы мнимого государства-утопии, так называемого общего для всех тюркских народов. После долголетнего молчания ученых о туркменской белой эмиграции, автор этих строк впервые попытался внести данный вопрос в повестку дня новейших исследований уже в новом, современном аспекте [см.: Соегов, 2012; Соегов, 2015].

[4] Принятый тогда латинизированный туркменский алфавит взамен арабской графики просуществовал в республике до конца 30-х гг. XX в., до того, как был составлен и принят новый алфавит на кириллице. После распада СССР в первые годы независимости в Туркменистане был внесен в письменную практику новый, второй по счету латинизированный туркменский алфавит [см.: Соегов, 2013].

из многофункциональных и структурно развитых языков мира. В настоящее время, являясь государственным языком независимого и нейтрального Туркменистана, туркменский язык наряду с английским и русским языками выступает одним из международных языков при установлении равноправных и взаимовыгодных отношений между Туркменистаном и другими государствами мира путем составления и принятия на нем важных договоров и других межгосударственных документов.

В заключение следует отметить, что в связи с подписанием Президентом РФ 22 сентября 2015 г. Указа «О праздновании 800-летия основания города Нижний Новгород» и началом подготовки к празднованию в 2021 г. его 800-летнего юбилея, наблюдается усиление внимания со стороны исследователей к вопросам не только богатой истории города, но и выявлению и описанию заслуг знаменитых выходцев из Нижегородской земли, одним из которых был Шаймардан Нуриманович Ибрагимов – это во-первых. Во-вторых, сам великий русский город Нижний Новгород и прилегающие к нему земли в течение всей 800-летней истории всегда были многонациональными и остаются таковыми по сей день. И наконец, в-третьих, не следует исходить из выдуманного, что в советскую эпоху было все темным, мрачным, а в постсоветский период все стало светлым, ярким. Такой подход, с научной точки зрения, недопустим в принципе. Следует излагать исторические события, в том числе те, в которых принимали активное участие знаменитые личности, так, как они происходили на самом деле.

История Советской Конституции в декретах и постановлениях советского правительства, 1917–1936. М., 1936.

История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1957.

Коммунистическая партия Туркменистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 1, кн. 1: 1925–1928. Ашхабад, 1981.

Лебедева Л. Революции предан // Туркмен. искра. 1989. 27 апр.

О национальной культуре : докл. т. Ибрагимова на пленуме ЦК КП(б)Т // Туркмен. искра. 1928. 6 марта.

Они тоже гостили на земле [Электронный ресурс]. URL: http://g66.ru/m-necro/page3/ (дата обращения: 19.07.2016).

Первый Всесоюзный тюркологический съезд : стеногр. отчет. Баку, 1926.

Соегов М. Новый туркменский алфавит: некоторые вопросы его разработки и принятия (из личного опыта) (Makale: No 22) // Akademik Bakış Uluslararası Hakemli Sosyal Bilimler E-Dergisi Sayı: 35 Mart–Nisan. Celalabat, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.akademikbakis.org (дата обращения: 19.07.2016).

Соегов М. Развитие синтаксической системы туркменского литературного языка в советскую эпоху (в связи с расширением сфер его применения). Ашхабад, 1991.

Соегов М. Туркменский писатель-белоэмигрант из Соединенных Штатов Мексики // Учен. зап. Тавр. национал. ун-та им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2012. Т. 25 (64), № 3, ч. 1. С. 259–266 (Сер. Филология. Социальные коммуникации).

Соегов М. Туркмены-командиры Царской и «Белой» армий: генерал Оразсердар, сын Дыкма-сердара // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Казань, 2015. № 3. С. 43–49.

Станция памяти – Фирюза [Электронный ресурс]. URL: http://infoabad.com/forum/thread 1389.html (дата обращения: 19.07.2016).

Туркмен Совет Энциклопедиясы. Ашгабат, 1981. Т. 3.

УДК 94(470.57).084.6:658.6

А. В. Антошкин

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В БАШКИРИИ

во второй половине 1930-х гг.

В статье на основе документов Национального архива Республики Башкортостан рассматривается ситуация в государственной розничной торговой сети Башкирии после перехода от карточной системы к открытым формам торговли. Выявленный комплекс недостатков и нарушений в работе торговых организаций республики во многом способствовал рецидиву распределительной системы. Делается вывод, что рост антисоветских настроений на территории Башкирии был обусловлен в том числе и сохранением острого товарного дефицита как по продовольствию, так и по промтоварам.

Ключевые слова: торговля, распределение, продовольствие, промтовары, спекуляция, дефицит, Башкирия.

Карточная система первой половины 1930-х гг. была поражена многими недостатками. С одной стороны, несовершенство системы распределения вело к росту злоупотреблений, с другой – местные торговые организации помимо распределения продавали часть товаров по более высоким коммерческим ценам, присваивая себе разницу. Двойные цены действовали в городах и селах, что создавало почву для нарушения баланса

© Антошкин А. В., 2018

в снабжении городского и сельского населения. Отмена карточной системы и двойных цен в первую очередь была обусловлена стремлением ликвидировать злоупотребления в торговле [см.: Дэвис, Хлевнюк, с. 93]. Однако переход к открытой торговле не означал восстановления рыночных механизмов и частного сектора. Главными особенностями механизма продовольственного снабжения населения, характерного для советского периода, оставались централизация и дискриминационный характер по отношению к сельскому населению [см.: Корнилов, с. 402].

Если в первой половине 1930-х гг. торговля воспринималась как пережиток капитализма, то в январе 1934 г. на XVII съезде партии И. В. Сталин назвал советскую торговлю «нашим родным, большевистским делом». К середине 1930-х гг. власть вполне осознавала бесперспективность карточной системы. И. В. Сталин, защищая торговлю как таковую от нападок со стороны сторонников нормированного распределения, подчеркнул: «Чтобы экономическая жизнь забила ключом, а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь одно условие – развернутый товарооборот между городом и деревней» [Сталин, т. 13, с. 341–342].

Карточная система отменялась поэтапно: с 1 января 1935 г. были отменены карточки на хлеб, муку и крупу, с октября 1935 г. было отменено нормирование по остальным продовольственным продуктам, а с начала 1936 г. – по промышленным товарам. Хлеб являлся основным продуктом питания в годы карточной системы, что делало отмену карточек символичной. Руководство стремилось отметить это событие большим всенародным праздником [см.: Осокина, с. 179].

Переход государственной торговой сети и потребкооперации Башкирии на режим открытой торговли произошел, но дефицит промтоваров и продуктов питания сохранился. В течение 1936 г. в обком партии из городов и районов республики стекались докладные записки, из которых следовало, что меры, направленные на увеличение выпечки хлеба, оказались недостаточными. Работники торговли вспомнили «старину» и вернулись к системе магазинов закрытого типа, т. е. таких, в которых формально хлеб продавался всем гражданам, а фактически услугами магазина могли воспользоваться только работники предприятия. Магазины открытого типа продолжали существовать, но хлеба в них становилось меньше, так как торговые точки, находящиеся на территории предприятий и строек, поглощали большую часть товаров [см.: НАРБ, ф. 122, оп. 17, д. 614, л. 100].

Некоторые организации вопреки директивам сохраняли собственные мощности хлебопечения, а хлеб в своей торговой сети продавали только сотрудникам. К примеру, 31 июля 1936 г. Наркомат внутренней торговли (НКВТ) Башкирской АССР принял постановление об упорядочении нормальной торговли печеным хлебом, мукой и крупой на спиртзаводах. С 1 августа Башспиртотрест был обязан прекратить производившуюся на спиртзаводах выпечку и продажу хлеба, а также реализацию муки через собственные ларьки. Башсоюз был обязан через систему своих райпотребсоюзов немедленно организовать бесперебойную продажу печеного хлеба, муки и крупы рабочим, служащим и членам их семей в ларьках райпотребсоюзов. Башспиртотрест со своей стороны был обязан передать пекарни и ларьки в ведение потребительской кооперации. Впредь продажа печеного хлеба, муки и крупы на территории спиртзаводов должна была производиться в том числе и прочему окрестному населению в порядке свободной торговли [см.: НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 307, л. 32].

Вместе с тем организовать свободную продажу промтоваров в республике оказалось также непросто. Государственная торговая сеть, несмотря на партийные директивы, продолжала работать на принципах нормированного распределения. Так, материалы обследования Белебеевского межрайторга свидетельствуют, что вопреки директиве НКВТ СССР, запрещавшей применение распределительных методов торговли, директор межрайторга Титов дал указание универмагам об отпуске мануфактуры и обуви по запискам и требованиям учреждений с визой директора магазина. Товары отпускали с базы межрайторга через завхоза Соколова. Только обуви было незаконно распределено на сумму 11 227 руб., которую сначала завозили во двор конторы торга и оттуда отпускали разным лицам по запискам. Кроме того, в течение июня и июля 1936 г. было распределено 8288 м мануфактуры на сумму 28 508 руб. За грубое нарушение политики советской торговли директора межрайторга Титова сняли с работы, а материалы проверки были переданы в прокуратуру для возбуждения уголовного дела [см.: Там же, л. 36].

Многие торговые организации в условиях свободной торговли столкнулись с финансовыми трудностями. Не смог избежать их и Уфимский пищеторг, которому принадлежала большая часть торговых точек Уфы, задействованных в реализации продуктов питания. Произведенная комиссией НКВТ проверка хозяйственно-финансового состояния Уфимского пищеторга установила в работе последнего ряд крупнейших недочетов

и наличие бесхозяйственности, что привело организацию к крайне напряженному финансовому положению. Рост розничного товарооборота во втором квартале 1936 г., перекрывший недовыполнение плана в первом квартале, произошел, главным образом, за счет конъюнктурного фактора. Усиление реализации муки и фуража произошло при одновременном снижении реализации по другим товарам (сахару – на 17 % и чаю – на 31 %). Торговля печеным хлебом происходила с большими перебоями, в результате реализация хлеба снизилась во втором квартале на 9,7 %, овощная торговля сократилась на 33 % [см.: НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 307, л. 52].

Высокий процент издержек обращения вызвал перерасход против плана по всем основным статьям. Так, перерасход по фонду заработной платы за второй квартал составил 47 250 руб., что стало следствием неправильного планирования фонда и большой текучести кадров. Отмечалась практика массовых списаний на убыль и порчу товаров сверх установленных норм, что привело к перерасходу еще 50 тыс. руб., также были зафиксированы громадные потери по таре в размере 60 тыс. руб. Произошел рост дебиторской задолженности на 34 тыс. руб. вместо предусмотренного планом снижения на 228 тыс. руб., что привело к иммобилизации оборотных средств в сумме 569 тыс. руб. [см.: Там же, л. 54].

Количество растрат и хищений в пищеторге за первое полугодие 1936 г. достигло 122 тыс. руб., что усугублялось отсутствием эффективной работы по взысканию долгов. Так, за первое полугодие удалось взыскать только 2 % долгов с растратчиков.

Директивы НКВТ СССР о переводе магазинов на хозрасчет также не были выполнены. По всей сети Уфимского пищеторга только два магазина были переведены на хозрасчет. При этом 34 % магазинов являлись убыточными, что наряду с высокими издержками обращения объяснялось низкими оборотами некоторых магазинов и киосков, недостаточной нагрузкой продавцов и бедным ассортиментом продуктов питания.

Помимо общих финансовых затруднений каждый магазин пищеторга в своей работе имел собственные недостатки. Приведем несколько примеров из материалов обследования магазинов Уфы за октябрь 1936 г. Так, в магазине № 47 при проверке ни заведующего, ни заместителя не было на месте. Товары имели неприглядный вид и были расположены неправильно. Например, хозяйственное и туалетное мыло, махорка хранились рядом с маслом и маргарином. Маргарин на выставке хранился в загрязненном виде, в разбитых блюдцах, а перетопленный маргарин не имел ценников. Масло было искрошено, покрыто рваной и грязной бумагой.

Ассортимент рыбы был неполным, присутствовал только один сорт [см.: НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 308, л. 12].

Магазин № 23 находился в антисанитарном состоянии, на стенах и полках была обнаружена грязь, продавцы работали в грязных халатах. Две витрины вообще были пустыми. Отпуск муки был неотработан – покупателям приходилось заходить за прилавок и в склад. Ассортимент булочных изделий был неполным. Продавцы работали крайне медленно, о чем свидетельствовали записи в книге жалоб. Кроме того, в магазине имелась испорченная колбаса, которая не была изъята из продажи [см.: Там же, д. 307, л. 16].

Следует отметить, что некоторые приоритеты внутренней политики не всегда соответствовали принципам свободной торговли. В Башкирию иногда поступали большие объемы дефицитной мануфактуры, но в государственную торговую сеть она не поступала. 20 октября 1936 г. местный НКВТ принял постановление по вопросу обеспечения республики красной мануфактурой для празднования годовщины Октября. В целях своевременного завоза и равномерного обеспечения районов и городов красной тканью для оформления колонн, предприятий и учреждений фонд красной ткани в 50 тыс. м был распределен по районным торгам. Большая часть этой ткани предназначалась городам: Уфа получила 30 тыс. м, Белорецк – 5 тыс. м, Стерлитамак – 2 тыс. м [см.: Там же, л. 46].

Торгующим организациям реализацию данного материала можно было производить только по указанию местных городских райторгов. Хлопкосбыт был обязан произвести отпуск красной ткани в первую очередь и немедленно по поступлении таковой. Из докладной записки о росте антисоветских настроений, поступившей в обком от ветеранов Приуральского сектора войск внутренней охраны Республики (ВОХР НКВД) в январе 1937 г., следовало, что «мануфактурные очереди» из нескольких сотен человек вызывают ропот и недовольство, особенно когда масса мануфактуры красного цвета расходовалась на украшение зданий и витрин [НАРБ, ф. 122, оп. 17, д. 614 л. 102].

Предполагалось, что в борьбе с недостатками в работе государственных торговых организаций важную роль сыграют стахановцы. С этой целью республиканский НКВТ 4 декабря 1936 г. принял постановление об инструкторах-стахановцах. С одной стороны, назначение некоторыми отделениями Башторга (в Белорецке, Иглино и Давлеканово) инструкторов по внедрению стахановских методов работы в магазинах и складах дало положительные результаты в повышении культуры советской тор-

говли. Значительно улучшилось их санитарное состояние, были ликвидированы перебои в торговле товарами повседневного спроса, в некоторых магазинах была введена в систему предварительная расфасовка товаров. С другой стороны, НКВТ отмечал, что дирекция Башторга и руководители его отделений на местах недооценивали значение работы инструкторов-стахановцев среди работников торговли. Так, из 17 отделений Башторга только в 7 назначили инструкторов-стахановцев. Белорецкое отделение, имея 87 торговых единиц, Уфпромторг – 55, Уфпищепром – более 200 торговых предприятий (магазины, лавки, ларьки), назначили в магазины только по одному инструктору, что совершенно не обеспечивало охват ими торговой сети.

Инструкторы-стахановцы свою работу в некоторых отделениях Башторга организовали нерационально. Например, инструктор Уфимского пищепрома Калсанов с июня по декабрь 1936 г. инструктировал только три магазина, причем в магазине № 1 он находился в качестве инструктора три месяца, а инструктор Иглинского отделения Тимошенко одновременно обслуживал 14 магазинов [см.: НАБР, ф. Р-976, оп. 1, д. 307, л. 36]. Директора отделений не смогли обеспечить инструкторов учебой и учебной литературой. В некоторых районных торгах инструкторы-стахановцы получали зарплату значительно ниже, чем получали, работая в качестве продавцов.

Каждому торгу указывалось конкретное число инструкторов-стахановцев, директора районных торгов должны были лично руководить работой инструкторов и создать для них надлежащие условия. Требовалось сохранить средний фактический заработок, который они получали до перевода на работу в качестве инструктора. Но поскольку средств на индивидуальную учебу зачастую не хватало, в некоторых отделениях Башторга ограничились тем, что каждому инструктору выписали газету «Советская торговля».

В начале зимы 1936 г. стали ощущаться последствия неурожая, который затронул большую часть районов Башкирии. У крестьян после выполнения плана хлебозаготовок хлеба почти не осталось, поэтому колхозники и единоличники были вынуждены приезжать в районные центры и города для покупки хлеба в государственных и кооперативных магазинах. Во многих городах и районах республики свободная продажа хлеба полностью прекратилась, так как были израсходованы месячные лимиты. У магазинов возникали огромные очереди из сотен человек, из-за чего дневная норма распродавалась за несколько часов. В ряде

районов большая часть магазинов перешла на закрытый режим работы. В этой связи НКВТ Башкирской АССР 5 декабря 1936 г. принял постановление «Об извращении постановления о свободной торговле мукой и печеным хлебом в Дюртюлинском и Туймазинском районах». НКВТ, не имея возможности исправить ситуацию экономическими методами, перешел к наложению взысканий. Во-первых, за допущение перебоев в хлебной торговле в с. Троицком и за непринятие своевременных мер по устранению перебоев заведующему Туймазинским райторгом Шакирову было объявлено предупреждение. Во-вторых, за допущение и санкционирование продажи муки по спискам и отдельным запискам заведующему Дюртюлинского райторга Шарипову был объявлен выговор. Кроме того, вынесено предупреждение, что при повторном распределении муки по спискам Шарипов будет снят с работы и привлечен к уголовной ответственности [см.: Там же, л. 25].

В то же время при остром дефиците муки и печеного хлеба в районах Башкирии буфеты при государственных и кооперативных учреждениях вели незаконную торговлю. Проверкой, произведенной инспектурой НКВТ, был выявлен ряд грубых нарушений в работе буфетов на территории Уфы. Так, буфет при Многопромсоюзе отпускал хлеб в неограниченном количестве, т. е. более 2 кг в одни руки всем желающим. Буфет хлебозавода отпускал хлеб только сотрудникам предприятия по спискам и значительно выше установленных норм (до 3–4 кг). Буфет при горсовете также отпускал хлеб только своим сотрудникам. Сбыт хлеба по спискам осуществлялся в буфетах при пищепроме, Башсоюзе и Наркомземе. Характерно, что даже в буфете при Уфимском райисполкоме хлеб отпускался только сотрудникам райисполкома. Заведующие буфетами, в которых были выявлены факты продажи хлеба в одни руки свыше 2 кг и нарушения цен, привлекались к уголовной ответственности, а на заведующих буфетами, торговавших по спискам сотрудников в закрытом режиме, было наложено административное взыскание.

Иначе вели торговлю буфеты при уфимских школах. Например, проверка НКВТ буфета при школе № 35 установила в бутербродах недовес масла по 12–17 грамм. Кроме того, буфет производил торговлю халвой так, что в порциях по 50 грамм был обнаружен недовес по 10 грамм. При проверке в 10 порциях по 50 грамм должно было быть 500 грамм, а фактически оказалось 400 грамм, т. е. недовес составил 20 %. Весы в школьном буфете были старыми коромысловыми, заржавленными, совершенно непригодными к работе. Вместо гирь советской маркировки применялись старые царские гири, а также камни и куски чугуна [см.: Там же, л. 20].

Дефицит в торговле промтоварами власти пытались в некоторой степени компенсировать за счет легализации работы скупочных пунктов. Однако обследования работы скупочных пунктов и рыночной торговли промтоварами и подержанными вещами с рук, вследствие недостаточного контроля со стороны горторга и дирекций базаров, выявляли множество серьезных недостатков.

В ходе обследования рынка Нижнеторговой площади 12 декабря 1936 г. было установлено, что лиц, торговавших промтоварами и подержанными вещами с рук, было более 3 тыс. человек. Выдача талонов производилась только из двух окон, в результате очередь за получением талонов превышала 200 человек. Контролеров за соблюдением цен на базаре было только два, а из общественности в контроле вообще никто не участвовал. Вследствие этого на базаре был настоящий расцвет спекуляции швейными изделиями, валяной обувью и калошами. Имевшийся скупочный пункт был совершено не готов к работе в зимнее время – в нем было очень холодно. На весь пункт имелось лишь два скупщика и один кассир, вследствие чего наблюдались очереди. В пункте были прейскуранты на хлопчатобумажные, шерстяные ткани, кожаную обувь и строительно-хозяйственные материалы, но работники пункта ими не пользовались, а покупку вещей производили «на глаз». В результате одни вещи скупались по заниженным, а другие по завышенным ценам, при этом квитанции гражданам не выдавались. Срок прохождения скупленных товаров от пункта до склада магазина составлял 2–3 дня. Была установлена задержка товаров на складе общей стоимостью 4–5 тыс. руб. Некоторые товары не выпускались в продажу с июля (самовары и швейные изделия), другие товары припрятывались (шали, дохи, отрезы сукна военного образца) [см. НАРБ, ф. Р-976, оп. 1, д. 311, л. 10]. После проверки было решено все залежалые товары немедленно оценить, отремонтировать и передать в магазины для реализации, а лиц, виновных в припрятывании ценных вещей, снять с работы.

Таким образом, принимаемые меры в условиях плановой экономики не помогли избавить государственную торговую сеть Башкирии от острого товарного дефицита. После отмены карточной системы в государственной торговле Башкирии сохранялось низкое предложение. С одной стороны, не хватало товарных фондов, не давали эффекта и попытки устранить недостаток товаров за счет промысловой кооперации и легализации работы скупочных пунктов. С другой стороны, доходы населения республики росли, следовательно, деньги не возвращались в государственный бюджет, лишь усиливая тем самым финансовые трудности. В итоге каче-

ство жизни населения Башкирии не улучшалось, а спрос на промтовары и продовольствие удовлетворялся далеко не в полном объеме. Низкая эффективность государственной торговли способствовала росту явных противоречий между социально-экономической реальностью Башкирии второй половины 1930-х гг. и официальной риторикой государства.

Дэвис Р. У., Хлевнюк О. В. Отмена карточной системы в СССР, 1934–1935 годы // Отеч. история. 1999. № 5. С. 87–108.

Корнилов Г. Е. Кризисы сельского хозяйства, голодовки и формирование системы продовольственной безопасности в России в первой половине XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2011. № 1. С. 391–406.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1997.

Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Соч. М., 1951. Т. 13. С. 282–379.

УДК 94(470.54).084.6:330.341

В. А. Шкерин

ПОЛИТИКА ПРОТИВ ЭКОНОМИКИ: РЕАЛИИ СТАЛИНСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СТАНОВЛЕНИЯ УРАЛЬСКОГО ТУРБИННОГО ЗАВОДА

В статье рассматривается реалистичность централизованного планирования в СССР на примере истории создания крупного государственного предприятия – Уральского турбинного завода в Свердловске (Екатеринбурге). Согласно изначальному плану завод намечалось построить в 1932–1936 гг. в качестве структурного подразделения гигантского электромашиностроительного комбината. Основной специализацией будущего завода должно было стать производство паротурбинных двигателей для малых судов военно-морского флота. В результате волюнтаристского завышения руководством страны заданий пятилетних планов, политических репрессий и ряда внешнеполитических факторов ранняя история промышленного предприятия пошла совсем по иному сценарию. Единый комбинат так и не был построен. Основная специализация уральского завода на стадии строительства сменилась на производство паровых турбин для теплоэлектроцентралей.

© Шкерин В. А., 2018

Ключевые слова: социалистическое планирование, пятилетки, индустриализация, энергомашиностроение, репрессии, 1930-е гг., И. В. Сталин, Свердловск, Урал, СССР.

Система централизованного планирования, при которой государство выступало организатором и руководителем производства и распределения всей продукции в стране, составляла основу советской экономики. Планирование трактовалось как объективная необходимость, обусловленная «общенародной собственностью на средства производства». «Социализм немыслим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов», – утверждал В. И. Ленин в 1918 г. [Ленин, т. 36, с. 300]. Ленинский постулат развивал И. В. Сталин в докладе XIV съезду ВКП(б) в 1925 г.: «Там, в капиталистических странах, господствует частный капитал, там ошибки отдельных капиталистических трестов, синдикатов, тех или иных групп капиталистов исправляются стихией рынка. Слишком много произведено – будет кризис, но потом, после кризиса, хозяйство придет в норму... Там мы видим кризисы хозяйственные, торговые, финансовые, задевающие отдельные группы капиталистов. У нас – другое дело. Каждая серьезная заминка в торговле, в производстве, каждый серьезный просчет в нашем хозяйстве кончается не тем или иным отдельным кризисом, а бьет по всему народному хозяйству... Поэтому от нас требуется особая осмотрительность и прозорливость при строительстве. Поэтому мы здесь должны руководить хозяйством в плановом порядке так, чтобы просчетов было меньше, чтобы наше руководство хозяйством было архипрозорливым, архипредусмотрительным, архибезошибочным» [Сталин, т. 7, с. 300–301]. Экономическое значение плановой системы в речах Сталина спаяно воедино со значением политическим – как решающего преимущества в конкурентной борьбе с миром капитала: «Мы работаем и строим в обстановке капиталистического окружения. Это значит, что наше хозяйство и наше строительство будут развиваться в противоречии, в столкновениях между системой нашего хозяйства и системой хозяйства капиталистического...» [Там же, с. 297].

Отмеченные Сталиным сложности ведения плановой экономики оппоненты советского государственного социализма считали проявлениями ее коренных фатальных пороков. Теоретики и пропагандисты экономического либерализма Л. фон Мизес и Ф. фон Хайек вскоре после победы

большевиков отмечали несоответствие техники централизованного планирования столь сложной и изменчивой системе, как национальная экономика, а также дефицит информации у планирующих «верхов» из-за сознательного ее искажения подчиненными. В дальнейшем (с 1928 г.), по мнению современного голландского экономиста М. Эллмана, развернулась массированная пропагандистская фальсификация макроэкономической статистики сверху, что еще более затруднило осуществление сколь-нибудь обоснованного планирования [см.: Ellman, p. 40–49].

Настоящая статья призвана рассмотреть реалистичность централизованного планирования на уровне крупного государственного предприятия – Уральского турбинного завода (УТЗ). При этом апеллировать мы намерены не к цифрам отчетов (которые опять же могут оказаться далеки от истины), а лишь к оценке конечного результата, т. е. что планировалось и что получилось в итоге.

Многоступенчатая реактивная паровая турбина была сконструирована британским инженером Чарльзом А. Парсонсом в середине 1880-х гг. В России первый такой двигатель мощностью 200 кВт был изготовлен Петербургским металлическим заводом в 1907 г. До 1913 г. предприятие выпустило 26 турбин с наибольшей мощностью в одном агрегате 1250 кВт. Война и Революция приостановили развитие молодой отрасли. Но уже в декабре 1921 г. советское правительство утвердило план электрификации России, разработанный комиссией Г. М. Кржижановского (план ГОЭЛРО), а еще через четыре года XIV съезд ВКП(б) объявил курс на социалистическую индустриализацию. Турбины мощностью 25 и 50 МВт производства Ленинградского (бывшего Петербургского) металлического завода уже не могли удовлетворить растущие потребности в электроэнергии. В 1929 г. началось строительство Харьковского турбогенераторного завода (ХТГЗ), первая турбина которого, мощностью 50 МВт, сошла с испытательного стенда в 1935 г. [см.: Харьковский..., с. 9–87].

В 1930 г. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) поручил Всесоюзному электротехническому объединению провести проектно-изыскательские работы для определения мест возведения сразу нескольких предприятий электромашиностроительной отрасли. Одним из ключевых предложений подготовленной через год записки стало строительство комбината «Уралэлектромаш» (УЭМК) на северной окраине Свердловска. Планировалось, что комбинат, объединив «на основе максимальной механизации и дифференциации производственных процессов пять основных заводов и девять заготовительных и обслуживающих», наладит выпуск всей номенклатуры электрооборудования: от турбин, генераторов

и трансформаторов до кабелей, изоляторов и проводов. Под площадку будущего промышленного гиганта отвели территорию от озера Шарташ до пос. Медный Рудник (с 1946 г. – г. Верхняя Пышма). Одним из основных подразделений комбината должен был стать турбогенераторный завод с комплексным выпуском паровых турбин, генераторов и водоподготовительных устройств [см.: Ефимова, Ардашева, с. 14].

В 1931 г. в Ленинграде появилась проектная контора «Уралэлектромашина». Ее ленинградская прописка объяснялась тем, что только в этом городе имелись инженерные кадры нужной квалификации. Кандидатуру начальника конторы подбирали по иным критериям. В 1917 г. эсер с 10-летним стажем Александр Павлович Альпов перешел в партию большевиков. С 1918 г. он состоял на службе в ВЧК, ГПУ и ОГПУ, занимая высокие посты на Юге России и Дальнем Востоке. Лишь в феврале 1926 г. Альпов был переведен на хозяйственную работу [см.: Шестернина, с. 111–114; Энциклопедия..., с. 429]. Основатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский совмещал посты председателя ВСНХ и ОГПУ СССР вплоть до своей кончины в июле 1926 г., обеспечивая кадровое родство управленческих структур народного хозяйства и госбезопасности. Ответственный работник ВСНХ инженер-энергетик Ж. Л. Танер-Таненбаум вспоминал: «Кадры хозяйственников комплектовались из состава демобилизованных кадров Красной Армии, из бывших работников ВЧК и ОГПУ, из работников всевозможных советских аппаратов эпохи гражданской войны и интервенции. Это были закаленные в боях работники, но только небольшая часть их соприкасалась в дореволюционное время с промышленностью» [Танер-Таненбаум, с. 239].

В июне 1932 г. Совет труда и обороны при Совете народных комиссаров СССР утвердил сроки строительства УЭМК: машиностроительное и аппаратное производства должны вступить в строй до конца 1934 г., турбогенераторное и трансформаторное производства – к 1936 г. Начальником стройки назначили Альпова. На новом месте могли пригодиться и навыки его прежней службы: среди инженеров были осужденные по отраслевому делу Промпартии Г. В. Гельцер и Д. П. Фридман. Оба были приговорены к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, однако в условиях острой нехватки инженерных кадров лагерный срок им заменили административной ссылкой на стройки социализма [см.: Терехов, с. 220, 226].

Уралобком ВКП(б) мобилизовал коммунистов и комсомольцев на субботники для вырубки леса и расчистки площадки по 1 тыс. человек единовременно. Вскоре в Свердловске была получена резолюция Нарко-

мата тяжелой промышленности СССР о том, что «надобность в комбинате электрического машиностроения отпала». Казалось бы, тут и конец едва начавшейся истории. Но в марте 1933 г. для УЭМК неожиданно нашлись 10 млн руб. В июле того же года Альпова перевели начальником на другой ответственный участок – в Уралалюминстрой. Еще через год, догнав и перегнав плановые показатели, первая очередь комбината – аппаратный завод – был пущен в опытно-промышленную эксплуатацию [см.: Ефимова, Ардашева, с. 15–16].

Как такие повороты оказались возможны при плановом хозяйстве? Уже в период первой пятилетки (1929–1932) выяснилось, что планированию поддается далеко не все. В 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) И. В. Сталин призвал к индустриальному прорыву и потребовал кратно увеличить пятилетние задания. Только на Урале в это время возводились Магнитогорский металлургический комбинат, Уральский завод тяжелого машиностроения в Свердловске, Челябинский тракторный завод, никелевый завод в Верхнем Уфалее, Соликамский калийный комбинат, Уральский вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле и иные индустриальные гиганты – крупнейшие в стране, а часто и в мире. Выполнение сталинского требования разогнало денежную эмиссию, что, в свою очередь, привело к росту цен и дефициту потребительских товаров. Какими-то масштабными проектами нужно было пожертвовать, и, очевидно, новый проект УЭМК попал в их число.

Внезапное возобновление строительства также, вероятно, было вызвано причинами не экономического, а более политического характера. Как раз в марте 1933 г. ОГПУ огласило через прессу, что «расследованием ряда неожиданных и последовательно повторяющихся аварий, происшедших за последнее время на крупных электростанциях (Московской, Челябинской, Зуевской, Златоустовской), установлено, что аварии эти являются результатом вредительской деятельности группы преступных элементов из числа государственных служащих в системе Наркомата тяжелой промышленности, поставившей себе целью разрушение электростанций СССР (диверсионная деятельность) и вывод из строя обслуживаемых этими электростанциями государственных заводов», а также, что «в деятельности этой вредительской группы принимали активное участие некоторые служащие английской фирмы “Метро-Виккерс”, работающие в СССР на основании договора с этой фирмой о технической помощи предприятиям электропромышленности СССР…» [цит. по: Ковалев, с. 124].

Компания Metropolitan-Vickers входила в число крупнейших мировых производителей и экспортеров электротехнического оборудования. Турбины, произведенные на ее предприятиях, отлично зарекомендовали себя в Ливерпуле и Трансваале, в Белфасте и Гонконге [см.: Dummelow, p. 141–142, 145]. Сотрудничество с этой компанией внесло весомый вклад и в осуществление плана ГОЭЛРО. К тому же Metrovicks была связана родственными узами с инженерно-промышленным концерном Vickers-Armstrongs Ltd., поставлявшим в СССР образцы новейшего вооружения [см.: Загорулько, Булатов, Косторниченко, с. 166–344]. Казалось бы, с такими партнерами нет резона ссориться, но у кампаний по выявлению внутренних врагов и иностранных агентов своя логика. Советский посол в Великобритании И. М. Майский вспоминал: «12 марта 1933 г. в Москве были арестованы по обвинению в саботаже электрического оборудования около 30 служащих британской фирмы “Метрополитен-Виккерс”... В числе арестованных оказалось 8 английских инженеров. Это вызвало в Англии политическую бурю» [Майский, с. 101]. В секретных письмах наркому иностранных дел М. М. Литвинову за март-апрель того же года Майский просил, «чтобы приговор суда был, по возможности, не слишком суров», поскольку эти события «в чрезвычайной степени накалили политическую атмосферу» [Политбюро и «вредители», с. 463, 465–466]. Британия в одностороннем порядке прервала торговые переговоры с СССР. В апреле в Москве состоялся суд. Двое королевских подданных были осуждены, прочие высланы из страны. Британское правительство наложило эмбарго на советский импорт. Советское руководство объявило контрэмбарго. Разгоревшуюся торговую войну удалось потушить взаимными дипломатическими усилиями только в июле.

На фоне международного скандала, едва не лишившего СССР поставок иностранного электротехнического оборудования, а также арестов инженеров и руководителей немудрено было попасть под обвинение в саботаже возведения электромашиностроительного комбината. Тем более что председатель Главэнерго Кржижановский еще в 1930 г. предупреждал, что вредительство в энергетике выражается прежде всего в тактике омертвения капитала, в затягивании строительства и распылении и без того скудных средств [см.: Кржижановский].

Несмотря на все усилия, о турбогенераторном и трансформаторном производствах на УЭМК к началу планового 1936 г. не могло быть и речи. Лишь 8 июня 1937 г. нарком тяжелой промышленности В. И. Межлаук подписал приказ № 507 «О строительстве Уральского турбинного завода». Под грифом «Не подлежит оглашению» следовали пункты:

«1. Для руководства строительством и эксплуатацией Уральского турбинного завода и Уралэлектромашины организовать строительно-монтажное Управление по строительству и эксплуатации этих заводов под наименованием “Уралтурбоэльмашстрой” с подчинением Главному Управлению энергетической промышленности; 2. Начальником строительства Уралтурбоэльмашстроя назначить начальника строительства Уралэлектромашины тов. Пронь И. М., главным инженером т. Гельцер Г. В.» [Приказ..., 1937].

Вскоре если не сам документ, то названные в нем фамилии зазвучали крамолой. Лишь в феврале 1937 г. Валерий Иванович Межлаук («крупнейший экономист и организатор», по характеристике Н. С. Хрущева [Хрущев, кн. 1, с. 101]), принял пост наркома после неожиданной смерти Г. К. Орджоникидзе и уже в августе сдал его Л. М. Кагановичу. В декабре Межлаук был арестован, обвинен в связях с германской разведкой и в руководстве латышским подпольем, в июле 1938 г. расстрелян. Выпускник Института красной профессуры Иван Михайлович Пронь (Панасенко) был обвинен в организации «контрреволюционной троцкистской группы» и приговорен к расстрелу решением закрытого заседания Военной коллегии Верховного суда СССР от 15 января 1938 г. [см.: Терехов, с. 219–220]. Однако еще 13 ноября 1937 г. начальник 8-го отдела Главного управления госбезопасности НКВД старший майор В. Е. Цесарский отправил в Москву список из 71 фамилии руководящих работников Свердловской области (Пронь стоял в нем под № 48), подлежавших суду по первой категории (т. е. расстрелу). Список был утвержден И. В. Сталиным, В. М. Молотовым, Л. М. Кагановичем и К. Е. Ворошиловым [см.: Сталинские списки]. Такова была обычная практика: за 1937–1938 гг. узкий круг высших руководителей утвердил 383 расстрельных списка примерно на 40 тыс. человек [см.: Хлевнюк, с. 321, 340]. Помимо Проня по делу о «троцкистской группе» проходили еще 11 заводчан, в том числе и Георгий Васильевич (Вильгельмович) Гельцер. Для поволжского немца, получившего техническое образование в Саксонии и уже осужденного по делу Промпартии, повторный арест закончился приговором Комиссии НКВД от 16 января 1938 г. и расстрелом 31 числа того же месяца [см.: Терехов, с. 220].

Прибывший на УТЗ в ноябре 1937 г. инженер Михаил Михайлович Ковалевский (будущий основоположник газотурбостроения на Урале) вспоминал, как на его вопрос о турбинном заводе случайный попутчик ответил: «Пока нет такого: еще не весь лес вырубили, сейчас пни корчуют» [Ковалевский, л. 3]. УЭМК представлял собой тогда администра-

тивный корпус с примыкавшими к нему тремя пролетами действующего цеха. Рядом возводили еще четыре пролета, два из которых предназначались для турбинного производства. Пока же турбинисты ютились в нескольких комнатах антресольного этажа заводоуправления. Костяк их составляли недавние харьковчане: главный инженер по турбиностроению Н. В. Балдуев (руководивший строительством ХТГЗ, а после работавший там же главным механиком), руководитель конструкторского бюро Н. М. Молошный (бывший начальник монтажного отдела ХТГЗ) и др. В 1938 г. сбор инженерных кадров на УТЗ продолжился, а география их призыва расширилась: Ковалевский пригласил товарища по работе на Новороссийской электростанции инженера-конструктора В. И. Брюно, из Ленинграда прибыл инженер-технолог А. Г. Леонов, появились местные кадры – В. Ф. Янченко, К. И. Палкин и др. Приезжали и харьковчане, в их числе инженер-конструктор Г. А. Кнабе, бывший заместитель начальника сборочного цеха ХТГЗ [см.: Георгий Анатольевич Кнабе].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 октября 1938 г. из западных районов Свердловской области была образована новая область – Пермская [см.: Сборник..., с. 39]. Днем ранее постановлением Экономического совета при Совнаркоме СССР Уралтурбоэльмаш был разделен на два предприятия: УТЗ и Уральский электро-аппарато-строительный завод. Как провести деление, когда турбинисты, не имея площадей, продолжали работать в помещениях Уралэлектроаппарата, было непонятно. К тому же продолжался процесс дробления могущественного детища Орджоникидзе – Наркомтяжпрома. Еще в августе 1937 г. из его состава был выделен Наркомат машиностроения, которым менее двух месяцев до своего ареста руководил Межлаук. А 24 января 1939 г. Наркомтяжпром был разделен на шесть самостоятельных наркоматов. УТЗ и Уралэлектроаппарат отошли в ведение Наркомата электростанций и электропромышленности.

Проходивший в марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) постановил: «Построить в течение третьей пятилетки и ввести в действие 4 завода паровых турбин, в том числе заводы в районах Свердловска, Уфы, Новосибирска и Калуги» [XVIII съезд..., с. 660]. Наркомэлектропром отвел УТЗ и Уралэлектроаппарату всего 10 дней, чтобы окончательно поделить между собой оборудование, материалы и финансы. Эта задача была возложена на комиссию, в состав которой вошли руководители обоих предприятий [см.: Приказ..., 1939]. Временно исполняющим обязанности директора УТЗ тогда же был назначен прибывший из Харькова инженер-технолог Леонид Яковлевич Бендиков, о котором Ковалевский писал: «Это был довольно культурный человек лет сорока пяти, вдумчивый, не-

многословный. Держался “временщиком”, избегая активных действий, стоя как-то в стороне от жизни руководимого им предприятия. А дела, особенно на строительстве, шли вяло, отставая от новых директив» [Ковалевский, л. 14]. В первом номере заводской многотиражки «За турбину», вышедшем 11 августа 1939 г., отмечалось: «По плану строительство главного корпуса завода должно быть окончено в сентябре месяце. На деле эти сроки срываются. График, составленный на август, не выполняется, не хватает строительного материала» [Мотылев, с. 1]. В очередной раз планы пришлось корректировать.

В 1940 г. в еще недостроенных цехах УТЗ был разработан первый агрегат собственной конструкции: судовой турбопитательный насос ТНО-120-40. За основу был взят ленинградский проект, однако проектно-конструкторские разработки уральских инженеров позволили сделать насос более компактным и с лучшими эксплуатационными характеристиками. Вопреки скепсису коллег с ХТГЗ, проводивших экспертизу проекта, насос успешно прошел испытания паром от заводской котельной. Главкотлотурбопром включил изготовление 40 таких агрегатов в производственный план УТЗ на 1941 г. [см.: Ефимова, Ардашева, с. 33–35; Ковалевский, л. 24].

В 1940 г. директором УТЗ стал Иван Иванович Лисин, которого заводчане признали не «временщиком», а подлинным руководителем производства. Это был уроженец Рязанской губернии, участник мировой и гражданской войн, член ВКП(б) с 1918 г. В 1937 г. он, имея неоконченное высшее образование, возглавил ХТГЗ. При нем была изготовлена вторая харьковская турбина мощностью в 100 МВт для Зуевской ГРЭС. Буквально за день до того, как турбина сошла с заводского стенда, 25 июля 1938 г., Лисин был арестован как участник правотроцкистского террористического центра. Спустя год, 22 июля 1939 г., трибунал Харьковского военного округа вынес ему оправдательный приговор [см.: База данных...].

Подобные же превратности судьбы испытал в то время и первостроитель УЭМК А. П. Альпов. С ноября 1937 г. почти два года начальник строительства Уральского алюминиевого завода содержался в следственном изоляторе по подозрению в руководстве правотроцкистской организацией. Судебное заседание 1 октября 1939 г. вынесло ему и еще пятерым обвиняемым оправдательные приговоры [см.: Терехов, с. 224–230]. Совпадение этих судеб не случайно. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. завершило период Большого террора. За это время были расстреляны 681 692 чел. (в 1937 г. – 353 074, в 1938 г. – 328 618) [см.: Земсков,

с. 305; Мозохин, с. 164, 168], считая же умерших в ГУЛАГе, людские потери превысили 1 млн [см.: Исупов, с. 118]. В 1939–1940 гг. из мест заключения вышли от 100 до 150 тыс. чел. (возможно, и более), многие из тех, кто был арестован, но не осужден до 17 ноября 1938 г. [см.: Петров, с. 29]. Лисин и Альпов – в их числе.

С завершением Большого террора и заменой Н. И. Ежова на посту наркома внутренних дел Л. П. Берией репрессии были значительно ослаблены, но не прекращены (в 1939 г. к высшей мере наказания приговорены 2601 чел. [см.: Мозохин, с. 172]). В Харькове, где Лисин являл собой живой пример «перегибов» в работе местных чекистов, оставаться ему было небезопасно. Свердловск также не обещал легкой жизни. Строившийся УТЗ имел репутацию проблемного предприятия, состояние дел на нем стало предметом обсуждения в ЦК ВКП(б) и Совнаркоме 17 декабря 1939 г. Первым делом новый директор перезаключил договоры с подрядными строительными организациями, утвердив обязательную сдачу половины производственных мощностей в 1940 г. Семипролетную часть главного корпуса («семипролетку») должны были сдать под монтаж оборудования к 1 марта, с тем чтобы в июле приступить к сборке первой турбины. В феврале 1940 г. оговоренные сроки были закреплены совместным приказом глав Наркомстроя и Наркомэлектро [см.: Приказ..., 16/19 февр. 1940]. Инженеры и рабочие УТЗ приняли обязательство отработать на стройке по 20 час. в месяц. Заработанные средства перечислялись на счет Международной организации помощи борцам революции, поддерживавшей заключенных в капиталистических странах [см.: Ефимова, Ардашева, с. 44–45].

Примерно в одно время с Лисиным прибыл на УТЗ новый главный инженер Владимир Авксентьевич Березнюк. В Харькове он начинал свою карьеру в отделе Молошного, но начальник был беспартийным, а подчиненный – коммунистом, и вскоре они поменялись ролями. Ковалевский так характеризовал Березнюка: «Он шел в гору стремительно: рядовой инженер ХТГЗ, через три года – начальник монтажного отдела, где сменил Молошного. И вот – главный инженер УТЗ, в той, может быть, наиболее сложной стадии становления, подготовки и начала деятельности, когда особенно важно “угадать тон”, правильно расставить людей, уметь предвидеть будущее. <…> Березнюк был очень энергичным, деятельным, преданным делу человеком, средним организатором, но не крупного масштаба, излишне суетливым, любил или позволял себе вмешиваться в действия подчиненных, не доверяя никому, даже Кнабе! А ведь уметь доверять и знать, кому можно доверять, – важное свойство крупных настоящих руководителей» [Ковалевский, л. 25, 26].

Изначально планировалось, что УТЗ будет выпускать турбозубчатые агрегаты для кораблей военно-морского флота. Однако жизнь внесла изменения и в этот расклад. Советские кораблестроительные программы 1926, 1929 и 1933 гг. базировались на теории Малого флота: строились преимущественно подводные лодки и торпедные катера, меньше – крейсера и миноносцы и совсем не строились линкоры. В 1936 г. в Испании началась гражданская война между республиканцами (опиравшимися на помощь СССР, Франции и Мексики) и сторонниками генерала Франко (поддержанными Германией, Италией и Португалией). Вскоре Советский Союз оказался вынужден прекратить помощь республиканцам с моря, поскольку его тихоходные линкоры и устаревшие крейсера не могли противостоять новейшим германским и итальянским судам. В 1939 г. в СССР был принят «Десятилетний план строительства кораблей ВМФ», в основу которого легла противоположная концепция Большого флота: строительство 15 линкоров и т. д. [см.: Краснов, с. 11]. И поскольку время было упущено, производством судовых турбозубчатых агрегатов занялись и Кировский завод в Ленинграде[1], и ХТГЗ, и судостроительные заводы в Николаеве, Молотовске (Северодвинске) и Комсомольске-на-Амуре. Когда же народному хозяйству потребовалась очередная турбина ОКО-120, выяснилось, что Кировский завод, переключившийся на работу для нужд ВМФ, турбогенераторы средней мощности более не выпускает. По личной просьбе Сталина кировцы пошли на «трудовой подвиг» и создали еще одну турбину. Тогда-то и было решено переориентировать запоздавший с началом производства корабельных агрегатов УТЗ на выпуск теплофикационных турбин ОКО-120 мощностью 12 МВт [см.: Ковалевский, л. 27–28].

Кировский завод приобрел лицензию на производство турбин ОКО-120 у той же компании Metrovicks. Подобные турбины в мире выпускались сотнями, их конструкция и технология производства были отработаны до мелочей. Предполагалось, что на УТЗ просто повторят британские инженерные решения. Однако ни высокоточными станками, ни качест-

[1] Еще в 1913 г. построенный на Путиловском (будущем Кировском) заводе эсминец «Новик» превысил на ходовых испытаниях скорость в 37 узлов, установив тем самым новый мировой рекорд. Котлотурбинная установка этого корабля была изготовлена германской фирмой A. G. Vulcan. При запуске серийного строительства эскадренных миноносцев типа «Новик» и в условиях начавшейся войны с Германией производство паротурбинных двигателей было перенесено в Россию [см.: Верстюк, Гордеев, с. 7–8; Чернышов, с. 7–11, 61–69].

венным инструментом, ни кадрами соответствующей квалификации строившийся завод не располагал, а отказаться от выполнения нежданного задания не имел возможности. И вновь конструкторы УТЗ (как и в случае с турбопитательным насосом) подошли к заданию творчески: постарались совместить проект ОКО-120 с возможностями предприятия. Риск был велик: в случае аварии обломки бешено вращавшегося ротора могли разрушить теплоэлектроцентраль (ТЭЦ). Перечерчивали чертежи, вникали во все мелочи конструкции, старались понять логику чужих решений. Посещали ТЭЦ, оснащенные ОКО-120, беседовали с эксплуатационниками, выслушивали их жалобы и предложения. В итоге сумели упростить конструкцию машины [см.: Ефимова, Ардашева, с. 36–38]. Внесенные уральцами изменения были закреплены переименованием турбины из ОКО-120 в АТ-12-1.

«Одновременно со строительством в конструкторском отделе велось проектирование первой на Урале паровой турбины типа АТ-12-1, – писал А. А. Пушкарев, директор УТЗ в 1950–1960-е гг. – Эту работу возглавляли главный конструктор Н. М. Молошный, его заместитель М. М. Ковалевский и главный технолог Г. А. Кнабе» [Пушкарев, с. 4]. В реальности все было драматичнее. По свидетельству Ковалевского, новая встреча Молошного и Березнюка к примирению не привела. Напротив: на стадии перевыпуска чертежей из-за какого-то пустяка вспыхнул конфликт, и Молошного на посту главного конструктора сменил инженер М. В. Ферштер. «Молошный стал заместителем – “привилегия беспартийных”, – писал мемуарист, очевидно также намекая на беспартийность свою и Кнабе, – но к нему, а не к Ферштеру по-прежнему обращалось большинство с вопросами». Ковалевский признавал за Ферштером «немалые конструкторские способности», но указывал, что проявились они уже после 1945 г. В период работы над первой турбиной партийный, но молодой специалист к ответственной должности не был готов [см.: Ковалевский, л. 29–30]. Потому заводчане его в этой роли и не запомнили.

Что же касается сроков строительства УТЗ, то они вновь оказались сорваны. В октябре 1940 г. этот печальный факт констатировали нарком по строительству С. З. Гинзбург и нарком электропромышленности В. В. Богатырев, установившие очередной график сдачи объектов: «семипролетки» – к декабрю 1940 г., трехпролетной части главного корпуса – к январю 1941 г., высотной части того же корпуса – к середине мая 1941 г. [см.: Приказ..., 29/30 окт. 1940]. 26 декабря 1940 г. невыполнение наркоматами постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 декабря 1939 г. об обеспечении в 1940 г. ввода УТЗ в действие на половинную мощность

отметил Экономический совет при СНК СССР [см.: Приказ..., 1941]. Лишь в ноябре 1940 г. турбинисты полностью «разъехались» с Уралэлектроаппаратом. Строительно-монтажные работы еще продолжались и в «семипролетке», и во вспомогательных цехах: котельно-сварочном, термическом, инструментальном. Но в целом год был завершен с перевыполнением плана по товарной продукции.

Приближалось время, когда порядка 5 тыс. деталей и 120 узлов предстояло собрать в единый механизм турбины АТ-12-1. Из Харькова удалось переманить около 30 турбинистов-сборщиков во главе с начальником сборочного цеха ХТГЗ А. Н. Касьяновым. Монтажом испытательного стенда руководил инженер Брюно. Технолог Кнабе оставался в «семипролетке» круглосуточно, ночуя в припаркованном здесь же автомобиле. «Работая заместителем начальника механосборочного цеха, я наблюдал, что основной костяк коллектива завода с большой любовью и гордостью осваивал как изготовление турбинных деталей, так и сборку узлов самой турбины, – вспоминал Касьянов. – Бедность в станковом оборудовании давала себя чувствовать. И только большое мастерство отдельных членов коллектива способствовало выполнению сложных операций не на специализированных станках» [цит. по: Ведерникова, с. 5].

На праздничной демонстрации 1 мая 1941 г. колонна УТЗ несла по центральному проспекту Свердловска макет будущей турбины. Неделей позже сама турбина была закрыта панцирем обшивки. Инженер-конструктор Ф. Г. Турунтаев вспоминал:

> «15 мая. Все механизмы стенда опробованы, проверены. В турбину можно подавать пар. Но надо ждать утра, когда соберется весь коллектив, все рабочие завода, придут гости из руководящих городских организаций: как-никак это первая уральская турбина. Видно, что волнуются все. У каждого одна мысль: “Все проверено, все готово, а вдруг?..” И кто-то предлагает, высказывая мысль всех:
>
> – А, может, попробуем… для себя?
>
> Докладываю присутствующим о готовности турбины к пуску. Главный инженер (Березнюк. – *В. Ш.*) дает распоряжение пустить турбину. Не без волнения подошел я к штурвалу стопорного клапана. И через несколько мгновений ротор первой уральской турбины начал вращаться» [цит. по: Агеев, Бриль, Гинцель, Лефтон, с. 162].

17 мая вышел экстренный выпуск газеты «За турбину». Почти треть первой полосы занимал портрет советского лидера: «Выпуская первую уральскую турбину, мы от души благодарим вождя и учителя великого и мудрого Сталина, вооружившего нас первоклассной техникой». Ниже приво-

дился текст телеграммы-молнии: «Москва, Народному комиссару электропромышленности товарищу Богатыреву. Копия Главтурбина, товарищу Кацинскому. Первая уральская турбина АТ-12 шестнадцатого, в 3 часа утра, запущена для парового испытания. В 6 часов утра обороты 3 000. Все в порядке, испытание продолжается. Директор Уралтурбозавода Лисин».

После успешных испытаний турбину разобрали на отдельные узлы, которые грузили на заведенные в «семипролетку» железнодорожные платформы и поэтапно отправляли в Ижевск на ТЭЦ оружейного завода. Там АТ-12-1 предстояло отработать последующие 48 лет, а уже в ближайшие (военные) годы обеспечить электроэнергией резкое увеличение выпуска стрелкового оружия. Снятием узлов с испытательного стенда руководил Валерий Ипполитович Брюно, дед которого – бельгийский инженер И. Ф. Брюно – служил на Ижевском заводе с 1861 г. [см.: Родионов, с. 77]. Успешное завершение большого ответственного дела и, по сути, подлинное рождение турбинного завода решили отметить в ближайшее воскресенье массовым гулянием на лесной окраине заводского поселка. Воскресенье выпало на 22 июня 1941 г. [см.: Ефимова, Ардашева, с. 58–66].

За десятилетие план возведения энергомашиностроительного предприятия в Свердловске изменился до неузнаваемости. Грандиозный замысел УЭМК вылился в создание двух соседствующих, но самостоятельных предприятий – Уралэлектроаппарата (ныне Уралэлектротяжмаш) и Уральского турбинного завода. Сроки ввода в строй УТЗ неоднократно срывались и переносились, первая турбина была изготовлена на пять лет позже запланированного срока. В ходе строительства поменялась специализация предприятия – с выпуска паротурбинных двигателей для малых военно-морских судов на оснащение ТЭЦ. Не способствовала ритмичной работе и частая смена руководящих кадров.

Разумеется, было бы неверно распространять выводы о работе одного предприятия на всю плановую экономику. Однако здесь зависимость обратная: практически все сбои в работе обусловлены не внутризаводскими причинами, а внешними, преимущественно политическими факторами: сталинским волюнтаризмом, просчетами в кораблестроительных программах, логикой усиления-ослабления репрессий. Репрессии не только лишали завод опытных руководящих кадров, но и оставшихся побуждали избегать принятия ответственных решений.

Агеев С. С., *Бриль Ю. Г.*, *Гинцель Л. И.*, *Лефтон О. Л.* Орджоникидзевский район: 75 лет. Екатеринбург, 2010.

База данных о жертвах репрессий Харьковской обл. (Украина) [Электронный ресурс]. URL: http://lists.memo.ru/d20/f209.htm (дата обращения: 01.01.2018).

Ведерникова О. Первая турбина УТЗ // Знамя : газ. ЗАО «Уральский турбинный завод». 2013. 26 марта.

Верстюк А. Н., *Гордеев С. Ю.* Корабли минных дивизий: От «Новика» до «Гогланда». М., 2006.

XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. : стеногр. отчет. М., 1939.

Георгий Анатольевич Кнабе: К 100-летию со дня рождения // Політехнік : газ. Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут». 2004. 30 нояб. С. 26–27.

Ефимова Т. И., *Ардашева М. А.* Турбомоторный: дела и судьбы. Свердловск, 1988.

Загорулько М. М., *Булатов В. В.*, *Косторниченко В. Н.* «Виккерс» в России : материалы для разработки проблематики иностранного капитала и государственно-частного партнерства в военной, нефтяной и электротехнической отраслях промышленности России и СССР. Волгоград, 2012.

Земсков В. Н. Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы) // Тр. Ин-та российской истории РАН. 2012. № 10. С. 303–318.

Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века : ист.-демогр. очерки. Новосибирск, 2000.

Ковалев В. Московские процессы // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский. М., 1992. С. 101–224.

Ковалевский М. М. Я помню... Штрихи к истории Турбомоторного завода: Люди, дела, судьбы. Екатеринбург, 1994. Машинопись // Арх. Музея ЗАО «УТЗ».

Краснов В. Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны. М., 2005.

Кржижановский Г. М. Вредительство в энергетике : докл. на заседании секции техники Комакадемии 19/XI 1930 г. // План. хоз-во. 1930. № 10–11. С. 5–26.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 36.

Майский И. М. Люди. События. Факты. М., 1973.

Мозохин О. Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918–1953 гг.). М., 2016.

Мотылев. Больше внимания главному корпусу // За турбину : орган партбюро, завкома и дирекции Уральского турбинного завода. 1939. 11 авг.

Петров Н. В. Палачи. Они выполняли заказы Сталина. М., 2011.

Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с вредительством на объектах промышленности : сб. документов / под общ. ред. О. Б. Мозохина. М., 2014. Т. 2.

Приказ Народного комиссара по строительству и Народного комиссара электростанций и электропромышленности № 70/41 от 16/19 февр. 1940 г. : копия // Арх. Музея ЗАО «УТЗ».

Приказ Народного комиссара по строительству и Народного комиссара электростанций и электропромышленности № 255Н/182 от 29/30 окт. 1940 г. : копия // Арх. Музея ЗАО «УТЗ».

Приказ Народного комиссара по строительству и Народного комиссара электростанций и электропромышленности № 13Н/12 от 10/13 января 1941 г. : копия // Арх. Музея ЗАО «УТЗ».

Приказ Народного комиссариата электростанций и электропромышленности № 103 от 29 марта 1939 г. : копия // Арх. Музея ЗАО «УТЗ».

Приказ по Народному комиссариату тяжелой промышленности № 507 от 8 июня 1937 г. «О строительстве Уральского турбинного завода» : копия // Арх. Музея ЗАО «УТЗ» (Екатеринбург).

Пушкарев А. А. Шаги роста // Строители турбин и дизелей. Свердловск, 1965. С. 3–12.

Родионов Н. А. Иностранный компонент трудовых ресурсов индустриального производства Приуралья в XIX – начале XX в. // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра : материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2010. С. 74–78.

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР : 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. М., 1956.

Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 7.

Сталинские списки [Электронный ресурс]. URL: http://stalin.memo.ru/spiski/pg04239.htm (дата обращения: 15.01.2018). Оригинал: АП РФ. Оп. 24. Д. 412. Л. 237, 239.

Танер-Таненбаум Ж. Л. Двенадцать лет назад // О Ф. Э. Дзержинском : Воспоминания, статьи, очерки современников. М., 1977. С. 231–240.

Терехов В. С. Рекруты великой идеи: Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург, 2003.

Харьковский турбинный завод имени С. М. Кирова : очерк. Харьков, 1971.

Хлевнюк О. В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть : Воспоминания : в 4 кн. М., 1999. Кн. 1.

Чернышов А. А. «Новики»: Лучшие эсминцы Российского Императорского флота. М., 2007.

Шестернина Н. Г. Каменск. 1917–1950-е годы: Книга Памяти. Каменск-Уральский, 2006. Т. 1.

Энциклопедия секретных служб России / авт.-сост. А. И. Колпакиди. М., 2004.

Dummelow J. Metropolitan-Vickers Electrical Co. Ltd. 1899–1949. Manchester, 1949.

Ellman M. Socialist Planing. 3ed. Cambrige et al., 2014.

УДК 94(47).082:929

С. О. Никиташина

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МУШКЕТОВ: СЕМЬЯ И ГОДЫ УЧЕБЫ В ГИМНАЗИИ

В статье рассматриваются детские и юношеские годы Дмитрия Ивановича Мушкетова, выдающегося ученого-геолога СССР, будущего ректора Горного института (1918–1926). Приводятся сведения о его семье и горной династии Иосс, к которой он принадлежал по матери, о его учебе в гимназии при Санкт-Петербургском историко-филологическом институте, круге чтения и т. д.

Ключевые слова: Д. И. Мушкетов, семья, детство, Мушкетовы, Иоссы, горные династии, учеба в гимназии Санкт-Петербургского историко-филологического института.

Дмитрий Иванович Мушкетов – всемирно известный геолог, выдающийся ученый, выпускник Горного института (1907), доктор геолого-минералогических наук (1936). После окончания института работал в нем ассистентом, преподавателем, заведующим кафедрой, директором Горного института, Горного музея и созданного по его инициативе Института прикладной геофизики, руководил Геологическим комитетом, Сейсмологическим и Геологическим отделами Академии наук. Область его научных интересов была связана с систематическим картированием Средней Азии, региональной геологией, сейсмологией и тектоникой. Мушкетов участвовал в международных симпозиумах и конгрессах. Его учебники и лекции содержали много нового фактического и накопленного геологической наукой материала, что способствовало формированию у студентов объективной геологической картины земного шара. Мушкетов первым в стране начал читать курс «Региональная тектоника», участвовал в переиздании и переработке книг своего отца И. В. Мушкетова «Физическая геология» и «Туркестан». Д. И. Мушкетов был арестован 29 июня 1937 г. 18 февраля 1938 г. расстрелян, реабилитирован 8 декабря 1956 г.

Первые упоминания о семье, детстве и учебе в гимназии Д. И. Мушкетова были очень краткими: «Родился 1 апреля (19 марта) 1882 г. в Петербурге, в семье профессора Горного института. Среднее образование получил в историко-филологической гимназии» [Тихомиров, Воскресенская, с. 159]. Мать Дмитрия была из «обрусевшей немецкой семьи», он получил «прекрасное домашнее образование и воспитание», владел «многими иностранными языками» и любил подчеркнуть свое казацкое происхождение [см.: Павловский, Шульц, с. 99]. По мнению А. Х. Кагар-

© Никиташина С. О., 2018

манова, казацкие корни и принадлежность к известному роду Иосс были источником его поразительной энергии, страсти к путешествиям и организаторского таланта [см.: Кагарманов, с. 40]. Ю. А. Соловьев, посвятивший ученому две статьи, дополнил сведения о семье и детстве Д. И. Мушкетова новыми фактами. По его сведениям, семья Мушкетовых жила «в служебном доме Горного института», Дмитрий любил живопись и музыку, играл на виолончели, «в совершенстве знал немецкий и французский, хорошо – английский, читал в подлинниках художественную литературу на этих языках». Автор писал, что в период с 1891 по 1899 г. он учился в гимназии, находившейся недалеко от Горного института во дворце Меншикова. Брат Михаил был младше Дмитрия на четыре года. Они вместе читали книги о путешествиях, а Дмитрий хотел с детства стать моряком. «Но дальтонизм не позволил его мечте осуществиться, и он пошел в геологию, “по стопам отца”» [Соловьев, 2001, с. 78; Соловьев, 2007, с. 66].

Дмитрий Иванович Мушкетов родился 19 (31 н. ст.) марта 1882 г. в Петербурге, в семье известного ученого-геолога И. В. Мушкетова. Отец Дмитрия, Иван Васильевич (1850–1902), родом из донских казаков, но вся его жизнь была тесно связана с Петербургским горным институтом, где он учился (1867–1872) и преподавал (1877–1902). Кроме того, И. В. Мушкетов читал лекции в Институте путей сообщения, Историко-филологическом институте, на Высших женских курсах и на курсах Лесгафта [см.: РГИА, ф. 37, оп. 48, д. 2377, л. 30–32].

Из формулярного списка от 8 февраля 1902 г. из личного дела И. В. Мушкетова видно, что, начав службу коллежским секретарем (должность присвоена после окончания Горного института), он дослужился до чина действительного статского советника. Обнаруженное в ЦГИА СПб свидетельство № 490 от 4 мая 1889 г. является подтверждением принадлежности И. В. Мушкетова к дворянскому сословию [см.: АГУ, оп. 54, д. 667, л. 92–104; ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 49243, л. 5].

Всемирную известность И. В. Мушкетов получил как первый исследователь Туркестана. Опубликованная им в 1886 г. работа «Туркестан – геологическое и орографическое описание и пр. Т. 1» была награждена двумя премиями: Минералогического общества (1886) и Академии наук (1887) [см.: Записки Императорского..., т. 23, с. 302; РНБ, ф. 503, д. 6, л. 1]. Долгое время она оставалась основным источником по геологии Средней Азии. И. В. Мушкетов являлся автором первого капитального труда «Физическая геология» (1891), удостоенного премии Академии наук (1893) и переизданного в 1899 г. [см.: Записки Императорской..., т. 75, кн. 1, с. 9]. При жизни им было опубликовано около 160 трудов [см.: Гурвич, с. 27–58].

В течение 17 лет И. В. Мушкетов состоял председателем отделения физической географии Императорского русского географического общества, впервые в России организовал исследование ледников и землетрясений, железнодорожные геологические изыскания, большое количество экспедиций в разные районы страны.

В результате проведенного исследования в книгах обнаружены сведения, касающиеся деда Дмитрия по отцовской линии, В. К. Мушкетова, которые позволяют уточнить его имя, дополнить сведения о детях и женах, выяснить профессию, этапы службы, получение казачьих званий, боевых наград, наличие имущества.

Из издания, посвященного генеалогии и истории донского казачества, узнаем, что деятельность Василия Казьмича Мушкетова, деда Д. И. Мушкетова по отцовской линии, была далека от профессии горного инженера. В. К. Мушкетов родился 17 марта 1819 г. и принадлежал к казачьему роду Мушкетовых ст. Урюпинской. Как большинство казаков мужского пола, он был военнообязанным и службу свою начал писарем Дежурства 4-го военного отдела (с 20 апреля 1836 г.). Затем его карьера развивалась следующим образом: урядник (с 1 июля 1838 г.), помощник старшего адъютанта Дежурства 4-го военного отдела (8 марта 1854 г. – 30 августа 1862 г.), хорунжий (6 декабря 1855 г.), сотник (6 декабря 1859 г.). Он работал помощником старшего адъютанта (1 января 1864 г. – 5 июля 1868 г.), заседателем Хоперского округа (с 3 октября 1868 г. – ?). В послужном списке 1844 г. записана его первая жена – дочь сотника Сидорова Пелагея Ильинична, дети – Александра (6 л.), Мария (4 г.), Илья (без возраста). В послужном списке 1870 г. – его вторая жена, вдова купца, Миронова Любовь, и дети от 1-го брака: Юлия родилась 20 июля 1843 г., Иван – 13 января 1850 г., Екатерина – 9 сентября 1859 г. В качестве имущества записан дом в ст. Урюпинской и 75 десятин земли в Хоперском округе, полученные по наследству от 1-й жены. Из письма Козьминой Александры Васильевны (урожденной Мушкетовой) из семейного архива Мушкетовых в РНБ становится понятно, что их отец, т. е. дед Дмитрия, умер 18 сентября 1890 г., когда его внуку исполнилось 8 лет. Награды: БМ 1853 г. (возможно, это бронзовая медаль «В память войны 1853–1856 гг.», учрежденная в ознаменование Крымской войны и по случаю коронации Александра II) [см.: Хрещатицкие и др., с. 82–83; РНБ, ф. 503, д. 158, л. 2].

Е. А. Басков писал, что мать И. В. Мушкетова, бабушка Дмитрия Мушкетова, Сидорова Пелагея Ильинична, умерла, когда его отцу было четыре года (1854) [см.: Басков, с. 7]. Но из предыдущих записей следует,

что у В. К. Мушкетова от первого брака в 1859 г. родилась дочь Екатерина, т. е. мать Ивана, Пелагея Ильинична, к этому времени была еще жива.

Со слов историка литературы Е. И. Тарасова, написавшего в 1902 г. первый биографический очерк об И. В. Мушкетове на основании сведений, предоставленных Екатериной Павловной, его женой, первые годы Ивана воспитывал дед по материнской линии Сидоров. Он также писал, что во время учебы в гимназии Иван оказался в тяжелом положении, и поэтому вынужден был зарабатывать частными уроками, обучая сына генерала Я. П. Бакланова [см.: Тарасов, с. 7]. Возможно, так и было. Репетиторство среди гимназистов было довольно распространенным явлением, которым часто пользовались, чтобы решить финансовые затруднения.

Мать Дмитрия Мушкетова, Екатерина Павловна (1854–1925), была другом и помощницей своего мужа. Как писал гидрогеолог Е. А. Басков, владея несколькими иностранными языками, она делала для него переводы иностранных книг и статей. Благодаря ей Дмитрий и его брат Михаил получили прекрасное начальное домашнее образование [см.: Басков, с. 167].

Екатерина Павловна принадлежала к известной немецкой династии горных инженеров, родоначальником которой был Габриэль Иосса из гессен-дармштадских дворян Иотца. Полагают, что он вместе с другими немецкими мастерами был приглашен Екатериной II в Россию в 1783 г. и стал именоваться Григорием Андреевичем. Некоторое время он управлял Юговским медеплавильным заводом [см.: Немцы России, т. 1, с. 822].

Его сын, Андрей Григорьевич Иосса, окончивший в 1797 г. Горное училище, долгое время служил на Богословских и Гороблагодатских заводах. Имел большую семью: пятеро сыновей и шесть дочерей. Семеро из его одиннадцати детей, представители третьего поколения династии Иосс, связали свою жизнь с горным делом. Сыновья (Григорий, Александр, Николай и Павел) стали горными инженерами, а дочери (Юлия, Амалия, Лариса) вышли замуж за их сокурсников [см.: Иконников].

Григорий Андреевич Иосса (1804–1874) – брат деда по линии матери, прадед Дмитрия Мушкетова – в 1823 г. с отличием окончил Горный кадетский корпус. После службы на Урале, где он занимался совершенствованием получения платины на Гороблагодатских заводах, был отправлен в 1829 г. во Фрайбергскую горную академию для дополнительного обучения, после возвращения в 1832 г. руководил кафедрой металлургии в Горном институте и преподавал металлургию, галургию, горное искусство, пробирное искусство (1832–1857, 1867), в 1857 г. был назначен директором Горного департамента Царства Польского, в 1861 г. вернулся в Петербург, продолжая работать в Горном ведомстве членом Горного

совета, Горного ученого комитета и Совета Горного института [см.: Горн. журн., 1873, т. 1, с. 140–142]. Опубликовал в «Горном журнале» около 35 статей – преимущественно по металлургии. Писал юмористические стихотворения, занимался живописью, следил за драматическим искусством [см.: Русский биографический..., т. 8, с. 351].

Его брат, Александр Андреевич Иосса (1810–1894), после окончания Горного кадетского корпуса с 1829 г. по 1847 г. работал на Уральских горных заводах (Кувшинском, Саткинском, Артинском и Златоустовском), в 1848 г. был командирован в Англию, Бельгию, Германию для осмотра и изучения горных заводов, после возвращения организовал применение газа в пудлинговых и сварочных печах на Воткинском заводе, с 1863 по 1870 г. был главным начальником Уральских заводов. За изготовление в 1858 г. металлического остова для шпиля Петропавловского собора, усыпальницы русских царей, он был награжден бриллиантовым перстнем и золотой табакеркой с вензелем императорского имени. Александр Андреевич был одним из учредителей Русского технического общества, основанного в 1866 г., поддерживал Уральское общество любителей естествознания, которое было образовано в 1870 г. и впоследствии стало одной из крупнейших научно-краеведческих организаций на Урале. Переехав в Петербург в 1870 г., А. А. Иосса служил в Горном ведомстве в качестве члена Горного совета и Горного ученого комитета [см.: Горн. журн., 1894, № 3, с. 576–583].

Два его сына, Александр Александрович и Николай Александрович (дяди Дмитрия Мушкетова, двоюродные братья матери), также служили в Горном ведомстве. Первый – металлург, помощник главного начальника Уральских заводов, второй – профессор Горного института, где преподавал металлургию, галургию, пробирное искусство, общую статистику (1871–1898), директор Горного института (1900), Горного департамента (1901–1907) [см.: Горн. журн., 1907, № 10, с. 95; 1916, № 10–12, с. 73–75]. Николай Андреевич Иосса (1815–1887) после окончания Горного кадетского корпуса в 1838 г. служил на Колывано-Воскресенских заводах, с 1848 г. был управляющим механической частью на Санкт-Петербургском монетном дворе. Его сын Андрей Николаевич Иосса (1850–1907) стал известным архитектором [см: Немцы России, т. 1, с. 822].

Об отце Е. П. Мушкетовой, Павле Андреевиче Иосса, деде Дмитрия Мушкетова, известно очень мало. В одной из книг написано, что он закончил Горный кадетский корпус вместе со своими братьями – Александром, Георгием и Николаем, работал на Нерчинских заводах, был управляющим Сергиенско-Уфалейскими заводами Губиных, служил в Горном

департаменте [см.: Моисеев, с. 38, 42]. По сведениям Е. М. Заблоцкого, П. А. Иосса был отчислен в 1847 г. из Института корпуса горных инженеров за провинность и отправлен служить в Нерчинский горный округ в чине прапорщика. Вероятно, поэтому его фамилия отсутствует в списке выпускников, окончивших Горный институт [см.: Иконников; Горн. журн., 1923, № 11–12, с. 747–763]. Таким образом, подборка сведений о династии Иосса, к которой принадлежал Дмитрий Иванович Мушкетов по материнской линии, свидетельствует, что она занимала достойное место в истории горной промышленности России и была тесно связана с историей и практикой горного дела на Урале.

Из документов семейного архива Мушкетовых, хранящегося в РНБ, видно, что Иоссы и Мушкетовы сохраняли родственные отношения и дорожили ими. На страницах записной книжки И. В. Мушкетова среди черновых заметок геологических наблюдений в окрестностях Санкт-Петербурга записано стихотворение Г. А. Иоссы «Элегия на получение диплома медика-хирурга С. Ф. Турчемского». В архиве имеется записка (без даты) И. В. Мушкетову от горных инженеров Э. И. Грасгофа, Н. И. Кокшарова, Н. И. Соколовского и Н. А. Иосса следующего содержания: «Горные инженеры на товарищеском обеде пьют [за] Ваше здоровье и желают Вам успеха в Ваших работах» с припиской «хотели послать Вам телеграмму, но явился горный инженер Н. Кокшаров» [РНБ, ф. 503, д. 31, л. 64–64 об.; д. 137, л. 1].

Из содержания метрического свидетельства следует, что младшая сестра Екатерины Павловны, Ольга Павловна Иосса (1870 г. р.) присутствовала вместе с отцом, Павлом Андреевичем, при крещении Дмитрия Мушкетова. Ольга была крестной матерью (восприемницей), а Павел Андреевич, дедушка, стал крестным отцом Дмитрия [см.: ЦГИА СПб., ф. 963, оп. 1, д. 11020, л. 6]. Из документов личного дела И. В. Мушкетова (АГУ) узнаем, что в 1886 г. О. П. Иосса воспитывалась в частном пансионе Сен-Клер Докучаевой в Санкт-Петербурге «на собственный счет» (возможно, имеется в виду за собственные деньги). В семейном архиве Мушкетовых в РНБ имеется письмо без даты из Тифлиса на имя Ивана Васильевича от некого С. П. Сафронеева с обещанием сохранить вещи и бумаги от Павла Андреевича, тестя И. В. Мушкетова. Из свидетельства, выданного канцелярией Горного института 4 сентября 1889 г., следует, что после смерти отца, П. А. Иосса, Ольга Павловна жила в семье И. В. Мушкетова, который стал ее опекуном [см.: Иконников; РНБ, ф. 503, д. 220; АГУ, оп. 54, д. 667, л. 48, 58, 61].

У Дмитрия Мушкетова был брат Михаил, который родился 12 (по ст. ст.) мая 1887 г. и был младше его на 5 лет, а не на 4, как писал Ю. А. Соловьев [см.: АГУ, оп. 54, д. 667, л. 93]. Выявленные новые документы в ЦГИА СПб. значительно дополняют сведения об учебе в гимназиях Дмитрия и Михаила Мушкетовых. Из них следует, что И. В. Мушкетов, являясь преподавателем Санкт-Петербургского историко-филологического института (с 1 июля 1883 г. по 1 сентября 1897 г. читал лекции по физической географии), обращался к заведующему гимназией, действующей при институте, с прошениями о допущении к вступительным экзаменам его сыновей – Дмитрия и Михаила. Дмитрий поступил в Императорскую гимназию Санкт-Петербургского историко-филологического института в возрасте 9 лет и учился в ней с 30 апреля 1891 по 24 июня 1899 г. В экзаменационном листке представлены оценки за экзамены, которые он получил при поступлении: закон Божий – 3 (здесь же приписка: «мало знает молитв»), русский язык – 4, математика – 4. В деле имеется текст написанного им диктанта, тройка, поставленная за него, красным карандашом исправлена на четверку. Здесь же решенные им математические примеры: на сложение, вычитание, умножение и деление [см.: ЦГИА СПб., ф. 72, оп. 1, д. 1480, л. 1–2 об., 6, 6 об.; д. 1834, л. 1].

В отличие от Дмитрия, его брат Михаил начал обучение в училище при Евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины (современный адрес – Большой проспект, д. 1), затем 4 года (с мая 1897 по август 1901 г.) – в той же Императорской гимназии Санкт-Петербургского историко-филологического института. Из-за изменения учебного плана гимназии по желанию отца он был переведен в 1901 г. в 8-ю мужскую гимназию, где учился 6 лет (современный адрес – 9-я линия Васильевского острова, д. 8) [см.: РГИА, ф. 37, оп. 48, д. 2377, л. 15; ЦГИА СПб., ф. 72, оп. 1, д. 1480, 1834].

Подробнее остановимся на гимназии, в которой учились братья. Она была учреждена императором Александром II 7 апреля 1870 г. [см.: ПСЗРИ-2, т. 45, № 48237] и располагалась на набережной Невы в бывшем дворце Меншикова (современный адрес – Университетская набережная, д. 11). Заведующими гимназией в разные годы были Петр Аристович Струве (1870–1878) – действительный статский советник, доктор классической филологии; имевшие тот же чин Константин Фемистоклович Нейлисов (1878–1887) – магистр греческой словесности; Василий Васильевич Латышев (1887–1890) – доктор греческих слов, ординарный академик Императорской академии наук и вице-директор Департамен-

та народного просвещения; Михаил Иванович Аквилонов (1890–189?) – наставник-руководитель по греческому языку [см.: Памятная книжка..., с. 20, 17].

Тесная связь гимназии с институтом привела при ее организации к некоторым отступлениям от действовавшего тогда Устава гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения 1864 г., но с введением нового гимназического устава 1871 г. она подчинилась общему порядку. Это была классическая гимназия с изучением двух древних языков для приходящих учеников. Основная ее задача состояла в содействии институту в подготовке учителей древних языков, русского языка и словесности, истории и географии для средних учебных заведений Министерства народного образования. Сверх семи гимназических классов при ней состоял один приготовительный. Вместе с институтом они составляли единое учебно-воспитательное заведение. Общее руководство гимназией осуществлял директор института, непосредственное управление – один из наставников-руководителей [см.: Там же, с. 5–8].

Занятия в гимназии под присмотром наставников-руководителей проводили студенты четвертого курса института по предметам, которые они должны были преподавать в будущем. В учебный курс входили предметы из общего устава гимназий: закон Божий, древние языки (греческий и латинский), математика, русский язык, логика и история, география, физика и математическая география, немецкий и французский языки, чистописание, рисование, пение, гимнастика. Общее «число недельных учебных часов» – 234; число уроков по каждому предмету и распределение их по классам определялось конференцией института и утверждалось министром народного просвещения. Летние и зимние каникулы совпадали с каникулами в институте. Правила испытания учеников при их поступлении в гимназию, переводе из класса в класс и при окончании ими курса излагались в особой инструкции, составляемой педагогическим советом гимназии и утверждаемой конференцией института [см.: Там же, с. 5–10].

В приготовительный класс принимались дети не моложе 9 и не старше 11 лет. Количество учеников в классе было установлено в 32 чел. Число учащихся при полном составе гимназии колебалось между 175 (в 1893/94 учеб. г.) и 230 (в 1881/82). Не все гимназисты доучивались до последнего курса. Из первого набора 1870 г. в 22 чел. в 1877 г. было выпущено всего 7 чел. [см.: Там же, с. 8, 18–19]. По нашим подсчетам, за 25 лет в гимназии обучалось 4719 учеников, из них завершили обучение лишь 227.

Приобретая в гимназии опыт преподавания, ее выпускники работали преподавателями, инспекторами, директорами и окружными инспекторами в разных городах России. Воспитанники имели возможность продолжить свое образование в любом высшем учебном заведении. По имеющимся сведениям, большая часть выпускников поступала на юридический, физико-математический и историко-филологический факультеты Санкт-Петербургского университета и в Санкт-Петербургский историко-филологический институт. Остальные рассеивались по другим высшим учебным заведениям. Поступали в военно-медицинскую академию, Дерптский, Юрьевский, Варшавский и Московский университеты, Духовную и Художественную академию и т. д. Некоторые выпускники поступали на военную службу или в военные училища. В Горный институт пошли учиться из гимназии трое: Петр Половцев (1892), Николай Гвоздарев (1894) и Дмитрий Мушкетов (1899) [см.: Там же, с. 28–67].

Дмитрий Мушкетов окончил гимназию 24 июня 1899 г. В его аттестате зрелости № 599, обнаруженном в фондах ЦГИА СПб., отмечалось отличное поведение гимназиста, исправное посещение и приготовление уроков, «прилежание достаточное» и особая любознательность к физико-математическим наукам. Оценки по предметам были разные: 2 «пятерки» – по закону Божьему и немецкому языку; 5 «четверок» – по русскому языку с церковнославянским и словесностью, математике, математической географии, физике и географии; 5 «троек» – по логике, истории, языкам латинскому, греческому и французскому. Средний балл гимназического аттестата Дмитрия (3,7) был несколько ниже, чем у его отца (4) [см.: ЦГИА СПб., ф. 963, оп. 1, д. 11020, л. 3 об.; д. 5131. л. 3].

В аттестате зрелости Михаила, младшего брата Дмитрия, 8 «пятерок» и 4 «четверки», средний балл 4,3. Педагогический совет отметил его отличное поведение и прилежание, отличные успехи в науках, особенно в математике, и наградил серебряной медалью [см.: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 49243, л. 6–6 об.]. Ясно, что Михаил окончил гимназию с лучшими оценками, чем старший брат и отец.

Из документов, выявленных в ЦГИА СПб., следует, что после окончания гимназии Д. Мушкетов подавал прошения в два высших учебных заведения: директору Горного института императрицы Екатерины II о допущении его к приемным испытаниям (31 июня 1899 г.) и ректору Санкт-Петербургского университета о зачислении в число студентов университета по «разряду естественных наук» (5 августа 1899 г.) [см.: ЦГИА СПб., ф. 963, оп. 1, д. 11020, л. 22; ф. 14, оп. 3, д. 36974, л. 2].

Брат Дмитрия Михаил после окончания 8-й мужской гимназии 24 мая 1907 г. подал прошение 8 августа того же года о зачислении в число студентов математического отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, но спустя три месяца перевелся на механический факультет Политехнического института [см.: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 49243, л. 3; ф. 478, оп. 3, д. 4564, л. 25].

В отделе рукописей в РНБ и ЦГИА СПб. нами обнаружены уникальные фотографии семьи Мушкетовых. В РНБ отложились 17 любительских фото, сделанных в период начала их массового распространения, которые иллюстрируют пребывание И. В. Мушкетова с семьей в Либаве[1]. Три из них опубликовал Е. А. Басков в монографии об И. В. Мушкетове, указав, что они относятся к 1892 г. [см.: Басков, с. 81, 125], хотя на конверте с фотокарточками карандашом написан 1888 г. Обращают на себя внимание 4 фотографии, где семья находится на пикнике. На двух запечатлен 6-летний Дмитрий на велосипеде с отцом и отдельно с матерью. На двух других общих фото присутствует Михаил (ему 1 год) и, вероятно, их прислуга – пожилые женщина и мужчина крестьянского вида; на одном из снимков присутствует молодая особа, возможно, это 18-летняя Ольга Павловна Иосса [см.: РНБ, ф. 503, д. 74, л. 1, 3, 5, 11]. В личном деле студента Дмитрия Мушкетова из фонда Санкт-Петербургского университета найдена его фотография, сделанная в связи с поступлением в университет [см.: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 36974, л. 1].

В литературе отмечалось, что в детском возрасте Дмитрий много читал, без ссылки на какой-либо источник [см.: Соловьев, 2001, с. 78]. В семейном архиве Мушкетовых нами обнаружен список книг из библиотеки Д. И. Мушкетова [см.: РНБ, ф. 503, д. 639]. Перечень изданий на 6 листах без даты написан взрослым почерком Дмитрия Ивановича. Это позволяет предположить, что он был составлен им в зрелые годы. Вероятно, здесь были книги, купленные его родителями и им самим. Благодаря этому списку можно узнать, книги каких авторов читали в семье, он характеризует вкусы и предпочтения Мушкетовых как читателей, отражает и читательские интересы интеллигенции того времени.

К сожалению, в списке приводятся сведения лишь об авторе и названии книги, данные о годе, месте издания отсутствуют. Поэтому трудно определить, когда и кем были приобретены книги. Можно лишь установить, что издания, впервые появившиеся в печати после 9 января 1902 г., были куплены после смерти отца Дмитрия, Ивана Васильевича.

---

[1] Старое название г. Лиепая на юго-западе Латвии.

Судя по названию списка, в него вошла лишь часть домашней библиотеки, которая хранилась на даче в пос. Райволо (Рощино), где семья жила летом, и отец Дмитрия, Иван Васильевич, любил отдыхать, наслаждаясь физическим трудом [см.: Тарасов, с. 21]. Список состоял из двух частей, имевших раздельную нумерацию. В начале первого раздела рукой Д. И. Мушкетова написано: «Список Райволовской библиотеки Д. И. Мушкетова», на втором: «Детская библиотека, хранящаяся в Райвола (железный сундук)» [РНБ, ф. 503, д. 639]. Список состоит из 191 названия книг, из которых 161 книга на русском языке и 30 на иностранных языках (немецком – 23, французском – 7). Как видим, немецких книг в дачной библиотеке было больше. Библиотека комплектовалась с целью чтения во время отдыха, однако налицо ее большая просветительская направленность.

Первая часть библиотеки включала литературу для взрослых (108 изданий). Наличие в библиотеке Д. И. Мушкетова книг о революционном движении в разных странах позволяет предположить, что они оказали влияние на его лояльное отношение к революциям, происходившим в России, и принятие им решения служить большевистской власти.

Вторая часть библиотеки включает детские издания (83 названия). В списке перечислены книги для детей среднего и старшего возраста. Библиотека содержала образовательную и приключенческую литературу, сказки и повести, детскую беллетристику, книги и журналы на русском, немецком и французском языках.

Список дачной библиотеки позволяет говорить о хорошо подобранном и довольно разнообразном репертуаре книг. Ясно, что библиотека играла большую роль в воспитании детей, расширяла кругозор и являлась базой их первоначального образования, в том числе в изучении иностранных языков. Обе части библиотеки, детская и взрослая, хранились в Райволо, где продолжала отдыхать семья Д. И. Мушкетова после смерти отца. Наличие в ней изданий, опубликованных после 1902 г., говорит о том, что книги могли приобретать его мать или тетя, которая жила с ними. В формировании библиотеки, возможно, принимал участие сам Д. И. Мушкетов, а книги, кроме Дмитрия и Михаила, могли читать его дочери Марина и Галина.

Таким образом, в семье Мушкетовых была продолжена преемственность поколений двух горных династий: Иосс и Мушкетовых. Наличие горных династий – характерная черта развития горно-геологической отрасли России. Передача накопленных знаний и опыта от одного поколения к другому способствовала формированию профессионального

сообщества, вносила значительный вклад в развитие данной отрасли и в подготовку кадров горных инженеров для горнозаводской промышленности России.

АГУ. Оп. 54. Д. 667 (Личное дело И. В. Мушкетова).

Басков Е. А. Иван Васильевич Мушкетов (1850–1902). Л., 1986.

Горн. журн. 1873. Т. 1.

Горн. журн. 1894. № 3.

Горн. журн. 1907. № 10.

Горн. журн. 1916. № 10–12.

Горн. журн. 1923. № 11–12.

Гурвич С. С. Иван Васильевич Мушкетов, 1850–1902 : библиогр. указ. М. ; Л., 1953.

Записки Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества. СПб., 1887. Т. 23.

Записки Императорской Академии наук. СПб., 1894. Т. 75, кн. 1.

Иконников – Истомин [Электронный ресурс]. URL: http:// russmin.narod.ru/bio Ural14.html (дата обращения: 02.01. 2017).

Кагарманов А. Х. Д. И. Мушкетов как ученый и директор Санкт-Петербургского горного института и Горного музея // Культурное наследие в геологии, горном деле и металлургии. Библиотеки – Архивы – Музеи : тез. докл. 3-го Междунар. симп., Санкт-Петербург, 1997, 23–27 июня. СПб., 1997. С. 40–41.

Моисеев А. Немцы на Урале XVII–XXI. Нижний Тагил, 2009.

Немцы России : энциклопедия. М., 1999. Т. 1.

Павловский Е. В., *Шульц С. С.* Дмитрий Иванович Мушкетов (1882–1938) // Выдающиеся ученые Геологического комитета – ВСЕГЕИ. Л., 1984. С. 99–114.

Памятная книжка гимназии при Императорском Санкт-Петербургском историко-филологическом институте 1870 – XXV – 1895. СПб., 1895.

ПСЗРИ-2. 1870. Т. 45 (1870). № 48237. С. 386–388.

РГИА. Ф. 37 (Горный департамент).

РНБ. Ф. 503 (Мушкетовы Иван Васильевич и Дмитрий Иванович).

Русский биографический словарь. Т. 8 : Ибак – Ключарев. СПб., 1897.

Соловьев Ю. Я. «Дату смерти знает только МВД…» // Вопр. истории естествознания и техники. 2001. № 2. С. 75–92.

Соловьев Ю. Я. Жизнь и деятельность Д. И. Мушкетова (1882–1938) в отечественном и мировом сообществе геологов: (К 125-летию со дня рождения) // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд. Геологический. 2007. Т. 82, вып. 6. С. 66–75.

Тарасов Е. И. И. В. Мушкетов. Жизнь и деятельность. СПб., 1902.

Тихомиров В. В., *Воскресенская Н. А.* 25 лет со дня смерти Д. И. Мушкетова // Совет. геология. 1963. № 3. С. 159–160.

Хрещатицкие и другие / М. Ю. Абрамов и др. М., 2004. Вып. 48. (Сер. Генеалогия и семейная история Донского казачества).

ЦГИА СПб. Ф. 14 (Императорский Петроградский университет (1819–1918)).

ЦГИА СПб. Ф. 478 (Петроградский политехнический институт императора Петра Великого (1900–1918)).

ЦГИА СПб. Ф. 72 (Гимназия при Императорском Петроградском историко-филологическом институте (1870–1917)).

ЦГИА СПб. Ф. 963 (Горный институт императрицы Екатерины II, г. Петроград (1773–1918)).

УДК 94(470.32).084.6:316.334.3

В. А. Перцев

СОЦИАЛЬНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ конца 1920-х – начала 1930-х гг. В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются отдельные социальные проблемы, обострившиеся на территории Центрального Черноземья в конце 1920-х – начале 1930-х гг. На основании выявленных архивных источников исследуются программные установки в сфере обеспечения населения жильем и пути их практического осуществления на региональном уровне. Анализируются трудности и недостатки в процессе решения жилищной проблемы.

Ключевые слова: социальная сфера, Центральное Черноземье, жилищное строительство, жизненные условия, безработица.

Процесс социалистической реконструкции затронул все направления жизнедеятельности Советского государства. Существенные перемены произошли в социальной сфере, в том числе в такой важной ее составляющей, как обеспечение населения жильем. Кардинальный передел жилой собственности, появление многочисленной группы новых владельцев индивидуальных жилых построек, а также новое жилищное строительство – все эти явления не только не ослабили остроту жилищного вопроса, а, напротив, придали ему дополнительную политическую значимость. Тем более что партийно-государственный аппарат возлагал главную ответственность за предоставление гражданам жилой площади и содержание основной части жилого фонда на органы государственной власти и управления. Проблемы с обеспечением населения жильем наблюда-

© Перцев В. А., 2018

лись не только в индустриально развитых, с преобладанием городского населения регионах страны, но и в отдаленных от промышленного центра аграрных губерниях. Не являлась исключением территория Черноземного края [см.: Воронежская энциклопедия, т. 2, с. 350]. В период «форсированного рывка к социализму» регион оказался в эпицентре событий, кардинально повлиявших в дальнейшем на жизнь всего Советского государства. Детальное исследование состояния и путей решения жилищной проблемы невозможно без обращения к событиям конца 1920-х – начала 1930-х гг. вследствие того, что именно на этом отрезке времени сформировалась социально-экономическая и морально-психологическая основа для решения жилищного вопроса в последующие десятилетия. Историография обозначенного направления отражает лишь отдельные стороны темы и представлена сведениями в обобщающих коллективных работах по истории региона [см.: Край наш Воронежский; Край наш Курский; Очерки истории...], а также информацией в тематических краеведческих сборниках [см.: Перцев].

Анализ состояния жилищного сектора Центрально-Черноземной области (ЦЧО)[1] в конце 1920-х – начале 1930-х гг. показывает, что в данный период сложились три разновидности собственности на жилье: муниципализированный жилищный фонд, ведомственные жилищные площади предприятий и учреждений, фабрик и заводов, индивидуальный жилищный сектор. В руках местных органов власти было сосредоточено преимущественно муниципализированное жилье. Из его фонда выделялись жилые площади для основной части населения, прежде всего для горожан, занятых работой на предприятиях, в организациях и учреждениях, не имевших своего ведомственного жилья, а также для военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, пенсионеров, инвалидов, государственных служащих и для других категорий населения.

Ведомственное жилье фабрик и заводов ЦЧО состояло из общежитий, построек барачного типа, коммунальных многосемеек, а также ведомственных квартир, в которые заселялись руководители, инженерно-технические работники и высококвалифицированные рабочие данных предприятий. В начале 1930-х гг. в ведомственном жилищном строитель-

[1] В 1928–1934 гг. существовала Центрально-Черноземная область – административно-территориальная единица РСФСР, включавшая в свой состав бывшие Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую губернии. Воронеж являлся областным центром ЦЧО. 13 июня 1934 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР ЦЧО была разделена на Курскую и Воронежскую области.

стве произошли существенные перемены. Стали возводиться многоэтажные, благоустроенные жилые дома, рассчитанные на проживание семей в персональных квартирах.

Индивидуальный сектор имел значительный удельный вес в «старых» городах и, несмотря на произошедшие изменения в составе собственников, сохранял в основном смешанный состав владельцев. Имеющиеся нормативно-правовые акты, регулировавшие развитие индивидуального жилищного сектора в 1920-е – начале 1930-х гг., подводят к выводу не только о постоянном жестком контроле со стороны местных органов власти, но и о желании оказывать посильную помощь индивидуальным застройщикам. В то же время на практике дело обстояло совершенно иначе и реальная финансовая помощь, и содействие в обеспечении строительными материалами не оказывались. Вследствие этого приобретение необходимых материалов для строительства и ремонта индивидуальных построек, обеспечение ремонтных работ квалифицированными рабочими кадрами зачастую являлись заботой только их владельцев.

Изучение материалов Государственного архива Воронежской области, в частности документов фонда Воронежского горисполкома о его функционировании накануне свертывания новой экономической политики, позволило сформировать конкретное представление о социально-политической обстановке в Воронеже в обозначенный период. Архивные источники свидетельствуют о том, что в конце 1920-х гг. как в самом Воронеже, так и во всем крае углубились социальные противоречия, вызванные характерной для нэпа дифференциацией населения. Увеличилась безработица, ухудшились условия жизни многих слоев населения, и прежде всего многочисленной и социально незащищенной части городского населения – женщин, стариков, подростков. В условиях возраставших масштабов безработицы именно женщины оказались «в группе социального риска». В конце 1920-х гг. вопросам женской безработицы и вызванной ею женской проституции посвящались многие заседания региональных органов власти и управления. Так, на заседании секции охраны труда и соцстраха при Воронежском городском Совете, состоявшемся в сентябре 1928 г., анализировались результаты обследования сотрудником секции А. А. Гунькиным «…граждан, проживающих в городе Воронеже, впавших в нужду», с целью «…оказания материальной поддержки, путем предоставления через биржу труда, вне всякой очереди, какой-либо постоянной работы и минимального улучшения их жилищных условий» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 490, л. 24–24 об.]. В обсуждавшихся на заседа-

нии материалах обследования говорилось: «Всего обследованию подлежали 7 жительниц г. Воронежа, попавших в нужду. У гражданки Бурдаевой муж служил на рабфаке счетоводом, была нужда, но все же впроголодь на маленькое жалованье содержал семью. По сокращению на рабфаке оказался безработным и голод довел его до того, что он лишил себя жизни (повесился). Семья из жены и 5 человек детей оставлены без всяких средств к дальнейшему существованию. Об их жизни в настоящее время говорить не приходится. Бедность, бедность и бедность во всем. Убогое жилище и пустой стол. Для того чтобы жена не последовала примеру мужа, необходимо принять срочные меры» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 490, л. 25]. У остальных обследованных сотрудником секции воронежских семей было такое же сложное материально-бытовое положение. Принятое на заседании секции решение о внеочередной постановке на биржу труда всех обследованных женщин, попавших в нужду, и об улучшении условий их жизни, возможно, спасло данную группу жительниц Воронежа и членов их семей не только от голодной смерти, но и от совершения преступления.

Высокие темпы безработицы и неблагоприятные условия жизни заставляли воронежцев изыскивать всевозможные пути выхода из создавшегося положения. Подтверждением этого может служить письмо бывшего железнодорожного рабочего Н. Г. Пискарева, направленное 5 мая 1928 г. в Москву председателю ВЦИКа М. И. Калинину с жалобой на безработицу и «…на вытеснение рабочих с производства самостоятельными крестьянами» [Там же, д. 392, л. 50]. В письме описывались следующие факты: «Прежде всего, должен Вас уведомить, что у нас в городе Воронеже очень и очень большая безработица, число безработных возрастает в ужасающих цифрах, требования рабочей силы, в сравнении с количеством безработных, очень мизерны. Взглянув глубже, мы находим причину, углубляющую тяжесть этого положения. Причина этого положения заключается в следующем: у нас как на железную дорогу, а также на заводы и фабрики в поражающем большинстве поступают на разного рода работы крестьяне близлежащих к городу Воронежу сел. Большинство из этих крестьян имеют земельный надел, имеют и вообще хозяйство, необходимое для крестьянства. Крестьяне буквальным образом вытесняют рабочих. В результате, что же мы видим? Крестьянин, имеющий землю, полное хозяйство и отлично могущий бы жить тем, что он имеет, еще при том же занят и на производстве, а рабочий, не имеющий совершенно никакой материальной обеспеченности и возлагающий надежды единственно

на свои мозолистые руки и сплошь и рядом обремененный большим семейством, не имея куска насущного хлеба, остается за бортом! А посему я глубоко просил бы Вас, дорогой Михаил Иванович, нельзя ли что-нибудь сделать в этом направлении? Льщу себя надеждою, что Вы, дорогой наш вождь и отзывчивый друг, не посчитаете мое к Вам обращение пустым пустословием!» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 392, л. 50–50 об.].

В то же время на фоне обнищания значительной части населения Воронежа и совершенно неустроенного жилья воронежские рабочие конкретно осознавали свою политическую значимость в процессе социалистического строительства и открыто заявляли об этом, настойчиво требуя скорейшего и безотлагательного решения назревших проблем. Требования рабочих часто сводились к улучшению их материальных и жилищно-бытовых условий. В архивных фондах сохранились материалы профсоюзной конференции, проведенной ЦК профсоюза работников железнодорожного транспорта и участковым комитетом воронежского участка ЮВЖД 8–9 сентября 1928 г. На этой конференции обсуждались преимущественно вопросы материального и бытового положения рабочих-железнодорожников. В принятом на конференции постановлении указывалось: «2. Широкая конференция Воронежского участка в присутствии тысячи с лишним членов Союза поддерживает со своей стороны постановление общественного собрания Воронежских и Отрожских мастерских и просит горсовет ускорить дело по выселению монахинь из рабочего поселка и предоставлению их помещений под квартиры для рабочих, а также о закрытии церкви и передаче таковой для культурных целей. <…> 5. Предложить горсовету заострить внимание в сторону возможности очистки коммунальных домов, ЖАКТов от лиц нетрудовых профессий. 6. Предложить горсовету в 7-дневный срок проработать эти вопросы и результаты сообщить рабочим через “Воронежскую коммуну”» [Там же, л. 54–54 об.].

О формировании у рабочих требовательно-потребительского подхода к органам власти в решении жилищного вопроса свидетельствуют и сохранившиеся материалы специального расследования областным прокурором И. А. Ивановым заявления-жалобы рабочего воронежских железнодорожных мастерских П. П. Белебезьева на деятельность горкоммунотдела по выделению для него жилой площади. В написанном 8 октября 1928 г. заявлении указывалось: «Обращаюсь в Вам ввиду моего крайне критического положения, связанного с тем, что с октября месяца 1924 г. живу между небом и землей. Жил в вагоне, более четырех месяцев –

на вокзале. В настоящее время живу на дворе – в чулане. С октября 1927 г. хожу в горсовет к т. Попойникову, который обещал выделить мне квартиру на улице Советской, дом № 19, но результат отрицательный. Я вынужден просить самого решающего Вашего результата и направить мое заявление в народный суд. Так как тут есть полное преступление горкоммунотдела. Говорят, подожди, мы дадим. Теперь довели под самую зиму, что я должен делать? Такие отношения к рабочему в советских учреждениях недопустимы» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 392, л. 59–60].

В этот же день прокурор И. А. Иванов рассмотрел данное обращение и наложил резолюцию: «Запросить объяснение от горсовета и горкоммунотдела, почему допущена такая особого рода волокита по отношению к рабочему. Если горкоммунотдел не имеет квартир, то зачем обещал?!» Ответ из горсовета был получен в прокуратуре и в ОК РКИ уже 19 ноября 1928 г. В нем говорилось: «Президиум горсовета сообщает, что гр. П. П. Белебезьеву предоставлена квартира в рабочем поселке» [Там же, л. 64].

Выявленные архивные документы говорят о том, что местные органы власти достаточно свободно обращались не только с собственным муниципализированным жилищным фондом, но и с индивидуальными жилищными постройками. Очень часто они принимали решения о переселении граждан на новые земельные участки и о выселении отдельных воронежцев из принадлежащего им жилья с последующей муниципализацией данной жилой собственности. Основанием для вынесения аналогичных решений органами городского самоуправления являлась формулировка: «…исходя из целесообразности текущих дел» [Там же, д. 390, л. 7]. Такое поведение государственных служащих вызывало негативную реакцию у населения Воронежа. Во многие центральные и региональные контрольные органы воронежцы направляли многочисленные обращения-жалобы. В январе 1927 г. в бюро жалоб губернской РКИ было подано заявление жительницы Воронежа А. К. Поляковой о возвращении ей конфискованного горсоветом индивидуального дома. Это заявление рассматривалось на заседании горсовета 4 марта 1927 г. В принятом постановлении «по существу поставленного вопроса» говорилось следующее: «Президиум горсовета, возвращая переписку с заявлением гр. Поляковой с ходатайством о возвращении дома, постановил: в просьбе отказать в связи с осуществлением плановой муниципализации жилья» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 392, л. 8]. Вероятно, заявления такого рода не являлись редкостью и для того, чтобы организовать работу с ними,

совместным Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 27 марта 1927 г. «Об организации примирительно-конфликтных комиссий по жилищным вопросам» [Собрание узаконений РСФСР, с. 167] во всех губернских городах РСФСР формировались специальные согласительные комиссии: «...с целью упорядочения процесса распределения и перераспределения жилья, а также рассмотрения жалоб населения» [Там же, с. 167–168]. Аналогичные комиссии летом 1927 г. были созданы при воронежских областном и городском Советах.

Среди материалов, связанных с деятельностью примирительно-конфликтной комиссии по жилищным делам при Воронежском горсовете оказались заявления жителей города о нарушениях в решении жилищного вопроса. Сохранилась жалоба, поступившая в комиссию 8 апреля 1928 г., под заголовком «Каприз или техническая необходимость?!» Эта жалоба была связана с необоснованной реконструкцией бывшего дома Шведченко, в связи с размещением в нем квартир председателя Воронежского облисполкома и секретаря Воронежского обкома ВКП(б). В документе указывалось: «Заканчивается постройка большого 3-этажного дома. И вдруг, ни с того, ни с сего, начинает пробиваться капитальная стена, несмотря на то, что дом строится по утвержденному проекту. А ведь сколько говорилось и писалось, что в ходе постройки никаких отступлений от проектов быть не должно. Оказывается, что стена пробивается по личному распоряжению председателя горсовета т. Попойникова. А распоряжение это как будто вызвано капризом какого-то работника областного масштаба, который облюбовал себе эту квартиру. Каприз капризом, а делу пусть не мешает. Пора и очень даже пора прекратить капризничать. И с чего это ради т. Попойников поощряет капризам, вызывающим лишние расходы и нарушающим общий порядок работы?» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 392, л. 17–18].

В деятельности самих примирительно-конфликтных комиссий оказалось достаточно много нарушений и злоупотреблений. Поэтому СНК РСФСР своим постановлением от 9 апреля 1928 г. поручил Народным комиссариатам внутренних дел и юстиции осуществить детальную проверку деятельности губернских комиссий и по ее результатам «…выработать необходимые изменения в содержании соответствующего закона» [Там же, л. 23]. По результатам проведенной проверки состав примирительно-конфликтной комиссии при Воронежском горсовете был практически полностью обновлен, и комиссия возобновила свою деятельность лишь в конце декабря 1928 г. На одном из первых заседаний комиссии, состоявшемся 29 декабря 1928 г., были рассмотрены материалы о высе-

лении из квартиры жителя Воронежа И. И. Соколова. В сопроводительных документах по данному делу содержались следующие сведения: «Семья И. И. Соколова, состоящая из 4 человек, из которых два не прописаны в домовой книге, занимает одну комнату и кухню, но по заявлению брата И. И. Соколова ЖАКТ “Светлое будущее” на заседании 14 сентября 1928 г. постановил предоставить квартиру в две комнаты, согласовав перемещение с Президиумом горсовета. И. И. Соколов, не дождавшись разрешения вопроса, занял освобождающуюся комнату в предназначенной ему квартире. В это же время Президиумом горсовета было дано предписание ЖАКТ о предоставлении освободившейся комнаты советскому служащему гр. Виноградову, на основании чего правление изменило свое первое решение. Считаем необходимым выселить гр. Соколова из самовольно им занятой дополнительной жилплощади» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 392, л. 90].

Необходимо учитывать, что руководство Воронежского горсовета в условиях нэпа прекрасно осознавало сохранявшееся имущественное неравенство населения и стремилось сделать все возможное для осуществления дифференцированного подхода в установлении размеров оплаты за используемое жилье и коммунальные услуги, взимавшиеся в этот период с горожан. 31 марта 1928 г. административно-культурная группа направила в коллегию губернской РКИ докладную записку о снижении тарифной стоимости за электроэнергию и водоснабжение. В ней указывалось: «Снижение тарифов на воду одновременно предусматривает объединение существующего деления трудящихся на три группы: 1) с заработком до 75 руб.; 2) с заработком до 125 руб.; 3) с заработком свыше 125 руб. в одну группу. В результате этого объединения снижение отразится только на двух последних группах, которые к общему числу плательщиков по трем группам составляют 18,9 %, тогда как для основной первой группы остается прежний тариф 30 коп. в усадьбах с водопроводом и 15 коп. в усадьбах без водопровода. По второй группе имеется понижение в первом случае на 5 коп., а во втором случае на 3 коп. Имеющиеся три группы лиц, не принадлежащих к трудовому элементу, объединяются в две группы, причем в первую группу переводятся кустари-одиночки из третьей группы трудящихся, причем по этой категории плательщиков тарифы повышаются» [Там же, л. 94–94 об.].

На основании исследования заявлений «…на обследование квартир на предмет их состояния» [Там же, л. 19], поступивших в бюро коммунально-жилищной секции Воронежского горсовета в 1927–1928 гг., соз-

дается двойственное впечатление об отношении проживавших к своей жилой площади. С одной стороны, поступившие ходатайства о проведении обследований и постановке на очередь с целью ремонта жилья говорят о стремлении воронежцев создать себе более благоустроенные жилищные условия, а также являются подтверждением того, что все сферы жизни, в том числе и ремонтные работы, оказались под контролем органов местной власти. Однако, с другой стороны, многочисленные акты, составленные сотрудниками ЖАКТов по результатам обследования заявленных квартир, формируют мнение о преобладании потребительского подхода к использованию предоставленной жилой площади. Данное явление было характерным не только для жителей рабочих окраин, но и для жильцов центральных районов Воронежа. Например, в июле 1928 г. жилищной комиссией ЖАКТа «Молот-1» обследовалась квартира М. Л. Лагуты, проживавшего по улице Ф. Энгельса. Составленный акт обследования отразил следующее состояние квартиры заявителя: «Квартира состоит из комнаты и кухни. Вход в кухню осуществляется прямо со двора. Хотя и имеется двойная входная дверь, но она ветхая и плохо закрывается, поэтому зимой снег проходит прямо в кухню. О том, чтобы пристроили небольшие сени, М. Л. Лагута подавал заявление в правление ЖАКТа. Ответа еще не получил. Стены внутри комнаты имеют ужасный вид: штукатурка в некоторых местах так обсыпалась, что видна драть, хотя М. Л. Лагута и замазывал сам эти места не один раз, все равно все обсыпается. Потолок так же, как и стены, в некоторых местах обвалился и видна драть, вследствие того, что худая крыша. Сырость является неотъемлемой частью квартиры и не может быть изжита при существующем состоянии пола, потолка и рам, равно и потому, что комната лишена нормального отопления» [ГАВО, ф. Р-51, оп. 1, д. 390, л. 7–8]. Такое состояние жилой площади было обычным для большинства квартир, обследованных сотрудниками коммунально-жилищной секции Воронежского горсовета.

Представленный материал является основанием для вывода о том, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в ЦЧО не были решены многие социально значимые вопросы. К их числу в полной мере относилось обеспечение населения благоустроенным жильем. Можно констатировать дальнейшее обострение в регионе жилищной проблемы. Ощущая неустроенность повседневных условий, граждане обращались с заявлениями о своем бедственном положении в органы государственной власти и управления, в партийные организации, требуя скорейшего улучшения условий проживания и пытаясь определить возможных виновников сво-

их бытовых страданий. Среди них оказывались как пригородные крестьяне, «не занятые производительным трудом» интеллигенты, служители культовых учреждений, так и «зарвавшиеся» советские служащие, разбогатевшие «нэпманы». Все это, в конечном итоге, и послужило той социальной базой, опираясь на которую партийно-государственный аппарат осуществил переход от новой экономической политики к командно-административной модели управления.

Воронежская энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. проф. М. Д. Карпачев. Воронеж, 2008. Т. 2.

ГАВО. Ф. Р-51 (Воронежский городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет).

Край наш Воронежский: к 50-летию образования области. Воронеж, 1985.

Край наш Курский. Воронеж, 1978.

Очерки истории Воронежского края : в 2 т. Т. 2: Эпоха социализма. Воронеж, 1967.

Перцев В. А. Жилищный вопрос в Воронежской области в 1940-е годы // Центральная Россия в годы Великой Отечественной войны : материалы регион. науч. конф., посвящ. 65-летию Великой Победы, состоявшейся 21–22 апреля 2010 года / под ред. Л. М. Искры и В. А. Шамрая. Воронеж, 2010. С. 458–502.

Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 25.

Раздел 4
СТРАНА СОВЕТОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

УДК 94(47).084.37

С. В. Коваленко

СОВЕТСКАЯ ПЕДАГОГИКА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Статья посвящена исследованию принципов организации педагогических процессов в качестве инструментов социального проектирования, построения общества социальной справедливости. В ней рассматриваются также вопросы диалектики радикальных реформ, которые на бессознательном уровне порождают противоречия традиций и инноваций частных интересов элит и масс, являющихся причиной государственного регулирования.

Ключевые слова: педагогическая парадигма, культ труда, система образования и воспитания, индустриализация, дисциплина, коллектив, нарушение справедливости, отчуждение, государственное регулирование.

Актуальность модернизации педагогики была обусловлена задачей построения советской властью новой системы общественных отношений, основанных на принципах социального равенства, прежде всего возможностей самореализации личности в деле скорейшего восстановления народного хозяйства. Динамика глобальных процессов изменения производственных и общественных отношений поставила задачу смены педагогической парадигмы, перехода от системы социального неравенства к созданию системы, дающей возможность получения образования каждым членом общества. Прежняя педагогика воспитания и образования социальных низов базировалась на традиционных ценностях, отличительной чертой которых был безусловный приоритет интересов общины, церкви и государства по отношению к интересам отдельного человека. Задачей власти стало создание новой педагогики, создающей предпосылки

© Коваленко С. В., 2018

самореализации личности как субъекта трудовой деятельности. В условиях радикального изменения всей системы общественных отношений новая педагогическая парадигма исходила из положения К. Маркса о том, что идеи овладевают массами лишь тогда, когда они непосредственно затрагивают интересы и чувства конкретных личностей [см.: Маркс, 1955, т. 1, с. 247]. Опора на ценности общины, которые разделяли пролетарские и крестьянские массы, обеспечила победу большевиков и их социального проекта, обещавшего справедливое распределение результатов труда.

Реализация политической задачи максимальной мотивации пролетариев и крестьян к преобразовательной деятельности требовала привлечения на сторону новой власти учительства и модернизации системы образования и воспитания. Сразу по окончании Гражданской войны В. И. Ленин добился приоритетного финансирования образования, на нужды которого в 1920 г. из госбюджета тратилось почти 11 % всех средств [см.: Из истории педагогики]. Ленин исходил из установки К. Маркса, рассматривавшего политехническое образование, соединенное с производительным трудом, не только как одно из средств увеличения общественного богатства, но и как «...единственное средство для производства всесторонне развитых людей» [Маркс, 1961, т. 23, с. 495]. Эти методологические установки стали основой формирования советской педагогической школы.

В основе советской педагогической парадигмы воспитания людей будущего общества лежит концепция В. И. Вернадского, утверждавшего, что труд представляет собой стихийный природный антиэнтропийный процесс [см.: Вернадский, с. 252]. В этом контексте работали деятели психолого-педагогической науки 20–30-х гг. XX в. Среди них следует отметить В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского, А. С. Залужного, Н. Н. Иорданского, А. Г. Калашникова, А. П. Пинкевича, М. М. Рубинштейна и др. Опираясь на традиции крестьянской общины и используя работы деятелей психолого-педагогической науки, С. Т. Шацкий организовал первые экспериментальные учебно-воспитательные учреждения народного образования. Эти организации включали в себя детский сад, а также школу 1-й и 2-й ступеней. В них на основе поэтапного развития труда осуществлялось умственное, эстетическое и физическое воспитание. Другим теоретиком и организатором советской педагогики стал А. С. Макаренко. На основе работы колонии им. Горького и коммуны им. Дзержинского Макаренко отстаивал принцип, в соответствии с которым только в условиях правильно организованного труда в коллективе возможно успешное воспитание личности ребенка, формирование его нравственности и мировоззрения.

Радикальное реформирование системы образования и воспитания подчинялась основной задаче подготовки кадров, необходимых для ускоренного развития страны. К 1922 г. сложилась школьная система, включающая в себя начальную школу, основную семилетку и старшую школу – всего 9–10 лет обучения. Положительной стороной этой системы было то, что каждый ее уровень одновременно являлся основой для дальнейшего профессионально-технического образования. «Школа I ступени являлась базой для школ низшего профессионального образования: профшкол, фабзавуча, учебно-производственных мастерских и т. п.; семилетняя школа – для средних и профессионально-технических учебных заведений: индустриальных, сельскохозяйственных, педагогических и других техникумов; девяти-, десятилетняя школы служили основой для дальнейшего, высшего образования» [Константинов, Медынский, Шабаева, с. 348–349].

Радикальное реформирование системы профессионально-технического образования не могло быть успешным в силу влияния традиционных принципов трудовой этики и зависимости трудовой деятельности от природно-климатических факторов, что выражалось в «минимизации усилий» работников. В результате и в системе технологического образования, и в производственной практике нередко терпимо относились к нарушениям производственного цикла. Советская система воспитания и образования действовала преимущественно в координатах количественных показателей. XIV Всероссийский съезд Советов (1929) обязал Наркомпрос принять меры, обеспечивающие практическое внедрение в школе трудового политехнического образования. При школах стали создаваться мастерские по труду (столярные, слесарные, токарные) и школьные производственные музеи. Учащихся вооружали элементарными производственно-трудовыми навыками, формировали умение пользоваться простейшими инструментами. В школах проводилось много экскурсий для непосредственного наблюдения и познания явлений окружающей природы, хозяйственных и общественных отношений. В результате экскурсии и внешкольные занятия постепенно вытесняли уроки.

XVI съезд ВКП(б) (1930) принял резолюцию о введении всеобщего обязательного начального образования. «К этому времени грамотность населения возросла практически в два раза (с 33 % в 1916 году до 62,6 % в 1930 году). Тем не менее, более 1/3 населения Советского Союза все еще оставалось неграмотной, а в сельских местностях этот процент был намного выше» [Там же, с. 352]. Установки партии требовали, чтобы все дети, достигшие школьного возраста, а также переростки, которые

по тем или иным причинам ранее не были охвачены школой, должны были обязательно учиться. Таким образом, реализация педагогической парадигмы была подчинена скорейшему осуществлению программы всеобщего обучения детей и подростков и ликвидации неграмотности среди взрослых.

Важнейшей задачей советской педагогической парадигмы стало создание системы социальных лифтов в контексте идеи формирования «нового человека». Для этой цели еще в 1919 г. были созданы рабфаки, ускоренно готовившие детей рабочих и крестьян, не имевших законченного среднего образования, к поступлению в высшие учебные заведения (в основном технические). Выпускники рабфаков имели преимущества при поступлении в вузы, что снижало общее качество образования. С другой стороны, система рабфаков создавала возможности самореализации тем учащимся, которые в силу социальных факторов не могли получить качественное среднее образование, но обладали задатками и способностями к обучению.

Противоречие развития советской системы воспитания и образования заключалось в необходимости согласования, с одной стороны, свободы самореализации личности, а с другой – интересов государства. Идеологическим и психологическим мотивом самореализации для молодежи, получавшей политехническое образование, стал знаменитый «Марш авиаторов». В строках марша: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» и «И в каждом пропеллере дышит Спокойствие наших границ» заложено противоречие между свободой личности и приоритетами государства. В этом контексте стоит рассматривать педагогическую модель А. С. Макаренко, убежденного, что только производительный труд и дисциплина являются условием существования крепкого коллектива. Подобно общине, производственный коллектив становится субъектом воспитания таких качеств личности, как чувство долга и чести, воли и самодисциплины.

Своим критикам Макаренко отвечал, что в советском обществе мы имеем право называть дисциплинированным человеком только такого, который всегда, при всяких условиях сумеет выбрать правильное поведение, наиболее полезное для общества, и найдет в себе твердость выдерживать эту линию до конца, несмотря ни на какие трудности и неприятности. Дисциплина в понимании Макаренко – это стремление к активности, которая вдохновляет на новые действия в интересах коллектива. Сила школьного коллектива – в общественном мнении, которое может стать регулирующим и дисциплинирующим воспитательным фактором [см.: Макаренко, 1977]. Одним из важнейших способов организации

коллектива, формирования идентичности должны стать символика, отличительные знаки, форма и статус члена коллектива. Эта сторона жизни коллектива нашла яркое выражение в структуре и деятельности колонии им. Горького и коммуны им. Дзержинского.

Специфика педагогической парадигмы, по Макаренко, заключается в утверждении, что правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание нетрудовое. Поэтому задачей учителя должно стать искусство сочетания собственной деятельности и своих педагогических требований с реальными возможностями, правами и интересами коллектива. Макаренко считал, что, если коллектив достиг цели, а новых перспектив перед собой не поставил, наступает самоуспокоение, нет больше стремлений, воодушевляющих участников коллектива, нет у него будущего. Под коллективом Макаренко понимал не случайное скопление людей, а объединение их для достижения общих целей в общем труде – объединение, отличающееся определенной системой полномочий и ответственности, определенным соотношением и взаимозависимостью отдельных своих частей. Он подчеркивал: «Только в коллективе получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» [Макаренко, 1952, с. 7].

Радикальное реформирование системы образования и воспитания не могло не вызвать противоречий в понимании закономерностей и логики развития свободной и инициативной личности. Педагогическая идея Макаренко – воспитание личности как субъекта трудовой деятельности, ответственного перед коллективом – столкнулось с традициями гуманистической педагогики. В XX в. ее выразителями считались Л. Н. Толстой, Н. К. Крупская, В. А. Сухомлинский. В своих работах они отстаивали мысль о наличии в каждом ребенке неизменного личностного ядра, которое является источником собственных побудительных мотивов к развитию. По мнению Л. Н. Толстого, школа должна только предоставлять ученикам возможность получать знания, а ученики имеют право выбирать то, что им нужно, что представляет для них интерес. Воспитание не может не быть принудительным в силу естественного для личности стремления к внутренней гармонии [см.: Толстой]. Философия гуманистической педагогики проявилась в утверждении Н. А. Бердяева о том, что «философская антропология ни в каком смысле и ни в какой степени не зависит от антропологии научной, ибо человек для нее не природный объект, а сверхприродный субъект. Философская антропология целиком покоит-

ся на высшем, прорывающемся за грани природного мира самосознании человека» [Бердяев, с. 215]. Поэтому свобода личности является абсолютной ценностью и не может быть заменена иными, внешними по отношению к ней социальными ценностями. Сторонники гуманистической педагогики выступали против дисциплинарного подхода, т. е. обязательных для всех общих правил и санкций за их невыполнение.

Ускоренная подготовка субъектов трудовой деятельности требовала специализации в преподавании и авторитарных методов работы с учащимися. Специализация и стандартизация преподавания охватила все уровни системы обучения и воспитания, что стало основой усиления бюрократического контроля над системой воспитания и образования на основе доминирования количественных показателей. Бюрократизация правящих элит стала основной причиной кризиса советской педагогической парадигмы – построения нового общества на основе культа труда. Элиты, создавая закрытые системы распределения, проводили политику принуждения человека к труду, что неизменно порождало отчуждение и попытки индивидуумов вернуться к биологическим формам самореализации посредством статусного присвоения и потребления. Критическое отношение трудящихся масс к социальной самореализации через труд неизбежно оборачивается усилением государственного принуждения и нарушением принципов справедливости.

Потенциал педагогической парадигмы Макаренко – воспитание личности как субъекта трудовой деятельности, ответственного перед коллективом – был отмечен в 1988 г. ЮНЕСКО. Антропологической основой эффективности педагогической модели Макаренко стало единство и противоречие генетически заложенных бессознательных индивидуальных и групповых программ жизнедеятельности. Индивидуальная программа формирует личностные потребности сохранения жизни и самореализации, что возможно только в совместной трудовой деятельности, устойчивость которой определяется нормами и правилами разделения труда. Эти нормы стихийно формируются групповой программой, определяющей рамки активности власти, необходимые для производства ресурсов жизнеобеспечения и реализации естественных прав гражданина в зависимости от степени его участия в осуществлении интересов государства, а также обеспечения целостности и развития социума [см.: Коваленко, с. 84–85].

Потенциал педагогической модели Макаренко был подтвержден концепцией психологического поля К. Левина. По мнению исследователя, физиологическое и эмоционально-психологическое взаимодействие

субъектов коллектива формирует психологическое поле, которое становится стимулом для самоорганизации личности ребенка. Описывая феномен поля как пространственно-временной континуум, К. Левин отмечал, что его движущей силой является противоречие в виде феноменов валентности – своего рода энергетических зарядов, вызывающих у человека энергетическое напряжение, требующее разрядки. Эта разрядка побуждает субъектов общения к деятельности, формированию навыков социально-психологической адаптации и самореализации. В силу этого феномена субъекты коллектива могут выступать в роли обучающих, что значительно повышает их самооценку, особенно если они работают с младшими [см.: Левин, с. 51–108].

Потенциал советской педагогики как инструмента социального проектирования заключался в возможности согласовать традиционное восприятие труда как обязанности или священного долга с идеей гуманистической педагогики о значении личностного ядра как движущей силы самореализации. Попытка советской педагогики радикально изменить систему воспитания личности через ее самоутверждение в процессе трудовой деятельности, в коллективе, при игнорировании потребности в адекватном вознаграждении закончилась кризисом системы принудительного социализма. Тем не менее, кризис педагогики коллективизма не означает, что эта педагогика не в состоянии способствовать реализации антропологической потребности личности в самореализации в качестве субъекта созидания. Педагогика коллективизма есть проявление движения к ноосфере через организованный человеческий труд, в основе которого лежит стихия природного процесса [см.: Вернадский, с. 252]. Таким образом, педагогика коллективизма при условии совпадения ее содержания с потенциалом задатков и способностей личности создает основу адекватного определения цели и смысла жизни, снимая противоречия между сущностью человека и его существованием.

Бердяев Н. А. Философия свободы: Смысл творчества. М., 1989.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

Из истории педагогики. Русское педагогическое сознание. Образование и воспитание [Электронный ресурс]. URL: http://www.school-city.by (дата обращения: 23.07.2017).

Коваленко С. В. Антропологические основы ноосферогенеза. М., 2005.

Константинов Н. А., *Медынский Е. Н.*, *Шабаева М. Ф.* История педагогики. М., 1982.

Левин К. Разрешение социальных конфликтов : пер. с англ. СПб., 2000.

Макаренко А. С. Лекции о воспитании детей. М., 1952.

Макаренко А. С. Проблемы воспитания в советской школе // А. С. Макаренко. Избранные педагогические сочинения. М., 1977 [Электронный ресурс]. URL: www.makarenko.edu.ru/files/problemy_vospitania v_sov.doc (дата обращения: 23.07.2017).

Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 23.

Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 219–368.

Толстой Л. Н. О воспитании [Электронный ресурс]. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/tolstoy-o-vospitanii (дата обращения: 23.07.2017).

УДК 94(47).084:35

С. Б. Лугвин

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье анализируются особенности большевистской модели модернизации: механицистская парадигма, внеэкономическая эксплуатация крестьянства, утверждение этатистской системы, диктаторские методы управления и др. Отмечается, что такая модель модернизации привела к усилению бюрократии, слиянию партийного и государственного аппаратов, утверждению партийной номенклатуры и преобладанию административно-командных методов управления. Сделан вывод, что сложившаяся в СССР система политико-административного управления оказалась не способной обеспечить постиндустриальное развитие страны.

Ключевые слова: большевистская модель модернизации, советская система государственного управления, административно-командная система.

Придя к власти, большевики приступили к реализации утопического проекта создания совершенного общества, который предусматривал радикальное переустройство общественной жизни на коммунистических началах: ликвидацию частной собственности, огосударствление экономики, упразднение классов, плановое ведение народного хозяйства и пр. Считалось, что в результате в стране утвердится рационально организованное и справедливое общество. В основе большевистской концепции модернизациии лежали механицистская парадигма и технократический тип мышления. Лидеры большевиков явно абсолютизировали техническую сторону модернизации и недооценивали все другие ее составляющие.

© Лугвин С. Б., 2018

Так, проявляя немалый интерес к западной модели развития, В. И. Ленин интересовался лишь ее организационными и технико-производственными компонентами. Характеризуя особенности большевистской модернизации, Е. Рашковский справедливо заметил, что «модернизаторское рвение» большевиков «ориентировалось не на целостные достижения европейско-американской культуры в сферах технико-экономической, гражданской и духовной, но скорее лишь на обедненные и односторонние представления о технологической и военной эффективности Запада» [Рашковский, с. 106].

В представлении большевиков будущее общество – это огромная фабрика, использующая передовые технические достижения, прогрессивную технологию и организацию труда. Так, для В. И. Ленина примером организации социалистического хозяйства служили банки, почта, тресты, железные дороги и иные крупные предприятия. Он считал, что при социализме «все общество будет одной конторой и одной фабрикой» [Ленин, т. 33, с. 101]. Видный теоретик большевизма Н. И. Бухарин также полагал, что в будущем произойдет «превращение всего общества… в единый технический комбинат» [Бухарин, с. 93]. Социалистическое общество большевики рассматривали как сложную техническую систему, тщательно отрегулированную и отлаженную, в которой будет обеспечено сознательное управление всеми общественными процессами. Подобный проект был несовместим с принципами свободного рынка, наличием гражданского общества, признанием свободы личности и предприимчивости граждан.

В качестве важнейшего компонента модернизации большевики рассматривали индустриализацию, которая была прервана в годы Первой мировой и Гражданской войн и последовавшей за ними экономической разрухой. В ходе ее проведения в исторически короткие сроки ценой неимоверных человеческих и материальных издержек был решен ряд важных задач по созданию материально-технической базы индустриального общества: осуществлена техническая реконструкция народного хозяйства, достигнут значительный подъем производительности труда, созданы новые отрасли экономики (тяжелое машиностроение, химическая промышленность, электроэнергетика и др.) и пр. Уже к концу второй пятилетки по объему валовой промышленной продукции страна вышла на первое место в Европе и второе в мире. Индустриализация сопровождалась быстрым ростом городского населения, изменением его профессиональной структуры, увеличением числа лиц, занятых в сфере промышленного производства и т. п.

С самого начала процессы модернизации приобрели деформированный характер. При отсутствии внешних инвестиций индустриализация в Советском Союзе опиралась исключительно на внутренние ресурсы и обеспечивалась в основном за счет внеэкономического изъятия средств из сельского хозяйства и жестокой эксплуатации крестьянства, для чего была проведена коллективизация и осуществлено насильственное прикрепление к земле. Такие «модернизационные» процессы возродили состояние крепостной зависимости сельского населения. Военизированный характер индустриализации породил диспропорции в экономике. Абсолютный приоритет получили отрасли тяжелой индустрии, а отрасли, ориентированные на производство товаров народного потребления, оказались забытыми. В дальнейшем это обусловило незавершенный характер модернизации и длительное использование ручного труда в тех секторах производства, которые не являлись приоритетными с точки зрения укрепления военного потенциала государства.

Наряду с индустриализацией большевистская модернизация включала радикальные изменения в духовной жизни общества, именуемые «культурной революцией». Одной из ее целей стало вытеснение дореволюционной интеллигенции и создание новой, «советской», происходящей из рабочих и крестьян. Одновременно осуществлялась ликвидация массовой неграмотности на основе введения всеобщего начального образования и создания общедоступной светской школы. В условиях тотальной политизации общественной жизни образовательные учреждения стали идеологическими инструментами правящей партии, которые использовались для формирования человека «новой формации».

Большевистский проект модернизации окончательно упразднил всякие начала социальной самоорганизации, в очень ограниченной степени присущие дореволюционной России. Уничтожение частной собственности и ликвидация рыночных отношений возродили не изжитые в самодержавной России единство власти и собственности, внеэкономические формы эксплуатации труда и сделали их безраздельно господствующими. В результате экономика стала прямым продолжением политической власти, что породило специфический тип общества, именуемый социологами этакратизмом. «Этакратизм, – пишет О. И. Шкаратан, – это… *параллельная ветвь исторического развития современного индустриального общества* со своими собственными законами функционирования и развития. Его можно рассматривать и как самостоятельную социально-экономическую систему… и как одну из форм модернизации (индустриализации) стран неевропейского культурного ареала» [Шкаратан, с. 50]. Командно-

директивные методы управления, репрессии и идеологическое воздействие стали играть решающую роль в организации всех социальных процессов, что означало возрождение традиционалистских начал общественной жизни. В данном контексте нельзя не согласиться с мнением А. С. Ахиезера о том, что в 1917 г. в России произошел «антимодернизационный взрыв» [см.: Российская модернизация, с. 4].

Попытка реализовать на практике утопический проект радикального переустройства общества в условиях неготовности масс для его восприятия была невозможна без наделения власти диктаторскими полномочиями. Подобно Петру I, В. И. Ленин считал, что для «перенимания западничества» можно использовать «диктаторские приемы», «не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [Ленин, т. 43, с. 211]. Вместе с тем большевики питали иллюзии, что механизмы диктатуры пролетариата позволят привлечь к управлению государством широкие трудящиеся массы. Так, например, В. И. Ленин неоднократно замечал, что социалистическое государство должно быть по-новому демократическим (для пролетариев и неимущих) и по-новому диктаторским (против буржуазии). Признавая важность демократических институтов для активизации политической активности масс, он отвергал такие принципы либеральной демократии, как парламентаризм, конституционализм, приоритет личных прав и свобод граждан, разделение властей, господство права и др. «Величайшей нелепостью было бы думать, – писал вождь, – что самая глубокая революция в истории человечества… может произойти внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентарной демократии… без создания новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т. д.» [Ленин, т. 37, с. 498–499].

Однако очень скоро стало ясно, что полноценное участие масс в управлении государством невозможно по причине их неграмотности, управленческой некомпетентности, склонности к митинговой демократии и низкого уровня политической культуры. Данная ситуация усугублялась частой сменяемостью делегатов, отсутствием у них свободного времени для выполнения административных функций и кратковременностью их депутатской деятельности. В результате ведущую роль в Советах стали играть исполкомы и президиумы исполкомов, работники которых не избирались, а назначались властью. Учитывая сложившуюся реальность, В. И. Ленин был вынужден отказаться от своих утопических представлений о возможности привлечения широких масс к управлению государством. «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? –

риторически вопрошал он, – Практические люди знают, что это сказки» [Ленин, т. 42, с. 253]. В подобных условиях он выдвинул новый тезис: Советы – органы власти не трудящихся, а для трудящихся. Данный тезис, по сути, оправдывал то положение, что на деле реальная власть в стране принадлежала не Советам, а большевистской партии, которая с устранением своих политических противников сосредоточила в своих руках все наиболее значимые властные полномочия.

На протяжении 1920-х гг. Советы утратили всякие остатки своей самостоятельности. Партийные органы систематически вмешивались в их работу, определяя персональный состав Советов (их исполкомы обычно состояли из большевиков), принимаемые решения и используемые регламенты. Постоянно осуществлялась ротация кадров между партийным и государственным аппаратом, особенно в его высших звеньях, что, в конечном счете, привело к сращиванию аппаратов государства и партии.

Окончательно осознав, что альтернативы бюрократическому управлению в России просто не существует, большевики встали на путь создания нового бюрократического аппарата (одновременно на предприятиях они стали насаждать отвергаемую ими прежде тейлоровскую систему организации труда). Новая бюрократия в значительной степени унаследовала институты, кадровый персонал и принципы организации старой системы управления. В своей деятельности создаваемые наркоматы (с 1946 г. министерства) стали использовать применяемые еще царскими ведомствами функциональный и отраслевой принципы управления.

Таким образом, несмотря на антибюрократические инвективы большевиков, уже в первые годы советской власти в стране были воссозданы бюрократические структуры, во многом напоминающие дореволюционную бюрократию. В своих последних статьях В. И. Ленин признавал, что новый госаппарат «только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата» [Ленин, т. 45, с. 385]. Возрождение бюрократии было вызвано, с одной стороны, необходимостью практического решения задачи по организации управления в стране, где нужно было преодолевать хозяйственную разруху, осуществлять экономическую и социальную модернизацию, а с другой – потребностью радикального переустройства всей общественной жизни на коммунистических началах, что требовало установления государственного контроля над всеми сферами общественной жизни. В результате большевики отказались от Марксовой идеи «отмирающего государства» и встали на путь создания мощного централизованного государства, опирающегося на постоянный бюрократический аппарат.

В соответствии с заявленной целью «овладеть аппаратом» (И. В. Сталин) правящая партия сумела в максимально короткий срок поставить под свой контроль работу всех советских учреждений, хозяйственных предприятий и общественных организаций, что обеспечивалось посредством назначения ее представителей на руководящие должности в их административных органах. Так возникла номенклатура, представляющая собой перечень наиболее важных должностей, на которые кандидатуры предварительно рассматривались, утверждались и отзывались партийными комитетами разного уровня: от райкома до ЦК. Уже в 1920-е гг. подобное назначенчество приобрело широкое распространение, а в 1930-е гг. стало нормой. Оно не регламентировалось никакими правовыми актами и рассматривалось «как доверие, партийное поручение, официально закрепленное решением соответствующего парткома» [Бойков, с. 100].

Основной принцип номенклатурного назначения сформулировал И. В. Сталин: «После того как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь» [Сталин, т. 5, с. 210]. В основе подобного подхода лежало требование исполнительности, что превращало номенклатурные кадры в проводников воли партийного руководства.

В период формирования Советского государства руководящие звенья вновь создаваемых наркоматов в основном состояли из партийных и профсоюзных активистов, а административный персонал – преимущественно из дореволюционных чиновников. Другим источником формирования нового аппарата стали выдвиженцы из рабочих и крестьян, которые в большинстве своем имели лишь начальное и домашнее образование. Привлечение в аппарат малограмотных и лишенных управленческого опыта людей привело к реанимации худших черт царского государственного аппарата, так как «именно придавленные, лишенные прав маргинальные массы оказываются наиболее стойкими хранителями системы отношений прежнего общества в их наиболее архаичной форме» [Криворотов, с. 191].

Низкий культурный уровень государственного аппарата негативно сказывался на эффективности государственного управления и не позволял решать стоящие перед страной социально-экономические проблемы. Между тем назревшие потребности модернизации экономики настоятельно требовали формирования профессионального государственного аппарата. В результате уже в начале 1920-х гг. большевики были вынуждены предпринять ряд мер, направленных на его рационализацию. Наряду с организацией всякого рода курсов и иных форм обучения, нацеленных

на повышение управленческой культуры служащих, в практику административной работы стали внедряться принципы научной организации труда (НОТ).

Основным инструментом в решении этой задачи стал Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ), при котором в 1923 г. был образован Совет по НОТ, а в 1926 г. – специальный Государственный институт техники управления. Разрабатывая свои идеи в русле популярных на Западе теорий Ф. Тейлора, А. Файоля, Х. Эмерсона и др., нотовцы уподобляли аппарат управления хорошо отлаженной и тщательно отрегулированной машине. Их девизом было: «Смотри на машину-орудие. Создай машину-организацию». В книге П. М. Керженцева «Принципы организации», которую В. И. Ленин предложил взять за основу учебника по организации управленческого труда, был сформулирован ряд важнейших принципов построения советского аппарата: линейность, руководство, подчинение, унификация, специализация, дисциплина, контроль, стандартизация, компетенция, рациональное делопроизводство и др. [см.: Керженцев]. Однако интерес к научной организации административного труда был временным и к концу 1920-х гг. практически полностью угас.

На протяжении 1920–1930-х гг. в стране был создан ряд условий для повышения культурного уровня партийно-советских кадров: появились новые вузы и техникумы, была развернута сеть партийно-советских школ, коммунистических университетов, различных курсов повышения квалификации и пр. В результате новые административные кадры стали воспроизводиться исключительно за счет выпускников советских учебных заведений.

В литературе советский механизм государственного управления, сложившийся в 1920–1930-х гг., получил наименование «административно-командной системы». Его характерными чертами стали: монополизация власти одной партией, сращивание партийного и государственного аппаратов; высокая степень централизации управления; огосударствление профсоюзов, кооперативных и иных общественных организаций; широкое использование командных методов управления, номенклатурный принцип руководства и пр. В условиях отсутствия рыночных отношений такая система позволяла достаточно эффективно мобилизовывать общественные ресурсы для решения ряда задач индустриализации, создания мощного военного потенциала страны, обеспечения победы в годы Великой Отечественной войны, последующего военного противостояния двух супердержав. По ряду своих характеристик она напоминала издавна существующее в России «служебное государство». Административно-командная

система сохранялась на протяжении всего периода существования СССР и обновлялась лишь частично за счет смены скомпрометировавших себя кадров, организационных перестроек и уточнения идеологических установок.

Одной из особенностей советской системы управления стал быстрый рост численности чиновничества. Уже за первые три года существования новой власти общее количество управленцев выросло почти в пять раз. Перепись населения 1939 г. зафиксировала дальнейший рост их численности: за десять лет административный аппарат вырос в шесть раз [см.: История..., с. 285]. Причиной подобного положения вещей являлась ликвидация механизмов рыночной самоорганизации, огосударствление всех сфер общественной жизни и низкое качество административного аппарата. Значительное увеличение числа чиновников было связано также с характером проводимых преобразований, которые обычно насаждались «сверху». Любое начинание обычно сопровождалось (а часто только этим и ограничивалось) ростом аппарата. С расширением и усложнением сферы управления принимались в основном меры количественного характера: создавались новые органы, увеличивалась численность административных работников, расширялись параметры отчетности и т. п. В результате в конце 1980-х гг. в административной сфере было занято уже почти 18 млн чел.

Общий вектор советской модернизации в основном совпадал с ходом модернизационных процессов в западных странах: внедрение новых технологий, основанных на использовании научных знаний; замена ручного труда машинным; сокращение удельного веса аграрного сектора; секуляризация образования и распространение грамотности; развитие средств массовой коммуникации и пр. Однако в СССР модернизационные процессы не имели комплексного характера и опирались на принципы традиционализма. «Большинству советских людей, – пишет И. Заславская, – были свойственны патерналистский тип сознания, слабая ценность самостоятельности, независимости и личной ответственности. Они редко проявляли личную инициативу, не стремились к самоорганизации и самоуправлению… предпочитали приспосабливаться к трудным обстоятельствам жизни, не вступая в активную борьбу за их преодоление» [Заславская, с. 7]. Подобные порядки и соответствующие им психологические установки граждан были полезны в условиях форсированной индустриализации, однако на новом, более высоком этапе развития общества мешали развитию и носили дисфункциональный характер.

Утверждение индустриальных технологий в ключевых точках народного хозяйства поставило в повестку дня вопрос о внедрении постиндустриальных технологий. Подобная тенденция, отчетливо проявившаяся к началу 80-х гг. XX в. на Западе, побудила экономически развитые страны встать на путь структурной перестройки своей экономики. Что же касается Советского Союза, то его экономика оказалась не способной воспринять новые императивы экономического роста. Для решения этой задачи требовались такие качества работников, как чувство хозяина, заинтересованность в результатах своего труда, инициатива, ответственность и пр. Все это было невозможно без перехода экономики на рыночные рельсы, демократизации политической системы, обеспечения свободы личности, беспрепятственного распространения информации и пр.

Бойков В. Э. Государственные служащие: штрихи коллективного портрета // Социс. 1997. № 6. С. 99–108.

Бухарин Н. Этюды. М. ; Л., 1932.

Заславская Т. И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 5–15.

История государственного управления в России / под ред. Р. Г. Пихои. М., 2002.

Керженцев П. М. Принципы организации / сост. И. А. Слепов. М., 1968.

Криворотов В. Русский путь // Знамя. 1990. № 9. С. 184–200.

Ленин В. И. II Всероссийский съезд горнорабочих. 25 января – 2 февраля 1921 г. // Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1970. Т. 42. С. 245–261.

Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1969. Т. 33. С. 5–119.

Ленин В. И. Как нам реорганизовать Рабкрин? // Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1970. Т. 45. С. 383–388.

Ленин В.И. О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1970. Т. 43. С. 205–245.

Ленин В. И. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта // Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1981. Т. 37. С. 491–509.

Рашковский Е. Опыт тоталитарной модернизации России (1917–1991) в свете социологии развития // МЭиМО, 1993. № 7. С. 105–118.

Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопр. философии. 1993. № 7. С. 3–39.

Сталин И. В. Организационный отчет ЦК РКП(б) XII съезду // Сочинения : в 18 т. М., 1947; М., 1953. Т. 5. С. 197–222.

Шкаратан О. И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 49–61.

УДК 94(47).084: 321.74

И. П. Яковлева

РОЛЬ ОРГАНОВ ОБЩЕСТВЕННОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕОЛОГЕМЫ ГОСУДАРСТВА ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

В статье изучаются место и роль органов контроля в процессе конструирования новой политической системы в первые годы советской власти. Обосновывается тезис о том, что РКИ способствовали внедрению в массовое сознание идеологемы диктатуры пролетариата. Указаны основные направления деятельности органов контроля по взаимодействию с населением и вовлечение его в орбиту деятельности политической партии большевиков, прежде всего формирование состава РКИ, создание ячеек содействия, работа с общественными организациями.

Ключевые слова: идеология, диктатура пролетариата, Рабоче-крестьянская инспекция.

Появление на волне радикальных социальных и политических изменений новой политической силы – партии большевиков – поставило перед ней задачу выстраивания основ легитимности собственной власти. Необходимо было завоевать и удержать доверие масс. Основанием для этого стала идеологическая система марксизма, которую большевистские лидеры в первые годы советской власти вынуждены были адаптировать к российским экономическим и социокультурным реалиям. Созданная в результате марксистско-ленинская доктрина стала основой для конструирования советской политической практики.

Среди важнейших для государственного строительства идеологем, использовавшихся новой властью, следует отметить концепцию диктатуры пролетариата. Основоположники теории говорили о ней как о возможной форме организации политической власти в период революции и первых лет ее функционирования. Согласно Ф. Энгельсу «пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников» [Энгельс, с. 5]. Анализируя марксистские идеи, Е. В. Барышева делает вывод, что политическая власть пролетариата должна была включать в себя контроль ассоциированных производителей – рабочего класса, который составлял подавляющее большинство общества, над производительными силами, которые рабочими же и создавались [см.: Барышева, с. 180]. В дальней-

© Яковлева И. П., 2018

шем В. И. Ленин развил данную идею, обосновал необходимость завоевания власти революционным пролетариатом и установления диктатуры пролетариата.

Ориентация на пролетариат как социальную базу революции и новой государственности не означала полной утопичности идей большевизма. Виднейшие политические лидеры (Ленин, Троцкий и др.) в полной мере осознавали слабость российского рабочего класса. Проблемы в развитии российского пролетариата наглядно показаны в работах, вышедших в конце XX – начале XXI в. Так, в одной из них приводятся статистические данные, согласно которым общая численность населения страны к началу XX в. составила около 126 млн чел., из них к категории пролетариата можно было отнести 18 млн чел., и прежде всего 4,2 млн фабрично-заводских, горных и железнодорожных рабочих [см.: Алексеенко, Ухорский, с. 21]. Кроме того, большинство исследователей отмечают неоднородный состав рабочего класса России.

Осознавая незрелость российского рабочего класса, большевики не рассматривали пролетариат как самостоятельного актора в политике. Теоретики партии считали, что пролетариат еще не подготовлен к управлению государством. Вместе с тем налицо понимание оторванности партийной верхушки от социального класса, который должен был стать основой для развития общества нового типа. Партия, отведя себе роль направляющей силы в процессе становления коммунистического общества, прилагает усилия по целенаправленному конструированию новой реальности, которая в сознании граждан страны должна была связать действия власти с потребностями беднейших слоев населения, создать ощущение реальной вовлеченности трудящихся масс в процесс управления страной. Придя к власти в ходе Октябрьского переворота, большевики провозглашают новый политический режим режимом победившего пролетариата.

Идея «диктатуры пролетариата» в полной мере отвечала цели создания впечатления легитимности новой власти. Для достижения поставленной цели использовались различные средства и механизмы. Воспитанию сознания пролетариата способствовали политические институты и организации, созданные новым режимом. С их помощью, по мнению В. И. Ленина, возможно было обучить массы управлению, способствовать развитию самоуправления: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством… Но… мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами,

и чтобы начато было оно немедленно…» [Ленин, т. 34, с. 315]. Обучающими организациями, по мнению теоретика большевизма, должны были стать Советы рабочих и крестьянских депутатов и органы общественного контроля [см.: Земцов, с. 87–88].

Особо следует отметить органы общественного (рабочего) и государственного контроля. Национализация собственности, прежде всего на средства производства, значительно расширила управленческие функции Советского государства и актуализировала проблемы контроля над деятельностью государственных предприятий и обеспечение их соответствующим количеством профессиональных управленческих кадров, лояльных новому политическому режиму. Решить данные задачи, по мнению В. И. Ленина, мог институт рабочего контроля.

Началом организации общественных контрольных органов стало издание положения ВЦИК от 14 ноября 1917 г. о рабочем контроле [см.: Образование..., с. 21–22]. В положении говорилось, что рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т. п. Для каждого крупного города, губернии или промышленного района создается местный совет рабочего контроля. Руководящим органом был учрежденный в Петрограде Всероссийский совет рабочего контроля. Параллельно формировались и органы государственного контроля.

9 апреля 1919 г. ВЦИК и СНК утвердили декрет, в котором все существовавшие при отдельных ведомствах, организациях и предприятиях контрольно-ревизионные органы (в том числе органы рабочего контроля) объединялись с органами госконтроля под началом последнего. Это делалось с целью «влить в него свежие силы рабочих контрольно-ревизионных организаций, дать ему новые задачи действительного, фактического контроля, вовлечь в его работу широкие слои рабочих и крестьян для того, чтобы Государственный контроль из органа формального контроля превратить в орган народного социалистического строительства и постоянного совершенствования всего механизма Советской власти» [Декреты..., т. 5, с. 49].

Стремясь сделать органы контроля максимально приближенными к народу и демонстрирующими его вовлеченность в процесс управления страной, большевистское руководство провело еще одну реформу. 7 февраля 1920 г. ВЦИК опубликовал декрет «О Рабоче-крестьянской инспекции», в соответствии с которым предполагалось «реорганизовать государственный контроль как в центре, так и на местах в единый орган социалистического контроля на основе привлечения в органы бывшего

Государственного контроля рабочих и крестьян и присвоить ему наименование «Рабоче-Крестьянская Инспекция»» (РКИ) [см.: Декреты..., т. 7, с. 212]. В. И. Ленин настаивал на «проведении» всей трудящейся массы, и мужчин, и женщин, через участие в Рабоче-крестьянской инспекции. «Участие это сделать различным, смотря по степени развития участников: начиная с роли “послуха”, или свидетеля, или понятого, или учащегося для неграмотных и совершенно неразвитых рабочих и крестьян, и кончая всеми правами (или почти всеми) для грамотных, развитых, испытанных так или иначе. Постепенно вызывать крестьян с мест (обязательно беспартийных крестьян) для участия в Госконе в центре: начать хотя бы (если нельзя больше) с 1–2 от губернии, а потом, в зависимости от транспорта и других условий, расширять. То же для беспартийных рабочих» [Там же, с. 201].

Согласно положению выборы в члены РКИ должны были происходить на фабриках, заводах, предприятиях и т. п., а в волостях и поселках – на сельских и волостных собраниях избирателей и на беспартийных рабоче-крестьянских конференциях. Членство в РКИ ограничивалось только отсутствием у кандидата избирательного права по Конституции РСФСР. Исключались и лица, занимавшие ответственные должности по управлению предприятиями или высшие административные должности. Количество членов не ограничивалось, состав должен был быть текучим. Делегированные для работ в Рабоче-крестьянской инспекции члены, как в центре, так и на местах, обязаны были не реже одного раза в месяц представлять отчеты в устной или письменной форме о своей работе делегировавшему их собранию избирателей. На фабриках, заводах и в мастерских, а также в селах должны были быть организованы ячейки для содействия РКИ [см.: Там же, с. 214].

Формы участия рабочих и крестьян в деятельности Рабкрина были разнообразны: участие в плановых и внеплановых ревизиях, рейдах летучей кавалерии, членство в ячейках содействия и комиссиях содействия РКИ. Мероприятия, проводимые органами контроля, освещались в периодической печати – как общероссийской, так и региональной. Члены РКИ участвовали в агитбригадах, посещали собрания различных кружков и обществ и т. д.

Положением о Рабоче-крестьянской инспекции 1920 г. на Рабкрин возлагалась обязанность выработать порядок проверки того, насколько действенно участие рабочих и крестьян в инспекции и каковы результаты этого участия с точки зрения обучения рабочих и крестьян делу государственного управления [см.: Нелидов, с. 444]. В различных офици-

альных документах по деятельности КК – РКИ второй половины 20-х гг. XX в. особо подчеркивалась роль органов контроля в содействии административным и хозяйственным органам в деле подбора надлежащего состава сотрудников, разработке практических мероприятий по подготовке рабочих и крестьян на руководящие должности [см.: ГАРФ, ф. А-406, оп. 1, д. 561, л. 6.].

Причем, следует отметить, что с самого начала своего существования органы контроля столкнулись со сложностями, связанными с отсутствием у значительной части населения даже базового образования (что, несомненно, затрудняло обучение управлению), его политической безынициативностью. В результате к фактической деятельности Рабкрина привлекались служащие, интеллигенция. Региональные руководители вынуждены были постоянно следить за соблюдением классовых, гендерных, национальных пропорций членства в РКИ, устанавливаемых партийным руководством.

Таким образом, органы общественного и государственного контроля, созданные после прихода к власти большевиков, помимо своих основных функций способствовали легитимации нового политического режима, реализации на практике идеи диктатуры пролетариата.

Алексеенко А. А., *Ухорский М. В.* Особенности становления и развития социальной структуры современного российского общества // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2013. № 1. С. 18–25.

Барышева Е. В. Политическое событие как способ легитимации диктатуры пролетариата // Вестн. РГГУ. 2008. № 1. С. 180–185 (Сер. Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение).

ГАРФ. Ф. А-406 (Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (НК РКИ РСФСР)).

Декреты Советской власти : в 18 т. М., 1971. Т. 5, 7.

Земцов Б. Н. Противоречия государственно-политического устройства советской России // Формирование административно-командной системы, 20–30-е гг. : сб. ст. М., 1992.

Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 34. С. 287–339.

Нелидов А. А. История государственных учреждений СССР 1917–1936 гг. М., 1962.

Образование и развитие органов социалистического контроля в СССР (1917–1975) : сб. документов и материалов. М., 1975.

Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю. 18–28 марта 1875 г. // Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 1–8.

УДК 94(47).084.3/.084.6:331.101.3

Р. Ш. Хакимов

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЭНТУЗИАЗМА В СССР в 1918–1930-х гг.

Дан анализ форм использования энтузиазма трудящихся в период социалистической реконструкции в СССР. Выдвигается положение об использовании энтузиазма как своеобразной формы эксплуатации трудящихся и всего населения страны. Отмечается возможность использования энтузиазма лишь как кратковременного фактора повышения производительности труда.

Ключевые слова: энтузиазм, социалистическое соревнование, стахановское движение, субботник.

По общепринятой терминологии, эксплуатация – это присвоение результатов труда другого человека без обмена или с предоставлением взамен товаров (услуг, денег), стоимость которых меньше, чем стоимость, созданная трудом другого человека [см.: Эксплуатация...]. Слово «энтузиазм» в переводе с греческого языка означает «вдохновение», «восторг», «воодушевление» – положительно окрашенная эмоция, состояние воодушевления, а также под влиянием этого настроения – желание и совершение активных действий по достижению определенных целей [см.: Ямпольский, с. 412]. Большевики во главе с В. И. Лениным, придя к власти в России, провозгласили своей целью строительство идеального общества без частной собственности, войн, социальной несправедливости и эксплуатации.

С первых дней советская власть начала практическое осуществление своих планов по созданию коммунистического общества. Была проведена национализация всей промышленности, земля объявлена государственной собственностью. Политика военного коммунизма, проводившаяся в 1918–1920 гг., предусматривала отмену денег, бесплатность коммунальных услуг, проезда на транспорте, запрет частной торговли, продразверстку зерна, государственную монополию внешней торговли, уравнительное распределение материальных благ, милитаризацию труда.

В 1920 г. был создан Главкомтруд (Главный комитет по всеобщей трудовой повинности), создавались революционные армии труда, проводилась мобилизация нетрудовых (буржуазных) элементов для принудительного труда.

© Хакимов Р. Ш., 2018

Но одновременно принимались меры по поддержке революционного энтузиазма масс. По инициативе коммунистов 12 апреля 1919 г. на станции Москва-Сортировочная состоялся первый коммунистический субботник, в котором приняли участие 15 человек. Эта инициатива всячески поддерживалась властью. 1 мая 1920 г. состоялся первый Всероссийский субботник, в котором только в Москве приняли участие 425 тыс. человек.

Идеологическая основа бесплатного коммунистического труда была обоснована в работах В. И. Ленина «Как организовать соревнование» (1918), «Великий почин» (1919). Но уже в 1921 г. он, пересмотрев свои взгляды, писал о необходимости строить экономику «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете» [Ленин, т. 44, с. 151]. Однако в руководстве Коммунистической партии во второй половине 1920-х гг. взяли верх приверженцы командно-административных методов и политики «большего скачка».

Позиция И. В. Сталина была противоположной позиции В. И. Ленина: «…ибо только трудовой подъем и трудовой энтузиазм миллионных масс может обеспечить тот поступательный рост производительности труда, без которого немыслима окончательная победа социализма в нашей стране над капитализмом» [Сталин, с. 265].

15 марта 1929 г. по инициативе рабочих ленинградского завода «Красный выборжец» началось движение по организации социалистического соревнования. Это движение всячески поддерживалось и пропагандировалось государством. Его можно рассматривать как форму стимулирования труда рабочих внеэкономическими средствами. Соревнование приобрело большие масштабы, охватывая бригады, коллективы цехов, заводов, районов, областей, краев.

В обществе средствами идеологической обработки населения создавалась атмосфера духовного подъема: в киноискусстве появился первый звуковой советский документальный кинофильм под названием «Энтузиазм (Симфония Донбасса)» (1930), в литературе – книга В. Катаева «Время, вперед» (1932), в музыке – «Марш энтузиастов» (1940).

Советская пропаганда воспитывала в массах осознание приоритета интересов государства, подчинения личных интересов общественным, готовность идти на жертву. Сказывалась и искренняя вера малограмотных рабочих масс в то, что, быстро преодолев трудности, можно создать в стране счастливую и радостную жизнь. Все это питало трудовой энтузиазм масс, способствуя появлению новых форм соревнования.

В ночь с 30 на 31 августа 1935 г. забойщик донецкой шахты «Центральная – Ирмино» А. Стаханов установил мировой рекорд, добыв за смену 102 т угля, перекрыв норму в 14,5 раза[1]. 14–17 ноября 1935 г. состоялось первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. К 1 января 1938 г. стахановцем считался каждый четвертый советский рабочий. В стахановском движении слился воедино организованный и направляемый властью энтузиазм людей с возможностями новой техники, и это оказало свое влияние на рост производительности труда. Если за счет роста производительности труда в первой пятилетке был получен 51 % всего прироста промышленной продукции, то во второй пятилетке – 79 % [см.: Экономическая история..., с. 7].

Трудовые рекорды поощрялись высокой заработной платой, предоставлением автомашин, отдельного жилья, орденами и медалями. Исследуя вопрос о причинах возникновения стахановского движения, одно из наиболее верных объяснений можно найти в речи председателя Советского правительства В. М. Молотова, заявившего на совещании стахановцев, что «во многих случаях непосредственным толчком к высокой производительности труда является простой интерес к увеличению своего заработка» [см.: Первое Всесоюзное..., с. 279].

Именно этот интерес всячески подогревался – и печатью, и практическими мероприятиями по стимулированию стахановского движения. За один-два месяца заработки первых стахановцев на некоторых предприятиях выросли в три-пять и более раз. Об этом говорили и сами стахановцы в выступлениях на Всесоюзном совещании [см.: Там же, с. 24, 30, 57, 180]. Основная масса стахановцев довольствовалась небольшим увеличением зарплаты, во многом за счет введения сдельной оплаты труда, премированием одеждой, обувью. Одновременно росли нормы, снижались расценки на основные виды работ. Поэтому Л. Д. Троцкий справедливо отмечал, что высокие темпы достигаются «в огромной степени за счет человеческих мускулов и нервов» [Бюллетень...].

---

[1] Трудовой рекорд А. Стаханова тщательно подготавливался. Было осуществлено операционное разделение: забойщик только рубил уголь, а два рабочих выполняли работу по крепежу забоя, был выбран лучший пласт угля, кроме того, подготовлено рабочее место, бесперебойное обеспечение крепежным материалом. Рекордный показатель А. Стаханова, если пересчитать на одного шахтера, был лишь в два раза больше максимальной выработки шахтера Польши и Германии (Рур), которая в то время составляла 16–17 т.

Л. А. Фадеев считает, что социалистическое соревнование на заводах воспринималось руководством прежде всего как возможность решить производственные проблемы максимально экономно (социалистическое соревнование было предпочтительнее оплаты сверхурочных работ). Однако такая экономия при повышении норм выработки явно не способствовала консолидации стахановского движения, приводя в отдельные годы даже к срыву производственных планов [см.: Фадеев, с. 17].

Вместе с тем энтузиазм значительной части общества был неподдельным. Так, А. М. Исаев (1908–1971), будущий ведущий конструктор космических аппаратов и Герой Социалистического Труда, отправившийся в конце 1930 г. добровольцем на Магнитогорский комбинат, писал оттуда родителям: «Недавно нам в силу образовавшегося прорыва хотели поднести рогожное знамя (вручали отстающим. – *Р. Х.*). Так знайте, что многие горняки плакали на собрании и поклялись не допустить позора! Я никогда не думал, что рабочий (конечно, постоянный, а не сезонник) выглядит так, как он на самом деле выглядит. Если нужно, рабочий работает не 9, а 12–16 часов, а иногда и 36 часов подряд – только бы не пострадало производство! По всему строительству ежедневно совершаются тысячи случаев подлинного героизма» [Правда].

Официальная пропаганда всячески рекламировала факты трудового героизма даже в тех случаях, когда он приводил к прямому истощению и инвалидности рабочих. В докладе на XII пленуме ИККИ О. В. Куусинен с гордостью приводил следующий пример: «На постройке Сталинградского тракторного завода надо было при 40-градусном морозе застеклить крышу. Эту работу добровольно взяла на себя бригада стекольщиков-комсомольцев. Многих из них пришлось с отмороженными руками и лицами свезти в больницу. Крыша была застеклена к установленному сроку (Аплодисменты)» [XII Пленум ИККИ, т. 1, с. 9].

Многие рабочие воспринимали соревнование как путь к лучшей жизни, во всяком случае, надеялись на такую возможность. Иллюзия счастливого будущего успешно скрывала царящие в стране страх и бесправие. Власть использовала трудовой энтузиазм народа, эксплуатировала этот энтузиазм.

Одновременно в стране получили распространите репрессивные меры принуждения к труду. Начиная с 1930 г. свободное передвижение рабочей силы в стране было запрещено, введены трудовые книжки, а также уголовная ответственность за нарушение трудовой дисциплины и за халатность. Огромные масштабы в СССР принял принудительный труд в учреждениях системы ГУЛАГ (Главное управление лагерей). Отметим,

что в исправительно-трудовых лагерях на видном месте располагался плакат со словами «Труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и геройства». В 1939 г. общее количество заключенных по системе ГУЛАГа составляло 1 049 463 чел. [см.: Цаплин, с. 157].

Как отмечает А. Б Суслов, «…по большому счету, труд остальной части населения трудно назвать “вольнонаемным”. Вряд ли повернется язык назвать вольным труд колхозника, почти ничего не получавшего за свои трудодни и не имевшего права покинуть колхоз, или труд заводского рабочего, фактически прикрепленного к предприятию Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года “О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений”. Фактически, вольного труда в СССР не существовало, имелись лишь разные градации труда принудительного» [Суслов, с. 255].

Сравнивая принудительный труд с вольнонаемным, необходимо понимать, что это сравнение не с действительно свободным трудом (как в ряде стран того времени), а с трудом, в сущности, принудительным, но все же имеющим определенную степень свободы по сравнению с полностью подневольным трудом заключенных ГУЛАГа.

Власть всеми силами стремилась активизировать соревнование: на всех предприятиях имелись комиссии, инженеры по соревнованию, в каждом наркомате были отделы по организации соцсоревнования. Победителям соревнования устанавливались премии, вручались знамена и вымпелы, в больших масштабах проводилось награждение орденами и медалями. Главной задачей советских профсоюзов стала организация соцсоревнования, а не защита интересов рабочих. Соцсоревнованием были охвачены воинские части, научные учреждения, органы внутренних дел. Но, несмотря на это, соцсоревнование все больше становилось формальностью, снижалась его эффективность.

Так, «стахановизация» проникала во все сферы жизни страны, порой принимая самые дикие формы. Красноречивым примером этого служит приказ наркома внутренних дел Киргизской ССР «О результатах соцсоревнования 3-го и 4-го отделов УГБ НКВД республики за февраль 1938 г.», в котором, в частности, говорилось: «4-й отдел в полтора раза превысил, по сравнению с 3-м отделом, число арестов за месяц и разоблачил шпионов, участников контрреволюционных организаций на 13 человек больше, чем 3-й отдел…» [Известия..., с. 74]. Организовывалось соревнование по закрытию церквей, по охвату коллективизацией.

Другой формой эксплуатации масс стали внутренние государственные займы. Они появились как форма кредитования народом государства. Займы стали выпускаться в СССР с 1922 г. Первоначально они распространялись на добровольной основе. С 1927 г. подписка на государственные займы, формально сохранившая добровольность, фактически приняла обязательный характер.

Через газеты, плакаты, проведение собраний и митингов формировалась атмосфера морально-психологического принуждения, утверждалось, что «участие в займе – дело классовой совести, чести и сознания трудящихся». Каждый гражданин ежегодно подписывался в среднем на сумму не менее, чем месячная зарплата. По признанию министра финансов СССР А. Зверева в годы первой и второй пятилеток с помощью внутренних займов удалось покрыть 15 % расходов, связанных с капитальным строительством [см.: Зверев].

Э. Локк в 1968 г. написал работу, по праву считающуюся классической, в которой на основе эмпирического материала доказал: постановка целей может быть мощной движущей силой и существенно повлиять на увеличение производительности труда [см.: Locke].

Энтузиазм народа государство продолжало эксплуатировать и в послевоенные годы, особенно энтузиазм молодежи. Это выражалось в мобилизации ее на ударные комсомольские стройки, на освоение целины.

Можно говорить о многолетней эксплуатации энтузиазма населения в советский период. Если она была оправдана в периоды мобилизации всех сил (Великая Отечественная война 1941–1945 гг., послевоенное восстановление), то в мирное время трудно обосновать ее необходимость. Однако государство продолжало эксплуатировать энтузиазм народа, а он не мог сохраняться десятилетиями в условиях непрекращающихся материальных тягот и лишений.

Как отмечает А. Бланк, история знает немало примеров длительных мобилизаций, но он не может превышать 30–33 года, так как это период активной жизни поколения, своего рода квант исторического времени, и он соответствует продолжительности солнечного цикла второго порядка. Энтузиазм – это та же энергия – социальная энергия будущего времени, взятая наперед, авансом. Займ следует возвращать, в противном случае происходит истощение общественных сил, упадок [см.: Бланк].

Современное состояние российского общества исследователи оценивают как состояние усталости. Экономист Е. Гонтмахер считает, что в нашей стране «высокий износ человеческого капитала» [Гонтмахер]. А академик В. Казначеев поставил диагноз: «Живущие за Уралом люди –

это усталая нация: смертность в полтора раза выше рождаемости, пенсионеров на четверть больше, чем молодежи, каждый второй брак распадается в первый год, пятая часть браков стерильна, то есть не рождаются дети. …Происходящее в Сибири завтра произойдет в России. Усталая нация больше болеет, не доживает в среднем 12 лет, люди меньше любят родину и друг друга» [Казначеев].

Философ Г. Тульчинский ввел свое понятие – «обессиленное общество» [см.: Тульчинский]. Усталость народа от непрекращающейся гонки вооружений, постоянных мобилизаций, многолетней эксплуатации энтузиазма привела к неверию, социальной апатии и, в конечном счете, к системному кризису экономики СССР, а затем и к распаду государства.

Советская история показала несостоятельность ставки на энтузиазм как на долговременный фактор преобразовательной деятельности. Если сравнить производительность труда, которая была определена как основной критерий соревнования двух экономических систем, то следует признать, что СССР не удалось доказать преимущества социалистической системы хозяйствования. В 1930 г. уровень производительности труда в промышленности СССР составлял 30 %, в 1955 г. – 55 % от производительности труда в США [см.: Грошев, с. 19]. Таким образом, фактически в СССР производительность труда была в два раза меньше, чем в США. Начиная с первой пятилетки, основные показатели планов не выполнялись.

Можно ли говорить об эксплуатации энтузиазма в СССР? Да, можно, ибо имелось присвоение государством результатов труда граждан с предоставлением взамен товаров (услуг, денег), стоимость которых была меньше, чем стоимость, созданная трудом этих людей. Возврат происходил в виде заработной платы и через общественные фонды потребления. Однако сложившаяся система не давала возможности равного и справедливого распределения общественных благ, отдавая предпочтение решению задач укрепления государства (ускоренная индустриализация, расходы на армию), безвозмездной помощи дружественным и соцстранам, содержанию правящей партийно-государственной бюрократии.

Нельзя отрицать, что энтузиазм – это могучая созидательная сила. Японцы, например, очень скрупулезно изучали опыт социалистической реконструкции 1930-х гг. и использовали все лучшее. Советский опыт использования энтузиазма масс убеждает, что данный фактор является механизмом кратковременного действия и может лишь дополнять материальную заинтересованность работника. Основой высокопроизводи-

тельного труда является материальная заинтересованность работника, передовая техника, современные технологии и высокий уровень организации труда.

Бланк А. А. Свободин против А. Парышева: кто прав? [Электронный ресурс]. URL: http://www.duel.ru/200730/?30_4_1 (дата обращения: 30.07.2017).

Бюллетень оппозиции. М., 1930. № 17–18.

Гонтмахер Е. Как рассосется [Электронный ресурс]. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/gontmaher/1460044-echo (дата обращения: 30.07.2017).

Грошев В. П. Занимательная экономика. М., 1988.

XII Пленум ИККИ (Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала) : стеногр. отчет. М., 1933. Т. 1.

Зверев А. Новый заем // Правда. 1940. 2 июля.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 74–75.

Казначеев В. Стремление людей к наживе ведет к искажению здоровья // Аргументы и факты. 2010. 14 июля. № 28.

Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1970. Т. 44. С. 144–152.

Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев. 14–17 ноября 1935 года : стеногр. отчет. М., 1935.

Правда. 1988. 28 окт.

Сталин И. В. Год великого перелома: к XII годовщине Октября // И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. М., 1946.

Суслов А. Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) : эффективность и производительность // ГУЛАГ. Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 255–278.

Тульчинский Г. Обессиленное общество // Знамя. 2010. № 1. С. 167–175.

Фадеев Л. А. Проблемы соревновательных практик на предприятиях машиностроительной отрасли в годы первых пятилеток // NB: Ист. исслед. 2013. № 2. С. 51–75.

Цаплин В. Архивные данные о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопр. истории. 1991. № 4–5. С. 157–163.

Экономическая история СССР : очерки / Л. И. Абалкин, Е. А. Иванов, Д. Е. Сорокин. М., 2007.

Эксплуатация труда [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org (дата обращения: 15.07.2017).

Ямпольский М. Физиология символического. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004.

Locke Edwin A. Toward a Theory of Task Motivation and Incentives // Organizational Behavior and Human Performance. May 1968. Vol. 3, iss. 2. P. 157–189.

УДК 930.1

А. А. Кутузова

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: РАЗВИТИЕ ИЛИ СТАГНАЦИЯ?

В статье рассматривается проблема становления советской науки и советского образования в ранний период существования СССР на примере биографии выдающегося советского ученого Я. М. Захера. Автор затрагивает проблему мифологизированности современного общественного сознания, однобокость оценки результатов исторической науки и ее значения.

Ключевые слова: историческая наука, образование, русская историческая школа, мифологизация, советский этап.

На сегодняшний день в средствах массовой информации, публичных выступлениях политических деятелей, представителей органов государственной власти все чаще звучит тезис о том, что необходимо развивать культуру и сферу образования. И часто их возрождение связывают с принятием новых стандартов, программ развития, заимствованием западных образцов, в научной среде звучит требование использовать только новейшие исследования, без оглядки на имеющиеся достижения в прошлом. Довольно часто складывается ситуация, когда, говоря о какой-либо исторической эпохе, мы сосредоточиваем свое внимание только на отдельных ее чертах, часто негативных. Однако научные изыскания требуют представления рассматриваемого феномена в комплексе, используя всю возможную информацию о нем.

В современных условиях становится привычным, когда остаются без внимания научные практики прошлого, теряется накопленный багаж знаний дореволюционной и советской эпох. Наука и образование в Советском государстве стали инструментом создания нового человека. Сегодня для многих понятия «советское образование» и «советская наука» представляют собой нечто идеологизированное, не терпящее дискуссий и инноваций. Советское образование представляется набором догм, которые формируют шаблонное мышление, без шанса на развитие. Но так ли это?

Вспомним призыв А. Луначарского, обращенный к интеллигенции, повышать образовательный и культурный уровень крестьян и рабочих [см.: Вклад...]. 19 июня 1920 г. Совнарком РСФСР образовал Всероссийскую чрезвычайную комиссию по ликвидации безграмотности. Если в 1920 г. грамотным было только 44 % населения Советского государства,

© Кутузова А. А., 2018

то к 1939 г. этот показатель составил 87 %. Развитие социалистического строительства и связанные с этим задачи по подготовке кадров, ликвидации культурно-технической отсталости и коммунистическому воспитанию широких масс требовали скорейшего введения всеобщего начального обучения как важнейшего условия культурной революции [см.: Колыхалов].

Что такое советский период в развитии исторической науки? Это плеяда блестящих ученых, уникальные разработки, значимые научные открытия. Советская историческая наука не была изолирована, ее достижения были доступны зарубежным коллегам, для которых сотрудничество с отечественными исследователями было крайне важно. Важным направлением сотрудничества стало изучение Великой французской революции. В России сложилась прочная академическая традиция изучения Французской революции совместно с историками école russe. Однако информация о вкладе молодого поколения советских историков и их наставников в изучение этого вопроса практически отсутствует.

В «Литературной газете» была опубликована статья А. Воронцова «“Дело историков” и его подоплека». «Дело историков» (оно же «академическое») было организовано ленинградским ГПУ с подачи Я. Агранова и Я. Петерса. Целое поколение русских историков вырвали из научной и творческой жизни, а некоторых лишили жизни – так описывает А. Воронцов состояние советской исторической науки [см.: Воронцов]. Мало кто сегодня знает о так называемом *русском методе* в исторической науке, которым восхищались представители европейского научного сообщества. Основоположники русской исторической школы (в частности, Н. И. Кареев) взрастили поколение ученых, которые не просто вошли в академическую среду, а активно включились в совместную работу с иностранными коллегами.

Имена таких историков, как Н. И. Кареев, Н. П. Соколов, П. П. Щеголев, Я. М. Захер, сегодня возвращаются в историческую науку. Но круг исследований, посвященных их жизненному пути, научным изысканиям, ограничен, а представленная в них информация недостаточно полная.

Одним из представителей école russe выступает Яков Михайлович Захер (1893–1963). Его жизненный путь и профессиональное становление были нелегкими. Несмотря на то, что советским ученым подчас не были доступны необходимые материалы, они создавали труды, на которые в дальнейшем ориентировалось все мировое научное сообщество. К их числу относится монография профессора Я. М. Захера «Бешеные» (1930), посвященная анализу крайне левого движения в революционной

Франции конца XVIII в. Монография стала итогом научной командировки историка во Францию. Он тесно сотрудничал с такими учеными, как А. Собуль, М. Булуазо, Б. Роуз, Дж. Рюде, К. Тенессон, Р. Кобб и многими другими. А. Собуль, Р. Кобб и другие зарубежные коллеги обменивались с Захером мнениями по проблемам революции и особенно народного движения, неоднократно вступая в полемику с ним. Рецензии Захера были значимы для них не только с содержательной точки зрения, но еще и потому, что открывали этих историков научному сообществу СССР.

О значении такого взаимодействия писал Р. Кобб в своем письме на смерть Я. М. Захера (14 марта 1963 г.), где он выразил уважение к советскому историку и к Советскому Союзу [см.: Гордон, 2007]. Он назвал Захера «великим историком», деятельность которого «немало способствовала уважению к *его* великой стране». Главная работа Я. М. Захера по истории движения «бешеных» оценивалась как «единственная… которая дает полную научную картину данного движения» [Золотарев].

Особенностью исторической науки советского периода стало формирование пространства, которое включало не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Советская историческая наука пережила немало потрясений, потерь блестящих ученых, но, несмотря на это, достигла значительных результатов. История – это не просто набор фактов, цифр и событий, изложенных в хронологическом порядке. История – это культура, память народа, основа для дальнейшего развития общества. Важнейшей задачей на сегодняшний день выступает сохранение и развитие уникальных разработок, исследований, актуальность которых возрастает. Осознание важности сохранения прошлого для настоящего и будущего в его истинном виде, понимание окружающей действительности, честность и объективность – это важные черты настоящего ученого. Именно такие исследователи развивали советскую историческую науку.

Вклад А. В. Луначарского в строительство советской системы образования и культуры [Электронный ресурс]. URL: http://lunacharsky.newgod.su/issledovania/a-v-lunacharskij-o-vospitanii/vklad-a-v-lunacharskogo-v-stroitelstvo-covetskoj-sistemy-obrazovania-i-kultury (дата обращения: 30.07.2017).

Воронцов А. «Дело историков» и его подоплека // Лит. газ. 2017. № 13 (6592). 5 апр. [Электронный ресурс]. URL: http://lgz.ru/article/-13-6592-05-04-2017/delo-istorikov-i-ego-podoplyeka/ (дата обращения: 30.07.2017).

Гордон А. В. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада (история с Ричардом Коббом) // Французский ежегодник. М., 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://annuaire-fr.narod.ru./statji/Gordon-2007.html (дата обращения: 30.07.2017).

Золотарев В. П. Яков Михайлович Захер (1893–1963 г.) // Портреты историков. Время и судьбы : в 2 т. Т. 2: Всеобщая история / Акад. исслед. культуры ; отв. ред. Г. Н. Севастьянов и др. М., 2000. С. 334–345.

Колыхалов Д. В. Введение всеобщего обязательного начального обучения в Советской России в 1923–1941 гг. // Палладиум. 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://pspa.ucoz.ru/load/0-0-0-10-20 (дата обращения: 30.07.2017).

УДК 94(477.74).084.3/.084.6:930

В. В. Левченко

ГЕНЕРАЦИИ ОДЕССКИХ УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ В УСЛОВИЯХ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА (1917–1930-е гг.): ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМУ ПОВИНОВЕНИЮ

В статье осуществлена попытка исследования отношений большевистского административно-идеологического аппарата и генераций ученых-историков Одессы в условиях становления и развития раннесоветского общества. Выявлены основные формы и методы репрессивной политики большевиков в отношении ученых. Приведены новые, ранее неизвестные факты и документы, возвращены позабытые имена деятелей культуры.

Ключевые слова: генерации, ученые-историки, политические репрессии, Одесса, интеллектуальная элита, большевики.

После падения Российской империи в Одессе почти на четверть столетия утвердилась власть большевиков, вплоть до начала немецко-румынской оккупации в 1941 г. выстраивающих новую парадигму отношений (преимущественно враждебных) с научной интеллигенцией. В результате этой политики началась история террора, репрессий, борьбы политического режима с представителями научной корпорации. Недоверие к ученым подчеркивалось в выступлениях государственных и партийных деятелей разных уровней и документах различного характера в течение всего указанного периода. На практике это приводило к массовым чисткам научных организаций и увольнению многих ученых из-за их социального происхождения, гражданской позиции, несогласия с провозглашенными идеями советской власти, а впоследствии и к арестам значительной их части с последующим физическим уничтожением. Становилось нормой изобретение различных мифических организаций, якобы созданных

© Левченко В. В., 2018

для проведения контрреволюционной борьбы с действующим политическим режимом в СССР. Все эти действия привели к запугиванию и физическому уничтожению ученых, ликвидации научных школ, искажению идеалов науки и формированию советской генерации ученых в формате тоталитарного государства.

Первые десятилетия послереволюционной жизни народов бывшей Российской империи ознаменовались чередой негативных явлений, среди которых одними из самых разрушительных для науки и общественной морали были непрерывные идеологические кампании советской власти против ученых, которые не поддерживали большевиков и выступали против их догм и идеологических установок. Эти наступления шли волнами: то против сторонников монархических идей, то против тех, кто пассивно поддерживал большевиков, а затем против всех, кто был в оппозиции к советской власти. Фактически эти кампании препятствовали интеллектуальному прогрессу.

Специфика взаимоотношений одесских ученых-историков и советской власти в указанный период была многоуровневой: в общемировом, общегосударственном и региональном измерениях (внешние факторы), и с точки зрения влияния внутренних факторов социально-политической ситуации (полиэтничнисть, культурная революция, трансформация системы высшего образования, коренизация, репрессии и т. д.). Наиболее серьезно на деятельность ученых-историков влиял сложный перманентный процесс институциональных, структурных и когнитивных изменений в государственно-административной системе управления. На этапе трансформации социально-политических условий необходимо учитывать как обособленное влияние внешних и внутренних факторов, так и их взаимосвязь и взаимообусловленность. В отношениях ученых-историков Одессы с властью в указанный период условно выделяем четыре этапа.

На первом этапе (1917–1922) на фоне революционных событий и усугублявшегося экономического кризиса научная сфера трансформировалась из имперской в самостоятельную локально-региональную. Высшая школа в УССР находилась в состоянии постоянной реорганизации, следствием чего стала ликвидация университетов в 1920 г. Система исторического образования и исторической науки, сохранявшаяся со времен Российской империи, никоим образом не отвечала запросам советской власти. В первые годы революционных событий (1917–1918) жизнь ученых Одессы не подвергалась репрессивным воздействиям, кроме тех социально-политических и этнокультурных потрясений, которые переживало все общество. Основной причиной разногласий в научном мире были

разные политические симпатии его представителей – от крайне черносотенно-монархических до леворадикальных [см.: Одесский университет..., с. 130–150].

Относительно спокойную жизнь научной интеллигенции взбудоражили большевики, когда пришли к власти в Одессе во второй раз (в апреле-августе 1919 г.). Временное руководство Новороссийским университетом было безосновательно передано Совету революционного студенчества (Ревстуд) [см.: Очерк деятельности..., с. 9]. После этого, начиная с 27 апреля, от выполнения служебных обязанностей незаконно были освобождены ректор, проректор, деканы и временно приостановлены собрания Совета профессоров [см.: Некрасов, с. 296]. В дальнейшем с участием Ревстуда временный комиссар Одесского губернского отдела народного образования, профессор университета историк Е. Н. Щепкин (первый профессор-коммунист в УССР) принял меры к увольнению группы преподавателей, большинство из которых ранее входило в состав черносотенной части Совета университета. Всего к 1 мая 1919 г. из университета отчислили 23 преподавателя. Среди них было четыре представителя историко-филологического факультета: А. П. Доброклонский, А. М. Клитин, И. А. Линниченко и И. М. Малинин, являвшихся носителями правых взглядов на развитие общественно-политической ситуации в стране. Такими радикальными бесправными методами большевистская власть начала бороться с политическими оппонентами из числа научной интеллигенции. На этом история с большевистским «перевоспитанием» профессуры не закончилась. Летом 1919 г. Одесской чрезвычайной комиссией без предъявления обвинения была арестована группа преподавателей университета: А. П. Доброклонский, С. В. Левашов, А. Ф. Маньковский и др. Из числа этой группы наиболее пострадал профессор Левашов (расстрелян большевиками 16 июня 1919 г., похоронен 29 августа 1919 г. усилиями Особенной следственной комиссии Добровольческой армии по расследованию злодеяний большевиков). В мае 1919 г. также безосновательно был арестован выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета, помощник библиотекаря И. И. Дусинский, который был известен своими монархическими взглядами, а в геополитических исследованиях стоял на имперских позициях, развивал панславистские теории [см.: Одеський мартиролог, с. 125–135]. Со временем стало известно, что он был расстрелян без суда. Большевистский террор в Одессе летом 1919 г. можно считать первой волной массовых политических репрессий. В августе 1919 г. Одесса была занята Доброволь-

ческой армией под командованием генерала А. И. Деникина, после чего преследуемые большевиками ученые снова смогли вернуться к работе в университете.

К концу 1919 г. политическая ситуация в Одессе снова изменилась – под натиском Красной армии войска А. И. Деникина отступили. Предвидя установление в городе советской власти, что могло привести к очередным увольнениям, арестам и расстрелам, некоторые ученые решили не искушать судьбу и эмигрировали. С отступающими войсками из Одессы выезжали не только профессора, подвергшиеся притеснениям со стороны большевиков летом 1919 г., но и те, которые понимали, что могут стать потенциальными жертвами «красного террора». Результатом такой политики стала массовая эмиграция интеллигенции в период с ноября 1919 г. до февраля 1920 г. За пределами страны оказались многие ученые-историки: П. М. Бицилли, А. Н. Грабар, А. П. Доброклонский, И. Л. Клаузнер, Н. П. Кондаков, Н. Л. Окунев, М. Г. Попруженко, С. В. Троицкий, Г. В. Флоровский, К. В. Флоровская и др. Эмиграция привела к потере и исчезновению с научной карты страны единственной в своем роде научной школы искусствоведения академика Н. П. Кондакова в лице представителей трех поколений (Н. П. Кондаков – Н. Л. Окунев – А. Н. Грабар) [см.: Левченко, 2014, с. 145]. Достижения некоторых одесских ученых-эмигрантов (П. М. Бицилли, А. Н. Грабара, Н. П. Кондакова, Г. В. Флоровского и др.) вошли в золотой фонд русской науки за рубежом и стали мировым достоянием.

С 1920 г. начался принципиально новый этап в отношениях одесских ученых и власти. В первые годы большевистского правления были предприняты шаги к разрушению существующей системы высшего образования, открытию доступа в вузы рабочей и крестьянской молодежи. Силовые структуры большевиков прикладывали усилия к удалению из научного сообщества «неблагонадежных», открыто высказывавших свои взгляды относительно политических событий и не собиравшихся подчиняться существующим порядкам.

Второй этап (1922–1928) обусловлен перестройкой высшей школы на национальной основе. В целом, «по сравнению с предыдущими имперскими и последующими сталинскими временами 1920-е гг. были благоприятными для деятельности ученых-историков» [Водотика, с. 13], но и на этом переходном этапе власть не забывала контролировать их политические взгляды. В процессе утверждения советской власти в начале 1920-х гг. большевистские лидеры выбрали путь подавления инакомыслия в любом его проявлении. Основной удар приняли на себя пред-

ставители гуманитарной интеллигенции. С налаживанием системы подготовки социалистических научных кадров имело место постепенное вытеснение представителей дореволюционной генерации ученых (всего в истории развития исторической науки в Одессе выделяем девять генераций ученых-историков [см.: Левченко, 2016, с. 265]). Одной из «мягких» форм их «перевоспитания» были увольнения, запрет заниматься научно-исследовательской деятельностью, организовывать научные общества, публиковать труды. Со временем большевистское руководство использовало более грубые, негуманные и неправовые формы воздействия по отношению к научной интеллигенции. В 1922 г. из Одессы и из других советских городов за границу или в отдаленные районы страны были высланы десятки представителей интеллектуальной элиты, в числе которых был одесский историк А. В. Флоровский [см.: Левченко, 2008, с. 165]. Эти события можно квалифицировать как вторую волну репрессий.

Организационные мероприятия 1920-х гг. можно разделить на две группы. С одной стороны, разрушались «старые» научные учреждения и вытеснялись «старые» историки, а с другой, открывались коммунистические научные центры и резко сокращалось финансирование научных исследований, не соответствующих правящей идеологии. В короткий срок в УССР были открыты Истпарт (1922), Коммунистический университет имени Артема (1922–1938), Украинский институт марксизма-ленинизма (1922–1931), Институт красной профессуры (1932–1937), Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов (1931–1936) и т. д. [см.: Комаренко, с. 60–75, 106–123]. Постепенное превращение науки в арену идеологической борьбы, направленной на построение общества социалистической формации, привело к массовой замене профессиональных кадров дореволюционной генерации в научно-исследовательских институтах и вузах менее квалифицированными сотрудниками нового поколения, многие из которых не имели представления об исследовательской работе. Все это имело следствием серьезные негативные последствия для науки, значительное снижение качества исследований.

Третий этап (1928–1934) характеризуется продолжением реорганизации высшей школы Одессы, возрождением классического университета и влиянием конъюнктурных политических реалий на проведение научной работы. Тематика и содержание научных исследований все теснее связывались с большевистской идеологией, деятельность ученых сопровождалась усилением административного давления и контроля. Социальное происхождение и политическая благонадежность становились

определяющими факторами в оценке профессиональной квалификации. В такой атмосфере советское руководство безжалостно расправлялось с проявлениями свободомыслия.

В конце 1920-х гг. в условиях утверждения тоталитаризма усилилось репрессивное давление на представителей образования и науки. Подозрения, клевета, обвинения, аресты и постоянный контроль со стороны власти стали неотъемлемой частью жизни многих преподавателей и ученых, особенно дореволюционной генерации. Об этом свидетельствуют, например, «Характеристики на служащих Одесского института народного хозяйства», подготовленные политкомиссаром вуза за период с 15 января по 18 октября 1930 г. (подобные характеристики каждый вуз ежегодно посылал в Тайную часть Окружного отдела народного образования): «Слабченко М. Е. – ...национальную линию считает неудовлетворительной для Украины... Курс лекций не марксистский. Покровский А. И. – ...идеологически чужой. Соколов Н. А. – ...с методической стороны не удовлетворяет слушателей, поэтому с работы снимается» [ГАОО, ф. Р-129, оп. 3, д. 10, л. 2–13; д. 7, л. 36–37]. Вследствие этого научно-педагогической интеллигенции оказывалось все труднее оставаться в стороне от политики. В истории высшей школы 1930 г. стал годом изгнания профессоров «старой школы». 1 января 1930 г. был уволен профессор М. И. Мандес, который «...своим не марксистским преподаванием не удовлетворяет студенчества и современности», а с 14 мая того же года с должности профессора уволили Б. В. Варнеке [см.: Левченко, 2010, с. 206].

Преследования и притеснения национально ориентированных историков в УССР активизировались в 1929–1931 гг., когда были арестованы и осуждены десятки ученых. Весной 1930 г. состоялся открытый процесс по делу Союза освобождения Украины во главе с вице-президентом Всеукраинской академии наук С. А. Ефремовым. Кроме него, на скамье подсудимых оказались 45 человек, среди которых были одесские ученые-историки М. Е. и Т. М. Слабченко. Показательный процесс по сфабрикованному делу СОУ нанес тяжелый удар по представителям научной интеллигенции. В этот период были арестованы и другие ученые-историки Одессы: В. Я. Герасименко, Е. А. Загоровский, А. В. Музычка, Э. Г. Оксман и др. [см.: Левченко, 2007, с. 244–255]. После многомесячных мытарств для уцелевших в ходе репрессий ученых вводились ограничения на научно-педагогическую работу. В 1930–1931 гг. в Одессе в результате третьей волны репрессий прекратили функционировать все научные и просветительские общества.

Во время четвертого этапа (1934–1941) процесс централизации управления исторической наукой нарастал и был закреплен в 1937 г. в «Кратком курсе истории ВКП(б)», ставшем методологической основой для историков раннесоветской генерации. Одной из форм репрессий стал запрет заниматься научной деятельностью, преподавать и даже печататься. Подготовленные к печати рукописи книг и статей, а также опубликованные ранее книги репрессированных авторов изымались из библиотек. В первые годы существования Одесского университета его партийное руководство еще не имело возможности обходиться без услуг преподавательского состава досоветской высшей школы, но стремилось как можно быстрее заменить их новыми пролетарскими кадрами. Преподавателям вменялось в вину их «буржуазное» прошлое, участие в процессах украинизации, навешивались различные политические ярлыки и постоянно подчеркивалась необходимость следить за их работой в университете. Результатом этих действий стали репрессии второй половины 1930-х гг.

В период Большого террора 1936–1938 гг. репрессии на основании сфабрикованных обвинений в очередной раз коснулись ученых-историков Одессы. По советскому законодательству ученых во время судебных процессов осуждали по статьям, которые касались «контрреволюционных преступлений». В это время большевистская фильтрация привела к физическому истреблению 11 историков, еще 22 историка были приговорены к различным срокам (от 3 до 10 лет), а десятки их коллег были арестованы и месяцами находились под следствием. В 1950-е и 1980–1990-е гг., разбирая дела осужденных в 1930-х гг. ученых, следователи, помимо сомнительных признаний, не нашли достоверных доказательств их вины. Удивляет и топорная работа чекистов, которые даже не заботились о внешней правдоподобности дел.

Сталинские кампании в борьбе с учеными-историками ломали научную судьбу не только их жертв и обличителей. В разной степени были искалечены судьбы всех историков, оказавшихся в водовороте тех событий. Страх совершить ошибку, быть обвиненным за прошлые политические взгляды заразил историков. Нередко именно страх, а не следование фактам определял научные взгляды и дальнейшую карьеру. Тогда же был ликвидирован относительный организационный плюрализм научных учреждений: Украинская ассоциация марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов в 1936 г. была объединена в Отделение общественных наук АН УССР. В том же году был создан Институт истории

Украины АН УССР. Таким образом, по мере усиления советской системы власти негативные аспекты государственной политики в отношении научной интеллигенции выдвигались на первый план. Под предлогом обострения борьбы с «классово чуждыми» элементами уничтожался интеллектуальный и культурный потенциал страны.

Водотика С. Г. Історична наука УСРР 1920-х років: соціополітичні, науково-організаційні та концептуальні основи функціонування : автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2001.

Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. Р-129 (Одесский институт народного хозяйства (Инархоз) Народного комиссариата просвещения УССР).

Комаренко Н. В. Установи історичної науки в Українській РСР (1917–1937 рр.). Київ, 1973.

Левченко В. В. Організаційно-дослідницька діяльність вчених Одеси в наукових установах Всеукраїнської Академії наук // Зап. іст. фак. Одеса, 2007. Вип. 18. С. 244–255.

Левченко В. В. Одесские ученые – пассажиры «философского парохода»: к истории высылки интеллигенции в 1922 г. // Юго-Запад. Одессика. Одесса, 2008. Вып. 5. С. 162–182.

Левченко В. В. Історія Одеського інституту народної освіти (1920–1930 рр.) : позитивний досвід невдалого експерименту. Одеса, 2010.

Левченко В. В. Одесские ученые в условиях русской эмиграции первой волны: пути, адаптация, судьбы // Мир глазами историка: памяти академика Юрия Александровича Полякова. М., 2014. С. 139–156.

Левченко В. В. Генерации историков в научном сообществе Одессы: терминология, периодизация, история // Studia internationalia : материалы V междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (1–3 июля 2016 г.). Брянск, 2016. С. 262–266.

Некрасов П. А. Із історії Одеського університету (1917–1920) // Праці ОДУ. Т. 147. Одеса, 1957. Вип. 2 (Сер. сусп. наук).

Одеський мартиролог : Дані про репресованих Одеси і Одеської області за роки радянської влади / Уклад.: Л. В. Ковальчук, Г. О. Разумов. Одеса, 2005. Т. 3. С. 125–135.

Одесский университет за 75 лет (1865–1940). Одесса, 1940.

Очерк деятельности Одесского Сквуза // Высшая школа. 1920. № 1. С. 9–11.

УДК 94(47).084.3:378

С. В. Маркова

РЕВОЛЮЦИЯ И МЕДИЦИНСКАЯ ПРОФЕССУРА (1918–1920-е гг.)

Революция 1917 г. изменила высшее медицинское образование. В каждом университете России была своя история о том, как переживалось воздействие социальных процессов начала XX в. на профессуру, как под влиянием трансформирующейся социальной среды изменялись образ жизни, поведенческие стереотипы, появлялись новые стратегии выживания.

Ключевые слова: высшее медицинское образование, Воронежский университет, профессор медицины.

Уже в первые годы советской власти, а затем в течение двух десятилетий происходила перестройка высшего образования, системы подготовки кадров, оставшейся от царской России. Кардинально менялось и положение бывших «царских» профессоров, они были выбиты из привычной социально-культурной и профессиональной среды, лишены прежнего социального статуса и положения. В условиях революции для медицинской профессуры появились новые стратегии выживания. Их социальное положение очень зависело от политических взглядов, удаленности от Москвы, политической конъюнктуры, а также степени экономического благополучия губернии или региона и потребности в их профессиональных навыках и знаниях. Изменение социальной роли профессоров в данной статье рассмотрено на примере медицинского факультета Воронежского университета.

В 1918 г. патриотически настроенная часть русского профессорско-преподавательского состава Императорского Юрьевского (бывшего Дерптского) университета была вынуждена эвакуироваться вглубь России, г. Юрьев был захвачен немецкими войсками. Местом эвакуации был выбран Воронеж. Переговоры о переезде и размещении Юрьевского университета с Воронежской городской управой проходили еще в 1916 г., но переезд в Воронеж состоялся лишь летом 1918 г. уже при новой власти, в условиях Гражданской войны. Кафедры и лаборатории медицинского факультета Юрьевского университета, как и планировалось, разместились в помещениях бывшего кадетского корпуса и мужской гимназии. Большинство профессоров сохраняли надежду на возвращение в Юрьев. Однако после заключения Брестского мира возвращаться профессорам-юрьевцам было уже некуда. Пришлось приспосабливаться к новым,

© Маркова С. В., 2018

постоянно меняющимся условиям жизни в условиях Гражданской войны и военного коммунизма. На базе эвакуированного Юрьевского университета в Воронеже решением Советского правительства был создан Воронежский университет.

Социальный состав студентов и профессоров, которые летом 1918 г. приехали в Воронеж, был демократичен. В 1913 г. в университете обучалось 17 % дворян, остальные относились к разночинцам [см.: Тарадин, с. 27].

Медицинская профессура по большей части также была разночинного происхождения. Ученая степень сокращала путь к потомственному дворянству до 4–5 лет. Ординарный профессор в 1912 г. получал зарплату в 3000 руб. в год, а также учебные и консультационные гонорары. Средняя профессорская зарплата в 17 раз превышала среднюю зарплату квалифицированного индустриального рабочего [см.: Шипилов, с. 40]. После 25-летней службы назначалась пенсия, которая не препятствовала продолжению преподавательской работы. Социальное положение профессора до Октябрьского переворота в российском обществе было высоким.

У юрьевских профессоров-«беженцев» квартир в Воронеже не было. Они были расселены по комнатам конфискованных особняков, многие были вынуждены жить в помещениях при кафедрах и лабораториях, при больницах. Вскоре и там началось «самоуплотнение», переселение и выселение. Так, хирург-профессор Н. Н. Бурденко, известный своими демократическими взглядами, жил в Воронеже во флигеле при больнице Николаевской общины Красного Креста, где он организовал свою клинику. «Первая лекция, глубокой осенью 1918 года, читалась в не отапливаемом помещении амбулатории, где спешно была поставлена железная печка – “буржуйка”. Расхаживая вокруг нее и согревая руки, Николай Нилович излагал слушающим его студентам основы хирургии» [Боброва, с. 10]. Работа давала право для получения мизерного «классового пайка». Университетские профессора стали умирать от голода. Для гражданской войны еда и дрова – это та реальность, в которой приходилось бороться за выживание.

В Воронеже с 1918 г. свирепствовала эпидемия тифа. К обязательным бесплатным работам (так называемая трудовая повинность по специальности) привлекались все медицинские работники, включая профессоров и частнопрактикующих врачей. Профессора медицины в свободное от учебных часов время обязаны были работать в бараках, «брать в сумку медикаменты и инструменты и совершать подворные обходы своего участка» [Русанова, с. 14].

От голодной смерти спасали частные консультации и пайки военных госпиталей. Некоторые профессора сразу же покинули Воронеж, предпочитая устроенный быт немецкого Дерпта (вскоре Тарту), разоренному гражданской войной городу. В 1919 г. ненадолго Воронеж оказался в руках белых, часть профессоров ушла вместе с ними, оказавшись затем в эмиграции. Покинули город известные юрьевские профессора медицины хирург М. И. Ростовцев, терапевт П. Х. Калачев и др.

Между тем проблем становилось все больше: например, с дровами и углем для отопления учебных помещений и клиник. В октябре 1920 г. из-за отсутствия дров и невозможности отапливать помещение закрывалась для приема больных клиника Бурденко. В 1919–1920 гг. достигла пика эпидемия сыпного тифа. Декан медицинского факультета профессор А. Г. Люткевич в послании от 18 июня 1920 г. обратился к коллегам: «Имею честь сообщить факультету, что я, после выздоровления от сыпного тифа, начал заведовать клиникой с 18 июня, к чтению лекций приступлю 21 июня. Исполнять обязанности декана пока не могу – еще нет сил, чтобы подниматься в канцелярию медицинского факультета на третий этаж» [Карпачев, с. 115].

Социальная структура предреволюционного общества была сложной и не укладывалась в упрощенную схему марксизма. Не только «бывшая» буржуазная интеллигенция испытывала лишения эпохи военного коммунизма. В регионе полыхала Гражданская война. То затихало, то начиналось с новой силой крестьянское восстание в соседней Тамбовской губернии, известное в советской историографии как «антоновщина».

Негативное отношение к «царскому» прошлому определяло главную интенцию того времени – желание разрушить прежний мир. Революционные идеи о перестройке высшего образования воплотились в ряде декретов: «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР»; «Об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов в высших учебных заведениях». По желанию без экзаменов на первый курс медицинского факультета Воронежского университета было зачислено 1500 студентов. Трудно представить, как профессору-анатому И. В. Георгиевскому приходилось читать лекции по нормальной анатомии сразу 750 студентам первого курса. 1 октября 1918 г. СНК РСФСР принял очередной декрет, в котором предполагалось сократить численность преподавателей, работавших в царское время, отменялись «буржуазные» дипломы, степени и звания. Интеллигенция большинством понималась как «реакционная и контрреволюционная», враждебная пролетариату. В свою очередь, явных политических

симпатий к большевикам у многих профессоров не было. «Беспартийных вузовских профессоров и преподавателей, которые активно работали с советскими органами, т. е. с горздравом и с губздравом, называли презрительной кличкой “коммуноиды”» [Ткачев, с. 97]. Наряду с теми, кто занимался только преподавательской деятельностью, были и те, кто с критикой относился к царизму, верили в социализм, надеялись на то, что после Гражданской войны будет построено новое справедливое общество.

Но «старая» профессура была категорически против революционной ломки сложившейся системы высшего образования. По мере возможности на медицинском факультете сохранялась корпоративная сплоченность и традиционные формы обучения. Высшее образование еще не подверглось жесткому пролетарскому контролю, профессора продолжали работать по специальности, тем более что потребность в медицинских кадрах была огромна.

К началу 1920 г. на 22 кафедрах медицинского факультета Воронежского университета оставалось 8 профессоров. К преподаванию стали привлекаться студенты-старшекурсники и практикующие воронежские земские врачи. Университет и медфак оказались на грани закрытия.

После 1922 г. стали расти ассигнования на высшее образование, а вслед за этим и на оплату труда профессоров-преподавателей, их зарплата достигла четырехкратного превышения зарплаты рабочего. В 1931 г. зарплата и продовольственный паек рабочего и профессора снова сравнялись [см.: Шипилов, с. 40].

Во времена военного коммунизма и в период НЭПа пролетарская власть еще мирилась с «буржуазными» учеными и относительной академической автономией старой царской профессуры. Кафедры сами определяли тематику научных исследований, планировали командировки и т. п.

С середины 1920-х гг. на медицинских факультетах стали внедрять в качестве наиболее передового и прогрессивного «бригадно-лабораторный» метод обучения. Он насаждался Наркомпросом, поскольку «отказ от лекций поможет быстрее освободить студенчество от идейного влияния буржуазных профессоров» [Ерегина, с. 94]. Систематические лекции, охватывающие весь курс, были заменены практическими занятиями (отношение лекционных часов к практическим 1 : 2). В качестве обязательных предметов были введены диалектический материализм и ленинизм. Индивидуальный контроль знаний и практических навыков отменялся, в группе ассистенты опрашивали 2–3 человек, и вся группа получала «зачет».

Для подготовки новых советских профессоров с 1925 г. в университетах была открыта аспирантура, куда отбирали по рекомендации партийной ячейки. В конце 1920-х гг. активизировался террор против «реакционных буржуазных» представителей, к числу которых относилась и бывшая царская профессура. Любое критическое замечание по отношению к нерадивому студенту «социально-ценного происхождения» воспринималось с классовых позиций. Профессора с сомнительным социальным происхождением опасались за свое место в университете. Кому не удалось скрыть свое прошлое, при всяком удобном случае демонстрировали свою лояльность, выступая на собраниях, подчеркнуто уважительно относились к санитаркам, нянечкам как представителям пролетариата. С 1929 г. была введена отчетность профессоров перед вузовской ячейкой ВКП(б) и общественными организациями. Появилась Комиссия по общественному надзору, в полномочия которой входило увольнение всех политически неблагонадежных сотрудников кафедр.

Несмотря на эти трагические обстоятельства, профессора продолжали делать научные открытия, учить студентов медицине, готовить врачебные кадры для страны. В середине 1930-х гг. преподавание медицины возвратилось к прежней университетской системе образования с учетом произошедших изменений в медицинской науке, а также идеологического воспитания и задач военной подготовки медицинских кадров.

Боброва Н. В. Выдающийся хирург, ученый и гуманист Н. Н. Бурденко. Воронеж, 2001.

Ерегина Н. Т. Высшая медицинская школа России, 1917–1953. Ярославль, 2010.

Карпачев М. Д. Воронежский университет: вехи истории, 1918–2013. Воронеж, 2013.

Русанова А. А. О тех, кто нас учил. Воронеж, 2008.

Тарадин И. Классовая борьба в медицине. Воронеж,1932.

Ткачев Т. Я. Мир и войны. Воронеж, 2005.

Шипилов А. В. Зарплата российского профессора в прошлом, настоящем, будущем // ALMA MATER. Вестн. высш. шк. 2003. № 4. С. 33–42.

УДК 94(470.45).084.6

А. В. Липатов, Ф. А. Такташева

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДА в 1930-е гг.: СТАЛИНГРАД КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В статье анализируется развитие Сталинграда в 1930-е гг. и преобразование его в крупный промышленный центр производства уникальных сплавов металла, машин, тракторов, необходимых государству в преодолении технической отсталости страны. На неизвестных прежде фактах раскрыт процесс воздействия экономических преобразований на демографию и социальную структуру городского населения, развитие сети здравоохранения и образования, жилищное строительство.

Ключевые слова: СССР, Нижневолжский край, Сталинград, индустриализация, социалистическое строительство.

Сталинград (ранее город назывался Царицын) имел особый статус и положение в связи с историей своего возникновения и значением среди всех городов Советского Союза. Получив имя «отца народов» и, как следствие, соответствующее отношение центральных властей, город явился аккумулятором многих социально-экономических и социокультурных инноваций в Нижнем Поволжье.

1930-е гг. стали для Сталинграда временем расцвета и превращения в центр всего Нижнего Поволжья. С 1932 г. Сталинград являлся центром крупной административно-территориальной единицы СССР – Нижневолжского края, объединившего Астраханский, Саратовский, АССР Немцев Поволжья, Калмыцкую автономную область и еще 4 округа. В 1934 г. был образован Сталинградский край с краевым центром в Сталинграде. И только в 1937 г. город стал административным центром вновь образованной Сталинградской области.

Тенденцию роста город демонстрировал еще в дореволюционное время. После отмены крепостного права Царицын превратился из провинциального города Саратовской губернии в крупный экономический и транспортный центр. Железные дороги, которые связывали Кавказ и центральную часть Российской империи, давали большое преимущество Царицыну. В городе уже с 1870–1880-х гг. стали появляться разные по объему капиталов синдикаты и картели, представительства крупных отечественных концернов и иностранных фирм. Инфраструктура и круп-

© Липатов А. В., Такташева Ф. А., 2018

ные металлургические заводы города, существовавшая транспортная развязка и социальный потенциал региона стали ресурсами, необходимыми для экономического роста в период социалистических преобразований конца 1920–1930-х гг.

С 1927 г., когда был принят курс на индустриализацию, началось преображение Сталинграда. Так, в мае 1927 г. на пленуме Сталинградского губкома ВКП(б) были поставлены задачи по строительству водной магистрали Волга – Дон – Азовское море; переустройству железной дороги и новых узлов; в области промышленности был взят курс на развитие металлообрабатывающей отрасли, создание тракторостроения, судостроения и вагоностроения; оптимизации деревообработки, переработке нефти, целлюлозного производства [см.: Водолагин, с. 150].

В годы первой пятилетки было намечено строительство первого в СССР тракторного завода, электростанции, судоверфи, судоходного канала Волга – Дон, поставлены задачи по технической модернизации металлургического завода «Красный Октябрь» и машиностроительного гиганта завода «Баррикады». Отметим, что «Красный Октябрь» стал производить высококачественную сталь для новых отраслей хозяйства, прежде всего для автотракторной промышленности. Наращивая темпы производства и осваивая новые марки, предприятие к 1941 г. становится единственным металлургическим предприятием Нижнего Поволжья, производящим 9 % всей выпускаемой стали для оборонной промышленности СССР [см.: Орлов, с. 134]. Также заметим, что завод «Баррикады» после реконструкции стал выпускать грузоподъемные тали, редукторы лебедок, вращающиеся печи для цементных заводов, нефтяные насосы и качалки [см.: Там же, с. 134].

Центральное место занимал вопрос строительства Сталинградского тракторного завода (далее СТЗ), закладка которого состоялась еще в 1926 г., а широкое строительство цехов и складов развернулось в 1929 г. 17 июня 1930 г. проходные завода были торжественно украшены, а машины и станки готовы к пуску, первый в СССР тракторостроительный завод начал свою работу. В день открытия с конвейера сошел первый трактор, и до конца года объем производства достиг 1002 трактора, что не соответствовало намеченным планам. Причиной отставания стала незавершенность строительно-монтажных работ, которые продолжались до конца 1931 г. Проектной мощности – 144 трактора в сутки – завод достиг лишь 20 апреля 1932 г., а через несколько дней (17 мая 1932 г.) он был награжден орденом Ленина. Достижением стало снижение себестоимости трактора СТЗ-1 почти в 2 раза, в 1930 г. она составила 5739 руб.,

а в 1932 г. – 3249 руб. [см.: Листопад, с. 298]. Из года в год выпуск тракторов возрастал: в 1931 г. было выпущено 17 536 тракторов; в 1935 г. – 147 135 [см.: Водолагин, с. 260–261]. Сталинградские тракторы стали материальной базой коллективизации в СССР.

В сравнении с Саратовским и Астраханским регионами, Сталинград был единственном крупным городом, в экономической сфере которого явно доминировали отрасли тяжелой промышленности и военного комплекса. В Астрахани в 1930-е гг. получили развитие такие отрасли, как рыболовство и судоходство [см.: Корноухова, с. 46]. В Саратове были реконструированы машиностроительный завод «Серп и молот», вагоноремонтный завод, мебельная и обувная фабрики и другие предприятия. Но именно Сталинград оставался центром металлургии.

В 1930-е гг. на долю Сталинграда приходилось 55,3 % промышленной продукции Нижневолжского региона. По сравнению с 1913 г. примерно вдвое увеличилось число рабочих: в 1932 г. их было 67 тыс., что равнялось общей численности рабочих Саратова и Астрахани [см.: Орлов, с. 139]. Такие показатели говорят о форсированном развитии Сталинграда и его районов, высокой степени концентрации промышленных предприятий в городской черте и, как следствии, увеличении плотности населения.

Экономическое развитие влекло за собой изменение социально-демографических характеристик населения города. К концу 1920-х гг. 84 % населения области проживало на сельских территориях. За 1929–1933 гг. численность населения в Сталинграде увеличилась на 226,4 тыс. человек – преимущественно за счет сельской миграции [см.: Статистический справочник..., с. 338]. В 1939 г. численность городского населения составила уже 612,7 тыс. человек, а к 1940 г. достигла 892 тыс. человек [см.: Народное хозяйство..., с. 41]. Перед войной (1940) в структуре населения области удельный вес горожан достиг 40 %, из них 3/4 горожан проживали в Сталинграде. К 1959 г. численность городского населения области выросла до 1007,9 тыс. человек [см.: Так же, с. 41]. В основе роста городского населения, несмотря на военные потери и уменьшение численности сельского населения, лежали производственные факторы.

Индустриализация изменила и структуру занятости населения. В 1939 г. свыше 97 % населения города и области составляли рабочие, служащие, колхозники, кооперированные кустари и их семьи. Единоличники вместе с некооперированными кустарями составляли около 2 %.

Новую роль в конце 1920–1930-е гг. получили женщины. Они наравне с мужчинами стали активными участницами общественного производства, повысился их образовательный уровень. Местные партийные орга-

низации были заинтересованы в увеличении доли женского труда в промышленном производстве и прибегали к разным формам и методам агитации женщин. Так, только за первую половину 1930-х гг. удельный вес женского труда в промышленности Нижнего Поволжья увеличился почти вдвое.

Статус крупного промышленного и регионального центра нашел отражение в градостроительных решениях. Другой важный фактор развития городской среды – резкое увеличение численности населения. Начиная с 1930-х гг. в Сталинграде велось активное строительство, город стал полигоном для реализации новых архитектурных идей [см.: Назарова, Олейников, с. 20]. Шел активный процесс культурно-бытового строительства, появились благоустроенные квартиры для инженерно-технических кадров, в 1934 г. была пущена первая очередь фильтровальной станции, благоустраивались улицы и городские парки. К концу 1939 г. общий жилой фонд Сталинграда насчитывал 1848 тыс. кв. м., протяженность трамвайных линий составила 67,1 км, улиц – 605 км, водопровода – 179,4 км [см.: Волгоград, с. 166].

К концу 1930-х гг. Сталинград в архитектурном плане превращается в образцовый «социалистический город». Вокруг крупных промышленных предприятий выросли новые жилищные массивы – микрорайоны, застроенные кирпичными домами барачного типа. К концу 1930-х гг. в регионе получили заметное развитие наука, образование и культура. Сталинградская область одной из первых в стране решила задачу всеобщего начального обучения и приступила к реализации всеобщего семилетнего образования.

Накануне Великой Отечественной войны в Сталинградской области была почти полностью завершена ликвидация неграмотности и малограмотности населения. Доля грамотного населения в возрасте от 9 до 49 лет в Сталинградской области в 1939 г. составляла 90,6 % [см.: Олейников, с. 229]. Причем грамотного населения в городе было больше, хотя и незначительно, чем в селе. Доля грамотного населения в городе составляла 94,4 %, а в селе – 88,5 %. Повсеместно осуществлялось всеобщее обучение в объеме четырехлетней школы, а в городах и рабочих поселках – в объеме семилетней школы. В 1938/39 учеб. г. в области насчитывалось 1996 общеобразовательных школ, где обучалось 334,6 тыс. человек [см.: Народное хозяйство..., с. 230]. В области насчитывалось около 40 техникумов, в которых обучалось 8,6 тыс. учащихся, а также 4 высших учебных заведения: педагогический институт, учительский институт, медицинский институт и механический институт, которые располага-

лись в Сталинграде. Общая численность студентов, обучавшихся в этих вузах, составила 5,3 тыс. человек [см.: Народное хозяйство..., с. 236]. В связи ростом потребности в профессиональных кадрах в механическом институте были организованы новые факультеты: общетехнический, механико-технологический, автотракторный. Изменился и социальный состав студентов, большая часть которых была выходцами из рабочей среды (640 чел. из общего числа студентов 1128 чел.) [см.: Демушкина, с. 143–144].

Расширилась сеть учреждений культуры, куда входили библиотеки, дома культуры, заводские клубы и красные уголки. К концу рассматриваемого периода в Сталинграде насчитывалось 128 клубов, 922 – сельских клубов и 1226 изб-читален [см.: Орешкина, с. 27]. Кроме этого, в городе имелись следующие учреждения культуры: цирк, кинотеатры, 4 музея, 4 театра и отделение государственной филармонии с симфоническим оркестром.

Значительные изменения произошли в здравоохранении Сталинграда. К 1940 г. в Сталинграде была создана разветвленная сеть лечебных учреждений, которая включала 18 хорошо оборудованных больниц на 2925 коек, 27 амбулаторий и поликлиник на 358 врачебных приема. Кроме того, работали 7 специализированных диспансеров, 14 самостоятельных женских и детских консультаций. И если в дореволюционном Царицыне совершенно не было учреждений по охране материнства и младенчества, то в предвоенном Сталинграде было уже шесть самостоятельных родильных домов на 425 коек, 60 детских яслей на 4149 коек, 119 детских садов на 10 тыс. мест и т. д. [см.: Олейников, с. 119].

Таким образом, в 1930-е гг. Сталинград нарастил свой потенциал. Выгодное географическое расположение города на пересечении европейских и азиатских транспортных путей способствовало экономическому развитию. В ходе индустриализации город вырос в экономическом, демографическом и культурно-бытовом плане. Здесь выпускалось более половины всей продукции Нижневолжского региона. Быстрый рост населения подталкивал развитие жилищного строительства, здравоохранения, образования. В этот период Сталинград преображается и становится таким же крупным городом, как Харьков, Челябинск, Новокузнецк и другие промышленные центры.

Водолагин М. А. Очерки истории Волгограда. 1589–1967 гг. М., 1968.
Волгоград: Хроника истории, 1589–1989 гг. Волгоград, 1988.

Демушкина Е. Е. Образование рабочих Сталинграда в 1925–1941 гг. // Вопросы краеведения. Волгоград, 2010. Вып. 12. С. 140–145.

Корноухова Г. Г. Региональные особенности трансформации социальной структуры городов СССР в 1920–1930-е гг. : (на материалах Астраханской области) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. 2007. № 2 (38). С. 38–49 (Сер. История России).

Листопад М. П. Строительство Сталинградского тракторного завода как пример решения социально-технических проблем города и деревни // Аграрная наука – основа успешного развития АПК и сохранения экосистем : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2012. Т. 4. С. 297–300.

Назарова М. П., Олейников П. П. Исчезнувший и возрожденный: архитектура Сталинграда до и после Сталинградской битвы // Социология города. 2013. № 1. С. 20–26.

Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. Волгоград, 1967.

Олейников П. П. Из истории Сталинградской архитектуры: проекты учреждений здравоохранения и их роль в социокультурном развитии города // Вестн. ВолГМУ. 2014. Вып. 2(50). С. 112–120.

Орешкина Т. Н. Восстановление и развитие учреждений культуры в Сталинградской области: 1943 – начало 1950-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009.

Орлов Г. В. Мой край: царицынское долголетие, сталинградская прочность, волгоградская молодость: очерки истории социально-экономического развития области (1589–2009 гг.). Волгоград, 2009.

Статистический справочник Нижней Волги (1929–1933). Сталинград, 1934.

УДК 94(470.6).084.6:304

А. П. Скорик

СОВЕТСКОЕ КАЗАЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ НА ЮГЕ РОССИИ середины 1930-х гг.

В статье раскрывается попытка большевиков по социальному конструированию «советского казачества», призванного выполнять военно-хозяйственные функции. Социальный проект предусматривал фиксирование однозначной поддержки казачеством советской власти.

Ключевые слова: большевики, «ворошиловские кавалеристы», казаки-колхозники, казачья молодежь, стахановцы, торжества.

18 февраля 1936 г. рупор партии большевиков – газета «Правда» – вышла с редакционной статьей «Советские казаки», где утверждалось, что «основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась

© Скорик А. П., 2018

с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа. Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству» [Казачество..., с. 30]. Статья вместе с прошедшим в Москве 13–16 февраля 1936 г. съездом передовиков животноводства, где выступали специально приглашенные представители донских и терских казачьих колхозов, ознаменовала начало кампании (социального проекта) под лозунгом «за советское казачество».

Значение социально-экономических и общественно-политических изменений, произошедших в казачьих регионах Юга России к 1936 г. в результате «колхозного строительства», действительно нельзя недооценивать. Коллективизация сама по себе являлась мощным ударом по казачьей сословности, способствовала прекращению сословной розни. Кроме того, к 1936 г., по сравнению с началом десятилетия, позиции колхозной системы (в том числе и на Юге России) заметно укрепились. Самое же главное – на втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г. четко установили размеры личных подсобных хозяйств, что препятствовало административному давлению на них. Определенная часть колхозников стала демонстрировать более позитивное отношение к колхозам, и казаки-колхозники в данном случае не являлись исключением. Среди казаков Юга России, особенно среди казачьей молодежи, усилились проколхозные и просоветские настроения. Данное обстоятельство могло в какой-то мере послужить поводом к кампании «за советское казачество».

Но о некой «внезапности» кампании свидетельствует замалчивание потенциала казачества при организации кружков «ворошиловских кавалеристов» (конно-спортивных добровольных организаций, создававшихся на общественных основах в колхозах и совхозах с целью подготовки молодежи для службы в кавалерийских частях РККА). Первые такие кружки на Юге России возникли в декабре 1935 г., но о важной роли в них казачьей молодежи власти единодушно заговорили лишь после начала кампании «за советское казачество»: «Поход молодого колхозного казачества за обучение верховой езде, поход за выращивание хороших колхозных коней, годных не только для обработки колхозной нивы, но и для обороны советских границ, должен быть всемерно поощряем и повсеместно распространен» [Социалистическая реконструкция..., с. 16].

Свидетельством скомканности подготовительных мероприятий к кампании «за советское казачество» стала история с посылкой северо-дон-

ских казаков-колхозников на съезд передовиков животноводства в Москву 13–16 февраля 1936 г. Они отправлялись на съезд передовиков животноводства в пожарном порядке. Позже секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В. М. Лукин 28 марта 1936 г. писал первому секретарю крайкома ВКП(б) Б. П. Шеболдаеву: «История посылки в Москву делегации казаков от Дона Вам известна, хочу только сообщить – делалось это очень быстро – срок нам был дан не более 12 часов и отправить мы могли из подготовленных 12 чел. лишь 5 колхозников[-]казаков и, кажется, в составе делегации не ошиблись, [это] люди, которые смогли неплохо выступить» [см.: ЦДНИРО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 58–61]. Но даже несмотря на такую вынужденную оперативность, делегация донских казаков все равно опаздывала на съезд, и поэтому ее привезли в Москву на самолетах, о чем донские казаки-колхозники с удовольствием рассказывали участникам съезда [см.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 219, л. 40; Казачество..., с. 55, 62–63].

Подчеркнем любопытный факт. На съезде передовиков животноводства, в отличие от донских и терских казаков-колхозников, практически не отмечаются кубанцы, причем в стенограмме съезда только в отношении «донцов» указывалось их казачье происхождение: «донскими казаками» назывались Ф. М. Скылков (в стенограмме он записан как Сколько), Ф. Т. Токмачев и др. [РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 219, л. 34, 40, 52]. Едва ли не единственным исключением стало выступление заведующего свинотоварной фермой колхоза «За мир и труд» Павловского района Азово-Черноморского края Ф. И. Рой, сказавшего: «[Я] казак кубанский, но я казак Красной армии и красной гвардии» [Там же, л. 37]. Возможно, игнорирование на съезде казаков-колхозников Кубани представляло собой очередное напоминание кубанцам об их особо активной роли, по мнению властей, в «кулацком саботаже хлебозаготовок» в 1932 г.

Шеболдаев, правда, утверждал в речи 15 марта 1936 г. о начале кампании «за советское казачество» по личному распоряжению Сталина: «Я должен сказать, что все это дело есть инициатива нашего великого Сталина… Всегда и везде именно Великий Сталин первый видит изменения, которые происходят в народных массах, дальше всех вперед видит их путь. Поэтому твердой рукой ведет он нас вперед. Поэтому весь наш народ, трудящиеся всего мира бесстрашно идут за ним. Именно т. Сталин поставил вопрос о том, чтобы вызвать в Москву наших донцов на совещание животноводов, для того чтобы лучших казаков наградить орденами и этим самым показать, как надо относиться к казачеству, чтобы оказать этим внимание всему казачеству» [Молот, 1936, 23 марта].

Безусловно, никакая инициатива не могла получить продолжения без одобрения И. В. Сталина. Он фактически благословил кампанию «за советское казачество», благосклонно выслушав на съезде передовиков животноводства выступления казаков-колхозников и пожав им руку [см.: Казачество..., с. 34]. Вернувшись домой, они убежденно и восторженно рассказывали станичникам о новом отношении к казачеству. Например, терский казак ст. Галюгаевской И. Д. Писковатский говорил: «Правительство очень хорошо относится к казакам. Сам Сталин им [на съезде животноводов] в ладоши хлопал и смеялся» [Северо-Кавказский большевик, 1936, 9 марта].

Очевидно, дав благословение на развертывание кампании «за советское казачество», Сталин руководствовался большевистским принципом «нравственно все, что полезно делу освобождения пролетариата». Казачьи же традиции и черты менталитета, если следовать содержанию редакционной статьи в «Правде», могли оказаться очень полезными в укреплении обороноспособности СССР. Однако Сталин при всем одобрении кампании «за советское казачество» явно сохранял определенную дистанцию при ее осуществлении. Он не спешил публично выступать с какими-либо речами или, более того, программными заявлениями, не спешил во всеуслышание заявлять о своем доброжелательном отношении к казачеству. На наш взгляд, в значительной мере под воздействием партийно-идеологических стереотипов Сталин сохранял известную сдержанность в отношении казаков, пусть и «советских», и в ходе кампании «за советское казачество».

Подчиняясь велениям центра, органы власти Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев стали демонстрировать лихорадочную активность. В первых рядах шел Северо-Донской окружком ВКП(б), который выступал «застрельщиком» в развертывании кампании «за советское казачество».

В письме секретаря окружкома Лукина Шеболдаеву перечислялись проведенные мероприятия: «день годовщины Красной Армии – 23 февраля мы целиком использовали на разворот массовой политической работы среди казачества. Для этой цели я выезжал в Вешенский район и проводил большие районные собрания в Вешках, Казанке, Базках, где в среднем на каждом собрании присутствовало от 700 до 900 человек, причем кроме этого, от 150 до 200 всадников-колхозников, главным образом, ворошиловских кавалеристов. Собрания прошли с исключительным подъемом, выступали в прениях много казаков, среди них были очень интересные выступления, особенно служивших в белой армии, а в после-

дующем перешедших к Буденному, которые не только каялись в своих грехах, но и фактами разоблачали себя и других в период борьбы с Советской властью… Праздник прошел в торжествах, играх, плясках, пениях, включительно до пожилых казаков» [ЦДНИРО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 58–59].

Кроме того, докладывал Лукин, вешенские казаки направили письмо Сталину, где благодарили за «личную заботу и помощь колхозам Северодонского округа» и обещали храбро биться за советскую родину с любыми врагами [см.: Молот, 1936, 26 февр.]. А еще готовилось письмо от казачества всего округа, в составлении которого «изъявил согласие принять участие» сам М. А. Шолохов. На 5 марта намечалась отправка делегации в количестве 60 казаков-колхозников («персонально отобранных», «среди них 11 чел. казачек») в Москву, на просмотр оперы «Тихий Дон». При этом Лукин просил Шеболдаева: «Было бы хорошо возглавлять поездку одним из работников крайкома ВКП(б) или, в крайнем случае, крайисполкома. По нашим сведениям, в Москве имеют в виду по-настоящему встретить наших казаков. Очень прошу Вас помочь предоставить нам вагон 5-го марта с поездом № 75 от Ростова до Москвы, иначе нам просто невозможно всех посадить в поезд, да и “бюджет” не выдержит» [ЦДНИРО, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 59, 60].

Отправка в Москву казаков-колхозников на прослушивание оперы «Тихий Дон» имела свою предысторию. Еще 15 февраля 1936 г. Северо-Донской окружком, заслушав соответствующую просьбу М. А. Шолохова (как видим, писатель явно имел отношение к развертыванию кампании «за советское казачество»!), решил «считать возможным послать 1-го марта с. г. 50 чел. – передовиков колхозников-казаков в Москву для просмотра в Большом театре премьеры [оперы] “Тихий Дон”» [ЦДНИРО, ф. 76, оп. 1, д. 59, л. 60 об.]. Через десять дней, 25 февраля 1936 г., окружком решил увеличить число посылаемых в Москву на оперу «Тихий Дон» казаков на 22 человека, из них не менее 11 женщин [см.: Там же, л. 75 об.]. Естественно, об этих планах сразу же поставили в известность вышестоящее руководство. И. В. Сталин и В. М. Молотов в телеграмме, отправленной 1 марта 1936 г. первому секретарю Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б. П. Шеболдаеву (копия телеграммы отправлена первому секретарю Северо-Донского окружкома В. М. Лукину в окружной центр, город Миллерово), сообщали: «Не возражаем против приезда 65 человек [из] Северо-Донского округа» [РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 54, л. 91].

Что касается других мероприятий в рамках кампании «за советское казачество», то бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) 26 февраля 1936 г. в специальном постановлении обязало райкомы ВКП(б) ознако-

мить местное население с передовицей «Правды» и статьей Б. П. Шеболдаева, провести беседы о роли казачества в «строительстве социализма» и т. д. При этом местным чиновникам напоминалось о необходимости заботиться о решении вполне практических вопросов: крайком требовал от них не просто заниматься популяризацией основных положений нового подхода к казакам, но «всю массово-разъяснительную работу по этому вопросу связать с задачами подготовки и проведения весеннего сева, с борьбой за удвоение урожайности, за подъем животноводства, с мероприятиями по укреплению обороны страны, развитию организации ворошиловских кавалеристов и пр.» [ЦДНИРО, ф. 8, оп. 1, д. 251, л. 44 об.].

В конце февраля – начале марта 1936 г. Азово-Черноморский крайком приступил к подготовке торжественных мероприятий в ознаменование начала кампании «за советское казачество», которые намечалось провести в Ростове-на-Дону с участием донских, кубанских и терских казаков. Члены крайкома решили составить детальный план таких мероприятий. Его быстро разработали в течение первой пятидневки марта представители Азово-Черноморского краевого руководства К. П. Щиров и К. М. Ерофицкий. Авторы плана, представив его на суд бюро, дополнительно предлагали: «Хорошо было бы участие [в торжествах] воинских частей, по крайней мере, показать казакам танки, авиацию и Новочеркасские кавалерийские курсы комсостава». Однако это предложение не нашло поддержки ни у членов крайкома, ни у командовавшего войсками СКВО Н. Д. Каширина [см.: Там же, д. 255, л. 104], потомственного уральского казака.

В отредактированном бюро Азово-Черноморского крайкома виде «план подготовки и проведения встречи донских, кубанских и терских казаков в гор. Ростове» выглядел следующим образом. В Ростов планировалось прибытие трех сотен казаков – по сотне донцов, кубанцев и терцев. Донские казаки, отобранные для донской сотни, заранее съезжались либо в Миллерово (если они жили в северных районах Дона), либо в Каменск (остальные районы Дона). Кубанцы со всех районов предварительно добирались в станицу Ленинградскую. Тот факт, что кубанские казаки собирались на торжественные мероприятия по случаю чествования «советского казачества» в бывшей станице Уманской, «расказаченной» в 1932 г., выглядит насмешкой. Хотя, возможно, власти стремились придать этому факту назидательный характер, противопоставляя «проклятое контрреволюционное прошлое» и счастливое настоящее казачества Кубани. Терцы вначале приезжали в Пятигорск, а оттуда – в Ростов.

После грандиозных ростовских торжеств донских и кубанских казаков пригласили с ответным визитом в Северо-Кавказский край. Этот визит также соответствующим образом подготовили и отправляющая, и принимающая стороны. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) и крайисполком 23 марта 1936 г. приняли постановление «О краевом народном празднике в связи с предстоящим приездом в Пятигорск казаков Дона и Кубани», согласно которому в крае на 6 мая намечалось проведение торжеств, не менее пышных, чем в Ростове-на-Дону. При этом вполне в духе времени Северо-Кавказское краевое руководство не забывало не только о пропагандистской, но и о практической стороне праздника: «Подготовку к этому празднику провести под знаком широкого развития стахановского движения в сельском хозяйстве и промышленности края, широкого развития социалистического соревнования между промышленными предприятиями, совхозами, МТС и колхозами края за лучшее выполнение и перевыполнение производственных программ, учитывая, что на праздник будут приглашены лишь лучшие представители победивших в соревновании предприятий, совхозов, МТС и колхозов». Кроме того, в постановлении содержались и вполне ожидаемые строки: «Особое внимание во всей организации подготовки к празднику должно быть уделено решительному улучшению всего дела коневодства в крае» [Северо-Кавказский большевик, 1936, 24 марта].

Новый грандиозный праздник намечался на 6 мая, но уже на 2 мая 1936 г. планировалось совместное участие донцов и кубанцев в конно-спортивных состязаниях с терцами в «День джигита». Не желая ударить в грязь лицом, бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) 22 марта 1936 г. срочно принимает развернутое решение «Об участии конников Азово-Черноморского края в конно-спортивных состязаниях на Северном Кавказе». Бюро сочло необходимым командировать на Северный Кавказ делегацию только после подготовительной работы и отбора. Кубанским и донским казакам в количестве 83 человек предписывалось к 31 марта явиться «на сборные пункты со своими лошадьми, в полном обмундировании и снаряжении» (в зависимости от места жительства казаки собирались либо в Новочеркасске, либо в станицах Пролетарской и Ленинградской). Согласно разнарядке крайкома Северо-Донской округ к отборочным мероприятиям планово выставлял 25 человек, Багаевский, Дубовской, Константиновский, Мартыновский, Новочеркасский, Раздорский, Романовский, Семикаракорский, Цымлянский, Шахтинский районы – по 1 человеку, Калмыцкий, Ремонтненский, Сальский районы – по 2 человека, Заветинский, Зимовниковский, Целинский районы – по 3 человека,

Орловский и Пролетарский районы – по 4 человека. Кубанским районам предписывалось сформировать отряд кандидатов численностью в 20 человек, и еще 5 всадников ожидалось от Адыгеи [см.: ЦДНИРО, ф. 8, оп. 1, д. 260, л. 42]. На сборных пунктах им предстояло пройти тренировки, в ходе которых для поездки на Северный Кавказ планировалось отобрать лучших из лучших. 18 апреля, после двух недель тренировок, намечалась отправка наиболее достойных кандидатов в количестве 40 человек в Северо-Кавказский край [см.: Там же, л. 34 об., 42].

При изучении материалов сельских райкомов партии 1935–1936 гг. бросается в глаза, что до второй половины февраля 1936 г. даже в казачьих районах наличия казаков как бы не замечают, а потом вдруг оказывается, что они все-таки есть, и их обязательно надо чествовать. Например, внезапно Базковский райком ВКП(б) Азово-Черноморского края, обсудив передовую статью в «Правде» от 18 февраля 1936 г. «Советские казаки» (что весьма характерно для райкомовских архивных материалов), и в отличие от довольно «сухого постановления» бюро Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) [см.: Там же, д. 251, л. 44 об.] с его производственно-хозяйственным подтекстом, выражает явную и неприкрытую радость в своем постановлении от возможности чествовать казаков. Бюро Базковского райкома ВКП(б) 21 февраля 1936 г. постановило «немедленно командировать райактив по парторганизациям и колхозам для проработки статьи о казачестве, проработав ее на партсобраниях, пленумах сельсоветов, бригадных собраниях, доведя до сознания каждого колхозника.

Обязать партчасть РИКа 23/III – с. г. провести торжественный пленум РИКа с широким приглашением колхозников-казаков от каждого колхоза.

В день годовщины Красной армии организовать митинг, демонстрации, в райцентре организовать отряд казаков не менее 50 человек, сделать пробег до Вешенской, с передачей привета вешенским казакам-стахановцам» [ЦДНИРО, ф. 28, оп. 1, д. 4, л. 33].

Что же стояло за этими многочисленными мероприятиями, организуемыми партийно-советским руководством Юга России? Очевидно, стремление сформировать новую группу советских прозелитов, причем в казачьих районах, где советскую власть, мягко говоря, недолюбливали со времен Гражданской войны. Большевики апеллировали к традиционному казачьему патриотизму, чтобы стимулировать производственную активность казаков-колхозников. Власти предприняли попытку объявить казаками все население Юга России, дабы стереть все ранее имевшиеся социальные противоречия. Исходя из вышеизложенного, кампания

«за советское казачество» по существу носила характер социального конструирования казачества. Сталинский режим был намерен использовать в своих интересах и в интересах безопасности страны лишь военно-хозяйственный потенциал казачьих сообществ.

Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936.

Молот. 1936. 26 февр., 23 марта.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП(б)); Ф. 558 (Архив И. В. Сталина).

Северо-Кавказский большевик. 1936. 9, 24 марта.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. № 5.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 8 (Азово-Черноморский краевой комитет ВКП(б)); Ф. 28 (Базковский райком ВКП(б) Ростовской области); Ф. 76 (Северо-Донской окружной комитет ВКП(б) Азово-Черноморского края).

УДК 94(47).084.6:323.1

А. Г. Шкляев

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОВОКАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ в 1930-е гг. (ДЕЛО «СОФИН» И РАЗГРОМ ФИННО-УГОРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

В статье рассматриваются технология и последствия инспирированного в 1930-е гг. дела «Софин». Это был провокационный проект ОГПУ – НКВД, призванный ограничить национальную интеллигенцию в ее устремлениях к творческой и гражданской свободе, активному участию в управлении государством и заставить ее безоговорочно принять проводимую политику продолжения и разжигания классовой борьбы. Данный проект отвечал интересам сложившейся советской и партийной бюрократии, стремящейся удержать и закрепить свою политическую власть и превентивно сломить всякое ожидаемое сопротивление.

Ключевые слова: дело «СОФИН», Кузебай Герд, бюрократизм, советская и партийная номенклатура, национальный вопрос и классовая борьба, этнономенклатура.

© Шкляев А. Г., 2018

В школьном учебнике И. И. Долуцкого для 10–11-х классов общеобразовательных учреждений в главе, относящейся к периоду 1930-х гг., есть такие строки: «Жертвами террора стали тысячи деятелей культуры. В некоторых республиках оказались уничтоженными все писатели», «поголовно вся интеллигенция» [Долуцкий, с. 261]. Среди республик названы Удмуртская, Коми и Мари – территории, на которых проживали финно-угорские народы, имевшие в начале 1930-х гг., статус автономных областей. За этой скупой информацией стоит так называемое дело «Софин», которое, как пишет доктор исторических наук К. И. Куликов, «не получило такой широкой известности, как Шахтинское, Промпартии, Троцкистско-зиновьевский блок и др., хотя по масштабности и хронологическим рамкам репрессий оно было намного большим, чем вышеназванные “дела”» [Куликов, с. 7]. СОФИН – это Союз освобождения финских народов – сфабрикованная в 1930-е гг. в недрах ОГПУ – НКВД организация, которую якобы создал и возглавил удмуртский поэт и ученый Кузебай Герд с целью отторжения от СССР территорий с проживанием финно-угорского населения и присоединения их к Финляндии. Участники этого «дела» в основном были реабилитированы в 1958 г., за исключением организатора удмуртской автономии Трофима Борисова, который был реабилитирован только в 1989 г.

Документы и материалы «дела» оказались частично доступными для публикации лишь в 1990-е гг. На их основе был подготовлен сборник материалов, публицистических статей и заметок Н. С. Кузнецова «Из мрака…» и монография К. И. Куликова «Дело “СОФИН”», в которых оговаривается, что это лишь начало работы по выяснению тайных пружин репрессивного механизма. Размышляя об этом, исследователь приходит к выводу, что это был организованный процесс, в итоге которого «идеалы революции были поставлены на службу люмпенизированной части общества и партийно-бюрократическому аппарату, по сути дела, не готовому к настоящим демократическим преобразованиям» [Куликов, с. 204].

Актуальность поставленной проблемы заключается в том, что в «деле» до сих пор остаются белые пятна и нередко звучат сомнения или обвинения в адрес современных активистов. Журнал «Москва» – издание «православно-государственной ориентации», позиционирующее себя как защитник «русской идеи» (http://www.moskvam.ru/magazine/) в июньском номере за 2014 г. разместил статью В. Никитина «Национал-сепаратизм. Финно-угорские республики РФ и зарубежный фактор», где были предъявлены претензии в адрес деятелей финно-угорского движения.

По делу «СОФИН» было репрессировано 28 человек – представителей удмуртской, марийской, мордовской и русской интеллигенции. Кузебай Герд был сослан на Соловки и расстрелян в Медвежьегорске. Сегодня ему воздвигнут в центре Ижевска памятник, его именем названы Национальный краеведческий музей, гимназия и улица в Ижевске. Он стал одним из символов демократического национального движения [см.: Шкляев, с. 320–321].

Всякая бюрократия приходит к власти на благородных или выдаваемых за благородные идеях. Но, закрепившись, она прилагает все силы, чтобы удержаться, и вырабатывает охранительную идеологию. В 1988 г. Елена Чуковская опубликовала рассказ «Исходящая № 37», написанный в начале 1920-х гг. 23-летним Львом Лунцем. Со щедринской смелостью молодой писатель показал, как чиновник постепенно превращается в служебную бумажку [см.: Лунц]. Тема бюрократизма становится остро актуальной уже с начала 1920-х гг. В это время появляются произведения В. Маяковского («Прозаседавшиеся», «Баня», «Клоп»), в которых поэт высмеивает комчванство и бюрократизм. Данную проблему остро отразил Андрей Платонов в повести «Впрок» и рассказе «Усомнившийся Макар».

К концу 1920-х гг. выросла новая молодая интеллигенция из бывших инородцев, которая, восторженно приняв идеи «Декларации прав народов Востока», усердно вела национальное, культурное и государственное строительство. Коллективизация отрезвила многих. Уже в 1930 г. на первом съезде УдАПП (Удмуртская ассоциация пролетарских писателей) группа из шести писателей («платформа шести») выступила против административного засилья обкомовских партработников, вышла из состава союза и подала заявление о вступлении во Всесоюзное общество крестьянских писателей ВОКП (Москва). Подобные явления были и в других финно-угорских автономных областях. В печати начинается массированная критика К. Герда и его соратников. А наверху уже зрели идеи о приравнивании всего национального к национализму. В ход будет пущен термин «гердовщина» как выражение «нацдемовщины» в литературе.

К. Герд был выдающимся, ярким поэтом и ученым, закончившим ВЛХИ (Всесоюзный литературно-художественный институт) по «классу стиха» В. Брюсова, затем аспирантуру Института народов Востока. Он приобрел известность в московских и местных литературных кругах. Возможно, именно поэтому он был выбран центральной фигурой в задуманном ОГПУ деле.

Высшая партноменклатура под видом классовой борьбы укрепляла свою власть, в том числе за счет уничтожения национальной творческой и политической элиты. Национальная «карта» в годы революции была разыграна в чисто тактических целях. Об этом свидетельствует письмо И. В. Сталина В. И. Ленину 22 сентября 1922 г.: «Мы переживаем такую полосу развития… когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказываются понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик» [Письмо..., с. 199].

К. Герд, как и его сподвижники, никогда не добивались отделения своих государственных образований от России или присоединения к Финляндии. Вместе с Гердом подверглись репрессиям почти все удмуртские писатели, как якобы причастные к организации Герда. В 1937 г. был ликвидирован Союз писателей Удмуртии, а его члены присоединены к Союзу писателей Кировской области.

В 2010 г. доктора исторических наук А. Е. Загребин и Г. А. Никитина в совместном докладе на XI конгрессе финно-угроведов в г. Пилишчаба (Венгрия) охарактеризовали ситуацию с кадрами, сложившуюся в автономных республиках: «Со второй половины XX в. явной стала эрозия национальной политической элиты, сформировавшейся в процессе коренизации аппарата власти и превратившейся в так называемую этнономенклатуру. Питательной почвой для нее стало регулирование национально-демографических параметров в представительных органах власти. Оно продолжалось вплоть до 1990 г., но, к сожалению, в реальной государственной политике этнический фактор в самом широком смысле этого слова от этого не приобретал более актуализированные формы. Склонность местных этнических общностей к конформистскому поведению, с одной стороны, и желание номенклатуры во всех ситуациях самосохраниться – с другой, привели едва ли не к полному вырождению этнономенклатуры как выразительницы и защитницы интересов своих народов» [Загребин, Никитина, с. 310]. Далее докладчики, ссылаясь на наблюдения своих коллег в других финно-угорских республиках, указали на типичность такого положения: «Похоже, не без оснований К. Н. Сануков адресовал генерации руководителей марийского происхождения достаточно нелицеприятные слова. По его мнению, она, сформировавшись с конца 1930-х гг. и правившая до недавнего времени, передала «бразды правления выпестованной ею в своем духе смене», представляющей «собой весьма интересный тип людей, которых В. И. Ленин называл “обрусевшими

инородцами”». Они, как считает ученый, «оторвавшись от родных корней, десятилетиями ущемляли и вытаптывали духовное развитие своего народа. Нельзя сказать, что в постсоветских условиях финно-угорская этнономенклатура стала национально (этнически) ориентированной, более того – отдельные ее представители порой не гнушались попытками использовать энергию этнического ренессанса 1990-х гг. в своих целях» [Загребин, Никитина, с. 311].

Долуцкий И. И. Отечественная история. XX век : учебник для 10–11-х классов общеобразовательных учреждений. М., 2001.

Загребин А. Е., *Никитина Г. А.* Финно-угорские народы России в социальных трансформациях XX века: опыт и проблемы адаптации // Congressus XI Internatiomalis Fenno-Ugristarum 9–14. VIII. 2010. Reguly Társaság, Piliscsaba, 2010.

Письмо И. В. Сталина В. И. Ленину // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 198–200.

Кузнецов Н. С. Из мрака… Ижевск, 1994.

Куликов К. И. Дело «СОФИН». Ижевск, 1997.

Лунц Лев. Исходящая № 37 : рассказ / предисл. В. Каверина ; публ. Е. Чуковской // Книжное обозрение. 1988. 30 сент.

Шкляев А. Г. Этнические СМИ: от риторики – к реальным проектам // Журналистика в 2016 году: Творчество, профессия, индустрия : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 320–321.

УДК 94(47).084.8:65

А. В. Чуриков

СОВЕТСКАЯ МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СТАЛИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье на примере проведенной в СССР эвакуации промышленности рассматриваются сильные и слабые стороны советской плановой экономики мобилизационного типа.

Ключевые слова: мобилизационная экономика, плановая экономика, эвакуация промышленности, сталинская форсированная модернизация.

Индустриализация в СССР проходила в рамках мобилизационной модели экономики. Эта модель предполагала концентрацию всех материальных и человеческих ресурсов и использование их во имя постав-

© Чуриков А. В., 2018

ленной цели – преимущественного развития средств производства. В этом случае развитие в одной области шло за счет другой, что придавало экономическим процессам однобокий характер и вело к нарушению естественных пропорций экономики.

Большинство исследователей к числу характерных черт мобилизационной экономики относят: одностороннюю ориентацию на тяжелую промышленность (машиностроение и топливный комплекс); оборонный характер; сверхцентрализацию и безрыночную модель; командно-административные методы управления экономикой; негативную кадровую селекцию, этатизм и автаркию [см.: Максимова, Лямцева, с. 77].

В рамках мобилизационной модели шло развитие советской тяжелой промышленности накануне Второй мировой войны: создавались заводы-дублеры, заводы двойного назначения, резервы сырья, промышленной продукции и рабочей силы. В третьей пятилетке резко увеличились ассигнования на военные нужды. Была проведена коренная реконструкция действовавших и построено значительное число новых авиационных и танковых заводов, предприятий стрелково-артиллерийского вооружения, боеприпасов. Ряд предприятий гражданских отраслей был переведен на выпуск оборонной продукции. Прирост производства в гражданской и оборонной промышленности составил за три года первой пятилетки соответственно 13,2 % и 39 % в год [см.: Косыгин, с. 10–11].

При этом руководством СССР были допущены стратегические ошибки, повлекшие за собой серьезные потери. Весь «цвет» советской промышленности был сосредоточен в западных и юго-западных районах страны, т. е. в случае войны подвергался опасности. Такое стратегическое расположение промышленности досталось Союзу в наследство от императорской России, в которой индустрия располагалась ближе к инвестору и потенциальному рынку сбыта, т. е. поближе к державам Западной Европы. Накануне Великой Отечественной войны почти вся военная промышленность СССР была сосредоточена в европейской части страны, в полосе между 30 и 40 градусами восточной долготы, в прямоугольнике между линиями Ленинград – Киев на западе и Ярославль – Воронеж – Донбасс на востоке. На этой территории, которую можно назвать военно-промышленным поясом СССР того времени, производилось более 80 % всей военной продукции.

На территории военно-промышленного пояса располагалось 85 % мощностей авиационной промышленности, все танковые заводы, 97 % – Наркомата вооружения, 85 % мощностей Наркомата боеприпасов; выплавлялось 68 % чугуна и 58 % стали; производилось 57 % проката, 74 % кокса,

64 % алюминия, добывалось 63 % каменного угля, 71 % железной и 35 % марганцевой руды; вырабатывалось 42 % электроэнергии от общесоюзного уровня [см.: Гаврилов, с. 56].

Наступление немцев и быстрое их продвижение свели на «нет» все довоенные усовершенствования в тяжелой промышленности западных районов. Потребовалась срочная эвакуация, характер которой до сих пор вызывает множество споров. Проанализируем основные точки зрения, сложившиеся в историографии. Первая – *официозная*: «перебазирование основных производительных сил из прифронтовых и угрожаемых районов на Восток – одна из ярчайших страниц истории Великой Отечественной войны. Вызванное крайне неблагоприятной фронтовой обстановкой начального периода войны, оно вместе с тем явилось важнейшим звеном перестройки народного хозяйства на военный лад, развертывания в глубоком тылу главной военно-промышленной базы страны» [Великая Отечественная война..., с. 801]. *Официальная*: «эвакуация была крайне важной мерой, вызванной трагической обстановкой, сложившейся в зоне боевых действий уже в самом начале войны» [Куманев, 2001, с. 243]. *Нетрадиционная*: «необходимость эвакуации стала неожиданностью, ход эвакуации на восток дал много примеров неразберихи и организованности, неуправляемости и инициативы, головотяпства и планомерности, неэффективности и результативности» [Прохоров, с. 115].

Мы полагаем, что эти точки зрения, несомненно, имеют право на существование, но они не учитывают характера советской экономической модели. Эвакуация была лишь финальным звеном сталинской модернизации, начавшейся в 1930-е гг. Окончательным итогом индустриализации должно было стать перемещение основного промышленного потенциала Советского Союза далеко на восток, в зону, недоступную действиям дальней авиации противника. Эвакуация, проходившая в экстренном режиме, завершила сталинскую модернизацию в России.

В пользу данной точки зрения говорят решения XVIII съезда партии, проходившего в 1939 г. Делегаты съезда отметили, что в условиях нарастания военной опасности во внешнем окружении СССР необходимо «создание крупных государственных резервов, прежде всего по топливу, электроэнергии и некоторым оборонным производствам, а также по развитию транспорта, с правильным размещением по соответствующим районам страны, устранением непроизводительных и дальних перевозок и обеспечением основных экономических очагов страны максимальным количеством ресурсов на месте» [Гаврилов, с. 57].

Рассмотрим достоинства и недостатки эвакуации в рамках мобилизационной модели экономического развития. Командно-административной системе удалось обеспечить проведение эвакуации, ее возможности здесь были безграничны, это позволило советскому руководству эффективно использовать преимущества мобилизационной экономики. Во-первых, весь процесс перебазирования находился под контролем государственных и партийных органов власти. Для централизованного руководства эвакуационными потоками 24 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации. Правительством были даны четкие и конкретные указания, регламентирующие порядок вывоза оборудования и населения из прифронтовых районов. 27 июня 1941 г. было принято совместное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», в котором определялась очередность эвакуации. В первую очередь, эвакуировали важнейшие промышленные ценности, сырьевые ресурсы и продовольствие, квалифицированных рабочих, инженеров и служащих вместе с предприятиями [см.: О порядке вывоза..., с. 206]. Постановление от 27 июня было дополнено инструкцией, утвержденной Совнаркомом СССР, о порядке демонтажа и отгрузки оборудования предприятий, подлежащих эвакуации. Хозяйственники были обязаны руководствоваться следующим правилом: «в первую очередь должно быть вывезено оборудование, имеющее особо важное значение для нужд обороны страны, а также готовые изделия боеприпасов, вооружения и другие важнейшие изделия оборонной продукции». Далее подчеркивалось, что оборудование следует вывозить «комплектными частями, предусматривая возможность использования эвакуированного оборудования после его монтажа на новом месте размещения». В инструкции определялась также очередность вывоза материалов [см.: Эшелоны..., с. 34].

Во-вторых, правительство определило направления эвакуации тяжелой промышленности. Первой линией эвакуации стали поволжские города, вторая и самая решающая линия пролегла по Уралу, третьим районом перебазирования была избрана Сибирь, четвертым потоком оборудование пошло в Казахстан и среднеазиатские республики [см.: Хавин, с. 206].

Контроль над ходом транспортировки и монтажа оборудования был постоянным и сопутствовал всем этапам перемещения производительных сил. Процесс восстановления оборудования находился под жестким контролем Совнаркома СССР. Каждый из наркоматов бдительно следил за состоянием монтажа перебазированного оборудования. В случае нарушений принимались суровые меры в отношении руководителей пред-

приятий. Показателен в этом отношении случай, произошедший на Магнитогорском металлургическом комбинате (ММК). Нарком черной металлургии И. Ф. Тевосян телеграфировал: «…факты свидетельствуют о том, что некоторые директора заводов не выполняют постановления Государственного Комитета Обороны от 9. 4. 1941 года № 878, запрещающее кому бы то ни было без разрешения правительства разукомплектовывание и передачу другим наркоматам оборудования, электроматериалов и кабеля, эвакуированных с металлургических заводов и не обеспечили сохранность переданных им на хранение оборудования и материалов, необходимых для восстановления металлургических агрегатов и укомплектовывания строящихся пусковых объектов» [МГА, ф. 99, оп. 10, д. 1123, л. 84].

В ноябре 1941 г. по областям были отправлены контролеры Наркомгосконтроля РСФСР, чтобы проверить восстановление эвакуированных предприятий. Они руководствовались следующим планом действий: проверялось, откуда эвакуированы заводы; куда; сколько прибыло оборудования; сроки восстановления; потребность в работе; выполнение производственных заданий; обеспечение сырьем, топливом, транспортом, электричеством, кислородом. На особом контроле находилось состояние учета и хранения промышленных ценностей, смета расходов по эвакуации, смета кассы предприятия [ГАРФ, ф. 259, оп. 40, д. 3546, л. 30, 65].

Размещение и восстановление эвакуированных на восток предприятий находилось под контролем ЦК ВКП(б), ГКО и СНК СССР. 25 октября 1941 г. заместителю председателя СНК СССР Н. А. Вознесенскому было поручено добиться в кратчайшие сроки пуска эвакуированных заводов. Аналогичное поручение было дано находившемуся на Волге с частью аппарата ЦК секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву [см.: Великая Отечественная война..., с. 802].

29 октября 1941 г. Совнарком СССР принял Постановление «О графике восстановления заводов, эвакуированных на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан». Руководители названных в постановлении наркоматов: нарком авиапрома А. И. Шахурин, нарком танкпрома В. А. Малышев, нарком вооружения Д. Ф. Устинов, нарком боеприпасов П. Н. Горемыкин, нарком чермета И. Ф. Тевосян, нарком цветмета П. Ф. Ломако, нарком судпрома Г. Д. Каплун, нарком химпрома В. М. Денисов, нарком нефти И. К. Седин и другие были обязаны представить «не позднее 1 ноября 1941 года в Совнарком СССР график восстановления заводов, эвакуированных из Москвы, Тулы, Харькова, Донбасса, Ленинграда и других районов на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан» [Эшелоны..., с. 49]. В графике требовалось указать сроки

пуска оборудования и выпуска продукции с программой мероприятий на ноябрь-декабрь 1941 г., а также уровень обеспечения предприятий рабочей силой и инженерно-техническими кадрами.

В постановлении «О порядке размещения эвакуируемых предприятий» ГКО особо указал на то, что преимущество должно быть отдано авиационной промышленности, производству боеприпасов, вооружения, танков, бронеавтомобилей, черной, цветной и специальной металлургии, химии. Наркомам предписывалось согласовывать с Госпланом СССР и Советом по эвакуации конечные пункты размещения вывозимых в тыл предприятий и организацию дублирующих производств. ГКО предложил местным организациям принять необходимые меры для быстрого развертывания восстанавливаемых предприятий [см.: О порядке..., с. 206]. В ряде восточных республик, краев и областей прошли специальные пленумы райкомов, обкомов и ЦК, собрания партийного советского и хозяйственного актива, посвященные ходу выполнения этой чрезвычайно важной военно-хозяйственной задачи. Однако большинство текущих вопросов, связанных с восстановлением эвакуированных фабрик и заводов, решалось в оперативном порядке на заседаниях бюро и секретарями обкомов по соответствующим отраслям промышленности.

Переводились на военное положение руководители и ИТР предприятий, эвакуированные рабочие, на весь период военного времени они считались военнообязанными.

В реализации столь масштабного проекта, как эвакуация, разумеется, были и недостатки, которые во многом обусловливались жестким режимом, существовавшим в СССР. Правительство не ожидало столь широкого размаха боевых операций в первые месяцы войны, и поэтому решения об эвакуации принимались медленно, в расчете на то, что война скоро закончится и промышленность будет перемещена на восток по плану. Крайне интересный разговор приводит в своих воспоминаниях управделами Совнаркома СССР Я. Е. Чаадаев: «В течение 22 июня после визита к Вознесенскому я побывал также с документами у других заместителей председателя Совнаркома. Нетрудно было убедиться, что почти все они еще не испытывали тогда больших тревог и волнений. Помню, например, когда поздно ночью закончилось заседание у Сталина, я шел позади К. Е. Ворошилова и Г. М. Маленкова. Те громко разговаривали между собой, считая развернувшиеся боевые действия как кратковременную авантюру немцев, которая продлится несколько дней и закончится полным провалом агрессора» [Куманев, 2000, с. 413].

Авторитет Центра сковывал инициативу местных органов власти. По словам А. П. Прохорова, эвакуация сопровождалась всеми ошибками, присущими системе управления того времени. В руководстве эвакуацией присутствовала излишняя степень централизации. Без указаний ГКО и Совета по эвакуации местные органы не имели права принимать решения о вывозе оборудования заводов. Обстановка же в прифронтовой полосе так быстро менялась, что решения Совета по эвакуации запаздывали и эвакуация начиналась с опозданием. Например, решение о перебазировании предприятий Донецкого бассейна состоялось лишь 9 октября 1941 г., когда начались бои в районе Донбасса. Постановление о перемещении на восток Мариупольского металлургического завода было вынесено 5 октября, эвакуация началась 6-го, а 8-го город был захвачен. По этой же причине большая часть оборудования доменных и мартеновских цехов Сталинского, Макеевского и Мариупольского заводов осталась на месте. «По важнейшим металлургическим, коксо-химическим, огнеупорным заводам Сталинской области фактически эвакуация сорвана», – сообщал нарком черной металлургии И. Ф. Тевосян [Прохоров, с. 116].

В результате колоссальных перемещений возникли трудности с коммуникациями, которые решались системой крайне медленно. Пропускная способность отдельных линий полностью не использовалась, на железнодорожных узлах возникали заторы, серьезные недостатки имелись в организации погрузки и выгрузки войск, вооружения и народнохозяйственных грузов [см.: НКВД..., с. 103]. Железные дороги не справлялись с нагрузкой. Продвижение поездов осенью 1941 г. снизилось до 100–150 км в сутки. Из-за недостаточной четкости продвижения эвакуированного оборудования из 700 предприятий, демонтированных в начале войны, на новые места полностью и вовремя прибыло не более 270 и частично 110, остальные находились в пути следования. Большое число эшелонов с эвакуированным оборудованием застряло по тупикам, разъездам, находилось на перевалочных базах. Многие дороги Поволжья и Урала были забиты вагонами, причем у значительной части грузов не было хозяина.

18 ноября 1941 г. ГКО обязал НКПС принять срочные меры по быстрейшей отправке эвакуированных. За нарушение установленных норм и неприем поездов виновные привлекались к ответственности. Совет по эвакуации ежедневно отчитывался перед ГКО о проделанной работе.

25 декабря был организован Комитет по разгрузке транзитных грузов, в который вошли А. И. Микоян, А. Н. Косыгин, Н. А. Вознесенский.

НКПС отдал приказ о задержке поездов с несрочными грузами. На железных дорогах ежедневно проводилась перепись всех вагонов

с эвакогрузами, сведения поступали в НКПС. На основе этих данных готовились предложения о досрочной разгрузке части вагонов с неоперативными грузами в пути следования, с тем чтобы порожние вагоны возвратить под погрузку. Часть досрочно разгруженных грузов передавалась местным исполкомам для использования, а остальные в дальнейшем отправлялись к месту назначения. В результате принятых мер «в течение февраля заторы грузов на дорогах были ликвидированы» [Прохоров, с. 118–119].

Строгая регламентация не позволяла местным руководителям и техническому руководству тыловых заводов самостоятельно распоряжаться эвакуированным оборудованием. Нередко в пути терялись вагоны, где находились узлы и детали, без которых невозможно монтировать оборудование. Заводы отправляли своих представителей на поиски пропавших грузов. Они исследовали тупики, станционные разъезды. В кратком отчете уполномоченного Наркомата черной металлургии сообщалось: «прочесал Рузаевский железнодорожный узел, разыскал 545 вагонов, груженных оборудованием, металлом, отправил в Чебаркуль – 252, на Бакалстрой – 82, в Златоуст – 58, в Магнитогорск – 62 вагона» [Хавин, с. 256]. Это стало причиной простоев и неоправданных задержек с монтажом перевезенного оборудования.

Восстановление эвакуированных предприятий представляло собой трудоемкий и сложный процесс. Оборудование поступало некомплектно, хранилось ненадлежащим образом, портилось и приходило в негодность. Процесс восстановления затруднялся также целым рядом объективных обстоятельств. В докладной записке руководства завода № 34 НКАП, эвакуированного в г. Троицк, сообщалось, что «предоставленные заводу помещения территориально расположены в трех точках города, разобщенных жилыми кварталами, а сама площадка расположена в 4 км от железнодорожной ветки на противоположном берегу р. Увелки. Площадь помещений, отведенных для цехов, составляет около 40 % к площади, на которой базировался завод в Москве. Централизованной системы электроснабжения в городе нет. Каждое промышленное предприятие снабжается электроэнергией от собственных силовых установок. Из огромного оборудования прибыло в город Троицк и установлено на промышленную площадку завода 207 станков, 3 компрессора и ряд приспособлений. Пуск цехов может затянуться из-за отсутствия электроэнергии, кислорода и ацетилена» [ОГАЧО, ф. 288, оп. 4, д. 145, л. 7–9].

Медлительность с разгрузкой и доставкой компенсировалась ускоренным монтажом оборудования, скоростными методами строительства, работой в две и три смены, стахановскими и комсомольскими вахтами.

Трудовой героизм рабочих и инженеров местных и эвакуированных предприятий позволил сгладить ошибки осени-зимы 1941 г. Героизм в тылу был столь же массовым, как и на фронте. В цехах не было разделения людей на рабочих, инженеров или служащих. У всех была одна профессия: все разнорабочие и все монтажники [см.: Комаров, с. 243].

Таким образом, советская модель мобилизационной экономики оказалась очень эффективной в условиях Великой Отечественной войны. Она продемонстрировала свой потенциал в ситуации противостояния с экономическим потенциалом стран Европы, работавших на Германию. В рамках этой модели стали возможны проекты перемещения огромного количества людей и промышленного оборудования на дальние расстояния. Недостатки и ограничения в эвакуации были обусловлены особенностями функционирования советской экономической модели, ее сверхцентрализмом и замкнутостью на решениях узкой группы лиц.

О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества : Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР. 27 июня 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 206–208.

НКВД о мобподготовке железнодорожного транспорта // Ист. архив. 1995. № 5–6. С. 103–105.

ГАРФ. Ф. 259 (Совет народных комиссаров РСФСР).

ОГАЧО. Ф. 288 (Челябинский областной комитет КПСС).

Магнитогорский городской архив (МГА). Ф. 99 (Магнитогорский металлургический комбинат им. В. И. Ленина).

Великая Отечественная война 1941–1945 : энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. М., 1985.

Гаврилов Д. В. Уральский тыл в Великой Отечественной войне: геополитический аспект // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : тез. докл. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1995. С. 56–59.

Комаров Л. История Челябинского тракторного завода. Челябинск, 1972.

Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны. М., 1980.

Куманев Г. А. Подвиг и подлог: страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2000.

Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. М., 2001.

Максимова Л. А., Лямцева Л. В. Советская модель мобилизационной экономики // Успехи современного естествознания. 2005. № 1. С. 77–81.

Прохоров А. П. Эвакуация промышленности на восток (из опыта советской модели управления) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 115–118.

Хавин А. Ф. Великое перемещение индустрии // Новый мир. 1948. № 6. С. 260–271.

Эшелоны идут на восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. : сб. ст. и воспоминаний. М., 1966.

УДК 94(47).084.9:322

Е. С. Останин

ВЗОРВАННЫЙ ХРАМ: БОРЬБА ВЕРУЮЩИХ ПРОТИВ УНИЧТОЖЕНИЯ ФЕОДОРОВСКОЙ ЦЕРКВИ г. КИРОВА в 1962–1963 гг.

Статья основана на уникальных документах из личного архива выдающегося православного диссидента Б. В. Талантова, оказавшихся в распоряжении автора. В ней в формате *case-study* представлена драматическая история борьбы вятских христиан за свои права против административно-политического произвола властей в условиях антирелигиозной кампании 1958–1964 гг.

Ключевые слова: антирелигиозная кампания, Борис Талантов, гражданское общество, Русская православная церковь, Вятская епархия.

Полвека назад, в конце 1962 – начале 1963 г., коммунистические власти г. Кирова совершили очередное преступление против истории, культуры и конституционных прав верующих Вятского края. Ими была безосновательно закрыта, а затем взорвана Феодоровская церковь – оригинальное творение великого вятского архитектора И. А. Чарушина, построенная в 1915–1918 гг. История о том, кто, как и почему подготовил и осуществил этот акт вандализма, изложена в диссертации, нескольких публикациях и публичной лекции вятского исследователя прот. А. Г. Балыбердина [см.: Балыбердин, 2004, с. 138–140; 2006, с. 128–131; 2007, с. 493–496; 2013, с. 172–183]. Однако отсутствие документальных данных не позволило ему рассказать о реакции самих верующих на отнятие у них и уничтожение одного из двух действовавших тогда в г. Кирове храмов. По этой же причине историк не смог указать точную дату его взрыва.

В данной статье мы дополним его повествование, опираясь на документы из личного архива участника тех событий, бесстрашного защитника прав верующих и организатора народного сопротивления, мирянина Бориса Владимировича Талантова. Из них следует, что вятские верующие отнюдь не являлись пассивными жертвами произвола властей, горестно оплакивавшими свои утраты. Они упорно боролись против него теми немногими средствами, которые оставило им советское законодательство. Главным из них была многоадресная петиционная кампания. А составителем жалоб и требований от их имени в местные и центральные инстанции и СМИ был Борис Талантов.

© Останин Е. С., 2018

Среди подвижников христианской веры, прославивших своими деяниями Вятскую епархию, особое место принадлежит Борису Владимировичу Талантову (1903–1971). В 1950–1960-е гг. он вел героическую борьбу против гонений коммунистической власти на религию, Церковь и ее паству в защиту свободы совести и других прав человека и стал неформальным лидером вятских верующих. Благодаря передачам зарубежного радио и статьям в западной печати, эта борьба приобрела и международную известность.

В 1969 г. за свою правозащитную деятельность Талантов был осужден Кировским областным судом по ст. 190-1 к двум годам лишения свободы. 4 января 1971 г., за полгода до истечения срока заключения, он умер в тюрьме, повторив судьбу своих брата и отца, уничтоженных в сталинское лихолетье. В 1981 г. Борис Талантов был прославлен Архиерейским собором Русской православной церкви Заграницей в лике святых Новомучеников и Исповедников Российских и является последним (по времени кончины) в их списке.

Роль Талантова как защитника вятских храмов от закрытия и как разоблачителя недостойных приемов, применявшихся властями в борьбе против Церкви и верующих, хотя и неполно, но отражена в литературе [см.: Двинина; Останин, 2004, с. 123–130; Останин, 2007, с. 109–121; Балыбердин, 2006, с. 66–67, 173–174]. Сам он принадлежал к приходу Серафимовской церкви – жил в доме № 12 по улице Урицкого, стоявшем через дорогу от нее. Но к Феодоровской церкви у него, по-видимому, было особое чувство. В этом храме в марте 1954 г. он обвенчался со своей женой – через двадцать лет после заключения гражданского брака. Венчал их служивший здесь протоиерей Алексей Григорьевич Истомин, с которым Талантов дружил семьями [см.: Личн. арх. Е. С. Останина: интервью с Г. Б. Талантовым, сыном Б. В. Талантова, 26 апр. 2005 г.]. Истомин состоял членом двадцатки Серафимовской церкви и скончался в 1958 г. перед самым началом хрущевской антирелигиозной кампании [ГАСПИ КО, ф. 1293, оп. 5, д. 88, л. 34].

Закрытие одного из храмов города рассматривалось местными властями как действенная мера по улучшению атеистического воспитания трудящихся [см.: Там же, л. 8]. Официальный предлог – борьба с «нарушениями советских законов» верующими и служителями культа [см.: Там же, д. 124, л. 5–6]. Способ – принудить церковные советы общин двух церквей к «добровольному» слиянию в одну. Это и произошло 18–20 сентября 1962 г. [см.: Балыбердин, 2013, с. 179.]

И немедленно община Феодоровской церкви начала свой протест: 20 и 25 сентября в Кировский горсовет были направлены заявления, подписанные членами двадцатки. Во втором из них говорилось:

> «Церковный совет и духовенство нашей церкви, не поставив в известность даже двадцатку, тайно от нас согласились отдать Горсовету церковное здание. Мы считаем такое действие церковного совета незаконным и недостойным честных людей. Поэтому мы настоящим заявляем, что мы лишаем церковный совет его полномочий. Поэтому мы вторично (первое заявление было подано 20 сентября) просим Горсовет немедленно отдать нам здание Федоровской церкви и разрешить нам в ближайшие дни провести общее собрание верующих для выбора нового церковного совета. Если Федоровская церковь подлежит сносу, то просим отдать нам одну из церквей быв. Трифонова монастыря, чтобы мы могли приступить к ее ремонту на свои средства. До окончания ремонта этой церкви мы настоятельно просим Горсовет оставить нам Федоровскую церковь» [Личн. арх. Е. С. Останина: Талантов Б. В., 1964, с. 311–312].

Это заявление утром 26 сентября 1962 г. верующие-активисты Симон Павлович Култышев и Августа Павловна Вершинина вручили представителю Кировского горсовета, который отказался его принять. Он сказал: «Мы не принимаем коллективных заявлений». В тот же день большие наряды милиции, дружинников и пожарников оцепили Феодоровскую церковь, вынесли и погрузили на автомобили весь церковный инвентарь и иконы и все это отвезли в Серафимовскую церковь. Феодоровская церковь была фактически закрыта, и в городе остался единственный действующий храм.

Тогда ее верующие 3 октября 1962 г. направили первую жалобу главе партии и правительства Н. С. Хрущеву. В ней они сообщали, что с закрытием Феодоровской церкви больше половины верующих г. Кирова лишились возможности нормального отправления религиозного культа. Жаловались на вмешательство горсовета и уполномоченных по делам РПЦ во внутренние дела церковных общин:

> «Горсовет многократно принуждал старост и настоятелей обеих церквей, под угрозой закрытия, изгонять нищих. В обеих церквах горсовет без всяких оснований снимал с регистрации старост, избранных верующими, и отказывался регистрировать новую двадцатку. Он запрещал ремонтировать храмы» [Там же, с. 319.].

Напомнив Хрущеву его собственные слова об уважительном отношении атеистов к верующим, они просили его:

«1. Дать указание горсовету немедленно предоставить нам для реставрации одну или две церкви Трифонова монастыря, а до окончания реставрации возвратить нам Федоровскую церковь, которая сейчас стоит пустой. 2. Обязать одну из строительных организаций гор. Кирова на средства Федоровской и Серафимовской церквей произвести реставрационные работы памятника архитектуры, который будет предоставлен верующим вместо Федоровской церкви. 3. Указать горсовету и областному уполномоченному по делам Русс. Прав. Церкви на недопустимость притеснений верующих. Разрешить Федоровской церковной общине провести общее собрание верующих для выбора нового церковного совета» [Там же, 325–326].

Подлинник жалобы был подписан сначала членами двадцатки Феодоровской церкви, и к нему на особых тетрадях приложены подписи верующих г. Кирова. Всего было приложено 1200 подписей с указанием адресов. Эта жалоба была подана представительницей верующих Линой Федоровной Рычковой 15 октября 1962 г. в Москве в приемную Хрущева вместе с эмоциональным письмом от члена двадцатки 70-летней А. П. Вершининой, тоже составленным Талантовым. В нем повторялись просьбы коллективной жалобы и описывались обиды, нанесенные верующим городской властью:

«Руководители горсовета отказались даже разговаривать с нами относительно церкви. Вместо разумных ответов они осыпали нас бранью и угрозами: “Чей вы едите хлеб?” “Мы посадим вас в тюрьму!” “Мы лишим вас пенсии”. Мы едим собственный хлеб, заработанный тяжелым трудом и обильно политый горькими слезами. Очень прискорбно нам, перенесшим все тяжести прошлых лет и потерявшим на войне своих детей и мужей, видеть бессердечную неприязнь к себе, слышать угрозы и насмешки со стороны очень молодых начальников, ничего еще не испытавших в жизни и ничего не сделавших хорошего. Для молодых людей горсовет на государственные средства строит театры, клубы, парки, стадионы, а старых людей он лишает маленькой церкви, расположенной на краю города и восстановленной на гроши стариков и старух» [Там же, 329–330].

В этот же день Л. Ф. Рычкова отнесла заявление вятских верующих в Министерство культуры РСФСР (в отдел охраны памятников архитектуры), к которому была приложена копия жалобы на имя Хрущева. В заявлении сообщалось, что с охраной памятников старины в г. Кирове и области дело обстоит особенно плохо:

«Кировские руководители разрушили почти все памятники древнего зодчества и уничтожили древнейшие предметы (иконы, книги, сосуды и т. д.), имеющие огромную историческую ценность. <…> Ныне, под руководством

секретаря обкома В. И. Трушина, производится массовое закрытие церквей и при этом предаются огню культурные и исторические ценности. <…> Верующие с большой охотой готовы поддержать начавшееся в стране движение за сохранение и восстановление памятников старины. На средства Серафимовской и Федоровской церковных общин гор. Кирова весь ансамбль зданий Трифонова монастыря мог бы быть реставрирован в течение 2–3-х лет».

Письмо завершалось просьбой поддержать ходатайство вятских верующих, направленное Хрущеву [Личн. арх. Е. С. Останина: Талантов Б. В., 1964, с. 333–336].

10 октября 1962 г. обвинительное письмо, подписанное девятью членами двадцатки Феодоровской церкви, получил епископ Поликарп:

«Духовенство гор. Кирова и Вы (как утверждают депутаты) вступили в тайный сговор с горсоветом, чтобы путем сдачи церковного здания горсовету сохранить регистрацию церковного совета и духовенства. Этот недостойный поступок не является случайностью. Ранее с амвона о. Николай Огородников и о. Михаил Якимов учили народ не подавать нищим и выгонять их из храмов. Такие проповеди, противоречащие духу и букве заповедей Божиих, произносились якобы для спасения храмов от закрытия. Спасло ли такое нечестие храмы от закрытия? <…> Таким недостойным поступком духовенство (особенно настоятели храмов и Вы) подорвало доверие народа к себе. Подобные поступки разрушают Церковь Божию. Все верующие скорбят о случившемся и просят духовенство осознать и раскаяться в содеянном поступке. Мы вынуждены будем о всем происходящем в Кировской епархии поставить в известность Святейшего Патриарха Алексия» [Там же, с. 314].

Суровые обличения, справедливость которых владыка не мог не сознавать, и в то же время чувство собственного бессилия остановить натиск властей, сокрушили его. Через три недели он был переведен в Архангельскую епархию.

Никакого ответа на свои жалобы и письма верующие не получили. 25 октября 1962 г., в разгар Карибского кризиса, городские власти с помощью большого количества рабочих и разнообразной техники приступили к разрушению колокольни Феодоровской церкви. Поэтому 26 октября из Кирова была отправлена телеграмма за подписью А. П. Вершининой:

«Москва, Кремль. Председателю Совета министров СССР Хрущеву. От двадцатки и верующих Федоровской церкви города Кирова направлена Вам 15 октября жалоба на неправильное закрытие церкви. До сих пор никакого ответа мы не получили. Ждем ответа» [Там же, с. 337].

Так как и на эту телеграмму никакого ответа не было получено, а власти продолжали разрушение храма, то верующие подали 27 октября новую жалобу Н. С. Хрущеву. В ней сообщалось:

> «25 октября местные власти начали подготовку взрыва Федоровской церкви в момент, когда нервы всех граждан напряжены до предела в связи с обострившимся международным положением. Решительно протестуем против намечаемого разрушения церкви и пренебрежительного отношения к конституционным правам верующих. Просим дать срочное указание о недопустимости разрушения церкви и возвращении ее верующим. Если же церковь будет взорвана, несмотря на наши ходатайства и протесты, то просим немедленно отдать нам Успенский собор Трифонова монастыря, произведя необходимый ремонт этого собора» [Там же, с. 338–339].

В начале ноября 1962 г. секретариат Н. С. Хрущева вернул жалобы верующих с резолюцией: «Разобраться на месте». Подлость ситуации состояла в том, что в правительственных постановлениях по работе с жалобами трудящихся запрещалось направлять обращения граждан для разрешения тем должностным лицам, на действия которых поступила жалоба. Но при этом отсутствовал институт юридической ответственности за нарушение такого запрета [см.: Кабашов, с. 135, 138, 139]. Горисполком понял эту резолюцию как поощрение своего произвола. В середине ноября уполномоченный по делам РПЦ И. Д. Ляпин вызвал к себе Л. Ф. Рычкову и запугал ее угрозами. Сильное давление было оказано и на А. П. Вершинину. После этих запугиваний Л. Ф. Рычкова и А. П. Вершинина отказались от борьбы. Главным инициатором в борьбе за права верующих стала Варвара Матвеевна Черезова, одна из членов двадцатки.

В ноябре и декабре 1962 г. разрушение Феодоровской церкви шло медленно, и 14 декабря верующие еще раз обратились в горсовет с просьбой отдать им ее во временное пользование [Личн. арх. Е. С. Останина: Талантов Б. В., 1964, с. 339–340]. 21 декабря заведующий отделом культуры горисполкома В. Г. Росляков ответил им устным отказом, мотивируя этот отказ тем, что город нуждается в жилищах, а Успенский собор им не отдадут, так как предполагается использовать его как музей.

19 января 1963 г. Феодоровская церковь была взорвана [Там же, с. 347–348]. Очевидцем того, как ее затем рушили тросами, прикрепленными к танкам, случайно стал Петр Иванович Бутюгов, друг Бориса Талантова с 1963 г. Он рассказывал, что у него щемило сердце от жалости к сносимому храму, но открыто возмутиться он боялся [см.: Личн. арх.

Е. С. Останина: интервью с П. И. Бутюговым, священнослужителем храма Новомучеников и Исповедников Российских на Филейке, 2005, 1 сент.].

27 января 1963 г. Н. С. Хрущеву была послана третья жалоба, которую подписали более 1000 верующих. В ней городские власти обвинялись в бессмысленной трате огромного труда и государственных средств на разрушение церкви, тогда как город нуждается в постройке жилья. Были настойчиво повторены просьбы из ранее отправленных жалоб [Личн. арх. Е. С. Останина: Талантов Б. В., 1964, с. 342–353]. Петиция была отвезена в Москву Варварой Матвеевной Черезовой и Ильей Васильевичем Наумовым – членами созданного Талантовым в начале 1960 г. братства вятских христиан [см.: Останин, 2010, с. 70–79] – и отправлена заказным пакетом с уведомлением 19 февраля 1963 г.

Как видно из уведомления, эту жалобу секретариат Н. С. Хрущева получил 20 февраля 1963 г. И опять никакого ответа на нее не последовало. Параллельно 20 февраля 1963 г. посланцы вятских верующих подали управляющему делами Московской патриархии епископу Киприану первое (из известных нам) письмо Патриарху Московскому и всея Руси Алексию. Объемное послание на 38 тетрадных страницах было написано Талантовым на другой день после взрыва Феодоровской церкви – 20 января 1963 г. Но вопросы, поднятые в нем, относились к судьбе Русской православной церкви в целом:

> «Ваше Святейшество! Мы, православные христиане г. Кирова, обращаемся к Вам как к главе Русской православной церкви с следующими прошениями:
>
> 1. Мы просим Вас обратиться к Правительству СССР с ходатайством об издании закона, обеспечивающего подлинную свободу совести в нашей стране. Этот закон прежде всего должен быть направлен на пресечение произвола Совета по делам РПЦ. <…> Следует также просить Правительство СССР повсеместно (и особенно в Кировской области) расследовать случаи притеснения верующих и незаконного закрытия церквей и исправить допущенные ошибки.
>
> 2. Мы просим Вас принять самые строгие и скорые меры по очищению Церкви от неверных и морально разложившихся епископов, священников, дьяконов и старост.
>
> 3. Мы просим Вас прекратить распространение за границей через представителей Патриархии ложных сведений о положении и состоянии Церкви в СССР» [Личн. арх. Е. С. Останина: Талантов Б. В., 1964, с. 388–389, 391–392].

Копию письма Талантов собирался направить в Кировское епархиальное управление. Но поскольку новый епископ Иоанн вызвал к себе большое недоверие со стороны верующих, письмо ему не было отдано.

Ни на это, ни на последующие письма Талантова ответа из Патриархии не пришло.

Третий документ Талантова, который привезла в Москву В. М. Черезова, почти вдвое превосходил по объему послание патриарху. Это было подписанное лично им, с указанием адреса, письмо «О массовых разрушениях памятников церковного зодчества в Кировской области» в газету «Известия». Сюжет с Феодоровской церковью был в нем приведен как один из эпизодов ужасающей трагедии культурно-исторических потерь в Вятском крае, разразившейся в XX в. при богоборческой власти:

> «После второго взрыва были значительно повреждены соседние жилые здания и даже, говорят, пострадали люди. Сооружение насыпной набережной, разрушение церкви и разбор завала стоят больших средств. Каковы могут быть результаты этих трудов? В будущем, если не размоет насыпь и будет сделана, как запроектировано, клумба на месте церкви, то получится небольшой скверик, из которого можно любоваться соседней тюрьмой», –

пишет он с горькой иронией [Личн. арх. Е. С. Останина: Талантов Б. В., 1963, с. 40].

Письмо завершалось предложением издать закон, определяющий уголовное наказание за сознательную порчу и разрушение памятников старины [Там же, с. 64–65].

Вятские верующие в борьбе против уничтожения Феодоровской церкви продемонстрировали высокую способность к самоорганизации, тактическую гибкость и готовность к компромиссу – качества, присущие зрелому гражданскому обществу. Но они имели дело не с правовым, а с тоталитарным государством, которое не считало себя связанным собственными законами при проведении избранного политического курса. Их шанс выиграть эту борьбу исчезающе мал. Единственный известный нам случай их победы – спасение Троицкой церкви в с. Быстрица Оричевского района – выглядит как выигрыш в лотерею [см.: Останин, 2007, с. 109–121]. Тем ценнее для нас их опыт и уроки, сохранившиеся в рукописном наследии Бориса Талантова. Он служит вдохновляющим примером в наше время, отмеченное общественной апатией большинства и параличом воли в отстаивании своих прав.

Балыбердин А. Г. Государственно-церковные отношения в 1958–1964 гг. (по материалам Кировской области): дис. … канд. ист. наук. Киров, 2004.

Балыбердин А. Г. Безумие: хрущевские гонения на Вятской земле. Киров, 2006.

Балыбердин А. Г. Вятская (Кировская) епархия в 1941–2007 гг. // Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350 лет Вятской епархии / под общ. ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. Вятка, 2007.

Балыбердин А. Г. Как уничтожали Феодоровскую церковь г. Кирова: к 50-летию трагедии (1962–2012) // Обретение святых – 2012 : сб. материалов IV Межрегион. церк.-науч. конф. г. Киров (Вятка), 14 окт. 2012 г. Киров, 2013.

ГАСПИ КО. Ф. 1293 (Кировский горком КПСС).

Двинина Т. Я. Мертвые учат живых // Вятский край. 1992. № 17. 24 янв.

Кабашов С. Ю. Организация работы с обращениями граждан в истории России : учеб. пособие. М., 2010.

Личный архив Е. С. Останина: интервью с Г. Б. Талантовым, сыном Б. В. Талантова. 2005. 26 апр.

Личный архив Е. С. Останина: интервью с П. И. Бутюговым, священнослужителем храма Новомучеников и Исповедников Российских на Филейке. 2005. 1 сент.

Личный архив Е. С. Останина: *Талантов Б. В.* Борьба верующих христиан Кировской области за свою веру и свои законные права с 1960 г. по 1964 год: 5 лет борьбы. 1964. Рукопись. Т. 1.

Личный архив Е. С. Останина: *Талантов Б. В.* О массовых разрушениях памятников церковного зодчества в Кировской области: письмо в газету «Известия». 1963. Рукопись.

Останин Е. С. Дело Б. В. Талантова // Проблемы истории российских спецслужб / отв. ред. В. А. Бердинских. Киров ; Вятка, 2004.

Останин Е. С. Спасенный храм: эпизод истории сопротивления хрущевскому антирелигиозному погрому на Вятской земле // Герценка : вятские записки. Киров, 2007. Вып. 11.

Останин Е. С. Неизвестная страница исповеднического подвига Бориса Талантова // Обретение святых : сб. выступлений II ист.-краевед. конф. Вятка (Киров), 2010.

Раздел 5
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

УДК 94(47).01/.03:913

А. М. Харитонов

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МЕСТЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ НА КАРТЕ МИРА В АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Арабская средневековая географическая литература весьма низко котируется в исторической среде как географический источник. При этом этнографические данные о народах нашей страны из тех же источников оцениваются историками достаточно высоко. Автор-географ пытается проанализировать возможные причины создавшегося положения.

Ключевые слова: Древняя Русь, Орда, Арта, Славия, Дунайская Болгария.

Восточные исторические источники по географии Древней Руси [см.: Древняя Русь…, т. 3; и др.] занимают весьма важное место в исторической науке нашего времени, но обладают одним существенным недостатком – современные переводчики плохо согласуют предлагаемую ими географию Руси с другими историческими и географическими источниками Средневековья.

На наш взгляд, подобная проблема возникла искусственно. Дело в том, что с арабскими материалами работали в основном востоковеды, тогда как с европейскими источниками имели дело преимущественно историки-норманисты.

Из-за мозаичности изучения отдельных стран и эпох в силу узкой специализации современных специалистов за кадром остались многие любопытные общегеографические сопоставления, видимые глазу специалиста-географа, решившего провести анализ качества географического

© Харитонов А. М., 2018

перевода и географических комментариев ученых-историков на темы исторической географии [см.: Харитонов, 2015*а*].

Уже теперь, анализируя результаты, автор видит ряд причин, затруднивших историкам и востоковедам согласование их позиций в отношении географии Древней Руси, прежде всего – это недоверие к географической науке Античности и Средневековья со стороны представителей современной исторической науки.

При этом современные историки привыкли больше полагаться на геополитические сочинения признанных классиков исторической науки, чем на первоисточники. По этой причине географические и исторические источники, которые противоречат позиции классиков исторической науки, чаще всего переводятся в разряд легендарных и мифологических, т. е. не заслуживающих внимания науки, сведений.

А теперь зададимся неприятным для историков вопросом: какая географическая наука раннего Средневековья старше и более опытна – норманно-европейская или арабская? Для автора-географа сомнений нет: арабы внесли в европейскую науку и культуру много ценных идей, которые сами переняли из античных, преимущественно греческих, источников. Европейская наука «темных веков» ничего особо выдающегося нам в этом плане не дала. Не норманны же обучили арабского ученого Идриси основам создания географических карт, а как раз наоборот – он составлял для них карту мира, в которой воспользовался и их рассказами.

Так почему же арабские географические источники отвергаются в угоду европейским? Только в силу устоявшегося в науке принципа европоцентризма, принятого в том числе и отечественной историей. Арабские же географические данные четко укладываются в принятые в средние века географические пределы мира и уже потому являются правильными, что бы там не говорили и не писали историки. Курьезными с их (арабской) средневековой точки зрения являются как раз современные представления историков об исторической географии Древней Руси!

Еще одна причина отсутствия взаимопонимания истории и географии – преобладание в традициях перевода географических названий, как правило, одного способа передачи иноязычных топонимов, тогда как их даже сегодня на официальном уровне в картографии насчитывается с полдюжины (включая «народную этимологию»).

Попробуем показать это на примерах. В географии Древней Руси в арабских сочинениях важное место отводится «острову русов». Между тем в европейской и византийской традициях подобное понятие как будто не встречается. Но мы обратили внимание на наличие в скандинав-

ской географии некоего Хольмгарда, который обычно сопоставляется с Великим Новгородом.

Между тем, если разобрать топоним «Хольмгард» по частям, где «хольм» – остров, а «Гарды» – принятое скандинавское название Руси, то мы получим… «остров руси» арабских сочинений. Более того, еще одним названием Руси, принятым у историков, является Острогард. Если вставить явно выпавшее «в» после слова «остро-», то перед нами опять появляется остров русов.

О возможности подобной трактовки свидетельствует этноним остготов. Значительно реже вспоминается историками, что этот этноним происходит от остроготов. Однако, если вставить выпавшее «в», то мы получим остров готов. Да, подобное толкование несколько противоречит правилам компаративистики, и потому выпало из поля зрения специалистов. Но оно вполне согласуется с географической действительностью при переводе географической терминологии (так называемые полукальки) в рамках географической науки.

Однако где искать остров русов? В исторической литературе точной привязки его не найти. Большинство отводит ему место где-то на Тамани – в низовьях реки Кубань. Однако имеется и множество альтернативных трактовок. В частности, Б. А. Рыбаков искал остров русов в низовьях Дуная, а некоторые исследователи отводят ему место на острове Рюген в Балтийском море.

Но если устье Дуная хорошо известно античной географии, то этого не скажешь о Балтике. Ведь первая карта Скандинавии появляется только в 1427 г. в качестве дополнения к карте, приписываемой обычно Птолемею. Так что искать здесь остров русов арабской географии бесполезно с точки зрения географии Средневековья. Но тем не менее публикации, в основном в популярной литературе, на эту тему продолжают встречаться.

Впрочем, пренебрегают географией и специалисты-историки. Так Е. С. Галкина констатировала, что арабская география считала земли к северу от Дона «незаселенными землями севера», но тем не менее отправила Ибн Фадлана на Среднюю Волгу, как принято у классиков исторической науки [см.: Галкина]. Не мудрено, что в конечном итоге, пытаясь разобраться с арабской географией Руси, она же вынуждена была заявить, что по данным историков представить эту географию пользователям в удобоваримой форме нельзя.

Собственно, проблемы местонахождения объектов в исторической географии у специалистов-историков начались с отождествления Русской

реки арабской географии именно с Доном. И это при том, что у более поздних авторов Русская река явно ассоциируется с Кубанью.

Только так можно трактовать данные Идриси о том, что в 20 милях от устья этой реки расположены Тмутаракань и Капа (Феодосия). Между тем от Керчи до устья Дона расстояние в 10 раз больше! Но историки упорно цепляются за каждую географическую соринку в своих трактовках географической действительности и тем желают отказать классикам их науки в праве на ошибку. Не потому ли у них в их переводах географических источников упорно отсутствует указание на протяженность мили в современных единицах длины?

Проблемы возникают и с отождествлением второй реки арабской географии Итиль с современной Волгой. Ведь в эпоху раннего Средневековья географии были известны только предгорья Северного Кавказа. Откуда же здесь взяться Волге?

На Северном Кавказе, помимо Дона, есть всего лишь 2(!) крупные реки. Если одна из них (Кубань) является Русской рекой, то тогда Итиль – вторая, т. е. это… Терек. Сравнительно-историческое языкознание вполне может найти в этих топонимах сходные фонетические черты, если этого захотят историки. В низовьях Терека и надо искать столицу Хазарии. В низовьях же неизвестной географии Волги делать это бессмысленно.

Но попробуйте заговорить об этом с отечественными историками. Вас пошлют… к любимым историками сочинениям исторических классиков и постараются поскорее закрыть тем самым щекотливую тему. Свежий пример можно найти на сайте переформат.ру в одной из авторских колонок у Л. П. Грот, где речь на форуме зашла о возможности бегства князя Владимира из Новгорода в ином направлении, а именно в сторону выделенного некогда историками Польши некоего крупного водоема в центре современной Беларуси.

А между тем вопрос, от которого отмахнулись «настоящие историки», достаточно интересен. Откуда в центре Беларуси на картах средних веков взялось крупное озеро? Этот вопрос мы рассматривали в своей работе о загадке озера Амадока [см.: Харитонов, 2016]. Он тесным образом увязывается с происхождением названия Балтийского моря, которое в сочинениях современных историков отождествляется с варягами. Но любопытно, что уже классик антинорманизма А. Г Кузьмин нашел доказательства того, что впервые упоминавший Балтику по имени Адам Бременский описывал тем не менее… Азовское море. Вывод этот был сделан на основании анализа обитавших на берегах «Балтики» народов – аланов, тюрок, русов.

Но, похоже, уже сам А. Г. Кузьмин испугался своих собственных выводов, которые шли вразрез с его увлечением кельтами в истории Руси. Ведь тогда и варяги переставали быть жителями южного побережья Балтийского моря, что историк упорно пропагандировал в своих сочинениях. Однако его работы о возможных связях жителей Черного и Балтийского морей привлекли наше внимание. Более того, выяснилось, что море варягов-варанков считал Меотидой (античное название Азовского моря) араб Ал Хараки. А если сопоставить с этими топонимами наличие некоего Варанголимена на европейских картах средних веков в Крыму, то этот последний топоним получается всего лишь позднейшей реконструкцией того же названия Азовского моря.

Азовское море в античной традиции связано с амазонками. Так что сопоставление озера амазонок с озером Амадока [Ама(дз/дж)н(к)а] на картах в центре Беларуси в средние века вполне вероятно. Сложнее представить себе механизм переноса прежнего названия на новое место жительства. Но и это возможно. Ведь перенесли же родину норманнов в Скандинавию, тогда как сами норманны производили себя из Азии и нижней (ближней) Скифии. А ведь достаточно было перевести этноним «норманны» (северные люди) на русский язык для сопоставления их с летописными северянами «Повести временных лет». Последние как раз и обитали на притоках Дона (граница Европы и Азии) и Нижнем Дунае.

Если европейские историки взяли название озера с карты, приписываемой Птолемею, а сам «Птолемей» использовал в создании своей карты арабские материалы, то подобный разнобой в названиях разноязычных топонимов вполне объясним. Мы [см.: Харитонов, 2017] при этом ориентируемся на выводы картографа Л. Багрова [см.: Багров], который давно обращал внимание, что карта Птолемея вполне могла быть создана значительно позднее по времени неким Агатодемоном с возможным использованием некоторых материалов даже и самого Птолемея. Обращаем особое внимание, что это никак не связано с исследованиями Фоменко и Носовского и не имеет никакого отношения к их современной теории «новой хронологии».

Точно так же о местонахождении трех центров Древней Руси из материалов восточных источников давно идут споры среди историков. Но если место Куявы (Куябы) достаточно дружно сопоставляется со столицей современной Украины, то координаты Славии и Арты (Арса, Артания) вызывают ожесточенную полемику. Где их только не ищут. Наиболее

популярны варианты по связи Славии с Переяславлем, но встречаются версии и о связи с Великим Новгородом (родиной словен). Арта представляется то Рязанью, а то и неким Роднем.

Вот только все эти мнения не учитывают элементарную географию Средневековья, где арабским географам не известны земли даже Крыма (упоминается лишь в поздних сочинениях) в землях Причерноморья. Мы же заметили элементарную связь Арты и Орды, ускользнувшую от историков. Этот термин очень легко сопоставляется и со скандинавским Гарды, под которым принято понимать Древнюю Русь. Получается, что арабским географам этот термин был хорошо знаком. А как же иначе? Ведь Идриси был на службе у норманнов. По нашему мнению, встречается данный термин и на карте отнюдь не географа Махмуда Кашгари и в других восточных сочинениях [см.: Харитонов, 2015*б*]. Надо было лишь отыскать их, исходя из общегеографических представлений Средневековья.

Но где тогда искать Славию? Также в Причерноморье. Наше внимание обратили на наличие неких Склавиний (иногда Славии) на Балканах. Крупнейшей из них была Дунайская Болгария. Столицей ее одно время был г. Преслав. Получается, что сопоставлявшие Славию с Переяславлем были в чем-то правы. Если к этому добавить, что древнейшее чисто географическое сочинение по географии Руси «Список русских городов дальних и ближних» [см.: Тихомиров] причисляет болгарские города именно к Руси, то этим все окончательно объясняется.

Но данная локализация ставит под сомнение историческую привязку Куявы к современному Киеву. Ведь круглогодичное кочевание в степях на Украине невозможно. Получается, что и летописный Киев арабских источников следует искать тоже где-то на Северном Кавказе. При этом только такое положение Киева способно объяснить наличие каменной стены вокруг города в рыцарском романе по мотивам «Деяний венгров». Ведь именно в южных городах при отсутствии достаточного количества древесины и строили подобные стены.

Тогда легко представить бьярмов соседями печенегов, осаждающих Киев во время междоусобиц после смерти князя Владимира (арабский Буладмир, Булат-Темир?). Ведь одним из исследователей имя страны Биармии было замечено именно на арабской карте. Правда, славящаяся «рыбьим зубом» Биармия обычно располагается историками на Северной Двине. Однако биологам [см.: Верещагин] известно, что моржи водились в Каспийском море вплоть до эпохи Ивана Грозного. Так что расположе-

ние Биармии где-нибудь ближе к современной территории Кавказского заповедника уже выглядит не столь экзотично, как может показаться с самого начала.

Причинами возникающих недоразумений на географической почве следует, вероятно, считать и не так давно выясненную особенность перемещения топонимов вслед за их носителями в разрезе исторического времени. Пока работа по выяснению таких перемещений проделана лишь для славянских и отчасти тюркских примеров, но В. А. Курбатов [см.: Курбатов] продолжает их поиск и для иных языков. Учет подобных перемещений в топонимике в будущем способен основательно перекроить наши представления об исторической географии не только Древней Руси, но и сопредельных государств.

Багров Л. История картографии. М., 2004.

Верещагин Н. К. Проблемы создания и хранения териоколлекций в биологических учреждениях России и СНГ // Природа. 2003. № 10. С. 85–88.

Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М., 2002.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3: Восточные источники. М., 2009.

Курбатов В. А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.). М., 2005.

Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Ист. зап. М., 1952. Т. 40. С. 214–259.

Харитонов А. М. Загадка озера Амадока // География: развитие науки и образования. СПб., 2016. Ч. 2. С. 418–422.

Харитонов А. М. О проблеме авторской принадлежности карт «Географии» Птолемея // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. СПб., 2017. С. 277–280.

Харитонов А. М. Представления европейских и арабских ученых о географических границах ойкумены в период античности и раннего средневековья // Эколого-геоморфологические исследования в урбанизированных и техногенных ландшафтах. Чебоксары, 2015*а*. С. 269–278.

Харитонов А. М. Скандинавское название Руси на карте Махмуда Кашгари и в арабских географических источниках // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие : IV Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2015*б*. С. 452–456.

УДК 94(571).05/.06

С. Н. Копырина, К. А. Уланов

ДОКУМЕНТЫ И КРАТКАЯ ИСТОРИЯ О НАЧАЛЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ в XVIII в.

В статье освещаются вопросы истории промышленного освоения территории Сибири в XVIII в. по документам, хранящимся в фондах Государственного архива Свердловской области. Представлено начало организации водной и сухопутной транспортной инфраструктуры Урала с регионами страны.

Ключевые слова: история Сибири в XVIII в., промышленность, дощаник, иностранные специалисты, промышленное освоение Сибири в XVIII в., караваны.

К началу XVIII в. о рудных богатствах Сибири и Алтая в столице сведения были, но крайне разрозненные и не подтвержденные убедительными фактами. Поэтому в 1720 и 1722 гг. капитану В. Н. Татищеву и генерал-майору В. И. Геннину в инструкциях от Сената и Берг-коллегии особо предписывалось «приискивать в Томском, Кузнецком и иных уездах» руды и минералы [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 23, л. 15, 71]. В 1724 г. В. Н. Татищев на основании полученных от уральцев и сибиряков сведений докладывал в Берг-коллегию, что «в провинции Даурской узорчатые каменья яшмы, агаты, сердолик, руды тщетно лежат». И указал главную причину – добраться до тех мест крайне сложно, все дороги «в весьма худом состоянии». Он предлагал наладить сухопутно-водные транспортные коммуникации Екатеринбурга с европейской частью России, а также по маршруту Тюмень – Тобольск – Сургут – Нарым – Енисейск – Томск – Алтай – Красноярск – Иркутск – Нерчинск – Якутск.

О промышленном освоении Сибири написаны статьи и монографии [Ананьев; Ведерников; Вилков; Корепанов; Миненко], но необходимо отметить, что в этих работах практически нет документов фонда Уральского горного управления, а без них история промышленного освоения Сибири не может быть полной.

В 20-х гг. XVIII в. уральское горное начальство было занято главным образом решением собственных, местных проблем, в том числе разбором конфликтов заводчиков и казны, которые с появлением на Урале В. Н. Татищева не только не закончились, а, напротив, разразились с новой силой, часто в скрытой форме. Особую активность проявлял А. Демидов, который слал в Берг-коллегию челобитные с просьбой закрепить

© Копырина С. Н., Уланов К. А., 2018

за ним территории к востоку от Каменного пояса с целью последующего строительства заводов. И хотя В. Н. Татищев и В. И. Геннин писали, что этот вопрос очень важен для казны, а «Демидовы радения к добыче меди не имеют», последний правдами и неправдами с казенной помощью начал освоение региона Алтая. Документы (более 40 дел) погодно и почасно отражают эти целенаправленные усилия предпринимателя и его противоборство с казной вплоть до 1744–1747 гг., когда предприятия Алтая оказались в руках императорской семьи. Здесь приведены подробнейшие описания «дикого края» с рудными месторождениями, перевод сотен людей на новые места – все, вплоть до детальных описаний перевозки полуфабриката, который содержал большой процент серебра, с Алтая в Невьянск по рекам и сухим путем [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 101, 218, 1047, 1301 и др.].

Руководство Коммерц-коллегии беспокоила нерешенная проблема, оно о ней помнило и торопило с решением. В ноябре 1731 г. по указу Анны Иоановны в Сибирь была направлена комиссия во главе с бергсоветником Райзером и капитаном от артиллерии В. Фермаром. В нее входило около 20 человек. В. И. Геннину предписывалось оказать им «беспрекословное вспоможение в мастерах, служителях и солдатах» [Там же, д. 331, л. 846–852, 891–892 и др.]. Прибыв в середине декабря в Екатеринбург, руководитель экспедиции потребовал от В. И. Генина к весне 1732 г. «для отъезда в Москву сделать косную лодку с двумя каютами и с лодкой» и отправиться в путь.

Другое требование высшей власти выполнять было сложнее: указ Сената от 14 июня 1731 г. предписал В. И. Геннину, послав «верных и искусных людей, обследовать и составить планы, описать места и учинить пробы руд в регионе за Тобольском и Томском» [Там же, д. 385, л. 11]. Указ пришел в трудное время: «верных и искусных людей» у начальника не было, все были в разъездах. Сначала выбор пал на И. Г. Улиха – опытного саксонского специалиста [см.: Там же, д. 375, л. 46–47]. Он приехал на Урал в начале 20-х гг. хорошо зарекомендовал себя на Пыскорском, Лялинском, Полевском заводах, обучил плавке многих учеников, в числе которых был и будущий крупный специалист Д. Одинцов. Без проблем, «так как в нем нужда большая», ему продлевали контракт, платили солидное жалованье в 248 руб.

И. Г. Улих, ссылаясь на то, что за одну зарплату ехать в неизведанные места «одни убытки, да и здоровье свое в трудах истратил», попросил у В. И. Геннина вознаграждения и добился вполне солидных уступок:

за труд ему было обещано дополнительно 100 руб., «а ежели найдет места к постройке завода», то еще 200 руб. в подарок [ГАСО, ф. 24, оп. 1. д. 278, л. 177–180; д. 332, л. 30–42].

Пока шел торг, здоровье И. Г. Улиха действительно ухудшилось, но появились новые достойные исполнители указа Сената. В феврале 1732 г. в экспедицию поехали гитенфервальтер К. Гордеев, маркшейдерский ученик, племянник В. Н. Татищева А. Татищев – для сочинения ландкарт и саксонец штейгер Я. К. Лексендринг. В. И. Геннин написал им обширную инструкцию. Вот ее основные пункты:

«– …за Тобольском, Томские и прочие места, горы, реки, леса и сысканные руды все осмотреть и описать, и положить на ландкарту, с обстоятельством, по горному обыкновению, и приисканные рудные места осмотреть же и описать, как оные идут и в какой надежде те руды себя показуют, и в каких горах и урочищах в твердом или разборном камне, жилою или слоем и по течению солнца на которую сторону склоняются. И довольно ль около тех мест лесов, и какие леса, и можно ли где заводы построить. И каждого прииску руд для пробы привесть с собою фунтов по пяти;

– також осмотреть тамо между Обью и Иртышем реками места, какое между ими есть расстояние и какие в них реки впали, и в которую сторону;

– Томские дворянина Демидова заводы осмотреть – как оные производятся, и какие руды в плавку употребляются, и каковы добротою, из которых мест берутся и на завод привозятся. Оное потому ж описать и положить на чертеж;

– где отъязжающимися туда в комиссии господином берг-советником Райзером и артиллерии с капитаном Фермаром свидятся, то в том комиссии друг другу в осмотер таможних мест и руд помогать и сообщаться. И всем тамошним рудам взять известие у обретающегося там штейгера Георгия;

– наведываться подлинно и записать о тамошнем состоянии народа, какие живут люди и какой веры, и кому какие подати платят, и далеко ль от тех мест пограничное с контайшею место, и при которых реках и местах, и какие в тех пограничных местах живут люди. И сколь многолюдства, и далеко ль за границею живет само контайша також, и российского народа довольно ль около тамошних мест живет, и каких слободах и деревнях имянно. И в каких от заводах и рудниках расстоянии, и способно ль приписать к заводам, и коликое число дворов в них мужского полу душ…» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 385, л. 14 – 14 об.].

Сложное задание было блестяще выполнено. В августе 1732 г. К. А. Гордеев доложил генералу результаты. В архивном деле они занимают более сорока листов. В статье нет необходимости все подробно описывать, но отметим, что представленные экспедицией материалы являются очень ценными в плане расширения знаний по истории Сибири. Приведем только один факт: экспедиция привезла 47 образцов руд (все месторождения с точными координатами нанесены на ландкарты и чертежи). Их лабораторные исследования в Екатеринбурге позволили сделать вывод, что они «в великой надежде себя показывают». Можно предположить (так как заводы в тех местах не были построены), что найденные богатства до сего дня «лежат втуне» и ждут своего часа. Заметим, кстати, что рудные месторождения современного Норильского комбината также были открыты в XVIII в., однако технологии того времени не позволили их использовать.

Демографическое описание народов огромного края также может быть интересно. В описании обитателей Алтая, в частности, отмечается, что «грамоты у них нет, токмо веруют огню и птицам, имеют болванов, вырезанных из дерева подобием человека, которых они называют бурхан…» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 385, л. 22 об.]. Имеются обширные описания Кузнецкого, Томского уездов. И наконец, ландкарты, а также путевые журналы, чертежи, составленные экспедицией, несомненно, представляют научный интерес. Недаром, В. И. Геннин, изучив их, написал в Сенат: «подземные богатства втуне оставлять не надлежит» и предложил расплатиться с Демидовым по его расходам, взяв все в казенное управление.

Но не таков был А. Демидов, он «чуял» неладное и непрестанно писал просьбы на отведение земель, лесов, рудников. Ему отвечали, что экспедиции еще не вернулись, нет результатов по обработке привезенного материала, а без этого невозможно принять решение. Споры будут продолжаться в 1730-е гг., особенно в 1734 г., когда на Урал уже в чине генерала вернется В. Н. Татищев – тот, которого Демидовы сумели «убрать» в начале 20-х гг. XVIII в. В. Н. Татищев подробно излагал императрице важность для казны освоения рудных богатств. В его материалах также представлены интересные сведения о сибирских краях [см.: Там же, д. 1068, л. 402–423; д. 588, л. 416–418, 620–622, 863–876 и др.].

Но добираться до них, даже с Урала, было не только сложно, но и опасно. Как аборигенное население, так и местное начальство не было заинтересовано в промышленном освоении территории. Представим фрагмент доношения о поездке асессора Н. Г. Клеопина из Красноярских за-

водов в Екатеринбург. Он вынужден был издержать большую сумму прогонных денег. Причину объяснил просто: «Путь от Красноярских заводов далекий и трудный, к том[у] ж[е] за пустотою мест и от кочевания степных иноверцев… принужден был ехать до города Томска околисью, дорогою по реке Чулыму, где лишне было несколько сот верст» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1049, л. 1–5].

Трудности сопровождали путников практически всюду. Когда возили медь с Луказского завода в 1741–1746 гг., то на всем пути (Красноярск – Енисейск – Маковской острог – Нарым – Сургут – Самаров Ям – Демьянский Ям – Тобольск – Тюмень – Екатеринбург) караван подстерегали опасности, нежелание местных воевод помогать [см.: Черноухов].

Следует указать, что уральский архив хранит многочисленные сведения о доставке продукции через Екатеринбург в Москву, Санкт-Петербург и другие города России. Особо сложно было везти свинец, серебро с Нерчинских заводов, преодолевая речной с многими волоками и сухопутный маршрут. Да и путь с медью с Сибирских заводов был нелегким. Так, с Луказского завода ее перевозили на дощаниках, длина которых была 26 м, а ширина – до 5 м. Дощаник мог передвигаться при помощи весел, его могли тянуть бечевой вдоль берега, но главным его движителем был парус. При удачном стечении обстоятельств, когда не случались «великая непогода» или мелководье, а воеводы и местное население благосклонно относились к путникам, путь до Урала занимал около пяти месяцев. При иных обстоятельствах за один сезон можно было до Екатеринбурга и не добраться. Так, например, случилось в 1746 г., когда нарымский воевода не только не дал для сопровождения людей, но и приказал на всем пути «чинить препятствия». И остяки «в работу за ослушанием не шли», напротив, не только не давали продуктов и необходимого для сплава снаряжения, но и часто избивали команду. В итоге, не доплыв до Сургута, караван «встал в замороз» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1106, л. 1–89]. Более восьмидесяти листов занимает разбор этой ситуации. Допросы и справки о событиях дают яркую картину жизни местного населения и системы воеводского управления.

Сибирский край привлекал уральских специалистов и тем, что в Томском, Кузнецком регионах было «в степных озерах» значительное количество соли, а она, помимо естественной надобности, требовалась на заводах в качестве флюса – «варнишного песка» для плавки медных руд. Внедрение его на Урале дало хорошие результаты. Опыт необходимо было распространять на Алтайские заводы, для этого была разработана целая программа добычи и доставки соли [см.: Там же, д. 596, л. 247–250 и др.].

И наконец, необходимо отметить, что в освоении Сибири принимали участие многие уральские специалисты: И. Аистов, П. Алексеев, Е. Арцибашев, В. Бурцев, С. Владычин, Л. Вострая Сабля, Л. Граматчиков, П. Корнилов, М. Кутузов, И. Лукашев, А. Метенев, Ф. Сикорский, А. Соловьев, П. Столов, И. Юдин. О каждом из них можно написать очерк или даже небольшую книгу.

Немало трудилось в Сибири иностранных специалистов, прибывших также с Урала – это И. Г. Бахман, Я. Ф. Вейдель, П. Вейгольт, К. Гаус, И. Гендейреих, И. К. Ион, Х. Леман, Р. Мааке, Я. С. Отте и многие другие. Их имена заслуживают своего места в истории. Например, бергаур Иоган Готфрит Бахман в 40-х гг. XVIII в. с успехом занимался поиском серебра и иных минералов в районе Якутска и р. Лены. За «верные и радетельные труды», а также ввиду «великой дальности, пустоты и дороговизны» уральское начальство повысило его в чине и жалованьи, обнадежило, что при дальнейших успехах «и штейгерский чин можно пожаловать» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1049, л. 124–127.].

Приведенные факты свидетельствуют, что документы уральских архивов могут дать ценнейшие сведения по истории Сибири XVIII в.

Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск, 2005.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24 (Уральское горное управление).

Ведерников В. В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2013.

Вилков О. Н. Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981.

Корепанов Н. С. Тамгинский завод и камчатская экспедиция. Екатеринбург, 1999.

Миненко Н. А. Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986.

Черноухов А. В. От Луказского завода через Сургут в Екатеринбург (документы Уральского архива по истории Сибири, Сургута XVIII в.) // Сургут, Сибирь, Россия : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. (22–25 марта 1994 г.) / под ред. Н. Н. Попова ; Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1994. С. 219–221.

УДК 94(470.5).05/.063:37

А. М. Сафронова

ДОКУМЕНТЫ О ГРАМОТНОСТИ ДЕТЕЙ НА ГОРНОЗАВОДСКОМ УРАЛЕ в 1721–1734 гг.

В статье рассматриваются основные документы, освещающие обучение грамоте детей в первых словесных школах, действовавших при казенных заводах Урала: распоряжения местных властей по привлечению детей для обучения, законодательно-нормативные акты высших и центральных органов, регламентировавшие прием детей в школы; ведомости, характеризующие количественный и социальный состав школьников. Привлекаются ведомости первых арифметических школ, в которые собирались дети, обученные грамоте на дому.

Ключевые слова: Урал, горнозаводские школы, детская грамотность, В. Н. Татищев.

Горнозаводские школы сыграли важную роль в распространении грамотности среди детей мастеровых и заводских работников, разночинцев, проживавших при заводах и в приписных к ним слободах, а также детей солдат, священников и церковнослужителей. В докладе на Одиннадцатых Татищевских чтениях мы кратко затронули вопрос о грамотности детей на Урале в 1720–1730-е гг. [см.: Сафронова, 2015]. В данной статье хотелось бы рассмотреть документы, освещающие вопрос о детской грамотности на Урале до середины 30-х гг. XVIII в. – до возвращения В. Н. Татищева на Урал в качестве начальника заводов, когда произошел взлет в распространении грамотности и горнозаводской Урал в этом отношении занял передовые позиции в России.

Первым документом, регламентировавшим обучение грамоте детей на территории горнозаводского ведомства, был наказ начальника заводов В. Н. Татищева комиссару Уктусского и Алапаевского заводов Т. Бурцеву, изданный 25 февраля 1721 г. Среди основных обязанностей комиссара по управлению заводами Татищев выделил и организацию словесных школ, так обосновав причины их открытия: «Дабы здешней простой и упрямой народ хотя мало во обычаях читанием книг переменить и во услуги его величества способнейших учинить, заводы же довольством письмоумеющих в лутшее состояние и размножение привести». Особое внимание Татищев обратил на нужду в грамотных для налаживания делопроизводства: «Понеже здесь есть немалая тягость в отправлении дел от недостатка письмоумеющих, також и дела без записок

© Сафронова А. М., 2018

весьма смятны, что не токмо в несколько лет, по прошествии нескольких месяцев уже обрести неможно: кто у какой работы был, что сделал» [Татищев, с. 62].

Первый пункт главы «О школах» гласил: «Здесь, на заводах и в каждой слободе особенно, построить избы с сеньми и сделать по потребности красные окошка, поставить столы и лавки и во оных обучать робят». Оговорка об открытии школ «в каждой слободе особенно» свидетельствует о стремлении Татищева к открытию словесных школ наряду с заводами в слободах при них. Известно, что к Уктусскому заводу были приписаны Арамильская, Белоярская, Камышевская и Ново-Пышминская слободы; к Алапаевскому – Невьянская, Арамашевская, Мурзинская [см.: Геннин, с. 448, 488]. Нам удалось выявить документы о претворении в жизнь предписаний Татищева об открытии школ для детей крестьян в двух-трех слободах при Алапаевском заводе в 1721–1722 гг., но каких-либо конкретных данных о числе обучавшихся они не содержали [см.: Сафронова, 2002, с. 6–25; 2016, с. 19–33].

Из кратких записей дневальной книги Канцелярии горных дел за 1721 г. можно проследить действия Татищева по открытию школ [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 4а, л. 225–298 об.]. Еще в январе 1721 г., будучи на Алапаевском заводе, он указал провести перепись всех жителей – «мастеровых, работных, шведов, крестьян с леты их и животы подворно» [Там же, л. 227 об.]. Во время второго приезда 10 июня был отправлен «указ в Мурзинскую слободу о высылке подьяческих и церковничьих, пичищковых, детей боярских от 5 до 15 лет к смотру на Алапаевской завод» [Там же, л. 256 об.]. Вероятно, Татищев хотел отобрать часть подростков в словесную школу при заводе, а уже владеющих грамотой направить в Уктусскую арифметическую. 26 июня члены Канцелярии горных дел В. Н. Татищев и И. Ф. Блиер издали указ: «Алапаевских заводов и приписных слободах церковничьих, подьяческих, детей боярских и мастеров детей их велеть обучать читать и писать дьячкам церковным, которым за труд на заводе давать по ноказу, а в слободах впредь определено будет. Ежели же оные дьячки учить не будут, или отцы детей своих обучать не похотят, то оные взяты будут на Уктуской завод для обучения» [Там же, д. 5, л. 91].

В марте 1721 г. начала действовать словесная школа при Уктусском заводе, в ноябре – при Алапаевском. В сентябре 1721 г. Татищев распорядился о подаче ведомостей о школьниках в Горное начальство по третям года, но составлялись они, судя по описям документов тех лет, нерегу-

лярно и сохранились в небольшом количестве. Благодаря ведомостям, мы можем судить о наличном составе учеников, их успехах в обучении, по некоторым – и о социальном составе учащихся. Наличие ведомостей от Уктусской словесной школы за каждый год позволяет проследить смену контингента учащихся – приход одних, выбытие других. Всего в 6 ведомостях фигурирует 94 фамилии учащихся, т. е. по меньшей мере 94 подростка прошли обучение в первой на Урале словесной школе за первые 4 года ее деятельности. Судя по «переводной» ведомости, 56 учеников Уктусской школы с мая 1725 г. продолжили обучение грамоте в Екатеринбургской словесной [см.: ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 4, л. 86 об.; д. 7, л. 181–181 об.; д. 9, л. 93–93 об.; д. 11, л. 193; д. 20, л. 3–3 об.; 13–13 об.].

Данные об успехах учащихся дают наглядные представления о ходе обучения грамоте: ученики сначала «азбуку учат», затем «твердят», после азбуки учат и «твердят» часослов, после этого переходят к псалтыри. Только после «твержения» псалтыри приступают к обучению письму, начиная с «письма слов» и заканчивая «в письме твержения рук». Сопоставление успехов одних и тех же учащихся позволяет говорить о скорости обучения чтению и письму, данные же о только что принятых в школу – о начале обучения некоторых детей грамоте еще на дому, если они сразу же приступали к чтению часослова, псалтыри, письму.

Общие данные об учащихся Алапаевской словесной школы содержатся в ведении о состоянии завода, поданном комиссаром И. Аврамовым новому начальнику заводов В. И. Геннину в декабре 1722 г. – грамоте обучалось 34 ученика: 11 учили часослов, 11 читали псалтырь, 12 обучались письму [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 23а, л. 838]. За январь 1723 г. сохранился «реестр» учащихся, в котором приводились их фамилии и имена с показанием «псалтирь выучил» в отношении 26 человек, напротив 8 фамилий отмечалось, какую часть часослова они обучают, и один вновь принятый ученик «азбуки выучил» [Там же, д. 22, л. 70–70 об.].

Наиболее богаты по содержанию первые ведомости Кунгурской арифметической школы, открытой в сентябре 1721 г., за январь 1722 г. [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 620, л. 14–16, 430–433]. Ясно, что на смотр по случаю открытия школы в 1721 г. явилось 38 человек, 28 из них были посланы комиссаром Кунгурского уезда согласно «росписи» (7 – из Кунгура, 21 – из сел и острожков уезда), 12 человек явились «сверх росписи», т. е. по желанию отцов (3 – из города, 9 – из уезда). Наиболее подготовленными к изучению математики оказались подростки из города, они дома овладели чтением и письмом, некоторые из них, вероятно, на дому начали обучаться и счету. В январе 1722 г. учили «нумерацию», т. е. числа,

сын подьячего 13 лет; двое детей попа 10 и 12 лет; явившиеся «своею охотою» сын урядника и посадского (10 лет). Четверо учили умножение: сын комиссара, подьячего, посадского (все 10 лет), попа (12 лет). Сын попа 10 лет ушел дальше всех – постигал деление.

Но из 19 явившихся «по росписи» из уезда были зачислены в школу только пятеро, причем лишь один из них, сын дьячка 12 лет, выучился на дому читать и писать и учил нумерацию. Сын пономаря и трое детей попов 10–12 лет в январе 1722 г. учились писать. Видимо, их решили зачислить в школу, чтобы в ее стенах быстрее научить грамоте и перейти к математике, ведь полностью подготовленных насчитывалось всего 11 человек! По этой же причине был принят в школу и явившийся «сверх росписи» из села Златоустовского 17-летний сын попа М. Васильев. Итак, в январе 1722 г. в Кунгурской арифметической школе обучалось 16 подростков, в то время как были признаны негодными и отпущены по домам 22 – из сел и острожков Кунгурского уезда. Это дети священников и церковнослужителей, двое детей церковных сторожей, сын просвирника.

Данные ведомости – красноречивое свидетельство того, что священники и церковнослужители Кунгурского уезда до 1721–1722 гг., до объявления верховной властью и Синодом обучения детей духовного сословия обязательным [см.: ПСЗРИ-1, т. 6, № 3718, 3854, 3932, 4021], не придавали большого значения раннему обучению детей чтению и письму, а 47 % явившихся на смотр в первой партии оказались совсем не обученными грамоте.

В январе 1722 г. Татищев побывал в Кунгуре. Узнав, что учатся не все дети, указанные в росписи, он предписал срочно собрать их в школу. В марте 1722 г. в школе числился 21 ученик. Пятеро новичков были выделены под рубрикой «достальных собрано»: сын дьячка Ильинского острожка учил «суптрацкию», сын пономаря с. Тихоновского – «счисление», дьячковский сын из того же села учился писать; писали сыновья попа и дьячка из с. Филипповского и Рождественского. Возраст их – 12 лет, 17, троим по 18, причем двое 18-летних еще не закончили обучение письму [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 620, л. 219].

Следующая по времени ведомость датируется мартом 1723 г. [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 26, л. 114–115 об.]. В школе по-прежнему числился 21 ученик, но состав их изменился. В школьном списке 8 новеньких: Антон Пестерев, сын дьячка 19 лет, и Федор Розмахнин, сын пономаря 18 лет, – уже «в тройных» правилах; сыновья попов Семен Романов 19 лет – «в сложении с рублями»; Афанасий Свиньин 18 лет – «в раздроблении». Они начали учиться математике дома, так как слишком далеко

продвинулись в науках. Иван Бочкарев и Федор Деманов, сыновья попов 13 и 16 лет, только приступили к математике; сын дьячка Осип Стахиев 14 лет писал слова и последним в списке числился «волею господ Строгановых поповской сын Парфен 13 лет».

Благодаря сбору детей в арифметическую школу при Уктусском заводе, начавшую действовать с мая 1721 г., мы можем говорить об обучении детей грамоте на дому и в семьях мастеровых, церковнослужителей, разночинцев при Уктусском, Алапаевском заводах и приписных к ним слободах: в ведомости за апрель 1722 г. в Уктусской арифметической школе числилось 25 учеников, еще 1 числился в бегах и 3 подростка упоминались как не явившиеся с Алапаевского завода [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 620, л. 218–218 об.]. В 1723 г. среди просителей о назначении жалованья и отпуска домой мы видим фамилии 5 новичков, взятых с Каменского завода, Арамильской, Багаряцкой и Ново-Пышминской слобод [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 22, л. 643, 1209].

Перед отъездом с Урала в октябре 1723 г. Татищев составил наказ заводскому комиссару Федору Неклюдову, в котором разработал программу развития школ при Уктусском, Алапаевском, Каменском заводах, только что переданных из ведения Сибирской губернии горным властям, и новом Екатеринбургском, за две недели до его пуска в строй [см.: Татищев, с. 87–89]. Предписывалось: «На всех заводех собрать детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех завоцких жителей, и оных обучать читать, писать, арифметики, геометрии и чертежей, а вольнопришедших принимать всякого чина людей и отдать в школы по их требованию». Таким образом, была сделана попытка на нормативном уровне ввести обязательное обучение детей, проживавших при заводах, в школе, причем грамоте – по месту жительства. Потребность в грамотных была большая, многие заводские специальности были немыслимы без умения писать.

Обучение чтению должно было проводиться по азбукам и часословам, письму – на черных деревянных досках с помощью мела, как только ученик обучится письму «складов», его предписывалось обучать арифметике. Навыки в грамоте школьники могли затвердить в конторах, куда предписывалось брать для помощи при сочинении ведомостей по 2–3 человека с оплатой за помощь по 3 коп. на день за счет подьячих.

К сожалению, при новом начальнике заводов – В. И. Геннине – с 1725 по 1734 г. действовали лишь две школы при Екатеринбургском заводе, куда собирали детей с Уктусского, Алапаевского, Каменского заводов. Примечательно, что переведенные в Екатеринбург в мае 1725 г. ученики

Уктусской словесной школы были жителями не только Уктусского завода, но и Алапаевского, Каменского, самого Екатеринбургского, близлежащих острогов и приписных к заводам слобод. Раскрыть места жительства учащихся помогают документы предшествующих лет — ведомости Уктусской школы, прошения учеников, разного рода указы, письма, доношения с других заводов о присылке детей для обучения на Уктус. В ведомости учащихся словесной школы за март 1725 г., накануне переезда в Екатеринбург, напротив большинства фамилий показано, откуда взяты ученики [см.: ГАСО, ф. 29, оп. 1, д, 11, л. 193–193 об.]. Большую часть составляли дети, проживавшие в поселке Уктусского завода, причем 27 из них были зачислены в школу в результате переписи в ноябре 1724 г. Организовал эту перепись заводской комиссар Ф. Неклюдов. В апреле 1724 г. он поручил куренному надзирателю на Уктусском заводе и в приписных к нему слободах переписать «у всех церковных, приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех заводцких жителей, кроме крестьян и бобылей, детей их от 7 до 15 лет, которые не определены в школу». Сделать это предписывалось «немедленно, чтоб валентирам от нех нихто не был под страхом жестокого наказания» [Там же, д. 7, л. 516–516 об.]. Результаты переписи были представлены в контору лишь в августе, только к 7 ноября капралу Тарабаеву поручалось собрать детей для обучения, что он и сделал в течение недели. Дети подлежали «разбору» – исключали больных (глухих, косноязычных), некоторые «малолеты» получали годовую отсрочку, а 15-летних в ходе смотра отказались брать для обучения как великовозрастных [Там же, д. 66, л. 686–687].

Согласно мартовской ведомости 1725 г. в Уктусской словесной школе числились и трое жителей Екатеринбурга, учившие часослов, один «твердил» письмо [Там же, д. 11, л. 193–193 об.]. Поскольку в более ранних ведомостях эти ученики не фигурировали, ясно, что они попали в школу в результате переписи 1724 г. и начали учиться грамоте на дому. По меньшей мере 9 человек были переведены на Уктус из словесной школы Алапаевского завода, вероятно, в первой половине 1725 г., так как тамошний дьякон отказался обучать детей по причине постоянных неурядиц с платой за обучение, один из учеников находился «в письме слов», остальные «в письме твержения рук».

Таким образом, среди первых учащихся Екатеринбургской словесной школы оказались дети, проживавшие в поселках трех казенных заводов, большей частью на Уктусе. Были среди них и «вольные», отданные родителями по своему желанию. Поступление «вольных» учеников приветствовалось наказом 1723 г. и последующими инструкциями уральского начальства.

Следует отметить, что в 1723–1724 гг. Горное ведомство, вопреки общероссийским законам, пыталось вести борьбу с епископами Вятской и Великопермской епархии и Сибирской за обучение в школах Горного ведомства детей местного духовенства, но оно эту борьбу проиграло [подробнее об этом см.: Сафронова, 2004, с. 65–68].

Во второй половине 1720-х гг. у местных властей появились новые источники пополнения екатеринбургских школ. Уступая просьбам уральской администрации, Сенат указом от 14 июля 1725 г. разрешил приписных к заводам крестьян, зачисленных в число рекрут, вместо отправки в армию «определять в завоцкие работы и обучать всякому мастерству, из них же содержать для охранения заводов и пограничных слобод» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 5, л. 180 об.]. Этим было положено начало систематическому переводу приписных крестьян в число мастеровых. В книге записи исходящих документов Екатеринбургской заводской конторы за октябрь 1725 г. зарегистрирован указ в подчиненные конторы Уктусского, Каменского, Алапаевского заводов: с определенных в мастерства людей, записанных в подушный оклад, брать подушные деньги до особого распоряжения, «а детей их определять в науки» [ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 178 об.]. Таким образом, указ Сената начинал действовать, детей взятых на заводы приписных крестьян предписывалось посылать в екатеринбургские школы. Они, как и отцы, переходили в число мастеровых. Собирались в школу и дети боярские – в декабре 1725 г. Иван Будаков и Осип Голенищев были отправлены по указу в словесную школу [см.: Там же, л. 225].

В 1726 г. для обучения грамоте постоянно зачисляли небольшие группы детей, вызывавшихся на смотр в Екатеринбург с Алапаевского и Каменского заводов. В записной книге Алапаевской заводской конторы за 13 февраля 1726 г. зарегистрирован указ, поступивший из Екатеринбургской заводской конторы, о переписи при заводе приказных, мастеровых людей и прочих служителей и их детей, и братьев, и пасынков, и других родственников мужского пола с указанием лет [см.: Там же, д. 7, л. 7]. На основе переписи жителей Алапаевского завода обер-бергамт устраивал смотры детей тамошних мастеровых и распределял их к делам, а малолетних – в школы. Так, в июне 1726 г. были вызваны на смотр в Екатеринбург 23 человека — дети и братья мастеровых [см.: Там же, д. 6, л. 24]. Часть их была, по-видимому, зачислена в школу. В протоколе обербергамта за 4 октября зафиксированы результаты еще одного «разбора» детей мастеровых: трех человек направили в горную работу на Полевской завод, 13 человек – в школу, «нетчиков» велели пересмотреть на месте

Алапаевской конторе, годных для обучения или для работы выслать в обер-бергамт [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 352 об.]. Через несколько дней неявившиеся были представлены в Екатеринбург.

В июне 1726 г. начальник заводов В. И. Геннин издал указ: мастерских детей Каменского завода собрать всех к смотру и распределить на свободные места согласно новым штатам, а малолетних определить в школу. При этом делалась оговорка: «буде же явится, что у отца один сын и есть, а он при старости или дряхл, или один сын явится у вдовы, таких не брать и отдавать отцам или матерем их возвратно» [РГАДА, ф. 271, оп.1, д. 795, л. 158 об.]. Обер-бергамт тотчас же потребовал от Екатеринбургской конторы объявить детей к смотру «всех без остатку», указав конкретно, сколько у каждого отца детей к делам не определено и сколько определено, единственный ли сын, жив отец или умер, у дел или за старостью, увечьем отставлен, а также в каком «мастерстве» есть незанятые места [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 183 об.].

В середине сентября начальство распределило детей Каменского завода, представленных конторой для смотра, по ее разметкам: 8 человек отправили в горную работу, 21 – в школу. Но явились далеко не все. Каменской конторе предписали самой пересмотреть «нетчиков», прислать годных в работу и в школу, набрав из детей 41 человека, чтобы заполнить 100 комплектных мест в словесной и арифметической школах Екатеринбурга, имевших право на получение казенного жалованья [см.: Там же, л. 324–324 об.].

Другая контора, Екатеринбургская земская, на протяжении 1726 г. представляла к смотру своих подопечных – подьячих, пищиков, детей боярских из слобод, приписных ко всем четырем заводам. Годных по возрасту распределяли на работу, старых и увечных отправляли по домам, детей школьного возраста зачисляли в екатеринбургские школы. К учению в январе 1726 г. определили двух детей пищиков из Арамильского дистрикта, в марте – группу «малолетов» детей боярских, при этом двух человек из-за малого возраста отпустили домой с обязательством представить их в школу к январю 1727 г., в марте же – 11 детей боярских и сына пищика из Камышловского дистрикта [см.: ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 5, л. 3, 15 об.; ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 80–80 об.].

Поскольку разночинцев присылалось «малое число», во время смотра 31 марта 1726 г. начальство приказало из Арамильского и Камышловского дистриктов выслать остальных, а из Каменского и Алапаевского – разом всех, «без остатка», кроме определенных к делам. Земские комиссары должны были подписаться, что больше никто на их территории

не остался вне смотра, и отметить тех, кто в отлучке. В апреле был отдан в школу сын подьячего Белоярской слободы, в мае – сын капитана Рачковского, бежавший в первый раз (он сразу же попал в арифметическую школу), через день – трое детей пищика в словесную и арифметическую. Тогда же начальство постановило: впредь присылать всех разночинцев разом, а не порознь, чтобы не было подставок. В июне 1726 г. из объявленных разночинцев Алапаевского дистрикта один, Иван Чернышев, был послан в школу «для науки письма и арифметики», т. е. он уже умел читать [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 101, 146 об., 171 об.].

Имелись случаи, когда родители просили не забирать в школу детей. Дважды в 1726 г. власти рассматривали прошения отцов. Молотовый мастер Алапаевского завода Мина Трусов просил вернуть двух взятых у него сыновей, проучившихся чуть более месяца в Екатеринбургской школе. Но выяснилось, что есть третий сын, он оставлен у родителей, и в просьбе отказали. Солдат Албычев просил отдать ему сына Андрея на 3 года с обязательством обучить грамоте. Обер-бергамт дал согласие на 2 года с условием: дать подписку, если не выучит чтению и письму, отдаст штраф в госпиталь 20 руб. – сумма огромная по тем временам, равная двум годовым солдатским окладам. Отец с этим условием согласился [Там же, л. 171 об., 94 об.; ф. 38, оп. 1, д. 5, л. 25 об.].

В целом документы показывают, что уральская администрация и лично начальник заводов В. И. Геннин в ходе компаний 1726 г. по разбору людей своего ведомства пристально следили за зачислением детей в екатеринбургские школы и оставляли дома лишь одного ребенка. При этом начальство руководствовалось не отвлеченными идеями о просвещении подрастающего поколения, а меркантильными интересами ведомства – в грамотных ощущалась острая нужда, часть штатных мест некем было укомплектовать.

В ходе разборов 1726 г. выяснилось, что рекрутов текущего набора не хватит для заполнения штатных заводских мест, и Геннин добился разрешения Берг-коллегии на укомплектование их рекрутами даже в счет будущих наборов. Этим же указом от 20 сентября 1726 г. Берг-коллегия разрешила определять в заводские ученики «из драгунских и салдатских детей и протчих чинов людей, також и ис приписных сирот, кои неспособны ко обучению в школу» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 155–155 об.]. Поскольку эти постановления передавали детей приписных крестьян-рекрутов, драгун и солдат в полное распоряжение заводских властей, их нормы стали трактоваться начальством как разрешение определять детей этих социальных категорий в горнозаводские школы.

Получив указ Берг-коллегии от 20 сентября 1726 г. в канун нового года, уральское начальство 30 декабря определило: «сирот и всякого звания, також драгунских и салдатцких и других разночинцов» заводского ведомства «детей малолетных определить всех в комплект по Табелю в школу для обучения», возрастных – в мастерства, «не обходя никого», кроме дряхлых, одного из сыновей оставлять «при отцах» [Там же, л. 465–465 об.]. Напомним, комплект детей на жалованье Табелью 1726 г. продолжал оставаться в 100 человек, как и по определению Берг-коллегии 1724 г. [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 758, л. 17 об.].

Состав учащихся словесной школы мы можем проанализировать по списку на май 1728 г., из которого следует, что по прошествии трех лет деятельности школы в Екатеринбурге в ней не осталось ни одного ученика с этого завода, 16 человек были с Каменского завода, 11 – с Алапаевского, 10 – с Уктусского, все дети заводских работников, за исключением одного, сына уктусского «жителя». Пятеро были из Камышловской слободы – трое детей боярских (Иван Булдаков, Федор Ярцев и Дмитрий Чернышев) и двое детей отставного пищика Голубева. Всего 42 ученика [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 177, л. 94 об. – 95].

В июле 1727 г. Геннин вынес приговор: «у всех здешних жителей, мастеровых людей и бобылей, и разночинцов, забрать всех детей и родственников, которые обретаютца не у дел, ко смотру и переписать», годных определить в работу, малолетних в школу, чтобы был полный комплект [см.: Там же, л. 77]. В протоколах обер-бергамта за 3 октября 1727 г. есть повторный приговор Геннина, касавшийся уже непосредственно школ, начальник заводов возвращался к проблеме их пополнения: «А понеже сколько известно, что школьников комплекта ста человек не имеетца, того ради набрать из здешних шатающихся робят и определить в школу, чтоб был комплект полной, сто человек, которых велеть обучать с прилежностию» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 195, л. 491–491 об.].

Нам не удалось выяснить, когда проводилась перепись, вероятно, в первые месяцы 1728 г. В делах обер-бергамта имеется полный сводный реестр переписанного населения, не определенного к делам: детей, пасынков, племянников мастеровых, бобылей, разночинцев, по-видимому, не только Екатеринбургского завода, но и прилегающих поселений – жителей д. Мелковой, например [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 177, л. 77–93]. Реестр не датирован, но время завершения «разбора» детей и юношей по нему выясняется из последующих документов – 1 апреля 1728 г. [см.: Там же, л. 97]. По нашим подсчетам, решено было направить для обучения 90 детей и подростков. Против 7 фамилий стояла помета: «спра-

виться», это относилось к пасынкам, у которых не было известно социальное положение отцов, а также к детям конюха, плотника, заводского сторожа, брата крестьянина, определенного к заводским делам. В конечном счете, из семи детей четверо были зачислены для обучения, но один из них, сын мастера Венедикт Укладников, уже «учился в школе своею волею», другой, записанный как сын заводского ученика, оказался его пасынком, положенным в подушный оклад вместе с крестьянином-отцом, и его решили не брать [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 177, л. 79, 81 об.].

Среди 88 человек, направлявшихся в школу в ходе «разбора» безоговорочно, 75 были детьми мастеровых, трое – детьми приказных, двое – пищиков, 8 – разночинцев (целовальника, церковного старосты, бывшего дьячка и т. д.). Возраст их колебался от 7 до 18 лет: 31 человек как раз подоспели к зачислению, им было по 7–8 лет, 9-летних – 11человек, 10–11-летних набралось поровну – по 8, 12-летних – трое, 13-летних – девять, 14-летних – 11, 15-летних – двое, 16 лет – четыре, 18 лет – один.

Данные о возрасте учеников, набранных в 1728 г., позволяют утверждать, что в распоряжении властей имелось большое число детей, проживавших на этом же заводе, которых они могли и должны были, согласно нормам наказа 1723 г., принять в школу для обучения, но власти этого не делали, хотя комплект школьников, получавших жалованье, в 1726 г. был половинный, сохранялось 50 свободных мест. На них зачислялись дети с других заводов и слобод, в то время как екатеринбургские оставались за порогом школы.

Только 28 июня 1728 г. в обер-бергамте слушали реестр переписи и предложения о назначении жалованья. В обеих школах жалованье получали 59 человек, из вновь принятых право на него имели 52, что превышало комплект на 11 человек. Решено было принять 93 человек по реестру, 52 назначить жалованье, а лишних 11 учащихся из «возрастных и непонятных» распределить к делам [см.: Там же, л. 105 об.]. Так состоялось официальное зачисление первой большой партии юных екатеринбуржцев для обучения грамоте.

В начале 1730-х гг. по инициативе Берг-коллегии в екатеринбургские школы были приняты дети драгун, положенные в подушный оклад. Указом от 23 августа 1731 г. Берг-коллегия предписала удовлетворить требование военного ведомства – отправить с Урала в Сибирский полк драгунских детей, не числившихся в подушном окладе; при этом детей, записанных в окладные книги, отдавать запрещалось, они должны были оставаться в горном ведомстве – Берг-коллегия отвечала за поступление податей в казну от людей своего ведомства и освободить их своей волей

от уплаты не могла [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 207, л. 168–168 об.]. Эти дети жили при отцах, несших службу в Ишиме и Царевом Городище (Кургане), а записаны были в подушных книгах по месту жительства матерей в Каменском дистрикте — острогах Колчеданском, Каменском, Катайском, д. Черноусово, Броды и др. По представлению Геннина Берг-коллегия разрешила взять их от отцов в Екатеринбург, возрастных распределить к горным делам, а малолетних определить в школу с жалованьем. В октябре и декабре 1732 г. 16 детей были зачислены для обучения [Там же, л. 168 об., 512 об. – 513 об.].

В январе 1733 г. в обер-бергамте слушали поступивший из Коммерц-коллегии именной печатный указ об определении солдатских детей в школы. Это был указ Анны Иоановны от 21 сентября 1732 г. о гарнизонных школах, согласно которому все дети солдат, драгун, рейтар, городовых казаков и прочих служилых людей от 7 до 15 лет, не положенные в подушный оклад, должны были учиться в школе и оставаться в воинской службе по окончании обучения [см.: ПСЗРИ-1, т. 8, № 6188].

В горном ведомстве были воинские части, укомплектованные не положенными в оклад служилыми людьми. Из 960 солдат Тобольского гарнизонного полка, посланных в 1723 г. на строительство Екатеринбургского завода, одна пехотная рота была оставлена в Екатеринбурге для охраны крепости и караулов, а драгунская рота Сибирского полка расквартирована в Горном Щите для защиты слобод Екатеринбургского и Тобольского ведомства от нападения башкир [см.: Земцов, Ляпин, с. 23–24].

Поэтому власти решили принять указ об обучении детей служилых к действию. 30 января 1733 г. приказано было переписать детей Екатеринбургского гарнизона и драгунской роты, не определенных к делам, с указанием имен и лет. Наряду с детьми служилых людей предписывалось переписывать и детей мастеровых [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 209, л. 101–101 об.]. Сохранились результаты этой переписи 1733 г. Она охватывала детей Екатеринбургского и новых Верх-Исетского и Верхне-Уктусского заводов от 7 до 15 лет. На Екатеринбургском заводе было учтено 50 детей заводских работников, 11 детей подьяческих, 27 солдатских, всего 88 человек [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 460, л. 10–15]. При этом среди заводских, наряду с детьми мастеров, подмастерьев, заводских работников и учеников, были записаны и дети конюхов, сторожей контор, двое детей драгуна и сын заплечного мастера Екатеринбурга Кандыбая. Из 50 детей этих работников четверо уже оказались записанными в школу, девять человек пребывали вместе с отцами в Тобольске, Верхотурье, на Сысертском, Каменском заводах, у Осокина, в слободах; трое числились среди

больных и потому негодных к обучению; в отношении пяти детей (драгуна, заплечного мастера, сторожа, плотника) стояла помета: «справиться» – власти хотели выяснить, не записаны ли они в подушный оклад. На Верх-Исетском заводе был выявлен 31 человек, на Верхне -Уктусском заводе – 17 детей заводских работников. Таким образом, по всем трем заводам – 136 человек.

Только в январе 1734 г. обер-бергамт приказал принять для обучения детей приказных служителей и мастеровых «ис тех, которым уже по силе именного указа учинена перепись в начале здешнего завода», и если не хватит для наполнения комплекта в 100 человек, то и детей с других заводов [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 460, л. 9 об.].

В марте 1734 г. состоялся второй массовый набор детей в Екатеринбургскую словесную школу по результатам переписи 1733 г. С Екатеринбургского завода было принято 30 человек, с Верх-Исетского – 18, с Верхне-Уктусского – пять, всего 53 человека [см.: Там же, л. 19–20]. Из них двое детей подьяческих, остальные – мастеров, подмастерьев, заводских работников и учеников. Ясно, что в школу попали почти исключительно дети мастеровых и среди них преобладали дети с Екатеринбургского завода – сказывались его масштабы как наиболее крупного предприятия.

Сравнение переписи детей со списком зачисленных для обучения показывает, что большинство детей в 1734 г. не попали в число школьников – на Екатеринбургском заводе взяли лишь 34 % , на Верх-Исетском – 58 %, на Верхне-Уктусском – 29 % числившихся в списках. В школу не попал ни один солдатский сын, несмотря на именной указ 1732 г., из детей приказных взяли лишь двоих, большинство детей мастеровых так и не были вызваны с других заводов. Ситуация, по сравнению с 1726 г., когда вызывали всех «нетчиков», брали подписки с заводских комиссаров о том, что ни один ребенок не остался вне смотра, изменилась. Судя по пометам, почти все дети подьячих обучались грамоте на дому, и власти не возражали против этого.

Итоги набора 1734 г. свидетельствуют, что в распоряжении уральской администрации к концу первого десятилетия деятельности екатеринбургских школ имелся широкий в социальном плане контингент детей, власти уже могли действовать избирательно, обеспечивая свои непосредственные интересы. И, пользуясь этой возможностью, они, естественно, отдавали предпочтение детям мастеровых. Выпускниками школ уже были заполнены десятки мест подьячих заводских контор, места заводских учеников, подмастерьев, мастеров. Горному ведомству важно было обеспечить грамотными людьми расширяющееся заводское производство, иметь

в запасе людей для рассылки по другим заводам. Конечно, при желании начальник заводов В. И. Геннин мог бы добиться одобрения Берг-коллегии на внесение изменений в штатное расписание, увеличить число учителей и число учащихся на жалованье. Но он к этому не стремился, удовлетворяясь прежним порядком.

В конце первого десятилетия деятельности школ изменилось и отношение к детям, записанным в подушный оклад. В связи с введением в действие новых штатов Геннин указом от 10 мая 1734 г. поставил перед обер-бергамтом задачу: «разобрать» учеников, положенных в подушный оклад, отпустить для платежа подушных денег домой, также и не положенных, но родившихся «до определения отцов в мастерства», – в будущей ревизии они попали бы в оклад. Школы предписывалось укомплектовать детьми, родившимися «после определения отцов в мастерства» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 506, л. 1–2, 4 об.]. Обер-бергамт принял это к руководству. Но в ходе «разбора» оказалось, что многие ученики учатся давно, понятливы, «ростом еще не велики», подушных денег зарабатывать не смогут, а на жалованье им «издержан кошт немалой», и если распустить по домам, они выученное забудут и все расходы на их обучение будут напрасны. Поэтому члены обер-бергамта, включая Геннина, решили оставить всех учеников, за исключением одного непонятливого, для обучения [см.: Там же, л. 100].

Поступали в словесную школу дети и помимо воли начальства, по инициативе родителей. В этом случае отцы или матери должны были подать прошение в обер-бергамт, который и принимал решение. Желающим учить своих детей горное ведомство препятствий не чинило, отказов на эти прошения не было. В 1730 г. просил об определении детей, Ивана «большого» и Ивана «меньшого», для обучения чтению, письму и арифметике канонир Иванов, «чтоб лета им свои втуне не потерять». В 1731 г. обращались с просьбами две вдовы, которые после смерти мужей пропитание имели с детьми «с нуждою» – в марте вдова гармахера Захарова, в июле – крестьянина Озорнина. Этих женщин подталкивала к отдаче сыновей в школу надежда на казенное жалованье, с помощью которого легче было их прокормить [см.: Там же, оп. 12, д. 201, л. 162 об.; д. 202, л. 382–383; д. 203, л. 211 об.]. В 1731 г. среди просителей и сын бывшего учителя словесной школы Никита Попов, он после смерти отца жил с братьями, которые сами с трудом пропитание имели, работая копиистами. Подросток, поступивший сразу же в арифметическую школу по прошению отца в 1732 г., – Василий Горшков – был сыном крестьянина Арамильской слободы. Отец сообщал, что обучил его за свой кошт

чтению и письму, сам «престарел и глаза плохо видят», кормить и одевать сына не в состоянии, желает обучить его другим наукам с жалованьем. Горшков не попал в подушную перепись и был взят учиться без всяких проволочек [см.: Там же, д. 202, л. 87–88; д. 205, л. 526–526 об.].

Таким образом, активная политика В. Н. Татищева как начальника казенных заводов по привлечению к обучению грамоте как можно более широких слоев населения в 1721–1722 гг. сменилась более умеренными действиями властей во второй половине 20-х – первой трети 30-х гг. XVIII в. Центром обучения грамоте стал один Екатеринбургский завод. Периодически устраивались переписи и «разборы» жителей других заводов, не определенных к делам, включая детей, в результате которых пополнялся состав словесной школы Екатеринбурга. Примечательно, что в 1728 г. в ней учились дети, набранные с Каменского, Алапаевского и Уктусского заводов, но не осталось ни одного ученика с Екатеринбургского, хотя на этом самом крупном заводе проживало наибольшее число жителей и имелись дети школьного возраста, остававшиеся вне школы. Только в 1728 и 1734 гг. состоялось два массовых зачисления детей, причем в 1734 г. были приняты также дети с Верх-Исетского и Верхне-Уктусского заводов, но далеко не все. В школу записали лишь 34 % детей, учтенных на Екатеринбургском заводе, 58 % – на Верх-Исетском, 29 % – на Верхне-Уктусском. Только в период второго руководства заводами В. Н. Татищева в 1734 г. была проведена масштабная перепись детей на всей территории заводского ведомства, и с 1735 г. началось массовое открытие школ при всех казенных заводах, в результате чего большинство детей стали обучаться в школах по месту жительства.

Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24 (Уральское горное управление); ф. 29 (Уктусский золотопромывательный завод).

Земцов В. Н., *Ляпин В. А.* Екатеринбург в мундире. Екатеринбург, 1992.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 6, 8.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271 (Берг-коллегия).

Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в. : к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 20-е гг. XVIII в.: политика властей // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 31. С. 59–75 (Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение; вып. 7).

Сафронова А. М. Роль В. Н. Татищева в распространении детской грамотности на казенных заводах Урала в 20-е и 30-е гг. XVIII в. // Одиннадцатые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2015. С. 82–89.

Сафронова А. М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2002.

Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. М., 1990.

УДК 94(47).084:316.3

Л. Н. Мазур, О. В. Горбачев

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В РОССИИ в XX в.[1]

Исследования по истории крестьянской семьи обычно опираются на статистические источники, в первую очередь, на опубликованные результаты переписей населения. Между тем, помимо переписей, сохранились комплексы массовых источников, позволяющие реконструировать структуру и динамику семьи на различных этапах ее развития – это материалы бюджетных обследований, похозяйственные книги, а также акты гражданского состояния. Они содержат системную информацию о семье как домохозяйстве и позволяют использовать методы моделирования при анализе историко-демографических процессов. В статье предложен обзор основных видов массовых источников по истории крестьянской семьи и их информационном потенциале.

Ключевые слова: переписи населения, бюджетные обследования, текущий учет населения, похозяйственные книги, крестьянская семья, крестьянское хозяйство.

История семьи как самостоятельное направление исторической науки развивается в трансдисциплинарном поле, интегрирующем достижения исторической демографии, статистики, родоведения, социологии, и опирается на совокупный потенциал разнообразных исторических источников и междисциплинарных методов. В настоящее время основным трендом изучения истории семьи является опора на массовые источники и компьютерные технологии, которые позволяют реконструировать

[1] Тема поддержана грантом РФФИ № 18-09-00592 «Эволюция крестьянской семьи на Среднем Урале в XX веке: опыт реконструкции по материалам бюджетных обследований».

© Мазур Л. Н., Горбачев О. В., 2018

семейные процессы во всем их разнообразии и полноте и перейти к построению количественных моделей, уточняющих и развивающих теоретические положения исторической демографии.

Центральной проблемой организации исследований по истории семьи является формирование полной и надежной информационной базы, содержащей как первичные сведения, позволяющие реконструировать жизненный цикл отдельной семьи, так и агрегированные данные, ориентированные на общее описание изучаемого явления. В данной статье представлен обзор массовых источников по истории крестьянской семьи в советский период. Их можно подразделить на 3 основные категории: статистические источники; материалы учета; специальные переписи. Центральное место в этом списке занимают статистические источники (переписи, бюджетные обследования), а также материалы учета (рис. 1).

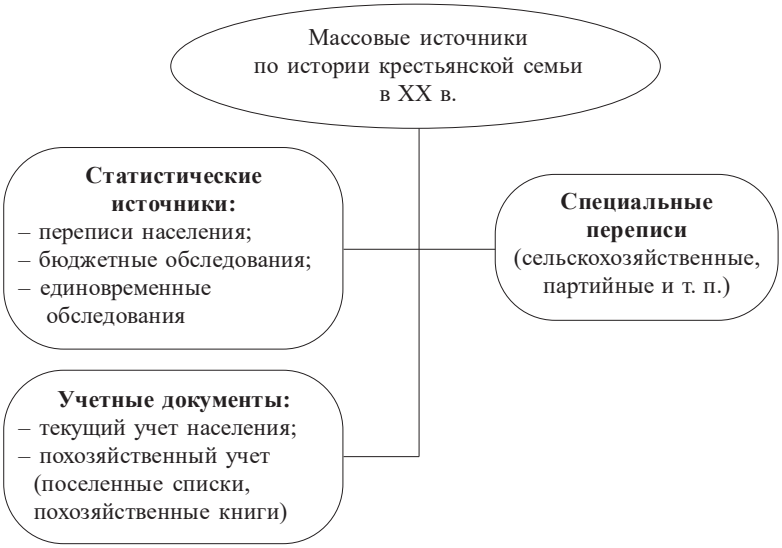

Рис. 1. Классификация массовых источников
по истории крестьянской семьи

Статистические источники позволяют провести количественный анализ демографических процессов (брачность, разводимость, рождаемость, смертность), которые определяют особенности семейных практик и влияют на структуру семьи и ее трансформацию. Среди них выделяются мате-

риалы переписей населения, которые проводились в России с конца XIX в. и отражают не только демографические параметры населения, но и особенности его семейной организации.

* * *

Перепись населения представляет собой сложную организационную процедуру учетного характера, конечной целью которой выступают сбор и регистрация сведений о каждом человеке на основе опросных технологий. Регистрация информации проводится с использованием стандартных переписных листов (индивидуальных и списковых – семейных, хозяйственных), включающих ряд вопросов в соответствии с программой переписи. Они формируют массив первичной информации. Помимо переписных листов в результате обработки первичных сведений создавались вторичные документы, в которых были представлены сводные и сгруппированные данные по административным единицам и стране в целом.

Первая перепись населения в Российской империи состоялась в 1897 г. В ходе нее использовались переписные листы трех видов, разработанные для различных социальных категорий – крестьян, горожан, владельцев усадеб и хуторов. Единицей наблюдения выступало хозяйство (в городе – квартира), на которое составлялся переписной лист. В него были включены 14 вопросов: 1) фамилия, имя, отчество или прозвище; 2) пол; 3) *отношение к главе семьи и главе хозяйства;* 4) возраст; 5) *семейное положение*; 6) сословие, состояние или звание; 7) место рождения; 8) место приписки; 9) обыкновенное место жительства; 10) отметка об отсутствии; 11) вероисповедание; 12) родной язык; 13) умение читать; 14) занятие – ремесло, промысел, должность или служба (отдельно – главное и вспомогательное). При заполнении переписного листа первым всегда указывался хозяин, затем все остальные члены семьи: жена, сыновья, дочери (или дети по старшинству), мужья и жены детей, внуки, престарелые отец и мать, братья, сестры, племянники, дядья, тетки и т. д. Таким образом, переписные листы первой переписи позволяют нам реконструировать не только социально-демографический портрет российского подданного, но и его семью с учетом внутрисемейных отношений [см.: Массовые источники...,1979*а*; Литвак].

Первой Всесоюзной переписью населения стала перепись 1926 г. Она сопровождалась изменением процедуры документирования результатов опроса: в качестве основной переписной формы был разработан личный листок, заполняемый на одного человека. Он состоял из 15 вопросов,

большинство которых имели подвопросы (пол, возраст, народность, родной язык, место рождения и продолжительность проживания в данном месте, *семейное состояние*, грамотность и занятия). Личная форма была введена для упрощения разработки результатов переписи, в дальнейшем она стала основным инструментом регистрации информации, сужая потенциал первичных форм для изучения семьи. В ходе переписи 1926 г. этот недостаток компенсировался составлением семейной карты, которая содержала более 20 вопросов. В ней учитывался состав семьи с выделением супружеских пар и их детей, продолжительность брака и жилищные условия. Благодаря собранным данным, появились первые исследования по демографии семьи, отразившие состояние семейных процессов в 1920-е гг. [см.: Массовые источники..., 1979*б*; Воробьев].

В довоенный период были проведены еще две переписи населения – 1937 и 1939 гг., в программе которых закрепилась тенденция, наметившаяся в 1920-е гг.: происходит окончательный отказ от посемейного принципа регистрации; существенно упрощается программа переписи. Число вопросов в индивидуальном переписном листе 1937 г. было сокращено до 14 и включало, помимо фамилии и имени, указание на пол, возраст, национальность, родной язык, религию, гражданство, грамотность, учебное заведение (класс или курс), род деятельности, место работы, общественную группу, *состояние в браке*. Таким образом, социальные характеристики опрашиваемых были сведены к минимуму, в том числе по семье [см.: Жиромская, Киселев, Поляков; Лифшиц].

По ряду причин результаты переписи 1937 г. были признаны «дефектными» и надолго закрыты для общественности, а в 1939 г. состоялась внеплановая перепись населения, которая должна была дать более точные результаты. В индивидуальном листе было выделено 16 вопросов, среди которых указывалось *отношение к главе семьи*, временный или постоянный характер проживания, место постоянного жительства и продолжительность отсутствия (только для тех, кто временно проживал), время отсутствия в месте переписи (только для тех, кто временно отсутствовал), пол, возраст, *состояние в браке,* национальность, родной язык, гражданство, грамотность, название учебного заведения и уровень обучения (только для тех, кто учится), окончание высшей или средней школы, занятие или иной источник средств существования, место работы, общественная группа. С точки зрения изучения семьи, программа переписи 1939 г. давала более разнообразный материал, однако ее результаты из-за войны оказались невостребованными, а программа разработки

очень ограниченной. Полные итоги переписи были опубликованы только в начале 1990-х гг. [см.: Всесоюзная перепись...; Андреев, Дарский, Харькова].

В послевоенный период в СССР проведено несколько переписей: в 1959, 1970, 1979, 1989 гг., программа которых была в целом сопоставимой с переписью 1939 г. В 1959 г. опросный лист включал 15 вопросов, ставших уже традиционными: *отношение к главе семьи*, возраст, *состояние в браке*, национальность и родной язык, гражданство, уровень образования, место работы и занятие, принадлежность к определенной общественной группе и др. Особенностью переписи 1959 г. стало использование выборочного метода при разработке материалов о семье: были проведены расчеты среднего размера семьи по социальным группам, проведены группировки по числу членов семьи, полу главы семьи, его социальному статусу, что позволяет охарактеризовать общую семейную структуру населения по стране в целом и отдельным регионам и проследить динамику ее изменения в сравнении с 1939 г. [см.: Итоги..., 1962].

Таким образом, в послевоенный период регистрация сведений о семье была сведена к нескольким вопросам переписного бланка: отношение к главе семьи и семейное состояние. В таком виде они присутствовали во всех последующих переписях (1970, 1979, 1989). Отличие состояло в характере фиксируемой информации. Так, в переписях 1959 и 1970 гг. вопрос о состоянии в браке предполагал лишь ответы «да» или «нет». В 1979 г. перечень вариантов был расширен: состоит в браке; никогда не состоял в браке; вдов; разведен; разошелся. Эти сведения анализировались с учетом пола, категорий населения (сельское или городское) и позволяли более глубоко проанализировать процессы формирования семьи и ее стабильности. Кроме того, в переписном бланке 1979 г. содержались более подробные вопросы о возрасте детей, их количестве, в том числе живущих с матерью, вне семьи, а также умерших. Эти данные позволяли не только учесть количество детей в семье, но и проанализировать в целом динамику рождаемости у женщин разных поколений в зависимости от социально-экономических и демографических характеристик [см.: Итоги..., 1972–1974]. В переписных бланках 1989 г. вопрос «отношение к главе семьи» был заменен на «отношение к члену семьи, записанному первым», а также, помимо основных вопросов, были включены сведения о количестве детей у женщин [см.: Численность населения...]. Таким образом, в послевоенный период изучение семьи ограничивалось проблемами брака и рождаемости.

В постсоветский период в РФ было проведено две переписи населения (2002, 2010), которые имели некоторые отличия от советских. Особенностью переписи 2002 г. стало то, что единицей наблюдения вновь стало домохозяйство, были расширены вопросы по образованию, источникам средств существования и брачному состоянию населения [см.: Итоги..., 2004–2005]. Были разработаны две переписные формы: списочная (бланк на несколько человек, относящихся к домохозяйству) и индивидуальная (бланк на 1 человека). Программа переписи включала 25 вопросов для постоянных жителей страны, из них 18 вопросов относятся к населению и 7 вопросов – к домохозяйству. В индивидуальном переписном листе отмечалось также родственное отношение к тому, кто был записан первым, что позволяет выйти на проблемы изучения демографической структуры домохозяйства.

В ходе переписи 2002 г. помимо основной программы было проведено два дополнительных выборочных обследования: 25 % населения были опрошены по проблемам занятости; население, состоящее в браке (5 % от 25 %-ной выборки), отвечало на вопросы о дате вступления в первый брак и о том, в каком по счету браке они состоят; указывали, когда и как прекратился первый брак, а также время вступления в последующие браки. Замужние женщины опрашивались о каждом рожденном ребенке (порядковый номер ребенка, пол, дата рождения, дата смерти, если ребенок умер; если ребенок проживает отдельно от матери – год, с которого он не входит в состав данного домохозяйства), а также у замужних женщин в возрасте 15–44 лет выяснялось то, сколько детей хотели бы иметь, включая уже имеющихся. Таким образом, в программе дополнительной переписи основной акцент делался на изучении процессов рождаемости и детности семьи как наиболее важных для разработки демографической политики [см.: Итоги..., 2002–2005].

При проведении переписи 2010 г. сохранился подход к регистрации, основанный на выделении домохозяйства. Для регистрации использовались три бланка: личный бланк содержал 25 вопросов и заполнялся на лиц, постоянно проживающих в помещении; бланк П содержал вопросы, характеризующие жилищные условия каждого домохозяйства; бланк В был предназначен для опроса лиц, временно находящихся на территории России на момент переписи населения (т. е. мигрантов).

В 2010 г. в личный листок впервые с 1926 г. был введен дополнительный блок из 5 вопросов для лиц, состоявших в браке. Они были направлены на получение информации о дате вступления в первый брак, количестве браков, числе рожденных детей (для женщин), дате рождения перво-

го ребенка и планируемом числе детей. Таким образом, переписи населения вновь обратились к изучению семьи в ее репродуктивном, количественном измерении.

Первичные переписные бланки являются наиболее ценным и информативным источником, но они сохранились фрагментарно в региональных архивах. Так, например, в Свердловской области в Государственном архиве, в фонде областного статуправления, были обнаружены переписные бланки по некоторым городам за 1959 г. [см.: ГАСО, ф. 1813, оп. 12, д. 5 и др.], в ф. 1812 сохранились поселенные списки и посемейные карты переписи 1926 г. Первичные бланки переписи 1979, 1989, 2002 гг. можно найти в ведомственном архиве областного статистического управления [см.: Текущий архив Свердловского областного статистического управления, оп. 11], т. е. они сохранились, пусть и не в полном виде, но практически не введены в научный оборот, поскольку требуют использования соответствующих технологий, обеспечивающих необходимый уровень систематизации и обработки первичных данных.

Наиболее изученными и востребованными пока остаются опубликованные итоги переписей, которые стали для ученых основным источником изучения демографических процессов в СССР и постсоветской России. Но и здесь ситуация неоднозначная: первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. была опубликована в 89 томах (110 книгах)[2]; перепись населения 1926 г. – в 56 томах; итоги переписи населения 1959 г. были отражены в 16 томах (1-й том – сводный по СССР в целом и 15 небольших томов с итогами по каждой союзной республике в отдельности); 1970 г. – в 7 томах, 1979 г. – в одном (!) томе, 1989 г. – в 4 томах. Итоги двух микропереписей населения (1985 и 1994 гг.) фактически остались неопубликованными. Ненамного лучше судьба переписей 2002 и 2010 гг.: итоги переписи населения 2002 г. были представлены в 14 томах, 16 книгах, а 2010 г. – в 10 томах. Таким образом, сохраняется тенденция неполной обработки первичной информации, что существенно снижает информационный потенциал итоговых публикаций [см.: Борисов, с. 21–22].

Следует отметить некоторые особенности переписных материалов. В значительной степени они определяются устными технологиями сбора информации, а также отсутствием контрольных мероприятий (особенно

[2] В настоящее время опубликованные итоги переписи оцифрованы и доступны на сайте «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.»: [сайт]. URL: http://www.census1897.com/?view=00

в ходе переписей первой половины XX в.). В этом случае вопросы о семейном положении объективно попадают в зону искажения, поскольку представления мужчин и женщин о том, что такое брак и семья, существенно различаются. Особенно сильные искажения наблюдаются в материалах 1920-х гг. – времени активного законодательного реформирования семьи. Так, например, газеты того периода фиксировали многочисленные факты обращения женщин с жалобами на счетчиков, которые не вносили их в карточки как жен. Кроме того, мужчины, имевшие в силу национальной традиции несколько жен, скрывали их из боязни преследования. Например, татары на вопросы о брачном состоянии отвечали: «Холост, но есть женщина». Оказалось много семей с двумя женами – зарегистрированной и фактической – причем каждая считала себя настоящей. С другой стороны, многие женщины с детьми, живущие за счет алиментов или собственным трудом, хотели записаться «девицами» [см.: Перепись...]. Искажение и несовпадение сведений по данным вопросам характерно для всех советских и российских переписей, поэтому их можно использовать не только как статистический, но и социологический источник, т. к. он раскрывает восприятие семьи в разные годы и разными респондентами с учетом влияния гендерного фактора на формирование моделей семейного поведения.

В целом материалы переписей населения, будучи одним из основных источников для анализа историко-демографических процессов, весьма ограниченно воспроизводят семью, поскольку в них заложен принцип индивидуальной регистрации, а сам перечень вопросов по семье был ограниченным. Вместе с тем необходимо констатировать, что вопросы истории семьи на основе переписных данных рассматривались относительно редко, при этом обычно использовались агрегированные данные, опубликованные в итогах переписей [см.: Брачность...; Волков; Afontsev, Kessler, Markevich at al.].

* * *

Более системную информацию по структуре, типологии, функциям семьи несут комплексы статистических источников, связанные с проведением *бюджетных обследований*, в которых помимо статистической и социальной информации представлены демографические сведения. Использование этой информации для изучения истории семьи представляет особый интерес, поскольку историки-демографы бюджетам уделяли мало внимания, а историки были ориентированы на использование

бюджетной информации для изучения проблем материального благосостояния [см.: Мамяченков]. Между тем информация о семье, зафиксированная в бюджетных обследованиях, позволяет изучить ее в неожиданных ракурсах, дополняющих традиционные историко-демографические практики.

Бюджетные обследования получили развитие в Российской империи в конце XIX – начале XX в. благодаря деятельности земств. Собственно в это время были разработаны основные приемы выборки хозяйств и структура программы обследования, направленные на изучение хозяйственной деятельности крестьянского двора и его экономического потенциала.

После революции 1917 г. бюджетные обследования были возобновлены и первоначально носили единовременный характер, проводились гнездовым способом, охватывая преимущественно крестьянские хозяйства. В 1921 и 1922 гг. обследовалось около 500 хозяйств, за 1922/23 с. х. г. – 4 тыс. В период с 1923 по 1930 г. ЦСУ ежегодно обследовало от 8 до 20 тыс. крестьянских хозяйств [см.: История..., с. 3].

Своего максимума выборка достигла накануне коллективизации. В 1928/29 г. в СССР бюджетными обследованиями было охвачено в общей сложности около 20 тыс. хозяйств [см.: Бокарев, с. 55]. Отбор крестьянских хозяйств для изучения проходил следующим образом: первоначально для каждой области или края определялось общее число хозяйств, подлежащих изучению. Затем территория области/края разбивалась на производственные районы (зерновой, животноводческий, лесопромышленный, полеводческо-промышленный, сельскохозяйственно-промысловый и пр.). Далее по материалам динамических переписей и весенних опросов устанавливались квоты по социальным и производственным группам хозяйств. Такой подход позволял максимально полно учитывать разнообразие хозяйственной жизни крестьян и исследовать влияние макроэкономических факторов на хозяйственную деятельность семьи.

Программа бюджетного обследования 1928/29 г. включала несколько разделов: население и баланс рабочего времени; территория и землепользование; животноводство; птицеводство; промыслы; доходы и расходы; баланс продуктов и пр. Характеристике крестьянской семьи был посвящен специальный раздел Бланка описания крестьянского хозяйства, где списком была представлена информация о членах семьи, их поле, возрасте, отношениях родства. Интерес представляют также сведения о национальности, грамотности, занятиях, трудоспособности членов семьи (количестве дней болезни). В бланке отмечались все изменения, которые происходили в семье в течение года (рождения, смерти, заключение брака).

Если учесть также имеющиеся в бланке данные о состоянии хозяйства в 1913 г. (количество человек; площадь пашни; количество лошадей и коров), то появляется возможность оценить основные тенденции развития крестьянского хозяйства с начала XX в. до конца 1920-х гг.

Начиная с 1932 г. в СССР формируется на основе типической выборки постоянная бюджетная сеть, которая включала приблизительно 6,5 тыс. семей. Перед Великой Отечественной войной ЦСУ обследовало 21 тыс. семей колхозников. Начиная с 1952 г. постоянная сеть составила 52 тыс. семей (в том числе в Российской Федерации – 29 тыс. домохозяйств). С 1969 по 1987 г. в СССР обследовалось 62 тыс. семейных бюджетов, из них в Российской Федерации в 1969 г. – 32,9 тыс. домохозяйств, в 1988 г. – 48,6 тыс. [см.: История..., с. 4]. Начиная с 1970-х гг. в сельской среде объектом обследования во многих регионах, в том числе в Свердловской области, стали выступать семьи рабочих совхозов, заменив колхозников. Данная ситуация стала следствием массовой совхозизации колхозов в 1960-е гг., что привело к резкому сокращению числа колхозников и росту рабочих совхозов.

Программа бюджетного обследования нашла отражение в унифицированных статистических формах и содержала следующие разделы: сведения о семье; бюджет рабочего времени; доходы от работы (в колхозе, на предприятии, в учреждении); оборот продуктов в семье; расходы на приобретение промышленных товаров, транспорт, жилье, бытовые услуги; налоги и долги; структура питания; размеры и структура приусадебного хозяйства. Состав и структура статистических форм в 1930–1980-е гг. хотя и претерпела значительные изменения, но, тем не менее, сохраняла преемственность и сопоставимость. В 1930-е гг. их насчитывалось 5, первые четыре относились к первичным и заполнялись на основе опроса и самонаблюдения. В 1950-е гг. число опросных форм сократилось до трех, а в 1960-е гг. – до двух. Ежемесячно на каждую семью заполнялась статистическая форма 1 «Бюджет семьи», кроме того, эта информация заносилась также в форму 2 «Контрольная тетрадь статистика по бюджетам», которая представляла собой годовую сводку помесячных записей. В 1980-е гг. форма 1 «Бюджет семьи» заполнялась уже не ежемесячно, а раз в квартал. Контрольная тетрадь статистика по бюджетам сохранила свою структуру, но пополнилась разделом «Отдельные показатели из Контрольной тетради статистика по бюджетам», где фиксировались жилищные условия семьи, наличие предметов культурно-бытового назначения, в том числе телевизора, радио, холодильника, стиральной машины и пр.

Характеристике семьи в Контрольной тетради посвящена отдельная таблица. В ней списком отмечалась следующая информация: имя и отчество члена семьи (записывали по возрасту, сначала старших, потом младших); отношение к главе семьи (сам глава, жена, сын, дочь, мать, сестра и пр.); возраст каждого; все изменения в составе (рождение, приезд, отъезд, брак, смерть и пр.); сколько дней жил дома; сколько дней отсутствовал; причины отсутствия (работа, учеба, отпуск, командировка и пр.); работа за время проживания дома (где работает, какую работу выполняет), в том числе работа в подсобном хозяйстве, по найму, учеба и пр. В совокупности с другими таблицами эта информация позволяет реконструировать жизнь семьи не только с демографической, но и с экономической, потребительской, культурно-бытовой стороны. Ежегодно сведения, зафиксированные в первичных статистических формах, обрабатывались органами статистики и оформлялись в виде аналитических отчетов. На протяжении всего советского времени итоги бюджетных обследований относились к закрытой информации и практически не публиковались, что определило слабую изученность данного типа источника.

В 1990-е гг. модель бюджетного мониторинга была заменена на единовременные исследования. Переход к рыночным отношениям потребовал кардинального пересмотра программы бюджетного обследования, который был предпринят сначала в 1994 г., а затем – в 1997 г. Изменения были внесены в методику выборки домашних хозяйств, а также в программу обследования. Была использована технология двухступенчатой стратифицированной выборки, построенная по территориальному принципу. В программе обследования изменения были связаны с обновлением учетных признаков по доходам и расходам домохозяйств, а также с появлением новых форм собственности. Методы обследования и процедуры сбора данных остались прежними.

Следующий пересмотр программы обследования был предпринят в 2001–2002 гг. с учетом рекомендаций Евростата, предусматривающих более широкий перечень вопросов по социально-экономической характеристике членов домохозяйств, а также по размеру и источникам доходов, жилищным условиям и имущественному положению домохозяйства в целом.

С 2005 г. в программу обследования были внесены изменения, касающиеся состава социальных показателей: доступность и уровень расходов населения на оплату услуг социальной сферы (образование, медицинское обслуживание, жилье); охват мерами государственной социальной поддержки различных групп домохозяйств в связи с переходом

на «монетизацию» льгот и пр. Положительные сдвиги произошли в публикации итогов бюджетных обследований, которые стали более доступными и информативными.

Бюджетные материалы неоднократно использовались историками для изучения проблем материального благосостояния крестьянских семей в 1920-е, а также в 1960–1980-е гг. [см.: Безнин; Глумная; Артемова; Перцев]. В первую очередь в оборот были введены агрегированные данные, интерес к первичным сведениям проявляется реже, поскольку в этом случае составной частью методики изучения бюджетов становятся компьютерные технологии, т. е. перевод их в формат базы данных [см.: Мазур].

* * *

Помимо статистических источников история семьи нашла отражение в *учетных материалах*, к которым относятся метрических книги, а также акты гражданского состояния (брачности, рождения, разводимости и смерти). Наиболее изучены и введены в научный оборот материалы церковно-приходского учета, работа с которыми ведется уже много лет в разных научных центрах страны, в том числе в Санкт-Петербурге, Тамбове, Барнауле, Екатеринбурге и др. [см.: Миронов; Владимиров, Плодунова, Силина; Канищев, Кончаков, Носевич; Главацкая и др.]. В последние годы были реализованы крупные проекты, среди которых особого внимания заслуживает информационная система «Социально-демографические процессы на Алтае в материалах церковного учета XVIII – начала XX в.» (http://histdem.asu.ru/) с общедоступной базой данных [см. : Владимиров, Сарафанов].

Акты гражданского состояния исследованы гораздо меньше. Для советского времени акт – это основной документ, используемый для реконструкции истории семьи, а также для проведения исследований по эволюции отдельных демографических процессов. После принятия в 1918 г. «Кодекса законов об актах гражданского состояния» были введены актовые (или реестровые) книги в органах ЗАГСа, заменившие метрические книги. В настоящее время оформление актов гражданского состояния регламентируется Федеральным законом от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «Об актах гражданского состояния».

Форма акта была унифицированной, утверждалась центральными статистическими органами и неоднократно менялась, исходя из ведомственных потребностей в информации. Заполнялись они органами ЗАГСа по месту события, где и должны храниться в течение 75 лет, а затем передаваться в государственные архивы.

Актовая запись о рождении предусматривала характеристику новорожденного и родителей и состояла из 2 частей: в первой записывались сведения о ребенке (фамилия, имя, отчество, пол, время и место рождения), во второй – сведения о родителях (фамилия, имя, отчество отца и матери, их национальность, возраст, род занятий, место работы, адрес, где и когда зарегистрирован брак). *Актовая запись о смерти* включала следующие сведения: фамилия, имя, отчество, пол, национальность умершего, дата смерти, возраст, место жительства, причина смерти, документы медицинского учреждения, в 1970-е гг. была введения информация о месте рождения, работы и роде занятий. *Акт о заключении брака* фиксировал имя и отчество вступающих в брак, фамилию до и после заключения брака, их национальность, возраст (количество лет и дату рождения), семейное положение до брака и его очередность, место рождения и адрес постоянного жительства жениха и невесты. *Акт о расторжении брака* (разводе) содержал следующую информацию: фамилия до и после расторжения брака, имя и отчество каждого из супругов, их национальность, время рождения, место постоянного жительства, в каком по счету браке супруги состояли, когда был зарегистрирован расторгаемый брак, наименование суда, вынесшего решение[3].

Акты гражданского состояния сохраняются полностью, но возможности их использования для научных целей существенно ограничены Федеральным законом 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Однако опыт привлечения документов текущего учета к исследованию демографических процессов имеется. Так, например, Ю. А. Русиной было проведено выборочное исследование актов гражданского состояния Свердловской области 1960–1980-х гг., позволившее изучить рождаемость и смертность в городах Среднего Урала, а также особенности семейного поведения [см.: Русина, 1991].

Таким образом, на основе изучения актов гражданского состояния имеется возможность комплексного анализа основных демографических процессов, в том числе структуры и причин смертности, рождаемости, брачного поведения с учетом влияния различных социальных факторов, в частности, демографической политики. Основной проблемой изучения актов гражданского состояния является их рассеянность по архивам муниципальных образований и отсутствие сводного регистра.

---

[3] Перечень вопросов в актах приведен по состоянию на начало 1960-х гг., круг вопросов постоянно менялся, в частности, например, в 1970-е гг. были исключены пункты о национальности [см.: Русина, 1996, с. 7–11].

Помимо документов текущего учета интересным источником по истории семьи являются *поселенные списки и похозяйственные книги*. Они представляли собой систему учета населения по месту жительства и дают возможность реконструировать состав семьи, а также проследить ее историю за период проживания в определенном месте, выделить основные варианты миграционных перемещений отдельных членов семьи, а также семейных коллективов.

Поселенные списки плательщиков сельскохозяйственного налога были основным фискальным документом 1920-х гг. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 19.05.1921 г. все волостные и сельские Советы были обязаны фиксировать сведения по каждому хозяйству для исчисления налога [см.: Декрет...]. В списки плательщиков налога вносились следующие сведения:

1) поименное перечисление всех плательщиков в селении, с указанием по каждому хозяйству в отдельности: а) числа едоков; б) количества десятин; в) количества скота и других данных в зависимости от вида налога;

2) количество продуктов, назначенных к сдаче по налогу с каждого хозяйства;

3) сроки сдачи налогов.

Списки обновлялись ежегодно работниками исполнительных комитетов сельских Советов и направлялись в финансовый отдел исполнительного комитета районного Совета.

Поселенные списки дают возможность последовательного изучения жизни крестьянской семьи на протяжении 1920-х гг., в том числе ее структуры, трудопотребительского баланса (соотношение едоков/работников), динамики рождаемости и смертности, миграционных тенденций. В совокупности с другой информацией (сведения о землепользовании, поголовье скота, характеристика неземледельческих занятий, использование наемной силы и др.) появляется возможность реконструкции основных этапов жизненного цикла семьи. Ценность данного источника возрастает благодаря хорошей сохранности документов и надежности представленной в них информации.

Похозяйственные книги выполняли аналогичные функции административного и налогового учета в сельской местности в 1930–1980-е гг. [см.: Мирошкин]. Впервые они были исследованы в 1986 г. Е. М. Скворцовой, которая проанализировала на их основе демографическую структуру колхозного двора 1930-х гг. [см.: Скворцова]. В дальнейшем серьезных исследований по данной теме не проводилось, в том числе из-за плохой сохранности похозяйственных книг. В ходе реализации муниципальной

реформы их передача на хранение в архив шла очень неравномерно, большинство остается на местах – в сельских администрациях, что осложняет разработку данного источника.

Похозяйственные книги были введены в 1934 г. и продолжали существовать на протяжении всего советского периода, фиксируя все демографические и хозяйственные трансформации крестьянского двора. Они составлялись секретарями сельсоветов, которые несли персональную ответственность за достоверность информации, поскольку она использовалась налоговыми органами для начисления сельскохозяйственного налога. Записи вносились на основе сплошного обхода дворов, опроса владельцев и пересчета поголовья скота или измерения в натуре урожая огородных культур. Контроль за ведением учета осуществлялся органами народнохозяйственного учета через районных инспекторов, они же проводили контрольные обходы дворов. После 1957 г., когда налогообложение крестьянского двора было изменено, похозяйственные книги теряют фискальные функции и сохраняют за собой только функцию учета по месту жительства.

В структуре похозяйственной книги выделяются следующие разделы, значимые для анализа демографической структуры колхозного двора: «Список членов домохозяйства» и «Дополнительные сведения о выбывших и прибывших». Здесь отражены подробные данные о каждом члене семьи: месяц и год рождения, наличие инвалидности, являлся ли человек красноармейцем, грамотность, специальность, занятие и место работы. С 1938 г. произошли изменения, так графа «Грамотность» была переименована и получила название «Отметка о грамотности и учебе». Необходимо было указывать, какую школу окончил или где учился, сколько классов образование, если человек продолжал учебу, то в дальнейшем заполнялась отдельная графа («Последующие изменения»). В книге регистрировались не только сведения о крестьянской семье, но и данные о площади земельного надела, количестве скота и птицы, надворных постройках и пр.

Таким образом, похозяйственные книги представляют собой уникальный источник, который позволяет проследить историю сельских семей на местном уровне, охарактеризовать особенности демографических, миграционных процессов, трансформации структуры и функций семей.

Рассмотренные выше комплексы статистических и учетных документов составляют основу историко-демографических исследований, позволяя проследить закономерности демографического развития семьи, выявить факторы, влияющие на ее динамику, структуру, типы. Наиболее

хорошо изучены обобщенные итоги переписей населения, а также сводные результаты обработки текущего учета, которые позволяют воспроизвести общую картину. Первичные бланки используются гораздо реже в силу плохой сохранности, они требуют применения количественных методов, а также компьютерных технологий. В результате их информационный потенциал реализован не полностью. Малоисследованными остались первичные материалы бюджетной статистики и похозяйственного учета.

Приведенный в статье обзор массовых источников со всей очевидностью позволяет сделать вывод о необходимости вовлечения в научный оборот «нетрадиционных» типов источников, позволяющих раскрыть историю крестьянской семьи не только как демографического организма, но и социального, во всем многообразии ее проявления. Привычная картина с опорой на статистические источники переписного плана может быть дополнена сведениями других комплексов массовых источников, прежде всего учетных и бюджетных, раскрывающих новые научные перспективы изучения семьи.

Андреев Е. М., *Дарский Л. Е.*, *Харькова Т. Л.* Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993.

Артемова О. В. Крестьянский двор на Европейском Севере (вторая половина 1930-х – 1940-е годы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1997.

Безнин М. А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М. ; Вологда. 1991.

Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981.

Борисов В. А. О роли публикаций итогов переписи населения 2002 г. для успеха следующей переписи // Международный симпозиум «Россияне в зеркале статистики: Всероссийская перепись населения 2002 года». М., 2004. С. 21–25 [Электронный ресурс]. URL: www.perepis2002.ru/ct/doc/symposium_rus.doc (дата обращения: 01.02.2018).

Брачность, рождаемость, семья за три века / под ред. А. Г. Вишневского. М., 1979.

Владимиров В. Н., *Плодунова В. В.*, *Силина И. Г.* Метрические книги как источник по истории народонаселения Алтайского края // Компьютер и историческая демография. Барнаул, 2000. С. 137–164.

Владимиров В. Н., *Сарафанов Д. Е.* Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII – начале XX в.). Барнаул, 2013.

Волков А. Г. Семья – объект демографии. М., 1986.

Воробьев Н. И. Семья в Нерехте: (К вопросу об анализе семьи) // Вестн. статистики. 1925. № 1–3. С. 81–102.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992.

Главацкая Е. М. Религиозные сообщества и демографические процессы в материалах церковного учета : методы статистического анализа // Изв. Урал. федер. ун-та. 2015. Т. 145, № 4. С. 262–270 (Сер. 2 : Гуманитарные науки).

Глумная М. Н. Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933–1937 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

Жиромская В. Б., *Киселев И. Н.*, *Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно» : Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996.

Инструкция Губернским Продовольственным Комитетам по проведению натуральных налогов : Декрет СНК РСФСР от 19.05.1921 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bestpravo.ru/sssr/eh-zakony/a7p.htm (дата обращения: 15.09.2017).

История обследований бюджетов домашних хозяйств [Электронный ресурс]. URL: http://stavstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/stavstat/resources/f233f100415db7128daaef367ccd0f13/История+обследований+бюджетов+домашних+хозяйств.pdf (дата обращения: 07.03.2018).

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1962.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. : в 7 т. М., 1972–1974.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. : в 14 т. М., 2004–2005.

Канищев В. В., *Кончаков Р. Б.*, *Носевич В. Л.* Два подхода к применению компьютерных технологий при восстановлении истории семьи // Материалы VIII конференции ассоциации «История и компьютер». М., 2002. С. 188–189.

Лившиц Ф. Д. Перепись населения 1937 года // Демографические процессы в СССР. М., 1990. С. 174–207.

Литвак К. Б. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (Источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 1. С. 114–126.

Мазур Л. Н. Крестьянская семья на Среднем Урале в первой половине 1960-х гг.: Опыт реконструкции по материалам бюджетных обследований колхозников // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2002. С. 130–144.

Мамяченков В. Н. Статистические обследования семейных бюджетов населения СССР: проблема достоверности : (по материалам Государственного архива Свердловской области) // Науч. диалог. 2017. № 1. С. 157–171.

Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979*а*.

Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979*б*.

Миронов Б. Н. Метрические ведомости XVIII–XIX вв. – важнейший источник по отечественной демографии России // Источниковедение отечественной истории. 1981 г. М., 1982. С.100–117.

Мирошкин М. А. Похозяйственные книги сельсоветов как источник информации о сельском населении 1930-х годов // Проект «Ахей» [Электронный ресурс]. URL: http://mmj.ru/newest_history.html?&article=476&cHash=8b5cedf81d (дата обращения: 23.03.2016).

Перепись в послереволюционный период [Электронный ресурс]. URL: http://www.mytyshi.ru/vlast/adm/adm/Shilova/perepis/1_5.php (дата обращения: 18.03.2014).

Перцев В. А. Материальное положение населения РСФСР (вторая половина 1950-х – 1980-е годы) : на материалах областей Центрального Черноземья. Воронеж, 2013.

Русина Ю. А. Текущая статистика населения: опыт формирования базы данных. Екатеринбург, 1996.

Русина Ю. А. Структурные особенности процессов рождаемости и смертности в городах Среднего Урала в 1960–1985 гг. : (на материалах актов гражданского состояния). Свердловск, 1991.

Скворцова Е. М. Похозяйственные книги сельсоветов 30-х годов XX в. // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985. С. 119–133.

Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990

Afontsev S., *Kessler G.*, *Markevich A. at al.* The urban household in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: Patterns of family formation in a turbulent century // History of the Family, 2008. Nr 13. P. 178–194.

Tishkov V. The Population Census and the Construction of Identity // Anthropology & Archeology of Eurasia. Vol. 44, Nr. 2 (Fall 2005). P. 10–40.

УДК 94(470.5).084:329

М. И. Люхудзаев

ПАРТИЙНАЯ ПЕЧАТЬ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ В БОРЬБЕ ЗА ВЛИЯНИЕ НА УРАЛЕ

в первой половине 1918 г. (по материалам газеты «Наш путь»)

В статье на примере материалов газеты «Наш путь» рассматривается пресса партии левых эсеров как средство борьбы за их влияние на Урале в первой половине 1918 г. Показана агитационно-пропагандистская тактика левых эсеров в этой газете, способствовавшая росту численности организации. Рассмотрены наиболее важные темы местной политической жизни в указанный период, отраженные в данной газете.

Ключевые слова: история политических партий, партия левых эсеров, Гражданская война в России, партийная печать, Урал.

Без углубленного и всестороннего изучения периодической печати России, выходившей в 1918 г., ее места и роли в идейно-политической борьбе сложно разобраться в закономерностях и особенностях событий

© Люхудзаев М. И., 2018

данного периода. Особый интерес представляют региональные оппозиционные газеты, продолжавшие выходить в это время на Урале и дающие оценку происходившим политическим изменениям, отличную от официальной точки зрения. В данной работе сделана попытка на материалах газеты «Наш путь», издававшейся в Екатеринбурге, рассмотреть прессу партии левых эсеров (ПЛСР) как способ борьбы за влияние на Урале в указанный период.

Важную роль в появлении областной левоэсеровской газеты сыграла военная организация левых эсеров Екатеринбурга, которая для укрепления своих позиций в крае приступила в декабре 1917 г. к изданию партийной газеты «Наш путь», передав ее позднее обкому ПЛСР [см.: Наш путь, 12 янв., № 5, с. 2]. В состав редакции газеты, выходившей с 10 марта как издание обкома, входили Н. П. Горин, С. Н. Стрижов, С. С. Симашко. В апреле тираж газеты, состоявшей сначала из двух, а вскоре из четырех полос и выходившей 3 раза в неделю, составлял 2000 экз. С 5 июня (с № 45) газета выходила 4 раза в неделю, а с 3 июля (с № 53) стала ежедневной – до 17 июля было издано 60 номеров газеты. Издание номера обходилось в 500 руб., в розницу один номер стоил 20 коп. Столько же стоила выходившая ежедневно, но часто на двух полосах газета большевистского обкома «Уральский рабочий». На расширение издательской деятельности через делегатов второго общепартийного съезда ЦК ПЛСР передал весной обкому 17 340 руб. [см.: Наш путь, 2 июня, № 44, с. 3]. Разослав первые 8 номеров для ознакомления бесплатно, редакция сообщила, что желающие получать газету должны будут оформить подписку, выслав подписные средства [см.: Наш путь, 26 янв., № 8, с. 2]. Возможно, это было связано с погашением накопившегося долга организации (около 2 тыс. руб.) по этому изданию, переданного обкому с налаженной экспедицией, подпиской и т. д.

Среди публикуемых в газете материалов особую роль играли протоколы областных партконференций левых эсеров, отражавшие события, происходившие внутри местных организаций и дающие представление об их численности и влиянии в регионе. Отмечая, что в феврале на первой конференции было 20 представителей от 18 организаций, а в марте на второй присутствовало 24 представителя от 20 организаций (отсутствовали делегатов Уфы и Челябинска), обком ПЛСР назвал главной причиной этого завершение мирных переговоров с Германией, не позволившее организациям из-за сложной обстановки прислать своих делегатов. Согласно его отчету число членов организации сохранилось и составляло около 4 тыс. человек. По оценке обкома ПЛСР, в заводских организациях

элемент интеллигенции был незначителен, но партийная спайка в большинстве из них была прочной (особенно в заводских организациях Алапаевска, Баранчи, Мотовилихи, Надеждинска) [см.: Наш путь, 12 апр., № 26, с. 3]. Кроме материалов областной партконференции, первые номера «Нашего пути» были посвящены событиям на IV губернском съезде ПСР и подробному описанию раскола в эсеровской организации [см.: Наш путь, 21 янв., № 7, с. 3]. Выступая связующим звеном между ЦК и местными организациями, газета «Наш путь» часто публиковала статьи лидеров партии (Б. Д. Камкова, В. М. Левина, В. Е. Трутовского, И. З. Штейнберга и др.), анонсы партийного органа «Знамя Труда», а также протоколы заседаний общепартийных съездов.

По мнению редакции газеты, среди актуальных вопросов местной жизни, требующих решения и затрагивающих интересы населения края, особое место принадлежало автономии Урала, чему был посвящен ряд публикаций. Не являясь сторонниками подчинения уральской промышленности центру, левые эсеры выступали за создание Уральской республики, считая, что это облегчит развитие промышленности и разовьет активность трудящихся. В статье о муниципализации Билимбаевского завода С. Н. Стрижов поставил успех таких мероприятий в зависимость от связи с горнозаводским центром края, что в целях урегулирования экономической жизни населения требовало широкого самоуправления Урала – его автономии [см.: Наш путь, 7 янв., № 4, с. 2]. Рассуждая об организации власти на Урале, он подчеркнул необходимость автономии Урала с центром по распределению полученных из Петрограда денег для финансирования края в Екатеринбурге, регулирующим уральское хозяйство [см.: Наш путь, 12 янв., № 5, с. 2]. Поясняя необходимость автономии Урала, он отметил, что «решающим моментом в федерации, независимости автономии должна быть воля трудового большинства населения данной области» [см.: Наш путь, 19 янв., № 6, с. 2].

Позже в передовице газеты выражалось сожаление о том, что левые эсеры не поставили на обсуждение вопрос об автономии Урала на областных съездах Советов, к чему их обязало постановление краевой партконференции [см.: Наш путь, 24 февр., № 10, с. 1]. По мнению редакции, автономное объединение Урала позволило бы даже в случае крушения революции в Петрограде и других областях России стать ее резервным бастионом в регионе, сохранив ее силу и преемственность в период временного отступления. Ближайшей задачей газета назвала получение денег из Петрограда для укрепления производительности местной промышленности.

Рассматривая вопрос об экономическом благополучии населения, Стрижов в газете указывал на прямую зависимость заработной платы рабочих от повышения благосостояния крестьян – главных потребителей продуктов фабрично-заводского производства. Он считал, что повысить заработную плату можно, лишь упрочив экономическое положение крестьянства, осуществив социализацию земли [см.: Наш путь, 7 янв., № 4, с. 2]. По его словам, только необеспеченность крестьянина землей подталкивала его идти в город продавать свою рабочую силу, сбивая уровень заработной платы. Поэтому рабочие были прямо заинтересованы в том, чтобы крестьяне получили землю не в частную собственность, а в «общественное уравнительное» пользование.

В борьбе за влияние и поддержку своих взглядов на Урале левые эсеры уделяли внимание критике большевистских действий во внутренней политике и отмежеванию от центро-правых эсеровских представителей. Осуждая большевиков за популизм и непоследовательность, газета «Наш путь» отметила 1 января, что они использовали многие положения эсеровского проекта о социализации земли (плана, который, по их мнению, «останется на бумаге»), так как это содействовало росту симпатий к ним со стороны крестьянства. К изменению отношения к большевистской политике вели их методы руководства без учета интересов рабочих, о чем сообщила газета «Наш путь», указывая на переход бывшего большевика Верхотурского завода П. Н. Андреева в левоэсеровскую организацию после самовольной отмены коммунистами постановления митинга, в котором приняли участие 3000 человек, прошедшего на заводе 19 января. Подчеркнув, что большевики относят к беднейшим крестьянам лишь крестьян-батраков, а не все трудовое крестьянство, Андреев заявил, что они хотят установить диктатуру пролетариата, отбросив трудовое крестьянство [см.: Наш путь, 24 февр., № 10, с. 3–4].

Резкому осуждению за переход на правоэсеровскую позицию в статье «Ренегатство или самоопределение?!» был подвергнут авторитетный в крае депутат Учредительного собрания, редактор «Вольного Урала» С. К. Тарин (Тарабукин), давший критическую оценку действиям советской власти на Урале и названный временным попутчиком. Газета сообщила, что он подписал «Письмо пермских депутатов», в котором, защищая Учредительное собрание, обвинял левых эсеров и большевиков в затягивании его открытия [см.: Наш путь, 21 февр., № 9, с. 2]. В том же номере газеты было опубликовано сообщение об исключении еще одного эсеровского депутата Учредительного собрания, Л. В. Затейщикова, из состава левоэсеровской организации Мотовилихи за неисполнение

ее наказа. Аналогичной теме отмежевания от правых эсеров были посвящены заметки о создании левоэсеровских организаций в Верхне-Уфалейском и Чусовском заводах, куда вошли все заводские рабочие, поддержавшие ПЛСР [см.: Наш путь, 12 янв., № 5, с. 4; 26 янв., № 8, с. 4]. В резолюции собрания левых эсеров Верхнего Уфалея от 18 января был одобрен роспуск Учредительного собрания. Публикация таких резолюций указывала на определенную позицию редакции, считавшую, что Учредительное собрание «на первых же шагах стало против завоеваний и действий трудового народа и потому прекратило свое существование, ибо дальше оно естественно привело бы к новой гражданской войне, к междоусобице по всей России» [Наш путь, 12 янв., № 5, с. 2].

Свою позицию газета ясно обозначила и в вопросе о подписании Брестского мира. В опубликованной резолюции по текущему моменту второй областной партконференции указывалось, что исполнение условий Брестского договора ведет к поражению советской власти, трудового народа и России, к потере завоеваний русской революции [см.: Наш путь, 15 марта, № 15, с. 3]. Признавая крупное значение Урала, она выступила за необходимость самостоятельной подготовки «сил и средств для сопротивления и усиления советской Уральской республики» посредством формирования ее военных сил и широкого развития пропаганды среди трудовых масс края. Ее делегаты заявили ЦК о необходимости немедленного созыва комиссаров тех Советов, которые начнут проводить в жизнь требования, выставленные Германией. В том же номере газеты была опубликована статья Штейнберга, в которой он, оценивая итоги заключения Брестского мира, подчеркнул, что первые соглашатели вышли из рядов эсеровской партии, новые соглашатели выходят из партии большевиков.

Стремясь сохранить качество публикаций и увеличить частоту выпуска номеров, 17 апреля редакция газеты упрекнула членов организации ПЛСР Екатеринбурга в том, что они не дают своих статей и материалов, из-за чего нарушается порядок непрерывного информирования о ходе дел и работе левых эсеров в местных организациях и учреждениях. Поэтому ее члены обратились с призывом объединить и регулировать общую партийную деятельность через «Наш путь» [см.: Наш путь, 17 апр., № 28, с. 1]. Положительно оценивая рост влияния левых эсеров весной на уральское трудовое крестьянство, Горин 26 апреля в статье «Партийные задачи» заявил о необходимости сорганизовать зарождающиеся партийные ячейки в областное объединение и связать его с ЦК ПЛСР. Поэтому он призвал крупные городские и заводские партийные организации взять на себя часть работы по объединению мелких левоэсеровских

ячеек, снабжая их литературой и руководя партийной работой через агитаторов и инструкторов [см.: Наш путь, 26 апр., № 32, с. 4].

В апреле-июне в «Нашем пути» регулярно освещались межпартийные конфликты, получая определенную оценку со стороны редакции [см.: Наш путь, 17 апр., № 26, с. 3–4; 26 апр., № 32, с. 4]. В статье «Срыв губернского съезда Совдепов» сообщалось о ходе конфликта левых эсеров с большевиками при формировании нового состава исполкома [см.: Наш путь, 5 мая, № 35, с. 4]. Апеллирующий к общепартийному съезду обком ПЛСР не добился успеха, уступив решению областного Совета, по которому преобладавшим на съезде левым эсерам досталось в исполкоме лишь 11 мест из 25. В статье «Маленько ошиблись» сообщалось о том, что лишенная права решающего и совещательного голоса левоэсеровская фракция в количестве 118 человек 30 мая покинула Уфимский губернский съезд бедноты, состоявший в основном из башкир и татар, после конфликта с президиумом, оставив на нем 75 большевиков [см.: Наш путь, 30 июня, № 51, с. 2–3]. Объявив себя губернским съездом крестьянской бедноты, после трех дней работы она объединилась с 7-м губернским съездом крестьянских депутатов, подтвердившим в резолюции по текущему моменту, что у трудящегося крестьянства есть лишь одна защитница их интересов – ПЛСР. Эта информация не утратила своего агитационного значения и через месяц и была использована газетой как показатель преобладания левых эсеров в губернии [см.: Знамя социализма, 1 июня, № 1, с. 2].

Оценивая происходящие изменения в стране, Стрижов посвятил несколько своих статей анализу нового курса В. И. Ленина во внешней и внутренней политике, опубликовав их в мае в «Нашем пути». Он подчеркнул, что «большевистское умение управлять» в постановке Ленина установило управление над народом и провозглашенная им диктатура в государственной и хозяйственной жизни страны приведет к снижению творческого духа революции, а также к падению инициативы и самодеятельности трудовой демократии [см.: Наш путь, 17 мая, № 37, с. 3]. По его мнению, поворотным пунктом в политике Ленина с октября по март стал Брестский мир, превративший его в «мещанина русской революции», пытающегося путем уступок Германии создать в России социалистический остров через выучку у капиталистов [см.: Наш путь, 24 мая, № 40, с. 2–3]. Такая резкая негативная оценка политического курса партии власти не могла остаться незамеченной и давала повод к усилению продолжавшейся критики ПЛСР на страницах местной большевистской прессы.

В передовице «Уральского рабочего» в мае ПЛСР неоднократно обвиняли в том, что эта партия в своей политике пытается опереться на элементы разложения революции, распадается и теряет свое влияние в массах, беспомощно плетясь в хвосте большевиков [см.: Урал. рабочий, 11 мая, № 87, с. 1; 24 мая, № 97, с. 1]. В ответ левоэсеровская газета указала, что набор фраз, их противоречивость, попытки наклейки ярлыков говорили лишь о стремлении большевиков предотвратить поток масс к ПЛСР, запугать своих членов по отношению к партии «революционных мечтателей» [см.: Наш путь, 5 июня, № 45, с. 2]. Она отрицала ложные сведения о разложении партии, стремительном падении ее влияния на массы, а также о ее банкротстве, мелкобуржуазности и анархичности. Левые эсеры подчеркнули, что, простояв с октября по март на линии революционного социализма, большевики с принятием Брестского мира превратили курс на социализм и международную революцию в его противоположность – лавирование перед германским империализмом и курс на государственный капитализм, отходя от демократизма к централизму и диктаторству.

Обозначив на страницах газеты задачи третьей областной партконференции, Стрижов отметил, что на ней необходимо выяснить отношения с эсерами-максималистами для совместной с ними работы [см.: Наш путь, 22 мая, № 39, с. 3]. Об этом же заявил Котельнический комитет ПЛСР, считая, что слияние с максималистами на Всероссийском партийном съезде укрепит их ряды [см.: Земля и Труд, 7 июня, № 28, с. 3–4]. Сообщив 24 мая о начале работы третьей конференции левых эсеров Урала, собравшей более 70 представителей от региональных организаций ПЛСР, газета «Наш путь» указала, что принятая делегатами резолюция по текущему моменту резко противоречила новому курсу Ленина [см.: Наш путь, 24 мая, № 40, с. 3]. В ней левые эсеры требовали изменения внешней и внутренней политики власти, линия поведения которой должна была определяться активным сопротивлением и курсом на международную революцию и ликвидацию буржуазного строя, разрывом соглашения с организаторами трестов и реальным строительством социализма. На конференции было отмечено, что вместо активного сопротивления требованиям Брестского договора Совнарком совершил ряд уступок, что привело к формированию нового оборончества. Д. Е. Синявский, заявив, что позиция, занятая Лениным, ведет к политике соглашательства с буржуазией, выступил за невхождение левых эсеров в состав Совнаркома [см.: Наш путь, 7 июня, № 47, с. 3–4].

Кроме Уральского обкома ПЛСР, ряд других партийных организаций одобрили решение ЦК по вопросу о выходе левых эсеров из состава Совнаркома, о чем свидетельствовали резолюции Московской партконференции и Ярославского губернского левоэсеровского съезда [см.: Наш путь, 1 мая, № 34, с. 4]. Газета указала, что в Уфимской организации по этому вопросу произошел раскол [см.: Наш путь, 5 июня, № 45, с. 4]. Свое отношение к изменениям Совнаркома в сфере транспорта левые эсеры указали в опубликованной резолюции собрания Екатеринбургских железнодорожных мастерских, в которой осудили декрет (№ к–1043) о централизации управления железными дорогами и упразднении выборных начал [см.: Наш путь, 15 мая, № 36, с. 3].

Давая оценку текущим событиям на Урале в июне, Синявский заявил в передовице «Нашего пути», что «областной Совнарком не усвоил, что авантюра под аншлагом чехословацкого бунта не может быть изжита стратегическими маневрами, здесь нужны политические революционные действия массового движения» [Наш путь, 7 июня, № 47, с. 1–2]. Упрекая большевиков в нежелании вооружить трудящиеся массы для защиты революции, он призвал обратить внимание на «придание политического революционного характера движения тому, что противопоставляется чехословацкой авантюре» [Там же]. По его мнению, требовалось руководство всеми революционными силами, а не создание военных штабов офицерско-чиновничьей формации, мобилизация партийных сил, а не формирование красноармейских единиц, куда попадало мало революционно-сознательных элементов.

Подчиняясь партийной дисциплине, в конце мая в связи с чехословацкой угрозой, а также волнениями в Екатеринбурге и на Верх-Исетском заводе члены редакции «Наш путь» были мобилизованы на защиту советской власти, и газета больше недели не издавалась. Только после того, как «острый момент миновал и боевые силы получили подкрепление», редакция газеты возвратилась обратно [см.: Там же, с. 1]. Обком ПЛСР продолжал в конце июня формировать и объединять отряды для отправки на фронт, чтобы помочь советским учреждениям в их борьбе и восстановить движение хлебных поездов для Урала и России. Отмечая участившиеся случаи подготовки убийств большевиков и левых эсеров, газета «Наш путь» 30 июня призвала к беспощадному подавлению любых попыток саботажа, даже если для этого потребуются террористические единоличные выступления.

Опровергая обвинения большевиков в том, что члены ПЛСР призывают к восстанию трудящихся «вне организации», где каждый выступает как хочет и без связей с регулярной армией, обком левых эсеров в «На-

шем пути» предложил всем партийным группам «удвоить усилия по организации боевой мощи для борьбы» с чехословаками. Он подчеркнул, что освещение событий в Москве в официальных сообщениях большевистской прессы «носит определенно субъективный, тенденциозный характер и является логическим развитием политики Совнаркома, запутавшегося в дипломатических комбинациях с германскими империалистами» [Наш путь, 12 июля, № 58, с. 1]. Отвечая на нападки Г. И. Сафарова, критиковавшего 2 июля в «Уральском рабочем» (№ 127) партизанскую войну, 5 июля в «Нашем пути» (№ 55) ему было предложено объяснить факт «партизанщины» на Украине, где этот способ борьбы левые эсеры использовали как единственно возможную и эффективную форму организованного военного сопротивления трудящихся.

Важную информационную и агитационную роль играли материалы, отражавшие сведения о действиях левоэсеровских боевых дружин на Восточном фронте, что подтверждало их самоотверженное служение интересам трудовых масс. Газета сообщила об успешных действиях партизанского левоэсеровского отряда против белочехов в Шадринском районе и сводного отряда из 300 человек под командованием военкома Златоуст-Челябинского направления левого эсера Бахтина, который состоял из нескольких левоэсеровских дружин и 2-го Московского полка коммунистов [см.: Наш путь, 3 июля, № 53, с. 2; 4 июля, № 54, с. 2]. Призыв в передовице «Нашего пути» 11 июля отомстить за гибель Бахтина, оказывая эмоциональное воздействие на читателей, по-своему влиял на процесс формирования боевых партийных дружин. В другой статье, описывая жестокое убийство казаками левых эсеров и большевиков во время конвоирования в Челябинске и апеллируя к читателям, в газете была дана однозначная оценка таким действиям: «Так расправляются с революционерами и свободолюбивые “демократы” – чехословаки» [Наш путь, 7 июня, № 47, с. 2].

Хотя отражение событий в партийной прессе левых эсеров носило предопределенный характер, оно позволяло в противовес большевистской печати корректировать общее представление о происходивших изменениях в жизни края. Публикуемые в газете материалы привлекали читателя альтернативной точкой зрения, помогали лучше воспринять пропагандируемые левыми эсерами идеи, объединяя разрозненные партийные организации края и определяя вектор их развития. Важным элементом этих публикаций стали отчеты о партийных конференциях, чьи резолюции, резко отличавшиеся от большевистской оценки текущего момента, вызывали поддержку представителей населения, недовольных

действиями власти. Часть опубликованных в «Нашем пути» сведений не дублировалась в других изданиях, что делало газету ценным источником информации, восполняющим пробелы в отражении происходящих событий. Публикуемые материалы о межпартийных конфликтах с участием левых эсеров на съездах различного уровня, сведения об участии партийных боевых дружин в военных действиях против белочехов выполняли не только информационную, но и агитационную функцию. Состав газетных материалов подбирался так, чтобы привлечь аудиторию, помогая ей воспринимать пропаганду нужным образом и определиться в политических реалиях при выборе организации, защищавшей ее интересы. Эффективное ведение агитационной работы газетой «Наш путь» позволило ей, оставаясь в оппозиции, легально выполнять информационные функции и успешно бороться за влияние левоэсеровской организации в регионе до середины 1918 г., способствуя ее консолидации и численному росту в этот период до 18 тыс. человек.

Земля и Труд (Котельнич). 1918.
Знамя социализма (Уфа). 1918.
Наш путь (Екатеринбург). 1918.
Уральский рабочий (Екатеринбург). 1918.

УДК 94(470.5).084.3:351.751

М. А. Фельдман

«РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ»: ТАКАЯ КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ
(судьба профсоюзного журнала в контексте отношений власти и рабочего социума Урала в 1922–1924 гг.)

В статье рассмотрены основные сюжеты короткого периода издания главного профсоюзного органа Уральской области – «Рабочего журнала». Сделан вывод о том, что статьи, правдиво характеризующие природу отношений партии, государства и профсоюзов, бюрократический облик профсоюзной верхушки, формализм ее работы и оторванность от нужд рабочих, властные структуры Уральской области не могли принять иначе, как антибольшевистские. Тем не менее, издание «Рабочего журнала» способствовало формированию критических подходов к положению рабочих на производстве и в быту.

Ключевые слова: Урал, журнал, рабочие, профсоюзы, партия.

© Фельдман М. А., 2018

Сфера общественно-политической жизни в СССР в 1920-е гг. почти столетие привлекает внимание исследователей, вызывая дискуссии о возможности сочетания авторитарного режима и демократических институтов. Тенденция воспевания неуклонного роста влияния правящей большевистской партии в советскую эпоху сменилась в 1990-е гг. идеализацией демократических перемен в годы НЭПа. Конкретно-исторический подход позволяет на частном примере выявить сочетание случайностей и закономерностей с последующим «погружением» в контекст исторической эпохи.

Целью предлагаемой статьи является изучение судьбы профсоюзного журнала в промышленном регионе СССР в первой половине 1920-х гг. Отталкиваясь от конкретного примера, ставится задача: определение характера эволюции взаимодействия власти и рабочего социума в период НЭПа.

Созданный в начале 1922 г. «Рабочий журнал» рассматривался как профсоюзный журнал всех губерний Уральского экономического района. Главной задачей его провозглашалась «тесная связь с рабочими массами» [От редакции, с. 1–2]. Уже первый номер журнала содержал обстоятельный обзор социологического обследования положения рабочих Екатеринбурга. Комментируя результаты обследования быта пролетариев в 1922 г., известный экономист В. А. Овсянников отмечал: в сравнении с довоенным временем материальные условия существования рабочих ухудшились по крайней мере втрое. Если расходы на питание уменьшились в три раза, то на культурные потребности – в 4 раза, гигиену – в 8 раз, одежду – в 11 раз, табак и напитки – в 15 раз. Не скрывало профсоюзное издание и того, что удельный вес рабочих цензовой промышленности, питавшихся на уровне и выше невысокой нормы потребления, за 1913–1922 гг. сократился почти в 1,7 раза: с 50,5 % до 30 % [см.: Овсянников, с. 18–20].

Осознание цены, которую заплатил рабочий класс за революции 1917 г., мировую и Гражданскую войны, становилось понятным самому неискушенному читателю. Не выбирал выражений и профсоюзный работник, будущий заместитель наркома труда СССР И. А. Толстопятов: «крайне низкий уровень заработной платы не обеспечивает рабочему даже необходимый для него физиологический уровень» [Толстопятов, с.78].

Планка, заданная первым выпуском, сохранялась и в последующих номерах, где появились постоянные разделы о положении дел в отраслевых профсоюзах Урала, работе заводских комитетов промышленных предприятий. Систематически выходили статьи о состоянии заработной платы рабочих, работе клубов в горнозаводских поселках, об особенностях

жилищно-бытовых условий уральцев. Многие статьи носили упрощенный по языку изложения и раскрытию проблемы характер, отражая уровень подготовки журналистов редакционной коллегии.

Тем не менее, с накоплением профессионального опыта, становлением сети внештатных корреспондентов журнал повышал свой уровень. К 1924 г. статьи «Рабочего журнала» стали заметным явлением в жизни Уральского региона, прежде всего у рабочих-металлистов и жителей центра Уральской области – Екатеринбурга (с ноября 1924 г. – Свердловска) [см.: Маневич, с. 2–3]. Журнал, выходящий раз в месяц в 1922 – первой половине 1923 г. и раз в две недели, начиная с лета 1923 г., неоднократно давал весьма жесткие оценки положению трудящихся и способности профсоюзов отстаивать права рабочих.

Вот что писал Н. Маневич – главный редактор «Рабочего журнала» – в начале 1924 г.: «Необходимо отрешиться от укоренившегося формального отношения к подготовке и проведению профсоюзных съездов». Автор обращал внимание на то, что организаторы, проводящие профсоюзные мероприятия, не дают реальной картины профсоюзной работы; ограничиваются цитированием тезисов, очень мало относящихся к повседневной жизни. В статьях и выступлениях профсоюзных работников отсутствуют анализ и основные проблемы профсоюзной работы. При этом профсоюзные съезды и конференции выносят резолюции, пропитанные духом казенного оптимизма. Журналист подчеркивал, что власти не замечают критики снизу, со стороны рядовых рабочих.

Содержание профсоюзного аппарата, отмечал редактор «Рабочего журнала», не только поглощало все собранные средства от взносов членов профсоюзов. Более того, на оплату труда работников профсоюзного аппарата в Екатеринбургской губернии из бюджета Уральской области выделялись дополнительные средства, составлявшие 1/3 от суммы профсоюзных взносов, в Пермской губернии – 58 %, в Челябинской – 41,5 %, а в среднем по Уральской области – 41,9 % [см.: Редакционная статья, с. 2–3].

«Рабочий журнал» критически оценивал работу фабрично-заводских комитетов. Показательной можно считать статью «Фабзавкомы на Урале», опубликованную осенью 1924 г. В ней отмечалась весьма печальная картина подлинного положения профсоюзов: 3/4 рабочего времени работников заводских комитетов уходит на выдачу справок и удостоверений. Большинство неосвобожденных членов заводских комитетов не участвуют в профсоюзной работе. Неудовлетворительной признавалась отчетность фабрично-заводских комитетов перед рабочими [см.: Мартынов, с. 3–4].

Партийное руководство возникшей в декабре 1923 г. Уральской области, объединившей большую часть губерний Уральского экономического района, спокойно относилось к многочисленным публикациям «Рабочего журнала», раскрывавшим материальное положение промышленных рабочих. В других регионах картина была еще более сложной. Местных рабочих во многом выручали собственные жилье и земельные участки [см.: Постников, Фельдман].

Но статьи, правдиво характеризующие природу отношений партии, государства и профсоюзов, бюрократический облик профсоюзной верхушки, формализм профсоюзной работы и ее оторванность от нужд рабочих, властные структуры Уральской области не могли принять иначе, как антибольшевистские. Практика борьбы с внутрипартийной оппозицией осенью 1923 – зимой 1924 г. [см.: Кружинов] сформировала вполне определенные правила взаимоотношений центра и региональных элит, в том числе и политического поведения руководящего слоя уральских коммунистов. Аналитика состояния профсоюзной работы становилась все более небезопасной: ряд критических публикаций 1924 г. «Рабочего журнала» подписывали безымянные авторы, скрывавшиеся за инициалами.

Недовольство содержанием критических статей журнала неоднократно высказывало руководство уральских профсоюзов. Так, рассмотрев *специальным вопросом* работу «Рабочего журнала» летом 1924 г., Президиум Совета профсоюзов Уральской области высказал ряд несколько завуалированных, но, тем не менее, неудовлетворительных оценок [см.: Мартынов, с. 3–4].

Вскоре обвинения журналу со стороны Президиума Совета профсоюзов Уральской области были конкретизированы: журналу инкриминировалось «неучастие в воспитательной работе среди масс»; слабая организация передачи опыта массовой работы. Многозначительно звучали слова о финансовой неокупаемости журнала, завершающиеся весьма примечательным пассажем: «Следует на время оставить мысль о продвижении журнала в рабочую среду. Следует пока опираться на профработников, начиная с завкомовцев» [Что сказал пленум..., с. 1–3].

Заметим, что приведенный выше вывод противоречил решению областного съезда профсоюзов (март 1924 г.) о *максимальном продвижении* «Рабочего журнала» в рабочих коллективах [Объединенный..., с. 6–11]. Характерно и другое – за короткий срок (1922–1923) тираж журнала вырос с 2 тыс. экз. до 8 тыс.; финансовое же положение «Рабочего журнала» оценивалось главным редактором Н. Маневичем осенью 1923 г. как

«более или менее благополучное» [Маневич, с. 2–3]. С учетом того, что в 1922–1924 гг. номера «Рабочего журнала» были насыщены публикациями о конкретной деятельности профсоюзных организаций предприятий, претензии к журналу выглядели явно тенденциозно.

О степени обоснованности и научности требований Президиума Совета профсоюзов Уральской области к редакции «Рабочего журнала» свидетельствовал лозунг, провозглашенный в ноябре 1924 г. в решении пленума областного совета профсоюзов Уральской области: «покончить с неграмотностью в рабочей среде к 1 мая 1925 г.» [Что сказал пленум…, с. 1–3]. Поскольку решение проблемы неграмотности промышленных рабочих Урала не было завершено и к 1941 г., а в декабре 1926 г. (т. е. еще до массовых пополнений рабочих коллективов выходцами из деревни), согласно материалам Всесоюзной переписи населения СССР, каждый пятый рабочий-мужчина и две из пяти работниц промышленности Урала оставались неграмотными [см.: Постников, Фельдман, с. 268, 287], очевидно, что руководители уральских профсоюзов не владели достоверной информацией по данному вопросу. По большому счету, это был частный пример оторванности «защитников интересов рабочих» от жизни своих «собратьев по классу».

Нельзя не отметить и тот факт, что в решениях областного съезда профсоюзов (март 1924 г.) ставилась совсем иная, более обоснованная задача: «к 1 мая 1925 г. закончить постановку на учет всех неграмотных членов профсоюзов и развивать сеть школ». Задача сопровождалась указанием – «не проводить эту работу наспех» [Объединенный…, с. 9].

Но чем можно объяснить такой стремительный поворот от решений съезда? Систематические призывы партийного руководства области к удешевлению продукции предприятий Урала и к повышению производительности труда сопровождались не только жесткими требованиями о временном замораживании заработной платы, исключении из текстов коллективных договоров расходов на дома отдыха и курортные путевки, сокращении отчислений на культурные фонды до 1 % от фонда заработной платы; введении принципа платности коммунальных услуг [см.: Обращение…, с. 1–3].

Очевидное наступление на права рабочих дополнялось и призывом к сокращению освобожденного профсоюзного аппарата. На потерю управленческих мест (а с ними социального статуса и определенных льгот) профсоюзная верхушка пойти была явно не готова. Выхода из создавшегося положения имелось два: во-первых, безусловная поддержка партийных директив, с подчеркнутой готовностью к перевыполнению плана.

Пример такой инициативы с ликвидацией неграмотности рабочих в кратчайшие сроки приводился выше.

Во-вторых, имитация сокращения аппарата. Показательно, что при сокращении технических работников профсоюзных структур за декабрь 1923 – апрель 1924 г. на 21 %, численность освобожденных платных профсоюзных управленцев в областных и окружных структурах Уральской области уменьшилась только на 4 % – с 375 до 360 чел. [см.: Завальский, с. 7].

Как показывает анализ социального положения делегатов областного съезда профсоюзов (март 1924 г.), из 240 чел. только 21 оставался «рабочим у станка». 84 % делегатов являлись освобожденными профсоюзными работниками, остальные – представителями администрации предприятий. Понятие «освобожденный профсоюзный работник» и «член партии» практически совпадали: 92 % делегатов состояли на партийном учете. Большинство из них вступили в правящую партию в годы Гражданской войны [см.: Объединенный…, с. 9] и рассматривали свои должности, как полученные по праву победителей.

О степени «боевитости» профсоюзных лидеров свидетельствует решение одного из пленумов Совета профсоюзов Уральской области, в котором отмечается конкретное повышение норм выработки и снижение размеров заработной платы уральских рабочих в 1924 г.

При готовности руководителей уральских профсоюзов подчиняться партийным установкам, журнал, способный называть вещи своими именами, становился ненужным Президиуму Совета профсоюзов Уральской области. Формальным предлогом для закрытия «Рабочего журнала» в конце 1924 г., видимо, стала его «низкая окупаемость», характерная, впрочем, для большинства партийных и профсоюзных изданий. Фактической же причиной стало нежелание сохранять «очаг» критических публикаций. Фронтальный анализ материалов бюро и секретариата Уралобкома РКП(б) за вторую половину 1924 г., проведенный нами, не выявил сведений об обсуждении вопроса о закрытии «Рабочего журнала». Значит, столь щекотливое решение (начиная с символического названия издания и кончая существом вопроса) принималось кулуарно, путем устной договоренности.

Судьба «Рабочего журнала» по-своему показательна. Большевистское руководство Уральской области – рабочего края – могло проявлять определенную самостоятельность по ряду тактических вопросов, вступать в дискуссию (чаще не напрямую) с представителями центральных органов власти [см.: Фельдман, 2016]. Но идеологические конструкции,

выработанные ЦК РКП(б) – а к ним закономерно относились проблемы взаимоотношений партии и профсоюзов – не подлежали обсуждению.

И в приведенном случае с «Рабочим журналом», и в решении проблемы с забастовкой на одном из старейших предприятий края – Верх-Исетском заводе [см.: Фельдман, 2002], и во многих иных случаях прослеживалась вполне очевидная закономерность: партийная дисциплина для управленцев среднего звена оказывалась выше марксистских тезисов о роли рабочего класса, памяти о социальном происхождении, элементарной логике. Следует согласиться с мнением Д. Л. Стровского о том, что решающим фактором для закрытия ряда советских журналов в первой половине 1920-х гг. стали случаи отступления от официальной идейно-политической платформы [см.: Стровский, с. 75].

Другое дело, что элементарная логика, масштаб информации снизу (например, в виде писем трудящихся в газеты и журналы), подкрепленные данными статистики, зачастую заставляли журналистов, ученых, практиков публиковать статьи, идущие вразрез с официальной точкой зрения. Так, в журналах 1920–1930-х гг. появлялись фрагменты правдивого положения дел по отдельным вопросам. В ряде случаев такие публикации формально прикрывались ссылками на партийные постановления руководящих органов ВКП(б), где давалась нелицеприятная оценка работы в той или иной партийной или профсоюзной организации.

Казалось бы, партийно-государственная цензура надежно перекрывала каналы инакомыслия. Однако и в конце 1920-х гг., и в начале 1930-х гг. в уральских журналах появлялись статьи, объективно разрушающие мифы советской пропагандистской машины. Наиболее глубоким и обстоятельным примером можно считать публикации А. П. Таняева в журнале «Уральский коммунист» [см.: Таняев]. Как видно, издание «Рабочего журнала», даже за короткий срок своего существования, способствовало формированию критических подходов к положению рабочих на производстве и в быту.

Насколько история с закрытием «Рабочего журнала» на Урале была типична для советских профсоюзных журналов в годы НЭПа? Судя по выпускам ведущего профсоюзного издания в СССР – журнала «Вопросы труда», критическая направленность журнальных статей была не редкостью в эти годы. Так, в юбилейном выпуске журнала, подводящем итоги десятилетия советской власти, автор статьи «Десятилетие советской охраны труда» сделал вывод об *эволюционном* развитии трудового законодательства в области охраны труда в дореволюционный и в советский периоды [см.: Каплун, с. 56].

Как и до революции, проблема заключалась не только в принятии законов о труде, но и в неуклонном их выполнении. Между тем, подписание коллективных договоров в 20-е гг. XX в. сочеталось с «полной безответственностью местных и центральных хозорганов, не гарантирующих выделение необходимых средств». Проблема осложнялась тем, что «трудовые законы перестали быть доступными тем, для чьей защиты они предназначались» [Лях].

Профсоюзное издание фиксировало: в ряде случаев просматривается откат назад в области страхового законодательства. Так, число особых дней отдыха, установленных на местах и, как правило, связанных с религиозными праздниками, было сокращено с 15 до 8 в мае 1925 г., расширились возможности хозорганов увольнять рабочих за первое же нарушение и т. д. В целом же в 1923–1927 гг. по ряду вопросов произошло ухудшение правового положения рабочих. Аргументация была убедительной: в качестве примеров был приведен ряд указов и инструкций, позволяющих хозяйственным органам все увереннее диктовать свои условия трудовым коллективам [см.: Там же].

Корнем проблемы называлась то низкая общеобразовательная подготовка инспекторов труда, то халатность хозяйственных органов. Трудно согласиться с такими доводами, так же как с утверждением о том, что причиной этого явления стала ориентация профсоюзов на решение производственных вопросов [см.: Шмидт, с. 5–9].

В реальности объяснение было связано прежде всего с тем, что в низкорентабельной экономике 20-х гг. в принципе не могли действовать полновесные социальные программы. Кроме того, по мере формирования номенклатурного управленческого социального слоя с собственными интересами интересы рабочих масс все менее остро ощущались властью. Как видно, в профсоюзном журнале была зафиксирована *стагнация государственной политики по рабочему вопросу в период 1923–1926 гг. и снижение значимости указанной политики среди приоритетов правящей партии, начиная с 1927 г.*

«Ультралевый поворот», начатый Сталиным в 1928 г., означал не только принятие и последовательную реализацию политики Большого скачка. В обстановке политической истерии и нарастания радикализма умеренные силы в партии к концу 1920-х гг. были принуждены замолчать [см.: Хлевнюк, с. 158]. Профсоюзные журналы лишались права на сколько-нибудь значимую критику. С осени 1928 г. началась кампания проработки профсоюзных функционеров всех уровней [см.: Шварцман]. Наркомат труда обвинялся именно в том, в чем было виновато само руко-

водство ВКП(б): в «потакании» хозяйственникам, протекционизму на биржах труда [см.: Журавлев]. Минимизируется критическая направленность статей в журнале «Вопросы труда», оставшихся региональных профсоюзных журналах. Выбор приоритетов политики в рабочем вопросе был сделан не в сторону последовательного, пусть и относительно медленного, улучшения жизни рабочих, а в направлении декларативных заявлений.

Что же касается уральского «Рабочего журнала», его короткий жизненный путь, завершившийся в 1924 г., следует рассматривать как прелюдию выстраивания профсоюзной печати в единый ряд «партийной печати».

Журавлев В. О недостатках в работе НКТ РСФСР и его местных организаций // Вопр. труда. 1928. № 11. С. 22–26.

Завальский В. Я. Уральские профсоюзы после районирования // Рабочий журн. 1924. № 8. С. 7–10.

Каплун С. Десятилетие советской охраны труда // Вопр. труда. 1927. № 10. С. 52–76.

Кружинов В. М. Политические конфликты в первое десятилетие Советской власти (на материалах Урала). Тюмень, 2000.

Лях А. Развитие советского законодательства о труде за десять лет // Вопр. труда. 1927. № 10. С. 114–128.

Маневич К. Наш журнал // Рабочий журн. 1923. № 9. С. 2–3.

Мартынов Г. Несколько замечаний о «Рабочем журнале» // Рабочий журн. 1924. № 12. С. 35.

Мартынов Г. Слабые места работы профсоюзов // Рабочий журн. 1924. № 15. С. 3–4.

Обращение Уралпрофсовета. Денежная реформа и задачи рабочего класса // Рабочий журн. 1924. № 7. С. 1–3.

Объединенный съезд профсоюзов // Рабочий журн. 1924. № 6. С. 611.

Овсянников В. А. Бюджеты екатеринбургских рабочих // Рабочий журн. 1922. № 1. С. 18–20.

От редакции // Рабочий журн. 1922. № 1. С. 1–2.

Постников С. П., *Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1917 гг.). М., 2009.

Редакционная статья // Рабочий журн. 1924. № 1. С. 1–2.

Стровский Д. Л. Отечественная журналистика новейшего периода. М., 2011.

Таняев А. П. Проблема промышленных кадров для «Большого Урала» // Урал. коммунист. 1930. № 3–4.

Толстопятов И. А. Заработная плата в уральской промышленности // Рабочий журн. 1922. № 1. С. 7–8.

Фельдман М. А. Восприятие нэпа региональной элитой в конце 1923 г. // Вопр. истории. 2016. № 12. С. 29–39.

Фельдман М. А. Забастовка на Верх-Исетском заводе 12–13 мая 1927 г. // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 мая 2002. Екатеринбург, 2002. С. 207–209.

Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015.

Что сказал пленум Уралпрофсовета // Рабочий журн. 1924. № 16–17. С. 27–29.

Шварцман Д. Пятый пленум ВЦСПС // Вопр. труда. 1928. № 11. С. 27–34.

Шмидт В. В. Наши достижения в области труда к десятилетию Октября // Вопр. труда. 1927. № 10. С. 5–19.

УДК 94(47).084.8:32.019.51

М. А. Клинова

ПОНЯТИЯ «КОЛЛЕКТИВИЗМ» И «ИНДИВИДУАЛИЗМ» В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1946–1953 гг.

В статье анализируется содержание статей газеты «Правда» и журнала «Смена» 1946–1953 гг., в которых встречаются понятия «индивидуализм» и «коллективизм». В качестве методов обработки материалов использовались контент-анализ и дискурс-анализ источников. Выявлено, что понятия «коллективизм» и «индивидуализм» характеризовались неравнозначной востребованностью. Они презентовались как антонимы, сопровождались полярными оценочными характеристиками. Понятие «коллективизм» определялось положительными коннотациями, как признанная форма трудовой деятельности и существования советского человека, в свою очередь, понятием «индивидуализм» стигматизировались различные проявления личности, связанные как с моральными девиациями, так и с дистанцированием от коллектива.

Ключевые слова: индивидуализм, коллективизм, советская периодическая печать, «Правда», «Смена», формирование общественного мнения.

Изучение механизмов формирования сознания граждан является актуальным вектором современных научных разработок, направленных на изучение советской повседневности. Важнейшим источником по данной проблематике стали материалы печатных СМИ. Через тексты и визуальные образы, помещенные на страницах газет и журналов, транслировались идеологические императивы, формировалось отношение к проживаемым реалиям. Сегодня обращение к материалам советской прессы является актуальным трендом исторических разработок, направленных на изучение общественного сознания населения [см.: Буряк], реконструк-

© Клинова М. А., 2018

цию имиджа «героев» [см.: Хомякова, Лонина] и «врагов» советского социума [см.: Богдан; Белоконева; Колесникова; Самотовинский; Куренчанина], формирование образов внешнеполитических событий [см.: Каменская, 2014; Каменская, 2017].

В рамках данной работы мы обратимся к текстам советской периодической печати 1946–1953 гг. с целью выявления характеристик, оценочных суждений и коннотаций, посредством которых на страницах изданий определялись понятия «индивидуализм» и «коллективизм», а также связанные с данными категориями деятельностные стратегии населения.

Для реализации поставленных задач были использованы количественные и качественные методы. Приоритетным количественным методом обработки материала являлся контент-анализ, позволяющий выявить частотность употребления данных понятий на страницах печатных изданий. Количественный анализ дополнялся качественным анализом материалов, что позволило учесть содержательный контекст употребления данных категорий, а также выявить характеристики и оценочные суждения, посредством которых формировалось отношение советского населения к индивидуализированным и коллективным деятельностным практикам.

Источниковую основу исследования составили материалы двух периодических изданий: газеты «Правда» и литературно-художественного и общественно-политического журнала «Смена» за период 1946–1953 гг. Для работы с текстами изданий была использована частотная выборка. Газета «Правда» – два выпуска в месяц (двадцать четыре выпуска в год). Анализировались первый и пятнадцатый выпуски каждого месяца, общее количество рассмотренных материалов издания за 1946–1953 гг. составило 192 выпуска. Журнал «Смена» – выборку составил каждый четвертый выпуск издания (№ 1, 5, 9, 13, 17, 21). Общее количество обработанных материалов «Смены» за 1946–1953 гг. составило 48 выпусков.

Понятие «индивидуализм» на страницах изданий 1946–1953 гг. не отличается высоким уровнем востребованности (таблица), определяясь скорее через негативные характеристики. Так, в очерке А. Первенцева «Береги честь смолоду», опубликованном в журнале «Смена» в 1953 г., приводятся факты проявления индивидуализма. Одним из примеров является молодой человек, мнение которого о себе приводится на страницах изданий: «Я окончил университет, все говорили, что я способный человек... многие удивлялись моим дарованиям. Я определился на работу, где меня начали уважать, ценить и хвалить. Я хочу уйти с этой работы...

Количественное распределение понятий «коллективизм» и «индивидуализм» на страницах изданий «Правда» и «Смена» за 1946–1953 гг.

Год	Коллективизм (коллектив)		Индивидуализм (индивидуальность)	
	«Правда»	«Смена»	«Правда»	«Смена»
1946	54	8	0	0
1947	48	7	2	0
1948	37	9	1	1
1949	36	12	0	0
1950	110	8	2	3
1951	70	12	1	1
1952	58	9	2	0
1953	37	21	2	3
Всего:	450	86	10	8

я чувствую в себе больше сил, чем я могу их применить в этом месте. ...Здесь такие мелкие люди! Я засохну здесь!» [Смена, 1953, № 1, с. 10]. Индивидуалистическая позиция молодого человека определяется автором как «эгоизм и самовлюбленность» [Там же], а также проявление неуважения и недружелюбия по отношению к коллективу, который его воспитал.

Приводимые на страницах изданий немногочисленные примеры отказа советских молодых людей заниматься неоплачиваемой общественной работой также трактуются как проявления индивидуализма, «спеси и зазнайства» [Там же, № 9, с. 19]. В очерке А. Одинцова «Перемены» приводится сюжет, посвященный обсуждению на комсомольском собрании общественной и трудовой деятельности одного из комсомольцев предприятия: «”Индивидуалист, – с сердцем сказал мастер, – коллектива не признает, ни с кем считаться не желает”… А с комсомольской работой лучше? Ничего и тут не хочет делать. Не место таким в комсомоле» [Смена, 1950, № 1, с. 4]. Как проявление индивидуализма определялось пассивное участие личности в деятельности коллектива, а также деятельностные

практики, ориентированные на личные, а не коллективные интересы. Данные поведенческие модели представлены на страницах отечественных изданий послевоенного периода: «Пуще всего неприятны нам черты индивидуализма, желание подчинить интересы общества и окружающей среды только себе. Индивидуализм рождает самомнение, отрешает от товарищей!» [Смена, 1953, № 1, с. 9-10].

Негативные черты индивидуализма определялись в том числе и по средствам конструирования взаимосвязи данного понятия с системой капиталистического мироустройства. В одном из выпусков «Правды» приводится следующий текст: «Героизм – этот орлиный взлет человеческого духа – становится массовым явлением в социалистическом обществе. Героизм говорит о могучей силе, о молодости, о красоте, о величии этого общества. Не может быть героем буржуа с его мелкотравчатой душонкой, с его звериным, зоологическим индивидуализмом» [Правда, 1948, 1 мая]. Таким образом, в рамках советского дискурса происходит синхронизация понятий «коллективизм» и «индивидуализм» с элементами магистральной антитезы советского дискурса (*мы – они*, *социализм – капитализм*), в результате чего данные понятия наделялись политизированными оценочными характеристиками и коннотациями.

Неиндивидуальность советского человека подчеркивалась на страницах изданий, позитивно характеризуясь. В одном из сюжетов «Правды», повествующем о заграничной командировке советского корреспондента, читаем следующее: «Переберешь в памяти десятки, сотни глаз и ясно увидишь: подавляющее, решительно подавляющее большинство светящихся, ненасытных этих глаз глядят на тебя с волнением, сочувствием, признательностью, очень часто – с любовью. Не потому, что это – именно ты, личность, индивидуальность, носящая какое-то имя. – Нет. Но потому, что ты – советский человек» [Правда, 1953, 1 янв.]. На страницах «Смены» приводится похожий пример, «правильного» конструирования советской идентичности: «Все шире развертывалась перед ней жизнь. Вот она в составе советской делегации отправляется в Будапешт на Второй Всемирный конгресс демократической молодежи, потом едет в Китай. Она чувствует себя не просто прядильщицей Купавинской фабрики, она – представительница многомиллионной армии трудящихся страны социализма, представительница самого передового государства, оплота мира во всем мире» [Смена, 1951, № 5, с. 9].

Понятие «коллективизм» отличалось высокой востребованностью на страницах периодической печати послевоенного периода (см. таблицу). Коллективизм презентовался не только как определяющая характеристика

советской идентичности, но и как базовая форма реализации трудовых стратегий советских граждан. Коллективы (бригады, отряды, звенья) активно действовали на страницах «Правды» и «Смены», выступая с отчетами о выполнении планов и норм, обращениями и социалистическими обязательствами. Советский человек являлся неотъемлемой частью трудового коллектива, хотя определенные элементы трудового индивидуализма фиксируются на страницах изданий. В частности, деятельность героев-стахановцев, презентуемая в качестве трудового эталона, представляла собой пример высокоэффективных индивидуальных трудовых практик. Стахановцев награждали и премировали, их имена широко освещались в прессе, публиковались их книги и брошюры. Но несмотря на индивидуальный характер стахановских побед, трудовой индивидуализм не популяризировался в текстах изданий как эталонная жизнедеятельностная и трудовая практика советского гражданина. Индивидуальные успехи хотя и не замалчивались, но непременно должны были стать коллективным достоянием: стахановские методы в обязательном порядке распространялись в трудовых коллективах, а трудовые победы стахановцев тяготели к их осмыслению в русле коллективных достижений. «Правильная» оценка стахановских успехов обозначена в одной из заметок «Правды»: «Каждый наш стахановский успех – не личное дело одного рабочего, инженера, техника, а коллективное достижение, результат воли и настойчивости советских патриотов» [Правда, 1950, 15 февр.].

Характерно, что приоритетность общественного, коллективного не нарушала свободы индивида, скорее трактуясь как сама свобода, свобода советского трудящегося как своего рода «общественного деятеля». В передовице «Правды» читаем: «Трудовой человек… чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. …Он не просто выполняет ту или иную производственную операцию, не просто варит сталь, добывает уголь, обрабатывает детали машин, он связывает свой труд с общегосударственными интересами» [Правда, 1948, 15 сент.]. Приоритетность коллективных и государственных интересов в личных трудовых стратегиях граждан подчеркивалась на страницах «Смены»: «Молодой слесарь оценивает свой труд с государственной точки зрения. Он понимает, что от его успехов зависит общественный успех» [Смена, 1948, № 1, с. 9]. Картина мира советского человека, конструируемая на страницах отечественной советской периодической печати, исключала внутренний конфликт между коллективными и личными интересами. Возможность данного противоречия снималась посредствам максимальной включенности личности в обществен-

ную событийность. Пример проявления такой эталонной жизнедеятельной стратегии приводится на страницах «Смены»: «Простые люди труда преисполнены заботами не только о своей отрасли хозяйства, но живут интересами всей страны» [Смена, 1948, № 9, с. 2]. В результате реализации означенной трудовой стратегии коллективные интересы должны были стать личными, «кровными» интересами каждого советского человека, коллектив – семьей, а рабочее место – родным домом. В одном из номеров «Правды» публикуется высказывание рабочего Трехгорки комсомольца Лапшина: «У себя дома… никто из нас не жжет зря электричество, а наша фабрика для нас тоже родной дом. Поэтому здесь мы также бережно должны расходовать электроэнергию и сырье» [Правда, 1948, 15 сент.].

Неразрывное единство личного и коллективного в картине мира советского человека особенно ярко подчеркивается в сюжетах, построенных на сравнении жизненных стратегий советских граждан и жителей капиталистических стран. В 1948 г. на страницах «Правды» публикуется заметка о стахановце вальцовщике Туртанове, побывавшем на английском предприятии «Дорман-Лонг». «Английский вальцовщик спросил Туртанова, что ему дали курсы. Туртанов ответил: знания. Но этот ответ почему-то не удовлетворил английского вальцовщика. Он стал настойчиво спрашивать, что лично ему, Туртанову, дали знания. Туртанов улыбнулся. Он понял – английский вальцовщик отделяет себя, свою работу, свою жизнь от “Дорман-Лонг и компания”. И, может быть, первый раз в своей жизни, беседуя с живым советским стахановцем, он хочет понять, почему советский вальцовщик с такими же рабочими, как у него, руками, связывает свою работу, свою личную жизнь с заводом, на котором он работает» [Там же, 1 мая].

Понятие коллективизма актуализируется и в рамках сюжетов, посвященных проблематике целей трудовой деятельности советского населения. Ориентация труда на достижение личных материальных благ или личного карьерного роста не фигурирует на страницах печати в качестве одобряемой трудовой мотивации. Приоритетные позиции в контексте «правильной» жизненной стратегии занимает ориентация труда на благо общества, народа: «Молодой крестьянин! …Для всего народа он растит хлеб на полях» [Смена, 1948, № 5, с. 2]; «Труд на благо народа возвеличивает в нашей стране человека» [Смена, 1952, № 9, с. 2]. Также достаточно распространенной формой «правильной» трудовой мотивации является ориентация трудовой деятельности на благо Родины (государства, страны): «Трудиться на благо своей страны… значит каждый день, каждый час умножать ее силу и мощь, непрестанно двигать вперед ее экономику,

культуру, науку» [Смена, 1949, № 1, с. 2]; «Мы, колхозная молодежь, заняты созидательным трудом во имя любимой Родины» [Смена, 1950, № 9, с. 6].

На страницах периодических изданий послевоенных лет в рамках конструируемой модели «правильной» жизненной стратегии советского населения презентуется тезис о том, что труд на благо общества является источником счастья советского гражданина. Данный аспект взаимосвязи личного и коллективного раскрывается в очерках, текстах писем и интервью с советскими трудящимися, опубликованными на страницах «Правды» и «Смены» послевоенного периода. Так, учащаяся ремесленного училища С. Скворцова в своем письме, опубликованном в газете «Правда», пишет: «Большим счастьем для меня… будет сознавать, что в каждом паровозе, в каждом корабле есть и моя, хотя бы небольшая, доля труда» [Правда, 1949, 1 авг.]. К. Моисеева в очерке «Год 1949», помещенном в журнале «Смена», отмечает: «…как же не оценить нам счастья советского человека, когда… только от него… – труженика социалистического общества – зависит… успех всей страны?!» [Смена, 1949, № 1, с. 2].

Таким образом, анализ материалов советской периодической печати послевоенного периода позволяет прийти к выводу, что понятия «коллективизм» и «индивидуализм» характеризовались неравнозначной востребованностью. Они презентовались как антонимы, сопровождаясь полярными оценочными характеристиками. Понятие «коллективизм» определялось положительными коннотациями, как признанная форма трудовой деятельности и существования советского человека, в свою очередь, понятием «индивидуализм» определялись различные проявления личности, связанные как с моральными девиациями, так и с дистанцированием от коллектива.

Белоконева А. С. Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала «холодной войны» (1946–1953 гг.) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004.

Богдан О. В. Образ войны и образ врага в газетах Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Инновационные тенденции развития российской науки : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. мол. ученых, посвященной году экологии и 65-летию Красноярского ГАУ. 2017. С. 78–80.

Буряк Е. М. Пресса конца 1950-х – начала 1960-х гг. как канал формирования общественного сознания в СССР // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 269–277.

Каменская Е. В. «Культурная революция» в Китае во второй половине 1960-х годов на страницах советской прессы и в восприятии населения // Вестн. Перм. ун-та. 2014. № 4 (27). С. 159-167 (Сер. История).

Каменская Е. В. Пограничный конфликт на о. Даманском 1969 г.: образ события в советской прессе и его восприятие населением // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 354–370.

Колесникова А. Г. «Образ врага» в советской пропаганде периода «холодной войны»: от события к образу // Приволж. науч. вестн. 2011. № 3 (3). С. 30–35.

Правда. 1946–1953.

Самотовинский Д. В., *Куренчанина О. В.* Начало «холодной войны» и формирование образа внешнего врага в советской прессе (1945–1947 гг.) // Вестн. гум. фак. Иванов. гос. хим.-технол. ун-та. 2008. № 3. С. 322–325.

Смена : обществ.-полит. журн. 1946–1953.

Хомякова А. С., *Лонина С. Л.* Образ Юрия Алексеевича Гагарина в прессе СССР // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. Т. 2, № 7. С. 273.

УДК 94(438).083+94(47).084.9:327

Е. В. Каменская

ВВЕДЕНИЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ в 1981 г.

(по страницам советской центральной и региональной прессы)

В статье рассматривается освещение в советской центральной и региональной печати введения военного положения в Польше в декабре 1981 г. – наивысшей фазы польского кризиса 1980–1981 гг. Основное внимание уделено выявлению ключевых способов подачи материала, основных тем и сюжетов, определению изменений в показе конфликтов внутри социалистического мира. Проводится сравнительное исследование центральных изданий, анализ публикаций региональных газет на примере прессы Свердловской области.

Ключевые слова: военное положение в Польше, польский кризис, советская пресса, региональная пресса, внешняя политика СССР.

Конфликт в Польше в 1980–1981 гг. и последующее введение в стране военного положения в декабре 1981 г. явились одним из самых сложных кризисов в социалистической системе в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Эти события стали предвестником не только трансформации политической системы в самой Польше, но и повлияли на ситуацию в других социалистических странах Восточной Европы. Событие подобного масштаба, происходящее в соседнем с СССР государстве социалистического лагеря, естественным образом стало причиной информационной кампании в советской печати, традиционно много внимания уделявшей внешнеполитическим проблемам и социалистическому содружеству.

© Каменская Е. В., 2018

Отметим, что введение военного положения в Польской Народной Республике в декабре 1981 г. и реакция на это событие руководства СССР и других социалистических стран анализировались в работах И. С. Яжборовской, А. С. Стыкалина, Н. И. Бухарина, А. С. Объедкова и др. [см.: Бухарин; Объедков, 2010, 2011; Польша в XX веке; Стыкалин, 2011, 2013; Яжборовская, 2010]. При этом данное событие в советской прессе центрального и регионального уровня комплексно не анализировалось.

Предлагаемая статья посвящена исследованию освещения в советской печати введения в Польше военного положения 13 декабря 1981 г. В ходе работы был проведен фронтальный анализ изданий за ноябрь 1981 г. – январь 1982 г., обработке подверглись все публикации, в которых напрямую или косвенно рассматривались польские события. При изучении материалов прессы анализировались ключевые жанры и темы, использовавшиеся при освещении событий, полнота информационной кампании, специфика подачи материала. Параллельно проводилось сравнение информационного освещения польских событий 1981 г. с предшествующими информационными кампаниями в советской печати (в частности, освещение чехословацкого кризиса 1968 г., советско-китайского конфликта 1969 г.). Источниковой базой стали крупнейшие советские центральные издания («Правда», «Известия», «Труд», «Красная звезда», «Советская Россия», «Литературная газета»); региональные и городские издания Свердловской области («Уральский рабочий», «Красный боец», «Вечерний Свердловск», «Тагильский рабочий», «Под знаменем Ленина»).

Представим кратко развитие польского кризиса 1980–1981 гг. Экономические проблемы, обострившиеся летом 1980 г., стали причиной усиления социальной напряженности в стране. Под напором забастовочного движения польское руководство пошло на уступки: рабочие получили право организовывать независимые профсоюзы, проводить забастовки, получать полную информацию о состоянии экономики страны, при этом руководящая роль Польской объединенной рабочей партии и социалистическая модель развития не подвергались сомнению.

События в Польше и действия лидеров ПОРП, в частности Э. Герека, серьезно беспокоили советское руководство [см.: Яжборовская, Бухарин]. В сентябре 1980 г. первым секретарем ЦК ПОРП стал С. Каня, на которого возлагались надежды на социальную стабилизацию в стране. Но несмотря на смену главы партии, оппозиционное движение в Польше продолжало расширяться, росла популярность профсоюза «Солидарность», впоследствии ставшего символом всего польского кризиса начала 1980-х гг. Спустя год в польском руководстве снова произошли изменения. На этот

раз ставка был сделана на генерала В. Ярузельского, придерживающегося центристских позиций и имевшего авторитет в польском руководстве. В условиях расширения оппозиционных настроений, углубляющегося экономического кризиса, сложных отношений с Москвой новый лидер Польши в декабре 1981 г. принял решение ввести в стране военное положение. Руководители оппозиционных организаций, в том числе «Солидарности», были арестованы или интернированы, деятельность антиправительственных сил была сведена к минимуму.

Перейдем к рассмотрению информационной кампании, развернутой в советской центральной и региональной печати накануне введения военного положения в Польше. Во второй половине ноября – начале декабря 1981 г. в прессе постоянно увеличивалось количество статей о ситуации в ПНР. Если в ноябре несколько номеров газетных изданий подряд могли выйти без сообщений из Польши, то с первых чисел декабря сообщения из Польши, пусть часто и небольшого объема, присутствовали в каждом номере центральных общественно-политических газет. После 8 декабря 1981 г. это стало нормой и для региональной печати. По времени это совпадает с данными, с одной стороны, о принятии ЦК ПОРП решения о подготовке введения военного положения в стране (5 декабря 1981 г.), а с другой стороны, о выражении советским руководством решительного требования В. Ярузельскому навести порядок в стране: «Если вы не предпримите необходимых мер, будет поздно. А это уже вопрос всех нас» (7 декабря 1981 г.) [см.: Воронков, с. 120].

Отличительной особенностью информационной кампании вокруг ситуации в Польше была частая подача материала через выступления польских политиков разного уровня, представителей соцстран, зарубежных СМИ и т. д. Такие статьи занимали второе место по частоте появления на страницах газет после информационных сообщений, на них во многом строился показ событий. Данная тенденция проявилась еще в самом начале кризиса и сохранилась в кульминационный период конфликта. Особенно это было характерно для «Правды». Публикации выступлений шли фактически без комментариев издания. Печатные издания, а следовательно, и политическое руководство СССР уходили от собственных прямых оценок ситуации в соседней стране.

Источником подавляющего большинства подобных публикаций являлось ТАСС. При этом в разных изданиях тексты, описывающие одни и те же события, могли отличаться и по словарному составу, и по полноте содержания. Это касается и центральных, и региональных газет. К примеру, в «Вечернем Свердловске», газете не слишком политизированной

и ориентированной в основном на местные новости, информация ТАСС по Польше временами была полнее, чем в «Тагильском рабочем», весь советский период характеризующемся повышенным вниманием к внешнеполитическим событиям [см.: Каменская, 2014, с. 112–114.].

Редакционные статьи, в том числе передовые, по польской проблеме отсутствовали. В ноябре 1981 г. главной международной темой был визит Л. И. Брежнева в ФРГ: подготовка к поездке, ее ход и реакция мировой общественности. Широко освещались инициативы Советского Союза по разоружению, обеспечению мира и безопасности, рост антивоенного движения в мире, агрессивный курс США и их союзников. Именно эти проблемы занимали основное место на страницах советской печати, в том числе выносились на передовицы.

При анализе газетных материалов обращает на себя внимание небольшое количество заметок, очерков, репортажей собственных корреспондентов изданий, публикаций политических обозревателей. За месяц до введения В. Ярузельским военного положения в «Известиях» было опубликовано всего две заметки собкора в Варшаве А. Друзенко и одна аналитическая статья [см.: Известия, 1981, 26 нояб., 7 дек.]. «Красная звезда» напечатала лишь одну аналитическую статью, «Труд» в рубрике «Репортаж из Варшавы» разместил одну заметку своего корреспондента Ю. Ершова и только 12 декабря 1981 г. [см.: Красная звезда, 1981, 8 дек.; Труд, 1981, 12 дек.].

В газетах полностью отсутствовали фотографии из Польши. Причем это касалось не только изображений, которые бы иллюстрировали сообщения о польском кризисе, но и фотографий каких-либо польских промышленных или сельскохозяйственных предприятий, личностей и т. д. В целом в этот период основу международного фоторяда в печати любого уровня составляли изображения митингов, демонстраций протеста и забастовок в капиталистических странах. К примеру, в «Уральском рабочем» в ноябре-декабре 1981 г. доля подобных фотографий составляла 68,2 % от числа всех фотографий о событиях за рубежом.

Традиционные для информационных кампаний 1960-х – начала 1970-х гг. обзоры писем советских граждан в газеты, отчеты с партийных собраний и прочие формы выражения общественного мнения редко фигурировали в ходе всего советско-польского конфликта. За месяц до введения военного положения в ПНР в «Правде» был напечатан лишь один обзор писем советских трудящихся по поводу событий в Польше под заголовком «Реакции – решительный отпор» [см.: Правда, 1981, 14 нояб.]. Высказать мнение о положении в ПНР объявлялось долгом и интерна-

циональной обязанностью советского гражданина. Среди авторов традиционно значились разные слои населения (молодежь, пенсионеры и т. д.). Подобный показ «мнения советской общественности» был в кампании конца 1981 – начала 1982 г. скорее исключением, чем правилом [относительно восприятия польского кризиса 1980–1981 гг. советским населением см.: Каменская, 2017]. Ни другие центральные газеты, ни региональные издания не использовали подобный жанр при освещении польских событий. В некоторых из них лишь появились упоминания об указанном выше обзоре писем «Правды» [см.: Вечерний Свердловск,1981, 14 нояб.]. При этом в целом к такому типу публикаций, как отклики советских граждан, газеты обращались, к примеру, при показе переговоров СССР – ФРГ [см.: Урал. рабочий, 1981, 27 нояб.].

Устоявшейся практикой при освещении жизни социалистического мира были статьи о развитии экономических связей между СССР и соцстранами. Однако в условиях советско-польского конфликта в прессе почти отсутствовали публикации об активном экономическом сотрудничестве СССР и ПНР. К примеру, в редакционной статье «Труда» «Опыт братских стран», в которой описывался обмен опытом между СССР и социалистическими странами и связанные с ним проблемы, рассматривались совместные проекты с Болгарией, Венгрией, Чехословакией, ГДР, а Польша не была даже упомянута [см.: Труд, 1981, 29 нояб.].

Журналистами слабо использовалась тема совместной советско-польской борьбы с фашизмом. Однако полностью от нее газетные издания не отказались. В конце ноября – начале декабря 1981 г. отмечалось 40-летие битвы под Москвой. Кроме заметок, очерков, воспоминаний советских журналистов и ветеранов войны в печати публиковались статьи, письма зарубежных авторов. Среди них фигурировали и польские участники войны с Германией. К примеру, в «Труде» 6 декабря 1981 г. была напечатана короткая заметка А. Бурского, бывшего члена Варшавского штаба Гвардии Людовой, в которой подчеркивалось, что «разгром фашистов под Москвой вернул польскому народу веру и надежду» [Труд, 1981, 6 дек.]. Значение Советской армии в освобождении польской территории в годы Второй мировой войны упоминалось в речах В. Ярузельского [Тагил. рабочий, 1981, 8 дек.].

Закономерным являлось постоянное упоминание в прессе о внешнем влиянии на ситуацию в Польше. В ходе углубления кризиса все чаще звучали обвинения западных спецслужб в подрывной деятельности. ПНР показывалась как объект внимания НАТО: «никогда раньше Польша не имела такого значения [для НАТО] как сейчас» [Урал. рабочий, 1981,

18 нояб.]. Советские журналисты описывали расширение материальной поддержки польской оппозиции со стороны Запада: передачу денежных средств, пропагандистских материалов, современного полиграфического оборудования, радиотелевизионной аппаратуры [см.: Известия, 1981, 17 нояб., 4 дек.]. Необходимо отметить, что данные факты приводятся во всех исследованиях по польскому кризису 1980–1981 гг. Л. Валенса в интервью зарубежным СМИ на вопрос, чем может помочь ему западная общественность, называл именно указанные выше позиции.

Главным антагонистом стран социализма в ходе советско-польского конфликта, подстрекателем контрреволюционных событий в Польше позиционировались США. Образ в советской печати Западной Германии, являвшейся «врагом номер один» в информационных кампаниях конца 1960-х гг., стал гораздо привлекательнее. В это время между ФРГ и СССР происходил активный переговорный процесс, заключались договора. Как следствие, в газетах подчеркивалась важность ФРГ как стратегического партнера СССР в Европе.

Советская пресса уделяла большое внимание деятельности польской оппозиции. Традиционно среди тех, кто стал проводником антисоциалистических и антисоветских идей в Польше, указывались представители интеллигенции, работники культуры и журналисты [см.: Труд, 1981, 17 нояб.]. При этом враги социализма в Польше были персонифицированы, их имена постоянно фигурировали в сообщениях. Из газеты в газету переходили заметки, в которых красочно описывалась их антисоциалистическая деятельность. Крайне отрицательные характеристики, даваемые прессой польским оппозиционерам, вбирали в себя многие привычные газетные клише и создавали устрашающий образ [см.: Лит. газ., 1981, 18 нояб.; Труд, 1981, 9, 13 дек.; Урал. рабочий, 1981, 10 дек.]. На фоне одинаковых сообщений и заметок ТАСС, перепечатываемых во всех центральных и региональных изданиях, выделялись статьи в «Литературной газете» (хотя их было немного). Так, в публикации «Вешатель» использовалась экспрессивная лексика, формирующая «дьявольский» образ лидеров «Солидарности». «Вакханалия», «сатанел», «паучья схватка» – подобные слова задавали тон в небольшой по объему заметке [Лит. газ., 1981, 18 нояб.]. В целом «Солидарность» стала олицетворять всех врагов социализма в Польше, выступающих с антисоветских позиций.

Одним из основных обвинений в адрес польской оппозиции на страницах советской печати было стремление к реставрации буржуазного прошлого. Острой критике подвергалось использование оппозиционными организациями различных символов и образов из «несоциалистического»

прошлого Польши. В частности, резкое отторжение вызывали воспоминания о «мудром национальном вожде Пилсудском», использование «Конфедерацией независимой Польши» символики армии Крайовой [см.: Известия, 1981, 26 нояб.; Труд, 1981, 11 дек.].

Имена друзей социализма в Польше, т. е. тех, кто стоял на просоветских позициях, пресса не обозначала. Указывалось лишь на притеснения противников «Солидарности», «моральный террор против членов ПОРП». Поддержка польского правительства населением показывалась обезличенно: «В заводских организациях ПОРП все решительнее звучит требование давать должный отпор зарвавшимся контрреволюционным политикам» [Известия, 1981, 7 дек.].

Советская пресса часто ссылалась на польские газеты. Необходимо отметить, что наиболее часто встречающимся изданием являлась «Жолнеж вольности» – военная газета Польши. Согласно воспоминаниям А. И. Грибкова только эта газета в условиях польского кризиса «проводила верную линию», что спровоцировало решение увеличить ее тираж и распространять бесплатно [см.: Москва держала…]. Главная партийная газета страны «Трибуна люду» упоминалась реже. По данным А. И. Грибкова, даже она находилась «под влиянием “Солидарности”» [Там же]. Можно предположить, что это и являлось причиной исчезновения «Трибуны люду» из свободной продажи в Советском Союзе весной 1981 г., как указывает в дневниковых записях И. А. Дедков [см.: Дедков, с. 328].

Согласно публикациям прессы ситуация в Польше постоянно ухудшалась, а в декабре 1981 г. стала катастрофической. В ежедневных сообщениях ТАСС, публиковавшихся в центральных и региональных изданиях, использовались одни и те же слова и словосочетания, становясь устойчивыми клише относительно ситуации в Польше. Так, характерным началом статей стало: «в последние дни обстановка в стране продолжает обостряться», государственные органы ПНР постоянно собирались для обсуждения «обостряющейся социально-политической обстановки» или «оценки социально-экономической обстановки… вследствие ее обострения» [Вечерний Свердловск, 1981, 9 дек.; Тагил. рабочий, 1981, 10, 12 дек.]. Газеты заявляли о новых фактах деятельности контрреволюционных организаций: захват СМИ, призыв рабочих к саботажу, провокации. Описывалось нарастание экономического кризиса в стране: проблемы в промышленности и сельском хозяйстве, рост социального недовольства и пр. Приводимые в печати данные во многом соответствовали действительности. Исследователи акцентируют внимание на усилении в этот период продовольственного кризиса в Польше. К примеру,

В. И. Воронков указывает, что в ноябре 1981 г. далеко не полностью отоваривались карточки, а «отличительной чертой польских магазинов стало наличие в свободной торговле одного только уксуса» [Воронков, с. 119]. Значительного размаха достигло забастовочное движение.

По публикациям прессы складывалась картина полной потери официальной властью контроля над ситуацией, развала политической системы. При этом в речах В. Ярузельского подчеркивалась решимость бороться с врагами («мы примем вызов»), постоянно присутствовали слова благодарности в адрес соцстран и особенно СССР, выражалась надежда на продолжение экономической поддержки («мы получаем и рассчитываем и на дальнейшую помощь друзей из соцстран») [см.: Красный боец, 1981, 6 дек.; Урал. рабочий, 1981, 5 дек.]. В отличие от чехословацких событий 1968 г. в прессе не встречалось указаний на раскол в рядах ПОРП, подчеркивалось единство ПОРП с Объединенной крестьянской партией и Демократической партией [см.: Труд, 1981, 26 нояб.]. Р. Г. Пихоя указывает, что польское руководство в кризисный период сохраняло единство [см.: Пихоя, с. 407].

Газетные материалы предельно ясно показывали, что в конце ноября-декабре 1981 г. предел терпения советского руководства был почти достигнут. Если 18 ноября 1981 г. «Известия» писали, что «добрая воля [польских] властей и их готовность конструктивно сотрудничать не могут до бесконечности испытываться на прочность», то 4 декабря 1981 г. фразы стали жестче: «Хватит принимать постановления, пора переходить от слов к конкретным делам. Центральные власти должны быть решительны» [Известия, 1981, 18 нояб., 4 дек.]. Нарастание напряженности в образе советско-польского конфликта на страницах газет являлось адекватным отражением сложившейся политической ситуации.

В газетах без прямого упоминания понятия «военное положение» шла информация о необходимости и возможности применения самых жестких мер. Во-первых, освещались контакты польского и советского военного руководства. К примеру, 25 ноября в «Известиях» появилось краткое сообщение о встрече В. Ярузельского, который кроме поста главы ПОРП занимал и пост министра обороны ПНР, и В. Г. Куликова, главнокомандующего войсками ОВД [см.: Известия, 1981, 25 нояб.]. Во-вторых, в публикациях присутствовали слова польских руководителей с предупреждениями о том, что «следует быть готовыми к критическому ходу развития событий» [Урал. рабочий, 1981, 5 дек.]. В сообщениях о заседаниях различных властных органов ПНР присутствовали указания, что если в стране возникнет угроза национальной безопасности, то правительству

будут предоставлены те средства и полномочия, «которых потребует обстановка в стране» [Известия, 1981, 30 нояб.; Труд, 1981, 20 нояб.]. Таким образом, введение в Польше военного положения было для советских граждан весьма предсказуемо.

Перейдем к рассмотрению информационной кампании в советской печати после 13 декабря 1981 г. Заявление ТАСС о введении военного положения в Польше было опубликовано во всех центральных и крупнейших региональных газетах страны. Стоит отметить, что, к примеру, в «Советской России» в рассматриваемый период международные сообщения редко выносились на первую страницу, однако указанное Заявление было размещено именно на передовой, что подчеркивало его важность [см.: Совет. Россия, 1981, 15 дек.].

Объем, занимаемый польскими новостями в печати, резко увеличился. Ежедневные сообщения информировали о последних событиях в стране. В первые дни после введения военного положения в центральной печати от 1/2 до 2/3 страницы отводилось сообщениям из ПНР. Фотоиллюстраций, посвященных Польше, не появилось.

Основу составляли материалы ТАСС, в том числе речи польских политических деятелей. Большинство выступлений принадлежало В. Ярузельскому, который обосновывал необходимость введения чрезвычайной меры, а также ставил задачи перед страной по преодолению кризиса во всех сферах. Польский лидер обвинял не только «Солидарность» и антиправительственные организации в сложившихся в стране трудностях, но и вспоминал о неправильной политике своих предшественников, в частности Э. Герека, П. Ярошевича. При этом имена деятелей современной оппозиции, арестованных после введения военного положения, не назывались. Формулировки были очень размытые: «Изолирована также группа лиц, несущих ответственность за общественно-политический и экономический кризис в Польше» [Тагил. рабочий, 1981. 15 дек.].

Возросло число сообщений и заметок собственных корреспондентов изданий по польской проблеме. Так, «Советская Россия», которая в ноябре – начале декабря 1981 г. мало внимания уделяла происходящим в Польше событиям, публикуя лишь основные сообщения ТАСС, за вторую половину декабря 1981 г. напечатала три оригинальные статьи [см.: Совет. Россия, 1981, 17, 22, 27 дек.].

В печати редко показывали позицию социалистических государств. Выделялась только Чехословакия, которая весь период конфликта шла в фарватере советской политики и активно поддержала введение военного положения в Польше. Советские газеты регулярно цитировали

«Руде право» и Г. Гусака. «Известия» в декабре 1981 г. – первой декаде января 1982 г. разместили 7 откликов из Чехословакии на польские события. Вьетнам, Болгария и ГДР отметились тремя откликами. В противовес этому подробно рассматривалось отношение стран Запада к ситуации в Польше. Сообщения шли не только из привычных стран (США, ФРГ, Великобритания, Франция), но и из нечасто встречающихся ранее Австрии, Бельгии, Португалии, Турции. В обзорах зарубежной прессы по польской проблеме количество цитируемых «буржуазных» изданий в несколько раз превосходило социалистическую печать. При этом были представлены и печатные органы коммунистических и рабочих партий, и издания, далекие от просоветской позиции. Отклики из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, столь характерные для газет в 1960–1970-е гг., почти отсутствовали.

Сравнительный анализ центральных и региональных изданий СССР обнаруживает значительную однотипность освещения событий. На фоне одинаковых сообщений ТАСС, публикуемых каждый день, оригинальных материалов в изданиях было крайне мало. Названия статей также не отличались разнообразием: «К положению в Польше», «Положение в Польше» – эти заголовки являлись основой всех советских газет. Необходимо отметить, что в заголовках использовались слова, хорошо знакомые читателям по кампаниям предшествующих десятилетий: «контрреволюция», «авантюризм», «вмешательство», «нажим» (в статьях про влияние западных стран). Однако слово «социализм» и производные от него почти не встречались. К примеру, в «Известиях» за весь декабрь 1981 г. была напечатана только одна статья по польской проблеме под заголовком «Защищая социализм» [см.: Известия, 1981, 24 дек.]. В «Труде», «Советской России», «Красной звезде» и других это слово в заголовках вообще не упоминалось. Несомненно, издания имели определенные отличия. Так, «Труд» делал акцент на показе материалов зарубежной прессы, в том числе польской. «Известия» активно размещали статьи своих собственных корреспондентов из разных капиталистических стран, показывая их отношение к ситуации в Польше и вокруг нее. В местной прессе материал собственного происхождения отсутствовал. Газеты Свердловской области в разном объеме перепечатывали информацию ТАСС, доступную в любом ежедневном центральном издании. Таким образом, региональный компонент, который был отчетливо виден при освещении конфликтов внутри социалистической системы в конце 1960-х гг., исчез.

Важнейшим элементом информационной кампании являлось доказательство непричастности Советского Союза к событиям в Польше,

дистанцирование от действий польского руководства. Упоминания о социалистическом интернационализме исчезли из газет. Из статьи в статью переходили фразы о том, что «все эти шаги, предпринятые в Польше, представляют собой, разумеется, ее внутреннее дело» [Известия, 1981, 15 дек.]. Параллельно в статьях выражалась полная поддержка действий польских властей, введение военного положения обозначалось единственно возможной мерой в создавшихся условиях. Генерал В. Ярузельский показывался как реально мыслящий политик, готовый жестко бороться с оппозицией и навести порядок в стране. При сопоставлении газетного образа и реальных событий можно сделать вывод, что советское руководство испытало определенное облегчение: военное положение, которое обсуждалось почти год, было, наконец, введено, оппозиция была либо арестована, либо лишена возможности действовать открыто. Р. Г. Пихоя приводит выдержки из телефонных разговоров Л. И. Брежнева и В. Ярузельского, последовавших за введением военного положения [см.: Пихоя, с. 411–412]. Слова советского лидера явно выражали удовлетворение решением польского руководства, конфликт пошел на спад. После 13 декабря 1981 г. акценты в прессе были серьезно смещены от освещения внутрипольских событий к полемике с западными странами, в особенности с США.

Наличие серьезных противоречий в рядах западных государств по польскому вопросу рассматривалось в обзорах средств массовой информации капиталистических стран. К примеру, со ссылкой на «Нью-Йорк таймс» отмечалось «отсутствие согласия по поводу реакции на положение [в Польше] между США и некоторыми их европейскими союзниками по НАТО» [Урал. рабочий, 1981, 16 дек.]. Словами телекомпании Си-Би-Эс говорилось о «в лучшем случае весьма прохладной» реакции в Западной Европе на американские санкции против ПНР [см.: Там же, 29 дек.]. Параллельно в печати традиционно подчеркивались разногласия, существующие среди европейских стран. В частности, акцентировалось внимание на проблемах стран Общего рынка: отсутствии единства среди их лидеров, росте безработицы, постоянных забастовках [см.: Под знаменем Ленина, 1982, 12, 20, 28 янв.; Урал. рабочий, 1981, 16 дек.]. Описывались факты критики действий руководства США самими американцами. К примеру, в «Известиях» было размещено письмо поляка, директора польско-американского союза против дискриминации, в котором выражалось несогласие с позицией Рейгана в польском вопросе: «мы, поляки, проживающие в США, возмущены вмешательством американских властей во внутренние дела нашей родины» [Известия, 1981, 17 дек.].

Многие западные страны не были заинтересованы в антисоветской экономической политике, поскольку торгово-экономические связи с СССР им были весьма выгодны. В свою очередь в условиях ведения войны в Афганистане и значительных трудностей в Польше Советский Союз старался наладить торговые отношения с Западом. Советская пресса отражала эту тенденцию. В центральной и региональной прессе подчеркивалось взаимовыгодное экономическое сотрудничество СССР со странами Запада, в частности с Францией, Австрией, ФРГ. В заметках говорилось о многочисленных долгосрочных контрактах, обмене специалистами [см.: Под знаменем Ленина, 1982, 5 янв.]. Параллельно в печати показывались кризисные явления в социально-экономической сфере США. Подробно анализировались неудачи президентства Р. Рейгана, причины провала «рейгономики», говорилось о свертывании социальных программ, притеснении по расовому признаку [см.: Вечерний Свердловск, 1981, 20, 25 нояб., 7 дек; Под знаменем Ленина, 1982, 6 янв.; Урал. рабочий, 1981, 29 дек.].

Пресса обращала внимание аудитории на то, с какой быстротой после введения военного положения происходила нормализация ситуации в Польше. Уже 15 декабря 1981 г. в информационной сводке «К положению в Польше» приводились слова представителя польского правительства: «в стране царит спокойствие, несравнимое с тем, что было в последние дни» [Известия, 1981, 15 дек.]. Каждый день газеты сообщали о сокращении забастовок, нормализации трудовой деятельности, положительных сдвигах в снабжении населения и т. д. Польша за неделю до введения военного положения и через неделю после этого события представляла собой на страницах советской печати две разные страны.

Показывая отношение польского населения к введению военного положения, газеты указывали, что подавляющее большинство восприняло введение чрезвычайных мер «как единственную возможность уберечь страну от катастрофы и восстановить законность» [Под знаменем Ленина, 1982, 5 янв.]. Согласно материалам прессы рабочие сами стали разгонять «Солидарность». Однако отдельные факты сопротивления действиям правительства упоминались. Собственные корреспонденты показывали, как польские граждане тепло относятся к своей армии, понимая, что военное положение и присутствие войск необходимо. Публиковались выдержки из писем поляков в газеты, в которых содержалась благодарность «воинам, исполнявшим свой долг» [Известия, 1982, 5 янв.]. С одной стороны, исследователи указывают, что население действительно восприняло положительно установление режима военного положения. С. Я. Лав-

ренов и И. М. Попов приводят примеры, когда рядовые граждане в холодную погоду несли солдатам и офицерам польской армии горячий чай и бутерброды [см.: Лавренов, Попов, с. 407].

С другой стороны, в работах встречаются и факты негативной реакции населения Польши на жесткую политику партии и правительства. В частности, Н. И. Бухарин указывает, что в связи с событиями 1980–1981 гг. в Польше резко ухудшилось отношение к советским людям и СССР в целом [см.: Бухарин, с. 106]. В воспоминаниях советского инженера, работавшего в Гданьске в период введения в Польше военного положения, указывалось: «Поляки, мои знакомые, избегают говорить, но только один-два одобряют введение военного положения. Остальные сожалеют, что, мол, “Солидарность” не стремилась к власти, короче, она хорошая» [Вычеров, с. 85]. Он также упоминает столкновения с милицией в Гданьске и других городах, использование слезоточивого газа для разгона митингов [см.: Там же]. Рассматривая литературную жизнь Польши в условиях политического и социально-экономического кризиса, В. А. Хорев подчеркивает, что введение военного положения в стране не остановило, а даже усилило деятельность подпольных издательств, вызвало творческий всплеск среди писателей, отвергавших официальные ценности и коммунистическую идеологию [см.: Хорев, с. 75–76].

Мнение советской общественности по поводу событий в Польше отражалось в прессе скупо и опосредованно. В заявлении ТАСС указывалось: «Советский народ желает польскому народу успешно решить стоящие перед страной задачи» [Труд, 1981, 15 дек.]. Ни отчетов с партийных собраний, посвященных польскому кризису, ни писем рядовых граждан по данной проблеме газеты не публиковали.

Таким образом, анализ газетной периодики позволил выделить следующие характерные черты освещения введения военного положения в Польше в 1981 г. Для информационной кампании не было характерно разнообразие жанров, почти полностью отсутствовали фотоиллюстрации. Основной формой подачи польского материала были информационные сообщения, в основном содержащие выступления польских политиков. Заголовки были однотипными. Центральные издания печатали одинаковый материал, редко прибегая к оригинальной информации своих собкоров. Региональная пресса перепечатывала материалы ТАСС, что обезличивало статьи, касающиеся ситуации в Польше. Фактически, кроме объема, отдаваемого под внешнеполитические материалы, разницы между изданиями Свердловской области не имелось. Это было серьезным отличием от информационных кампаний конца 1960-х – начала

1970-х гг., когда региональная пресса «имела свое лицо», подавала внешнеполитический материал с учетом местной специфики.

Введение военного положения руководством ПНР, согласно материалам советской прессы, являлось эффективным способом стабилизации ситуации в стране, быстро разрешило конфликт и позволило перейти к восстановлению экономики. В публикациях важнейшим элементом проблемы выступала внешняя угроза со стороны стран Запада, в особенности США. Внешний фактор объявлялся одной из причин введения военного положения.

В ходе информационного освещения введения военного положения в Польше газеты постоянно обращались к опыту конца 1960-х – начала 1970-х гг. В текстах и в заголовках статей звучала схожая лексика, происходило обсуждение аналогичных тем, обыгрывались знакомые сюжеты. Однако исходя из данных, приводимых исследователями и содержащимися в архивных документах, политическая атмосфера внутри советского руководства существенно отличалась от ситуации 1968 г. Идею вооруженного разрешения кризиса поддерживали немногие. Для Ю. В. Андропова, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова и других крупнейших советских руководителей вариант вооруженной интервенции являлся неприемлемым. В этих условиях использование при освещении польских событий схожих с 1968 г. доктринальных установок следует воспринимать скорее как имитацию, а не как их реальное отражение.

Бухарин Н. И. Отношения между Советским Союзом и Польской Народной Республикой (1944–1989 гг.) // Вопр. истории. 2007. № 10. С. 100–110.

Воронков В. И. События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади // Вопр. истории. 1995. № 10. С. 92–121.

Вычеров В. В. Польский дневник. 1981–1983 (Фрагменты) // Славяноведение. 2001. № 5. С. 82–107.

Дедков И. А. Дневник. 1953–1994. М., 2005.

Каменская Е. В. Международная информация в советской провинциальной газете: опыт «Тагильского рабочего» // VII Емельяновские чтения : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. В. Менщиков, Д. Н. Маслюженко. Курган, 2014. С. 112–114.

Каменская Е. В. Польский кризис 1980–1981 гг. в восприятии советских граждан: (на материалах Урала) // Внешнеполитические интересы России: история и современность : сб. материалов IV Поволжского науч. конгр. / отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара, 2017.

Лавренов С. Я., *Попов И. М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2005.

Москва держала свои войска наготове, если за «Солидарность» вступится НАТО // Солидарность. 2005. № 28 [Электронный ресурс]. URL: http://www.solidarnost.org/thems/uroki-istorii/uroki-istorii_2057.html (дата обращения: 02.03.2014).

Объедков А. С. Военное положение в Польской Народной Республике: отражение кризиса «социалистического содружества» в социально-политической сфере СССР // Вестн. СамГУ. 2010. № 5. С. 87–91.

Объедков А. С. Польские события 1980–1981 гг.: влияние «кризиса социализма» на советское руководство // Изв. Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13, № 3–1. С. 190–193.

Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998.

Польша в XX веке : Очерки политической истории. М., 2012.

Стыкалин А. С. Польский кризис 1980–1981 гг. и ситуация в Румынии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. № 8–2. С. 5–18.

Стыкалин А. С. Польский кризис 1980–1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе // Славяноведение. 2011. № 5. С. 52–67.

Хорев В. А. Литература и политическая борьба в Польше (1980–1981) // Славяноведение. 2011. № 5. С. 68–81.

Яжборовская И. С. Введение военного положения в Польше. Позиция советского руководства (1980–1981 годы) // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 120–142.

Яжборовская И. С., *Бухарин Н. И.* Эдвард Герек: от курса на социальную справедливость к экономическому кризису // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 164–186.

Правда. 1981.

Известия. 1981–1982.

Труд. 1981.

Красная звезда. 1981.

Совет. Россия. 1981.

Лит. газ. 1981.

Урал. рабочий. 1981.

Красный боец. 1981.

Вечерний Свердловск. 1981.

Тагил. рабочий. 1981.

Под знаменем Ленина. 1981–1982.

УДК 94(47).084.2+94(470)

А. В. Трофимов

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СМЕНА МИФОЛОГЕМ

В статье рассматривается взаимосвязь исторической политики с эволюцией мифологических представлений о Революции 1917 г. в научно-образовательном пространстве и общественном сознании современной России, а также некоторые аспекты исторической мифологии, существующие в границах «советского», «антисоветского», «постсоветского» дискурсов о Революции 1917 г. в России.

Ключевые слова: Революция 1917 г., историческая мифология, общественные представления.

Историческая мифология во все времена и во всех государствах является неизбежным следствием их существования и развития. Под мифами и мифологией сегодня понимают один из древнейших, опробованных временем типов социального кодирования, свойственных не только традиционному обществу, но и всем этапам развития человеческой цивилизации. Посредством исторической мифологии формируются идентификационные параметры социума, утверждаются культурные ценности, защищаются экономические интересы, транслируются социокультурные смыслы, распространяются идеи. При этом необходимо осознавать, почему те или иные мифологические конструкции востребованы в определенное время, и какую «идеологическую» нагрузку они несут, какие стереотипы восприятия создают и насколько соотносятся с историческими реалиями.

Мифы и историческая мифология нацелены на решение нескольких задач: самоидентификации общества (или нации) в мире, его отождествления с той или иной культурной, этнической или политической традицией; прогнозирования модели будущего нации путем выстраивания сюжета, по которому развиваются исторические события и воедино связываются прошлое, настоящее и будущее; ведения борьбы различных общественных и политических групп, направленной на утверждение собственной системы ценностей и дискредитации противников; исторические мифы часто используются властями для управления обществом, а смена мифологических моделей направляет массовое сознание в нужное в данный момент русло.

© Трофимов А. В., 2018

Скоординированные усилия в сфере исторического мифотворчества получили название «историческая политика», под которой понимают «непрерывное стимулирование обсуждения прошлого посредством различных форм его институционализации» [Траба]. Историческая политика многоаспектна, но основной ее тезис таков: «мы не можем оставить историю историкам, и память должна оставаться живой субстанцией любой политики» [Там же]. «Политика памяти – это любые намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или преодоление отдельных фрагментов общественной памяти» [Там же]. В современном глобальном мире историческая политика является важнейшим инструментом информационных войн.

К методам исторической политики относят, во-первых, создание специальных институтов, используемых для насаждения определенных трактовок прошлого, выгодных той или иной политической силе; во-вторых, политическое вмешательство в деятельность средств массовой информации; в-третьих, манипуляцию архивами; в-четвертых, разработку и использование новых мер контроля за деятельностью историков; в-пятых, политическое вмешательство в содержание учебников и программ преподавания. Общее для всех этих методов – использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты [см.: Историческая политика…, с. 17–19].

В современной России исторические мифы не только возродились и, как идеология в советское время, отвлекают от приближения к подлинной истории, но и образовали странные смешения дореволюционных, советских и постсоветских мифов. Они выполняют, как отмечает Г. А. Бордюгов [см.: Бордюгов, *б*], в первую очередь, функции поддержки, идентичности, ориентации, а также защиты и размежевания. Мифы способны смягчать удары кризисов, позволяют справляться со всеми противоречиями и сложностями реформ. Причем, как заметил Б. Н. Миронов [см.: Миронов, 2000], большинство мифов о России, как это ни парадоксально, не поднимает, а несправедливо унижает наше национальное достоинство. Он приводит некоторые из них: Россия была типичной колониальной империей, угнетавшей народы, входившие в ее состав; российское общество было закрытым; русские не знали самоуправления; крепостное право блокировало социально-экономическое развитие страны; в России правили не законы, а люди; государство и бюрократия не заботились об обществе и народе; все или почти все реформы были

несостоятельными; самодержавие в XVIII – начале XX в. являлось институтом, который мешал развитию страны; в судах царил произвол.

В Советском Союзе формирование представлений о феномене Революции 1917 г. происходило в русле государственной «исторической политики», важнейшим элементом которой являлось создание и поддержание в общественном сознании определенных мифологем. Причем, каждое десятилетие (юбилей Октября) использовалось как для легитимации российских революций, так и для мобилизации общества на быстрое продвижение к «светлому будущему». Так, первый десятилетний юбилей революции ознаменовался принятием первого пятилетнего плана, позволившего форсированно осуществить индустриальную модернизацию и изменить социальную структуру общества. 1937 г. стал временем массовых политических репрессий, смены элитного слоя, ликвидации «элементов», которые нарушали политическую и социальную гомогенность, «тормозили» процесс построения социализма. Впоследствии, сверяясь с «заветами» Октября, принималась новая Программа партии, провозгласившая построение коммунистического общества в обозримом будущем, происходил прорыв страны в космос, проводились «косыгинские» реформы, призванные кардинально поднять эффективность экономики страны, декларировались переход к общенародному государству, создание «новой исторической общности “советский народ”», построение «развитого социализма», «ускорение» и «перестройка». Юбилейные даты служили не только «духоподъемными» поводами, но и сопровождались размышлениями о причинах отклонений от первоначальных замыслов творцов революции, указанием на конкретное лицо или группу лиц, виноватых в этом [см.: Бордюгов, *а*].

В образовательном пространстве, при объяснении советского периода истории, феномен Революции 1917 г. также был в центре создания и разоблачения мифологических построений. В советском мифологическом «гранд-нарративе» логически скреплены представления о «царской России – тюрьме народов», закономерности происхождения революции, наличии предпосылок социалистической революции в России, о том, что «Россия – слабое звено в цепи империализма», в ней к началу 1917 г. существовал политический кризис, грозивший в любое время вылиться во всенародное восстание. Первая мировая война ускорила назревание революции. Хозяйственная разруха достигла катастрофических масштабов. Чаша народного терпения переполнилась. Произошел подъем народной борьбы, в котором большую роль сыграли большевики. Царизм и буржуазия стремились предотвратить революцию, но не смогли. В мифоло-

гический событийно-понятийный ряд входили: революционная ситуация, буржуазно-демократическая революция, образование Советов, двоевластие, кризисы Временного правительства, большевизация Советов, нарастание общенациональной катастрофы, подготовка большевиками вооруженного восстания, Второй Всероссийский съезд Советов, образование Советского правительства, социалистическая революция. Ключевая установка советского мифа о феномене 1917 г.: «Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным результатом всего предшествующего развития нашей страны, всего мирового исторического процесса» [Берхин, с. 134].

Исследователи отмечают, что Октябрьская революция служила мерилом истинности политической практики, при этом изначально выступала как главный советский миф, который невозможно проверить, но нужно принять. В общественном сознании Октябрьская революция была антитезой антикоммунизма [см.: Елисеева].

В 1990-е гг. «историческая политика» Российского государства способствовала утверждению в образовательном пространстве плюрализма (появились десятки учебников по истории). Акцент в объяснении исторических событий и явлений смещался на личность учителя-преподавателя, не свободного от политико-идеологических пристрастий. Концептуальное многоголосие современной историографии способствовало тому, что в процессе обучения формировались полярные («советские» – «антисоветские») мифологические представления о феномене 1917 г.: от «Великого Октября», «Великой российской революции» до «Второй Смуты» и «цивилизационной катастрофы». При этом обозначилась тенденция оскудения фактического запаса знаний у учащейся молодежи, размывания понимания конкретно-исторического содержания происходивших в 1917 г. событий. Автор многочисленных учебников по истории России А. А. Данилов полагает, что, отвечая на вопрос о том, является ли Революция 1917 г. или даже взятый отдельно Октябрь 1917 г. главным событием XX в., учащиеся сегодня чаще всего говорят так: да, 1917 г. был важным перепутьем не только в истории XX в., но и в нашей более чем 1150-летней истории. Но это было и время несбывшихся надежд, и обманутых общественных ожиданий [см.: Данилов, с. 116]. Такая оценка известного историка – скорее тоже своеобразный миф, призванный подтвердить эффективность существующего механизма трансляции исторических знаний. В реальности, в историческом сознании (или его суррогатных формах) значительной части современной молодежи существуют не связанные фрагменты и смутные представления о том, что же произошло

в России в 1917 г. Очевидно, что учебная литература не является сегодня достаточно релевантным источником формирования исторических представлений. Потоки мифологических откровений и «альтернативной» истории создают информационный шум, в котором порой теряются сигналы, идущие из образовательного пространства. Так, результаты исследования ВЦИОМ, проведенного в связи со 100-летием Революции 1917 г., показывают: только 11 % россиян знают, что большевики в октябре 1917 г. свергли Временное правительство (а не царя) [см.: Россияне путаются…].

При обращении к вопросу о причинах революции, ее исторической обусловленности выстраиваются различные мифологические конструкции. В современной публицистике, телевизионных передачах, на многих интернет-ресурсах причины революции в России нередко излагаются в духе теории заговора, активно эксплуатируется тема немецких или англо-американских денег, якобы сыгравших решающую роль в приходе большевиков к власти, события в Петрограде осенью 1917 г., которые, по выражению Дж. Рида, «потрясли мир», называются «октябрьским» или «большевистским» переворотом и т. п. [см.: Сыч, с. 108]. В художественных сериалах («Троцкий», «Демон революции»), вышедших на федеральных телеканалах в год столетия Революции 1917 г., ключевыми историческими фигурами являются Парвус, Ленин, Троцкий, выполняющие «внешний заказ» по развалу Российской империи. В медийном пространстве на смену «романтизации» исторических персоналий революционной эпохи, присущей «советскому» дискурсу, пришла их «карикатуризация» и «дьяволизация», что вполне созвучно популярным в начале XXI в. представлениям о необходимости ручного управления со стороны сильного лидера. Не менее популярны интерпретации исторических процессов, сводящие объяснения истоков Февральской революции к заговорщической деятельности масонов, а Октябрьского переворота – к заговорщической деятельности большевиков.

Причем, в определенной мере такие суждения коррелируются с дискуссиями, которые ведут профессиональные историки. Некоторые исследователи отрицают исторические закономерности, не видят причинно-следственные связи, сводя исторический процесс к хаосу и господству случая. Для М. А. Давыдова Революция 1917 г. – «трагическая случайность» [см.: Давыдов, с. 992]. Б. Н. Миронов считает, что «никакой объективной неизбежности и неотвратимости русской революции 1917 г. не существовало», называет Первую мировую войну главным фактором падения самодержавия в стране и роста социального расслоения, толкающего людей в революцию, подчеркивает, что конфликт традиции

и современности не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее возможность, ставшую реальностью в силу обстоятельств – трудностей военного времени и борьбы за власть между оппозицией и монархией [см.: Миронов, 2013, с. 113].

По мнению В. В. Согрина, Февральская и Октябрьская революции 1917 г. в России были исторически обусловлены. Февраль не смог решить задач, отвечавших чаяниям революционного народа, в первую очередь крестьянства, обратившегося, вопреки позиции Временного правительства, к самочинным захватам господской земли и присвоившего к кануну Октября 90 % дворянских угодий. Октябрь поддержал эту революцию низов. Большевики оказались более восприимчивы к чаяниям народа, и Октябрь вывел революцию на социалистический путь. В. К. Шацилло убежден, что Первая мировая война хотя и обострила существовавшие в стране социальные и экономические противоречия, но не была первопричиной русской революции. Ситуация, схожая с российской, а во многом и хуже, существовала в ведущих странах Антанты и у центральных держав, но им удалось при помощи адекватной политики не допустить революционного взрыва в своих странах. Царизм рухнул не в силу отдельных причин, связанных с перенапряжением в годы войны, а потому что к началу 1917 г. полусамодержавный строй безнадежно устарел и не мог решить ни одной из важнейших стоящих перед Россией проблем [см.: Русская революция..., с. 34, 41].

Главной причиной революции С. А. Нефедов называет мальтузианский кризис. Поскольку увеличение численности населения приводило к дроблению крестьянских наделов и уменьшению потребления до полуголодного уровня, то следствием явилась череда крестьянских восстаний, завершившаяся восстанием крестьян-солдат в Петрограде в феврале 1917 г. Он использует сведения о многочисленных крестьянских бунтах начала XX в., причиной которых был голод вследствие непропорционального распределения земли и доходов от экспорта продукции российского сельского хозяйства – так называемый голодный экспорт [см.: Нефедов].

Выявляя различные аспекты влияния революции на развитие России и мира, исследователи отмечают, что она выросла из объективной логики кризиса мировой системы капиталистического общества в капиталистической оболочке (Ю. А. Красин); «оказала огромное позитивное влияние на все последующее развитие страны, мира» [1917 год: круглый стол… Данилов]; «дала старт абсолютному большинству нынешних устоев в экономической, политической, правовой, культурной и идейной сферах... ее можно назвать первой революцией, опиравшейся на силу

новых коммуникативно-информационных технологий… Именно в революционном 1917 г. было положено начало окончательной делегитимации монархического строя, а также, как следствие, уничтожались правовые опоры сословного общества» [Яковенко]; в ней «сошлось и смешалось все – масса неразрешенных социальных, политических, экономических, национальных проблем: российский опыт народных движений и бунтов; ничему не обучающаяся власть; коммунистическая идеология как прямое следствие европейского Просвещения и как прямая причина последующего авторитарного режима; огромные жертвы на алтарь Гражданской войны, коллективизации и индустриализации; обезбоживание рука об руку с обожествлением» [см.: 1917 год: круглый стол... Кардамонов]; «революция глубоко трансформировала Россию и в социоэкономическом, и в политическом смысле. Цена этой трансформации огромна, больше, чем это было с другими революциями. Одним из последствий этой революции было установление нового типа диктатуры – первой тоталитарной диктатуры в истории. Идеологическая природа Советского государства (обещание победы коммунизма во всем мире) изменила природу международных отношений, придав им характер конфронтации между резко различавшимися проектами будущего мира» [1917 год: круглый стол...].

Проецируя опыт 1917 г. на историю России XX – начала XXI в., А. Н. Медушевский видит специфику Русской революции по сравнению с классическими европейскими в попытке единовременного решения трех проблем – перехода к демократии (гражданскому обществу), правовому государству и новому национально-территориальному устройству (федерализм). Эти три направления трансформации, соединенные в узком периоде времени и проходившие в экстремальных условиях Первой мировой войны, вступали в конфликт друг с другом и завершились коллапсом демократической системы, контуры которой начали оформляться в ходе Февральской революции. Он полагает, что большинство актуальных проблем постсоветского общества коренятся в нереализованности объективных целей Русской революции. *Во-первых*, она не решила проблему национальной идентичности и формирования гражданской нации. *Во-вторых*, революция, уничтожив формы частного права, насаждавшиеся в имперский период по образцу западных стран, не только не создала гарантий частной собственности как основы рыночной экономики, но и уничтожила созданные ранее. *В-третьих*, не было создано гражданское общество современного типа. Напротив, произошла ретрадиционализация общества, возвращение его в аморфное (атомизированное) состояние, деградация начал европейской культуры, подавление личности

(это видно на уровне как правовых понятий, так и русского языка, наиболее четко отразившего примитивизацию и огрубление общественного сознания). Секрет быстрого успеха большевистской революции заключается в том, что ее идеология соответствовала массовому сознанию доиндустриальной эпохи, причем распространение революции останавливалось именно там, где сознание было другим (это видно географически) [см.: Медушевский].

Изучая общество и революционные процессы, отмечает В. В. Дамье, необходимо «исходить не из того, кто стоял у власти и чего он хотел, а из того, что происходило “внизу”, что непосредственно делали живые люди и какие социальные процессы происходили… Те социальные преобразования, что осуществлялись непосредственно массами “снизу” и которые допустимо оценить как социалистические (создание институтов общественного самоуправления – Советов, рабочий контроль над предприятиями и рабочее управление ими, “общинная революция”, т. е. захват земли крестьянскими общинами, домовое и квартальное самоуправление и т. д.), развернулись отнюдь не в Октябре по приказу большевистского правительства. Они начались вскоре после Февраля “снизу” и в основном стихийно. Октябрь во многом стал их результатом и, в свою очередь, придал им дальнейший импульс. Такая низовая революционная инициатива уже с начала 1918 г. “гасилась” новыми большевистскими властями, но местами продержалась именно до 1921 г.» [цит. по: Русская революция..., с. 38–39]. Исследователь постулирует, что как социальная революция она потерпела поражение. Многие городские рабочие скоро осознали глубокое противоречие между своими самоуправленческими чаяниями и большевистской государственной централизацией. А сама история Великой российской революции 1917–1921 гг. не сводилась только к борьбе красных и белых или центра с периферией. В ходе нее происходил гигантский подъем массовых независимых социальных движений, эти движения, выдвигавшие радикальные требования, направленные по существу на углубление социального характера революции, подавлялись и белыми, и красными, и национальными властями «окраин» [см.: Русская революция…, с. 38–39].

В русле осмысления исторического опыта XX в. активизировалось изучение «красного», советского проекта, реализация которого началась в 1917 г. По мнению Л. Н. Мазур [см.: Мазур, с. 25], возникший в ходе революции 1917 г. советский проект «социалистического строительства», создания «идеального» общества, опирающийся на утопические представления о коммунизме, натолкнулся на объективные препятствия (естест-

венные границы) и в 1920–1930-е гг. неоднократно менялся, пытаясь приспособиться к внутренним закономерностям конструируемых социальных объектов и их системным характеристикам. Итоговую советскую модель общества автор рассматривает как компромиссный вариант, основанный на новом соотношении идей, стратегических и тактических целей, положенных в основу коммунистического проекта.

В контексте рассуждений о «закономерности» или «случайности» революции обратим внимание на позицию И. Г. Яковенко [см.: Яковенко], полагающего, что случайных революций не бывает, поскольку процессы, в которых участвуют миллионы людей, неизбежны и закономерны. Это объективный исторический процесс. При всей трагичности революций они принципиально неустранимы. В революциях находит свое разрешение конфликт между устойчивым структурным началом любого общества и универсальным императивом изменения. Ответственность за революции в большей степени лежит на элитах, которые располагают интеллектуальными и организационными ресурсами для понимания реальности, постижения логики истории и формирования вменяемой политики, но не обнаруживают способности перешагнуть идеологические барьеры и пожертвовать малым, чтобы спасти многое. И в меньшей степени – на широких народных массах, которые однажды отказываются терпеть и сметают «старый порядок».

По мнению И. К. Пантина, появилось целое направление ниспровергателей и обличителей Октябрьской революции [см.: Пантин]. Для них она – проявление «бесовщины», «выплеск первобытных варварских сил», «позорное пятно в российской истории» и т. п. Разумеется, в стране, прошедшей школу трех революций, непросто прославлять революцию и энергию масс, силой сломавшую старый порядок, тем более восхвалять сталинский режим, где насилие государства по отношению к народу было возведено в норму. Но критикуя эту практику, подчеркивает автор, нельзя не видеть, что в революции наш народ впервые в своей истории обрел субъектность – качество, без которого России было бы невозможно справиться с драматическими вызовами современности. И пусть самостоятельная воля народных масс оборачивалась насилием, подавить которое было под силу только якобинской организации, необходимой для успеха этой самодеятельности, именно субъектность масс, созданная революцией, позволила нашей стране сделать гигантский исторический рывок и позже выстоять в борьбе с фашизмом.

Об устойчивости мифологем при обращении граждан России к образу Революции 1917 г. свидетельствуют данные социологических

опросов. Соцопросы, проведенные Левада-Центром, показывают, что в 1990 г. 49 % респондентов полагали, что Октябрьская революция открыла новую эру в истории народов России и дала импульс их социальному и экономическому развитию, в 2005 г. такого мнения придерживались 58 %, в 2011 г. – более 50 % россиян. Такая позиция характерна для респондентов старше 55 лет, служащих и специалистов с низким и средним уровнем доходов. Для 40 % опрошенных в 1990 г. революция являлась катастрофой, затормозившей развитие народов России, в 2005 г. эта доля составляла 31 %. В 2017 г. 69 % россиян высказали мнение, что Октябрьская революция нанесла серьезный урон религии и Церкви, а также русскому крестьянству (48 %) и русской культуре (49 %). 34 % респондентов считают, что «России нужно двигаться вперед и не ворошить то, что происходило в 1917 году», а 44 % – что «нужно знать об этом периоде больше, чтобы не повторять ошибок прошлого». Еще 20 % уверены, что «изучение прошлого не приносит вреда, но в нынешней ситуации это не отвечает потребностям времени». Если бы Октябрьская революция происходила на их глазах, 33 % респондентов постарались бы переждать это время, не участвуя в событиях, а 14 % уехали бы за рубеж. При этом 28 % сказали, что поддержали бы большевиков, 8%, наоборот, боролись бы против них. Отвечая на вопрос, какой из деятелей времен революции вызывает у них наибольшую симпатию, 26 % респондентов назвали Владимира Ленина, 24 % – Иосифа Сталина, 16 % – Феликса Дзержинского, 10 % – Александра Колчака. Большинство россиян (59%) уверены, что в нынешней России невозможно повторение событий, подобных тем, которые произошли в 1917 г. Противоположного мнения придерживаются 28 % опрошенных, затруднились ответить 14 % [см.: Что принесла Октябрьская…; Ноябрьские праздники…; Неутешительные итоги…].

В ходе опроса ВЦИОМ в сентябре 2017 г. лишь 9 % смогли назвать годы Русско-японской войны (1904–1905), 7 % – Гражданской войны (1917–1922), почти 90 % респондентов полагают, что большевики свергли царя [см.: История страны].

В общественном сознании современной России представления о феномене 1917 г. сложились и сосуществуют в границах «советского», «антисоветского», «постсоветского» дискурсов, каждый из которых использует свои мифологемы. В «советский» дискурс встроено признание исторической правоты революции и революционеров и презумпции и виновности защитников старого режима. Для «антисоветского» дискурса характерна презумпция виновности заговорщиков-революционеров и сожаление о «России, которую мы потеряли».

Анализируя юбилейные тенденции (2017 г.) в освещении феномена 1917 г. исследователи [см.: Андреев, Бордюгов] отмечают, что актуализация исторического опыта революции связана с поиском общих мест в исторической памяти для примирения российского социума. Для этого необходимо «объединение исторического сообщества на основе общих подходов к предстоящей годовщине», путем достижения большей исторической объективности в освещении событий столетней давности. В современных публикациях подчеркивается органичность революционных событий 1917 г. историческому пути России, особенностям ее цивилизационного развития, говорится о Великой Российской Революции как об едином процессе, захватившем продолжительный период времени, подчеркивается, что без 1917 г. не было бы «грандиозного исторического проекта», в результате которого «было создано мощное государство, ставшее преемником исторической России, организатором своеобразной модернизации» [Там же]. Обострилось общественное внимание к вопросам цены великого социального эксперимента, его преждевременности, способности модели государственного устройства, созданной после распада СССР, конкурировать с советским проектом.

На форуме ученых-гуманитариев «Социокультурная и эстетическая рефлексия Октябрьской революции 1917 г.» Е. Чернышева отметила, что «в год столетия революции ее отголоски находят все новые и новые формы актуализации в обществе и культуре, несмотря на глобальные исторические изменения, происшедшие за это время. Память о революции важна и как предостережение, и как урок, и как опыт невиданных социально-культурных практик… Важно помнить и энтузиазм масс, и трагедии “осевого времени”, обратившись к периоду в истории человечества, во время которого на смену мифологическому пришло рациональное мировоззрение, сформировавшее сегодняшний тип человека. Она напомнила, что революция привела к созданию выдающихся произведений искусства, раскрепощению женщин, проведению образовательных реформ [см.: Событиям Октябрьской…].

В то же время в современной историографии акцентируется внимание на трагических последствиях 1917 г. для российской цивилизации, отмечается, что в ходе революции «Русская православная церковь, хребет русской государственности, была уничтожена как класс», при этом «били не по священникам, а по церкви как по институту государственной власти» [Там же].

Еще одна тенденция – попытки извлечения исторического опыта, поиск исторических параллелей между 1917 и 1991 гг. Констатируется,

что Россия в XX в. исчерпала «лимит на революции» и вместе с тем выражается сомнение в том, что на волне празднования юбилея «будет найден некий компромисс и достигнуто некоторое примирение с тем, что касается исторических событий столетней давности» [Событиям Октябрьской…].

В юбилейный 2017 г. в историческом сообществе обозначилось стремление формирования консенсусного представления в обществе о событиях столетней давности. Председатель Российского исторического общества С. Е. Нарышкин подчеркнул, что с начала 2017 г. прошло большое количество мероприятий, реализовано много проектов, посвященных столетию революционных событий, в ходе которых осмысливались причины, итоги и значение Революции 1917 г. Он отметил, что организаторы мероприятий, которые уже прошли и которые запланированы до конца года, придерживаются позиции о необходимости очень деликатного и взвешенного отношения к анализу причин и итогов Революции 1917 г. и уважительного отношения к исторической памяти. Директор Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) А. К. Сорокин подчеркнул, что массовую аудиторию необходимо побуждать к изучению истории. По его словам, на данный момент это главная задача профессионального исторического сообщества. Он предложил поддержать идею о создании и развитии портала Российского исторического общества. «Нужна агрегирующая площадка в стране, на которой будет выложено аутентичное, адекватное историческое знание, к которому все интересующиеся могут обратиться. Это станет, извините за неполиткорректность, инструментом принуждения общественного сознания к объективному знанию, чего нам всем не хватает» [см.: Второе заседание…].

Удастся ли реализовать такой подход, и каким образом он повлияет на общественные представления о феномене Революции 1917 г., покажет, очевидно, следующий юбилей.

Андреев Д. А., *Бордюгов Г. А.* Процесс пошел: определились основные идеологические тенденции юбилейного года // Гефтер [Электронный ресурс]. URL : http://gefter.ru/archive/21178 (дата обращения: 31.05 2017).

Берхин И. Б. История СССР. 1917–1978. М., 1979.

Бордюгов Г. А., *а.* Нельзя уменьшать значение Революции 1917 года // АИРО-XXI [Электронный ресурс]. URL : http://www.airo-xxi.ru/home/the-news/2361–1917 (дата обращения: 18.10 2017).

Бордюгов Г. А., *б.* Современное российское историознание: основные черты и тенденции [Электронный ресурс]. URL : http://www.airo-xxi.ru/gb/lekcii/lekcii01.htm (дата обращения: 18.10 2017).

Второе заседание Оргкомитета, посвященное 100-летию Революции 1917 г. // Российское историческое общество [Электронный ресурс]. URL : http://rushistory.org/proekty/100-letie-revolyutsii-1917-goda/vtoroe-zasedanie-orgkomiteta-posvyashchennoe-100-letiyu-revolyutsii-1917-g.html (дата обращения: 17.10.2017).

Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны. СПб., 2016.

Данилов А. А. Осмысление места и роли революции 1917 года в истории России современной учащейся молодежью // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. (к 95-летию Февраля-Октября 1917 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2012. С. 108–117.

Елисеева Н. Революция как реформаторская стратегия перестройки СССР: 1985–1991 годы [Электронный ресурс]. URL : http://gefter.ru/archive/7823 (дата обращения: 08.09.2016).

Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А. Миллера. М., 2012.

История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд» // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL : https:// wciom.ru/index.php?id=236&uid=116396 (дата обращения: 27.11.2017).

1917 год: революция и современность : круглый стол // Социс. 2017. № 9. С. 22–39.

Мазур Л. Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. С. 7–29.

Медушевский А. Н. Понять Русскую революцию: идеология, институты и формы социальной мобилизации в XX веке // Социс. 2017. № 4. С. 99–102.

Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 106–115.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). СПб., 2000. Т. 1.

Нефедов С. А. Русская революция – трагическая случайность? // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 96–106.

Неутешительные итоги социологического опроса об отношении к большевистской революции // Русская стратегия [Электронный ресурс]. URL: http://rys-strategia.ru/news/2017-04-06-2899 (дата обращения: 30.11 2017).

Ноябрьские праздники: а что отмечаем? // Правда. Ру [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravda.ru/society/fashion/couture/03-11-2011/1097518-revolucion-0/# (дата обращения: 08.09.2016).

Пантин И. К. Революция и насилие (в защиту исторического подхода к оценке Октябрьской революции) // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 140–155.

Россияне путаются в датах и личностях // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3409875 (дата обращения: 18.10 2017).

Русская революция и мировая история // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 34–46.

Событиям Октябрьской революции 1917 года посвящен форум в Лондоне // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/obschestvo/4591861 (дата обращения: 17.10.2017).

Сыч А. И. Октябрь 1917 года: переворот или революция? // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2008. № 1–4. С. 108–120.

Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Полит.ру [Электронный ресурс]. URL: http://polit.ru/article/2010/02/03/traba/ (дата обращения: 18.10 2017).

Что принесла Октябрьская революция?.. // Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/2004/11/08/chto-prinesla-oktyabrskaya-revolyutsiya/ (дата обращения: 16.09.2016).

Яковенко И. Г. Мышление революцией // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 87–96.

УДК 94(47).084.3/.084.6:378 М. А. Славко

ОЦЕНКА СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ: НА МАТЕРИАЛАХ ИГР ЖИВОГО ДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена источникам, позволяющим оценить восприятие современным обществом истории Гражданской войны в России через ролевые игры живого действия. В ней рассматриваются наиболее значимые проекты, посвященные Гражданской войне, которые были осуществлены в последние годы в рамках российского движения ролевых игр, дается анализ постигровых материалов.

Ключевые слова: ролевые игры живого действия, источники, Гражданская война в России, восприятие истории.

В современном российском обществе как никогда назрел вопрос знания и понимания собственной истории не только научными кругами или в рамках школьного и вузовского обучения, но и различными социальными слоями и группами населения. Для более полного и объективного восприятия истории используются как классические методы познания, так и такие нововведения, как, например, ролевые игры живого действия.

Ролевые игры живого действия – это процесс, участники которого существуют и взаимодействуют в рамках выбранных ими ролей, руководствуясь характером персонажа, его логикой и правилами игрового пространства. Ролевые игры могут выступать как современное искусство, развлечение, хобби, быть площадкой для диалога, способом самопозна-

© Славко М. А., 2018

ния и др. [см.: Первый раз…]. Игровое пространство может базироваться не только на вымышленных мирах, но и брать за основу различные периоды реальной человеческой истории. Игра всегда проводится по определенным правилам, которые структурируют отыгрываемый мир, моделируют те или иные процессы, регулируют отношения между участниками. Создателей и организаторов игры живого действия называют мастерами (мастерской группой), а непосредственных участников – игроками.

В последнее время ролевые игры живого действия все больше включаются в процесс образования, в том числе и исторического. Они рекомендованы для использования на уроках истории в школах и вузах, так как игра сочетает в себе эмоциональный и рациональный виды познавательной деятельности, позволяет пережить сложный эмоциональный опыт, погрузиться в иную социокультурную среду, мотивирует освоить дополнительный материал. Одной из целей ролевой игры в рамках уроков истории ставится «создание игрового состояния, специфического эмоционального отношения к исторической действительности» [см.: Ролевые игры...].

Как хобби и вид искусства ролевые игры живого действия распространены на всей территории России, а также ближнего и дальнего зарубежья. Несмотря на то, что зародились они на Западе, в нашей стране на данном этапе представлен наиболее широкий диапазон жанров, подходов и форматов к ролевым играм живого действия [см.: Первый раз…]. Участниками игр являются представители самых разных возрастных групп, хотя наибольшее количество – это молодежь и люди среднего возраста (до 45 лет). Большинство из них имеют высшее образование, многие работают в сферах, связанных с творчеством, созданием и обработкой информации, занимаются информационными технологиями, менеджментом, образованием, наукой и т. д.

Игры на историческую тематику начали проводиться с самого раннего периода деятельности ролевого сообщества в России, который пришелся на начало 1990-х гг. Это были игры, затрагивающие значимые исторические события, например, игра «Осада Монсегюра» (1994, Екатеринбург) посвящена Альбигойским войнам 1209–1229 гг.; история конкретных стран и регионов, например, «Волки Одина» (1998, Санкт-Петербург), базировалась на моделировании Северной Европы X в. и т. д. Следует отметить, что игры данного периоды были посвящены прежде всего Средневековью как историческому периоду. К концу 1990-х гг. тематика исторических игр постепенно становится шире, они начинают захватывать более древние (например, Античность) и более поздние (Новое время) периоды.

В начале 2000-х гг. у ролевиков постепенно просыпается интерес к российской истории Нового и Новейшего времени, в том числе периоду революций 1905 и 1917 гг. и Гражданской войны. Начиная с этого момента, было реализовано несколько больших (более 300 участников) и малых (до 50 человек) проектов, посвященных этим историческим событиям.

Среди проектов следует отметить прежде всего игры, затрагивающие период 1919–1921 гг.: «На той Гражданской» 2008 г. и «Красный террор в Петрограде» 2017 г. Обе игры входили в серию игр, посвященных предреволюционному и революционному периодам истории России. «На той Гражданской» была частью игрового проекта-дилогии «Ушедшая Россия. 1913, 1919» (игры проводились в 2007 и 2008 гг.), а «Красный террор» – серии игр «Сны о Революции», включающей четыре уже прошедшие за 2015–2017 гг. игры и четыре запланированные, среди которых «Красный террор» была самой крупной [см.: Журн. belyi_sneg]. Их создатели-мастера не ставили своей целью точную реконструкцию событий, для них было важно отражение эпохи, характеров и конфликтов того времени. Специально планировалась сериальная последовательность игр. В дилогии «Ушедшая Россия» первая игра отражала время до революции, а последующая – после. В рамках проекта «Сны о Революции» первая игра называлась «Корниловский мятеж», а последняя – «НЭП. 1925», что примерно определяет временной период всей серии. Делалось это для того, чтобы лучше осознать переломность, непохожесть и трагичность разных, не так далеко отстоящих друг от друга периодов.

Поднимая столь сложные и до сих пор неоднозначные для российского общества темы, мастера ставили следующие задачи. Прежде всего, это попытка «...взглянуть на этот период... с позиции простых граждан, обычных людей. Их жизни не вошли в историю, но отнюдь не потому, что были менее трудными и драматичными. Именно поэтому места, где произойдут события наших игр, удалены от основных центров “великих свершений”, а среди действующих лиц не будет ни одного персонажа, хоть сколько-нибудь известного историкам» [см.: Проект…]. Кроме того, это попытка проникнуть в историю, исследовать, ознакомиться с разными точками зрения, понимать их или хотя бы стремиться к этому. Как следует, например, из отзыва одного из мастеров: «Гражданская война – время большой боли. Время выбора. Время перелома. Мне невыносимо хочется понять людей, которые жили и делали свой выбор в тех обстоятельствах» [см.: Отзыв мастера]. Формат ролевой игры подходит для реализации таких задач наилучшим образом, так как позволяет поднимать непрос-

тые проблемы в контролируемом пространстве игры, ставить человека перед выбором в конкретных игровых ситуациях, помогает вжиться в реалии прошлого.

Для анализа итогов игры, ее последствий и воздействия на участников следует привлечь в качестве источника материалы послеигровых отчетов (отзывов). Эти документы обычно выкладываются на сайте, посвященном конкретной игре, в ее сообществах в социальных сетях, ролевых форумах, личных блогах игроков и других тематических интернет-ресурсах. Отчеты бывают нескольких разновидностей – отчеты членов мастерской группы, отчеты игроков и отчеты от имени персонажей. По обеим играм опубликовано на сайте игры [см.: Постигровое] и в тематических сообществах в социальных сетях (по соответствующему тегу) [см.: Сны о Революции] некоторое количество отчетов их участников.

Отчеты членов мастерской группы обычно посвящены целям и замыслам игры и тому, как они реализовались. Также там содержатся благодарности коллегам и игрокам, принявшим участие в проекте. Зачастую упоминаются те или иные проблемы, возникавшие на этапе подготовки и при проведении игры. Мастерские отчеты могут использоваться как источник для изучения процесса построения игры. Они отражают первоначальный замысел мастеров и его практическое воплощение в игре.

Следует отметить, что в рамках ролевой игры живого действия принято разделять игрока и персонажа. И хотя грань эта зачастую является трудноопределимой, отчеты игроков и отчеты игрока от имени персонажа являются отдельными разновидностями данного источника. В некоторых случаях игрок может считать действия своего персонажа неэтичными или эгоистичными, он может говорить о том, что поступки, мнения и ценности персонажа могут отличаться от тех, которых придерживался бы в подобной ситуации игрок. Как указано в одном из постигровых отчетов: «Когда мы придумываем себе вводные истории персонажей, мы часто специально закладываем в них конфликты, ситуации сложного морального выбора, драматические переживания» [Неигровые мысли...].

Отчеты персонажей больше относятся к литературным произведениям, написанным в жанре мемуаристики от имени персонажа, которого исполнял игрок, и того, что с этим персонажем происходило. Они могут быть стилизованы под язык персонажа или под тот или иной литературный жанр (воспоминания, эссе, стихи и т. д.). Данные источники представляют ценность для исследований в области филологии, лингвистики, психологии и т. д. Также они могут выступать в качестве иллюстративного материала, дополняющего другие источники.

В отзывах игроков содержится хронология игровых событий, знаковые для игрока происшествия, впечатления и переживания, благодарности, адресованные мастерам и другим игрокам. Все это позволяет исследовать целый пласт проблем различного характера. Кроме того, в постигровых отчетах излагаются претензии к мастерам и другим игрокам, высказывается мнение по тем или иным вопросам, описываются проблемы, возникшие как с точки зрения игрового пространства, так и по управлению игрой. В отчете О. С. Лутина, написанном после игры «Красный террор», подробно рассмотрены такие аспекты игры, как административно-хозяйственное обеспечение игры, правила, сюжет игры и работа с игроками со стороны мастеров [см.: Лутин].

Как вид источника отчеты с игр появились вместе с самими играми. Первоначально они носили устный характер, передавались в устном общении внутри групп на встречах или на межгрупповых мероприятиях. По мере развития письменной культуры ролевого сообщества (появление разовых печатных листков и регулярной прессы, посвященной ролевым играм) отчеты стали фиксироваться в письменном виде. Уже с первой официальной игры – «Хоббитские игрища», прошедшей в 1990 г., остались отчеты участников [см.: Кучма]. Отчеты от имени персонажа в тот период носили весьма причудливые формы, зачастую превращаясь в отдельные литературные произведения.

С появлением сети Фидо отчеты стали публиковаться в электронных конференциях (чатах), посвященных ролевым играм. Это расширило возможности для распространения постигровых отчетов, что в том числе послужило одним из средств продвижения ролевых игр живого действия и ролевого движения в целом.

С появлением широкого доступа в интернет послеигровые отчеты окончательно переходят в электронную форму. Они публикуются на форумах, посвященных той или иной игре, на тематических ресурсах. На сайтах, форумах и сообществах в социальных сетях создаются специальные темы, предназначенные для выкладывания послеигровых отчетов. Предусматривается возможность комментирования со стороны мастеров и других игроков, и обсуждение игровых и организационных вопросов вызывает дискуссии. Например, на сайте игры «На той Гражданской» есть раздел «Постигровое», где размещены по подразделам «Отчеты персонажей», «Отчеты игроков», «Отзывы об игре» (содержащий отчеты игроков, изложенные в более краткой форме), «Творчество персонажей и документы с игры» и «Фотографии с игры» [см.: Постигровое].

Несмотря на то, что отчеты от имени персонажей являются историческими источниками, в которых происходит субъективное отражение моделируемой реальности, с их помощью можно исследовать в том числе явления объективного мира. Например, насколько игрок отделяет собственную личность от субличности персонажа, какие события для него имели наибольшее значение и почему. Отдельным вопросом является анализ языковых и стилистических особенностей отчетов от имени персонажа. В основном они представлены в форме прозаических текстов (мемуары, дневники, записки и т. д.), реже – в виде стихов. Например, отчет от имени персонажа «Ольга Лаговская (сестра милосердия, агент белых)» был написан в виде письма неизвестному другу, отчет «Елены Валенской (владелицы газеты “Глас Державина” и агента красных)» – в форме литературных записок, а «Екатерины Волковой (сотрудница редакции газеты “Глас Державина”)» – в виде дневника [см.: Постигровое].

Как и у любого источника цифрового происхождения, у отчетов остро стоит проблема сохранности. Многие отчеты публикуются в рамках личных блогов, и если журнал удаляется, то пропадают в том числе записи, содержащие отзывы по той или иной игре. Большая сохранность обеспечивается, если тексты отчетов выкладываются непосредственно в сообщество игры. Однако в этом случае могут возникнуть вопросы с доступностью, так как вход в сообщество в социальной сети и возможность чтения документов могут быть ограничены администраторами ресурса. Еще одной проблемой является сам поиск нужной информации. Использование поисковых систем сети интернет тут ограничено, поскольку не все тексты отзывов могут индексироваться и включаться в результаты.

Довольно часто отзывы игроков пишутся «по горячим следам» и содержат только отрывочную эмоциональную информацию и благодарности. Обычно такой отзыв заканчивается обещанием позже опубликовать более подробный и логически выверенный отчет. Однако значительная часть игроков других отчетов впоследствии так и не выкладывает.

Для выявления степени воздействия игры на восприятие истории конкретным участником в наибольшей степени подходят отзывы игроков.

В ряде отчетов звучала тема страха перед Гражданской войной как социальным явлением: «Ужасно знать, что люди, с которыми ты встречалась на улицах, которым ты улыбалась, которых ты расспрашивала о чем-то, среди которых ты жила, могут быть в той или иной степени причастны к смерти твоих близких» [см.: Айквен]. Некоторые писали о трагедии разрушения прежнего мира и причинах неудач по его спасению: «Мы не могли победить. Когда на руководящих постах находятся

анархисты, изменники, да и просто пофигисты – шансов нет... Невзирая на личный героизм отдельных представителей этого общества, что есть сил пытающихся заткнуть пробоины в корабле... Все было так, поскольку иначе быть не могло» [см.: Гражданка].

Немаловажным фактором является и то, что игрокам приходилось отыгрывать персонажей, находящихся по разные стороны баррикад. В проекте «Ушедшая Россия» это подчеркивалось еще и тем, что на игре были представлены два города, один из которых находился под властью красных, а второй – белых. Сюда же относится и трагедия предательства, разочарование в идеалах и другие моральные дилеммы, которые приходилось решать в рамках ролевой игры. Это особенно ярко отражено в отчете от имени персонажа «Маруся Алексеева», где показана ее судьба, сложившаяся за две игры серии «Ушедшая Россия» [см.: Маруся Алексеева], по накалу сравнимая с художественной прозой, но отражающая события, произошедшие на игре.

Практически в каждом отчете, посвященном играм по Гражданской войне, отмечается ценность прикосновения к истории своей страны, проживания судьбы конкретного человека того времени, знакомство с историческими трудами и источниками. Например, «“Красный террор” стал историей, длиною в жизнь, пройдя которую я многое понял про самого себя и мое отношение к тем судьбоносным для нашей страны временам» [см.: Бойко], «Игра была невероятно ценна для меня возможностью (и мотивом) прикоснуться к истории. Я к этой игре прочитала много всякого, и было очень круто, что многие реалии нашли в игре свое отражение» [см.: На то особый отдел...].

В рамках ролевой игры можно говорить прежде всего про осознание эгоистории, истории отдельного человека, его восприятия всего происходящего вокруг. Контролируемый мир игры смягчает и в определенной степени идеализирует окружающую реальность, поскольку все участники осознают условность и временность созданного ими мира. Тем не менее, воссоздание этого исторического периода оставляет значимый психологический след. По словам одного из мастеров: «Игра вышла не такой, какой была изначально в моей голове. Не про террор правящей власти, а скорее про то, как все было на самом деле, как жили люди в сломавшемся мире – а сломался он для всех – как с воодушевлением одни строили новое, другие старались выжить, а третьи уходили вслед за исчезнувшей Россией» [см.: Слово Главмастера].

Таким образом, материалы ролевых игр живого действия, посвященные периоду Гражданской войны, позволяют более полно и объективно

воспринимать исторические процессы на уровне микроистории и эгоистории, чувствовать причастность к прошлому своей страны, ощущать преемственность с утерянными поколениями.

Айквен. О «Той Гражданской» // Савешник [Электронный ресурс]. URL: http://aicwen.livejournal.com/326349.html (дата обращения: 20.02.2018).

Бойко А. Третий закон Ньютона // Сны о Революции [Электронный ресурс]. URL: http://belyj-sneg.livejournal.com/87312.html (дата обращения: 20.02.2018).

Гражданка // Tengwë Laellinwa [Электронный ресурс]. URL: http://laellin.livejournal.com/202835.html (дата обращения: 21.02.2018).

Журн. belyi_sneg [Электронный ресурс]. URL: https://belyj-sneg.livejournal.com/profile (дата обращения: 21.02.2018).

Кучма Е. (Азог, Балрог-90). Правда о Великой битве // Архивы Минас-Тирита [Электронный ресурс]. URL: http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/games/xi90/azog90.txt (дата обращения: 21.02.2018).

Лутин О. С. Товарищ Фролов // allrpg.info/ [Электронный ресурс]. URL: https://www.allrpg.info/report/769/ (дата обращения: 22.02.2018).

Маруся Алексеева (чекистка) // На той Гражданской [Электронный ресурс]. URL: http://cwar.holdgold.ru/page.php?id=177 (дата обращения: 21.02.2018).

На то особый отдел... // Графомана кусок [Электронный ресурс]. URL: http://r-ray.livejournal.com/688762.html (дата обращения: 20.02.2018).

Неигровые мысли и способы // Мастерская группа «Hold & Gold» [Электронный ресурс]. URL: https://hold-gold.livejournal.com/62066.html (дата обращения: 20.02.2018).

Первый раз на игру? // Ролевые игры живого действия [Электронный ресурс]. URL: http://www.rpg.ru/newb/ (дата обращения: 20.02.2018).

Постигровое // На той Гражданской [Электронный ресурс]. URL: http://cwar.holdgold.ru/page.php?id=159/ (дата обращения: 21.02.2018).

Проект «Ушедшая Россия» // Мастерская группа Hold&Gold [Электронный ресурс]. URL: http://holdgold.ru/russia/concept.html/ (дата обращения: 12.02.2018).

Ролевые игры на уроках истории как средство приобщения учащихся к культуре разных исторических эпох // kopilkaurokov.ru – сайт для учителей. URL: https://kopilkaurokov.ru/istoriya/prochee/rolievyie-ighry-na-urokakh-istorii-kak-sriedstvo-priobshchieniia-uchashchikhsia-k-kul-turie-raznykh-istorichieskikh-epokh/ (дата обращения: 12.02.2018).

Слово Главмастера // Сны о Революции [Электронный ресурс]. URL: http://belyj-sneg.livejournal.com/90436.html?utm_source=vksharing&utm_medium=social (дата обращения: 12.02.2018).

Сны о Революции [Электронный ресурс]. URL: https://belyj-sneg.livejournal.com (дата обращения: 21.02.2018).

Отзыв мастера // Сны о Революции [Электронный ресурс]. URL: http://belyj-sneg.livejournal.com/90135.html (дата обращения: 24.02.2018).

Раздел 6
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ И АРХИВНОГО ДЕЛА

УДК 94(470.5).05/.083:930.25

С. И. Цеменкова

АРХИВОВЕДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГОРНОГО ДЕЛА РОССИИ И УРАЛА в XVIII – начале XX в.

В статье затрагиваются вопросы особенностей архивоведческой практики, сложившейся в деятельности «архивов Управления» в XVIII – начале XX в. Рассматриваются вопросы формирования фондов архива Уральского горного управления, проблема обеспечения сохранности и использования документов в нем. Выделяется специфика организации архивного дела в системе горного управления, отмечается внимание к проблеме хранения архивных документов со стороны горного начальства.

Ключевые слова: история архивного дела на Урале, горные архивы, архив Уральского горного управления, Екатеринбургский заводской архив, история обеспечения сохранности архивных документов.

Горнозаводские архивы – особое явление в системе архивного дела России XVIII – начала XX в. Возникая изначально как сложные комплексы управленческой и научно-технической документации, эти архивы на сегодняшний день представляют собой уникальные комплексы дел, отражающих не только историю промышленного освоения региона, но и историю многих сторон жизни и деятельности населения Среднего Урала.

Один из крупнейших горнозаводских архивов – архив Уральского горного управления – ведет свою историю с первой четверти XVIII в., когда сформировалась и утвердилась на Среднем Урале, с центром в молодом Екатеринбурге, горная власть во главе с главным командиром и подведомственной ему канцелярией.

© Цеменкова С. И., 2017

Как отмечала Т. И. Хорхордина «…архивные фонды как объективная субстанция, т. е. органически целостные образования, включались в субъективную сферу централизованного выявления, комплектования, систематизации, классификации и хранения документов, а также организации процессов их использования и управления ими. Активная роль при таком подходе отводится государству и его специализированным структурам» [Хорхордина, с. 9].

Справедливо это замечание и для архива Уральского горного управления, который изначально являлся архивом регионально-отраслевого органа государственного управления. В дореволюционный период для архивов таких учреждений, как Уральское горное управление, существовало особое наименование – «горный архив». Горнозаводскими эти архивы стали называть в XX в. [см., напр.: Буткова, Ромме, Черноухов, с. 113]. В XIX столетии архивов такого уровня в России было 10: Московского горного управления (1806–1865), Уральского горного управления (1806–1919), Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного управления (1828–1883), Нерчинского горного управления (1838–1918), Кавказского горного управления в г. Тифлисе (1887–1918), Томского горного управления (1888–1919), Иркутского горного управления (1888–1919), Горного управления Южной России в г. Екатеринославле (1891–1917) [см.: Лоранский, с. 153, 154, 159, 164], Западного горного управления в г. Сухнев Калужской области (1895–1917) и Юго-Восточного горного управления в г. Новочеркасске (1900–1917) [см.: Зубков, Корепанов, Побережников и др., с. 298].

Состав и содержание таких архивов формировались в прямой зависимости от функций, которые были возложены на горную администрацию. Этот момент и определяет богатство и разнообразие дел и документов, хранящихся в горнозаводских архивах дореволюционной России и, в частности, в архиве Уральского горного управления.

Надо заметить, что горные архивы сложились не только в деятельности центральных горных управлений, но и в деятельности заводских контор, а в XIX в. – и в деятельности горных округов. К концу XIX – началу XX в. на Среднем Урале было порядка 150 горнозаводских архивов разных уровней, из них около 28 принадлежали казне. Таким образом, для нашего региона горнозаводской архив был одним из основных видов архивохранилища.

Общий обширный и разнообразный информационный ресурс архива Уральского горного управления объясняется положением фондообразователя в системе власти и управления. С момента своего создания

Уральское горное управление являлось распорядительным учреждением автономного типа. Формально управление являлось региональным органом управления горного ведомства Российской империи. Реальные же его функции и властные полномочия, как регламентированные, так и «не писанные», были сравнимы с губернскими структурами. Глава Уральского горного управления (исключая периоды 1781–1797, 1802–1807 и отчасти 1811–1826 гг.) на подведомственной территории имел полномочия губернатора. До 1868 г. управление вело собственное судопроизводство, а до 1869 г. формировало собственные военные и полицейские части. После 1886 г., избавившись на 2/3 от прежних административных и судебных функций, оно сохранило статус регионального органа власти «надгубернского» типа. В итоге в архиве Уральского горного управления сформировался уникальный комплекс документов, содержащий информацию по широкому спектру вопросов горнозаводского управления, истории горно-металлургической промышленности и в целом региона, формировавшийся на протяжении нескольких исторических эпох на обширной, крайне неоднородной территории.

В начале XX в. архив Уральского горного управления был одним из крупнейших горнозаводских хранилищ России. Согласно «Ведомости о числе дел, находящихся на хранении в архиве Уральского горного управления…», составленной на 25 апреля 1916 г., вся совокупность находящихся здесь документов составляла 45 описей. Это дела канцелярии самого управления, канцелярии горного начальника, канцелярии прокурора, военного суда, канцелярии главного лесничего, строительного комитета, уральского горного училища и пр. Всего – 161 013 ед. хр. [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 18, д. 5909, л. 3–3 об., 6]. Причем перечислены только комплексы документов, созданные преимущественно в XIX столетии. Необходимо отметить, что в первой половине XIX в. бумаги горного ведомства за XVIII в. были обособлены в Екатеринбургском заводском архиве (24 описи), для которого было построено собственное помещение. В этом архиве на 1906 г. насчитывалось 24 описи общей численностью в 141 442 ед. хр. [см.: Там же, д. 6111, л. 5–7]. Эти два архива – по сути дела единый комплекс – в конце XIX в. называли «архивы Управления».

Основной комплекс дел, созданных в деятельности архива Уральского горного управления в XVIII – начале XX в., вошел в состав современных ф. 24 и 25 ГАСО. Кроме того, часть документов этого архива (и довольно значимая) составляет на сегодняшний день описи: 43 – «Канцелярия Главного начальника уральских горных заводов», 55 – «Главный лесничий

уральских горных заводов», 57 – «Военный суд при Уральском горном правлении и Екатеринбургских горных заводах», 58 – «Прокурор Уральского горного правления», 59 – «Чертежная Уральского горного управления», 93 – «Уральское горное училище», 120 – «Горный ревизор частных промыслов Пермской губернии» и пр.

Особая черта «архивной традиции» архива Уральского горного управления – богатейший информационный потенциал хранилища, которое сосредоточило в своих фондах документы, отражающие историю управления горнозаводской промышленностью Урала, становление горнодобывающего и металлургического комплексов, развитие технической мысли, изобретений и открытий. Помимо этого, в архиве были сосредоточены сведения о развитии системы медицинского обслуживания и образовательных учреждений Екатеринбурга и Урала, здесь же можно было обнаружить уникальное собрание ревизских сказок казенных и частных заводов, картографических материалов и многое другое. Архив хранил ценнейшие автографы государственных деятелей, ученых, писателей, путешественников-первооткрывателей: В. Н. Татищева, В. И. Геннина, В. Беринга, И. Г. Гмелина, Демидовых, Екатерины II и др.

Следует отметить ведущие факторы, оказавшие значимое влияние на развитие основных направлений деятельности архива Уральского горного управления и, конечно, на особенности архивной практики.

Во-первых, это неоднократные реорганизации системы управления горнозаводской промышленности на протяжении XVIII – начала XX в., а также Уральского горного управления.

Во-вторых, реализация общероссийских реформ 1860-х гг., в результате которых Уральское горное управление лишается ряда полномочий: ведения судопроизводства, осуществления полицейского надзора, управления образованием и пр. В результате этого произошло перемещение ранее созданных комплексов документов Управления, а также создание новых архивов при учреждениях суда, полиции, образования, здравоохранения.

В-третьих, развитие нормативно-методической отрасли архивного дела в России. Речь идет прежде всего о ведомственных правилах, регулирующих сферу хранения и уничтожения решенных дел. Архив Уральского горного управления в своей деятельности руководствовался прежде всего «Правилами о хранении и уничтожении решенных дел», которые были разработаны в 1864 г. для Министерства финансов и учреждений его ведомства. Данные правила оказали значимое влияние на порядок хранения документов в архиве (согласно принципу происхождения). Они

же определили процедуру экспертизы ценности документов («разбора дел на разряды»), которая оказала непосредственное влияние на состав и содержание фондов архива. Сложно однозначно оценить уровень объективности данной процедуры, но, тем не менее, современные исследователи считают фонды, содержащие в себе дела Уральского горного управления, репрезентативными.

Архив Уральского горного управления в своем развитии преодолевал типичные проблемы сферы дореволюционного архивного дела: это нехватка помещений, необходимость ремонта хранилища, недостаток кадров (архивариус и его единственный помощник занимались приемом дел и выдачей справок, составляли описи и принимали участие в работе разборочных комиссий, отвечали за систематизацию и сохранность дел в архиве и пр.).

В истории архива можно выделить следующие этапы:

1) создание архива Уральского горного управления (одновременно с формированием органов управления горным делом с центром в Екатеринбурге начиная с 1720-х гг. и заканчивая концом XVIII в.). Формирование первых фондов, среди которых крупнейшим становятся дела обербергамта, канцелярии Главного заводов правления и пр. [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 18, д. 6111, л. 5];

2) начало формирования новых фондов архива Уральского горного управления (1807–1864). На этот же период приходится формирование новой нормативной базы в сфере архивного дела России, в том числе и в системе горной власти. Система министерского делопроизводства, перенесенная на уральскую почву и распространенная на деятельность Уральского горного управления, вызвала к жизни огромное количество документов. Если в предшествующее XVIII столетие в горнозаводских учреждениях Екатеринбурга было создано порядка 60–70 тыс. дел, то за XIX в. число документов, созданных в структуре управления, увеличилось примерно в 2,5 раза. Не удивительно, что число хранящихся в архиве документов год от года росло, что вызвало к жизни проблемы организации хранения документов, обеспечения их сохранности и учета;

3) период перестройки деятельности архива с опорой на разработанные нормативные документы, регулирующие сферу архивного дела в структуре Министерства финансов (1864–1886).

В это время, судя по документам, деятельность архива становится более четкой и оформленной, что отчасти связано с внедрением в практику деятельности архива «Правил о порядке хранения и уничтожения решенных дел», утвержденных Министерством финансов и верховной

властью в 1864 г. В данный период идет активный процесс создания в архиве учетной документации, а также системы научно-справочного аппарата. Деятельность архива регулярно проверяется как главой учреждения, так и специально уполномоченными для этого чиновниками. Данная практика позитивно отразилась на деятельности архива, поскольку позволяла выявлять недочеты в работе и постепенно устранять их.

Этот период интересен еще и тем, что документы архива начинают активно использоваться в научных целях (деятельность российских исследователей, творчество уральского историка Н. К. Чупина);

4) интеграция в структуру архива Уральского горного управления фондов, ликвидированных в результате реорганизации 1886 г. канцелярии Главного начальника, Главной конторы Екатеринбургских заводов (1886 – начало 1890-х гг.);

5) период наиболее эффективной деятельности архива, приведение деятельности архива к требованиям как общероссийского архивного законодательства, так и ведомственных правил и норм (1886–1919).

Еще одна замечательная характеристика культуры архивного дела Уральского горного управления: деятельность архива активно приводится к стандартам, утвержденным в законодательных и нормативных документах. Ежегодные освидетельствования архива позволяют быстро выявлять и исправлять все недочеты в его работе. Помещения архива были приведены в порядок, деятельность архивариусов также была добросовестной и четкой, что позитивно отразилось на режиме хранения документов архива.

Отметим также, что анализ выявленных документов, позволяет сделать выводы о том, что решенные дела в Уральском горном управлении выделялись к уничтожению достаточно осмотрительно, проходя несколько стадий контроля, что, возможно, и сделало этот архив одним из самых полных на Среднем Урале. В конце XIX – начале XX в. принцип уважения к архивному документу занимает в работе управления важное место.

Сложный путь развития проделала процедура комплектования. Дела передавались на хранение по описям: до 40-х гг. XIX в. это были сдаточные описи, до 1864 г. – годовые реестры, с 1864 г. – разрядные описи. Процедура передачи дел на хранение, с одной стороны, усложнялась, с другой стороны, становилась более регламентированной. К началу XX столетия чиновники сдавали документы в архив по разрядным описям, предварительно заверенным, архивариус отчитывался управлению о дате и количестве принятых дел. Задача его на этом этапе также заключалась, во-первых, в проверке состояния дел (правильно ли они

оформлены, содержат ли заверительные надписи и пр.). Во-вторых, архивариус обязан был немедленно отчитаться управлению в приеме дел рапортом. В-третьих, он должен был правильно разместить дела в архиве. К концу XIX в. сформировалась достаточно четкая система расположения дел в архивохранилище: дела хранились отдельно по разрядам, далее, согласно структурным подразделениям, и по хронологии. Чиновник, сдавший документы в архив, также рапортовал о результатах работы. Рапорты эти являются ценным источником, позволяющими судить об уровне постановки архивного дела в Уральском горном управлении в целом.

К 60-м гг. XIX в. в архиве Уральского горного управления складывается целый комплекс учетных документов: это книга учета поступлений дел (общий указатель дел), генеральные и сдаточные описи, реестры описей дел. Формируется и научно-справочный аппарат – значение архивов в процессе принятия управленческого решения постоянно возрастает. Причиной этого были реформы сферы управления горнозаводской отрасли. Элементы учетного аппарата архива, сохранившиеся до наших дней, позволили нам получить представление о составе фондов архива и количестве хранящихся в нем дел.

Процесс обеспечения сохранности документов достаточно хорошо отражен в делах ф. 24 Государственного архива Свердловской области. Если в середине XIX столетия мы находим сведения о хищении архивных документов, то относительно конца века таких данных уже нет. Это говорит о том, что в помещение архива не допускались посторонние, само помещение архива было оборудовано замками и находилось под пристальным контролем архивариуса. К началу XX в. архив размещался в 11 комнатах, которые в зимнее время отапливались. Дела хранились в шкафах либо на полках. Рапорты о результатах освидетельствования начала XX в. содержат сведения о том, что «помещения архива содержатся в чистоте и опрятности… проходы всюду свободны, не загромождены, стекла в рамах целы, течи в потолках не видно, двери запираются на замки» [ГАСО, ф. 24, оп. 18, д. 5964, л. 3 об.].

К недочетам в сфере обеспечения сохранности можно отнести отсутствие в архиве хорошей системы вентиляции (для проветривания помещения открывали двери, ведущие во внутренний двор). Двери архива были изготовлены из дерева, а потому являлись недостаточно надежными. Документы также свидетельствуют, что в дореформенный период комнаты архива не запирались. Не было у архива и собственной охраны.

Документы архива в первой половине XIX в. чаще всего использовались в практических целях. Снятием копий с документов занимались как

структурные подразделения учреждений, в которых эти документы были созданы, так и работники архивов – архивариусы. Документы архива активно использовались в повседневной деятельности Управления, и процесс этот регулировался «Правилами» 1864 г. Нам не известен в деталях порядок доступа к делам архива, тем не менее документы свидетельствуют о том, что для работы с архивными делами нужно было получить разрешение главного начальника Уральских горных заводов. Несомненно, что такой богатейший по своему содержанию архив ждал своих исследователей, которыми стали российские и уральские ученые: И. Ф. Герман, А. С. Ярцов, Р. Г. Игнатьев, В. Н. Шишонко, Н. К. Чупин, Е. Н. Коротков, а также члены Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Их труды составили особую эпоху в деле изучения истории промышленного освоения региона, истории уральских заводов, истории Урала в целом.

Конечно, можно говорить об особой культуре архивного дела в структуре деятельности Уральского горного управления. Ее отличает внимание к вопросам обеспечения сохранности документов, достаточно грамотный подход к организации процедуры выделения документов к уничтожению и в целом стремление вести архивное дело грамотно. Но практика эта сформировалась только к концу XIX столетия, когда был накоплен достойный теоретический и практический опыт в области организации работ с ретроспективной документацией.

Буткова И. А., *Ромме М. А.*, *Черноухов А. В.* К вопросу об источниковой базе изучения истории Урала (Экспертиза ценности документов в 40–70-х гг. XIX в.) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 113–120.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24 (Уральское горное управление).

Зубков К. И., *Корепанов Н. С.*, *Побережников И. В. и др.* Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века: Уральское горное управление. М., 2008.

Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства России, 1700–1900 гг. СПб., 1900.

Хорхордина Т. И. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003.

УДК 94(470.54).084.6:930.25

Е. В. Огуренко

ИДЕОЛОГЕМА «СОВЕТСКИЙ АРХИВИСТ» И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРОВИНЦИИ

на рубеже 1930–1940-х гг.

В статье рассматривается идеологема советского архивиста и ее практическая реализация в контексте истории повседневности на примере деятельности Свердловского государственного областного архива на рубеже 1930–1940-х гг., анализируется ее генезис, развитие и реализация в государственной политике в сфере архивного дела на местах, делается попытка поставить вопрос о том, был ли завершен проект «советский архивист» и какое значение нес результат данного проекта.

Ключевые слова: М. Н. Покровский, архивное дело в СССР, архивы Урала, Великая Отечественная война, советское общество, советская повседневность, советский архивист.

Революция 1918 г. в архивном деле обернулась не только тем, что архивная отрасль получила долгожданное внимание со стороны государства, но и оказалась им пресыщена. Отношение государства к информации, особенно к ретроспективной (архивам), многое говорит об информационной культуре всего общества. В этом контексте интересна идеологема советского архивиста – как попытки изменения традиционного (буржуазного) взгляда на прошлое [см.: Покровский, с. 11–12].

Автором данной идеологемы является Михаил Николаевич Покровский – известный русский и советский историк, марксист, архивист, заместитель народного комиссариата просвещения РСФСР в 1918–1932 гг. Помимо этого, он возглавлял ряд научных организаций, в том числе Общество историков-марксистов и Центрархив РСФСР и СССР [см.: Чернобаев, с. 72].

В соответствии с его концепцией советский архивист должен сочетать в себе сущности историка, архивиста и марксиста, для которого не существует различия между теорией и практикой (в силу их слияния в марксизме), а следовательно, значение имеет только практическая сторона архивного дела, для освоения которого «за глаза хватает годичного курса». При этом основные задачи архивиста – политические. Они заключаются в сохранении архивных документов – «оружия, с помощью которого рабочий класс вел, ведет и будет вести борьбу со своим классовым противником» [Покровский, с. 11, 14–16]. Следовательно, советский

© Огуренко Е. В., 2018

архивист, являясь хранителем исторических документов, обязан был толковать их в соответствии с марксистской теорией в интересах рабочего класса.

Некоторое уточнение последовало в 1931 г. от И. В. Сталина, объявленное Центрархивом СССР «важнейшей политической директивой всему теоретическому фронту и, в частности, историческому участку этого фронта» [Сталин, с. 84–102; Хорхордина, с. 200]. Генеральный секретарь клеймит архивистов «архивными крысами», «историками-контрабандистами», «клеветниками», занимающимися «жульническим крючкотворством» и изменяющими рабочему классу. По сравнению с архивистами Покровского, в версии вождя появляются интересные особенности: архивисты не могут более толковать источники – это дело партии, на лишние знания тратить время нечего, а служат они теперь не какому-то абстрактному классу, а Советского государству. Все это происходит на фоне увеличения значения роли архивиста в системе государственного управления СССР.

В ходе постепенного наращивания бюрократического аппарата в 1920–1930-е гг. происходит увеличение документооборота в государственных органах власти. Со временем остро встала проблема хранения архивных документов. На 1930-е гг. приходится резкое увеличение числа государственных архивов, сети их филиалов и усложнение их внутренней структуры [см.: Савин, с. 162–175].

Отрасль же настиг неизбежный рок. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г., объявленным 11 июня 1938 г., приказом народного комиссариата внутренних дел № 370 Центральное архивное управление передается в состав НКВД. В его структуру оно было включено как Главное архивное управление НКВД от 29 сентября 1938 г. приказом НКВД № 00641 [см.: Цеменкова, с. 57]. Это положение будет сохраняться до 1960 г., когда архивная отрасль страны передается Совету министров СССР [см.: Там же, с. 75]. А в 1930-е гг. советские архивисты становились частью штата ведомства внутренних дел, обладающего к этому времени мрачной репутацией.

В середине 1938 г. сеть архивных органов состояла из 107 архивных управлений, союзных, республиканских, областных и краевых, 14 центральных государственных архивов СССР и РСФСР, 239 республиканских, областных и краевых государственных архивов, 19 военно-окружных и портовых архивов и 2343 районных архивов [см.: Максаков, с. 10].

Архивный отдел Управления Народного комиссариата внутренних дел по Свердловской области был создан в 1939 г. на базе ликвидированного Архивного бюро при Свердловском областном исполнительном комитете [см.: Архивная служба..., с. 74].

На 1 июня 1938 г. Архивный отдел УНКВД по Свердловской области был представлен шестью архивами, являющимися структурными подразделениями отдела: историческим, военным, Октябрьской революции, секретным, Нижнетагильским и Ирбитским филиалами [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 644, л. 37]. Первые четыре располагались в Свердловске, два последних – в Нижнем Тагиле и Ирбите соответственно. В соответствии со штатным расписанием Свердгособлархива его штат насчитывал 29 человек, а фактически работало на 1 декабря 1938 г. 27 человек [см.: Там же, д. 450, л. 46].

Архивный отдел изначально был призван руководить государственными архивами на вверенной ему территории Свердловской области, контролировать правильность постановки делопроизводства в архивах учреждений и проводить научно-издательскую работу [см.: Там же, д. 648, л. 3]. Со временем количество сфер деятельности архивного отдела увеличилось.

Специфика советского управления предполагала активное вовлечение трудящихся в общественную работу. Одной из основных целей этих мероприятий, помимо идеологических, было усиление контроля над гражданами СССР и повышение культурного уровня советских граждан в рамках культурной революции 1930-х гг. [см.: Бригадина, с. 87–95]. Важная роль культуры труда признавалась и на более ранних этапах истории Советской России [см.: Гастев; Троцкий].

Основным инструментом достижения этого была партийная деятельность. В архиве существовала профсоюзная ячейка – местный профсоюзный комитет. В него входили почти все сотрудники Архивного отдела УНКВД по Свердловской области. Исключения делались лишь работникам на должностях, где люди «долго не задерживались», например, вахтерам и сторожам [см.: ГАСО, ф. Р-1139, оп. 1, д. 42а, л. 20 об.]. В Советском государстве профсоюзам отводилась особая роль, так как они «являются важнейшей опорой партии в борьбе за строительство коммунизма» на протяжении всей его истории [см.: История профсоюзов…, с. 3].

Продолжительное время местком не имел стабильного членства в связи с регулярными «чистками» сотрудников Архивного отдела и государственных архивов, что было характерно для всей страны [см.: Кор-

неев, Копылова, с. 40–41]. Последнее крупное изменение в составе Архивного отдела УНКВД было в 1941 г., что связано с началом эвакуации архивов. В этих обстоятельствах Главное архивное управление НКВД СССР эвакуировало отдельных сотрудников [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 2, д. 300, л. 3–4]. С сентября 1941 г. численность и состав коллектива стабилизировались окончательно.

Организовывать работу местного комитета приходилось во многом с нуля, из-за вышеупомянутой «текучки». Однако комитет быстро наладил регулярную работу, что подтверждает исправная отчетность перед членами профсоюза и дневник месткома. Стоит также отметить, что комитет действовал во многом во внерабочие часы, отнимая досуг работников архива. Деятельность его можно разделить на три основные сферы: организация работы комитета, разбор производственных вопросов, культурно-массовая и воспитательная работа.

На своем первом заседании в январе 1941 г. местный комитет поставил перед собой широкие задачи, среди которых привлечение к работе месткома членов профсоюза (с участием в комиссиях, общественной работе, добровольных обществах), разъяснение членам профсоюза решения X Пленума ВЦСПС и обсуждение вопроса о важности участия членов месткома в профсоюзной и общественной работе [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 5, д. 3, л. 14].

Так, деятельность месткома в январе-марте 1941 г. оказалась чрезвычайно продуктивной. Было проведено три общих профсоюзных собрания (ко дню Красной армии и Военно-морского флота, по изучению материалов XVIII Всесоюзной партконференции и к Международному женскому дню), выпущены три стенные газеты, в том числе посвященная памяти В. И. Ленина фотогазета [см.: Там же, л. 16 об.].

В области производственной работы комитет наладил последовательную работу. Например, за январь-март 1941 г. было проведено восемь заседаний месткома по текущим профсоюзным вопросам, на которых обсуждались вопросы трудовой и общественной дисциплины, об утверждении больничных листков и листков о трудовой дисциплине [см.: Там же, л. 16]. В конце года комитет дал производственной работе положительную оценку, так как из 37 сотрудников взяли социалистические обязательства 22 человека, количество ударников труда достигло 12, а отличников – двух человек [см.: Там же, л. 19 об.].

Социалистическое соревнование служило одним из способов интенсификации труда. Участие в нем было систематическим и обязательным

[см.: Ляпунова, Старостенков, Погосян, Тетерин, с. 26]. Принимал участие в соцсоревновании и Свердловский областной госархив – с ним соревновался Кировский областной госархив. Важность этого мероприятия подчеркивается на квартальных и годовых совещаниях сотрудников отдела, архива и его филиалов [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 5, д. 4, л. 25]. Из общего количества работающих взяли соцобязательства 22 человека, ударников труда – 12 человек, отличников – два человека [см.: Там же, д. 3, л. 19 об.].

Стоит отметить, что в квартальном плане работы архива в рамках улучшения профессиональной подготовки архивистов предполагалось проведение технической учебы членов коллектива, однако доказательств ее проведения найти не удалось.

По состоянию на 1 января 1938 г., в Архивном управлении и областных архивах Свердловской области высшее образование имели 2 работника, среднее – 13, специальное архивное – один работник, начальное – 8. Стаж работы свыше трех лет был только у 3 работников [см.: Там же, оп. 2, д. 300, л. 20, 27]. Проблема отсутствия достаточного числа работников, имеющих специальное архивное образование, оставалась актуальной для архива вплоть до конца 1940-х гг.

Культурно-массовая работа в коллективе была основным «фронтом» деятельности местного комитета, в особенности после начала Великой Отечественной войны, когда от профсоюза потребовалась активизация пропагандистской и агитационной работы в организации.

Примером могут служить митинги, проведенные коллективом архивного отдела и Свердоблгосархива в 1941 г. Если в первой половине года митинги сотрудников собираются по вполне ординарным поводам (например, открытие XVIII Всесоюзной партийной конференции), то после начала войны их количество увеличивается. Проведенные митинги посвящены, например, следующим событиям: фашистскому нападению на Советский Союз (24 июня 1941 г.), готовности к защите Отечества (4 июля 1941 г.), « “варварскому налету” на Москву» (23 июля 1941 г.), сбору теплой одежды бойцам на фронт (13 сентября 1941 г.), докладу И. В. Сталина в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (8 ноября 1941 г.) [см.: Там же, оп. 5, д. 3, л. 4–13].

По итогам митингов принимались резолюции. Резолюция от 23 августа гласит: «Мы, сотрудники архивного отдела УНКВД и Обл. гос. архива… заявляем, что будем работать еще лучше, еще организованней, приготовили наш объект к противовоздушной обороне и к противохи-

мической обороне, и если надо будет заменить на полях нашей области бойцов, ушедших в ряды Красной Армии, то мы всегда готовы». Резолюция принята единогласно всеми присутствующими на митинге [см.: Там же, д. 4, л. 20].

В советском обществе начиная с конца 1920-х гг. присутствовало постоянное ощущение ожидания войны, которое было инспирировано государственной пропагандой и официальными лицами [см.: Великая Отечественная…, т. 10, с. 67].

Однако только заявлениями патриотизм архивных работников не ограничивался. В июле 1941 г. районный комитет ВКП(б) предложил сотрудникам архива привести в надлежащий вид любое помещение на ул. 8 Марта, 23, отведенное для госпиталя. Пришедшие к семи часам люди оказались разочарованы, так как ранее пришедшая группа сделала за них всю работу: «небольшая обида проявилась у коллектива» [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 5, д. 4, л. 16 об.]. Также архив принимал участие в сборе теплых вещей для фронта [см.: Там же, л. 22], оказывал помощь лазаретам (за 6 дней 3 сотрудницы архива сшили 50 простыней и 10 халатов, 6 вошли в санитарную дружину, одна записалась на курсы медицинских сестер, весь коллектив обучался на курсах по противовоздушной обороне [см.: Там же, л. 16 об.].

Сами члены профсоюза старались оценить свою деятельность объективно, отчеты о его работе содержат такие выражения: «Все проводимые мероприятия профсоюзного, общественного и политического характера проходят очень неактивно», «коллектив недостаточно вовлечен в профсоюзную работу и в общественную работу», «нет у нас критики и самокритики в работе» [см.: Там же, д. 3, л. 16].

Особо важным вопросом в работе профсоюзной организации была социальная поддержка. В 1930-е гг. менялось отношение к еде, менялось отношение к ее употреблению – еда стала восприниматься не только как источник насыщения, но и как источник удовольствия [см.: Лебина, с. 59]. Парадоксально, но это происходило и в полуголодные годы войны. Поднимаются вопросы о создании буфета для сотрудников [см.: Там же, д. 4, л. 24] и огородов для индивидуального пользования [см.: Там же, д. 1, л. 4.; д. 3, л. 19 об.; д. 4, л. 45, 48] в соответствии с постановлением СНК СССР от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств под огороды рабочих и служащих» [см.: Эмирханов, с. 126].

Архивный отдел, Свердоблгосархив занимали здание на ул. 8 Марта, оно было двухэтажным и совершенно не приспособленным к хранению

документов, находилось в угрожающем состоянии ветхости и пожарной безопасности [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 643, л. 8–9]. Им принадлежали и другие здания, разбросанные по городу. Одно из хранилищ находилось в здании на ул. Ленина, 46-а – в бывшей Лютеранской церкви, в полуподвальных помещениях Второго Дома Советов по ул. 8 Марта, 2 [см.: Архивная служба…, с. 41, 84].

Помещение на ул. 8 Марта, 28 не только не давало возможности приступить к организации приема архивных документов из учреждений и районных архивов, но и не обеспечивало нормального хранения имеющихся архивных материалов. Из-за сырости нижнего этажа часть документов была повреждена. Не исключалась возможность обвала потолка, так как второй этаж архивохранилища был перегружен. Весной и осенью на стенах первого этажа выступала сырость, местами через щели пола протекала вода. Занимаемое здание требовало ремонта, а работа в нем была признана сопряженной с опасностью для жизни [см.: Там же, с. 83].

Нехватка помещений нормой не считалась. Производственные совещания отдела и архивов регулярно требовали добиваться новых площадей у городских Советов [см.: ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 659, л. 1]. Но объективных условий для обретения новых площадей не существовало, особенно в условиях присутствия в городе большого количества эвакуированных организаций и предприятий.

Теснота вызывала и другие проблемы. Периодически между сотрудниками отдела и архива возникали конфликты.

В феврале 1943 г. один из пунктов повестки дня общего собрания сотрудников сообщал о «возмещении стоимости пролитого суфле» инспектором административно-хозяйственного отдела С. Л. Раскиной. Собрание единогласно постановило возместить стоимость пролитого суфле из расчета 30 % с С. Л. Раскиной, а остальные 70 % – за счет коллектива [см.: Там же, оп. 5, д. 4, л. 48].

Интересным представляется распоряжение № 63 от 11 сентября 1940 г. по Свердловскому областному государственному архиву. Архивный технический работник Шмелева позволила себе унести из архива чайник с целью его использования по назначению, но без ведома и разрешения администрации. Это событие вызвало в коллективе большой резонанс.

Работник А. Ф. Селиванова, поставив вопрос об ответственности коллектива за пропавший чайник, позволила себе недопустимую резкость выражений в адрес коллектива: «Душа из вас вон, а чайник найдите». Уборщица Черкасова вместо того, чтобы спокойно сообщить директору

архива Алимову о случившемся, встала на путь пререканий с работниками отдела Октябрьской революции по вопросу о пропаже чайника, что привело к последующим взаимным оскорблениям. Старший архивный технический работник А. Н. Коробейникова в разговорах с уборщицей Черкасовой допустила оскорбительное выражение «сволочь народ», что Черкасову, принявшую это в своей адрес, оскорбило и довело до истерики.

Эти события вызвали к жизни другие межличностные конфликты. Крайне несдержанные выражения были допущены Шмелевой в отношении научной работы Чемодановой, которая, некогда усомнившись в правильности выделения макулатурного материала, нашла необходимым посоветоваться с директором Алимовым и инспектором Жуковым. Ей было опущено замечание: «Не смей жаловаться!», т. е. не смей докладывать о замеченных отклонениях в работе государственного архива.

Итогом этого кризиса стали санкции в отношении работников, позволивших себе резкие выражения. В сухом административном языке той эпохи было много смешанных чувств: «Приказываю… сделать все необходимые выводы и приложить все усилия к дружной, плодотворной работе» [ГАСО, ф. Р-316, оп. 5, д. 3, л. 12–13].

Острыми оставались и вопросы кадров. О культурном уровне провинциального архивиста многое может сказать письмо инспектору Л. М. Жукову от директора филиала СОГА в г. Серове М. С. Толкачева (орфография автора сохранена).

> 15 апреля 1941 г.: «Довожу до вашего сведения Леонид михайлович как проходила работа в первом квартале 1941 года заканчивали фонд серовского горсовета посидели на нем до 7 января потом приступили к обработки фонду Городской отдел социального обеспечения проработали нанем до 21 января после этого приступили к обработки матерьяла Туринский рудник Максимовская церковь проработали на этом матирьяле до 14 февраля 1941 г. После этого приступили в I квартале фонд городской земельный отдел и работали на нем по настоящее время как только закончен будет фонд то сообщу сразу же канечна.
>
> Леонид михайлович я с этим фондом уложился бы вовремя но у миня много время отрывает бухгалтерское дело это будет первая вторая послужила причинам то что ниможим подобрать работника находятся людишки все ниподходящии и приходится отказывать довольно минять сотрудниками нужно закреплять штат и осваеваться с работой. На эту тему заканчиваю.
>
> Ставлю вас в известность Леонид михайлович отом что уминя остался всего один работник который многово зделать не сможит Кувалдину положили в больницу волкоморову дали бюллютень но думаю что на сибя взяли на второй квартал постараемся уложится в срок до полугодия Тигер с уербаха

работали два человека а типерь остался один человек Санинкову отправили на курсы а Попова работает пока, Леонид михайлович высылаю вам квартальный план но ни знаю как он вам понравится или нет лутше не умею составлять и думаю для вас все будет ясна что не понятна будет то посмотрити в годовом плане и разгадаети С приветом вам наши сотрудники сюткина и я пока весь наш штат по работи досвидания жду ответа от вас» [ГАСО, ф. Р-316, оп. 1, д. 592, л. 73].

15 мая 1941 г.: «Пишите все подробнее я буду лудьше здесь ориентироваться в работе ото уминя здесь разрешить вопроса совершенно нескем в котором я сам затрудняюсь начальник горотдела с нами совсем почто не связан и выходит здесь у себя сам большой сам маленький

Давайте хотя вы почащи описывайте мне что надо делать а сотрудники все молодые все везде приходится самому и плохо из затого что нет помошника прямо не знаю что делать и как выходить из положения и вы плохо этот вопрос мне отвечаете» [Там же, л. 69–69 об.].

Это лишь отдельные страницы из жизни провинциальных архивистов, и пока лишь отдельные штрихи к их социальному, культурному и нравственному образу. Работу эту необходимо продолжать, и она будет продолжена.

Сейчас же отметим, что тоталитарное государство расценивало ретроспективную информацию как особый политический ресурс, саму власть обслуживающий, но ресурс, который в то же время сам по себе ценности вне интересов государства не представляет. Избранная методика по превращению архивного работника в простой механизм обработки и сбережения дел, в простого технического работника – это та модель советского архивиста, которая сложилась в СССР в 1930–1940-е гг.

Можно сказать, что создание особого типа советского архивиста, изначально задуманное как одна из целей форматирования архивной отрасли, являлось частью глобального советского проекта по социальному переустройству общества в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Со сменой политического курса в середине 1930-х – 1940-е гг. меняется и представление о роли и значении советского архивиста.

Архивная служба Свердловской области: 85 лет. Екатеринбург, 2004.

Бригадина О. В. Культурная революция в Советской России: цели, методы, результаты // Працы гістарычнага факультэта БДУ : Навук. зб. Минск, 2009. Вып. 4. С. 87–95.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 10: Государство, общество и война. М., 2014.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-316 (Управление архивами Свердловской области Правительства Свердловской области).

Гастев А. К. Новая культурная установка. М., 1924.

История профсоюзов Урала, 1905–1984 гг. М., 1984.

Корнеев В. Е., *Копылова О. Н.* Архивист в тоталитарном обществе: борьба за чистоту архивных кадров (1920–1930-е годы) // Отеч. арх. 1993. № 5. С. 29–42.

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2016.

Ляпунова Н. В., *Старостенков Н. В.*, *Погосян Л. В.*, *Тетерин П. В.* Развитие социалистического соревнования в годы Великой Отечественной войны // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания : сб. материалов XXXIX Молодеж. междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2017. С. 26–33.

Максаков В. В. 20 лет архивного строительства // Арх. дело. 1938. № 3 (47). С. 213–220.

Покровский М. Н. Политическое значение архивов // Совет. архивы. 1988. № 3. С. 11–16.

Савин В. А. «Хранить нельзя уничтожить». Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР – СССР, 1918–1950-е годы. М., 2000.

Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Соч. М., 1951. Т. 13. С. 84–102.

Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 21: Культура переходного периода. М. ; Л., 1927.

Цеменкова С. И. История архивов России : учеб. пособие. Екатеринбург, 2006.

Чернобаев А. А. «Советский Карамзин»: М. Н. Покровский // Историк и мир истории. Саратов, 2004. С. 65–78.

Эмирханов И. А. Роль подсобных хозяйств в решении продовольственной проблемы городского населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Инновационная наука. 2015. № 11. С. 125–128.

УДК 930.253

О. С. Кравченко

ОПИСАНИЕ ИЗДАНИЙ ИЗ ФОНДА ИМПЕРАТОРСКОГО АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЛИЦЕЯ, ХРАНЯЩИХСЯ В КОРОЛЕВСКОМ МУЗЕЕ АРМИИ И ВОЕННОЙ ИСТОРИИ БЕЛЬГИИ[1]

В публикации представлено описание изданий, переданных в 1937 г. выпускниками Императорского Александровского лицея на хранение в Королевский музей армии и военной истории Бельгии. Это дореволюционные издания уставов Лицея, проектов по их изменению, служебные документы, книги по истории Лицея, курсы лекций преподавателей, выпускные работы лицеистов и другие издания, являющиеся важной составной частью источниковой базы для изучения истории этого элитного учебного заведения.

Ключевые слова: Объединение бывших воспитанников Александровского лицея, Королевский музей армии и военной истории Бельгии, фонд «Императорский Александровский лицей», издания по истории Лицея до 1917 г.

После Революции 1917 г. Императорский Александровский лицей был вынужден прекратить свою деятельность, многие его выпускники эмигрировали за рубеж. В начале 1920-х гг. было организовано Объединение бывших воспитанников Императорского Александровского лицея, одним из направлений деятельности которого стало поддержание связей между рассеянными по миру выпускниками. При парижском отделении Объединения начала формироваться историческая коллекция, состоявшая из форменной одежды, памятных знаков выпускников Лицея, корреспонденции, как дореволюционного, так и эмигрантского периодов, а также книг.

Собранные бывшими лицеистами материалы в феврале 1937 г. были переданы на хранение в Королевский музей армии и военной истории в г. Брюсселе (Musée Royal de l'Armée et d'Histoire Militaire, Bruxelles). По условиям договора передачи лицейский архив был принят на временное хранение, забрать его могут только владельцы, т. е. представители Объединения бывших воспитанников Лицея. Объединение перестало существовать в начале 1970-х гг. и в настоящее время музей не имеет права ни продать, ни передать кому-либо лицейскую коллекцию.

[1] Подготовка публикации осуществлена при поддержке гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования Российской Федерации. Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

© Кравченко О. С., 2018

В 1999 г. русской исследовательницей Е. Мамонтовой на документальную часть коллекции была составлена опись на французском языке [см.: Mamontova], в 2001 г. она перевела ее на русский [см.: Мамонтова]. Всего в фонде содержится 107 ед. хр. Автор описи поделила материалы по хронологическому принципу, касающиеся деятельности Лицея до 1918 г. (главы с I по XII); Объединения бывших воспитанников (главы с XIII по XXV). Внутри глав материалы сгруппированы по параграфам «в зависимости от их содержания»: административный документ, литературное произведение, переписка и т. д. Документы в параграфах представлены в хронологическом или алфавитном порядке. Таким образом, под одной римской цифрой, обозначающей главу, содержится до 11 разделов с буквенным кодом, некоторые дробятся на подразделы, обозначенные арабскими цифрами в скобках.

Тематическая подборка документов хранится в одной или нескольких картонных папках. Иногда в одной папке содержатся материалы разного вида, например, фотографии, машинописные и рукописные документы, бланки, открытки, книги. Каждый документ, независимо от вида, имеет прямоугольный фиолетовый штамп «Depôt “Lycée Alexandre”», во второй строке вписан номер по описи, например, IIA – 1, где римская цифра обозначает главу описи, буква – дело и арабская цифра – порядковый номер документа. Эти данные приводятся после библиографического описания изданий. При наличии второго экземпляра документа после его порядкового номера в скобках приводится строчная латинская буква, например, IIC – 32(b), при наличии третьего – (c) и т. д.

Нами были просмотрены *de visu* 124 экз. изданий, упомянутых в описи. При этом было выявлено 6 владельческих конволютов – сборников, состоящих из нескольких переплетенных вместе изданий (аллигатов). В описи Е. Мамонтовой указаны только первые аллигаты. Впервые нами описываются и вводятся в оборот приплетенные к ним издания. Проведена систематизация материалов, зарегистрированных в главах I–III, IX и X описи, выделены издания, опубликованные до 1917 г. и являющиеся источниками для изучения истории Лицея. Эти издания разделены нами на 8 тематических блоков. При наличии владельческих знаков описаны экслибрисы, суперэкслибрисы; приведены полные тексты записей в современной орфографии. К записям отнесены и пометы, сделанные при передаче книги от владельца в дар Объединению лицеистов, эти записи лаконичны, содержат фамилию дарителя, иногда номер курса и год передачи.

Описание изданий из фонда «Императорский Александровский лицей» (ИАЛ)

1. Нормативные документы

1. Высочайше утвержденное 25 мая 1901 г. Положение о Совете ИАЛ. – [Б. м., б. г.] – [4] с.

4-й аллигат в конволюте, см. № 5 описания.

2. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате.

1898. – 19 октября. – № 129. – 6309–6324 с.

Запись: на с. 6324 внизу карандашом: «Дар вдовы лицеиста XLVIII фон Гук».

БКМА. IIB – 1.

1901. – № 52. – Ст. 1035. – [4] с.

БКМА. IIB – 2.

1911. – 27 сентября. – № 188. – 2757–2772 с.

БКМА. IIB – 3.

1913. – 2 июля. – Отд. 1. – Второе полугодие. – № 136. – 2789–2812 с.

БКМА. IIB – 4(a), (b).

1915. – № 49. – 703–722 с.

БКМА. IIB – 5.

3. Собрание узаконений... [Вырезки за разные годы]: 23 марта 1901. – № 29. – [2] с.; 16 июля 1902 г. – № 70. – С. 1201–1204; 26 февр. 1908 г. – № 32. – С. 677–678; 25 июня 1909 г. – № 114; 27 сент. 1911 г. – № 188. – С. 2757–2766; 7 янв. 1912 г. – № 5. – С. 81–82; 14 февр. 1912 г. – № 26. – С. 527–530.

5-й аллигат в конволюте, см. № 5 описания.

4. Устав ИАЛ 1848 г. Издание, дополненное согласно позднейшим постановлениям, состоявшимся по 1-е января 1883 г. – СПб. : тип. Этингера, 1883. – 66 с.

Тит. л. отсутствует, часть обложки приклеена на верхнюю крышку форзаца. В блоке чередуются печатные и 34 л. писчей бумаги.

1-й аллигат конволюта, др. аллигат см. № 31 описания.

Запись: на форзаце вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. IIB – 1.

5. Устав ИАЛ 1848 г. Издание, дополненное согласно позднейшим постановлениям, состоявшимся по 1-е января 1883 г. – СПб. : тип. Этингера, 1883. – 1–58, [2], 65–66 с.

1-й аллигат конволюта, др. аллигаты см. № 1, 3, 6, 8 описаний.

После 3-го аллигата вплетено письмо из собственной е. и. в. Канцелярии от 18 декабря 1869 г. директору Имп. Александровского лицея Н. И. Миллеру.

Запись: на форзаце вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. IIВ – 28.

6. Устав ИАЛ 1848 г. Издание, дополненное согласно позднейшим постановлениям, состоявшимся по 25-е июля 1893 года. – СПб. : Военная тип., 1896. – 70, [2] с.

2-й аллигат в конволюте, см. № 5 описания.

7. Устав ИАЛ, высочайше утвержденный в 1848 г. и разновременно состоявшиеся дополнительные к оному узаконения и распоряжения по 1909 г. включительно. – СПб. : тип. С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1910. – 83, [1] с.

Корректурный оттиск.

Записи: на тит. л. вверху чернилами: «Корректурный экземпляр 3-я корректура получена 17 дек. 1909 г. Ал. Рубец», там же карандашом: подпись «Ал. Рубец»; на с. 3 вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. IIВ – 20.

8. Устав ИАЛ, высочайше утвержденный в 1848 г. и разновременно состоявшиеся дополнительные к оному узаконения и распоряжения по 1909 г. включительно. – СПб. : тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1910. – 83, [1] с.

В блоке чередуются печатные и 40 л. писчей бумаги.

3-й аллигат в конволюте, см. № 5 описания.

2. Служебные издания

9. Врангель Ф. Ф. Записка о преобразовании системы репетиций в старшем курсе ИАЛ. – [СПб. : тип. Р. Голике, б. г.] – [4] с. – Вых. дан. указаны в колофоне.

Запись: на с. [4] внизу чернилами: «Томашевский 1892».

БКМА. IIIС – 9.

10. Вырубов Г. Н. Записка об устройстве ИАЛ и программах преподавания в нем. – [СПб. : тип. Евдокимова, 1898] – 13, [1] с. – Вых. дан. указаны в колофоне, год изд. в цензурном разрешении на с. 12.

На с. 1: Не для публики.

Штамп: овальный черный «Библиотеки Алексея Сергеевича Ермолова».

Запись: на с. 1 вверху чернилами: «шк. отд. I п-ка № 167».

БКМА. IIIС – 10.

11. Вырубов Г. Н. Записка об устройстве ИАЛ и программах преподавания в нем. – [СПб. : коммерческая скоропечатня Е. Тиле, 1901.] – 11, [1], 7, [1] с. – Вых. дан. указаны в колофоне, год изд. в распоряжении о печати на с. [1] (2-й ряд).

На с. 1–7 (2-й паг.): Циркулярное письмо Г. Н. Вырубова.

БКМА. IIIC – 11(a), (b).

12. Журнал высочайше учрежденной Комиссии для пересмотра законоположений о преимуществах по гражданской службе воспитанников учебных заведений. – 1878. – № 2: Заседания 22, 29 марта и 7 апреля 1878 г. – 130 с.

БКМА. IIE – 1.

13. Журнал собрания курсовых представителей 28 октября 1906 г. – [Б. м., б. г.] – 6 с.

На с. 1: Настоящий журнал не подлежит оглашению и составлен исключительно для сведения гг. бывших лицеистов.

Запись: на с. 1 вверху синим карандашом: «1906».

БКМА. IIE – 13(a).

То же. Экз. 2-й.

Запись: на с. 6 вверху карандашом неразборчивая подпись.

БКМА. IIE – 13(b).

14. Журнал соединенного заседания конференции преподавателей и воспитателей приготовительного и младших классов ИАЛ 1899 года сентября 24 дня. – [СПб. : тип. Е. Евдокимова, б. г.] – 16, [2] с. – Вых. дан. указаны в колофоне.

БКМА. IIE – 6.

15. Заключения Совета ИАЛ по вопросам, возбужденным в записке лицеиста XXV выпуска г. Вырубова об устройстве ИАЛ и программах преподавания в нем. – [Б. м., б. г.] – 15, [3] с.

БКМА. IIE – 20(a), (b).

16. Записка о возможных реформах в Лицее. – [Б. м., б. г.] – [112] с. – Название приведено по описи [Мамонтова, с. 15]. – Др. название: «Замечания на проект изменения учебного плана старшего курса» [Архив..., с. 17].

Литография.

БКМА. IIE – 21.

17. Инструкция дежурным воспитателям ИАЛ. – [Б. м., б. г.] – 19, [1] с.

Запись: на с. 1 вверху чернилами: «Александр Рубец».

БКМА. IIC – 4.

18. Краткий исторический обзор изменений в учебном плане ИАЛ. – [Б. м., б. г.] – 19, [1] с.

Запись: на с. 1 вверху чернилами: подпись «Ал. Рубец».

БКМА. IIIС – 21.

19. Краткий хронологический обзор истории Лицея. – [СПб., 1901.] – 8 с. – Вых. дан. указаны в колофоне.

На с. 1: «Приложение № 2 к записке директора Лицея А. П. Саломона» (см. № 37 описания).

1-й аллигат конволюта, др. аллигат см. № 39 описания.

БКМА. I – 9(a), (b).

20. Объяснительная записка к инструкции господам воспитателям ИАЛ. – [СПб. : тип. Р. Голике, б. г.] – 10 с. – Вых. дан. указаны в колофоне.

На с. 10: Инспектор воспитанников барон Ф. Врангель.

БКМА. IIС – 33.

21. Описание и правила ношения форменной одежды для гражданских чинов ведомства Министерства путей сообщения. – СПб. : тип. М. П. С., 1905. – 33, [1] с.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху чернилами: подпись «Ал. Рубец».

БКМА. IIС – 13.

22. Отзывы чинов педагогического персонала ИАЛ по проекту учебного плана Лицея. – СПб. : типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1902. – 120 с.

Запись: на с. 1 вверху чернилами: подпись «Ал. Рубец».

БКМА. IIIС – 12.

23. Правила для воспитанников ИАЛ. – СПб. : типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1911. – 24 с. – Утверждены 29 мая 1911 г.

В блоке чередуются печатные и 19 л. писчей бумаги.

1-й аллигат конволюта, др. аллигаты, см. № 23 и 26 описания.

БКМА. IIС – 21.

24. Правила для воспитанников младшего и приготовительных классов ИАЛ. – Утверждены 4 апр. 1910 г. – 7, [1] с.

3-й аллигат в конволюте, см. № 22 описания.

25. Правила для воспитанников старшего курса ИАЛ. – СПб., 1903. – 12 с.

Запись: на с. 1 вверху чернилами: «Гагемейстер LXIV».

БКМА. IIС – 11.

26. Правила для воспитанников старшего курса ИАЛ. – [Б. м., б. г.] – 10 с.

Запись: на форзаце вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. IIC – 8.

27. Правила для воспитанников старшего курса ИАЛ. – Утверждены 4 апр. 1910 г. – [Б. м., б. г.] – 10 с.

2-й аллигат в конволюте, см. № 22 описания.

28. Правила и программы для приема воспитанников в приготовительные, III–IV классы ИАЛ. – Петроград : типо-литография Петроградской тюрьмы, 1915. – 54, [2] с.

Запись: на с. 1 вверху чернилами: «Ал. Рубец».

БКМА. IIC – 24.

29. Правила и программы для приема воспитанников в приготовительные, III–IV классы ИАЛ. – Петроград : типо-литография Петроградской тюрьмы, 1916. – 54, [2] с.

БКМА. IIIC – 18.

30. Правила и программы для поступления в ИАЛ. – [СПб. : тип. Р. Голике, б. г.] – 27, [1] с. – Подписано в печать П. Гедримовичем, 30 сент. 1883 г. – Вых. дан. указаны в колофоне.

Вырезаны с. 5–6.

БКМА. IIIC – 4.

31. Правила пользования казенными квартирами при ИАЛ. – [Б. м., б. г.] – 6, [2] с.

Запись: на с. 1 вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. IIC – 12.

32. Программа приемного экзамена. – [Б. м., б. г.] – 27, [1] с.

2-й аллигат в конволюте, см. № 4 описания.

33. Проект главных оснований устройства ИАЛ. – [Б. м., б. г.] – 5, [3] с.

На с. 1: «Приложение № 1 к записке директора Лицея А. П. Саломона» (см. № 37 описания).

БКМА. IIC – 9(a).

То же. Экз. 2-й.

Запись: на с. 1 вверху чернилами: «Ал. Рубец».

БКМА. IIC – 9(b).

34. Проект журнала по заседаниям [Комиссии для пересмотра законоположений о преимуществах по гражданской службе воспитанников учебных заведений] 22 и 29 марта и 7 апреля 1878 г. – [Б. м., б. г.] – 20 с.

Записи: страницы пронумерованы карандашом вверху; на с. 1 вверху карандашом: «Его Пр-тву Л. В. Бранту», там же внизу «(см. стр. 19)»; на с. 17 в центре чернилами: «Совершенно так. Л. Брант»; на полях с. 19

внизу чернилами: «К мнению этому представитель министерства пут. сообщ. не присоединялся. Постоянно, во всех заседаниях комиссии он заявлял, что образовательный, соответственно значи[мый] ценз – весьма желателен, что же касается предварительных, независимо от учебных аттестатов служебных экзаменов, то в сих последних надобности не представляется: на специальные должности определяются только лица, кончившие курсы наук в технических учебн. заведениях, а при допущении на обыкновенные административные должности испытаний в способности правильного понимания дела и умения излагать его последовательно и грамотно, что обыкновенно и делается. Л. Брант».

БКМА. IIE – 2.

35. Проект учебного плана ИАЛ. – [Б. м., б. г.] – 23, [3] с.

Запись: на с. 1 вверху чернилами: подпись «Ал. Рубец».

БКМА. IIIC – 20.

36. Протоколы совещаний чинов педагогического персонала ИАЛ и дополнительные отзывы по проекту учебного плана Лицея. – СПб. : типолитография С.-Петербургской тюрьмы, 1903. – 99, [1] с.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху чернилами: подпись «Ал. Рубец».

БКМА. IIIC – 14.

37. Саломон А. П. [Записка директора А. П. Саломона об устройстве ИАЛ]. – [СПб., 1901.] – 70, [2] с. – Вых. дан. указаны в колофоне. – Заголовок в описи: «Документ об устройстве ИАЛ» [Мамонтова, с. 12].

На с. 1: «Копия № 80».

Приложения, см. № 19 и 33 описаний.

Запись: на с. 1 вверху чернилами: «Ал. Рубец».

БКМА. IIC – 10(a).

То же. Экз. 2-й.

На с. 1: «Копия № 1».

БКМА. IIC – 10(b).

38. Смета доходов и расходов ИАЛ на 1915 г. – Петроград : типолитография Петроградской одиночной тюрьмы, 1915. – 63, [1] с.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху карандашом: подпись «Ал. Рубец».

БКМА. IIF – 7.

39. Справка о репетициях. – [СПб., 1901.] – 8 с. – Вых. дан. и год изд. указаны в колофоне.

2-й аллигат в конволюте, см. № 19 описания.

40. Сравнительный указатель замечаний чинов педагогического персонала ИАЛ по проекту учебного плана Лицея. – СПб. : типо-литография С.-Петербургской тюрьмы, 1903. – 31, [1] с.

Запись: на с. 1 вверху чернилами: подпись «Ал. Рубец».

БКМА. IIIC – 13.

3. Памятные книжки

41. Императорский Александровский лицей. ... год.

XC–XCI год. – СПб., 1901. – [2], 39, [1] с., [3] л. табл.

БКМА. IIA – 9(a).

То же. Экз. 2-й.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху чернилами: «Александр Рубец».

БКМА. IIA – 9(b).

XCI–XCII год. – СПб., 1902. – [2], 36, [1] с. – С. 31 складной лист «Расписание учебных часов».

БКМА. IIA – 10.

XCII–XCIII год. – СПб., 1903. – [2], 35, [1] с., [1] л. табл.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху чернилами: «Александр Рубец 19 октября 1903 г.»

БКМА. IIA – 11.

XCIX–C год. – СПб., 1910. – [2], 35, [1] с., [1] л. табл.

БКМА. IIA – 13.

C–CI год. – СПб., 1911. – 31, [1] с., [1] л. табл.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху карандашом: «Передано Н. Н. Флиге по получению А. Ф. Гамма 1926».

БКМА. IIA – 14(a).

То же. Экз. 2-й.

БКМА. IIA – 14(b).

CI–CII год. – СПб., 1912. – 33, [1] с., [1] л. табл.

БКМА. IIA – 15(a).

То же. Экз. 2-й.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху карандашом: «Наградной».

БКМА. IIA – 15(b).

CII–CIII год. – СПб., 1913. – 33, [1] с., [1] л. табл.

БКМА. IIA – 16(a), (b).

CIII–CIV год. – Петроград, 1914. – 33, [1] с., [1] л. табл.

БКМА. IIA – 17(a), (b).

CIV–CV год. – Петроград, 1915. – 33, [1] с.

БКМА. IIA – 18.

CV–CVI год. – Петроград, 1916. – 33, [1] с.

БКМА. IIА – 19.

42. Памятная книжка ИАЛ на 1852–1853 год. – СПб. : в тип. Э. Веймара, 1852. – [4], 174 с.

Содерж.: ПК на 1852–1853 год. Материалы для истории городской полиции в России с древнейших времен до царствования императрицы Екатерины II, собранные воспитанником XVIII выпуска Александровского лицея князем Аркадием Юсуповым.

На тит. л. сургучный оттиск: «Совет Императорского Александровского лицея».

Записи: на форзаце вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца»; на тит. л. внизу чернилами: «Канцелярии».

БКМА. IIА – 1.

43. Памятная книжка ИАЛ на 1855–1856 год. – СПб. : в тип. Г. Трусова, 1855. – [2], 118 с.

1-й аллигат конволюта, др. аллигат, см. № 69 описания.

Суперэкслибрис: следы золотого тиснения «Д. О.» в нижней части корешка.

Запись: на форзаце вверху чернилами: «Приношу в дар Бюро Лицейской Кассы Генерал Майор Д Ознобишин Лицеист XLV курса Париж 1929».

БКМА. IIА – 2.

44. Памятная книжка ИАЛ на 1856–1857 год. – [СПб. : в тип. Э. Веймара, 1856.] – [2], 83, [1] с. – Вых. дан. на обороте тит. л. и в ценз. разрешении.

1-й аллигат конволюта, др. аллигат, см. № 61 описания.

Записи: на форзаце вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца»; на 2-м листе форзаца вверху карандашом: «собственность А. А. Рубца подарена ему Д. Ф. Кобеко».

БКМА. IIА – 3.

45. Памятная книжка ИАЛ на 1880 год. – СПб. : тип. Р. Голике, 1880. – [4], VII, [1], 20, [2], 21–158, [2], 146, [2], 17, [1], 36 с.

Содерж.: ПК 1880. Отношение государства к народному хозяйству, соч. воспитанника 36 курса Сергея Тимашева. Прогрессивный масштаб государственной подати, соч. ... Сергея Грамматчикова. Волостное и сельское управление, соч. ... Александра Хвостова. Pushkiniana. Каталог пушкинской библиотеки.

Запись: на форзаце вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. IIА – 4.

46. Памятная книжка ИАЛ на 1886 год. – СПб. : тип. Р. Голике, 1886. – XVI, [8], 277, [1], 175, [1], [2], [2] с., [4] л. ил., 3 с. нот.

Содерж.: ПК 1886. Краткий очерк истории Лицея (1861–1886 гг.), составленный Н. И. Кареевым.

Между с. 12–36 (3-я паг.) вклеено 9 л. писчей бумаги, сложенных пополам с записями и пустые.

Записи: на форзаце вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца»; там же чернилами неразборчивая подпись.

Пометы: на с. 39–122 многочисленные пометы карандашом и чернилами (сведения об изменении должности, дате смерти и т. п.);

БКМА. IIA – 5.

47. Памятная книжка ИАЛ на 1895/6 учебный год. – СПб. : тип. Р. Голике, 1895. – 224, XL, [2] с.

Запись: на тит. л. вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. IIA – 7.

48. Памятная книжка ИАЛ на 1898/9 учебный год. – СПб. : Военная тип., 1899. – [2], III, [1], II, 367, [1], 72, [2] с.

Содерж.: Исторический очерк учебного и воспитательного дела в ИАЛ за последние 12 лет. Современное состояние Лицея. О бывших воспитанниках. Некрологи. Отчет о заграничной командировке летом 1897 г. инспектора классов ИАЛ проф. И. А. Ивановского. К биографии Пушкина. (Лицейские и другие материалы) И. А. Шляпкина.

Запись: на форзаце вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. IIA – 8.

49. Памятная книжка. Издание Собрания курсовых представителей ИАЛ. – СПб. : тип. Мин-ва внутренних дел, 1907. – XI, [1], 260 с.

БКМА. IIA – 12.

4. Книги по истории ИАЛ

50. Безобразов В. П. Записка члена Совета ИАЛ, академика Безобразова о некоторых преобразованиях в системе лицейского учебного курса. – [СПб., б. г.] – 45, [1], 22 с. – Вых. дан. указаны в колофоне на с. 44 и 22 (2-й паг.).

Содерж.: Записка... академика В. П. Безобразова. Об устройстве особых университетских факультетов государственных наук. Статья Роберта фон Моля.

Запись: на с. 1 (1-й паг.) вверху чернилами: «Дар Н. Н. Флиге LIV».

БКМА. IIE – 19.

51. Гастфрейнд Н. А. 1811–1911. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому лицею. Материалы для словаря лицеистов Первого курса 1811–1817 г. / Собрал и издал Николай Гастфрейнд. Т. 1–3. – СПб. : тип. П. П. Сойкина, 1912–1913.

Т. 1. – 1912 – XIX, [1], 563, [1], XII с., [6] л. портр.

БКМА. IX – 12.

Т. 2. – 1912. – VI, 434, VI с., [7] л. портр.

БКМА. IX – 13.

Т. 3. – 1913. – IX, [3], 477, [1], X с., [8] л. портр., [1] л. ил., [5] л. факс.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху чернилами: «Ал. Рубец».

БКМА. IX – 14.

52. Голицын Н. С. Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея 1814–1829. – СПб. : тип. О. В. Ландсберг (Бакста), 1869. – [4], XI, [1], 402, [2] с.

Записи: на форзаце вверху карандашом: «Дар»; там же и на тит. л. чернилами: «Ал. Рубец».

БКМА. I – 2.

53. Грамота, пожалованная Императорскому лицею императором Александром I 22 сентября 1811 года. Издана для усиления средств Лицейского офицерского е. и. в. государыни Марии Федоровны Лазарета ИАЛ в 1916 г. – Петроград, 1916. – [4], IV, 26, [2] с., [2] л. цв. ил.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху карандашом: «Дар К. К. Миллера LIII»; на с. 1 (1-й ряд) вверху чернилами: «Глубокоуважаемому Барону Фердинанду Фердинандовичу Врангелю на добрую память от признательного издателя, заведующего Лазаретом Н. Колоколова».

БКМА. IIC – 26.

54. И. А. Л. XL курс. 1884–1909. – [СПб.,] : тип. Р. Голике, [1909]. – 61, [4] с., [3] л. ил., [2] факс., [4] с. нот.

На обороте тит. л.: «Настоящее издание отпечатано на правах рукописи в количестве 20 нумерованных экземпляров. Экземпляр 11». Вложение «Музыкальная программа вечера».

Тиснение: золотое «XL» на верхней крышке переплета.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху чернилами: «Дар Н. Н. Флиге LIV».

Пометы многочисленные: в тексте карандашом рядом с прозвищами подписаны фамилии воспитанников.

БКМА. XA – 16.

55. Ильин А. А. Памятные жетоны ИАЛ. – [СПб.] : тип. А. Бенке, 1911. – 16, [4] с., II табл.

С. [1–4] не вшиты.

Записи: на 1-й стороне обложки вверху чернилами: «сост. А. А. Ильин»; на тит. л. вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. ХА – 19.

56. Княжнин П. П. Шесть лет в ИАЛ (1870–1875) / Петр Попов (П. Княжнин). – СПб. : тип. Р. Голике и А. Вильборг, 1911. – 107, [1] с.

Запись: на тит. л. вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. I – 10.

57. Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843 / Дмитрия Кобеко. – СПб. : [тип. В. Ф. Киршбаума], 1911. – Сведения о тип. на обороте тит. л. – X, [2], 553, [1] с.

Запись: на 2-м л. форзаца вверху чернилами: «Д. Ознобишин, XLV курса»; там же ниже карандашом: «1935».

БКМА. I – 11.

58. Лёвшин Д. М. Неизданная история Лицея, составленный [!] генералом Левшиным. – [Б. м., б. г.] – 218 с. – Заглавие с папки. – «Первые 218 печатных страниц истории Лицея, составленной генералом Левшиным (издана не была)» [Архив..., с. 15].

Корректурный оттиск.

Штампы: на с. 113 синий литерный «Корректура»; овальный фиолетовый «Администрация по делам т-ва Р. Голике и А. Вильборг | – 8. – ноя. – 1911».

Запись: на с. 1 и 113 вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. I – 15.

59. Рубец А. А. Краткая историческая памятка Императорского Александровского, бывшего Царскосельского лицея / Составил по получению г. попечителя Лицея секретарь и курсовой воспитатель Лицея лицеист LIX курса А. А. Рубец. – СПб. : тип. «Сириус», 1911. – 23, [1] с., [1] л. ил.

БКМА. I – 12(a), (b).

60. Селезнев И. Я. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год / Составил по предложению Совета Лицея с соизволения е. и. выс. принца П. Г. Ольденбургского, попечителя Лицея, И. Селезневым, инспектором классов училища глухонемых, бывшим библиотекарем Лицея. – СПб. : в тип. В. Безобразова, 1861. – [4], IX, [1], 524, 201, [1], VI л. план.

Запись: на шмуцтит. вверху карандашом: «Дар И. П. Митрофанова».

БКМА. I – 1.

61. Селезнев И. Я. Материалы для истории Лицея. По поручению начальства собранные библиотекарем Лицея И. Селезневым. – [СПБ. : в тип. Э. Веймара, 1856]. – I–IV, 5–104, XLV, [6], 105–243, [1] с., [1] л. план, 16 л. нот.

2-й аллигат в конволюте, см. № 44 описания.

62. Стипендия имени Егора Антоновича Энгельгардта в ИАЛ / Издание барона Ф. Р. Остен-Сакена. – СПб. : тип. В. Киршбаума, 1905. – 16 с., [1] л. табл. – Табл.: Родословная потомков Е. А. Энгельгардта.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху карандашом: «П[…] Н. Н. Флиге по поручению А. Ф. Гамма 1926 год».

БКМА. IIC – 15.

63. Циммерман В. А. На память старым и юным лицеистам / от В. А. Циммермана, доктора философии, действительного члена Императорского Вольного экономического и других учебных обществ : [Юбилей директора Александровского лицея Н. И. Миллера 24-го марта 1868 года]. – СПб. : тип. Хотинского, 1868. – 37, [3] с.

БКМА. XA – 6.

64. Шрейер Ю. О. Пятидесятилетний юбилей е. и. выс. принца Петра Георгиевича Ольденбургского / Составлено под ред. Ю. О. Шрейера. – СПб. : тип. литография Зиберс и Фосс, 1881. – 104, 161, [3] с., [2] л. портр.

Записи: на 2-й стороне обложки вверху чернилами: «Дар И. П. Митрофанова LXVIII “Лицеане”»; на шмуцтит. внизу чернилами: «Дар И. П. Митрофанова LXVIII к.».

БКМА. I – 5.

65. Notice sur le Lycée Imperial Alexandre. – St.-Petersbourg, 1899. – 19, [1] с.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху карандашом: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. I – 8.

5. Конспекты лекций

66. Коркунов Н. М. Курс административного права, читанный в ИАЛ в 1888–89 учебном году / Н. Коркуновым : Издал М. Тизенгаузен. – [СПб., б. д.] – 492, 70, [2], 8 с.

Литография.

Суперэкслибрис: блинтовое тиснение «Д. О.» в нижней части корешка.

Тиснение: герб неустановленного лица на с. 1.

Запись: на форзаце вверху чернилами: «Приношу в дар Бюро Лицейской Кассы Генерал Майор Д Ознобишин Лицеист XLV курса Париж 1929».

БКМА. IX – 5.

67. Мякотин В. А. Лекции по русской истории / преподавателя ИАЛ В. А. Мякотина. – СПб. : тип. Р. Голике, 1892. – [2], 468 с.

Суперэкслибрис: следы золотого тиснения «И. А. Л.» в нижней части переплета.

БКМА. IX – 6.

68. Смирнов И. Н. История Православной церкви : Лекции законоучителя Иоанна Смирнова. III-го класса И. А. Лицея 1885/6 академ. года. XLIV курса. – [СПб., б. д.] – 267, [5] с.

Литография.

Суперэкслибрис: блинтовое тиснение «Д. О.» в нижней части корешка.

Запись: на форзаце вверху чернилами: «Приношу в дар Бюро Лицейской Кассы Генерал Майор Д Ознобишин Лицеист XLV курса Париж 1929»

Пометы: роспись владельца на форзаце и тит. л.

БКМА. IX – 2.

69. Смирнов И. Н. История русской церкви : Лекции законоучителя Смирнова. II класса ИАЛ. XLV курс. 1887/8 академ. года. – [СПб., б. д.] – 260 с.

Литография.

Суперэкслибрис: блинтовое тиснение «Д. О.» в нижней части корешка.

Запись: на форзаце вверху чернилами: «Приношу в дар Бюро Лицейской Кассы Генерал Майор Д Ознобишин Лицеист XLV курса Париж 1929»

Пометы: роспись владельца на тит. л.

БКМА. IX – 3.

70. Смирнов И. Н. Церковное право : Лекции протоиерея И. Смирнова. Читаные воспитанникам XLV курса И. А. Лицея в 1888/9 г. – [СПб., б. д.] – 315, [1] с.

Литография.

Суперэкслибрис: блинтовое тиснение «Д. О.» в нижней части корешка.

Запись: на форзаце вверху чернилами: «Приношу в дар Бюро Лицейской Кассы Генерал Майор Д Ознобишин Лицеист XLV курса Париж 1929»

Пометы: роспись владельца на тит. л.

БКМА. IX – 4.

6. Выпускные работы лицеистов

71. Митрофанов И. П. Очерк китайского уголовного права / Диссертация воспитанника I класса ИАЛ Игоря Митрофанова по уголовному праву 1911/12 ч. год. – [СПб., 1912]. – [3], 189, [3], 93, [15] л.

Содерж.: Рецензия проф. М. П. Чубинского. Очерк китайского уголовного права.

Рукопись.

Запись: на л. [1] (1-й ряд) внизу шариковой ручкой: «Dépôt Mr Mitrofanow ([...] Lycée Imperial) 26 juin 1963 Magasin [...] Caine 23».

БКМА. IX – 11.

72. Сабуров П. П. Торговые пути древних греков / Исследование по источникам воспитанника ИАЛ Петра Сабурова. – СПб. : в тип. Г. Трусова, 1855. – 110, [2], [1] л. карт., [2] л. грав.

2-й аллигат в конволюте, см. № 43 описания.

7. Издания лицейских обществ

73. Отчет комитета товарищеской кассы бывших воспитанников при ИАЛ за … год.

… за 1898–99 г. – СПб. : тип. Гос. банка, 1899. – 19, [1] с.

БКМА. IIC – 6.

... за 1906–1907 г. Год XVI-й. – СПб. : тип. Гос. банка, 1907. – 24 с.

БКМА. IIC – 16.

… за 1907–1908 г. Год XVII-й. – СПб. : тип. Гос. банка, 1908. – 23, [1] с.

БКМА. IIC – 17.

… за 1908–1909 г. Год XVIII-й. – СПб. : тип. Гос. банка, 1909. – 23, [1] с.

БКМА. IIC – 18.

… за 1909–1910 г. Год XIX-й. – СПб. : тип. Гос. банка, 1910. – 23, [1] с.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху карандашом: «от К. К. Миллера».

БКМА. IIC – 19.

… за 1910–1911 г. Год XXI-й. – СПб. : тип. Гос. банка, 1911. – 24 с.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху карандашом: «от К. К. Миллера».

БКМА. IIC – 23.

… за 1915–1916 г. Год XXVI-й. – СПб. : тип. Гос. банка, 1916. – 19, [1] с.

БКМА. IIC – 25.

74. Устав кружка лицеистов LXI курса в С.-Петербурге. – СПб. : тип. Ю. Н. Эрлих, 1905. – 14, [2] с.

БКМА. IIC – 14.

75. Устав Пушкинского лицейского общества. – [СПб. : тип. М. Д. Ломовского, б. г.] – 7, [1] с. – Вых. дан. указаны в колофоне.

БКМА. IIC – 32(а).

76. Устав Пушкинского лицейского общества. – [СПб. : тип. Э. Арнгольда, б. г.] – 7, [1] с. – Вых. дан. указаны в колофоне.

Запись: на с. [1] вверху чернилами: «Председатель Комитета Дмитрий Фомич Кобеко, Николаевская, 75. Секретарь – Павел Евгеньевич Рейнбот – Знаменская, 31. Казначей – Алексей Алексеевич Ильин – Пряжка, 5».

БКМА. IIC – 32(b).

77. Устав собрания лицеистов. Гор. С.-Петербург. – СПб. : типо-литография М. Карлина, 1911. – 10, [2] с.

БКМА. IIC – 22.

78. Устав ссудо-сберегательной кассы при ИАЛ. – СПб. : тип. Р. Голике, 1891. – 8 с.

БКМА. IIC – 3.

79. Устав товарищеской кассы бывших воспитанников ИАЛ. – СПб. : тип. В. Киршбаума, 1889. – 10 с.

БКМА. IIC – 2(a), (b).

80. Устав товарищеской кассы бывших воспитанников ИАЛ. – СПб. : тип. Е. Евдокимова, 1898. – 10 с.

БКМА. IIC – 5(a), (b), (c), (d), (e).

8. Разное

81. Гнедич П. П. Художник древнерусского быта // Книжки «Недели». – 1894. – Май. – С. 1–12.

Запись: на обороте верхней крышки вверху карандашом: «Шварц, Вячеслав Григорьевич XXIII курс».

БКМА. IX – 15.

82. Грот Я. К. Екатерина II и Густав III / академика Я. К. Грота. Приложение к XXX тому Записок Императорской Академии наук. – СПб., 1877. – [2], 115, [1] с.

Записи: на 1-й стороне изд. обложки карандашом вверху: «От А. Н. Яхонтова LV к.»; там же ниже: «(VI к.)»; на 2-й стороне изд. обложки карандашом: «Постараюсь застать тебя завтра, а пока вот Тебе на дорогу. Твой […]»; там же ниже: «Дорогой мой приятель Никол. Александр. Васильчиков – последнее мое свидание с ним в Петербурге».

БКМА. IX – 1.

83. Евреинов В. О преимуществах по гражданской службе воспитанников учебных заведений. (Исторический очерк). – [Б. м., б. г.] – 46 с.

БКМА. IIE – 18.

84. Кульман Н. К. К истории масонства в России. Кишиневская ложа. – СПб. : Сенатская тип., 1907. – 33, [1] с.

Записи: на 1-й стороне обложки вверху слева чернилами: «от Митрофанова LXVIII к.»; там же справа: «от автора»; там же карандашом: «стр. 6»; на 4-й стороне обложки вверху чернилами: «План С Л».

БКМА. IX – 8.

85. Правила и программы для поступления в первый класс С.-Петербургской шестой гимназии. – СПб. : тип. В. Д. Смирнова, 1912. – 7, [1] с.

БКМА. IIIC – 17.

86. Самойлович И. А. Внеклассное чтение учащихся, как одна из важнейших задач начальной школы, и желательная его постановка // Педагогический вестник Московского учебного округа. – [Б. г. – Б. №.] – С. 1–13.

БКМА. IIIC – 23.

87. Средин А. В. Полотняный завод // Старые годы. – 1910. – Июль-сентябрь. – [5], 35, [2] с., [12] ил. ; ил.

Запись: на 1-й стороне обложки вверху чернилами: «Дар А. А. Рубца».

БКМА. IX – 10.

Архив Императорского Александровского лицея, временно хранящийся в Королевском военном музее в Брюсселе / сост. Н. Н. Флиге, И. П. Митрофанов. Таллин, 1937.

Императорский Александровский Лицей. 1811. 19 окт. 1961 : Памятная книжка лицеистов. [Мюнхен], 1961.

Королевский музей армии и военной истории Бельгии. Ф. «Императорский Александровский лицей» (Musée royal de l'Armée et d'Histoire militaire, «Depôt "Lycée Alexandre"»; БКМА).

Мамонтова Е. Опись Архивного фонда Императорского Александровского лицея = Inventaire du Fonds d'Archives du Lycée Impérial Alexandre. Брюссель : Королевский музей армии, [2001].

Mamontova E. Inventaire du Depôt de l'Association des anciens eleves du Lycee Imperial Alexandre concerve au Musee royal de l'Armee et d'Histoire militaire. Bruxelles, [1999].

УДК 651.012.12

М. А. Докучаева

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ: КАК ПРЕОДОЛЕТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ?

Статья посвящена проблемам преодоления сопротивления персонала различного уровня процессам внедрения в организации системы электронного документооборота, написана на материале крупной организации, обеспечивающей охрану в сфере топливно-энергетического комплекса (далее ТЭК).

© Докучаева М. А., 2018

Ключевые слова: организация, система электронного документооборота (СЭД), документы, документооборот, подразделения охраны, рабочая группа, делопроизводство.

Внедрение новых технологий в современной организации связано с преодолением сопротивления персонала на всех ее уровнях. Процесс внедрения и развития систем СЭД не является исключением.

Внедрение любого новшества в организации сопряжено с психологическим процессом восприятия изменений, который является неоднородным и, в зависимости от настроя субъекта, может проходить определенные фазы. В литературе данные фазы характеризуются следующим образом. При отрицательном отношении к новшествам – это шок, отрицание, отказ продолжать деятельность, депрессия, проверка, принятие, стабильная работа. При положительном отношении – это неинформированный оптимизм, информированный пессимизм, решимость и преданность, робкий реализм, информированный оптимизм, стабильная работа [см.: Лобанова]. Наиболее сильное сопротивление возникает при отрицательном отношении к изменениям.

Чтобы определить интенсивность сопротивления восприятия у персонала организации проекта внедрения СЭД в организации, необходимо разобраться с причинами и интенсивностью происходящих изменений, исходя из исторических, структурных, ресурсных, функциональных, технологических и социальных аспектов деятельности. Рассмотрим эти основные аспекты.

Исторический аспект развития рассматриваемой организации обусловлен особенностями ее формирования как филиала крупного энергетического холдинга. Организация создана в 2008 г. во исполнение решения Совета директоров холдинга для охраны продукции, объектов, предназначенных для ее добычи, переработки, транспортировки и хранения, а также иного имущества, необходимого для производственной деятельности. Охраняемые объекты и продукция находятся на территории Свердловской, Челябинской, Курганской, Тюменской областей.

В 2009–2010 гг. происходит формирование филиала и его подразделений, комплектование штатной численности, начинается взаимодействие с местными органами власти, настраиваются основные процессы, обеспечивающие охранную деятельность.

В 2012 г. в организации начинается внедрение СЭД на базе Enterprise Office Solution for SharePoint (далее EOSS) и серверной части СУБД MS SQL Server, разработчик компания «Электронные офисные системы» (ЭОС).

Разработчики предоставили базовое техническое решение, адаптация которого к сложившимся процессам документооборота осуществлялась собственными силами работников организации, включая разработку соответствующих нормативных документов и инструкций пользователей.

В 2013–2015 гг. в организации происходит оптимизация применения сил и средств охраны. В этот период вступает в силу Федеральный закон от 20.04.2014 г. № 75-ФЗ, вносящий изменения в отдельные законодательные акты (в т. ч. в Федеральный закон от 14.04.1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране») по вопросу создания ведомственной охраны для обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса [см.: О внесении изменений...]. В 2015 г. выходят два постановления Правительства Российской Федерации [см.: Об утверждении Положения...; О некоторых вопросах...], открывающие холдингу возможность создания ведомственной охраны. В 2016 г. приказом руководителя холдинга организация как филиал получает статус ведомственной охраны [см.: Положение о филиале...]. В 2017 г. организация продолжает развиваться в этом направлении, оптимизируя сложившиеся процессы охранной деятельности и ее сопровождения.

Внедрение СЭД было начато в 2009 г. в начале стабилизации основных организационных процессов, когда организация еще была восприимчива к изменениям. В настоящее время развитие СЭД продолжается в условиях реинжиниринга и оптимизации основной деятельности. Одновременно происходит несколько технологических изменений, которые обеспечивают ограниченное число специалистов соответствующей квалификации, которые вынуждены расставлять приоритеты между сопровождаемыми проектами не в пользу СЭД. Аналогичным образом действуют руководители подразделений, где внедряются новые проекты. Такая обстановка не способствует активному развитию СЭД, приводит к скрытому и явному саботажу мероприятий, направленных на расширение круга пользователей и внедрение нового, еще не реализованного функционала (невыполнение поручений о проверке данных СЭД в части, касающейся документации соответствующего подразделения, игнорирование замечаний о некорректной работе в СЭД, отказ от тестирования новых функций и т. д.).

Особенности структуры организации также оказывают влияние на процесс внедрения СЭД.

Документационной деятельностью в рассматриваемой организации занимаются специалисты подразделений и руководители различных уровней, составляющие 10 % от всей численности работающих. Они осуществляют свою деятельность в 10 основных структурных подраз-

делениях (аппарате при руководстве – далее АПР, бухгалтерии, отделе кадров, отделе организации охраны, отделе материально-технического обеспечения, отделе технического сопровождения – далее ОТС, финансово-плановом отделе, трех подразделениях охраны со своей разветвленной административной структурой). Методические и координирующие функции по документационному обеспечению управления (далее ДОУ) возложены на АПР [см.: Положение об аппарате...].

Руководители подразделений организуют и контролируют деятельность подразделений в сфере ДОУ, а главный специалист АПР определяет общие для всех формы, методы и правила организации ДОУ, оценивает их соответствие политике работы с документами организации, планирует отчетные и иные управленческие мероприятия, связанные с документацией организации. При этом секретари руководителей подразделений административно подчиняются начальнику подразделения охраны (поручения, сроки, дисциплина по работе с документами подразделения), а функционально – главному специалисту АПР (поручения, сроки, дисциплина по проектам на уровне всей организации, например, организация подготовки дел к архивному хранению).

С учетом особенностей организационной структуры, штатного расписания и подходов к управлению организацией реализована децентрализованная форма организации документационного обеспечения деятельности. Имеется четыре структурных звена, осуществляющих делопроизводственные функции: администрация, подразделение охраны 1, подразделение охраны 2, подразделение охраны 3. Здесь осуществляются непосредственный прием и обработка поступающих и отправляемых документов, в т. ч. конфиденциальных, их регистрация, контроль исполнения, изготовление, тиражирование, оперативное хранение и подготовка к передаче на архивное хранение. Разработка локальных нормативных документов по делопроизводству, общий контроль реализации правил работы с документами осуществляются работниками АПР.

В рассматриваемом в данной статье филиале крупного холдинга ТЭК реализуется смешанный принцип организации документооборота. При этом операции по созданию, подготовке к архивному хранению и хранение дел осуществляются в подразделениях, а регистрация документов и систематизация дел – в АПР (на участке администрации) и секретарями подразделений охраны. Создание, регистрация, хранение кадровых и бухгалтерских документов осуществляются соответственно в отделе кадров и бухгалтерии.

Итак, административное управление документационным обеспечением организации осуществляют руководство и начальники подразделений

охраны (7 чел.), функциональное – начальники отделов администрации, в т. ч. главный специалист АПР (7 чел.), а методическое обеспечение документационной деятельности – работники АПР (4 чел.).

Для обеспечения учета, движения, хранения, уничтожения документов в каждом структурном подразделении организации приказами по основной деятельности назначены лица, ответственные за работу с открытыми и конфиденциальными документами. Эти работники составляют более 30 % всего административно-управленческого состава организации.

Одна из главных проблем в процессе внедрения СЭД – это «человеческий фактор». Именно людям приходится работать с системой. Новая технология эффективно заработает только после того, как работники организации осознают ее необходимость и поймут все особенности процесса перехода к работе в СЭД.

Административно-управленческий персонал организации сформирован преимущественно из бывших сотрудников силовых структур, работников финансовой сферы, отраслей ТЭК и незначительно из выпускников высших гуманитарных учебных заведений. Средний возраст этого персонала – 41 год. Уровень и направления образования, возраст административно-управленческого персонала формируют особые условия для внедрения технологических новшеств.

Для большинства работников электронные технологии не воспринимаются как неотъемлемая часть деятельности. Некоторые из них только в организации впервые столкнулись с электронной почтой, специальными программами, электронными таблицами и базами данных. На приобретение навыков уверенного пользователя различными офисными программами, по наблюдениям автора, у новых сотрудников уходит от одного года до трех лет.

В связи с этим «человеческий фактор» в данной организации создает определенные трудности при переходе на электронную технологию ДОУ.

Следующим важным условием успешного внедрения СЭД является функциональный аспект деятельности организации.

Информация внутри организации и за ее пределы передается с помощью документов, которые с некоторой долей условности можно разделить на четыре основных категории. Первая – собственно управленческая (организационная, распорядительная, информационно-справочная и договорная) документация, которая составляет приблизительно 30 %[1]

[1] Здесь и далее приводятся данные, рассчитанные по сводной номенклатуре дел администрации за 2017 г.

от всей документации организации. Вторая – финансовая – составляет 26 %. Третья категория связана с основной деятельностью и ее обеспечением. Она включает документы о фактах (попытках) хищений и нанесения ущерба имуществу холдинга ТЭК на охраняемых объектах (служебные записки, справки, информационные письма); документы по повышению безопасности персонала и антитеррористической защищенности охраняемых объектов (планы, справки, акты, переписка и др.), документы по обороту служебного оружия и специальных средств; аналитические (отчетные) документы о деятельности охранных подразделений (сводки, обзоры, справки, отчеты, докладные записки и др.); обширную переписку по охранной деятельности и ее обеспечению, ряд документации по охране труда, обучению и проверкам, связанным с ней, документацию по обеспечению подразделений вещевым и иным имуществом и техническими средствами для охраны и организации охранной деятельности. Эта документация составляет 26 %. Четвертая – кадровая – составляет 18 %. Она достаточно стандартна. Ее особенностью является обширный перечень документации распорядительного характера, связанной с предоставлением социальных льгот и гарантий работникам.

Необходимо отметить, что финансовая документация, связанная с ней кадровая, а также документация по обеспечению охранной деятельности (договоры и др.) в рассматриваемой организации формируются и учитываются в отдельной специализированной программе. Перевод этих документов в СЭД не планируется.

Использование СЭД на всех этапах жизненного цикла документа предполагается преимущественно для управленческой документации, условно включенной автором в первую категорию документов. Как уже отмечалось, эти документы составляют 30 % всего массива документов организации.

В первую очередь в СЭД переведены информационно-справочные документы (служебные и докладные записки, акты, протоколы, письма и др.), затем организационные (положения, инструкции, регламенты, правила) и распорядительные документы (приказы и распоряжения). Кроме того, в СЭД планируется включить заявки на командировки и оплату договоров (пока данные документы обрабатываются в рамках традиционной технологии).

Регистрация договоров в настоящее время осуществляется в специализированной программе холдинга, а также размещается на сайте государственных закупок в рамках исполнения Федерального закона от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [см.: О закупках...].

В связи с особенностями деятельности организации, требованиями законодательства Российской Федерации, положениями локальных нормативных документов часть документации организации носит конфиденциальный характер [см.: О внесении изменений в приказ...]. Конфиденциальный характер информации определяет особый режим создания, обращения, хранения и уничтожения этих документов. Всего в 2017 г. в организации числилось 5 % таких дел. Больше всего подобных дел и документов учитывается на делопроизводственном участке администрации. Рост объема конфиденциальной информации, по наблюдениям автора, составляет 7–10 % в год.

Порядок работы с документами, содержащими конфиденциальную информацию, определяет Инструкция по конфиденциальному делопроизводству холдинга [см.: Инструкция...], которая предполагает использование традиционной «бумажной» технологии.

Конфиденциальные документы требуют организации контроля исполнения поручений и учета при анализе документооборота, а эти функции в организации реализуются только в СЭД. Поэтому информация об этих документах размещается в СЭД организации (без прикрепления сканированных копий документов).

Необходимо отметить, что руководители подразделений среднего уровня и руководители подразделений охраны непосредственно в СЭД не работают. Имея соответствующие лицензии, они делегируют эти функции лицам, ответственным за делопроизводство в подразделении, назначенным соответствующим приказом [см.: О назначении...], или другим подчиненным, имеющим лицензии. Такой подход вызывает конфликты с другими подразделениями при выполнении задач во взаимодействии, так как в спорных ситуациях оценки качества и своевременности выполнения задач трактуются как нарушение субординации.

По отношению к СЭД административно-управленческий персонал рассматриваемой организации можно разделить на четыре группы:

1. Сотрудники, заинтересованные в развитии СЭД. Эту группу составляют: руководство организации, работники АПР, секретари подразделений охраны, работники ОТС. Всего 7 % административно-управленческого персонала.

2. Сотрудники информированные, имеющие лицензии на работу в СЭД, выполняющие возложенные на них функции, но нейтральные по отношению СЭД. Они работают не только в СЭД, но и в других программах и владеют соответствующими навыками, воспринимают каждый программный продукт как инструмент для выполнения соответствующей функции.

Отношение к инструменту формируют исходя из его удобства, с одной стороны, и обязательности применения, с другой. Но в целом все равно, в какой программе выполнять свои функции при прочих равных условиях. Они составляют 45 % административно-управленческого персонала и свое отношение к СЭД определят только после получения первого опыта работы в системе.

3. Активно сопротивляющиеся работе в СЭД: руководители и специалисты охранных подразделений среднего уровня, начальники подразделений охраны, работники отдела организации охраны. Такие сотрудники составляют 13 % административно-управленческого персонала. Их отрицательное отношение к СЭД обусловлено отсутствием навыков работы в СЭД, нежеланием раскрывать особенности исполнения документов, а также в определенной степени нежеланием переходить на новую систему в связи с привычкой организовывать контроль и постановку задач, сформированной за четыре первых года работы организации до внедрения СЭД. Многие считают, что так удобнее и быстрее работать.

4. Недостаточно информированные руководители нижнего управленческого звена, не включенные в систему СЭД по техническим причинам. Эти безразличные сотрудники составляют 35 %.

Таким образом, баланс «противоборствующих» сил складывается не в пользу дальнейшего развития СЭД: всего 7 % административно-управленческого состава организации активно поддерживают систему, 13 % – сопротивляются ей. При этом значительная доля (35 %) сотрудников не вовлечена в процесс и существенную долю (45 %) составляют те, кто потенциально могут выступить сторонниками СЭД или ее противниками.

Необходимо отметить, что при исчислении общего объема документооборота исследуемой организации допускаются различные ошибки. Поэтому сведения об объеме документооборота носят весьма приблизительный характер. Отчасти причиной ошибок является смешанный принцип организации документооборота, предполагающий децентрализованный учет значительной части документов.

С момента создания организации регулярно учитывались только организационные и распорядительные документы. С момента образования организации и до начала реализации СЭД в 2012 г. количество регистрируемых документов неуклонно увеличивалось. В 2009 г. в организации было зарегистрировано 10 556 документов, в 2010 г. – 13 300 (рост 26 % за год), в 2011 г. – 16 878 (рост 27 % за год и 60 % по отношению к 2009), в 2012 г. – 18 955 (12 % за год и 80 % – по сравнению с 2009 г.).

С 2013 г. наметилось снижение документооборота, его объем составил уже 15 598 документов (18 % к предыдущему году и 48 % к первому). В 2014 г. тенденция снижения продолжилась, в СЭД было зарегистрировано 11 828 документов (24 % к предыдущему году и 12 % к 2009 г.). В 2015 г. объем документооборота снизился несущественно, составив 10 983 документа (7 % к предыдущему году и 4 % к 2009 г.), в 2016 г. объем документооборота вновь увеличился и составил 11 729 ед. (7 % к предыдущему году и 11 % к 2009 г.). В 2017 г. за счет упразднения дублирования регистрации распорядительных и исходящих документов филиала, производимых на участке администрации и в подразделениях охраны, документооборот совершил еще один скачок в сторону снижения и составил 9703 ед. (17 % к предыдущему году и 8 % к 2009 г.).

На данном уровне развития СЭД в организации в систему заносятся сканируемые копии документов (кроме конфиденциальных), подготовленных на бумажных носителях. Параллельно с СЭД существуют бумажные оригиналы документов. Такая ситуация обусловлена неготовностью менеджмента и большинства руководителей среднего звена отказаться от традиционной технологии, в т. ч. привычка к бумаге, недоверие к электронным системам, нежелание работать с электронными ключами, в СЭД, нежелание обеспечить прозрачность контроля своей деятельности, а также отсутствие требований по созданию и согласованию некоторых документов в электронном виде (к документации, подлежащей регистрации в СЭД, не отнесены справки и различного рода заявки). Кроме того, ряд документов не регистрируется в СЭД, так как она классифицирована как система для обработки открытой информации, включая общедоступные персональные данные согласно соответствующему закону [см.: О персональных данных...], а также в связи с отнесением к нерегистрируемой корреспонденции в СЭД согласно нормативным документам холдинга [см.: Инструкция..., с. 333]. Например, поздравительные письма и телеграммы, формы статистической отчетности, анкеты кандидатов на работу, заявления работников личного характера (отпуск и т. д.), конверты, небумажные носители информации, документы, требующие собственноручного подписания и последующего возврата и некоторые другие [см.: Там же]. На основе документации холдинга в филиале разработана своя инструкция, в которой также определены документы, подлежащее и не подлежащие регистрации в СЭД [см.: Об утверждении...]. Так, к числу нерегистрируемой корреспонденции в дополнение к вышесказанному отнесены заявки пользователей на использование корпоративных ресурсов, передачу прав пользователей СЭД, заключения, заявки, замечания,

справки-обоснования к договорам, первичная бухгалтерская документация по товарам и услугам, заявки на оплату, кадровая документация в части отзывов и характеристик работников.

К моменту ввода СЭД (2012) в тестовую эксплуатацию объем регистрируемых документов увеличился на 80 % по сравнению с первым годом работы организации (2009). К этому моменту в документационном обеспечении управленческой деятельности организации имелись значительные недостатки. Во-первых, слабая исполнительская дисциплина (не более 56 % документов исполнялось в требуемый срок). Во-вторых, дублирование функций работников ДОУ из-за того, что учет и регистрация документов осуществлялись в бумажной учетно-регистрационной форме (журналы приказов и распоряжений) и параллельно – в электронных таблицах для осуществления справочной работы по документам. Дублирование регистрации также наблюдалось на участках подразделений охраны (копий организационных и распорядительных документов администрации, исходящих из администрации и входящих от подразделений охраны). В-третьих, движение документов осуществлялось физическим путем через ячейки в приемной и в подразделениях, что иногда приводило к потере документов или спорам по поводу их наличия или отсутствия. В-четвертых, встречались случаи несвоевременного доведения документов до исполнителей, так как электронная почта не обеспечивала полноту передачи информации в связи с тем, что к ней не были подключены все подразделения. Внедрение СЭД в организации рассматривалось как способ устранения этих недостатков.

Для решения данных задач была создана рабочая группа, возглавляемая первым заместителем директора [см.: О создании…]. В состав рабочей группы вошли руководитель и специалисты отдела ОТС, специалисты и служащие, обеспечивающие реализацию функций ДОУ на делопроизводственных участках (работники АПР и секретари подразделений охраны). Юрисконсульты в состав рабочей группы отказались войти. По мнению некоторых авторов, разработка и внедрение программного обеспечения, решения рабочей группы должны подвергаться правовой оценке и регулированию. Например, в части правового статуса электронных документов, правовой основы применения СЭД, сохранения и защиты официальных текстов локальных нормативных актов, определения принадлежности работников к субъектам электронного документооборота, определения правового режима компьютерной информации и баз данных [см.: Кормильцева]. На практике в данной организации эта функция

реализуется только через согласование нормативных документов, разрабатываемых другими участниками рабочей группы, а правовая оценка решений, принимаемых рабочей группой, не осуществляется.

При выборе технического решения для внедрения СЭД в организации рабочая группа ориентировалась на следующие требования, выдвинутые холдингом для СЭД:

– соответствие стандарту взаимодействия систем автоматизации документационного обеспечения, разработанному «Гильдией Управляющих Документацией» [см.: Стандарт взаимодействия...];

– обеспечение поддержки средств криптографической защиты информации (механизмы ЭЦП и шифрования с использованием алгоритмов государственного стандарта [см.: ГОСТ 28147-89...], которые реализуют такие компании, как «БлокХост-ЭЦП», «Крипто-Про»).

Напомним, что в итоге было выбрано техническое решение на базе EOSS и серверной части СУБД MS SQL Server. Выбранное решение представляет собой своеобразный конструктор, позволяющий гибко адаптировать программный продукт к изменяющимся делопроизводственным процессам в развивающейся организации.

К 2017 г. для реализации данного решения приобретены серверная лицензия EOSS, ее клиентская часть «Участник» для 31 % от потенциального количества пользователей из числа административно-управленческого персонала, опция «Сканирование без распознавания», а также сертифицированные ключи электронно-цифровой подписи (ЭЦП) для всех лиц, принимающих участие в согласовании и издании внутренних документов (6 % административно-управленческого состава).

В 2017 г. соответствующим приказом СЭД в организации была введена в опытную эксплуатацию [см.: О начале…].

Рабочей группой разработана и внедрена инструкция по работе с документами в СЭД [см.: О вводе…]. Было разработано пять инструкций пользователей: по работе с входящими документами, по работе с поручениями, по работе с регистрацией и рассылкой исходящих документов, по работе с внутренними запросами руководителей структурных подразделений и по информационно-справочной работе по зарегистрированным документам.

За шесть лет реализации СЭД удалось сократить количество регистрируемых документов на 8 % по сравнению с первым годом работы организации и на 49 % – по сравнению с периодом максимального роста документооборота (2012). Для специалистов, сопровождающих ДОУ, это положительный момент. Секретари подразделений охраны частично вы-

полняют функции делопроизводителей и имеют другую существенную функциональную нагрузку. К тому же задача по оптимизации документооборота и его сокращению ставилась перед рабочей группой на этапе начала внедрения СЭД и была выполнена.

Снижение объема документооборота достигнуто за счет исключения дублирования регистрации документов между самостоятельными удаленными участками делопроизводства по документам администрации (исходящие, приказы, распоряжения), а также через сокращение служебных записок за счет решения вопросов взаимодействия в рабочем порядке с использованием электронной переписки и через постановку поручений в СЭД по инициативным запросам подразделений.

За этот период в единую корпоративную сеть передачи данных было включено 90 % административно-управленческого состава, 100 % руководителей обеспечено сертификатами для ЭЦП [см.: Отчет о работе ОТС...], уровень исполнительской дисциплины по документам по данным СЭД повысился до 93 % [см.: Отчет о работе АПР...]. СЭД обеспечила прозрачность учета, движения, регистрации документов и информирования работников по принимаемым управленческим решениям (таблица).

Реализация базового функционала СЭД к 2017 г.

№ п/п	Базовый функционал	Реализованный	% использования
1	Регистрация документов	Регистрация входящих, исходящих и внутренних документов	100
2	Назначение и контроль исполнения поручений	Назначение по вертикальному, горизонтальному уровню	100
3	Информационно-справочная работа	1. Справочная работа по зарегистрированным документам. 2. Автоматическая рассылка сканов зарегистрированных документов по электронной почте. 3. Телефонный справочник. 4. Автоматические уведомления о документах и поручениях.	80

Окончание таблицы

№ п/п	Базовый функционал	Реализованный	% использования
		5. Размещение управленческих новостей. 6. Размещение профсоюзной информации. 7. Порталы подразделений. 8. Потребуется разработка сервиса по выдаче справки по состоянию этапов согласования документа и документам, находящимся в архиве	
4	Согласование документов (договоров, внутренних)	В разработке соответствующие ТЗ	10
5	Производство электронных документов	1. Приобретены ЭЦП для всех подписантов. 2. Реализована процедура ознакомления с документами. 3. Требуется разработка внутренних нормативных документов и обучение	20
6	Аналитическая	1. Отчетность по статистике документов. 2. Отчетность по контролю исполнения документов. 3. Потребуется отчетность по производству и согласованию документов, а также по архиву	40
7	Электронный архив	Полуавтоматическое формирование описей дел организационно-распорядительных документов	5
ВСЕГО в среднем:			50,7 %

С 2018 г. план развития СЭД в организации предусматривает переход в новое качественное состояние – согласование договоров и организационных, и распорядительных документов в электронном виде и последующее их производство с помощью безбумажной технологии.

В середине 2017 г. в организации произошли кадровые изменения – инициатор внедрения СЭД уволился из организации, а руководитель, осуществляющий прямое управление рабочей группой, в настоящее время имеет другие приоритеты, связанные с реинжинирингом бизнес-процессов организации. Добившись реализации более 50 % функционала электронного документооборота и более чем 30 % охвата участников, рабочая группа столкнулась с необходимостью пересмотра целей, установок, подхода и мотивации к внедрению СЭД в организации. Оставшийся технически реализованный, но неиспользуемый сотрудниками функционал СЭД может быть применен на практике только при наличии соответствующего управленческого «заказа» и при соответствующей административной поддержке.

Далее рассмотрим вопросы мотивации персонала. Мотивация, по мнению автора, является одним из важных факторов, обеспечивающих успешное внедрение СЭД в организации.

За шесть лет работы поощрения от руководства рассматриваемой в статье организации удостоились только два участника рабочей группы: сотрудник, осуществляющий техническое сопровождение системы, и сотрудник, осуществляющий функции ДОУ на участке администрации. В первом случае применялось материальное поощрение, во втором – моральное. Всего за время существования проекта реализации СЭД было поощрено 20 % от постоянно действующего состава рабочей группы.

Работники, обеспечивающие документационное сопровождение деятельности предприятия и являющиеся членами рабочей группы, на протяжении всего времени осуществления проекта работают в режиме, отклоняющемся от нормального. Регулярно происходят технологические изменения. Ежегодно отдельными частями дорабатывается программное обеспечение СЭД. Случаются аппаратные сбои, после которых приходится проводить экстренное восстановление данных. По требованию руководства холдинга введена двойная нагрузка по учету конфиденциальных документов (в журналах на бумажных носителях и в СЭД). По мнению автора данной статьи, внедрение нового программного обеспечения, расширение функционала работников может расцениваться как изменение условий труда. Об этих изменениях работодатель должен заблаговременно, не позднее чем за 2 месяца, предупреждать работников [см.: Трудовой

кодекс…, ст. 74]. Появление у работника дополнительного функционала (исполнение обязанностей руководителя при работе в СЭД, выполнение функционала НИОКР) – должно дополнительно оплачиваться [см.: Трудовой кодекс…, ст. 60.2, ст. 72]. В рассматриваемой организации данные требования пока не выполняются в связи с наличием иного мнения у лиц, уполномоченных подготавливать и принимать решения от лица работодателя.

По наблюдениям автора, работники, выполняющие функции ДОУ, ежегодно получают увеличение функциональных обязанностей. Например, должностная инструкция секретаря подразделения охраны 1 в 2011 г. содержала 17 функций [см.: Должностная инструкция от 20.06.2011], в 2014 г. – 27 [см.: Должностная инструкция от 18.06.2014], а в 2016 г. – 34 функции [см.: Должностная инструкция от 28.12.2016]. Таким образом, обязанности работников ДОУ количественно увеличились в два раза. Регистрация документов для них – одна из обязанностей, и сокращение объема работы в этом направлении в целом не влияет на общую нагрузку. Отметим, что оклад данной категории работников изменялся согласно ежегодной индексации, предусмотренной Коллективным договором, без учета изменения функционала.

Выполняя творческие функции по разработке и оптимизации процессов (НИОКР), связанных с документооборотом организации, члены рабочей группы не получают ощутимых выгод морального, материального или технологического плана. Параллельно СЭД развивается традиционная технология работы с документами, фактически упрощены только справочно-информационная работа с документами и анализ исполнительской дисциплины. Отсутствие мотивации обесценивает творческую деятельность, направленную на совершенствование системы управления документации в организации, снижает ее эффективность, а развитие и востребованность традиционной технологии работы с документами и привычка к ней не способствует выводу проекта развития СЭД на новый уровень.

Итак, мотивация работников, участвующих в развитии СЭД, ограничена, а выполняемый дополнительный функционал может быть оспорен в рамках трудового законодательства. Отсутствие необходимой мотивации персонала, в первую очередь членов рабочей группы, отрицательно сказывается на перспективах развития СЭД в рассматриваемой организации.

Технологический аспект работы организации является базисным для проекта внедрения СЭД в организации и требует не менее детального рассмотрения, чем ранее изложенные.

В рассматриваемой организации одновременно происходит несколько технологических изменений, затрагивающих деятельность всех подразделений организации, связанных с внедрением и развитием 15 программных продуктов. Для обеспечения управления организацией внедряются три программы: система автоматизированного документооборота и контроля, система учета договоров и закупок, сайт отчетности о закупках по государственным контрактам. Для контроля и обеспечения финансовой деятельности организации внедряются и развиваются шесть программ: автоматизированная система бухгалтерского учета организации в старой и новой версиях (переходный период), а также три автоматизированные системы бухгалтерского учета вышестоящей организации и система учета движения автотранспорта. Для учета и организации кадровой работы внедрено также три продукта: система кадрового учета организации в старой и новой версиях (переходный период) и система кадровой отчетности холдинга. И наконец, для сопровождения охранной деятельности – три программных продукта: система регистрации событий по охране объектов и имущества, система регистрации перемещений охраны, сайт регистрации событий по охране объектов и имущества вышестоящей структуры.

Разветвленная корпоративная сеть передачи данных, в которой работают сотрудники, пока не может обеспечить высокую скорость, особенно в северных территориях. Данный фактор также не является положительным для внедрения новых технологий и вызывает опасения пользователей в том, что с включением большего числа участников скорость работы СЭД станет еще меньше. Таким образом, технологический аспект можно также отнести пока к факторам-ограничителям развития СЭД.

Проанализировав основные аспекты деятельности организации, обеспечивающие условия реализации СЭД, мы можем заключить, что проект внедрения системы электронного документооборота организации находится в наиболее острой фазе сопротивления изменениям с тенденцией выхода из кризиса. Для членов рабочей группы эту фазу можно определить как информированный пессимизм, переходящий в фазу решимости и преданности (отступать нельзя, вложено много сил и средств), для новых пользователей – как депрессию, для тех, кто работает в системе не первый год – как проверку технологии. В этой фазе проект либо прекратит свое существование, либо обретет поддержку на основе вовлечения в него широкого круга сотрудников организации при соответствующей мотивации и информировании.

Исходя из вышесказанного, можно предложить следующую стратегию преодоления сопротивления внедрению СЭД:

1. Рабочей группе по внедрению и развитию СЭД взять тайм-аут по внедрению нового функционала среди пользователей СЭД до перехода технологических изменений процессов, связанных с основной деятельностью и финансами в стандартный режим работы (к первому кварталу 2018 г.).

2. Уточнить цели и задачи развития СЭД на ближайшие два года у заказчика – директора организации, вступившего в должность в середине декабря 2017 г.

3. Сконцентрироваться на анализе и оценке достигнутых результатов, поиске вариантов увеличения сторонников на организационной и функциональной основе, используя демонстрацию преимуществ электронной технологии (например, оформление и согласование служебной записки на командировку через СЭД по безбумажной технологии с использованием ЭЦП).

4. Разработать варианты мотивации сотрудников (с использованием материального и нематериального стимулирования) к технологическим изменениям, разрешить спорные вопросы, связанные с выполнением дополнительных функций при сопровождении электронного документооборота. К данной работе привлечь психологов организации.

Тактические действия для преодоления сопротивления внедрению СЭД могут быть следующие:

1. Довести достигнутые результаты внедрения СЭД до руководителей всех уровней с использованием внутренних средств коммуникации организации (новостной портал СЭД, рассылка по электронной почте, доклад о результатах деятельности рабочей группы на ежеквартальном собрании работников администрации и подразделений охраны).

2. Пересмотреть состав рабочей группы, усилить ее руководителем первого уровня, а также руководителями подразделений, документация которых находится на стадии перевода в систему электронного документооборота (финансовый отдел, отдел организации охраны), юристами для оценки правовой составляющей проекта и организации внедрения согласования договоров.

3. Провести ряд обучающих мероприятий с демонстрацией преимуществ СЭД для работников удаленных подразделений с использованием собраний коллектива и совещаний руководителей.

4. Провести ряд обучающих мероприятий для работников подразделений, которые только начали работу в СЭД и встретились с сопротив-

лением других участников (например, функция технического контролера по поручениям начальника отдела).

5. При приобретении дополнительных лицензий и их распределении для работы в СЭД ввод их в эксплуатацию оформлять приказами.

6. Определить виды документов, с которыми в СЭД могут работать новые пользователи (например, начальники подразделений охраны среднего и начального управленческого звена), довести эту информацию до исполнителей путем издания соответствующего приказа.

7. Единовременно поощрить всех участников рабочей группы по внедрению СЭД, подведя итоги первого этапа (материальное и нематериальное поощрение по решению руководителя рабочей группы).

8. Для подготовки пользователей СЭД к внедрению процедуры электронного согласования документов подготовить и издать приказ, определяющий виды документов, подлежащих согласованию в СЭД с определенного момента.

9. Подготовить электронные шаблоны заявок, типовых служебных записок и др., в создании которых участвует большинство управленцев, при условии, что простыми шаблонами они смогут пользоваться только при работе в СЭД (например, заполнение заявки на командировку).

Итак, в рассматриваемой организации процесс внедрения СЭД находится в стадии максимального сопротивления изменениям, обусловленного комплексом факторов. Предложенная стратегия и тактика позволят это сопротивление ослабить и сделать процесс дальнейшего внедрения изменений более комфортным.

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу создания ведомственной охраны для обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса : Федер. закон от 20.04.2014 г. № 75-ФЗ. Ст. 1832 СЗ РФ.

О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : Федер. закон от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ. Ст. 4571 СЗ РФ.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 16.01.2017).

Об утверждении Положения о ведомственной охране… : Постановление правительства Российской федерации от 30.04.2015 г. № 431. Ст. 2835 СЗ РФ.

О некоторых вопросах деятельности ведомственной охраны по обеспечению безопасности объектов топливно-энергетического комплекса : Постановление правительства Российской Федерации от 04.06.2015 г. № 551. Ст. 3472 СЗ РФ.

О персональных данных : Федер. закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ. Ст. 3451 СЗ РФ.

ГОСТ 28147-89. Системы обработки информации. Защита криптографическая. Алгоритм криптографического преобразования: Национальная библиотека им. Н. Э. Баумана Bauman National Library [Электронный ресурс]. URL : https://ru.bmstu.wiki/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_28147-89 (дата обращения: 16.01.2018).

Должностная инструкция секретаря подразделения 1 от 20.06.2011г. // Личное дело работника.

Должностная инструкция секретаря подразделения 1 от 18.06.2014 г. // Личное дело работника.

Должностная инструкция секретаря подразделения 1 от 28.12.2016 г. // Личное дело работника.

Кормильцева А. И. Проблемы правового регулирования электронного документооборота // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016. С. 109–113 [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/181/10468/ (дата обращения: 16.01.2018).

Лобанова Т. Н. Управление персоналом в условиях организационных изменений // Управление кредитной организацией : аналит. журн., 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL : http://www.reglament.net/bank/mng/2010_1_article.htm (дата обращения: 03.12.2017).

Стандарт взаимодействия систем автоматизации документационного обеспечения управления. М., 2003 [Электронный ресурс]. URL : http:// http://www.edou.ru/enc/docs/detail.php?ID=2500 (дата обращения: 16.01.2018).

Положение о филиале… : Утв. приказом холдинга от 29.12.2015 г. № 801 // Текущее делопроизводство. 01-02-01.

Положение об аппарате при руководстве филиала… : Утв. приказом филиала холдинга от 09.11.15 № 237 // Текущее делопроизводство. 01-01-01.

Инструкция по работе с конфиденциальными документами… : Утв. приказом холдинга от 18.11.2013 г. № 444 // Текущее делопроизводство. 01-02-01.

О внесении изменений в приказ… от 22 марта 2013 г. № 98 «Об утверждении Перечня информации, составляющей коммерческую тайну, и иной конфиденциальной информации… : Утв. приказом … от 20.07.2015 г. № 417 // Текущее делопроизводство. 01-02-01.

О назначении работников, ответственных за работу с документами : Утв. приказом филиала… от 16.03.2017 г. № 55 // Текущее делопроизводство. 01-01-01.

Об утверждении и введении в действие инструкции по работе с документами : Утв. приказом филиала… от 27.12.2016 г. № 256 // Текущее делопроизводство. 01-01-01.

О вводе в эксплуатацию системы электронного документооборота : Утв. приказом филиала… от 31.05.2012 г. № 179 // Текущее делопроизводство. 01-01-02.

О начале опытной эксплуатации систем электронного документооборота : Утв. приказом филиала от 25.07.2014 г. № 239 // Текущее делопроизводство. 01-01-01.

О создании рабочей группы по внедрению электронного документооборота : Утв. распоряжением филиала… от 27.07.2012 г. № 18 // Текущее делопроизводство. 01-01-02.

Отчет о работе АПР за 2017 год. Презентация [сетевой ресурс]. АПР/Совещания/Совещания 2017/Годовое/Презентация Докучаевой М. А.

Отчет о работе отдела, осуществляющего техническое сопровождение СЭД, за 2017 гг. [сетевой ресурс]. АПР/Совещания/Совещания 2017/Годовое/Презентация начальника ОТС.

Об утверждении инструкции по работе с документами : Утв. приказом филиала от 27.12.2016 г. № 256 // Текущее делопроизводство. 01-01-01.

Электронный документооборот как способ оптимизации бизнес-процессов // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL : https://www.kp.ru/guide/ielektronnyi-dokumentooborot-na-predprijatii.html (дата обращения: 22.11.2017).

УДК 651.012.12

В. О. Обухова, Т. А. Селезнева

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Статья посвящена актуальной проблеме эффективности внедрения современных систем электронного документооборота (СЭД). Авторы выявляют и анализируют широкий круг условий и факторов, определяющих успешность внедрения и эффективность реализации СЭД в организациях со сложной структурой управления и значительным объемом документооборота. Теоретические положения авторы иллюстрируют и подкрепляют многочисленными примерами из опыта внедрения СЭД в двух крупных вузах Екатеринбурга – Уральском федеральном университете и Российском государственном профессионально-педагогическом университете.

Ключевые слова: система электронного документооборота (СЭД), внедрение СЭД, результаты внедрения СЭД, условия эффективного внедрения СЭД.

Внедрение СЭД – это проект. Далеко не все проекты внедрения СЭД завершаются успешно, не всегда результаты внедрения отвечают ожиданиям руководителей и сотрудников организаций. Выявление условий эффективности внедрения и реализации СЭД, разработка объективных критериев оценки их эффективности – эти и подобные проблемы не теряют актуальности на протяжении последних десятилетий.

© Обухова В. О., Селезнева Т. А., 2018

Обсуждение этих проблем ведется на страницах профильных журналов. Оценка эффективности внедрения СЭД, тактических и стратегических преимуществ, достигаемых в результате внедрения автоматизированных систем, давалась в разное время в статьях В. Э. Баласаняна [см.: Баласанян], О. Дьяченко [см.: Дьяченко], Е. М. Истоминой [см.: Истомина], Е. В. Романченко [см.: Романченко] и ряда других авторов. Сюжеты, посвященные этой проблематике, содержатся в монографических работах ряда авторов [см., напр.: Бобылева].

Вместе с тем монографических работ, посвященные проблемам оценки эффективности СЭД, выявлению факторов успешного внедрения систем, практически нет. В качестве исключения можно назвать справочник В. Н. Чернова [см.: Чернов] по вопросам качественного анализа автоматизированных систем ДОУ. Обеспечение эффективности внедрения СЭД в конкретной организации и объективная оценка результатов внедрения системы по-прежнему остаются достаточно проблематичными.

Внедрение СЭД в организации – это сложный, многогранный процесс, включающий множество составляющих. Процесс этот многократно усложняется, если речь идет о внедрении СЭД в крупной организации со сложной системой управления и его документационного обеспечения, большим объемом документооборота, разнообразием создаваемых документов. Примером подобной организации может быть крупное образовательное учреждение высшего профессионального образования.

Общеизвестно, что основными условиями успешного внедрения СЭД является правильный выбор системы и квалифицированно проведенный процесс внедрения. Но знания этих общих принципов недостаточно как для обоснования необходимости внедрения СЭД, так и для оценки эффективности уже внедренной системы.

Авторы статьи попытались не только выявить основные условия и факторы, определяющие, по мнению современных исследователей, успешность проекта внедрения и эффективность перехода на электронный документооборот, но и продемонстрировать степень их реального влияния, используя опыт реализации подобных проектов в двух крупных екатеринбургских вузах: Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ) и Российском государственном профессионально-педагогическом университете (РГППУ).

Отправной точкой любого преобразования является осознание необходимости подобного изменения. Осознание руководством организации потребности во внедрении СЭД является необходимым условием успешности внедрения.

В Уральском федеральном университете решение о внедрении СЭД принималось в сложных условиях. В результате слияния двух крупных университетов УрФУ стал крупнейшим на Урале высшим учебным заведением. В новом университете не только увеличилось количество студентов и сотрудников, но и усложнилась структура управления, что привело к усложнению решения управленческих задач. В частности, существенно замедлилось согласование проектов распорядительных и иных документов, доведение изданных документов до непосредственных исполнителей, усложнился контроль исполнения документов и поручений. Стало ясно, что в условиях традиционной технологии решить возникающие проблемы невозможно. В целях повышения эффективности административного управления руководством университета было принято решение о внедрении единой системы электронного документооборота УрФУ [см.: Программа развития...].

Российский государственный профессионально-педагогический университет (РГППУ) по численности сотрудников и студентов уступает Уральскому федеральному университету. Но многочисленные структурные преобразования усложнили управленческую деятельность, затрудняя координацию работы входящих в структуру университета институтов, колледжа, филиалов и представительств. Основным методом повышения эффективности управления представлялся переход на электронную технологию документооборота.

Важным условием успешного внедрения электронного документооборота является формирование рабочей группы – команды внедрения. В Уральском федеральном университете рабочая группа была сформирована приказом ректора. В состав рабочей группы вошли представители ректората, ряда ключевых управлений и отделов.

В РГППУ решение о переходе на электронный документооборот было принято после автоматизации работы бухгалтерии. В 2009 г. отдел бухгалтерии перешел на работу в системе «1С : Бухгалтерия». Внедрение конфигурации «Бухгалтерия предприятия» прошло успешно. В результате в университете возросло количество электронных документов, рассылка которых осуществлялась посредством электронной почты, появились элементы бумажно-электронного документооборота. После успешной автоматизации бухгалтерской деятельности Совет по качеству и Научно-методический совет университета приняли решение об автоматизации документооборота вуза. Предполагалось развить систему автоматизации бухгалтерии до полномасштабной системы электронного документооборота.

Рабочей группы или иной команды внедрения сформировано не было. Не было разработано ни проекта, ни плана внедрения СЭД. Работа велась «в рабочем порядке» силами работников Управления документацией при участии сотрудников институтов ГЭСО (гуманитарного и экономически социального образования) и ИПО (инженерно-педагогического образования). Руководство РГППУ, прежде всего ректорат, с самого начала не проявляло особого интереса к процессу внедрения СЭД. Локальные организационные и распорядительные документы, связанные с процессом внедрения СЭД, практически не издавались.

В Уральском федеральном университете рабочей группой был разработан Устав проекта «Внедрение системы электронного документооборота». Устав утвержден на заседании Координационного совета Программы развития УрФУ, а проект включен в перечень стратегических проектов [см.: Протокол...]. Таким образом, руководство УрФУ с самого начала уделяло повышенное внимание реализации этого проекта, что способствовало его успешной реализации и дальнейшему развитию.

Важнейшей составляющей перехода на электронный документооборот является информационное обследование документной деятельности организации. Цель обследования – выявление необходимой степени реорганизации на основе детального анализа текущей ситуации.

Обследование текущего состояния документооборота УрФУ проводилось сотрудниками Управления по делопроизводству и общим вопросам (УДиОВ) с привлечением сторонних консультантов ЗАО «ФИНЭКС-качество». УДиОВ УрФУ были, в частности, разработаны анкеты и проведено анкетирование сотрудников вуза. Целью анкетирования стало выявление потребности потенциальных пользователей системы электронного документооборота и определение приоритетных функций системы на каждом уровне управления университетом.

В ходе обследования были выявлены наиболее важные и значимые задачи по совершенствованию документооборота университета, обозначены проблемы, которые могли возникнуть на различных этапах внедрения СЭД и в ходе ее эксплуатации. В результате проведения качественного обследования существующего документооборота были определены функциональные требования к будущей системе. Эти требования были утверждены на заседании Координационного совета Программы развития УрФУ.

В РГППУ обследование состояния документооборота проводилось в рамках выпускных квалификационных работ студентов, сторонние консультанты не привлекались. В результате требования к будущей системе были сформулированы нечетко.

Общим итогом обследования, как правило, является разработка технического задания – формулировка детальных требований к системе. Состав, содержание, правила оформления технического задания сформулированы в государственном стандарте [см.: ГОСТ 34.602-89].

В УрФУ техническое задание «Конфигурирование и настройка системы электронного документооборота» было разработано рабочей группой с привлечением широкого круга экспертов из различных подразделений.

В РГППУ был разработан проект технического задания. Разрабатывался он без привлечения экспертов. Проект описывал требования к системе, исходя из структуры вуза на момент исследования. Организационная структура вуза вскоре полностью поменялась, и подготовленное техническое задание потеряло свою актуальность. Переработкой проекта технического задания никто не занимался, поскольку администрация вуза не проявляла заинтересованности. Отсутствие технического задания (либо иного подобного документа) – одна из существенных причин чрезмерно затянувшегося процесса внедрения СЭД в РГППУ.

На основании функциональных требований к будущей СЭД УрФУ, сформулированных в ходе обследования, был проведен сравнительный анализ ряда наиболее известных систем электронного документооборота. По результатам анализа в соответствии с утвержденными критериями была выбрана система DIRECTUM. Этот выбор документально закреплен решением Дирекции Программы развития УрФУ. В марте 2013 г. приказом ректора утверждено «Положение о системе электронного документооборота УрФУ на базе системы электронного документооборота и управления взаимодействием DIRECTUM». Система электронного документооборота развернута на ИТ-инфраструктуре университета в соответствии с утвержденным ТЗ.

Как уже упоминалось, в РГППУ вопрос о выборе системы не возникал. Сразу было принято решение о внедрении продукта компании «1С» – «1С: Документооборот». Но решение это не было должным образом документировано.

Важным условием успешного внедрения СЭД является адаптация персонала к новым условиям работы. Новая технология заработает по-настоящему только после того, как работники осознают ее необходимость. Следует учитывать пожелания будущих пользователей, так как система внедряется для сотрудников организации, чтобы облегчить их труд. Для изучения пожеланий будущих пользователей системы в УрФУ, как уже упоминалось, проводилось анкетирование различных категорий сотрудников.

Важной составляющей адаптации персонала является обучение. В УрФУ регулярно формируются группы для обучения работе в системе. В постоянном режиме проводятся консультации для специалистов университета по работе в СЭД. Специально для проекта создана служба технической поддержки, в которую можно обращаться по любым вопросам, касающимся СЭД УрФУ. Для упрощения доступа сотрудников к системе электронного документооборота Дирекцией ИТ подготовлен и запущен в эксплуатацию комплект автоматической установки программы на включенные в корпоративную сеть университета персональные компьютеры сотрудников. Для установки программы достаточно скачать архив и запустить файл.

Важной составляющей внедрения электронного документооборота является его нормативно-методическое обеспечение. Комплекс нормативно-методических документов, созданный в процессе внедрения СЭД УрФУ, позволил четко регламентировать процессы внедрения и эксплуатации СЭД. В регламентах четко описаны процессы создания документов, изменения маршрутов их движения, составления и изменения задач.

Соответствующий комплекс нормативно-методических документов РГППУ представлен только проектами документов. Разработан проект инструкции по делопроизводству, который включал требования по работе с электронными документами в СЭД. В связи с многочисленными структурными изменениями руководство РГППУ чрезвычайно долго рассматривало данный проект, но он так и не был утвержден.

Внедряя электронный документооборот, руководители организаций преследуют приблизительно одинаковые цели, но результаты внедрения СЭД зачастую оказываются различными. СЭД УрФУ на платформе DIRECTUM введена в 2013 г. в опытную эксплуатацию, а в 2015 г. – в промышленную. СЭД постоянно развивается: растет число пользователей, увеличивается количество включенных в систему документов, вводятся в эксплуатацию все новые автоматизированные процессы. Число пользователей системы с конца 2013 г. возросло в 16 раз и составило 8,5 тыс. человек. По состоянию на 31 декабря 2013 г. в системе хранилось 26,5 тыс. электронных документов; по состоянию на 31 декабря 2016 г. в СЭД зарегистрировано более 310 тыс. документов [см.: Миллион заданий...]. Система позволяет сотрудникам университета осуществлять поиск документов по различным критериям поиска непосредственно со своих рабочих мест.

Одной из сложнейших проблем, решение которой планировалось с помощью СЭД, стало чрезвычайно длительное согласование документов. Визирование приказов по основной деятельности и ряда других

документов превышало 15 дней и более. В настоящее время в системе доступно 72 маршрута согласования проектов документов. В ней согласуются проекты всех приказов. Время согласования даже объемных организационно-распорядительных документов не превышает 4–5 дней. СЭД не только обеспечивает электронное согласование проектов приказов, но и автоматизирует все прочие аспекты работы с приказами, включая организацию и контроль исполнения содержащихся в них поручений. СЭД позволила полностью отказаться от бумажных служебных записок, все виды работ с этими документами осуществляются только в электронной форме.

Важной задачей, решение которой планировалось с помощью СЭД, было совершенствование системы контроля исполнения документов и поручений. Документы, зарегистрированные в СЭД, немедленно попадают исполнителям вместе с поручениями. Исполнители могут создавать дополнительные поручения для своих подчиненных и отчитываться об исполнении. Система позволяет полностью отслеживать процесс исполнения поручений ректора и проректоров, формировать различные отчеты о состоянии исполнительской дисциплины. 15 декабря 2016 г. в системе электронного документооборота сгенерировано миллионное задание [см.: Миллион заданий...]. Миллион проконтролированных заданий за четыре года – цифра впечатляющая.

За период существования СЭД интегрирована со многими информационными системами УрФУ. Интеграция уменьшает время обмена информацией между информационными системами и позволяет системам взаимодействовать в автоматическом режиме и, как следствие, облегчает работу пользователей, и обеспечивает высокую скорость актуализации данных.

В РГППУ СЭД в эксплуатацию не введена. Электронный документооборот планируется реализовать с помощью системы «1С: Документооборот», на платформе «1С: Предприятие». Разработан проект электронного руководства по администрированию и настройке «1С: Документооборот» [см.: Электронное руководство...]. В проекте учтены и охарактеризованы основные функции, которые потребуются сотрудникам университета.

Система полностью готова к введению в пользовательскую эксплуатацию, обновлена до последней версии и настроена в клиент-серверном режиме. Настроены учетные записи и клиентские рабочие места, реализованы функции резервного копирования, создания файловых томов. Для придания документам юридической силы настроена функция «электронная подпись».

В настоящее время функции электронного документооборота частично реализованы в системе «1С: Университет», частично за счет использования корпоративной электронной почты.

Обобщенная модель учебного процесса университета позволяет связать воедино все его элементы на основе последовательности данных: направление подготовки состоит из профилей, профили характеризуются учебным планом, представляющим собой список учебных дисциплин с часами и видами контроля, что служит основой для составления расписания. Система включает организацию ввода и хранения документов по движению контингента, автоматизирует формирование финансовой отчетности. Система позволяет учитывать специфику учебной организации и планировать, например, такие специфические источники поступлений финансов, как гранты, а также осуществлять гибкую настройку учетных функций под бизнес-процессы университета.

Элементы электронного документооборота реализованы посредством корпоративной электронной почты, которая позволяет сотрудникам структурных подразделений обмениваться электронными документами. В системе предусмотрено использование «встроенной» либо «легкой» почты. «Встроенная» почта – это полноценный почтовый клиент, встроенный в «1С». Этот вид почты позволяет сохранять переписку пользователей и прикрепленные документы. «Легкая» почта позволяет напрямую подключиться к серверу с помощью прямого подключения к «Email» или через функцию «почтовый клиент», установленную на «рабочем столе».

В РГППУ сложился своеобразный бумажно-электронный документооборот: одни документы передаются в бумажной форме, другие отправляются для ознакомления по корпоративной почте. Можно констатировать, что в вузе реализована так называемая лоскутная автоматизация. Но и частичная автоматизация дала положительные результаты, в частности, сформирована база данных электронных документов.

Основная цель внедрения электронного документооборота – повышение эффективности деятельности организации. Повысить эффективность деятельности организации можно, уменьшая затраты и/или увеличивая результаты. СЭД позволяет реализовать оба варианта, дает организации возможность меньше тратить времени и средств.

Оценка эффективности внедрения системы электронного документооборота – весьма сложный процесс, поскольку приходится учитывать множество факторов. Каждая организация, внедряющая электронный документооборот, стремится выявить как можно больше конкретных

показателей эффективности СЭД, рассчитываемых на основе реальных данных. Организации не склонны делиться опытом этой работы. Методики расчета эффекта от внедрения зачастую являются «ноу-хау» организации, проводящей подобную оценку. Эффект от перехода на новую технологию измеряется не только и не столько прямой экономией ресурсов, сколько повышением качества работы отдельных сотрудников и организации в целом. Попытаемся рассмотреть это на конкретных примерах.

Число пользователей СЭД УрФУ, как уже упоминалось, превышает 8,5 тыс. человек. Следовательно, 8,5 тыс. сотрудников университета затрачивают меньше времени на работу с документами, прежде всего за счет экономии времени, которое раньше тратилось на перемещение бумажных документов. Например, автоматизация работы со служебными записками освободила сотрудников от необходимости ходить с запиской по структурным подразделениям. Конечно, сокращение времени на работу с документами у различных категорий руководителей, специалистов, прочих сотрудников различно, но общая экономия времени несомненна.

СЭД УрФУ позволяет многократно сократить время поиска документной информации. Поиск необходимой информации по запросу пользователя выполняется системой в течение считанных секунд. Сотрудники университета осуществляют в системе поиск документов по различным критериям непосредственно со своих рабочих мест. В 2016 г. командой сопровождения СЭД УрФУ завершены работы по разворачиванию службы файловых хранилищ. В системе созданы три хранилища, обеспечивающих технологические настройки правил хранения документов. Настройка, проведенная для оптимизации системы хранения документов, позволяет повысить скорость проведения транзакций с документами, созданными в течение календарного года. Документы, срок хранения которых более одного года, сформированы в отдельный массив документов [см.: Архивирование данных...]. В результате практически исключена возможность «зависания» документов и обеспечена более высокая скорость их поиска.

Поскольку сотрудники имеют возможность найти в системе любой необходимый документ, нет необходимости хранить большое количество бумажных копий. В результате сокращаются затраты на копирование документов, в том числе на бумагу и другие расходные материалы.

Подобные процессы, хотя и в меньшем масштабе, идут и в РГППУ. Активное использование сотрудниками корпоративной электронной почты ведет к сокращению времени на работу с документами за счет экономии времени, которое раньше тратилось на перемещение бумажных

документов. Использование корпоративной почты позволяет экономить не только время сотрудников, но и затраты на изготовление и перемещение документов.

Перечисленные результаты принято называть тактическими преимуществами внедрения СЭД. Они связаны с сокращением затрат, которые можно определить и измерить в количественном выражении, в том числе и денежном. Сэкономленные средства можно подсчитать, исходя, например, из стоимости бумаги и расходных материалов.

Но эффективность внедрения СЭД не ограничивается сокращением затрат. Основной эффект внедрения СЭД – это повышение качества работы организации за счет повышения качества управленческой деятельности. Подобного рода преимущества принято называть стратегическими. Они связаны с улучшениями в ключевых управленческих и бизнес-процессах. Стратегические преимущества внедрения СЭД измерить сложнее, еще сложнее выразить их в денежном эквиваленте.

Важным аспектом принятия и документирования управленческих решений является согласование документов. СЭД УрФУ позволяет в несколько раз сократить срок согласования документов. При этом надо учитывать, что УрФУ – самый протяженный по расстояниям вуз города, его подразделения расположены более чем в 30 зданиях. Использование СЭД позволяет не только существенно сократить время согласования документов, но и делает этот процесс прозрачным. Таким образом, за счет оперативной и качественной информационной и технологической поддержки СЭД УрФУ обеспечивает сокращение сроков принятия управленческих решений и повышение качества этих решений.

СЭД предоставляет возможность коллективной работы над документами, что невозможно или крайне затруднено в условиях традиционной «бумажной» технологии. Возможность комфортной коллективной работы непосредственно со своих рабочих мест, несомненно, повышает эффективность работы сотрудников.

Важной составной частью СЭД УрФУ является система контроля исполнения документов и поручений. С момента ввода СЭД в эксплуатацию среднее время исполнения поручения/задания сократилось в 15 раз, и сегодня составляет в среднем 3 рабочих дня. Количество просроченных заданий сократилось в три раза, а среднее время просрочки выполнения – в 4,5 раза [см.: Миллион заданий...]. Реализуемая система контроля исполнения документов и поручений позволяет систематизировать, обобщать результаты контроля, анализировать состояние исполнительской дисциплины, выявлять и ликвидировать «узкие места»

в работе персонала. Таким образом, эффективность СЭД определяется и повышением уровня исполнительской дисциплины.

СЭД предоставляет возможность централизованного отслеживания хода каждого автоматизированного процесса при максимальной децентрализации работы с документами. Эффективность СЭД характеризуется и повышением безопасности информации, исключением возможности несанкционированного доступа к документам, поскольку каждый пользователь системы имеет свои права доступа к информации, а работа с незарегистрированной рабочей станции невозможна. Сохранность документов и удобство их хранения повышаются и за счет того, что они хранятся в электронном виде на сервере.

Экономический эффект от внедрения СЭД принято делить на две части: прямой и косвенный. Прямой эффект связан с экономией средств на материалы, рабочее время сотрудников и т. п. Косвенный эффект в литературе часто называют управленческим эффектом или опосредованным экономическим эффектом. Он определяется позитивными изменениями в деятельности организации: прозрачностью управления, повышением исполнительской дисциплины, сокращением сроков принятия и повышением качества управленческих решений. Рассчитать эту составляющую экономической эффективности сложно. Действительно, практически невозможно сколько-нибудь точно оценить в денежном эквиваленте, например, повышение уровня исполнительской дисциплины. Долгое время считалось, что перевести управленческий эффект в категории экономической эффективности вообще невозможно.

Целью внедрения СЭД является не только повышение эффективности деятельности организации в целом, но и эффективности работы каждого сотрудника. Уровень удовлетворенности сотрудников возможностями работы в СЭД, как правило, определяется с помощью анкетирования. Положительным аспектом анкетирования является анонимность, поскольку оно направлено на фиксирование ответов, а не на личность респондента, что позволяет получать максимально точные результаты. Метод анкетирования для выявления уровня удовлетворенности сотрудников возможностями работы в СЭД использовался и в УрФУ, и в РГППУ. Количество респондентов было достаточно ограничено (в состав респондентов входили методисты кафедр и сотрудники деканатов), тем не менее, основные тенденции выявить удалось.

Анализируя результаты анкетирования, можно сделать вывод, что действующая СЭД УрФУ вполне устраивает большинство пользователей. Доля респондентов, высказавших негативное отношение к СЭД, составляет

только 10 %. Возможности поиска документов в СЭД УрФУ большинство респондентов оценили в 4 балла по 5-балльной шкале. Такой результат свидетельствует, что система поиска реализована не идеально, но, в принципе, удовлетворяет потребности сотрудников. Исходя из результатов анкетирования, можно сделать вывод, что сотрудники считают систему удобной и достаточно эффективной. Результаты анкетирования также показали, что в процессе разработки и внедрения СЭД УрФУ были учтены высказанные на этапе организационной подготовки внедрения пожелания будущих пользователей системы. Именно поэтому СЭД УрФУ в значительной степени отвечает требованиям пользователей.

В РГППУ результаты анкетирования показали, что все респонденты считают внедрение СЭД необходимым. Но действующие элементы автоматизации не устраивают сотрудников, они недостаточны и создают ряд неудобств. Анализ результатов анкетирования позволяет сделать вывод о неэффективности существующей в РГППУ системы бумажно-электронного документооборота.

Различные масштабы УрФУ и РГППУ отчасти затрудняют сравнение результатов внедрения СЭД. Но основные выводы сделать можно. Приняв решение о внедрении электронного документооборота примерно в одно время, в настоящий момент вузы достигли различных результатов. СЭД УрФУ динамично развивается, включая все новые функции и новых пользователей, которым предлагаются все новые сервисы. СЭД в РГППУ «затормозилась» на одной из начальных стадий.

Эффективность реализации системы документооборота в УрФУ оказалась существенно выше, чем в РГППУ. Какие же факторы обусловили успешное внедрение СЭД УрФУ и ее весьма эффективную реализацию? И какие факторы препятствовали столь же успешному внедрению СЭД в РГППУ?

Внедрение СЭД, как уже отмечалось, – это проект. Проект должен осуществляться определенной командой внедрения, включающей менеджеров различного уровня и специалистов различных направлений. В УрФУ подобная команда была сформирована, а в РГППУ – нет.

Непременным условием успешного внедрения СЭД является заинтересованное внимание руководства организации, его активное участие в реализации проекта. Только руководство может обеспечить своевременное решение организационных вопросов и выделение ресурсов. Позиция первого руководителя и его заместителей очень важна для формирования отношения к будущей системе менеджеров среднего звена, вовлечения в реализацию проекта широкого круга сотрудников организации.

В УрФУ инициатива внедрения СЭД принадлежала руководству университета. Проекту внедрения СЭД уделялось повышенное внимание, он был включен в перечень стратегических проектов. Ректор, проректоры, члены Ученого совета, руководители ряда структурных подразделений с самого начала проявляли интерес к будущей системе. Все этапы реализации проекта СЭД УрФУ юридически закреплялись приказами ректора. На заседаниях Ученого совета и расширенного ректората заслушивались отчеты рабочей группы и обсуждался ход реализации проекта. И сегодня администрация университета рассматривает реализацию проекта дальнейшего развития СЭД УрФУ как приоритетное направление.

В РГППУ первый руководитель и члены ректората, занятые бесконечными структурными преобразованиями, не проявляли особого интереса к будущей системе. Инициаторами внедрения были сотрудники, их активное участие, безусловно, является важным позитивным условием продвижения новой технологии, но без поддержки руководства инициативы сотрудников недостаточно. Проекты документов, касающиеся перехода на электронный документооборот, долго рассматривались, но так и не были утверждены.

Реализация проекта внедрения СЭД состоит из последовательных взаимосвязанных этапов. Прохождение всех этих этапов, включая очень важный этап организационной подготовки, повышает шансы проекта на успех. В значительной степени гарантии успеха закладываются именно на этом этапе.

Важным условием успешного внедрения СЭД является обследование документной деятельности организации, существующей системы документооборота, выявление целей и задач будущей автоматизированной системы. На стадии обследования выявляются проблемы, тормозящие дальнейшее развитие управленческой деятельности организации. Неправильно или неточно сформулированные цели внедрения СЭД или требования к функциональным характеристикам будущей системы, неподготовленность существующей технологии часто становятся причинами неуспешных проектов внедрения СЭД.

В УрФУ организационной подготовке внедрения СЭД уделялось особое внимание. В полном объеме были проведены информационное обследование и последующий анализ документной деятельности организации, в ходе которых выявлены существующие проблемы в организации документооборота и определена необходимая степень реорганизации. Этап организационной подготовки завершился разработкой технического задания, содержащего, в частности, подробные требования к функционалу

будущей СЭД. В РГППУ обследование состояния документационного обеспечения не проводилось и техническое задание не составлялось.

Опыт Уральского федерального университета показывает, как в результате обследования формируются ключевые требования, которым должна отвечать СЭД. Если обследование проведено некачественно или вообще не проведено, то процесс внедрения может существенно затянуться. Подтверждением тому стал опыт РГППУ.

Важным условием успешного внедрения является правильный выбор системы электронного документооборота. В связи с этим необходимо отметить, что причиной неудачного внедрения, как правило, является не качество программного продукта, а его неверный выбор, несоответствие системы потребностям организации. И в УрФУ, и в РГППУ системы электронного документооборота были выбраны верно, хотя критерии, которыми руководствовались при выборе, различны.

Важным фактором успешного внедрения СЭД является адаптация персонала, включая информирование сотрудников и обучение пользователей. В УрФУ регулярно проводятся занятия по обучению пользователей СЭД. На сайте Дирекции информационных технологий размещается постоянно обновляемая информация для сотрудников – пользователей СЭД [см.: Сайт Дирекции ИТ]. В РГППУ об информировании персонала речи не идет. Найти какую-либо информацию о проекте перехода на электронный документооборот чрезвычайно сложно.

Не менее важным фактором, определяющим успех внедрения СЭД, является нормативно-методическое обеспечение перехода на новую технологию документооборота, документирование всех процессов. Издание приказов, разработка регламентов и подобных им нормативно-методических документов позволяет упорядочить процесс внедрения, четко сформулировать конечный результат каждого этапа и проекта в целом. Отсутствие соответствующих организационно-правовых, распорядительных и нормативно-методических документов приводит к замедлению процесса внедрения.

В УрФУ все аспекты реализации проекта СЭД УрФУ документировались. Все процессы, осуществляемые в системе, закреплялись в регламентах, которые вводились в действие приказами ректора. В РГППУ был разработан ряд проектов методических документов, касающихся перехода на электронный документооборот. Руководство РГППУ чрезвычайно долго их рассматривало, но так и не утвердило.

Следует отметить, что в УрФУ и РГППУ реализовались различные модели внедрения. В зависимости от степени вовлеченности сотрудников организации в реализацию проекта внедрения СЭД принято выделять

аутсайдерскую, инсайдерскую и комбинированную модели внедрения [см.: Химич]. При выборе варианта внедрения необходимо учитывать преимущества и недостатки каждого из них, поскольку от грамотного выбора модели внедрения будет в конечном итоге зависеть успешность проекта.

Аутсайдерская модель предусматривает привлечение к разработке проекта профессиональных консультантов. Инициатива организационных изменений исходит от высшего руководства организации, которое и формулирует общие стратегические намерения и цели. К достоинствам этого варианта относятся: высокое качество проекта, разрабатываемого квалифицированными специалистами; оперативность в реализации нововведений, обусловленная поддержкой топ-менеджеров. Но эта модель имеет и ряд недостатков: слабое или недостаточное представление консультантами специфики организации, ориентированность профессиональных консультантов на тиражирование стандартных, однотипных решений; зачастую сложность адаптации персонала к работе в условиях новой технологии, психологический барьер между разработчиками и сотрудниками организации, которые зачастую не воспринимают проект как необходимый.

Инсайдерская модель предполагает активное участие сотрудников организации, инициирующих определенные изменения (особенно на этапе организационной подготовки). Применение этой модели на практике оправдано при наличии четко сформулированной общей стратегии развития организации и сложившейся организационной культуры. Эта модель имеет свои неоспоримые преимущества: возможность создания более четкого набора функций, которые должна выполнять СЭД; соблюдение сроков и объемов работ за счет максимального участия сотрудников организации; возможность более действенного контроля за ходом работ; относительно безболезненная адаптация персонала к работе в новых условиях.

Комбинированная модель предполагает участие и взаимодействие трех сторон. Во-первых, это сотрудники организации, которым отводится существенная роль в выявлении, диагностике существующих проблем. Во- вторых, это профессиональные консультанты, которые осуществляют методическую поддержку и консультирование по проблемам, требующим специальной подготовки. И в-третьих, это руководители организации, которые обеспечивают оценку проектных идей с точки зрения их соответствия общей стратегии развития и внедрение необходимых нововведений. К основным достоинствам этой модели относятся: наличие

собственной команды внедрения, которая в дальнейшем сможет полноценно поддерживать систему; качественное внедрение за счет квалифицированной методологической поддержки.

Распространенным вариантом является так называемое традиционное внедрение. В этом варианте большая часть работы выполняется специалистами организации-разработчика и поставщика программного продукта. При этом все перечисленные ранее этапы реализуются последовательно. Преимуществом такого варианта внедрения является наличие промежуточных результатов [см.: Крымская].

В УрФУ реализовалась комбинированная модель внедрения. Инициатива внедрения СЭД исходила от руководства университета, которое обеспечивало оценку предлагаемых идей с точки зрения их соответствия общей стратегии развития Уральского федерального университета. Существенная роль в выявлении, диагностике существующих проблем, разработке функционала будущей СЭД отводилась сотрудникам университета, мнение которых учитывалось на различных стадиях внедрения и реализации системы. И сегодня на стадии промышленной эксплуатации СЭД руководители структурных подразделений, другие пользователи могут обратиться с предложениями в Дирекцию информационных технологий [см.: Сайт дирекции...]. Профессиональные консультанты привлекались очень ограничено, только для методической поддержки и консультирования по проблемам, требующим специальной подготовки. Экспертами выступали сотрудники университета. Внедрение нововведений нормативно обеспечивалось приказами ректора. Комбинированная модель внедрения оказалась наиболее эффективной в столь крупной организации со сложной структурой управления, как Уральский федеральный университет.

В РГППУ реализовалась инсайдерская (или близкая к ней) модель внедрения, предполагающая активное участие сотрудников организации, инициирующих определенные изменения. Применение этой модели на практике эффективно лишь при наличии четко сформулированной общей стратегии развития организации. Именно этой общей стратегии в РГППУ и не хватало для успешного внедрения. Инициатива сотрудников присутствовала, но не была поддержана руководством.

Таким образом, на основе изучения опыта внедрения СЭД в двух крупных уральских вузах, УрФУ и РГППУ, удалось выявить основные факторы успешной реализации проекта внедрения и подтвердить эти положения практически. Суммируя изложенное выше, можно выделить следующие основные условия успешной реализации проекта внедрения СЭД в конкретной организации:

• Осознание руководством организации необходимости перехода на электронную технологию работы с документами и активное внимание к этому процессу.

• Четкое обозначение цели и задач перехода организации на электронную технологию работы с документами. В конечном итоге, успешность реализации проекта определяется степенью достижения намеченных целей и решения поставленных задач.

• Правильный выбор системы. СЭД должна максимально соответствовать потребностям конкретной организации.

• Выбор оптимального варианта внедрения, наиболее подходящего данной организации. Этот выбор зависит от множества взаимосвязанных факторов, в частности, от готовности руководителей организации и ее сотрудников к реализации электронного документооборота.

• Квалифицированно организованное внедрение системы, последовательную реализацию всех этапов проекта внедрения СЭД, включая очень важный этап организационной подготовки. Чтобы проект был успешен, каждый этап должен быть реализован в полном объеме.

• Формирование позитивного отношения к нововведениям различных категорий персонала организации.

Успех реализации проекта внедрения СЭД УрФУ обусловлен наличием всех перечисленных факторов, соблюдением всех необходимых требований.

Опыт внедрения СЭД УрФУ представляет несомненный интерес для других высших учебных заведений, принявших решения о переходе на электронную технологию документооборота. В свою очередь, опыт РГППУ позволяет выявить многочисленные проблемы, характерные для внедрения СЭД не только в высших учебных заведениях, но и в других организациях.

Архивирование данных – путь к ускорению обработки документов в СЭД // Сайт Дирекции информационных технологий УрФУ [Электронный ресурс]. URL : http://dit.urfu.ru/novosti/16679/(дата обращения: 25.10.2017).

Баласанян В. Э. Применение автоматизированных систем документационного обеспечения управления (АС ДОУ) для повышения эффективности управления // Делопроизводство. 2002. № 2. С. 27–29.

Бобылева М. П. Управленческий документооборот: от бумажного к электронному. М., 2010.

ГОСТ 34.602-89. Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Техническое задание на создание автоматизированной системы. М., 2009.

Дьяченко О. Электронный документооборот: снижение затрат на бизнес-процессы и повышение их качества // Национал. банков. журн. 2011. № 5 (84) [Электронный ресурс]. URL : http://nbj.ru/publs/upgrade-modernizatsija-i-razvitie/2011/05/06/elektronnyi-dokumentooborot-snizhenie-zatrat-na-biznes-protsessy-i-povyshenie-ix-kachestva/index.html (дата обращения: 25.11.2017).

Истомина Е. Н. Какой линейкой мерить, или Практика оценки эффективности внедрения СЭД // ECM-Journal : журн. о системах электронного документооборота [Электронный ресурс]. URL : http://www.ecm-journal.ru/docs/Kakojj-linejjkojj-merit-ili-praktika-ocenki-ehffektivnosti-vnedrenija-SEhD.aspx (дата обращения: 25.11.2017).

Крымская Н. Успешное внедрение СЭД: очевидные принципы и неочевидные подходы // PC Week [Электронный ресурс]. URL : https://www.pcweek.ru/ecm/article/detail.php?ID=183833 (дата обращения: 25.11.2017).

Миллион заданий в СЭД // Сайт Дирекции информационных технологий УрФУ [Электронный ресурс]. URL: http://dit.urfu.ru/novosti/18183/ (дата обращения: 25.05.2017).

Программа развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» на 2010–2020 гг. // Уральский федеральный университет. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://urfu.ru/fileadmin/user_upload/common_files/Official%20docs/program%20developement/Programma_razvitija_UrFU_do_2020.pdf (дата обращения: 25.11.2017).

Протокол заседания Координационного Совета Программы развития УрФУ от 26.07.2012. № 58.

Романченко Е. В. Что получает компания в случае правильно организованного проекта автоматизации документооборота? // Современные технологии делопроизводства и документооборота. 2015. № 3. С. 17–30.

Сайт Дирекции информационных технологий УрФУ [Электронный ресурс]. URL: http://dit.urfu.ru/ (дата обращения: 25.11.2017).

Химич Ю. В. Методика внедрения системы электронного документооборота // Tadvister. Государство. Бизнес. ИТ [Электронный ресурс]. URL: http://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 25.11.2017).

Чернов В. Н. Качественный анализ автоматизированных систем документационного обеспечения управления : справочник. М., 2005.

Электронное руководство по администрированию и настройке «1С : Документооборот» в Российском государственном профессионально-педагогическом университете. Проект. РГППУ. 2016.

УДК 94(470.54):004.7

Е. В. Пологова

САЙТ КАК ЭЛЕМЕНТ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ (на примере официальных сайтов министерств Свердловской области)

В современном мире сайт является виртуальным образом организации. Посещая страницу в интернете, пользователь формирует свое представление об организации, которой принадлежит интернет-ресурс, поэтому сайт является важным элементом корпоративной культуры. В статье рассматриваются официальные сайты министерств Свердловской области с точки зрениях их удобства для пользователя.

Ключевые слова: официальный сайт, корпоративная культура, государственный орган, министерство.

Современное общество все сильнее погружается в электронное пространство, сегодня практически каждый человек ежедневно выходит в интернет для решения разнообразного спектра задач. В подобных обстоятельствах любая уважающая себя организация должна иметь собственный сайт, который становится ее лицом в виртуальном мире. Причем простого наличия сайта недостаточно, большое значение имеет внешний вид сайта, его функциональность, простота использования и клиентоориентированность. Официальный сайт организации, без сомнений, можно считать важным элементом трансляции ее корпоративной культуры.

Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» гарантирует гражданину Российской Федерации право на доступ к информации, в том числе регламентирует тот факт, что не может быть ограничен доступ к «информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также об использовании бюджетных средств (за исключением сведений, составляющих государственную или служебную тайну)» [см.: Об информации...].

Очевидно, что в современном мире самым удобным вариантом распространения информации о деятельности государственных органов является создание официального сайта и его планомерное заполнение. Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» были закреплены способы обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов. Одним

© Пологова Е. В., 2018

из этих способов было заявлено «размещение государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в сети Интернет» [Об обеспечении...].

Статья 13 Федерального закона № 8-ФЗ регламентирует, какая конкретно информация о деятельности государственных органов должна публиковаться; нужно отметить, что список размещаемой в интернете информации достаточно большой. В соответствии с законом должна публиковаться общая информация о государственном органе, информация о нормотворческой деятельности этого органа, об участии в целевых и иных программах, о состоянии защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, о кадровом обеспечении, статистическая информация о деятельности государственного органа и др.

На предмет соответствия требованиям законодательства было проверено содержание официального сайта Министерства финансов Свердловской области [см.: Официальный сайт Министерства финансов Свердловской области]. Вся информация, которая, согласно Федеральному закону № 8-ФЗ, должна размещаться в интернете, в том или ином объеме присутствует. Де-юре все учтено, но существуют проблемы с поиском необходимой информации. Чтобы отыскать определенные сведения, скорее всего, придется потратить много времени, даже чтобы найти поисковую строку на этом сайте, нужно потрудиться – она располагается в самом низу страницы, что крайне непривычно для пользователя. Если же не использовать поисковую строку, а искать информацию самостоятельно, рассматривая определенные разделы сайта, то далеко не всегда можно быстро обнаружить необходимые сведения.

Исходя из этой ситуации, сформулируем критерии оценки сайтов. Важнейшим является критерий содержания информации, под которым понимается соответствие размещаемой на сайте информации требованиям законодательства, а также пополнение сайта актуальными сведениями, наличие полезных ссылок на другие ресурсы. Значимым также является критерий структуры и навигационных функций, а именно возможность быстро получить необходимую информацию, используя при этом поисковую строку, карту сайта или последовательный переход от одного раздела к другому. Третий критерий – визуальное оформление сайта, под которым подразумевается оригинальность графического оформления и его соответствие содержанию. Четвертый критерий – механизм работы обратной связи, а именно: каким образом он функционирует, какие возможности предусматривает для пользователя. Все эти критерии важны для оценки корпоративной культуры организации, которой принадлежит

сайт. Если интернет-ресурс соответствует всем обозначенным критериям, то можно говорить об ориентированности организации на удовлетворение информационных запросов пользователей.

На данный момент в Свердловской области функционируют 17 министерств, каждое из которых имеет свой официальный сайт. Абсолютно идентичные по дизайну и структуре сайты имеют Министерство финансов, Министерство агропромышленного комплекса и продовольствия, Министерство транспорта и дорожного хозяйства – объединим их в первую группу. Выполненные в другой цветовой гамме, но имеющие идентичную структуру сайты принадлежат Министерству природных ресурсов и экологии, Министерству строительства и развития инфраструктуры и Министерству общественной безопасности – объединим их во вторую группу. Все остальные министерства имеют сайты с собственным оригинальным дизайном – отнесем их к третьей группе. Проанализируем сайты каждой из трех групп на конкретном примере.

К первой группе сайтов относится официальная страница Министерства финансов Свердловской области (выше указывались некоторые ее особенности). Можно сделать вывод о том, что сайт соответствует критерию содержания: необходимая в соответствии с законодательством информация присутствует, по необходимости обновляется; существуют полезные ссылки на различные ресурсы, например, на портал государственных услуг, портал бюджетной системы Свердловской области, на официальный сайт Министерства финансов РФ.

Стоит отметить, что некоторые полезные ссылки просто переводят пользователя в другой раздел этого же сайта, что говорит о нелогичности структуры интернет-ресурса и, соответственно, относится ко второму критерию. Необходимо отметить, что структура официальной страницы Министерства финансов Свердловской области не способствует быстрому поиску необходимой информации: сведения распределены по большому количеству разделов таким образом, что сложно понять, в каком конкретно можно найти нужные данные, про неудобность поисковой строки уже сообщалось выше. Стоит отметить, что на момент написания статьи поиск по сайту в версии для слабовидящих вообще не работал: не выдавал ответов на простые запросы при условии, что в обычной версии сайта по тем же запросам были результаты. Таким образом, можно сделать вывод, что данный сайт не соответствует второму критерию – критерию структуры и навигационных функций.

Об оригинальности сайта говорить нецелесообразно, ибо уже сообщалось, что идентичное оформление имеет еще ряд сайтов министерств

Свердловской области. Но имеются и позитивные особенности: цветовая гамма соответствует содержанию: использованные цвета приятны для восприятия и не создают препятствий для усвоения текстовой информации; на всех страницах сайта единое оформление. Можно сделать вывод, что сайт частично соответствует критерию визуального оформления.

Отдельным критерием был вынесен механизм обратной связи. В этом отношении сайту определенно есть над чем поработать. С помощью официальной страницы Министерства финансов Свердловской области любой гражданин может реализовать свое право на обращение в государственные органы, необходимо лишь заполнить определенную форму. И на этом механизм обратной связи данного сайта исчерпывается. Имеются еще данные опроса по поводу содержания проекта «Бюджет для граждан», но непонятно, каким образом реализовывался данный опрос: через сайт или бумажные анкеты в самом министерстве. Делаем вывод о том, что на данный момент официальная страница Министерства финансов Свердловской области не соответствует четвертому критерию.

Подведем итоги: сайт Министерства финансов, его официальная страница полностью соответствуют лишь одному из сформулированных критериев, одному соответствует частично и двум не соответствует. Не самая успешная картина вырисовывается. Сайт Министерства финансов явно нуждается в некоторых изменениях во благо пользователей.

Рассмотрим детально официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области [см.: Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии], который был отнесен ко второй группе сайтов. Данная официальная страница полностью соответствует требованиям Федерального закона № 8-ФЗ. Например, согласно закону должна быть информация о созданных органом средствах массовой информации. Министерство природных ресурсов Свердловской области не имеет на данный момент собственных средств массовой информации. По этой причине в соответствующем разделе указано, что данная информация подлежит публикации согласно Федеральному закону и в течение пяти рабочих дней со дня государственной регистрации СМИ данные появятся в этом разделе.

Необходимо также отметить, что сайт пополняется актуальной информацией. Но под заголовком «Актуально!» на сайте размещена информация с приглашением на давно прошедшую встречу: не все данные своевременно обновляются. Внизу главной страницы размещены некоторые полезные ссылки: на сайт Правительства Свердловской области; на официальный интернет-портал правовой информации, на котором публику-

ются все законодательные акты высших органов государственной власти РФ; на официальный портал года экологии в России; на портал государственных услуг. Большая часть полезных ссылок направляет пользователя в различные разделы этого же сайта.

При проверке соответствия размещенных данных на сайте Министерства экологии поисковая строка практически не потребовалась – почти каждому пункту закона соответствовала определенная вкладка на главной странице сайта. Возможно, закон использовался в качестве алгоритма для создания этого сайта. Также создается впечатление, что при необходимости размещения какой-то новой информации просто появлялись новые вкладки, например, «Шарташский лесной парк» или «2017 год экологии». Достаточно сложно каким-то другим образом объяснить логику составления структуры этого сайта. Возможно, существует и более правильное и рациональное объяснение большому количеству вкладок на главной странице. С точки зрения законодательства, ничего не нарушается, но для пользователя подобная структура не является удобной и оптимальной. Возникает вопрос: для каких целей создается официальный сайт? Для того, чтобы государственный орган не нарушал законодательство или для удобства гражданина?

Как таковой механизм обратной связи на официальном сайте Министерства природных ресурсов и экологии также отсутствует. Если точнее, то существует возможность отправить через данный интернет-ресурс официальное обращение в государственный орган. Но других, оригинальных элементов обратной связи не предусмотрено.

Можно отметить и несколько важных положительных характеристик сайта Министерства природных ресурсов и экологии с точки зрения удобства его использования. Удачно реализована версия сайта для слабовидящих. Кнопка для перехода расположена в крайнем правом углу (это хорошо, ибо не нужно долго искать). Версия для слабовидящих не изменяет структуры сайта, она увеличивает размер шрифта и представляет все в черно-белом варианте, скрыв лишнюю информацию. И, что важно, в версии для слабовидящих поисковая строка выведена в верхний правый угол, а не расположена в самом низу страницы, где ее трудно найти. Еще на сайте можно быстро получить доступ к ежедневной справке о загрязнении атмосферного воздуха, подобная информация вполне может быть интересной и важной для жителей нашего промышленного региона.

Если обобщить результаты анализа сайта Министерства природных ресурсов и экологии, то ситуация также получается не самая позитивная. Официальная страница в целом соответствует критерию содержания,

частично соответствует критериям структуры и визуального оформления и не соответствует критерию механизма обратной связи.

Среди всех сайтов министерств Свердловской области наиболее привлекательным и ориентированным на удобство пользователей, на наш взгляд, является сайт Министерства социальной политики (относится к третьей группе сайтов) [см.: Официальный сайт Министерства социальной политики...]. Этот сайт имеет логичную и хорошо разработанную структуру. Если возникнут трудности, то всегда можно воспользоваться поисковой строкой, которая удобно расположена в правой верхней части экрана.

Наглядно и оригинально выполнено оформление перечня подведомственных структур – в виде карты Свердловской области, можно выбрать конкретный район и увидеть, какие подведомственные организации там находятся. В оформлении сайта использованы приятные для восприятия цвета. Любой пользователь, указав контактный адрес электронной почты, может подписаться на рассылку новостей – очень современная функция.

Содержание сайта полностью соответствует требованиям Федерального закона № 8-ФЗ. На сайте также имеются полезные ссылки, что важно. В данном случае все они отправляют пользователя на сторонние ресурсы, которые действительно могут быть интересны и полезны потенциальному посетителю данного сайта. Размещена, например, ссылка на информационный портал для людей с ограниченными возможностями здоровья, ссылка на региональный банк данных о детях-сиротах, ссылка на официальный сайт областного центра реабилитации инвалидов.

На момент обращения к сайту там проводилось голосование, в котором мог принять участие любой пользователь интернета. Предлагалось оценить уровень информационной открытости Министерства социальной политики Свердловской области. Постановка подобных вопросов уже говорит о том, что для этого министерства имеет значение мнение граждан о его функционировании. Таким образом, можно говорить о том, что Министерство социальной политики ориентируется на работу с гражданами и в той или иной степени стремится к улучшению своего функционирования в рамках данного аспекта. Размещаемые на сайте опросы с определенной периодичностью меняются, но всегда присутствуют. Таким образом, реализуется механизм обратной связи с посетителями сайта. Можно сделать вывод о том, что сайт Министерства социальной политики Свердловской области в целом соответствует всем сформулированным критериям.

В итоге следует отметить, что относительно каждого официального сайта министерств Свердловской области можно сообщить как положительные, так и отрицательные факты с точки зрения удобства их исполь-

зования для рядового посетителя. Но, к сожалению, в целом создается впечатление, что основная масса сайтов совсем не ориентируется на пользователя. На всех сайтах, согласно Федеральному закону № 8-ФЗ, указывается необходимая информация, но вот логика структурирования этой и другой информации зачастую совсем непонятна простому пользователю. Несмотря на тот факт, что разные сайты соответствуют разному количеству критериев, до идеала всем из них еще далеко. Каждый из рассмотренных сайтов нуждается в определенной доработке, а если учесть тот факт, что технологии работы с сайтами очень быстро развиваются, то стоит говорить о необходимости постоянной и непрерывной работы над улучшением сайта.

Анализируя содержание и архитектуру сайта организации или, другими словами, ее виртуальный образ, пользователь формирует определенное отношение к ней. И по этой причине в интересах организации создавать доступные, интересные, интуитивно понятные и удобные сайты – к этому сегодня уже стремятся многие компании. Подобные традиции прежде всего формируются в среде негосударственных организаций, поэтому, возможно, государственные организации на данный момент уделяют этому меньшее внимание. Хотелось бы, чтобы при посещении сайта государственного учреждения формировалось позитивное отношение и к самому учреждению – немаловажную роль в достижении этой задачи играют информативность, удобство пользования и оформление сайта.

Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 г. №149-ФЗ [Электронный ресурс]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/78b773a28f3ad19eb234697b20ab1d48c09f748a/ (дата обращения: 24.11.2017).

Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ [Электронный ресурс]. URL : https://rg.ru/2009/02/13/dostup-dok.html (дата обращения: 20.11.2017).

Официальный сайт Министерства финансов Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: http://minfin.midural.ru/ (дата обращения: 20.11.2017).

Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: http://mprso.midural.ru/ (дата обращения: 24.11.2017).

Официальный сайт Министерства социальной политики Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: http://msp.midural.ru/ (дата обращения: 24.11.2017).

Раздел 7
ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

УДК 94(47).073(093)

Т. Н. Кандаурова

ГЕНЕРАЛ ГРАФ И. О. ВИТТ О ВОСПИТАНИИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА И ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА

Публикуемые записки из собрания проектных разработок начальника военных поселений кавалерии генерала графа И. О. Витта из фондов РГВИА отражают состояние воспитания российского дворянства в первые десятилетия XIX в. и проблемы подготовки офицерского корпуса в период после Наполеоновских войн. Проектные материалы представителя отечественной военной элиты содержат конкретные предложения по улучшению подготовки офицерских кадров, способы улучшения кадрового состава офицерского корпуса российской армии и сохранения его в переходный период.

Ключевые слова: Военное министерство, офицерский корпус, гвардия, воспитание российского дворянства, домашнее воспитание, юнкерские училища, кадетские корпуса, пансионы, университеты, содержание офицеров, генерал граф И. О. Витт.

Среди материалов начальника военных поселений кавалерии генерала графа И. О. Витта из фондов РГВИА сохранилась записка о воспитании российского дворянства в XIX в. и записки с предложениями по подготовке офицеров для армии, включая кадры для гвардейских полков. Эти документы хранятся в фонде Военного министерства в деле под заголовком «Разные проекты генерал-лейтенанта графа Витта», датированном 15 июня – 4 июля 1826 г. [см.: РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 2а, д. 3568, л. 1–22 об.]. Часть материалов из этой коллекции опубликована в предыдущих выпусках настоящего сборника [см.: Кандаурова, 2013; 2015]. Все четыре записки отражают актуальные проблемы своего времени: обучение и образование российского дворянства и подготовку офицеров

© Кандаурова Т. Н., 2018

для армии. Граф Витт, отдавший службе в армии не один десяток лет и хорошо знакомый с состоянием образования офицерского корпуса, представил свои соображения о недостатках современного воспитания дворянства и обозначил средства, которые способствовали бы более эффективной подготовке детей дворянства для военной и гражданской службы. В записке «О способе снабжения гвардии офицерами, достойными их назначения», он обозначил конкретные меры по улучшению способов комплектования гвардии и образования юнкеров гвардейских полков. В другой записке изложил меры, направленные на повышение образовательного уровня «поступающих из дворян на службу в армейские полки». Для этого он полагал учредить юнкерские школы в армейских дивизиях и корпусах. Еще в одной записке начальник военных поселений кавалерии изложил свои соображения на предмет улучшения состава офицеров в российской армии.

В первой половине XIX в. дворянство по-прежнему оставалось основным сословием российского общества, из состава которого формировался офицерский корпус армии. При этом офицерский корпус лишь частично пополнялся из числа выпускников специальных учебных заведений. Историк С. В. Волков отмечает: «В начале XIX в. с увеличением сети военно-учебных заведений значение этого источника комплектования возросло, но все равно выпускники учебных заведений составляли менее четверти ежегодного пополнения офицерского состава армии» [Волков, с. 112]. Пополнение русской армии офицерами по-прежнему осуществлялось в основном «путем производства из унтер-офицеров», как это было с начала XVIII в. Комплекс военно-учебных заведений сформировался в начале XIX в. Однако и во второй четверти XIX в. убыль офицеров пополнялась по-прежнему. В 1826–1850 гг. армия пополнилась 59 125 офицерами, из которых 14 415 выпущены военно-учебными заведениями, 36 152 произведены из нижних чинов и 8558 возвратились из отставки и переведены из других ведомств» [Там же, с. 112–113]. Военно-учебные заведения и в это время выпустили в армию чуть меньше 1/4 от общего числа офицеров, пополнивших корпус командного состава (24,38 %).

Последние десятилетия XVIII – первые десятилетия XIX в. принесли Отечеству немало блестящих побед, благодаря талантливым полководцам и хорошо подготовленному офицерскому корпусу. Как писал о русской армии один из офицеров, Н. Морозов, «нельзя не признать, что успешным исходом Великой победы (Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии. – *Т. К.*) она была исключительно

обязана своему генеральскому и офицерскому составу, именно его высокому, чисто военному воспитанию, вырабатывавшему те высокие понятия о долге, чести и призвании военного человека, которыми так силен был тогдашний генерал и офицер» [Морозов, с. 78].

По завершении «блестящей боевой эпопеи» и возвращении из заграничных походов русская армия пережила существенные изменения, «и теперь ей суждено было испытать новую ломку, еще более существенную, чем в период четырехлетнего царствования Павла» [Там же, с. 78]. Характеризуя военный режим после 1814 г., Н. Морозов писал: «Тяжелые дни наступили для армии по возвращении из-под стен Парижа. Забыт был опыт целого ряда войн, и место боевой подготовки, дальнейшего усовершенствования занял парад, ружейные приемы, учебный шаг. Один за другим стали сходить со сцены прежние обаятельные и знающие начальники – рыцари долга и чести – и места их заполнились новыми людьми – знатоками плац-парада» [Там же].

«Закаленные ветераны эпохи походов не могли оставаться в армии при новом порядке вещей, да они были не только не нужны, но и невыносимы для новых начальников. И этих офицеров – героев наших побед – частью удалили, частью ушли они сами» [Там же, с. 82]. Армия стала ощущать недостаток квалифицированных офицерских кадров.

Записки генерала Витта появляются как раз в переходный для русской армии период. Именно тогда менялась система военной подготовки, режима службы, а также и степень образования российского дворянства на уровне, предшествовавшем зачислению в армию. Витт старался обратить внимание правительственных структур и государственных деятелей на те недостатки в воспитании российского дворянства, которые препятствовали формированию кадров квалифицированных и грамотных специалистов для военной и гражданской службы [см.: РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 2а, д. 3568, л. 1–8]. Разделив дворянство на четыре группы, он попытался показать недостатки образования детей дворян в каждой из групп с учетом всех объективных и субъективных факторов. Одновременно генерал Витт определял в специальном разделе записки меры, которые должны были способствовать повышению интереса дворянских детей к образованию [см.: Там же, л. 6 об. – 8]. Он предлагал связать продвижение по службе с определенным уровнем знаний и образования офицера, а для этого считал необходимым ввести экзамены по определенным предметам для каждого чина (от прапорщика до майора) или систему аттестации [см.: Кандаурова, 1999, с. 337–339].

Вторая записка генерала Витта посвящена анализу проблемы обеспечения гвардии квалифицированными офицерскими кадрами. Появление записки было обусловлено переменами в гвардии, имевшими место в последнее время: изменением условий службы, что вызвало отток офицеров со службы и даже дефицит профессиональных офицеров-гвардейцев, увеличением гвардейского корпуса. Как и в первой записке, боевой генерал вносит свои предложения по усовершенствованию состава офицерского гвардейского корпуса. Он считает целесообразным прекратить большой прием молодых людей в гвардию юнкерами, вести тщательный отбор новичков, ввести аттестацию при производстве юнкеров в гвардию, создать училище для юнкеров, поступающих в гвардию, набор в гвардейские структуры осуществлять из числа армейских офицеров, прослуживших не менее 2 лет и имевших достаточное состояние [см.: РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 2а, д. 3568, л. 10–12].

В третьей записке «О учреждении в корпусах и дивизиях юнкерских школ» граф Витт изложил свои соображения по вопросу повышения общего образовательного уровня офицерского корпуса армии, который оставался низким по причине «бедного состояния молодых людей, поступающих из дворян на службу». Для подготовки хорошо знающих свое дело офицеров он предлагал создать «в каждой дивизионной или, по крайней мере, корпусной квартире школы для юнкеров» и дворяне 10–15 лет, зачислявшиеся в полки, сразу поступали бы в школу. Преподаватели школы, по его соображению, определялись бы из числа офицеров артиллерийских рот. По завершении обучения юнкера производились бы в офицеры после «испытания», и не по старшинству, «но единственно по отличию в познании наук» [Там же, л. 15 об. – 16 об.]. Школы юнкеров должны были обеспечивать армейские части и подразделения хорошо подготовленными офицерскими кадрами [см.: Кандаурова, 1999, с. 341–342].

Четвертая записка графа Витта представляла его соображения по способам улучшения офицерского корпуса армии. Как отмечалось ранее, армия испытывала в переходный период дефицит офицерского состава, сократилась его численность. Витт видел два пути решения этой проблемы: изыскать средства к привлечению новых кадров и удержать на службе «хороших и уже опытных офицеров» [РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 2а, д. 3568, л. 18]. Учреждение юнкерских школ позволило бы обеспечить армейские структуры новыми офицерскими кадрами. Удержать офицеров на службе можно было, по его мнению, за счет улучшения материального положения офицерского корпуса, испытывавшего в большинстве своем финансовые затруднения [см.: Кандаурова, 1999, с. 342].

Записки графа Витта представляют немалую ценность для исследователей, так как автор был достаточно хорошо осведомлен о состоянии армейского офицерского корпуса в первой четверти XIX в., о тех проблемах и особенностях в подготовке офицерских кадров, которые были характерны для этого времени. Генерал Витт также наблюдал и те изменения, которые претерпевала армия после наполеоновской эпохи и блестящих побед 1810-х гг. Он был знаком с данными аспектами жизни армии и армейской повседневности изнутри, находясь практически постоянно на службе в действующей армии и наблюдая послевоенные трансформации 1810–1820-х гг. Уровень подготовки офицерского корпуса, готовность к службе поступающих на должности офицеров он мог оценивать на практике, будучи в 1800–1810-х гг. боевым офицером, руководителем всех военных поселений кавалерии в 1820–1830-х гг. и одновременно возглавляя тайную полицию юга России. Основную проблему неудовлетворительного состояния офицерского корпуса генерал Витт видел в недостаточной подготовке офицеров и недостатке их образовательного уровня. Все виденное им в отношении образовательного уровня офицерского состава армии и степени подготовки служащих офицеров позволило заслуженному российскому генералу сформулировать свое видение проблемы и сформировать пакет предложений на предмет улучшения образовательных практик российского офицерского корпуса.

№ 1

Записка о недостатках нынешнего воспитания российского дворянства и средствах обратить оное совершенно на пользу императорской военной и гражданской службы[1]

№ 47. С. Ж.[2] Не позднее 15 июня 1826 г.[3]

Главная цель воспитания должна состоять в том, чтобы юноша, при совершенной и чистейшей нравственности, имел все те сведения, которые ему нужны в избранном им роде жизни, и правила, совершенно согласные с духом правительства, которому он повиноваться обязан.

---

[1] Собственный заголовок документа.

[2] Нумерация по секретному журналу (С. Ж. или Сек. Ж.)

[3] Датируется на основе пометы на первом листе документа.

Но редкие отцы имели в виду сию двоякую цель, и большая часть тех, которым состояние и позволяло воспитывать детей своих отличнейшим образом, предпочитали образование поверхностное, но блестящее, сообщению достоинств не столь блестящих, но основательных и, следовательно, полезных.

Дабы рассмотреть в точности недостатки воспитания российского юношества, разделим наперед дворянство на несколько разрядов:

1) На дворян, которых отцы не имеют возможности образовать их.

2) На дворян, образовывающихся в кадетских корпусах.

3) На дворян, обучающихся в пансионах и университетах.

4) Наконец, на дворян, воспитывающихся дома, при пособии худых или отличнейших наставников.

§ 1. О дворянах, не получивших никакого воспитания

Вследствие порядка наследственного, не говоря уже о побочных случаях, многие достаточные и хорошие дворянские фамилии приходят столь скоро в упадок, что лишаются, наконец, возможности быть наряду с прочими; и потому большая часть российских дворян состоит из людей бедных, даже неимущих, которые, не получа сами сведений и, следовательно, не имея возможности сообщать оные детям своим, принуждены оставлять их в природном невежестве.

Сии дворяне, живущие вечно в деревнях, иногда удаленные от всякого сообщества, почти всегда пренебрегаемые богатыми соседями своими, не только не могут доставить детям своим первых начал воспитания, но даже и понятия об обязанностях благородного человека. С самой юности, имея в глазах примеры злоупотреблений господской власти, часто буйства, неумеренности и самого разврата, какие начала гражданских добродетелей могут вникнуть в сердца их? Без сведений, без понятий, обучась едва грамоте у какого-нибудь слуги или дьячка, могут подавать надежду сии полудикие питомцы лесов и степей?

Но сими ж несчастными дворянами пополняется большею частью убыль юнкеров в наших полках. Сии юнкера, производимые в офицеры, нимало моральными свойствами от солдат не различающиеся, продолжают до высших степеней быть предметом неуважения, даже презрения товарищей своих. Старшинство службы и счастливые случайности выводят их в чины, в которых их собственная ничтожность не только делается для всех явною, но и часто может соделаться вредною для блага государственного.

§ 2. О дворянах, воспитывающихся в кадетских корпусах

Многие из небогатых дворян отдают детей своих в корпуса для получения приличного военным людям воспитания. Нет сомнения, что некоторые из воспитанников выходят с основательными сведениями, но к не[сч]астью большая часть оных, едва ли показывает самую тень образованности. Горестно видеть обманутую надежду правительства, не щадившаго ни труда, ни иждивений на просвещение юношей, обреченных его служению! Но и из тех, которые чему-нибудь научились, большая часть, не видя настоящей цели в приложении познаний своих, предаются праздности и забывают то, что приобретено было чрез неусыпное радение.

§ 3. О дворянах, обучавшихся в пансионах и университетах

Не говорю о пансионах частных, где молодые люди, обыкновенно получая самые поверхностные сведения и способность худо или хорошо лепетать на иноземном языке, выпу[ск]аются недоученными невеждами. Буду говорить здесь только об императорских пансионах, лицеях и университетах.

Нет сомнения, что в сих рассадниках просвещения могут почерпаться основательнейшие сведения, что, слушая отличных мужей, постановленных для преподавания в оных наук, юноша мог бы приобресть все те познания, которые составили б счастие его в частной жизни или [с]делали полезным на поприще военно[м] или гражданско[м].

Но, к сожалению, и здесь юноша, усматривая, что науки не служат, видимо, к возвышению в продолжении служения или вовсе не прилежит к оным, или, достигнув чина, для получения которого оные почитаются необходимыми, пренебрегают ими. Сверх сего, многие вступают в университеты затем только, чтобы получить аттестаты, доставляющие им чрез шесть месяцев пребывания в юнкерах звание обер-офицеров. Злоупотребление в выдаче аттестатов есть одно из важнейших, ибо чрез уверенность кривыми путями достигнуть цели уничтожается необходимость возвышаться посредством прямых и основательных, с трудом приобретенных познаний.

§ 4. О дворянах, получивших домашнее воспитание

Об оном роде воспитания говорить определительно было бы невозможно, если б мы не знали, что называют обыкновенно в России хорошим воспитанием, хотя и бесспорно, что есть несколько просвещенных

отцов, в противность общего стремления старающихся доставить детям своим точные и определительные сведения.

Совершенное познание французского языка, особенно всех тонкостей и приличий речи, – вот необходимое условие в воспитании каждого хорошего дворянина; затем идет легкое познание немецкого, а иногда и английского, случайно даже и итальянского. Последний предмет, которым занимаются по части языков, есть изучение собственного своего, то есть российского.

Но сколь много занимаются языками, столь мало обращают внимания на науки. Учатся математике, хотя редко с основательностию, проходят слегка географию, древнюю историю, еще того легче новейшую собственного своего отечества по иностранным авторам, пробегают мифологию и сим кончится роспись изучаемых наук. В изящных же искусствах, остановясь обыкновенно на первых опытах в рисовании, обращают отчасти внимание на музыку, но более всего прилепляются к танцеванию, если не вредному для нравственности, то по крайней мере бесполезному занятию.

Из сего мы легко можем заключить, что большею частью так называемый благовоспитанный молодой человек есть полуученый или даже и совершенный невежда, который не имеет позволения оставаться невеждою для одних своих сограждан, но должен еще казаться невеждою и тем народам, на языке которых он изъясняться может; он есть невежда, исполненный самоуверенности и самолюбия, мечтающий присвоенными звуками языка иноземного изумлять слушателей или выученными отрывками стихов, или выкраденными каламбурами стяжать удивление модного света. Одном словом, так называемый благовоспитанный человек есть полуиноземец, не имеющий никакого основательного сведения, но только немногие повер[х]ностные познания, которые умеет он употреблять с успехом для ослепления больших противу него невежд; космополит, изучавшийся нравственности в Дидероте, религии в Вольтере, мечтающий о переворотах и свободе, не способный ни к какому занятию, ни к какой службе!

Но должен ли я еще говорить о тех несчастных детях, которых воспитание препоручается какому-нибудь иноземцу, беглому солдату или преступнику, из отечества изгнанному? Отец безграмотный ловит первого ему попавшегося немца или француза, который за деньги русские посевает в душу его семена иноземного разврата, не заменив потерю нравственности (если б можно было заменить оную), ни малейшими сведениями.

§ 5. Общее обозрение недостатков воспитания российского дворянства и причины предпочтения, оказываемого иностранцам

Итак, мы видим, что, за исключением некоторых достойных людей, дворянство наше состоит: 1) из безграмотных, грубых и не имеющих понятия об истинном благородстве невежд; 2) из недоучившихся кадетов; 3) из не окончивших или худо слушавших курс наук студентов; 4) из полуфранцузов, часто при блестящей наружности не имеющих никаких сведений, с испорченностью нравов, без любви к отечеству, с ненавистью к правительству, без познания самого Бога!

И после сего можем мы удивляться предпочтению, оказываемому пред нами офицерам из иностранцев; можем еще огорчаться, что значительнейшие места занимаются иностранцами. Но не должны ли мы сознаться, что они превосходят нас вообще в основательности познаний, в умении прилагать оные, наконец, в точном соблюдении обязанностей службы[4].

§ 6. О средствах приохотить российское юношество к наукам

В России все виды дворянства обращены к службе, и в одном повышении чинов полагают удовлетворение сродного людям самолюбия; поныне едва ли еще кому приходило в голову, что грехи в науках могут, составляя наше собственное счастие, льстить гордости, независимо от достижения чрез оные высших степеней в империи.

Итак, должно воспользоваться сим господствующим мнением, дабы, соделав науки единственною стезею для получения воинских и гражданских почестей, подать средство одним достойным и сведущим людям достигать первых знаний, оставляя прочих в должностях менее значущих[5].

В оном намерении я полагал бы назначить для награждения в военной и гражданской службе чинами до штаб-офицерского учредить при корпусах и при лице генерал-губернаторов экзаменаторов, которые под строгою

---

[4] Помета карандашом на полях абзаца: «Какая же причина, что иностранец лучше учится, чем русский, вероятно, тот и другой находят свои выгоды». Далее: «писать до сих пор».

[5] Помета карандашом на полях абзаца: «Правительство не должно только пользоваться, а должно порождать. Почему же правительству не искать того, что бы приходило в голову, что науки и истинное просвещение суть основа истинного [сч]астия».

ответственностию испытывали бы ищущих производство. Для получения каждого чина определилась бы известная степень познаний таким образом, что для получен[и]я прапорщичьего чина требовалось бы легкое познание российского языка и четырех первых правил арифметики; для подпоручичьего – российский язык, арифметика и география; для поручичьего – российский язык, арифметика, лонгометрия, география и российская история; для штабс-капитанского – российский язык, арифметика, лонгометрия, планометрия, география, история российская и древняя; для капитанского – российский язык, алгебра, тригонометрия, география, история; для майорского требовал бы я познания российского и одного иностранного языка, тактики, тригонометрии, фортификации, части артиллерии, географии, статистики и истории. При сем нужно б было положить правилом, чтоб юнкер или офицер, прослужив один год в чине своем, мог требовать экзамена и был производим предпочтительно пред менее сведущими его товарищами.

Таким образом, юноша, видя в одних сведениях средства к достижению почестей и необходимость до штаб-офицерского чина не только не оставлять, но даже стараться об усовершенствовании и умножении своих познаний, приучится к наукам, и праздное время будет уже производить не в пустых, часто вредных или безнравственных удовольствиях, а в занятиях истинно полезных, возвышающих звание человека.

Вот, по моему мнению, единое средство дать российским офицерам преимущество пред всеми прочими, возвысить достойных, возбудить ленивых и распространить свет наук во всех областях империи.

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2а. Д. 3568. Л. 1–8. Копия.

№ 2

О способе снабжения гвардии офицерами, достойными их назначения[6]

№ 48. Сек. Ж. Не позднее 15 июня 1826 г.[7]

Корпус офицеров гвардии, составленный из богатейших и знатнейших дворян России, был всегда, так сказать, блеском двора и мало занимался исполнением прямых обязанностей своего звания. Впоследствии,

[6] Собственный заголовок документа.

[7] Датируется на основе пометы на первом листе документа.

когда войско сие поставлено было на должное и свойственное ему положение и потребовалось от него примерного по всем частям устройства, порядка и отличного знания своего дела как от войска избранного и пользующегося значительными противу армии преимуществами, то большая часть офицеров оного, приобыкших к роскоши и неге, а не к исполнению своих обязанностей, и потому, [сч]тая все касающееся службы тягостным, оставила оную[8].

Молодые же люди, вступая на службу в гвардейские полки, надеясь, что старшинство доставит им повышение в чинах, мало заботились как о усовершенствовании себя по службе, так и о дальнейшем образовании себя для пользы оной.

Вот причины, от коих произошло затруднение, особенно при увеличении состава гвардейского корпуса, иметь в оном требуемое число офицеров, действительно достойных назначения своего: подавать собою пример избранным нижним чинам в преданности к Государю, исполнении в строгом смысле всех своих обязанностей, соблюдений неослабной подчиненности и гордиться тем, что о[сч]астливлены выбором составлять охранное войско Государя своего.

По недостатку в гвардии таковых офицеров полагаю, что следующею мерою можно доставить оной достойных офицеров:

1. Прекратить большой прием молодых людей в гвардию юнкерами, а иметь сих только нужное число под знамена. Сей комплект юнкеров пополнять с большою осмотрительностью в отношении нравственности и принимаемым делать испытание в познаниях.

Для окончательного образования юнкеров гвардейских полков составить училище, избрав для преподавания наук людей благомыслящих и поруча надзор штаб-офицеру, испытанному в правилах нравственности, а особенно в преданности к престолу. Главнейшею обязанностию сего штаб-офицера должно быть неослабное наблюдение за наклонностию умов порученных ему молодых людей и внушение им ничем незыблемой преданности к своему Государю.

Назначение юнкеров к производству в офицеры гвардии должно делаться по испытании их в науках и по точном удостоверении в правильности их мыслей; тех же из них, в коих замечена будет косвенная наклонность умов, выписывать для исправления теми же чинами в армию и отдаленные корпуса.

---

[8] На полях абзаца помета карандашом: «14-го июня».

Малой прием молодых людей юнкерами в гвардейские полки даст в общем мнении некоторый вес армейским, что необходимо, ибо настоящее мнение большой части дворянства о армейских полках столь невыгодно, что они [сч]итают службу в оных как бы несовместную их классу. Сия причина и надежда скорого производства в гвардии заставляет каждого отца, имеющего хотя малое состояние, стараться о помещении в оную сына своего. Предстоящая же по сему предположению трудность такового помещения заставит дворянство обратиться на службу в армейские полки.

Гвардию же комплектовать офицерами, переводя усерднейших господ по службе и отличнейших по познаниям и нравственности из армейских полков. Выбор при таковом назначении возложить на гг. корпусных, дивизионных и бригадных командиров, обязав их строгою ответственностию за малейшее пристрастие, притом должно наблюдать, чтобы предназначаем[ы]й для перевода в гвардию офицер выслужил в армии по меньшей мере два года в офицерском чине. Сие время необходимо как для усовершенствования офицера по службе, так и для того, чтобы начальство могло сделать неошибочное заключение о его нравственности и образе мыслей.

По мере надобности офицеров для гвардейских полков делать назначение по ровному числу из каждого корпуса; командиры корпусов обязаны предварительно приготовить достойных офицеров; причем должно иметь в виду и то, чтобы каждый из предназначаемых в гвардию офицеров имел соответственное состояние для содержания себя в гвардии.

Сим способом комплектования гвардейских полков оные будут иметь опытных офицеров и совершенно преданных своему монарху, о[сч]астливившему их выбором в свое охранное войско. Молодые люди, производимые в офицеры гвардии из юнкеров или выпускаемые из корпусов и учебных заведений, не чувствуют сей монаршей милости, [сч]итая оную как бы должное себе.

При том означенной выбор – офицеров в гвардию из армейских полков – послужит к улучшению и самого корпуса офицеров сих последних: офицеры армейских полков, поощряемые переводом отличнейших своих товарищей в гвардию и в лестной надежде и самим получить на сие право, будут, конечно, ревностнее в исполнении своих обязанностей, более заботиться о усовершенствовании себя по службе и о приобретении познаний, а быв более заняты полезным, сохранять более и правила нравственности.

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2а. Д. 3568. Л. 9–12 об. Копия.

№ 3

О учреждении в корпусах и дивизиях юнкерских школ[9]

№ 49. С. Ж. Не позднее 15 июня 1826 г.[10]

Бедное состояние молодых людей, поступающих из дворян на службу в армейские полки, есть причиною, что многие из оных не только чужды каких-либо познаний, но даже не имеют ни малейшего нравственного образования; едва знают российскую грамоту и то, часто, до возможности только с трудом подписать фамилию свою, а притом имеются и таковые из них, кои и сего не умеют.

Сии необразованные дворяне, определяясь в молодых летах на службу в полк, назначаются в роты и вместе с тем отправляются в деревни квартирного расположения оных; тут молодые люди вступают в сношения с унтер-офицерами и рядовыми. В сем кругу своего знакомства почерпают правила нравственного своего образования. Вредные впечатления, смолоду полученные в таковом обществе, трудно изменить впоследствии, тем более что подобные же дурные примеры весьма нередко случается им видеть в поведении и поступках офицеров, а иногда даже и самых ротных командиров.

Молодой человек, неопытн[ы]й и недозрел[ы]й в мнениях своих, видя сей соблазн, не только не замечает и не находит ничего предосудительного в тех пороках, коих бы каждый из них, здраво и благородно мыслящий, гнушаться должен, но, напротив того, [сч]итается всякой буйственной поступок, так сказать, за молодечество, свойственное званию военного. Сии вредные мнения есть причина, что молодые люди, подражая товарищам своим, а иногда следуя и примеру старших себя, легко впадают в пьянство, влекущее за собою распутства и забвение, так сказать, самого себя; невзирая на таковые пороки, нередко сии молодые люди производятся в офицеры, как по недостатку оных в полках и неимению достойнейших к сему званию, так и потому, что гг. полковые командиры, имея юнкеров, рассеянных по ротам, не могут и не имеют случая знать точного каждого из них поведения, почему должны полагаться на аттестацию ротных командиров. Сии, нередко быв подтверждены тем же слабостям, не [сч]итают оные пороками и аттестуют сих безнравственных и испорченных молодых людей обещающими, разумеется по мнению их, быть хорошими офицерами.

---

[9] Собственный заголовок документа.

[10] Датируется на основе пометы на первом листе документа.

Сие то небрежение о[б] образовании молодых людей есть точная и неоспоримая ничем причина недостатк[а] в армейских полках хороших офицеров; по неимению таковых не предвидится возможности иметь на будущее время как штаб-офицеров там и генералов, могущих достоинствами своими оправдать в полной мере ту доверенность, кое[й] облекаются по званию своему. Посему ясно выказывается, что существующий недостаток достойных офицеров в армии как в настоящем положении, так более еще по последствиям своим есть весьма важное обстоятельство для государства, а потому и вынуждает обратить особое внимание на изыскание средств к замещению вакаций[11] в армии людьми достойными своего звания и могущими с пользою управлять порученными частями.

К достижению возможности сего необходимо обратить всемерные старания к улучшению образования юнкеров как рассадника, из коего поступают отрасли, для замещения всех вакаций в армии.

Образование сих молодых людей должно заключать познания, необходимые по званию офицера, а особенное должно обращать внимание на образование их в нравственном отношении.

В сем предположении полагаю учредить в каждой дивизионной или, по крайней мере, корпусной квартире школы для юнкеров. Школы сии должны находиться под особенным надзором и наблюдением корпусных или дивизионных командиров.

Школы сии могут быть устроены на следующих правилах:

1. Молодые дворяне, определяющиеся на службу в полки, имеющие от 10 до 15 лет, поступают прямо в сию школу.

2. Для надзора за оными и для преподавания наук выбрать из артиллерийских рот офицеров, имеющих основательные познания в предметах, для курса сей школы назначенных. Дабы офицеры сии охотнее исполняли свои обязанности и большее прилагали к сему старание, то делать отличающимся из них в прилежании к своему долгу особенные награды.

3. Занятия сих юнкеров фронтовою службою поручить опытным и совершенно знающим свое дело офицерам; во время каникулов они должны выступать в лагерь для узнания порядка службы оного.

4. По окончании курса наук производить юнкеров отнюдь не по старшинству, но единственно по отличию в познании наук, в чем удостоверяться должно при испытаниях, производимых в присутствии корпусных,

[11] Имеется в виду: вакансий.

дивизионных и бригадных командиров. Сие средство лишить юнкеров всякой надежды на производство по старшинству и, напротив, убедить каждого из них, что получение на сие права зависит от их поведения и степени познаний как в науках, так и по фронтовой службе.

На могущее быть возражение, всегда ли можно иметь нужное число юнкеров с таковыми достоинствами для пополнения офицерских вакансий, скажу, что гораздо выгоднейшими [сч]итаю иметь незамещенные ваканции, чем наполнять оные несведущими офицерами, а тем еще более безнравственными молодыми людьми. Убеждаюсь в сем дознанного[12] истиною, что только хороший офицер приносит пользу в полку или роте. Дурной же, напротив, причиняет вред, давая соблазн подчиненным неправильностию своего поведения, и потому учреждение школ для образования юнкеров нахожу как единственный способ, могущий доставить государству правильно мыслящих и образованных офицеров и тем отвлечь могущие произойти худые последствия от необразованности и безнравственности офицеров, впоследствии времени делающих влияние и на нижних чинов.

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2а. Д. 3568. Л. 13–17 об. Копия.

№ 4

О способе улучшить состав офицеров в армии[13]

№ 50. С. Ж. Не позднее 15 июня 1826 г.[14]

Ощутительной недостаток офицеров в армии вынуждает обратить особенное внимание на изыскание средств как к приобретению достойных, так и удержанию в службе хороших и уже опытных офицеров.

К достижению первой из сих статей необходимо учреждение юнкерских школ; касательно же второй, предварительно нужно внимательно рассмотреть причины, вынуждающие офицеров оставлять службу; каковое внимание необходимо, ибо в продолжении короткого времени значительное число отличных достоинствами и храбростию офицеров оставили армию, так что уже теперь нечасто встречаешься с офицером, делавшим прошедшую Отечественную войну. По большому числу выходящих

---

[12] Так в тексте.

[13] Собственный заголовок документа.

[14] Датируется на основе пометы на первом листе документа.

в отставку производства были так велики, что почти нет уже капитанами служивших оную, в особенности в пехоте.

Таковая потеря для устройства армии слишком чувствительна, чтобы оставить ее без внимания и не употребить мер к удержанию на службе достойных офицеров, долженствующих бы быть наставниками молодым, поступающим в полки из кадетских корпусов и юнкеров, кои, выходя в юных летах и потому часто недозрелые в отношениях нравственном и физическом, нуждаются в полезном наставлении и хорошем примере опытных и уважаемых товарищей, как по нравственным отношениям, так и в поощрении не оставлять в небрежении полученного в корпусе воспитания и иметь рвение в исполнении малейших обязанностей службы. Сей-то беспрерывной пример достойных товарищей дает молодым офицерам прочную основу нравственности. По мере же выхода из полков опытных офицеров молодые лишаются необходимых путеводителей и, что еще хуже, по существующему недостатку в полках старших чинов командиры оных часто поставляются в неизбежную необходимость представлять к повышению чинами /по неимению достойных/едва только терпимых в службе, каковое повышение служит к вящему усугублению недостатков и слабостей сих испорченных и без того молодых людей, удостоверяя, что мало обращают внимания на поведение их. От сих причин корпус офицеров в армии более и более упадает так, что есть таковые офицеры, кои сохраняют одну только наружность звания офицера, не имея никаких достоинств, долженствующих отличать оное.

Видя из сего пользу сохранить хороших офицеров в армии, обратимся к изысканию точных причин, вынуждающих оных, часто противу желания, оставлять военную службу. По внимательном рассмотрении положения офицера, содержащего себя в службе одним получаемым жалованьем, и, по подробном разбирательстве, с наибольшею ограниченностию необходимых надобностей его, ясно увидим, что оное слишком недостаточно, чтобы офицер мог одевать и содержать себя прилично званию своему. При сем-то положении офицерского быта, что остается тем из них, кои женаты и каковых в армии весьма немало, [в] особенности же в полках, расположенных в Польских провинциях, где офицер, невзирая на существенную[15] недостаток, терпимый ими и в холостом состоянии, весьма охотно женятся и тем еще более оный усугубляют.

Сия-то совершенная невозможность содержать себя в военной службе получаемым жалованьем есть причина, вынуждающая многих

[15] Так в тексте. Должно быть: существующий.

офицеров оставлять оную, переходя в гражданскую службу, а часто даже и к партикулярным лицам в звание управителей и тому подобные.

Остающиеся же на службе по скудности способов содержать себя изыскивают разные извороты и способы, часто даже и непозволительные, к поддержанию себя и семейств своих; впадают чрез то в проступки, коим нередко участны соделались, вопреки врожденных чувств, единственно по нуждающемуся их положению.

Изложенные недостатки офицерского положения и последствия оного поставляют в необходимость обратить внимание на обеспечение содержания офицеров в службе, назначив от прапорщика до капитана производить из комиссариатского ведомства полную обмундировку; жалованье же, ими получаемое, предоставить на содержание себя, а от капитанского чина, как долженствующего командовать ротою, а потому почетного по значительности занимаемого поста, обмундирование не производить, а назначить столовые деньги.

Без увеличения государственных расходов можно привесть сию цель к исполнению следующим образом.

Убавить в каждой роте по 20 человек рядовых, что составит в полку 240, и сумму, остающуюся от содержания сих нижних чинов как по комиссариатскому, так и провиантскому ведомству, обратить на означенное предположение сие.

Убавленное число нижних чинов не сделает ослабление в сих полках, ибо хотя в оном и уменьшится 240 человек, но сие уменьшение вознаградится в следующих отношениях: a) офицеры, получа возможность содержать себя в службе, не охотно будут оставлять оную; b) вышедшие в отставку по недостаточному состоянию неоспоримо покинут то состояние, в кое по необходимости принуждены были вступить, и обратятся опять на службу в полки; c) обеспеча содержание офицеров, недостатка в оных никогда встретиться не может, а чрез то уменьшится требование офицеров.

При уменьшении требования офицеров воспитание в корпусах может продлиться, что доставит существенную пользу для молодых людей, государство же не потеряет напрасно употребленных издержек на только начатое воспитание, впоследствии мало приносящее пользы, а будет иметь из сих воспитанников уже совершенно сведущих офицеров для пользы Отечества.

При том же офицеры, видя, что армия не нуждается в них, будут дорожить службою и мнением начальства, ибо увидят, что от усердия их к обязанностям службы и хорошего поведения единственно зависит

повышение, с коим вместе увеличивается и обеспечение содержать себя. И главнейшее – искоренить в офицерах рождающееся неудовольствие, проистекающее единственно от настоящего скудного их положения, каковым расположением недоброжелатели пользуясь, стараются возродить дух неповиновения и возбудить ропот противу правительства. А искоренив в офицерах наклонность к неудовольствию, навсегда пресечется сообщение такового к нижним чинам. И потому усердным и добрым расположение[м] оных убавленное число сугубо вознаграждается.

РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2а. Д. 3568. Л. 18–22 об. Копия.

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003.

Кандаурова Т. Н. Граф И. О. Витт как военный практик и военный теоретик // Хозяева и гости усадьбы Вяземы : К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина : материалы VI Голицынских чтений. 23–24 янв. 1999 г. Большие Вяземы, 1999. С. 336–348.

Кандаурова Т. Н. Записки по военно-поселенной организации генерала Витта // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2013. Вып. 13. С. 323–345.

Кандаурова Т. Н. Записки генерала графа И. О. Витта по вопросам организации военных поселений // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2015. Вып. 15. С. 403–419.

Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Российский военный сборник. Вып. 17. Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания / под общ. ред. И. И. Ефремова. М., 2000. С. 39–99.

УДК 94(470.55).072(093) С. Д. Батищев

КАК ЛЕВ ИВАНОВИЧ С ПЕТРОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ О ДЕНЬГАХ СПОРИЛИ: СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ РАЗРЕШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ТЯЖБЫ НОВЫМИ И СТАРЫМИ ВЛАДЕЛЬЦАМИ КЫШТЫМСКИХ ЗАВОДОВ (1816)

Публикация «Ответа департамента горных и соляных дел от 28 декабря 1816 года на прошение Л. И. Расторгуева о возврате денег за отпущенное за границу под именем Демидовых железо» – источника, позволяющего реконструи-

© Батищев С. Д., 2018

ровать финансовый казус, возникший между Л. И. Расторгуевым и П. Г. Демидовым после приобретения Расторгуевым Кыштымских заводов. Зафиксированный казус демонстрирует один из типов денежных тяжб между «старыми» и «новыми» владельцами заводов и одновременно характеризует мотивации и способы использования государственными структурами действующих на тот момент нормативных положений по урегулированию подобных проблем. Публикуемый документ интересен и тем, что со стороны департамента горных и соляных дел ситуация обрисована им как органом, независимым от интересов каждого из заводовладельцев, что позволяет рассматривать данный источник как нейтрально-ориентированный по своему содержанию.

Ключевые слова: департамент горных и соляных дел, Демидовы, Расторгуев, железо, деньги, Каслинский и Кыштымские заводы.

Лев Иванович Расторгуев был вольским купцом 1-й гильдии, нажил состояние на винной торговле. Для повышения своего социального статуса он принял решение умножить капитал посредством приобретения горных заводов. В 1808 г. Расторгуев покупает Нязепетровский завод, в 1809 г. – Каслинский и Кыштымские заводы. Продавцом последних выступил П. Г. Демидов. Причин для объяснения его поступка в литературе нам не удалось найти. Расторгуев же, приобретя перечисленные заводы, по сути заложил основы будущего Кыштымского горного округа.

Уральская промышленность в начале XIX в. переживала определенный кризис, связанный прежде всего с резким сокращением экспорта уральского металла. Уменьшение экспорта произошло вследствие роста английской металлургии, где производство перешло на использование каменного угля. Поэтому одной из задач нового заводовладельца было расширение и поиск новых точек сбыта своей продукции, а также попытка внедрить новшества в технологию и ассортимент производимой продукции. В частности, на Кыштымских заводах, несмотря на то, что производство железа и чугуна сократилось, «была осуществлена специализация на сортовое железо и чугунное литье» [Неклюдов, 2004, с. 401]. Именно при Л. И. Расторгуеве начинается разработка имевшихся на территории округа золотых приисков. Некоторые новшества появились и на Каслинском заводе. Начали изготовлять предметы быта, в частности, отливать из чугуна посуду. Льва Ивановича можно отнести к заводчикам нового типа. Он не был дворянином, заводы приобрел на свои кровно заработанные средства, поэтому был заинтересован в том, чтобы приобретенные предприятия себя окупали. Для этого он активно вникал в производственные процессы и пробовал их модернизировать. В целом его деятельность, по сравнению с последующим периодом, оценивается

исследователем истории Кыштымского горного округа О. В. Линник положительно [см.: Линник, с. 25–30], несмотря на то что он зачастую пренебрегал нуждами своих мастеровых, что вылилось в крупное волнение на заводах округа в 1822–1823 гг. [см.: Батищев, с. 52–54].

В публикуемом документе речь идет о том, что с 1807 по 1814 г. железо продавалось за границу под именами Петра и Никиты Демидовых, хотя заводовладельцами они уже не являлись. Расторгуев просил департамент горных и соляных дел деньги, вырученные за продажу этого сырья, отдать ему.

В то же время Петр Демидов акцентировал внимание горного ведомства, зафиксированное в «Ответе департамента…», на том, что железо, проданное под его именем, должно принадлежать ему, поскольку выковано было прежде данной продажи, т. е. еще во времена, когда заводы принадлежали ему.

Департамент горных и соляных дел как орган государственный, заботившийся прежде всего о государственной пользе, принял решение, которое вряд ли удовлетворило какую-либо из сторон, инициировавших тяжбу.

Решение горного департамента сводилось к тому, что львиная доля дохода от продажи железа, осуществленной П. Г. Демидовым, пошла на покрытие недоимок, которые к тому времени оказались у заводов. Часть денег была отложена в счет будущих податей. И лишь небольшая доля от общей суммы непосредственно передавалась заводовладельцу Л. И. Расторгуеву.

При этом в нижеприведенном документе наблюдается определенное противоречие. Если в начале текста говорится, что в момент покупки Л. И. Расторгуевым заводов на них недоимок не было, то в завершающей его части, где департамент озвучивает свое решение по данному делу, они неожиданно появляются. Так возникает коллизия в финансовых взаимоотношениях двух заводовладельцев. Вариант ее разрешения и содержится в «Ответе департамента…». Заметим, что ни в одной из известных нам работ, посвященных истории Кыштымского горного округа, данная ситуация не находит отражения и, следовательно, никак не комментируется [см.: Казаков; Линник; Мещеряков; Свистунов; Репин].

Можно заключить, что в данном решении государство проявило своего рода заботу о заводах, а не о их владельцах. Но при этом, как представляется, не забывало о государственных доходах, поскольку подати и недоимки шли непосредственно в казну.

Принятое горным департаментом решение может быть объяснено и тем, что Кыштымские заводы, в том числе и Каслинский, относились, согласно данным Е. Г. Неклюдова, к разряду посессионных [см.: Неклюдов,

2011, с. 270–271]. Эти данные не учитывались некоторыми историками, например, В. М. Свистуновым при написании работ по истории отдельных заводов, составивших ядро Кыштымского горного округа. В частности, в его исследовании говорится о том, что Кыштымские заводы попали под действие посессионного права только после того, как перешли в руки Л. И. Расторгуева, не являвшегося представителем дворянского сословия [см.: Свистунов, с. 47]. На самом же деле, согласно версии Е. Г. Неклюдова, они вошли в данный разряд еще в последней четверти предшествующего века [см.: Неклюдов 2011, с. 65].

В документе упоминается несколько раз некое положение Государственного совета от 6 июля 1814 г. и положение Горного совета от 26 августа 1816 г. Однако в соответствующих томах СЗРИ за 1832 г. они нами не обнаружены.

Документы, подобные публикуемому, позволяют исследователям иметь в виду как возможные причины споров между бывшими и действующими владельцами заводов, так и позицию государственных органов власти по этим вопросам. Мы можем высказать предположение, что если в начале XIX в. подобное решение департамента горных и соляных дел можно назвать прецедентом, то в последующие десятилетия подобные решения, когда решение принимается в пользу заводов, а не заводовладельцев, становятся обыденными.

Текст публикуемой рукописи передается с сохранением стилистических его особенностей по правилам современной орфографии. Для того, чтобы содержание документа было более адаптированным для восприятия современного читателя, текст мы разбили на абзацы. К сожалению, текст самого прошения Льва Ивановича Расторгуева (1769–1823) не обнаружен в фондах ОГАЧО.

Ответ департамента горных и соляных дел
на прошение вольского купца 1-й гильдии, почетного гражданина,
владельца Кыштымских заводов Л. И. Расторгуева
о возврате денег за продажу железа на заграничном рынке
«под именем» Н. Н. и П. Г. Демидовых

28 декабря 1816 г.

Г. заводосодержателю Вольскому купцу Расторгуеву.

Поверенный ваш Блинов с поверенным коллежского асессора Зеленцова и иным его прошением, поданным в августе сего года в департамент горных и соляных дел, изъяснили, что доверители их, купив от тайного

советника Петра Демидова[1] в 1808 и 1809 годах как собственно ему принадлежавшие, так и доставшиеся по наследству после дяди его Никиты Демидова[2] заводы, сделались через то настоящими по оным заводчиками, а потому и просили возвратные деньги, следующие за отправленное с 1807 по 1814 год за границу железо под именем тайного советника Петра и Никиты Демидовых и принадлежащие по сим мнениям Государственного совета 6 июня 1814 года заводчикам, заменить по равной части в число податей следующих с заводов доверителей их.

Вслед за тем и тайный советник Петр Демидов представил департаменту горных и соляных дел, что поелику при продаже коллежскому асессору Зеленцову[3] и вам помянутых заводов не было никаких на них недоимок, и он имеет в виду, что по ими помянутого мнения Государственного совета, возвратные деньги за железо, отпущенное за границу под именами Петра и Никиты Демидовых и выкованное еще прежде оной продажи, принадлежать должны ему, Демидову, как заводчику, в купчих крепостях предоставляемых оных коллежскому асессору Зеленцову и вам; заметим же, оное [включить][4] в счет будущих платежей по заводам было бы несообразно с высочайшим указом 16 января 1807 года и для него обидно. По каковым причинам и просим помянутые деньги возвратить ему.

Горный совет департамента горных и соляных дел по рассмотрению обстоятельств дела, принимая во уважение:

1-е, что с 1807 по 1815 год отправлено за границу железо под именем Петра и Никиты Демидовых 164,652 п. 7 ф., за которые причитается к возврату 13 172 р., 17¼ к;

2-е, что деньги по 18 § положения Государственного совета 6 июля 1814 года принадлежат одним заводчикам, под именем которых металлы отпущены за границу, разумея так, как тогда платили подати с чугуна, а по 19 § того же положения велено заменить их в горные недоимки или поверстать в счет будущих платежей по заводам;

---

[1] Имеется в виду Петр Григорьевич Демидов (1740–1826), получивший в 1804 г. Кыштымские заводы в наследство от Н. Н. Демидова.

[2] Имеется в виду Никита Никитич Демидов (1728–1804), владевший Кыштымскими заводами с 1758 г.

[3] Речь идет об Алексее Васильевиче Зеленцове (1752/53–1817), приобретшем в 1808 г. у П. Г. Демидова Ревдинско-Рождественский комплекс заводов.

[4] В документе слово прописано неразборчиво.

3-е, что тайный советник Петр Демидов продал собственные свои заводы коллежскому асессору Зеленцову и доставшиеся ему в наследство от Никиты Демидова в 1809 году вам г. заводосодержателю, и потому не может уже от того времени называться заводчиком. Хоть же железо вышло за границу и под его, Демидовым, именем. Но по силе 18 § вышеприведенного мнения Государственного совета он, не будучи больше заводчиком, возвратными за оными деньгами воспользоваться не может.

4-е, Государственный совет в помянутом мнении своем хотя и означил принадлежность возвратных денег, могущих с 16 января 1807 года по 6 июня причитаться за отпущенное за границу железо, сталь и изделия заводчикам, не постановил, однако же, выдать им оные в руки, но определил засчитать за стоящие уже на заводах недоимки или за будущие их подати, то из сего и можно заключить, что деньги сии предоставлены таким образом в пользу не самих заводчиков, но заводов их[5].

5-е, что во время управления Демидова Каслинским и Кыштымскими заводами оказалось на них недоимок 8638 р. 92 к. за недоплавленное количество чугуна противу штата 1737 года, котор[ые], на основании положения Горного совета 26 августа 1816 года, следует взыскать, поэтому взыскание таковое, по всей справедливости, должно пасть на помянутые возвратные деньги, из которых и остальн[ая] за сим взысканием часть должна также зачтена быть в число будущих с тех проданных им, Демидовым, заводов податей.

По всем сим уважениям Горный совет положил: из числа вышеупомянутых 13 172 р. 17¼ к., следующих к возврату за отпущенное с 1807 по 1815 год под именем Петра и Никиты Демидовых за границу железо, возместить состоящую на Каслинском и Кыштымских заводах в числе 8638 р. 92 к. недоимку; остальную же сумму зачесть в число будущих податей по проданным от тайного советника Петра Демидова коллежскому асессору и вам, Расторгуеву, заводам, рассчитывая по количеству железа, отпущенного за границу с тех заводов, из коих одни состоят ныне во владении коллежского асессора Зеленцова, а другие – во владении вашем.

Вследствие такового положения, утвержденного и г. министром финансов, департамент горных и соляных дел числящуюся на Каслинском

---

[5] Возможно, подобное толкование прав заводовладельцев было связано с тем, что упомянутые заводы Демидовых находились у них на условиях посессионного права.

и Кыштымских заводах за время содержания оных тайным советником Петром Демидовым недоимку 8638 р. 92 к. возместить из сумм, следующих к возврату за железо, отпущенное за границу с 1807 по 1815 год, а затем из 4533 р. 23¼ к. [включить] в будущую горную подать. Вам, заводчику, 266 р. 40 к. собственно за железо, вышедшее под именем Никиты Демидова, заводы коего поступили во владения к вам, и 100 р. 80 к. т. е. половину из того, что причитается за железо, отправленное вообще под именами Петра и Никиты Демидовых, итого триста шестьдесят семь рублей двадцать копеек. А остальную из денег половину, равно и все прочие, – коллежскому асессору Зеленцову, купившему собственно его, Демидова, заводы.

О каковом своем решении департамент горных и соляных дел нужным считает уведомить и вас.

Директор[6]

ОГАЧО. И.-172. Оп.1. Д.173. Л. 1–2 об. Подлинник.
Оттиск сургучной печати департамента.

Батищев С. Д. Особенности социального протеста и волнений в Кыштымском горном округе в первой половине XIX века: причины, ход, итоги // Наука сегодня: опыт, традиции, инновации : материалы международ. науч.-практ. конф., г. Вологда, 26 июля 2017 г. Вологда, 2017. С. 52–54.

Казаков В. Кыштым: страницы истории. Кыштым, 2007.

Линник О. В. История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745–1900). Снежинск, 2003.

Мещеряков Б. М. Кыштым : ист. очерк. Магнитогорск, 1997.

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Н. Тагил, 2004.

Неклюдов Е. Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011.

Репин М. Е. Касли : ист. очерк. Челябинск, 1940.

Свистунов В. М. История Каслинского завода, 1745–1900 гг. Челябинск, 1997.

---

[6] Подпись неразборчива.

УДК 94(477.75).084.1(093)

А. П. Павленко

А. В. КОЛЧАК И ОРГАНЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ СЕВАСТОПОЛЯ в 1917 г.: ОТ СОЮЗА К КОНФРОНТАЦИИ

В статье публикуются исторические источники, содержащие сведения о взаимоотношениях командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака и органов революционной власти Севастополя. Показана эволюция: от взаимодействия в марте-апреле до конфронтации в мае-июне 1917 г.

Ключевые слова: Колчак Александр Васильевич, Революция 1917 г. Севастополь, Черноморский флот, Севастопольский Совет.

В последнюю четверть века личность Александра Васильевича Колчака вызывает большой интерес в научной среде, публицистике и массовой культуре. Итогом этого стал выход ряда работ, посвященных адмиралу Колчаку. Тем не менее, в изучении жизни и деятельности А. В. Колчака остаются и малоизученные эпизоды, и большое количество дискуссионных вопросов.

История жизни и деятельности вице-адмирала в 1917 г. отражена в целом ряде опубликованных источников. Это дает возможность широкому кругу исследователей, биографов использовать их в научной работе. Прежде всего, широко известна публикация судебно-следственных документов допроса арестованного бывшего Верховного правителя в 1920 г. в Иркутске. Стенограмма допроса была опубликована еще в 1920-е гг., сначала в эмиграции [см.: Протоколы допроса...], затем в СССР [см.: Допрос Колчака]. Переиздание стенографического отчета произошло в конце перестройки [см.: Арестант...; Колчак Александр...]. Однако протоколы допроса были опубликованы С. В. Дроковым только в 1994 г. [см.: Дроков, 1994], а затем переизданы в 2001 г. [см.: Верховный правитель...]. Личная переписка А. В. Колчака и А. В. Тимиревой позволяет увидеть субъективно-личное отношение вице-адмирала к происходящим в 1917 г. событиям [Письма...; «Милая химера...»].

Имеются относительно небольшие по объему, но важные по значимости публикации документов, описывающие разные стороны жизни и деятельности А. В. Колчака в 1917 г. Среди них написанная в 1918 г. автобиография адмирала [см.: Плотников], несколько изданий текста доклада А. В. Колчака о положении в стране, сделанного 25 апреля 1917 г.

© Павленко А. П., 2018

[см.: Смирнов[1]; Лященко; Колчак В. И., Колчак А. В.]. Опубликованы документы о поездке А. В. Колчака во главе военно-морской миссии в США [см.: Дроков, 1996] и некоторые источники, посвященные уходу вице-адмирала с должности командующего Черноморским флотом в 1917 г. [см.: Революционное движение...; Козлов, Косенко]. Также В. И. Шишкиным были изданы воспоминания лейтенанта Р. Р. Левговда об А. В. Колчаке [см.: Шишкин].

Становление А. В. Колчака как политика пришлось на 1917 г. Находясь на посту командующего Черноморским флотом, он сделал первые серьезные шаги на политической арене. Истории взаимоотношений вице-адмирала и выборных демократических органов посвящена настоящая публикация источников. В нее преимущественно вошли делопроизводственные документы, отложившиеся в фондах РГА ВМФ. Дополняют их два источника личного происхождения: письмо А. В. Колчака к И. К. Григоровичу и отрывок воспоминаний члена Севастопольского Совета М. М. Заславской. Публикуемые документы показывают, что весной 1917 г. А. В. Колчак успешно установил взаимодействие с выборными революционными учреждениями (Советами и комитетами). Часть из них даже попала под определенное влияние командующего. Положение о деятельности выборных учреждений Севастополя, утвержденное лично А. В. Колчаком, ограничивало полномочия этих институтов и ставило их в определенную зависимость от командования [РГА ВМФ, ф. Р-183, оп. 1, д. 46, л. 11–12 об.]. Сам вице-адмирал в начале Революции использовал политику компромисса в работе с ними, в случае необходимости идя на определенные уступки. Командующий работал совместно с общественно-политическими силами Севастополя, выступавшими за продолжение Первой мировой войны и сохранение порядка.

В начале Революции такая политика имела результат и была одной из причин того, что на Черноморском флоте весной 1917 г. была относительно спокойная обстановка. Однако процесс демократизации и разложения вооруженных сил в 1917 г. остановить не удалось. В итоге после конфликтов с Севастопольским Советом, под давлением выступления матросов и солдат, 6 июня 1917 г. А. В. Колчак покинул должность командующего Черноморским флотом.

Почти все документы публикуются впервые. Публикация подготовлена на основе научно-критических приемов издания исторических документов. Документам даны редакторские заголовки. Сохранены стилис-

[1] А. Смирнов опубликовал сокращенный текст доклада.

тические особенности источников, использовалась современная орфография и пунктуация. С целью сокращения объема несколько документов даются в извлечениях, опущены части, не имеющие отношения к теме публикации. Выражаем благодарность за содействие К. Б. Назаренко (Санкт-Петербург).

№ 1

Резолюция командующего Черноморским флотом А. В. Колчака на протоколе собрания представителей флота, гарнизона и рабочих с разрешением проводить собрания и отправить делегатов в столицу

6 марта 1917 г.

Разрешаю отправить выборных в Петроград для приветствия Государственной думы, Правительства и выработать акт приветствия. Предоставить столовую экипажа для собрания и разрешить печатанье в газете [его] объявлений и решений[2].

Вице-адмирал Колчак

РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 921. Л. 311 об.
Копия. Машинопись.

№ 2

Телеграмма флаг-капитану Морского штаба Верховного главнокомандующего капитану 1-го ранга Бубнову из штаба командующего Черноморским флотом о создании выборных организаций в Севастополе

7 марта 1917 г. 21 час. 00 мин.

Все более выясняется, что настроение в городе, на флоте и в сухопутных войсках благополучное, случаев нарушения дисциплины не было. Выясняется, что большое влияние на сохранение порядка оказало обаяние, которым пользуется командующий флотом. Среди команд и населения

[2] Собрание просило командующего о разрешении собраться 7 марта в помещении столовой Черноморского флотского экипажа, об освобождении от исполнения служебных обязанностей выбранных в Петроград делегатов, разрешении печатать в севастопольской газете «Крымский вестник» объявления о предстоящих собраниях и их постановления [РГА ВМФ, ф. 609, оп. 2, д. 926, л. 1].

организованы собрания представителей от команд флота и армии, в которых участвуют офицеры. Сегодня в Морском собрании были собраны все свободные от службы офицеры. В этом собрании командующий флотом произнес речь о необходимости самого тесного сплочения офицеров, матросов и солдат во имя победы и выбраны представители всех частей армии и флота для организации сближения офицеров и команд. В собрание прибыли выборные представители от делегатов матросов и солдат и заявили, что приложат все старания, чтобы поддержать воинский дух, дисциплину и повиновение офицерам. Во время заседания к Морскому собранию подошла тысячная толпа населения и произвела патриотическую манифестацию, к которой присоединились офицеры. № 529. Смирнов[3].

РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 110–111.
Подлинник. Телеграф. лента.

№ 3

Письмо А. В. Колчака бывшему морскому министру адмиралу И. К. Григоровичу об обстановке на Черноморском флоте

16 марта 1917 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь Иван Константинович.

Вчера я получил изготовленный по приказанию Вашему Петроградским портом флаг командующего Черноморским флотом. Позвольте принести мою глубокую благодарность за оказанное мне внимание.

Пользуюсь случаем сообщить Вам, что на Черноморском флоте до сего дня не произошло каких-либо событий, нарушающих общую жизнь флота, его подготовку и оперативную деятельность. Мне удалось пока сохранить доверие личного состава флота, рабочих и городского населения, но Вы изволите знать, насколько быстро такое положение при настоящих событиях может измениться. Я прилагаю все усилия, чтобы сохранить флот, порт и крепость в боеспособном состоянии и удержать управление и командование. К сожалению, у меня нет такой уверенности, что это удастся в будущем так же, как это удалось до сего дня.

---

[3] Смирнов Михаил Иванович (1880–1940), капитан 1-го ранга. Флаг-капитан по оперативной части, а с 8 апреля 1917 г. – начальник штаба командующего Черноморским флотом.

События в Петрограде, так трагически сказавшиеся на Вашем доме в лице Виктора Андреевича, принесли Вам много горя. Не откажите мне принять мое сердечное участие в нем.

Свидетельствую свое глубокое уважение и отменную преданность.

Готовый к услугам А. Колчак

РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–2.
Подлинник. Рукопись.

№ 4

Выписка из протокола заседания Севастопольского Центрального военного исполнительного комитета о посещении заседания комитета А. В. Колчаком

№ 14 21 марта 1917 г.

<...>

п. 1. Прибыл на заседание командующий флотом Черного моря вице-адмирал Колчак для объяснения задач, которые должны быть приняты в основу предполагаемым учрежденным комиссиям, касающихся быта и положения внутренней жизни, как-то:

1. О преобразовании военно-морского суда;

2. О взаимоотношениях между гражданскими и военными организациями и властями;

3. О пищевом довольствии солдат;

4. О Георгиевской комиссии.

При этом высказывалось пожелание командующего флотом все такие проекты передавать в центральный комитет для внесения своих мнений и поправок.

П о с т а н о в и л и: признать предложенный порядок желательным и на выраженную вице-адмиралом Колчаком солидарность с комитетом выразить ему взаимную солидарность. <…>

РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 10. Л. 38.
Копия. Машинопись.

№ 5

Отношение в Севастопольскую городскую управу из Штаба командующего Черноморским флотом о выделении помещения для Севастопольского Центрального военного исполнительного комитета

22 марта 1917 г.
№ 18809
Спешно

Командующий флотом приказал реквизировать помещение Севастопольского отделения Соединенного банка (Нахимовский проспект, дом Гавалова, кв. № 8) под Севастопольский центральный военный исполнительный комитет и о последующем не отказать уведомить.

Начальник штаба контр-адмирал Погуляев[4]
Начальник распорядительного отделения ст. лейтенант Богданов[5]

РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 921. Л. 417.
Подлинник. Машинопись.

№ 6

Из протокола заседания Севастопольского Совета рабочих и солдатских депутатов о посылке приветственной телеграммы А. В. Колчаку

26 марта 1917 г.

З а с л у ш а н о: по предложению Поссе послать вице-адмиралу Колчаку телефонограмму следующего содержания:

«Телефонограмма № 57. Граждане рабочие, солдаты, матросы и офицеры, собравшись 26 марта в Зимнем городском собрании и в Севастопольском флотском полуэкипаже на лекцию Владимира Александровича Поссе, по предложению его, единогласно решили поприветствовать командующего флотом гражданина-воина вице-адмирала Александра Васильевича Колчака, уполномочив для этого Совет рабочих и солдатских депутатов, который и приветствует от души уважаемого Адмирала. Председатель Совета А. Васильев».

---

[4] Погуляев Сергей Сергеевич (1873–1941), контр-адмирал.
[5] Богданов Михаил Михайлович (1883–1928), ст. лейтенант.

П о с т а н о в и л и: единогласно принять предложение и послать телеграмму.

В ответ на посланную телефонограмму была получена следующая, принятая восторженными криками «Ура» в честь гражданина-воина вице-адмирала Колчака: «Председателю Совета солдатских и рабочих депутатов. Глубоко тронут приветствием граждан рабочих, солдат, матросов и офицеров и от всей души благодарю за оказанное мне высокое доверие, искренне верю в нашу общую дружную совместную работу на новом пути свободы и светлого будущего нашей Родины. Примите, свободные граждане, мой сердечный привет и пожелания успеха и счастья Вашей деятельности и работе. Колчак. № 2642».

РГА ВМФ. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.
Копия. Машинопись.

№ 7

Из протокола делегатского собрания о выступлении А. В. Колчака с речью о положении в стране

25 апреля 1917 г.

Делегатское собрание в здании цирка Труцци.

Председательствующий Конторович

Секретарь Забелин

В два часа дня прибывает командующий Черноморским флотом в[ице]-а[дмирал] Колчак. Делегатское собрание приветствует адмирала Колчака несмолкаемыми аплодисментами.

Колчак обратился к делегатскому собранию с речью, в которой описал положение вещей на фронте[6]. По окончани[и] речи собрание опять приветствовало его. За Колчаком выступает товарищ Баткин[7], громом долго не смолкаемых аплодисментов делегатское собрание покрывает окончание его речи. За товарищем Баткиным выступает лейтенант Ромушкевич[8]. За Ромушкевичем выступает председатель собрания Конторович, собрание аплодирует ему. После Конторовича выступил товарищ

---

[6] Текст доклада опубликован [см.: Лященко].

[7] Баткин Федор Исаакович (1892–1923), матрос, эсер-оборонец, член Севастопольского Совета.

[8] Ромушкевич Евгений Васильевич (1890–1975), лейтенант, член Севастопольского Совета.

Бялыницкий-Бируля[9]. Собрание приветствует его. За ним выступает командующий флотом в[ице]-а[дмирал] Колчак, по окончани[и] его речи собрание аплодирует ему, и Колчак покидает собрание; выйдя на арену цирка, присутствующие берут его на руки и несут. <…>

Подписали: председатель Конторович[10]
секретарь Забелин

РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 52 об–53.
Подлинник. Рукопись.
Опубликовано частично [см.: Українізація..., с. 11]

№ 8

Телеграмма А. В. Колчака министру-председателю Г. Е. Львову, военному и морскому министру А. Ф. Керенскому и Верховному главнокомандующему М. В. Алексееву о конфликте с Севастопольским Советом

12 мая 1917 г. 23 ч. 30 мин.

Центральный комитет Совета депутатов армии, флота и рабочих в Севастополе в последнее время своей деятельностью сделал невозможным командование флотом. Работа комитета ведет не к поддержанию боевой мощи флота, а к его развалу. Сегодня Центральный комитет потребовал от помощника главного командира порта генерала Петрова[11] исполнения не утвержденных мною постановлений комитета и, получив от него отказ в исполнении таковых, арестовал его, несмотря на мое требование не делать этого. Считаю, что этим поступком и рядом предшествующих постановлений Центральный комитет вступил на путь не поддержания дисциплины и порядка на флоте, а разложения флота, при котором власть командующего совершенно дискредитирована. Причем я лишен возможности осуществлять управление флотом. Прошу заменить меня другим лицом для командования флотом. Считаю долгом донести, что

---

[9] Бялыницкий-Бируля С. О., член Севастопольского Совета, Севастопольского комитета партии эсеров.

[10] Канторович (Конторович) Николай Лазаревич (1877–1921), меньшевик-оборонец, почетный председатель севастопольской организации РСДРП (объединенной) и член президиума исполкома Севастопольского Совета.

[11] Петров Николай Павлович (1865–?), генерал-майор флота, ст. помощник капитана над Севастопольским портом.

никакой командующий не будет в состоянии исполнить свои обязанности, если деятельность комитета не будет ограничена распоряжениями Временного правительства в пределах установленных для комитета правил. № 1087/оп. Колчак.

РГА ВМФ. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 333. Л. 18.
Заверенная копия. Машинопись.
Опубликовано: [см.: Борьба, с. 32; Революционное движение..., с. 334]

№ 9

Из протокола делегатского собрания о конфликте с А. В. Колчаком

13 мая 1917 г.

Председатель: лейтенант Левговд[12]

Д о л о ж е н о: об аресте генерал-майора Петрова и разрыве с командующим флотом вице-адмиралом Колчаком.

Делегатское собрание вполне одобрило постановление и действия Центрального исполнительного комитета и прерывало ораторов аплодисментами. <…>

Председатель Левговд
Секретарь…[13]

РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 94 об. Подлинник. Рукопись.

№ 10

Запись разговора по прямому проводу капитана 1-го ранга М. И. Смирнова с капитаном 1-го ранга А. Д. Бубновым о политической обстановке в Севастополе

15 мая 1917 г.[14]

[М. И. Смирнов] Здравствуйте, дорогой Александр Дмитриевич. Положение не изменилось. С центральным комитетом сношения нет. По-видимому, делегатские собрания матросов, солдат и рабочих стоят на точке

---

[12] Левговд Роман Романович (1887–1938), лейтенант. Член Севастопольского Совета.

[13] Подпись неразборчива

[14] Дата установлена по содержанию.

зрения центрального комитета. Сегодня были собраны в морском собрании делегаты [от] офицеров, совет офицерского морского союза, сухопутный отдел союза и представители матросов, солдат от судовых и полковых комитетов. На котором [собрании] командующий флотом произнес речь, совершенно ясную и категоричную, в которой изложил свое мнение на сущность воинской дисциплины, состоящую в том, что сознательная дисциплина, не требующая побуждения, может существовать только у небольшого числа развитых и идейных людей, дисциплина же массы всегда основывается на принуждении. Привел ряд примеров из последних событий в Севастополе – невозможность сформировать дивизию[15], ограбление при осмотре в Ялте лиц бывшей царской фамилии и тому подобное. И затем изложил причины, по которым он запретил арестовывать генерала Петрова. А также свой взгляд на ответственность командующего и безответственность комитетов и что спасение от анархии состо[и]т в повиновении агентам правительства, каковым является командующий флотом. Закончил командующий тем, что сказал, что сегодня вечером он уйдет в Одессу на свидание с министром[16].

Речь командующего является еще первой произнесенной в Севастополе столь смело [слово неразборчиво][17]. Такие простые истины – важные дела. Она вызвала бурные рукоплескания офицеров и части команд. Обсуждения не было. Но, во всяком случае, комитет стоит на совершенно неприемлемой позиции. Я считаю, что единственный исход может быть: приезд министра в Севастополь и его категоричное приказание комитету войти в рамки, объявленные в приказе по военному ведомству [об] общеармейских комитетах. При другом положении никакие силы не заставят командующего продолжать командование, и я совершенно разделяю этот его взгляд.

Совершенно неофицерское положение занял лейтенант Левговд, который, будучи с самого начала в центральном комитете, всецело встал на сторону комитета. И даже проводил его последнее решение[18]. Вчера я отчислил его из штаба. Очень разумный и энергичный вольноопределяющийся Сафонов[19], но, к сожалению, он находится в отсутствии, а его заменяет

---

[15] Имеется в виду Черноморская морская дивизия.

[16] С военным и морским министром А. Ф. Керенским. Он лично посетил Севастополь 17 мая 1917 г. для разрешения конфликта.

[17] Возможно, «правдой».

[18] Арест Н. П. Петрова.

[19] Сафонов Константин Васильевич (1886–1975), унтер-офицер, с 17 мая 1917 г. – прапорщик. Председатель Севастопольского Совета.

лейтенант Левговд. Верховский[20] также [отсу]тствует, но, к сожалению, он потерял там всякое влияние, так как говорит слишком искренне и откровенно. Все.

РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 216–218.
Подлинник. Телеграф. лента.

№ 11

Из стенограммы доклада М. М. Заславской на заседании Крымского истпарта 15 ноября 1925 г. с воспоминаниями о конфликте на эсминце «Жаркий»

<…> Этот инцидент [конфликт на эсминце «Жаркий] сыграл роль в разрыве отношений между Колчаком и ЦИК. Во главе миноносца стоял командир Веселаго[21]. Он охарактеризовал себя, дав биографические сведения в комиссию по обследованию событий в июне, рассказал о своих симпатиях к Колчаку, и рассказал, что к революции…[22] То же самое он сказал и о Колчаке. Колчак изучал советы военных и рабочих депутатов во Франции в надежде, что они могут быть введены и в России. Веселаго брал по этим вопросам книги у Колчака. Нужно Вам сказать, что председателем судового комитета миноносца «Жаркий» был Мамай. Веселаго хорошо относился к команде, но никогда не забывал о том, что он офицер. И даже когда о себе он говорил, то не считал себя равным Мамаю. И вот это было уловлено Мамаем. Между прочим, они оба были из одной местности, и им пришлось служить на одном корабле. В начале они были в недурных отношениях, но, когда началась революция и Мамай стал проявлять свои права и стал требовать, чтобы он, как председатель судового комитета, также должен иметь право входа в офицерскую кают-компанию, а затем стал требовать, чтобы ее вовсе не существовало. Но на этой почве начались мелкие трения. Затем интересен вот какой момент. Веселаго был хорошим боевым офицером. Это подтвердил и Мамай во время опроса в комиссии. Не знаю, насколько это верно, но ходили слухи, что у Колчака была тенденция держать наши корабли подальше

---

[20] Верховский Александр Иванович (1886–1938). Полковник, бывший член Севастопольского Совета. В 1917 г. – командующий Московским военным округом и военный министр.

[21] Веселаго Георгий Михайлович (1892–1971), лейтенант.

[22] Далее зачеркнуто: он относится сочувственно.

от берега во избежание влияния революции. Однажды Веселаго отдал приказ выйти в море, а судовой комитет в лице Мамая отказался. Тогда было получено распоряжение Колчака выйти в море. Команда не захотела. По вопросу о миноносце «Жаркий» было даже два делегатских собрания, где этот вопрос много дебатировался. Дебаты были перенесены на митинги на улицу. И надо сказать, что многие товарищи, которые вначале как будто поддерживали Колчака, мало-помалу встали на сторону Мамая. Инцидент этот не был разрешен, миноносец в море не вышел. Я должна признаться, что в тот момент я большого сочувствия к Мамаю не чувствовала, но сейчас весь этот инцидент старалась осветить с объективной стороны и выявила мнения обеих сторон. Этот инцидент был поводом разрыва Колчака с ЦИК. Другая причина – дело Петрова. <…>

РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 497. Л. 3 об. – 4.
Подлинник. Рукопись.

№ 12

Телеграмма А. В. Колчака А. Ф. Керенскому о поддержке Севастопольского комитета Совета крестьянских депутатов армии и флота

2 июня 1917 г. 16 час. 6 мин.

Бывшим министром Гучковым[23] было разрешено ассигнование двух тысяч рублей на первоначальное обзаведение организованного в Севастополе Крестьянского комитета армии и флота. В настоящем комитет организовался, расширил свою деятельность и просит отпускать ежемесячно под отчет шесть тысяч рублей. Расходы эти вызваны необходимостью командировок летучих отрядов для организации крестьян в пределах Крыма и просветительными целями. Придавая большое значение деятельности комитета, поддерживаю его ходатайство. № 20095. Колчак[24].

РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 926. Л. 180, 182.
Подлинник. Рукопись.

---

[23] Гучков Александр Иванович, военный и морской министр в первом составе Временного правительства.

[24] В ответ на этот запрос 11 июня 1917 г. А. Ф. Керенский телеграфировал: «Согласен» [РГА ВМФ, ф. 609, оп. 2, д. 926, л. 179].

№ 13

Протокол экстренного делегатского собрания об обострении обстановки в Севастополе и удалении А. В. Колчака и М. И. Смирнова с занимаемых должностей

6 июня 1917 г.

Предложено делегатскому собранию избрать председателя и двух его товарищей на сегодняшнее заседание.

Избраны: председателем – Сафонов и товарищами председателя – матрос Савицкий и доктор Никитин[25].

Доклад Сафонова об арестах и обысках.

Выступил с докладом царскосельский делегат Киселев[26], обрисовавший то, что произошло [во] вчерашний день. Киселев предложил делегатскому собранию снять с него полномочия председателя митинга.

Приступлено к обсуждению вопроса об арестах[27]. Докладчиками выступили Зорохович, Мамай, Шеремет, Федосенко.

Лейтенант Савицкий[28] приступил к докладу о полном переизбрании Центрального исполнительного комитета.

П о с т а н о в л е н о: проект спешно отпечатать и разослать во все части для обсуждения и представить таковой в ближайшем заседании делегатского собрания на утверждение. Заседание прервано на полтора часа для обеда.

Послеобеденное заседание. Начало в два с половиной часа.

Председателем избран матрос Савицкий и товарищами председателя рабочий Васильев[29] и доктор Никитин.

Приступлено к чтению резолюции митинга 4 июня 1917 г. Приступлено к обсуждению вопроса об отобрании от офицеров оружия.

П о с т а н о в л е н о: от всех офицеров отобрать оружие, как огнестрельное, так и холодное. Предложено избрать трех лиц для командирования в штабы, дать телефонограммы по частям и судам о сдаче офице-

---

[25] Никитин Константин Александрович (1884–?), титулярный советник, военно-морской врач.

[26] Киселев, солдат, делегат от гарнизона Царского Села.

[27] 5 июня 1917 г. матросами были арестованы полковник по Адмиралтейству Н. К. Груббер, капитан 1-го ранга Е. Е. Гестеско, капитан по Адмиралтейству Н. И. Плотников, штабс-капитан по Адмиралтейству С. Ф. Кузьмин.

[28] Савицкий Георгий Александрович (1890–1981), лейтенант.

[29] Бывший председатель Совета рабочих и солдатских депутатов (см. док. № 8).

рами оружия в свои судовые и полковые комитеты. После этого приступили к обсуждению вопроса о Колчаке и начальнике его штаба капитане 1[-го] ранга Смирнове. Ввиду массы записавшихся ораторов постановлено: прекратить прения и выслушать ораторов против ареста. Против ареста выступили: лейтенант Гофман[30], прапорщик Толстой[31], капитан Селиванов[32], прапорщик[33] Ставраки, капитан 1[-го] ранга Берг[34] и прапорщик Евко[35].

Прибыл представитель от митинга товарищ Кирмичи, заявивший, что митинг спокойно ожидает решения делегатского собрания об аресте или неаресте Колчака. Поступило предложение: до образования Совета солдатских и рабочих депутатов избрать временный комитет и предложить временному комитету присутствовать при сдаче дел Колчаком.

Доктор Никитин на решение делегатского собрания предложил два вопроса:

1. Работать ли адмиралу Колчаку под контролем избранной комиссии, оставаясь у власти;

2. Колчак должен сдать свою должность другому лицу под контролем выборной комиссии.

Подавляющим большинством голосов постановлено: адмирал Колчак должен сдать свою должность под контролем комиссии, временно, до назначения нового командующего, своему заместителю.

Вынесенные постановления в равной степени относятся и к начальнику его штаба капитану 1[-го] ранга Смирнову, который под контролем той же комиссии должен сдать и свою должность очередному заместителю.

Выступил с заявлением матрос Стрелковский, указавший... что адмирал Колчак, с устранением его от должности командующего, может выдать противнику военные тайны, и предлагает принять меры. Предлагает над адмиралом Колчаком учредить домашний арест. После разъяснения доктора Никитина вопрос этот остался открытым.

---

[30] Гофман Сергей Анатольевич (1891–1968), лейтенант, подводник.

[31] Толстой В. К., прапорщик крепостной артиллерии, товарищ председателя Севастопольского Совета.

[32] Селиванов, капитан севастопольской крепостной артиллерии, член Севастопольского Совета.

[33] По другим сведениям – подпоручик.

[34] Берг Владимир Фердинандович (Федорович) (1875–1961), инженер-механик, капитан 1-го ранга.

[35] Евко, прапорщик, член Севастопольского Совета.

Выдвинут вопрос о постановке часового к каюте Колчака для охраны бумаг. После голосования... подавляющим большинством голосов это предложение отвергнуто.

Товарищ [Бялыницкий-]Бируля выступил по вопросу о выборе центральной власти взамен старого комитета, который потерял свой авторитет. Товарищ Чернов указал на необходимость избрания в комитет лиц, пользующихся доверием всех.

[Бялыницкий-]Бируля внес на обсуждение предложение о назначении на телеграф дежурного для предотвращения посылки в буржуазные газеты телеграмм, раздувающих инцидент в Севастополе. Вопрос этот докладчиком снят.

Товарищ Васильев указал на необходимость приступить к избранию комиссии, присутствующей при сдаче дел командующим и начальником штаба.

П о с т а н о в л е н о: избрать комиссию из числа десять человек. Сделан пятиминутный перерыв для намечения кандидатов в комиссию.

Доложено постановление митинга приблизительной численностью в 20–25 тысяч человек, [которые] требуют ареста Колчака и начальника его штаба, и генерал-майора Петрова.

Прапорщик Толстой высказался, что нет необходимости в аресте Колчака и что митинг не вправе постановлять об аресте, так как для этого есть делегатское собрание, уполномоченное своими командами. Товарищ Калев предложил вопрос, кто мы такие, делегаты от судов и частей или нет? Если мы делегаты, то должны действовать по нашей совести, но не по постановлению митинга, хотя и численностью свыше 25 тысяч человек, и что он может, если собрание признает власть митинга, на Северной стороне собрать митинг в 50 тысяч и вынести совершенно противоположное решение митингу в 25 тысяч, что тогда предпримет делегатское собрание?

Явился товарищ с митинга и осветил положение. Выяснилось, что положение не настолько серьезное, как его рисуют. Митинг требует охраны Сухарной балки[36] и поставить на «Г[еоргий] Победоносец» свой караул, дабы не исчезли секретные бумаги.

Поступило предложение: вопрос об аресте адмирала Колчака передать на рассмотрение полковых и судовых комитетов.

---

[36] Место расположения складов боеприпасов и взрывчатых веществ.

П о с т а н о в л е н о: передать вопрос об аресте адмирала Колчака на рассмотрение полковых и судовых комитетов. Приступить к избранию ораторов для успокоения митинга. Избраны: матрос Шашков, матрос Гузеев, инженер [Бялыницкий-]Бируля, рабочий Ляшко[37], рабочий Михайлов[38], солдат Зорохович, рабочий Мигачев и солдат Русин.

Приступлено к выборам в комиссию по приемке дел от адмирала Колчака новым командующим и для наблюдения за охраной Сухарной балки и порядком. Избраны в комиссию:

Матрос Черминский – 309 голосов. Матрос Шашков – 305. Доктор Никитин – 289. Капит[ан] 2[-го] ранга Дворниченко[39] – 289. Рабочий Васильев – 246. Рабочий Михайлов – 235. Матрос Савицкий – 225. Рабочий Давидюк – 215. Матрос Мамай – 208. Рабочий Мигачев – 200.

О принятых решениях решено уведомить Петроградский Совет Р[абочих] и С[олдатских] депутатов, министра Керенского и наших делегатов на Всероссийском съезде[40] в Петрограде.

Из 10 избранных в комиссию двух необходимо уполномочить для приемки секретных дел. Избраны капитан 2[-го] ранга Дворниченко и матрос Черминский.

Внесено предложение, чтобы приказы адмирала Колчака без подписи членов комиссии не исполнялись бы. П о с т а н о в л е н о: принять это предложение.

Избранная комиссия сейчас же направилась на линейный корабль «Георгий Победоносец».

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно: секретарь…[41]
председатель[42]

РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 139–139 об.
Заверенная копия. Машинопись.

---

[37] Ляшко, рабочий, меньшевик, член Севастопольского Совета.

[38] Михайлов, рабочий, меньшевик, член Севастопольского Совета.

[39] Дворниченко Иван Павлович (1877–1969), инженер-механик, капитан 2-го ранга. Член Севастопольского Совета.

[40] Имеется в виду I Всероссийский съезд Советов.

[41] Подпись неразборчива, от руки чернилами.

[42] Без подписи.

№ 14

Протокол экстренного делегатского собрания об обстановке в Севастополе и обсуждении ареста А. В. Колчака и М. И. Смирнова

7 июня 1917 г.

Приступлено к избранию временного президиума.

Выбранными оказались: председатель – доктор Никитин и товарищами председателя – матрос Коротков и Савицкий.

Доктор Никитин приступил к чтению выдержек из протокола 6 июня.

Доклад матроса Черминского о приеме дел командующего контр-адмиралом Лукиным[43] и от начальника штаба Смирнова – капитаном 1[-го] ранга Зариным[44], и доклад всей комиссии 10-ти о том, что миссия их выполнена.

Приступлено к чтению резолюций об аресте Колчака и Смирнова.

[Эскадренный] миноносец «Жаркий»	против
Севастопольский полуэкипаж	против
Северный район службы связи	воздержался
Боновое дело	арестовать
Севастопольская авиационная школа	воздержалась
Линейный корабль «Борец за свободу»	против
Эскадренный миноносец «Дерзкий»	против
Сетевой заградитель «Генерал Брусилов»	воздержался
Подводная лодка «Орлан»	против
Штаб начальника отрядов и средств борьбы с п[одводными] л[одками]	воздержался
Эскадренный миноносец «Гневный»	против
2-й Подводн[ый] дивиз[ион] Черноморского флота	против
Штаб Подводной бригады Черноморского флота	против

[43] Лукин Вениамин Константинович (1866–1928), контр-адмирал.

[44] Зарин Александр Сергеевич (1881–?), капитан 1-го ранга.

Продолжение таблицы

Подводная лодка «Краб»	против
Под[одные] лод[ки] «Кит», «Нарвал», «Гагара», «Кашалот»	против
Артиллерийская школа (Блокшив № 7)	воздержался
Минная школа	против
3-я рота временно пребывающих в Черн[оморском] фл[отском] экип[аже]	против
Эскадренный миноносец «Капит[ан]-лейтенант Баранов»	воздержался
[Эскадренный] миноносец «Пронзительный»	против
[Эскадренный] миноносец «Счастливый»	против
Морской кадетский корпус	против
1-й Подводн[ый] дивиз[ион] Черноморск[ого] флота	воздержался
Севастопольский артиллерийский полк	воздержался
Линейный корабль «Свободная Россия»	против
470-я пешая Таврическая дружина	воздержалась
Эск[адренные] мин[оносцы] «Завидный», «Быстрый», «Громкий»	против
Линейный корабль «Евстафий»	против
Партия плавуч[их] средств Севаст[опольского] порта	против
[Гидро]крейсер «Республиканец»	против
[Сетевой] заградитель «Аю-Даг»	за арест
455-я [пешая Херсонская] дружина	за арест
569-я [пешая Астраханская] и 479-я [пешая Херсонская] дружины	против
Керченская минная рота	против
Штаб Севастопольской крепости	против
Служба связи Черного моря (десантный район)	против
Крейсер «Память Меркурия»	против

Окончание таблицы

[Минный] заградитель «Ксения»	воздержался
Линейный корабль «Три Святителя»	против
Севастопольский морской госпиталь	против
Вспомогательный крейсер «Император Траян»	против
Санитарно-дезинфекционный отряд	против
Транспорт «Буг»	против
Посыльное судно № 7	против
6-я рота крепостной артиллерии	против
464-я [пешая] Екатеринославская дружина	воздержалась
[Эскадренный] миноносец «Капитан Сакен»	против
Штаб Севастопольской сводной бригадной роты	против
Блокшив № 8	против
Боновая партия	против
Подводная бригада	против
Транспорт «Кронштадт»	против
Транспорт «Эльборус»	против
Гидрокрейсера «Дакия» и «Карл»	против
Школа юнгов	против
514-я [пешая Рязанская] дружина	против
Линейный корабль «Георгий Победоносец»	против
Ялтинский уездный воинский начальник	против
Блокшив № 9	против
Линейный корабль «Ростислав»	против
2-й Артил[лерийский] госпиталь Севастопольской крепости	против
Крейсер «Прут»	за арест
Сетевой заградитель «Генерал Рузский»	против

Прибыла американская миссия[45].

Прочтена телеграмма министра-председателя кн. Львова и министра Керенского[46].

Выступил [Бялыницкий-]Бируля и предложил обсудить телеграмму по фракциям. Капитан Селиванов указал, что по фракциям не должно быть голосования, так как делегаты присутствуют здесь не как представители партий, а как выразители воли команды.

После прений постановлено: разбиться по фракциям и обсудить этот вопрос, затем вынести на голосование.

После голосования принята следующая резолюция[47].

Доктор Никитин внес предложение, как добавление к резолюции: возбудить ходатайство перед Временным правительством, чтобы ношение оружия офицерами было отменено. Оружие офицеров должно храниться в том же месте, где и командное, и выдаваться офицерам должно в тех же случаях, как и команде.

Постановлено: войти с ходатайством особо, т. е. помимо телеграммы Временному правительству.

Доложено о реорганизации Центрального комитета, проект которого будет обсуждаться 8 июня на пленарном заседании и после этого будет вынесен на делегатское собрание. Принято единогласно.

Поступило внеочередное заявление Зороховича о назначении лица для делегирования на митинг в экипаже для объявления решения и постановления делегатского собрания. Избраны матросы Шашков, Агей, рабочие Мигачев, Михайлов, Ляшко, инженер [Бялыницкий-]Бируля и солдат Филиппенко, которым и предложено немедленно отправиться на место митинга.

По вопросу об избрании комиссии для освобождения арестованных офицеров постановлено: отложить на завтра.

Прибыл с митинга товарищ Киселев и сделал доклад. Перед докладом его просили, чтобы он сидя его делал. Вид его был измученный и ноги дрожали.

Доложил: «Товарищи, я еще силен для доклада Вам и желаю сделать его стоя». Его приветствовали криками «ура». Киселев сказал, что [митинг?]

---

[45] 7 июня 1917 г. в Севастополь прибыла американская военная миссия под руководством контр-адмирала Дж. Гленнона.

[46] С требованием навести порядок. Опубликована [см.: Революционное движение..., с. 357; Козлов, Косенко, с. 25].

[47] Делегатское собрание подчинилось требованиям правительства [см.: РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 116, л. 20].

подчинился телеграмме Временного правительства. Офицеры освобождены. Просил, чтобы в настоящее время забыть все личные счеты.

После его доклада товарищ председателя матрос Коротков предложил об избрании товарища Киселева почетным членом Севастопольского центрального исполнительного комитета. Под крики «ура» на него была надета повязка Центрального исполнительного комитета. Товарищ Киселев дальше заявил, что его просили от митинга перед делегатским собранием, чтобы его делегировать в Петроград к Временному правительству для полного и правильного доклада о произошедшем в Черноморском флоте, дабы предупредить все могущие возникнуть извращения исторических дней Севастополя, где не являлся Черноморский флот бунтовщиком, а выказал волю революционного движения. Делегатским собранием предложение Киселева было одобрено и п о с т а н о в л е н о: уполномочить его и делегировать немедленно в Петроград в Совет солдатских и рабочих депутатов, к военному и морскому министру Керенскому и Временному правительству.

Доложено о комиссии 10-ти. П о с т а н о в л е н о: комиссию, избранную 6 июня для присутствования при сдаче должности командующим Черноморским флотом и начальником его штаба, оставить в том же составе с назначением работать совместно с командующим Черноморским [флотом].

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно. Председатель Сафронов. Секретарь…[48]

РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 136–136 об.

Заверенная копия. Машинопись.

Арестант пятой камеры. М., 1990.

Борьба за Советскую власть в Крыму : документы и материалы : в 2 т. / отв. ред. П. Н. Надинский. Симферополь, 1957. Т. 1.

Верховный правитель России : Документы и материалы следственного дела адмирала А. В. Колчака / под общ. ред. А. Н. Сахарова и В. С. Христофорова. М., 2003.

Допрос Колчака / под ред. К. А. Попова. Л., 1925.

Дроков С. В. Военно-морская миссия вице-адмирала А. В. Колчака в Америку // Отеч. арх. 1996. № 1. С. 76–84.

Дроков С. В. Подлинные протоколы допросов А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отеч. арх. 1994. № 5. С. 84–97; № 6. С. 21–58.

---

[48] Подписи и должности – от руки чернилами. Подпись неразборчива

Козлов Д. Ю., Косенко О. Н. Вице-адмирал А. В. Колчак: «Считаю, что моя дальнейшая деятельность на Черном море… не может быть полезна». Обстоятельства смещения с должности командующего Черноморским флотом в июне 1917 года // Воен.-ист. журн. 2008. № 1. С. 24–26.

Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни / сост. Г. В. Егоров. Барнаул, 1991.

Колчак В. И., Колчак А. В. Избранные труды / сост. В. Д. Доценко. СПб., 2001.

Лященко К. Г. «Отечество в критическом положении» : Выступление А. В. Колчака. Апрель 1917 г. // Ист. арх. 1997. № 2. С. 23–34.

«*Милая химера* в адмиральской форме...»: Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку (18 июля 1916 г. – 18 мая 1917 г.) / сост. А. В. Смолин, Л. И. Спиридонов. СПб., 2002.

Письма А. В. Колчака к А. В. Тимиревой / публ. К. Г. Лященко, прим. К. Г. Лященко и Ф. Ф. Перченка // «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна…» / сост. Т. Ф. Павлова, Ф. Ф. Перченок, И. К. Сафонов. М., 1996. С. 139–287.

Плотников И. Ф. «Ничто не могло удержать флот от полного развала» : Автобиография адмирала А. В. Колчака // Источник. 1996. № 4. С. 60–72.

Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января – 7 февраля 1920 г. // Арх. русской революции. М., 1991. Т. 10. С. 177–321.

РГА ВМФ. Ф. 418 (Морской генеральный штаб).

РГА ВМФ. Ф. 609 (Штаб командующего флотом Черного моря).

РГА ВМФ. Ф. 701 (Адмирал И. К. Григорович).

РГА ВМФ. Ф. 716 (Морской штаб Верховного главнокомандующего – Ставка).

РГА ВМФ. Ф. Р-181 (Севастопольский Совет военных и рабочих депутатов).

РГА ВМФ. Ф. Р-183 (Центральный комитет Черноморского флота).

РГА ВМФ. Ф. Р-187 (Управление личного состава флота).

РГАСПИ. Ф. 70 (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт)).

Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация / отв. ред. Д. А. Чугаев. М., 1959.

Смирнов А. Адмирал Колчак // Звезда. 1994. № 4. С. 130–137.

Українізація Чорноморського флоту в добу Центральної Ради. Розбудова Українського військового флоту (березень 1917 – квітень 1918 р.) : зб. док. / упорядник А. В. Лубенець. Севастополь, 2007.

Шишкин В. И. «С уходом А. В. Колчака закрылась последняя светлая страница истории Черноморского флота» : Воспоминания Р. Р. Левговда. 1919 г. // Ист. арх. 2008. № 5. С. 126–160.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антошкин Анатолий Васильевич, канд. ист. наук, преподаватель МАОУ «Гимназия № 2», Стерлитамак, Башкортостан (aav151284@rambler.ru).

Аппаева Жаухар Мустафаевна, искусствовед, председатель Кабардино-Балкарского отделения Ассоциации искусствоведов, Ассоциация искусствоведов России, Нальчик (appaewa2565@mail.ru).

Бакшаев Александр Алексеевич, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (alexandr.bakshaev@yandex.ru).

Батищев Сергей Дмитриевич, студент, Челябинский государственный университет, Челябинск (batischew.sergey2015@yandex.ru).

Бахарев Дмитрий Сергеевич, магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (Dmitry.bakharev@urfu.ru).

Ваулина Елена Олеговна, магистрантка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (elena_vaulina@rambler.ru).

Вебер Михаил Игоревич, канд. ист. наук, научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург (mikeveber@mail.ru).

Горбачев Олег Витальевич, д-р ист. наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (og_06@mail.ru).

Докучаева Мария Алексеевна, магистрантка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (M.Dokuchaeva@su.grd.gazprom.ru).

Иванова Екатерина Константиновна, д-р пед. наук, профессор, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, Чебоксары (Ivanova_ek_chuvsu@mail.ru).

Ившин Владислав Сергеевич, лаборант-исследователь Лаборатории эдиционной археографии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (v.s.ivshin96@gmail.com).

Каменская Екатерина Владимировна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (ekam82@yandex.ru).

Кандаурова Татьяна Николаевна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник УНИ «Русская антропологическая школа», Российский государственный гуманитарный университет, Москва (tanikand@mail.ru).

Клинова Марина Александровна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург (klinowa.m@yandex.ru).

Коваленко Сергей Владимирович, д-р филос. наук, профессор, Московский государственный областной университет, Мытищи (kovalenkosv2014@gmail.com).

Копырина Сардана Николаевна, аспирантка, инженер кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (sandaleyk@mail.ru).

Кравченко Ольга Сергеевна, зав. отделом редких книг Зональной научной библиотеки, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (zanfiska@gmail.com).

Коршунков Владимир Анатольевич, канд. ист. наук, доцент, Вятский государственный университет, Киров (vla_kor@mail.ru).

Кругликова Галина Александровна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург (kruglickova.galina@yandex.ru).

Кутузова Анастасия Александровна, аспирантка, Институт истории и права, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Azzazell-x@mail.ru).

Левченко Валерий Валерьевич, канд. ист. наук, доцент, Одесский национальный морской университет, Одесса, Украина (levchenko_lav@ukr.net).

Липатов Александр Вячеславович, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград (elita_lee@mail.ru).

Лугвин Сергей Борисович, канд. филос. наук, доцент, Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого, Гомель, Республика Беларусь (lugvinsergey@rambler.ru).

Люхудзаев Марат Иркинович, канд. ист. наук, научный сотрудник Музейного ресурсного центра, Ноябрьск, ЯНАО (Guingm2004@list.ru).

Мазур Людмила Николаевна, д-р ист. наук, доцент, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (Lmaz@mail.ru).

Маркова Светлана Васильевна, канд. ист. наук, заведующая музейным комплексом, Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, Воронеж (markova_88@inbox.ru).

Мешалкина Светлана Сергеевна, магистрантка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (Svetlana.Meshalkina@yahoo.com).

Никиташина Светлана Олеговна, директор библиотеки, Санкт-Петербургский горный университет (Горный университет), Санкт-Петербург (svnikita65@mail.ru).

Обухова Валерия Олеговна, магистр, специалист по электронному документообороту, ЦентрИнформ, Екатеринбург (vakavaka93@mail.ru).

Огуренко Егор Владимирович, бакалавр, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (y.ogurenko@gmail.com).

Останин Евгений Серафимович, канд. ист. наук, доцент, Вятский государственный университет, Киров (osev@bk.ru).

Павленко Алексей Павлович, канд. ист. наук, преподаватель, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург (Pavlenko-09@yandex.ru).

Перцев Владимир Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения исторического факультета, Воронежский государственный университет, Воронеж (v.pertsev.vrn5@yndex.ru).

Пологова Екатерина Валерьевна, магистрантка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (ekpologova@gmail.com).

Рябов Сергей Михайлович, лаборант-исследователь Лаборатории эдиционной археографии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (sergeyryabov1997@gmail.com).

Сафронова Алевтина Михайловна, д-р ист. наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (alevtina.safronova@gmail.com).

Селезнева Татьяна Александровна, старший преподаватель кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (t.selezneva37@gmail.com).

Сидоркина Татьяна Сергеевна, магистрантка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (Sidorkinats@gmail.com).

Сильченко Иван Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург (89022777814@yandex.ru).

Славко Маргарита Андреевна, канд. ист. наук, Выборгский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (melihin@yandex.ru).

Скорик Александр Павлович, д-р ист. наук, д-р филос. наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М. И. Платова, Новочеркасск (s_a_p@mail.ru).

Соегов Мурадгелди, д-р филол. наук, профессор, академик Академии наук Туркменистана, Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана, Ашхабад (msoyegov@gmail.com).

Соколов Александр Станиславович, д-р ист. наук, заведующий кафедрой истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет, Рязань (falcon140770@yandex.ru).

Соловьев Андрей Владимирович, студент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (solovevandrey96@gmail.com)

Такташева Флюра Анваровна, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград (flyura34@mail.ru).

Трофимов Андрей Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург (2519612@rambler.ru).

Уланов Кирилл Андреевич, аспирант, методист кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (Ulanov.kir@gmail.com).

Умеренкова Анна Андреевна, магистрантка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (anya.nita@yandex.ru).

Фельдман Михаил Аркадьевич, д-р ист. наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий, Уральский институт – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы РФ, Екатеринбург (feldman-mih@yandex.ru).

Харитонов Александр Михайлович, научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток (mavr@tig.dvo.ru).

Хакимов Рашид Шавкатович, канд. ист. наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков, Челябинский государственный университет, Челябинск (hakra51@mail.ru).

Цеменкова Светлана Ивановна, канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский

федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (sts.klio@mail.ru).

Черноухов Анатолий Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург.

Чуриков Артем Владимирович, канд. ист. наук, доцент, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск (Artem-Churikov@ya.ru).

Шкерин Владимир Анатольевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург (shkerin_uit@mail.ru)

Шкляев Александр Григорьевич, канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики, Удмуртский государственный университет, Ижевск (skl-44@yandex.ru).

Яковлева Ирина Павловна, канд. ист. наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар (pariny@rambler.ru).

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААЦ	Армянская апостольская церковь
АГУ	Архив Горного управления
АПР	Аппарат при руководстве
АП РФ	Администрация Президента РФ
Башсоюз	Башкирский союз кооперации
БКМА	Бельгийский Королевский музей армии и военной истории
ВВ	Византийский временник
ВИ	Вопросы истории
ВЛХИ	Всесоюзный литературно-художественный институт
ВО	Византийские очерки
ВОКП	Всесоюзное общество крестьянских писателей
ВСЕГЕИ	Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского
ВСНХ	Высший совет народного хозяйства
ВЦИК	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГА в г. Ирбите	Государственный архив в г. Ирбите
ГАВО	Государственный архив Воронежской области
ГАКО	Государственный архив Кировской области
ГАОО	Государственный архив Одесской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГАСПИ КО	Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ГИА ЧР	Государственный исторический архив Чувашской Республики
ГКО	Государственный комитет обороны
Главкомтруд	Главный комитет по всеобщей трудовой повинности
Главкотло-турбопром	Главное управление турбокотлостроения
ГОЭЛРО	Государственная комиссия по электрификации России
ГПУ	Главное политическое управление (при НКВД)
ГУЛАГ	Главное управление лагерей
ГЭСО	гуманитарное, экономическое и социальное образование
ДОУ	документационное обеспечение управления
ЖАКТ	жилищно-арендное кооперативное товарищество
ИАЛ	Императорский Александровский лицей

ИККИ	Исполнительный комитет Коммунистического интернационала
ИПО	инженерно-педагогическое образование
КБАО	Кабардино-Балкарская автономная область
КК – РКИ	Контрольная комиссия и рабоче-крестьянская инспекция
ЛОР	Лужский оборонительный рубеж
ЛУГ	Ленинский учебный городок
МГА	Магнитогорский городской архив
МГБ	Министерство государственной безопасности
МГУКИ	Московский государственный университет культуры и искусств
МГИМО	Московский государственный институт международных отношений
МКУ	муниципальное казенное учреждение
ММК	Магнитогорский металлургический комбинат
Многопромсоюз	Многопромысловый союз кооперации
МУГИСО	Министерство по управлению государственным имуществом Свердловской области
МЭ и МО	«Мировая экономика и международные отношения»
НАРБ	Национальный архив Республики Башкортостан
Нарком-госконтроль	Народный комиссариат государственного контроля
Наркомзем	Народный комиссариат земледелия
Наркомтяжпром	Народный комиссариат тяжелой промышленности
Наркомюст	Народный комиссариат юстиции
НАТО	Организация Североатлантического договора
НИОКР	научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НКВТ	Народный комиссариат внутренней торговли
НКП	Народный комиссариат по делам печати
НКПС	Народный комиссариат путей сообщения
НК РКИ	Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
НОТ	научная организация труда
ОВД	Организация Варшавского договора
ОГАЧО	Объединенный государственный архив Челябинской области
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление (переименовано в Главное управление государственной безопасности в составе НКВД)
ОК РКИ	Областная комиссия рабоче-крестьянской инспекции

ОТС	отдел технического сопровождения
ПермГАСПИ	Пермский государственный архив социально-политической истории
ПК	Памятная книжка
ПЛСР	Партия левых социалистов-революционеров
ПНР	Польская Народная Республика
ПОРП	Польская объединенная рабочая партия
ПСЗРИ-1	Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание
ПСЗРИ-2	Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание
РГА ВМФ	Российский государственный архив военно-морского флота
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГППУ	Российский государственный профессионально-педагогический университет
Ревстуд	Совет революционного студенчества
РКИ, Рабкрин	Рабоче-крестьянская инспекция
РККА	Рабоче-крестьянская Красная армия
РНБ	Российская национальная библиотека
РУДН	Российский университет дружбы народов
СКВО	Северо-Кавказский военный округ
СНК, Совнарком	Совет народных комиссаров
Социс	«Социологические исследования»
СОФИН	Союз освобождения финских народов
СТЗ	Сталинградский тракторный завод
ТЗ	техническое задание
ТЭК	топливно-энергетический комплекс
Упродком	Уездный продовольственный комитет
Утрудком	Уездный трудовой комитет
СЗРИ	Свод законов Российской империи
СМИ	средства массовой информации
СОУ	Союз освобождения Украины
СЭД	система электронного документооборота
ТАСС	Телеграфное агентство Советского Союза
ТЭЦ	теплоэлектроцентраль

УдАПП	Удмуртская ассоциация пролетарских писателей
УДиОВ	Управление по делопроизводству и общим вопросам
УЗТМ	Уральский завод тяжелого машиностроения
УОЛЕ	Уральское общество любителей естествознания
УрФУ	Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
УТЗ	Уральский турбомоторный завод
УЦГА АС КБР	Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики
УЭМК	Комбинат «Уралэлектромаш»
ХТГЗ	Харьковский турбогенераторный завод
ЦАМО РФ	Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦГИА СПб	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦДНИРО	Центр документации новейшей истории Ростовской области
ЦДООСО	Центр документации общественных объединений Свердловской области
ЦК КП(б)Т	Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Туркменистана
ЦЧО	Центрально-Черноземная область
ЭОС	электронные офисные системы
ЭЦП	электронно-цифровая подпись

SUMMARY

Section 1
RELAY RACE OF ACADEMIC RESEARCH

Vladislav Ivshin
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Dialogue of Cultures and Civilizations in the Work of Alexander Shishkov 3

The article discusses the key forms of socio-cultural dialogue between one of the founding fathers of Russian conservatism – admiral Alexander Shishkov – and his European contemporaries. Shishkov's translations provide us with an insight into how the Russian society adopted certain ideas from Western Europe as a result of the cultural transfer, which was a part of modernization process in Russia. It is particularly interesting to trace the reinterpretations of such labelling notions as 'anti-Western' and 'xenophobic'.

K e y w o r d s: Alexander Shishkov, conservatism, modernization, translation, reaction, dialogue of cultures and civilizations, cultural transfer, Russia and Europe.

Sergey Ryabov
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Charles de Dançay: Huguenot Diplomat Serving the French Catholic Court 13

The article focuses on the biography of Charles de Dançay, who was a French ambassador to Denmark for over forty years. Not only was he a long-term resident of the Danish royal court but he also considered himself 'a resident of the whole Baltic' and made a significant contribution to enhancing France's impact in this region. A remarkable fact about the life of Charles de Dançay is that, though a devout Huguenot, he remained loyal to the Catholic royal court of Valois while being permanently attached to the court of the Huguenot Danish king. The article provides an overview of the scarce literature on Charles de Dançay. Personal correspondence between the diplomat and representatives of the French court is analyzed. These documents provide us with an insight into his life philosophy, his thoughts, plans and projects. Another question that deserves close attention is de Dançay's relationship with the Huguenots and the role he played in establishing the Russian-French dialogue in the second half of the sixteenth century.

K e y w o r d s: diplomacy, Russia, France, Denmark, trade, Northern Route, Valois, Huguenots.

Anna Umerenkova
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Development of Her Majesty's Civil Service in Great Britain in the Second Half of the Nineteenth Century 22

The Northcote–Trevelyan Report of 23 November 1853 played a key role in the development of civil service in the UK. In this article, special focus is made on the Report's guidelines for civil servants employed by the Crown.

K e y w o r d s: civil service, Northcote–Trevelyan Report, bureaucratic system, Great Britain, Civil Service Commission.

Andrey Soloviev
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

The Role of the Time Factor in the Army Group North Offensive Against Leningrad (August – September 1941) 27

The article discusses the role of the time factor in the failure of the Army Group North offensive against Leningrad. The author analyzes documents from the Central Archive of the Ministry of Defence and describes the plan of the operation designed by the German commanders, the course of the operation, and its results. A special emphasis is made on the reasons for the plan's failure.

K e y w o r d s: Army Group North, Northern Front, Battle of Leningrad, time factor.

Elena Vaulina
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Institutional Framework of Cultural Heritage Protection 34

The article is devoted to the protection of architectural and historical monuments in the city of Ekaterinburg and the state organizations involved. The author analyzes the legislation regulating the protection of cultural heritage, the functions of federal, regional, and local authorities. One of the key problems in this sphere is the lack of cooperation between federal authorities and local organizations. The case of Ekaterinburg provides a good illustration of the inefficiency of this communication.

K e y w o r d s: Constructivism, historical monuments, architectural monuments, cultural heritage, monument protection, policy, authorities.

Tatyana Sidorkina
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Projects and Events of Boris Yeltsin Presidential Centre (Based on the Materials of the Centre's Official Group in 'VKontakte' Network) 43

The author applies content analysis methods to study the key projects and events held by Boris Yeltsin Presidential Centre (Ekaterinburg, Russia). The Centre's priorities and objectives are determined by its Charter. At the second stage of research, the author analyzes materials of the Centre's official group in VKontakte network by applying the quantitative method and identifies the types and frequency of events held at the Centre.

K e y w o r d s: Yeltsin Centre, Boris Yeltsin Presidential Centre, content analysis, social networks, 'VKontakte', projects and events.

Section 2
PRE-SOVIET HISTORY OF RUSSIA AND THE URALS

Svetlana Tsemenkova*, *Anatoly Chernoukhov
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

'One Apartment was Unclaimed…':
Reflection on the Heroes of Ural Industry 51

The article discusses biographies of Russian and foreign specialists engaged in industrial management and production, including gold-mining industry, in the eighteenth-century Urals. More research is needed into the biographies of the first middle managers who worked in the Ural mining industry in this period.

K e y w o r d s: history of Ural mining industry, industrial history, gold mining, foreign specialists, mining industry policymakers of the eighteenth century, berg-officers.

Alexander Bakshaev
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Regulatory Framework for State-Owned Ural Factories
in the Late Eighteenth Century and in the First Half
of the Nineteenth Century 55

The article analyzes legal documents in the sphere of mining industry and metallurgy that regulated organization and operation of state-owned Ural factories in the late eighteenth century and the first half of the nineteenth century. These documents regulated establishment and operation of the bodies governing the mining industry as well as the conditions of industrial employment. They also set the procedures for processing and execution of military orders and for sales of the factories' production to private customers. The 1806 Draft Statute on Mining signed by the Emperor, staffing tables and work regulations thus provided the legal framework for all aspects of industrial operation in state mining districts.

K e y w o r d s: state mining district, regulatory framework, Urals, Draft Statute on Mining, military squads, staffing tables, work regulations.

Vladimir Korshunkov
Vyatka State University, Kirov, Russia

Crimes and Punishments of the sacristan Zamyatin:
How the Administration of Vyatka Diocese Disciplined
the Subordinate Clergy in the 19th Century 65

The article is based on the analysis of archival materials and discusses the types of disciplinary punishment that the diocesan administration resorted to in order to stop undesired behavior of the subordinate clergy. The author describes the case of sacristan Nikolai Zamyatin from the town of Kotelnich (Vyatka province), who was charged with drinking and public mischief.

K e y w o r d s: Russian Church, Vyatka Diocese, Russian clergy, disciplinary practices.

Svetlana Meshalkina
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

The Personal Imperial Decree of 1865 'On Granting of Certain Relief and Convenience to the National Press' as a Historical Source 83

The article focuses on the reaction of art workers and journalists to the decree signed by Alexander II on 6 April, 1865 'On Granting of Certain Relief and Convenience to the National Press'. The article also discusses the key role that the Ministry of Internal Affairs played in state control over the press. The author analyzes memoirs of Russian statesmen, who described the public opinion about this decree.

K e y w o r d s: censorship, institution of censorship, Alexander II, V. A.Valuev, public opinion, social control, Ministry of Internal Affairs.

Dmitry Bakharev
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Armenian Apostolic Church in Ekaterinburg: Past and Present 88

The article traces the history of the Armenian Apostolic Church and Armenian diaspora in Ekaterinburg from the late nineteenth century to present. The author analyzes statistical data, local newspapers of the pre-revolutionary period and findings of field work. A conclusion is drawn about the exponential growth of the Armenian community in Ekaterinburg: from a small minority group of the late nineteenth century to the large and consolidated legally registered community.

K e y w o r d s: peoples of the Urals, religions of the Urals, religious landscape of Ekaterinburg, Armenian Apostolic Church, Armenian Apostolic Church in Ekaterinburg.

Section 3
EARLY SOVIET HISTORY. 1917–1930s

Alexander Sokolov
Ryazan State Radiotechnical University, Ryazan, Russia

Cancellation of State Securities in 1918 and the Ensuing Public Reaction 97

The article focuses on financial policies of the Bolshevik government after the 1917 Revolution, in particular the decree on cancellation of state loans. The author analyzes the public sentiments that accompanied these measures. These sentiments revealed elements of market consciousness that persisted despite the Bolsheviks' attempts to realize the radical model of Soviet society.

K e y w o r d s: cancellation of state securities, civic consciousness, revolution, social history, securities.

Mikhail Weber
Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Struggle Between the Bolshevik Party and Other Socialist Parties in the Urals in 1919–1922 102

The article describes the main stages of the struggle between the Bolshevik Party and other Socialist parties in the Urals at the end of the Civil War and at the beginning of the NEP period. A conclusion is drawn that by the end of 1922, the Communists had managed to crush all alternative party organizations in the Urals.

K e y w o r d s: Urals, Russian Communist Party of the Bolsheviks, Mensheviks, anarchists.

Galina Kruglikova
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Protection of Historical and Cultural Heritage in the First Years of the Soviet Regime (the Case of the Urals) 110

The article discusses the key theoretical and practical aspects of the legal protection of cultural heritage in the first years of the Soviet regime.

K e y w o r d s: cultural heritage, protection of monuments, Ural culture.

Ivan Silchenko
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Criminal Conduct of Militia Officers in Ekaterinburg *Guberniya* in 1919–1923 119

The article considers the problem of criminal conduct among militia men and officers of the Criminal Investigation Department of Ekaterinburg *guberniya*. The author identifies the types of the most widely spread crimes and describes specific cases of such crimes. A conclusion is drawn that the main cause of militia misconduct was the economic crisis in the region, which resulted in the difficult living conditions of militia officers and their families.

K e y w o r d s: Ekaterinburg *guberniya*, militia, criminal investigation, crime.

Ekaterina Ivanova
Chuvash State University n. a. I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russia

Organization of the Public Access to Libraries in Chuvashia in 1920–1925 125

The article describes the history of librarianship in Chuvash *uezds*, which included patronage movements for gathering books and money donations for rural libraries, popularization of the periodical press among peasants, establishment and maintenance of libraries and reading rooms.

K e y w o r d s: patronage (*sheftsvo*) movement, book days, month-long reading campaigns, education weeks, library services, cultural and educational institutions, village reading rooms.

Zhaukhar Appaeva
Russian Association of Art Historians, Nalchik, Russia

'Revolutionary Transformations' in Kabardino-Balkaria Between the 1920s and the 1940s 134

In the period between the 1920s and the 1940s, Kabardino-Balkaria suffered a forced break with tradition, which affected local people's mentality and their daily life. Emigration of the significant part of the population, physical extermination and persecutions of innocent people, eradication of customs and traditions led to tragic consequences for indigenous peoples. The state-administered deportation of Kabardins and Balkars was a real social disaster.

K e y w o r d s: sovietization, eradication of customs, emancipation of women, deformation of consciousness, labour education, aesthetic education, patriotic education.

Murageldy Soegov
National Institute of Manuscripts, Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabad, Turkmenistan

The Role of Shaimardan Ibragimov in the Promotion of the Turkmen Language (the 1928 Plenary Meeting of the Central Committee of the Communist Party of Turkmenistan) 143

Shaimardan Ibragimov (1899–1957) was the First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Turkmenistan from 1926 to 1928. While in office, he paid a lot of attention to problems of national culture, especially the development of the Turkmen language. A key event in this process was the discussion of the development of Turkmen national culture at the plenary meeting of the Central Committee in March 1928. During the Soviet period, the inner potential of the Turkmen language was largely ignored and preference was given to word borrowings, especially from the Russian language. In recent decades, on the contrary, there has been observed an increase in functional interaction between the Turkmen language and other languages such as Russian and English.

K e y w o r d s: party official, plenary meeting, report, Turkmen language, government decree, development.

Anatoly Antoshkin
Gymnasium № 2, Sterlitamak, Russia

Development of State Retail Trade in Bashkiria in the Second Half of the 1930s 150

The author analyzes documents from the National Archive of the Bashkortostan Republic and identifies the problems that the regional government faced after the retail network's transition from the rationing system to open trade. These problems were caused by the inefficiency of the Republic's trade organizations. A conclusion is drawn that the growth in anti-Soviet sentiments in this region was to a certain extent caused by severe food shortages and shortages of manufactured goods.

K e y w o r d s: trade, distribution, food provision, manufactured goods, speculation, shortage of consumer goods, Bashkiria.

Vladimir Shkerin
Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Politics vs. Economy: The Case of the Ural Turbine Factory in the Period of Stalinist Industrialization 158

The article focuses on the role of centralized economic planning in the case of the Ural Turbine Factory in Sverdlovsk (now – Ekaterinburg). According to the initial plan, the factory built in 1932–1936 was to become a structural unit of a huge machine industry complex. The unit was expected to specialize in the production of steam turbines for small military watercraft. However, the targets for five-year plans were set too high and were therefore unrealistic. In combination with mass political persecutions and external factors, this led to the project's failure. Thus, the specialization of the Ural factory was changed at the construction stage to production of steam turbines for steam-electric power stations.

K e y w o r d s: Socialist planning, five-year plans, industrialization, power plant engineering, mass persecutions, 1930s, Joseph Stalin, Sverdlovsk, Urals, USSR.

Svetlana Nikitashina
St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia

The Family, Childhood and Adolescence of Dmitry Mushketov 174

The article describes the childhood and adolescent years of Dmitry Mushketov, who later became a renowned Soviet geologist and the rector of the Mining Institute (1918–1926). On his mother's side, Dmitry Mushketov came from the Joss mining dynasty. He studied at the gymnasium that was a part of St.Petersburg Institute of History and Philology.

K e y w o r d s: Dmitry Mushketov, childhood, family, mining dynasties, gymnasium of St. Petersburg Institute of History and Philology.

Vladimir Pertsev
Voronezh State University, Russia, Voronezh

Social Upheaval of the late 1920s and the Early 1930s: Regional Dimension (the Case of the Central Black Earth Region) 186

The article investigates the exacerbation of social problems in the Central Black Earth Region in the late 1920s and the early 1930s. The analysis of archival data brings to light the state housing policies and their practical implementation on the regional level as well as the specific impediments and challenges the government faced when addressing the housing problem.

K e y w o r d s: social sphere, Central Black Earth Region, housing construction, living conditions, unemployment.

Section 4
THE SOVIET STATE IN THE CONTEXT
OF SOCIAL ENGINEERING THEORIES

Sergey Kovalenko
Moscow Region State University, Russia, Mytishchi

Soviet Pedagogy as an Instrument of Social Engineering 196

The article considers the principles of Soviet pedagogy as instruments of social engineering aimed at building a socially just society. The author focuses on the dialectics underlying the radical reforms, which led to a hidden clash between traditions and innovations, interests of the elites and the mass public.

K e y w o r d s: pedagogical paradigm, cult of labour, system of education and upbringing, industrialization, discipline, *kollektiv*, injustice, alientation, state regulation.

Sergey Lugvin
Gomel State Technical University n. a. P. O. Sukhoy, Gomel, Belarus

Soviet System of Administrative Governance
in the Context of the Modernization Model 203

The article analyzes characteristics of the Bolshevik modernization model, which included the mechanistic paradigm, extra-economic exploitation of the peasantry, statism, dictatorship, and so on. It can be noted that forced modernization led to concentration of immense power in the bureaucratic apparatus, to the merging of party organization with the state, and the prevalence of administrative-command methods of governance. A conclusion is drawn that the Soviet system of political and administrative governance failed to provide the country's post-industrial development.

K e y w o r d s: Bolshevik model of modernization, Soviet system of governance, administrative-command system.

Irina Yakovleva
Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

The Role of State and Public Control in the Realization
of the Proletarian Dictatorship Ideologeme 212

The article considers the role of the bodies of state and public control in the development of the new political system in the first years of the Soviet regime. Workers and Peasants' Inspections were used as a way of implanting the ideologeme of the proletariat dictatorship into the mass consciousness. The government sought to attract more people to the Bolshevik Party by encouraging them to participate in Workers and Peasants' Inspections and trying to gain support of public organizations.

K e y w o r d s: ideology, dictatorship of the proletariat, Workers and Peasants' Inspection.

Rashid Khakimov
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Socialist Reconstruction and Exploitation of Workers' Enthusiasm in the USSR between 1918 and the 1930s 217

This study describes how workers' enthusiasm was used in the period of Socialist reconstruction in the USSR. The authors puts forward a hypothesis that workers' enthusiasm was exploited in order to boost productivity, although the effect of this method was short-lived.

K e y w o r d s: enthusiasm, Socialist competition, Stakhanovite movement, *subbotnik.*

Anastasia Kutuzova
Syktyvkar State University n. a. Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia

Historical Research in the Soviet Union: Development of Stagnation? 225

The article examines the development of Soviet science and education in the early Soviet period by focusing on the biography of a famous Soviet scientist Ya. M. Zakher. The author points out that the Soviet public consciousness was mythologized, which led to a considerable bias in the public evaluation of the role of scientific research and its results.

K e y w o r d s: history, education, Russian historical school, mythologization, Soviet stage.

Valery Levchenko
Odessa National Maritime University, Odessa, Ukraine

Generations of Historians in Odessa Between 1917 and the 1930s: From Political Persecutions to Intellectual Obedience 228

The article focuses on the relationship between the Bolshevik government and the generations of historians in Odessa in the early Soviet period. The author examines the biographies of scholars, relevant facts and documents and identifies the key forms and methods of repression applied by the Bolsheviks against the academic community.

K e y w o r d s: generations, historians, political persecutions, Odessa, intellectual elite, Bolsheviks.

Svetlana Markova
Voronezh State Medical University n. a. N. N. Burdenko,
Voronezh, Russia

The Revolution and the Medical Academia (from 1918 to the 1920s) 236

The 1917 Revolution changed the system of higher medical education. Every Russian university has its own story of survival in the periods of social turbulence in the twentieth-century and of the changes these events caused in the academia. The 1917 Revolution affected the lifestyle and behaviour of the academic staff and shaped their survival strategies.

K e y w o r d s: higher medical education, Voronezh University, professor of medicine.

Alexander Lipatov*, *Flura Taktasheva
Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, Russia

**Socialist Transformation of the City in the 1930s:
The Case of Stalingrad as a Socio-Economic Centre
of the Lower Volga Region 241**

The article examines the development of Stalingrad in the 1930s, more specifically, the process of its transformation into a large industrial centre specializing in metallurgy and mechanical engineering, for example, in the production of tractors and other machines necessary for rapid industrialization. Previously unknown facts are used to illustrate the impact of the economic transformations on the demographics and social structure of the city's population. Industrialization in Stalingrad gave rise to the development of health care, education and housing construction.

K e y w o r d s: USSR, Lower Volga Region, Stalingrad, industrialization, Socialist building.

Alexander Skorik
South-Russian State Polytechnic University n. a. M. I. Platov,
Novocherkassk, Russia

**Soviet Cossacks as a Socio-Political Project
in the South of Russia in the mid-1930s 246**

The article investigates the social engineering project realized by the Bolshevik government in southern Russia. The project was aimed at creating 'Soviet Cossacks', who were expected to engage in military and agricultural activities. This social project implied the Cossacks' loyalty to the Soviet government.

K e y w o r d s: Bolsheviks, Voroshilov Cavalry Division, *kolkhoz* Cossacks, Cossack youth, Stakhanovites, festivities.

Alexander Shklyaev
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

**Fabricated Cases as Provocation Against Ethnic Minorities
in the 1930s (the Case 'SOFIN' and Suppression
of the Finno-Ugric Intelligentsia) 254**

The article discusses the technology and consequences of the case 'SOFIN' fabricated by OGPU – NKVD in the 1930s as a part of a more general provocation project aimed at restricting creative and civil freedom of the Finno-Ugric intelligentsia and coercing them into obedience. This project served the interests of the Soviet and party bureaucracy, who sought to retain their political power by suppressing any form of dissent.

K e y w o r d s: case 'SOFIN', case of Kuzebai Gerd, bureacracy, Soviet and party ruling class (*nomenklatura*), national question and class struggle, ethnic *nomenklatura.*

Artem Churikov
Magnitogorsk State Technical University n. a. G. I. Nosov,
Russia, Magnitogorsk

Soviet Economic Mobilization:
Theory and Practice of Stalin's Modernization 258

The article discusses the strengths and downsides of the Soviet planned economy in the period of mobilization by focusing on the case of industrial evacuation.

K e y w o r d s: economic mobilization, planned economy, evacuation of industrial enterprises, Stalinist forced modernization.

Evgeny Ostanin
Vyatka State University, Kirov, Russia

The Destroyed Church: Struggle of Believers Against the Demolition
of Feodorovskaya Church in Kirov in 1962 and 1963 267

The article analyzes unique documents from the personal archive of outstanding Orthodox dissident B. V. Talantov. The article focuses on the case of dramatic struggle of Vyatka believers against the anti-religion policy of the Soviet government in 1958–1964.

K e y w o r d s: anti-religion campaign, Boris Talantov, civil society, Russian Orthodox Church, Vyatka diocese.

Section 5
PROBLEMS OF HISTORICAL METHODOLOGY,
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Alexander Kharitonov
Pacific Geographical Institute, Far-Eastern Branch of the Russian Academy
of Sciences, Vladivostok, Russia

Position of Ancient Rus on the Global Map
in Medieval Arabic Literature 276

Modern historians hardly use medieval Arabic literature for geographical information and, yet, value it as a rich source for data on the peoples of Russia. The author explores the reasons for this surprising situation.

K e y w o r d s: Ancient Rus, Horde, Arta, Slavia, Bulgarian Empire.

Sardana Kopyrina, Kirill Ulanov
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Documents and Brief History of the Industrial Land Use
in Siberia in the Eighteenth Century 283

The article analyzes documents of the state archive of Sverdlovsk region and reconstructs the history of industrial land use in Siberia in the eighteenth century. It was in this period that the water and land transport infrastructure started to be organized to connect the Urals with other Russian regions.

K e y w o r d s: eighteenth-century history of Siberia, Siberia, industry, *doschanik*, foreign specialists, industrial land use, eighteenth century, caravans.

Alevtina Safronova
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Archival Materials on Children's Literacy and Factory Schools in the Urals in 1721–1734 289

The article provides an overview of the main documents containing information on children's literacy in the Urals: local government's decrees enforcing attendance of factory schools; legal acts of the supreme and central government regulating school enrollment; and school registers, for example, registers of the first schools that taught calculus to those children who had learnt to read and write at home.

K e y w o r d s: Ural, factory schools, children's literacy, Vasily Tatischev

Ludmila Mazur*, *Oleg Gorbachev
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Sources of Mass Data on the History of the Russian Peasant Family in the Twentieth Century 304

Studies in the history of the peasant family tend to rely on statistical sources, primarily the published results of population censuses. Apart from the census records, there are, however, sets of mass data which can be used to reconstruct the structure and dynamics of the family on different stages of its development: for example, materials of budget studies, household registries and civil registries. These documents provide comprehensive information about family households for modelling of historical and demographic processes. The article outlines the key types of mass data sources on the history of the peasant family and their research potential.

K e y w o r d s: census, budget surveys, continuous population survey, household registers, peasant family, peasant household.

Marat Lyukhudzaev
Museum Resource Centre, Noyabrsk, Russia

Political Struggle in the Urals in the First Half of 1918 (Based on the Materials of SRs' Newspaper 'Nash Put') 321

The Left Socialist Revolutionaries used press (newspaper 'Nash Put' or 'Our Way') to compete for influence in the Urals in the first half of 1917. The article describes the SRs' techniques of agitation and propaganda aimed at increasing the party's public support and appeal. The article also outlines the most important local topics covered by the newspaper in question.

K e y w o r d s: history of political parties, Left Socialist Revolutionaries, Civil War in Russia, party press, Urals.

Mikhail Feldman
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute, Ekaterinburg, Russia

'Rabochy Zhurnal': What a Short Life (the Case of the Trade Union Magazine in the Context of the Relationship Between Ural Workers and the Government in 1922–1924) 330

The article examines the main topics covered by the main trade union periodical in the Ural region – 'Rabochy Zhurnal' ('Workers' Magazine'). Articles of this magazine often reflected the real-life situation, for example, the relationships between the Party, government and trade unions; the privileges of the trade union bureaucracy; and the inability of trade unions to meet the actual needs of workers. Thus, the regional authorities started to perceive this magazine as anti-Bolshevik and it was eventually closed. In the short period of its life, however, 'Rabochy Zhurnal' reported honestly on the conditions of workers' professional and private lives.

K e y w o r d s: Ural, journal, workers, trade unions, party.

Marina Klinova
Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russia

Concepts 'Collectivism' and 'Individualism' in the Soviet Periodical Press in 1946–1953 339

We applied content- and discourse-analysis methods to find evaluative judgements and connotations used by newspaper 'Pravda' and magazine 'Smena' to refer to concepts 'individualism' and 'collectivism' between 1946 and 1953. We found that these concepts were presented as contrasting and were, therefore, accompanied by opposing evaluations. Concept 'collectivism' usually had positive connotations because it denoted the forms of labour and social being that were considered acceptable for a Soviet person while 'individualism' was used to denote morally reprehensible behaviour, for example, distancing from the *kollektiv*.

K e y w o r d s: individualism, collectivism, Soviet periodicals, 'Pravda', 'Smena', formation of public opinion.

Ekaterina Kamenskaya
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Martial Law in Poland in 1981 (Based on Materials of the Regional and Central Soviet Press) 346

The article focuses on how the central and regional Soviet press covered the introduction of Martial Law in Poland in December 1981, which marked the peak of the crises of 1980 –1981. Special attention is given to the ways the mass media used to present the material, the key topics and stories in the news coverage. The article also traces the changing perspectives on the conflict adopted in the Socialist press. A comparison is made between the central and the regional press coverage by using the case of the press in Sverdlovsk region.

K e y w o r d s: Martial Law in Poland, Polish crisis, Soviet press, regional press, Soviet foreign policy.

Andrey Trofimov
Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russia

Public Perception of the 1917 Revolution in Modern Russia and the Change of Mythologemes 361

The article investigates the connection between historical politics and the evolution of mythologized perceptions of the 1917 Revolution in the academia and in the public consciousness of modern Russia. Special emphasis is made on certain aspects of historical mythology characteristic of the 'Soviet', 'anti-Soviet', and 'post-Soviet' discourses.

K e y w o r d s: Revolution of 1917, historical mythology, public beliefs.

Margarita Slavko
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vyborg Branch, St. Petersburg, Russia

Young People's Evaluation of the Civil War in Russia in their Experience of Live-Action Role-Playing Games 374

The article discusses the public perception of the Civil War in Russia reflected in live-action role-playing games (LARPG). The article provides an overview of the most significant recent projects devoted to the Civil War and realized by the Russian LARPG movement. The follow-up materials to these projects are also analyzed.

K e y w o r d s: live-action role-playing games (LARPG), sources, Civil War in Russia, perception of history.

Section 6
THEORY, HISTORY AND MODERN PRACTICE OF ARCHIVING AND DOCUMENT MANAGEMENT

Svetlana Tsemenkova
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Ural Industrial Archives Between the Eighteenth and the Early Twentieth Centuries (the Case of the Archive of the Ural Mining Department) 382

The article describes different aspects of industrial archiving in the Urals in the eighteenth and the nineteenth centuries such as establishment of the archival collection, storage and preservation of documents, records management, cataloguing and arrangement.

K e y w o r d s: history of archives in Russia and the Urals, mining industrial archives, Archive of the Ural Mining Department.

Egor Ogurenko
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Ideologeme 'Soviet Archivist' and its Realization in Soviet Regions in the 1930s and 1940s 390

The article describes the ideologeme 'Soviet archivist' and its practical realization in the daily routines of Sverdlovsk Regional State Archive in the 1930s and 1940s. The article analyzes the formation and development of this ideologeme and its realization in the state archival policy in Soviet regions. The author explores the outcomes of the social project 'Soviet archivist'.

K e y w o r d s: M. N. Pokrovsky, archives in the USSR, Ural archives, Great Patriotic War, Soviet society, Soviet daily life, Soviet archivists.

Olga Kravchenko
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

History of the 'Imperial Alexandrovsky Lyceum' in the Documents of the Royal Museum of the Armed Forces and Military History in Belgium 400

The article provides an overview of publications that were handed over by alumni of the 'Imperial Alexandrovsky Lyceum' to the Royal Museum of the Armed Forces and Military History in Belgium for safe-keeping. These are pre-revolutionary publications of the Lyceum's charters, draft charters, internal documents, books on the history of the Lyceum, lecture materials, and graduate qualification papers, which are important sources of data for studying the history of this elite educational institution.

K e y w o r d s: Association of Alumni of the Imperial Alexandrovsky Lyceum, Royal Museum of the Armed Forces and Military History in Belgium, foundation 'Imperial Alexandrovsky Lyceum', pre-revolutionary publications on the history of the Lyceum.

Maria Dokuchaeva
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Introduction of Electronic Document Flow: How to Overcome the Personnel's Resistance to Change? 417

One of the problems that the management of an organization faces when introducing electronic document flow is the unwillingness of employees on different levels to adopt the new system in their work. The article discusses the case of a large security organization in the energy sector and describes ways of dealing with personnel resistance.

K e y w o r d s: organization, electronic document flow system, documents, document flow, security subdivisions, working group, records management.

Valeria Obukhova*, *Tatyana Selezneva
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Efficiency of Electronic Document System Implementation 436

The article investigates the factors and conditions that determine the efficiency of electronic document system implementation in organizations with a complex management structure and a large amount of data. The theoretical research is supported by the empirical evidence of the specific cases of two large universities in Ekaterinburg – the Ural Federal University and the Russian State Professional Pedagogical University.

K e y w o r d s: electronic document flow system, implementation of an electronic document flow system, implementation results, implementation efficiency.

Ekaterina Pologova
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Web-Site as an Element of Corporate Culture
(Official Web-Sites of Ministries of Sverdlovsk Region) 454

In the modern world, a web-site can be considered as a virtual image of an organization: Internet users form their opinions about organizations depending on their web-sites, which makes the latter an important element of corporate culture. This article analyzes user-friendliness of the official web-sites of ministries of Sverdlovsk region.

K e y w o r d s: official web-site, corporate culture, state agency, ministry.

Section 7
PUBLICATION OF HISTORICAL SOURCES

Tatyana Kandaurova
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

Count Ivan Witt's Writings on Education
of the Russian Nobility and Officer Training 461

The published notes are from the collection of project documentation developed by Count Ivan Witt, who was a general of the Russian Imperial Army. His notes shed light on education of the Russian nobility in the early nineteenth century and officer training system in the period after the Napoleonic wars. The project materials contain the Count's propositions concerning the improvements in officers' training, in the staffing system of the officers corps and the maintenance of the corps in the transition period.

K e y w o r d s: Ministry of War, officer corps, Guards, education of the Russian nobility, homeschooling, Junker schools, cadet corps, boarding schools, universities, officers' allowance, Count Ivan Witt.

Sergey Batischev
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

How Lev Ivanovich Fell Out with Petr Grigorievich over Money: The Case of Financial Litigation Between the New and the Old Owners of Kyshtym Factories (1816) 478

The published document 'Response of the Mining and Salt Mining Department as of 28 December 1816 to L. I. Rastorguev's Request of Refund of the Money for the Iron Sold Abroad Under the Demidovs' Name' allows us to reconstruct the conflict that occurred between L.I.Rastorguev and P.G.Demidov after the former had bought Kyshtym factories. This case is remarkable because it demonstrates the difference between the 'old' and the 'new' type of factory owners, reveals their motivations and illustrates how such disputes were settled. The published document is of interest because it presents an objective view of the situation from the perspective of the Mining and Salt Mining Department, which adhered to the principle of neutrality.

K e y w o r d s: Mining and Salt Mining Department, Demidovs, Rastorguev, iron, money, Kasli and Kyshtym factories.

Alexey Pavlenko
Russian State Professional Pedagogical University,
Ekaterinburg, Russia

Alexander Kolchak and the Revolutionary Government of Sevastopol in 1917: from Alliance to Confrontation 485

These historical sources shed light on the relationship between the Commander of the Black Sea Fleet Vice-Admiral Alexander Kolchak and the revolutionary government in Sevastopol. These documents show the evolution of their alliance in March and April, followed by their confrontation in May and June of 1917.

K e y w o r d s: Alexander Kolchak, Revolution of 1917, Sevastopol, Black Sea Fleet, Sevastopol Soviet.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1
ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА

Ившин В. С.
Культурно-цивилизационный диалог: А. С. Шишков и Европа 3

Рябов С. М.
Шарль де Данзей: дипломат-гугенот
на службе французского католического двора 13

Умеренкова А. А.
Формирование института государственной
гражданской службы Великобритании во второй половине XIX в. 22

Соловьев А. В.
Наступление группы армий «Север»
на Ленинград (август-сентябрь 1941 г.): фактор времени 27

Ваулина Е. О.
Охрана памятников истории и архитектуры:
административно-организационный аспект 34

Сидоркина Т. С.
Деятельность Президентского центра Б. Н. Ельцина
(на материалах официальной группы центра Vkontakte) 43

Раздел 2
ИСТОРИЯ РОССИИ И УРАЛА
В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Цеменкова С. И., *Черноухов А. В.*
«Одна квартира не потребовалась…», или Дума о тех,
кто создавал биографию и славу уральской индустрии 51

Бакшаев А. А.
Нормативная база деятельности казенных заводов Урала
в конце XVIII – первой половине XIX в. 55

Коршунков В. А.
Преступления и наказания дьячка Замятина: как в XIX в.
руководство Вятской епархии перевоспитывало своих подначальных 65

Мешалкина С. С.
Именной указ 1865 г. «О даровании некоторых облегчений и удобств
отечественной печати» как исторический источник 83

Бахарев Д. С.
Армянская апостольская церковь в Екатеринбурге:
история и современность 88

Раздел 3
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА,
1917–1930-е гг.

Соколов А. С.
Настроения граждан в условиях аннулирования ценных бумаг (1918): социальный аспект 97

Вебер М. И.
Борьба РКП(б) с другими социалистическими партиями на Урале в 1919–1922 гг. 102

Кругликова Г. А.
Охрана историко-культурного наследия в первые годы Советской власти (на материалах Урала) 110

Сильченко И. С.
Преступность в рядах милиции Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг. 119

Иванова Е. К.
Организация общественного пользования книгами в библиотеках Чувашии в 1920–1925 гг. 125

Аппаева Ж. М.
О некоторых особенностях «революционных преобразований» в Кабардино-Балкарии в 1920–1940-х гг. 134

Соегов М.
Какую ответственность в деле развития туркменского языка нес ответственный (первый) секретарь ЦК КП(б) Туркменистана в 1928 г.? 143

Антошкин А. В.
Развитие государственной розничной торговли в Башкирии во второй половине 1930-х гг. 150

Шкерин В. А.
Политика против экономики: реалии сталинской индустриализации на примере становления Уральского турбинного завода 158

Никиташина С. О.
Дмитрий Иванович Мушкетов: семья и годы учебы в гимназии 174

Перцев В. А.
Социальные катаклизмы конца 1920-х – начала 1930-х гг. в региональном измерении: на материалах Центрально-Черноземной области 186

Раздел 4
СТРАНА СОВЕТОВ В КОНТЕКСТЕ
ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Коваленко С. В.
Советская педагогика как инструмент социального проектирования 196

Лугвин С. Б.
Формирование советской системы административного управления
в контексте большевистской модели модернизации 203

Яковлева И. П.
Роль органов общественного и государственного контроля
в реализации идеологемы государства диктатуры пролетариата 212

Хакимов Р. Ш.
Социалистическая реконструкция и эксплуатация энтузиазма
в СССР в 1918–1930-х гг. 217

Кутузова А. А.
Советская историческая наука: развитие или стагнация? 225

Левченко В. В.
Генерации одесских ученых-историков в условиях
большевистского режима (1917–1930-е гг.):
от политических репрессий к интеллектуальному повиновению 228

Маркова С. В.
Революция и медицинская профессура (1918–1920-е гг.) 236

Липатов А. В., Такташева Ф. А.
Социалистическое преобразование города в 1930-е гг.:
Сталинград как социально-экономический центр Нижнего Поволжья 241

Скорик А. П.
Советское казачество как социально-политический проект
на юге России середины 1930-х гг. 246

Шкляев А. Г.
Технология провокационных проектов
в межнациональной сфере в 1930-е гг.
(Дело «СОФИН» и разгром финно-угорской интеллигенции) 254

Чуриков А. В.
Советская мобилизационная экономика:
теория и практика сталинской модернизации 258

Останин Е. С.
Взорванный храм: борьба верующих против уничтожения
Феодоровской церкви г. Кирова в 1962–1963 гг. 267

Раздел 5
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Харитонов А. М.
Представление о месте Древней Руси на карте мира
в арабской географической литературе средних веков 276

Копырина С. Н., *Уланов К. А.*
Документы и краткая история
о начале промышленного освоения Сибири в XVIII в. 283

Сафронова А. М.
Документы о грамотности детей на горнозаводском Урале в 1721–1734 гг. 289

Мазур Л. Н., *Горбачев О. В.*
Массовые источники по истории крестьянской семьи в России в XX в. 304

Люхудзаев М. И.
Партийная печать левых эсеров в борьбе за влияние на Урале
в первой половине 1918 г. (по материалам газеты «Наш путь») 321

Фельдман М. А.
«Рабочий журнал»: такая короткая жизнь
(судьба профсоюзного журнала в контексте отношений власти
и рабочего социума Урала в 1922–1924 гг.) 330

Клинова М. А.
Понятия «коллективизм» и «индивидуализм»
в советской периодической печати 1946–1953 гг. 339

Каменская Е. В.
Введение военного положения в Польше в 1981 г.
(по страницам советской центральной и региональной прессы) 346

Трофимов А. В.
Революция 1917 г. в общественном сознании современной России:
смена мифологем 361

Славко М. А.
Оценка событий Гражданской войны в России современной молодежью:
на материалах игр живого действия 374

Раздел 6
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА
ДОКУМЕНТАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И АРХИВНОГО ДЕЛА

Цеменкова С. И.
Архивоведческая практика горнозаводского дела Урала
в XVIII – начале XX в.
(на примере архива Уральского горного управления) 382

Огуренко Е. В.
Идеологема «советский архивист» и ее реализация в провинции на рубеже 1930–1940-х гг. 390

Кравченко О. С.
Описание изданий из фонда Императорского Александровского лицея, хранящихся в Королевском музее армии и военной истории Бельгии 400

Докучаева М. А.
Электронный документооборот: как преодолеть сопротивление? 417

Обухова В. О., Селезнева Т. А.
К вопросу об эффективности внедрения систем электронного документооборота 436

Пологова Е. В.
Сайт как элемент корпоративной культуры (на примере официальных сайтов министерств Свердловской области) 454

Раздел 7
ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Кандаурова Т. Н.
Генерал граф И. О. Витт о воспитании российского дворянства и подготовке офицерского корпуса 461

Батищев С. Д.
Как Лев Иванович с Петром Григорьевичем о деньгах спорили: случай из практики разрешения финансовой тяжбы новыми и старыми владельцами Кыштымских заводов (1816) 478

Павленко А. П.
А. В. Колчак и органы революционной власти Севастополя в 1917 г.: от союза к конфронтации 485

Сведения об авторах 507

Список основных сокращений 512

Summary 516

Научное издание

ДОКУМЕНТ
АРХИВ
ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных трудов

Выпуск 18

Издается с 2001 г.

Электронные версии сборника
«Документ. Архив. История. Современность»
см. на сайте:
http:/hist.igni.urfu.ru/dais/index.htm

Редактор *В. И. Попова*
Корректор *В. И. Попова*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

Подписано в печать 30.06.18
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 31,39. Тираж 100 экз. Заказ 227

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: + (343) 389-94-76, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
Сайт: http://print.urfu.ru

Для заметок